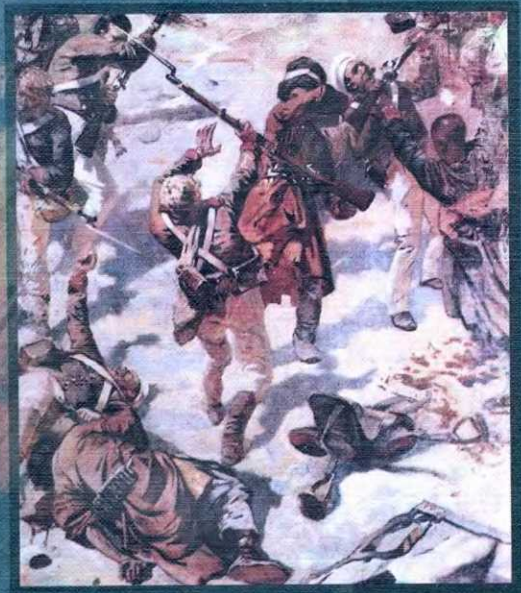
Даргинская трагедия

1845 год

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Даргинская трагедия

1845 год

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Даргинская трагедия

1845 год

Издательство журнала «Звезда»
Санкт-Петербург 2001

ББК 84 Р7
Д 20

Руководитель проекта *Я. А. Гордин*

Составление и подготовка текстов *Г. Г. Лисициной*

Комментарии *Б. П. Миловидова*

Многотомное издание «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» осуществляется при поддержке правительства республики Швейцария, Института «Открытое Общество» (фонд Сороса), Генерального директора ОАО «Ленэнерго» А. Н. Лихачева.

Издательство приносит искреннюю благодарность за содействие личному представителю Председателя ОБСЕ по Северному Кавказу (1999–2000 гг.) госпоже Хайди Тальявини, послу республики Швейцария, а также благодарит за активное сотрудничество Европейский Университет в Санкт-Петербурге.

ISBN 5-94214-021-9

© ООО «Издательство журнала «Звезда», состав., 2001
© Г. Г. Лисицына, составление, вст. статья, 2001
© Б. П. Миловидов, комментарии, указатели, 2001
© В.А. Гусаков, худож. оформление, 2001

ДАРГИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1845 ГОДА В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

В Кавказской войне XIX столетия немало драматических страниц. Экспедиция графа М.С. Воронцова в резиденцию Шамиля, селение Дарго, одна из самых трагических. Официальный Петербург осыпал участников похода наградами, граф Воронцов получил титул князя, но общественная память запечатлела эти события как тяжелое поражение русской армии в войне с горцами летом 1845 года, а ее непосредственные участники неоднократно возвращались к ним в своих воспоминаниях, переживая их вновь и вновь, переосмысливая цену побед и поражений.

* * *

1840-е годы принесли крупные успехи Шамилю, он получил свежее подкрепление в результате объединения под своей властью вольных обществ Дагестана и тайпов Чечни. Полководческий талант и выдающиеся способности организатора позволили Шамилю создать надежный аппарат управления в лице фанатично преданных ему наибов. В июне 1841 года главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин писал военному министру кн. А.И. Чернышеву: «Можно сказать утвердительно, что мы еще не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной, той самой, которою в начале исламизма меч Муххамеда поколебал три части вселенной».[1]

В монографии «Кавказская война» историки М.М. Блиев и В.В. Дегоев, анализируя ситуацию на Кавказе этого периода, приходят к выводам о том, что «быстрое и широкое распространение власти Шамиля обусловливалось, разумеется, прежде всего, внутренними социальными процессами в горских обществах. Но определенную роль здесь сыграли и другие обстоятельства».[2] Политика Николая I, которая строилась на оборонительных началах, давала возможность Шамилю занять выгодную идеологическую позицию, распространяя среди горцев убеждение о бессилии русских, и, таким образом, поднять свой престиж. Кроме объективных трудностей, по мнению авторов, немалую роль играл субъективный фактор: острые разногласия между генералом П.Х. Граб-

бе и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генералом Е. А. Головиным. Эти разногласия стали одной из важных причин военных неудач: «Полученное Граббе высочайшее разрешение действовать самостоятельно, не подчиняясь командованию в Тифлисе, не улучшило положения дел; напротив, оно привело к серьезной ошибке — походу в Дарго...»[3]

С 1840 по 1843 годы власть Шамиля достигла огромных размеров, начался период «...серьезных и чувствительных неудач... вследствие неправильного, нецелеобразного ведения политики и войны на Кавказе...»[4] Генерал Муса-паша Кундухов, состоящий на русской службе, выразил свое, во многом справедливое мнение о действии правительства в Восточном Кавказе. По поводу результатов визита на Кавказ императора он писал: «По-моему, будет очень справедливо назвать главной причиной бывшей 25-летней жестокой борьбы, т.е. восстания всего Восточного Кавказа и неограниченной власти там и в Чечне Шамиля невнимание Николая к справедливым просьбам всех мирных горцев, которым он на место страха внушил сознание унизительности их положения и сильную к себе вражду. Царь вместо того, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать ожидания от него народа и строго приказать начальству беречь благосостояние страны, приказал держать наименее между горцами терпеливых чеченцев под сильным страхом!! Не менее горцев сам ошибся в своих ожиданиях, ему в голову не приходила возможность... кровавой войны».[5]

После многих поражений начала 40-х годов, стоивших русским огромных потерь, генерал Граббе был отправлен в отставку, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин был заменен генералом А.И. Нейдгардтом, но, в сущности, почти ничего не изменилось. Генерал Нейдгардт был лишен возможности принимать самостоятельные решения, распоряжения о стратегии и тактике военных действий приходили из Петербурга. Подготовка к походу в Дарго началась еще в 1844 году. На Кавказ был переброшен 5-й пехотный корпус, в задачи которого входило: взять реванш у Шамиля за поражения в 1843 году, утвердиться в горах и построить новую передовую Чеченскую линию. Из этих задач выполнено было немного: покорены жители двух селений — Акуши и Цудахара, начато укрепление на передовой Чеченской линии. Чтобы завершить задуманное, Николай I хотел одним решающим ударом уничтожить Шамиля. План, разработанный в Петербурге, не отличался оригинальностью. Правительство Николая Павловича хотя и было озабочено положением дел на Кавказе, оказалось не в состоянии отказаться от привычных стереотипов, под влиянием которых в конце 1844 года возник план покорения горцев. Он был строг и лаконичен: «1) Разбить, буде можно, скопища Шамиля. 2) Проникнуть в центр его владычества. 3) В нем утвердиться».[6]

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал А.И. Нейдгардт, которого многие, особенно в Петербурге, упрекали в бездействии и безынициативности, по-видимому, действительно не спешил исполнять волю

Николая Павловича. По этому поводу Б.М. Колюбакин, исследователь истории Даргинской экспедиции, писал: «...ген[ерал]-адъют[ант] Нейдгардт поступил прямодушнее графа Воронцова в 1845 г., не предприняв этого бесцельного и погибельного Даргинского похода, за исполнение которого, даже не веря в его успех, взялся граф Воронцов».[7] На Кавказе понимали то, чего никак не могли понять в Петербурге: время многочисленных, обремененных обозами экспедиций прошло, опыт продемонстрировал их полную неэффективность. Еще в августе 1844 года командир Самурского отряда генерал кн. М.З. Аргутинский-Долгоруков писал генералу Нейгардту о своих опасениях относительно результатов экспедиции, которые впоследствии оправдались: «Войска, двинувшись вперед, будут иметь более или менее жаркие дела с неприятелем, что, однако ж, не помешает им, может быть идти вперед. Неприятель, по мере движения нашего вперед, будет отступать в глубь страны, хотя, конечно, терпя урон от бою, но не расстраиваясь совершенно. Дальность отступления неприятеля будет зависеть от дальности движения войск наших, и неприятель, без сомнения, пользуясь местностью и большею движимостью, всегда имеет возможность предохранить себя от наших решительных ударов... Движение наше в глубь страны будет зависеть от запасов продовольствия, которые будем иметь с собою, но во всяком случае должно будет прекращено, так сказать, в виду более или менее сильного неприятеля, который при возвращении нашем не упустит случая преследовать войска наши, к чему также будет много способствовать большая его движимость (случилось именно так, почти постоянно отряд Воронцова испытывал нехватку продовольствия и фуража, болели люди, погибали лошади, самым трагическим эпизодом стала «сухарная экспедиция» за продовольствием. — *Г. Л.*)... Таким образом, край, в который мы сделаем вторжение, будет опять оставлен нами. Кроме некоторого разорения, которому подвергнутся жители, средства неприятеля, заключающиеся в его вооруженных силах, останутся без большого изменения (так и случилось, оставили, причем с большими потерями, и если бы не помощь генерала Фрейтага, результаты были бы еще трагичнее. — *Г. Л.*)... Нельзя, однако ж, предполагать, чтобы войска при движении этом, которые необходимо должны быть, не расстроили материального своего состава и тем не сделались бы менее способными к тем движениям, которые необходимо должны быть зимою, когда неприятель, пользуясь удалением войск наших на зимние квартиры, будет делать покушения возвратить те потери, которые уже он имеет в настоящее время... Наступательное движение наше в Аварию, Гумбет и Андию и возвращение оттуда без всяких по вероятности решительных результатов, не может произвести выгодного для нас впечатления, как в жителях занятого ныне неприятелем края, так и во всех жителях Дагестана, ныне нам покорных (действительно, авторитет Шамиля укрепился, а русской армии сильно пошатнулся — это обстоятельство признавалось многими. — *Г. Л.*)... Движение наше в край, кото-

рый в следующем году необходимо должен быть прочно занят нашими войсками, откроет неприятелю самые удобные пути вторжения и даже по неудачам, которые могут быть им теперь испытаны, научит его употребить на следующий год все средства к сильнейшему нам сопротивлению на более слабых пунктах его оборонительной линии (в 1846 г. Шамиль предпринял дерзкое и успешное вторжение в Кабарду. — *Г. Л.*)... Доложив Вашему превосходительству о последствиях вторжения, которые по моему мнению должны по вероятности последовать, я обращаюсь теперь к вопросу Вашего превосходительства, считаю ли я возможным вторжение в Аварию с войсками, для того предназначенными? Не давая решительного ответа, можно ли это сделать, я, однако ж, уверенный в войсках вверенного мне отряда, смело могу сказать, что войска эти сделают все, что от них будет требоваться. Более сильное сопротивление неприятеля увеличит только потери храбрых, но предприятие может удастся. Остается только решить, будут ли потери соответствовать последствиям этой экспедиции (все произошло так, как предполагал Аргутинский — огромные жертвы среди личного состава: потеря трех генералов, большого числа лучших офицеров, невероятное терпение «нижних чинов» во время лишений, сопровождавших отряд Воронцова на всем пути его следования, оказались совершенно неадекватными результатам экспедиции. — *Г. Л.*)».[8] Далее Аргутинский предлагал свой план, в котором важное место отводилось мероприятиям по закреплению в уже завоеванных районах, постройке укреплений, разработке дорог и т.п., но он не был принят во внимание. Нейдгардту было предписано заниматься всеми необходимыми приготовлениями для похода в Дарго, но он не успел ничего сделать, так как вскоре последовала отставка.

Для осуществления петербургского плана был назначен новый главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и кавказский наместник гр. М.С. Воронцов. Почему Николай I остановил свой выбор именно на нем, до сих пор не вполне понятно. По этому поводу существуют разные мнения. По свидетельству А.М. Корфа,[9] первоначально на должность наместника Николай предполагал назначить генерала Д.А. Герштейнцвейга, командира сводного кавалерийского корпуса, в чьем ведении находились новороссийские военные поселения. Генерал Герштейнцвейг отклонил это предложение, и тогда возникла кандидатура новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова. Воронцов не был царским фаворитом,[10] но рекомендации, данные ему, позволили Николаю I остановить свой выбор именно на нем. Было опасение, что Воронцов, которому уже исполнилось шестьдесят четыре года, откажется принять на себя управление еще одним краем, тем более что на значительной его территории шла война с горцами, но Воронцов принял это назначение. Для него было «немыслимо не преклониться перед священной волей (Государя. — *Г. Л.*). Я был бы не русский, если бы посмел не пойти туда, куда Царь велит»,[11] такова была его реакция на предложение Николая I.

Воронцов, получив в Петербурге все необходимые полномочия и рекомендации, в сопровождении военной молодежи, охваченной романтическим энтузиазмом, отправился на Кавказ. «Громкая слава и высокое положение графа М.С., — писал Н.П. Беклемишев, — заманчивость блестящих подвигов и самый характер Кавказской войны всех увлекали. К числу многих представителей самого цвета русского дворянства, собравшихся под знамена графа М.С., присоединился принц Александр Гессен-Дармстатский. В то время я тоже был молод и вполне увлекался поэзию боевой веселой и приятной жизни...»[12]

Совершенно по иному реагировали на новое назначение, а в особенности на планы Петербурга, опытные кавказские военачальники генералы кн. М.З. Аргутинский-Долгоруков, Р.К. Фрейтаг, И.М. Лабынцев. Взгляды самого Воронцова на необходимость экспедиции в Дагестан тоже претерпевали изменения, но не настолько, чтобы отказаться от нее. 25 апреля 1845 года он еще был «оптимистически» настроен и писал по этому поводу военному министру кн. А.И. Чернышеву: «Если бы даже полученное мною приказание действовать в этом году наступательно, прежде чем вновь приняться за устройство передовой Чеченской линии, было противно моему мнению, как не согласны с ним все здешние генералы, то все же я бы исполнил его с тем же рвением; но я откровенно говорю здесь всем, что это также и мое мнение и что мне кажется неблагоразумным избегать встречи с Шамилем и возможности нанести ему вред, что устроит наши дела лучше всего. Если Богу неугодно будет благословить нас успехом, мы все-таки сделаем наш долг, не будем виноваты и обратимся тогда — несколько позже к методической системе, которая принесет плоды, но, разумеется, не так скоро, как в том случае, когда мы одержали бы успех в борьбе с самим Шамилем».[13] Это письмо наглядно демонстрирует позицию Воронцова, который ни за что не хотел брать на себя ответственность: ни за решение Петербурга (получил приказ и выполняет его), ни за исход дела («...сделаем наш долг, но не будем виноваты...»). Он не хотел испытывать судьбу отказом от планов Николая I. Еще в Петербурге он давал заверения в полном своем согласии с ними, но тогда он доподлинно не знал обстановки на Кавказе, несмотря на то, что встречался и консультировался с генералом Ермоловым. Приехав на Кавказ и ознакомившись с обстановкой, зная мнения «здешних генералов», он все же не решился на отказ (даже временный) или корректировку планов, разработанных в Петербурге, хотя получил на Кавказе власть, какую до того времени не имел ни один главнокомандующий и главноуправляющий (обе должности соединялись в одном лице). «Никогда еще начальник не являлся в той стране облеченный такой властью, столько могущественный, в такой высокой у государя доверенности, — писал Воронцову бывший «проконсул» Кавказа А.П. Ермолов. — Тебе никто из министров не осмелится делать препятствий, и еще менее вредить могут...

Словом, Император имеет в тебе достойного намсстника. Знаменитый и по справедливости незабвенный князь Цицианов далеко не имел равных способов».[14] Не имел такой власти и сам Ермолов. Приняв решение непременно «исполнить долг», но не веря в успех экспедиции, гр. Воронцов писал 26 мая Ермолову более откровенно: «Будем искать Шамиля; но даст ли нам случай ему вредить, один Бог это ведает... Боюсь, что в России вообще много ожидают от нашего предприятия... Надеюсь мы ничего не сделаем дурного; но весьма может статься, что не будет возможности сделать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тут не было...»[15] Опасения Воронцова не оправдались, его не сочли виновным в провале экспедиции, более того — осыпали наградами.

Уже отлично понимая, что от него ждут гораздо большего, чем он может дать, Воронцов все же предупреждал военного министра кн. Чернышева 30 мая, перед самым началом похода: «Повергните меня к стопам Его Величества, я не смею и надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность».[16]

В походе на Дарго определено было участвовать Чеченскому отряду под командованием генерала А.Н. Лидерса, Дагестанскому отряду под командованием легендарного кавказского военачальника генерала кн. В.О. Бебутова. Официальной датой начала Даргинской экспедиции считается 31 мая, когда Чеченский отряд вышел из крепости Внезапной, он состоял из авангарда, которым командовал генерал С.Д. Безобразов, главного отряда — возглавляемого генералом Ф. К. Клюге фон Клюгенау, и арьергарда — под командованием генерала Б. Б. Фока.

В состав Чеченского отряда входили: 12 батальонов из пехотных полков (Литовского, Прагского, Люблинского, Замосцкого, Навагинского, Куринского, Кабардинского) 13-й, 15-й и 20-й пехотных дивизий; 2 роты 5-го саперного батальона, рота Кавказского стрелкового батальона и 2 дружины Грузинской пешей милиции (1000 чел.); 13 сотен Кавказских линейных казачьих полков (Кавказского, Кубанского, Ставропольского, Моздокского, милиции — Кабардинской, Дигорской и Грузинской); батарей Кавказской гренадерской, 14-й и 20-й артиллерийских бригад (всего 28 орудий); перевозочные средства — черводарский транспорт (1000 вьючных лошадей) и запасной парк 14-й артиллерийской бригады, состоящий из 20 ящиков и 200 вьюков.[17]

Дагестанский отряд начал движение из Темир-Хан-Шуры, он состоял из 9 батальонов пехотных полков (Минского, Житомирского, Апшеронского, Кабардинского) 14-й, 19-й и 20-й пехотных дивизий, 2-х рот 5-го саперного батальона, 2-х рот Кавказского стрелкового батальона; 3-х сотен Кавказских линейных казачьих полков (Гребенского, Кизлярского Семейного, Донского казачьего и Дагестанских всадников); батарей 14-й и 19-й артиллерийских бригад

(всего 18 орудий); перевозочные средства — черводарский транспорт (1000 вьючных лошадей) и полубригада конно-подвижного магазина (380 вьючных лошадей).[18]

Вспомогательная роль в экспедиции была отведена Лезгинскому и Самурскому отрядам, которые по мере продвижения в горы основного отряда гр. Воронцова, должны были отвлекать на себя часть сил неприятеля.

По общему замыслу, все отряды, включенные в экспедицию, начинали движение одновременно, как и полагается по законам военного жанра, однако генералу Г.Е. Шварцу, командиру Лезгинского отряда, пришлось отступить от первоначального плана. Накануне ему стало известно о сборе большого отряда неприятеля на хребте Маалрас, через который пролегал путь Лезгинского отряда. Шварц вынужден был начать военные действия против горцев уже 25 мая. Он выслал отряд из Белокан по направлению к горам Маалраса. Как выяснилось, в горах скрывался отряд лезгин численностью 2000 человек, высланных Елисуйским султаном Даниель-беком на помощь Шамилю.[19] Разбить лезгин не удалось и Шварцу пришлось идти с подмогой и оттеснить лезгин. 29 мая передовые части Лезгинского отряда поджидали прибытия последнего эшелона, чтобы продолжить движение в горы по намеченному плану, но и это ему не удалось. 31 мая у горы Кок отряд встретился с горцами, которых было до 5000 человек под предводительством Даниель-бека и муллы Шабана,[20] они «сильно атаковали» Лезгинский отряд, но, несмотря на явное превосходство, были отбиты. Генерал Шварц остановил дальнейшее продвижение своего отряда, чтобы иметь возможность наблюдать за горцами, живущими по соседству с Лезгинской линией, не давая им предпринимать наступательные действия против основных сил отряда гр. Воронцова или против Самурского отряда, действующего со стороны Южного Дагестана.[21]

Самурский отряд, под командованием генерала кн. М.З. Аргутинского-Долгорукова, выступил 1 июня к берегам р. Кара-Койсу, притока Сулака. Переправа через реку оказалась невозможной из-за берега, размытого сильными дождями. Противник собрал свои силы на противоположном левом берегу под командованием Кибит-Магомы. Завязалась перестрелка, но наступательные действия не предпринимались ни одной из сторон, так продолжалось до 5 июня.[22]

Соединение главных сил: Чеченского и Дагестанского отрядов произошло у селения Гертме 3 июня. Главнокомандующий отдал распоряжение занять Теренгульский овраг, незадолго до этого оставленный горцами, а на следующий день, 4 июня, наметил поход в селение Гумбет, которое, по полученным им сведениям, было сильно укреплено горцами. К намеченной цели — Гумбету — вели две дороги. Воронцов, на основании имеющихся донесений, во многом противоречивых, колебался в выборе. Одна из дорог шла через Мичикальский хребет, другая, через перевал Кырк. Главнокомандующий принял реше-

ние лично проверить, насколько перевал Кырк надежен для перехода, назначив экспедицию на 5 июня. Для выполнения намеченной цели Воронцов сформировал специальный отряд, в состав которого вошли батальоны Апшеронского, Литовского, Житомирского, Люблинского, Куринского, Кабардинского полков, дружина пешей грузинской милиции, 8 горных орудий, 3 сотни казаков и 6 сотен конной грузинской и осетинской милиции. Командиром отряда был назначен генерал Д.В. Пассек. Отряд русских двигался по возможности незаметно для горцев, ожидавших его появление со стороны Мичикала. Заметив передвижение русских войск, горцы начали стягиваться из Мичикала на горе Анчимеер, расположенной напротив перевала Кырк. Ознакомившись с местностью, главнокомандующий приказал отряду Пассека занять гору Анчимеер, что было выполнено через два часа после начала операции. Неприятель отступил, по официальным данным отряд горцев насчитывал от 2500 до 3000 человек. Потери со стороны русских составляли 17 человек ранеными.[23] Для закрепления успеха Воронцов приказал Дагестанскому отряду 6 июня выступить к бывшему укреплению Удачное, а остальным частям Чеченского отряда, оставшимся в Теренгуле, подтянуться к горе Анчимеер. С появлением Чеченского отряда, Дагестанский отряд двинулся дальше, на Мичикал. Первая неделя экспедиции вдохновила и главнокомандующего, и всех остальных участников экспедиции, особенно захват горы Анчимеер, когда противник бежал, почти не оказав сопротивления. Этот эпизод нашел отражение у всех мемуаристов. «Успех оружия нашего в деле 5 июня воспламенил еще более ревностное желание войск наших сразиться с неприятелем, а великий наш Государь, получив донесение о взятии горы Анчимеер, в письме своем к вождю кавказских воинов, — высокопарно писал один из них, — ...изволил изъявить Высочайшую благодарность свою войскам в следующих словах: «Скажите же вы и молодцам вашим, что Я, их видевший, их знавший, знал, что и желать и ожидать от них мог и вперед могу, и что Я их благодарю, что доказали, что они все те ж кавказские герои, даром, что ряды пополняются молодыми; к доброму корню легко прививать».[24] Ближайшие события покажут, что радость была преждевременной, можно также утверждать, что с этого момента удача отвернулась от экспедиции, начали сбываться опасения генерала Аргутинского, которые ни Петербург, ни Воронцов не захотели принять к сведению. Многие участники экспедиции позже поняли, что отступление без боя, вероятнее всего, было не трусостью противника, как предполагали, а верным расчетом Шамиля, заманившего в глубь гор огромный отряд русских, движение которого замедлялось из-за его многочисленности, обремененности обозами, орудиями, а впоследствии и ранеными. Кроме того, незнание или игнорирование природных и климатических особенностей горного края стоило отряду тяжелых испытаний и потерь. Генерал Пассек, возглавлявший авангард главного отряда, решил вырваться вперед. Он занял высоты Зунумсер в пятнадцати верстах от Анчимеера. По приказу главнокоманду-

ющего отряд Пассека принял участие в операции «налегке», без ранцев, без теплой одежды, без необходимого запаса продовольствия — эти условия удовлетворяли поставленной задаче, но ситуация вышла из-под контроля. Поспешность Пассека в овладении горой Зунумеер и испортившаяся погода привели к драматическому исходу этой операции. На смену жаркой погоде 5 июня 7 июня, при резком падении температуры, пришли сначала дожди, а потом и снегопад. Морозы на перевале Кырк доходили до 6 градусов.[25] От них страдали войска, находившиеся у подножия горы, но у них были продовольствие и обозы, самые тяжелые испытания выпали на долю солдат из отряда Пассека, которые находились на вершине горы до 11 июня. Солдаты назвали гору Зунумеер «холодной горой», по разным данным число обмороженных там достигало от 200 до 450 человек.[26] Разбирая итоги Даргинской экспедиции, военные долго спорили о роли генерала Пассека в «деле 6 июня». Одни утверждали, что Пассек, бесшабашно храбрый, увлеченный своим честолюбием, оторвал авангард от главных сил, подвергая его опасности быть разбитым прежде, чем главные силы могли бы прийти ему на помощь. Другие становились на защиту генерала, оправдывая все его действия тем, что Пассек, захватив гору Зунумеер, отбросил горцев и тем открыл дорогу к Андийским воротам, что иначе он не мог поступить, ибо неприятель сосредоточил бы свои силы для защиты высот Анди. Существовала и отличная от двух первых точка зрения, которая выражалась в осуждении действий Пассека, но не потому, что он оторвался от главного отряда и мог быть разбит неприятелем, а потому, что в его действиях не было целесообразности. Занятая позиция на Анчимеере уже обеспечивала защиту от горцев, занимавших Мичикал и прямую дорогу в Андию, так что принесенные отрядом Пассека жертвы не носили характера острой необходимости, а были результатом тактического просчета и неумеренных амбиций. В «Обзоре военных действий на Кавказе в 1845 году» — официальной хронике Даргинской экспедиции — драма на горе Зунумеер занимает скромное место, но даже за скупыми фразами казенного отчета четко проглядывается стремление командования любой ценой загладить свои ошибки, за которые была заплачена дорогая цена: «...к вечеру (6 июня. — *Г. Л.*) авангард расположился на высотах Зунумеер; неприятель атаковал было его, но отбит штыками. На этой позиции пробыли до 12 числа (7 дней! — *Г. Л.*), и хотя сильно потерпели от необыкновенного ненастья, стужи и совершенного недостатка в дровах, но оставались там, дабы отступлением не ободрить горцев. С большим трудом, по причине густого тумана, доставлено было авангарду продовольствие и некоторое количество дров и спирту из Дагестанского отряда; но лошади за глубоким снегом не могли иметь травы, и открылся падеж...»[27] 12 числа, наконец, авангард присоединился к главным силам, которые все еще располагались у перевала Кырк, и тоже страдали от непогоды. После соединения авангарда с главным отрядом войска продолжа-

ли движение к намеченной цели, к так называемым Андийским воротам, местности, считавшейся до того времени недоступной для русских.

На 13 июня была назначена операция по овладению неприятельскими завалами перед входом в ущелье и занятие Анди, однако воевать отряду не пришлось. Когда утром 13 июня войска готовились к наступлению, выяснилось, что все селения Анди объяты пламенем. Позже от лазутчиков стало известно, что Шамиль обманом заставил жителей покинуть свои жилища и поджег их, сам же со своими мюридами отошел, предоставив отряду Воронцова без боя занять позиции на Бушуркальских высотах. Было похоже, что Шамиль усомнился в возможности противостоять русским войскам, вооруженным 6-ю легкими орудиями, 18-ю горными единорогами и 2-мя мортирками,[28] поэтому дорога в Андию была открыта. Главнокомандующий дал возможность войскам отдохнуть и отогреться после семи дней ненастной погоды.

Сражение началось утром 14 июня. По плану главнокомандующего силы основного отряда должны были вступить в Андию и завладеть аулами Гогатль и Анди, в которых еще находилась часть неприятельских отрядов. Отряд Воронцова, оставив на всякий случай в резерве эшелон полковника Адлерберга, вошел в Андию двумя колоннами. Местность от аула Анди к вершине хребта Азаль, отделяющего Андию от аулов общества Технуцал на Юго-Западе, идет уступами и на средних уступах расположился со своим войском Шамиль, собрав до 6000 горцев. Заняв выгодную позицию, горцы обстреливали с высот все низменное пространство из трех орудий.[29] В течение всего дня шло сражение за селение Анди и пространство до селения Гогатль, в результате упорных боев Чеченский отряд к ночи занял местность у аула Анди, а Дагестанский — у селения Гогатль. В этот день отряд потерял убитыми 6 человек, из них 1 обер-офицера, им был поручик Кабардинского полка Маевский. В этом сражении, среди других, получили ранения командир батальона Кабардинского полка кн. А.И. Барятинский и штабс-капитан О.В. фон Нейман.[30]

Войска расположились лагерем между аулом Анди и селением Гогатль, продовольствие было на исходе. По мере продвижения отряда в глубину гор подвоз продовольствия, фуража и других припасов становился все более трудным, а для действующего отряда наиболее важным. Главнокомандующий возложил миссию по организации бесперебойной доставки провианта к местам дислокации действующего отряда на командира Дагестанского отряда генерала Бебутова. «Для подвоза продовольствия нельзя уже было рассчитывать на черводаров (лошадей черводарской породы, использовавшихся для вьючных перевозок в походе. — *Г. Л.*), а потому главнокомандующий поручил особенной заботливости князя Бебутова и шамхала Тарковского сформировать вольнонаемный транспорт из подвод жителей шамхальства. Шамхал успел выставить до 500 подвод. Черводары же должны были перевозить провиант от Кырка до Андии и Дарго; в помощь им в кыркинский складочный

магазин из главного отряда направлено было 150 лошадей парка 14-й артиллерийской бригады и 384 лошади конно-подвижного магазина, там же было 124 лошади парка 20-й артиллерийской бригады. Ожидая прибытия транспортов, войска оставались в Андии трое или четверо суток без хлеба, получая только немного водки и мяса и деля один сухарь на десятерых...».[31] Снабжение армии продовольствием во время многодневных и многочисленных экспедиций — одно из самых важных условий их успеха, видимо, командованию необходимо было предусмотреть не один, а несколько вариантов доставки продовольствия, тем более в такую сложную местность, в которой находился действующий отряд. 17 июня главнокомандующий и сам осознал свою ошибку, он писал: «...если мы когда-нибудь пожелаем прочно утвердиться в Андии, то не со стороны Чиркея и Внезапной можем мы получать наше продовольствие; это почти невозможно летом и совершенно невозможно с осени до весны. Если обстоятельства заставят нас снова быть обладателями этой страны, то надо начать занятием и укреплением Маиортупа, как левой оконечности передовой Чеченской линии, потом прорубить в два ружейных выстрела просеку по дороге от Маиортупа к Дарго, устроить хороший форт для 4 или 5 батальонов в Дарго, а оттуда до Анди прогулка».[32] Еще три недели назад, становясь во главе многотысячного отряда, Воронцов был уверен в необходимости идти в горы, не дожидаясь окончания укрепления Чеченской передовой линии и несмотря на предостережения опытных кавказских генералов. Прозрение пришло к нему, когда начались первые испытания, но он продолжал намеченный путь, уже без всяких иллюзий, зная, что экспедиция вряд ли закончится успехом. Его письма с места событий — свидетельства того, насколько необдуманной была идея самого многотысячного похода. «Таким образом, — писал Д. Г. Анучин, исследователь событий Даргинской экспедиции, — с каждым шагом в горы граф Воронцов более и более убеждался, что не горы Дагестана, а обладание плоскостью Чечни служит ключом к водворению спокойствия и нашей власти в восточной части Кавказа, что до совершенного занятия Чечни всякое движение в Нагорный Дагестан будет существенно вредно и опасно для нас, как влекущее за собой убыль в людях, нерешительность действий экспедиционного корпуса и увеличение нравственных сил неприятеля».[33]

Подразделения Дагестанского отряда вошли в состав Чеченского, под командование генерала Лидерса и стали называться «главным действующим отрядом».[34] С 14 по 20 июня войска находились на занятой позиции. Время от времени горцы обстреливали лагерь русских, но главнокомандующий, для экономии патронов, запретил отвечать им. Местом дислокации противник выбрал Азалские высоты, находившиеся вокруг аула Анди, 18 июня численность горцев намного возросла, по данным лазутчиков их было около 2000 человек, возглавлял их сам Шамиль.

Воронцов, желая оттеснить горцев, 20 июня лично возглавил специальный отряд. Когда войска начали выдвигаться из аула Андн и подниматься на перевал Речел, отделяющий Андию от Ичкерии, горцы открыли огонь, но, увидев конницу и грузинскую пешую милицию, поспешили покинуть свои позиции. Кавалерия преследовала их до самой границы общества Технуцал, возвратившись в лагерь 21 июня. Эта операция преследовала несколько целей: дать понять противнику, что перевес в силе остается на стороне русских войск, отвлечь его внимание от транспортов с продовольствием, которые направлялись к лагерю, привлечь на свою сторону тех жителей, которые захотят покровительства русских, и внести исправления в топографические карты, которые оказались не совсем точными. В то время когда войска возвращались через перевал Речел, часть из них была втянута в бой в селении Рикуани, где собралось немало горцев под командованием Хаджи-Мурата, двигающегося на помощь ичкеринцам. После перестрелки Хаджи-Мурат скрылся в горах.

26 июня из укрепления Евгеньевское прибыл транспорт с продовольствием, которого было явно недостаточно, но и это небольшое подкрепление на два-три дня частично решало проблему питания отряда. Большой транспорт в сопровождении генерала Бебутова ожидали только к 1 июля. Из донесения, присланного генералом Бебутовым с малым транспортом, стало известно, что 21 июня его отряд был атакован партией горцев на пути от перевала Буцур к Мичикалу, поэтому движение сопровождалось стычками с ними и колонна прибыла в Мичикал к 10 часам вечера, потеряв убитыми и ранеными 41 человека. Столкновения с горцами задержали отряд с продовольствием на несколько суток, таким образом, он прибыл в Гогатль только 4 июля.

С 21 июня по 1 июля разные подразделения в составе экспедиции участвовали в локальных боях с горцами, которые внимательно следили за их передвижением и провоцировали перестрелки, совершали вылазки к лагерю, т.е. постоянно напоминали о себе.

Распределив продовольствие, боеприпасы и другие необходимые поступления, главнокомандующий назначил на 6 июля поход на Дарго. В селении Гогатль был оставлен отряд под командованием подполковника В.А. Бельгарда. Рано утром 6 июля главные силы отряда выдвинулись по направлению к Дарго. В его состав входили: авангард, под командованием генерала К.Я. Белявского, правая обходная колонна под командованием полковника бар. П.П. Меллер-Закомельского, левая обходная колонна, которой командовал полковник В.М. Козловский, главные силы генерала Ф. К. Клюге фон Клюгенау и арьергард генерала И.М. Лабынцева. В отряд входили: 10,5 батальонов, 4 роты саперов, 3 роты стрелков, 2 дружины пешей грузинской милиции, 4 сотни казаков, 9 сотен конной милиции, 2 легких орудия, 14 горных орудий. В строю находилось 7940 человек пехоты, 1218 человек всадников и 342 артиллериста,[35] всего 9562 человека.

От лагеря до последнего перевала оставалось всего 14 верст, они были преодолены к полудню. Изучив местность, главнокомандующий направил правую колонну занять опушку леса. Генерал Лидерс атаковал горцев, засевших там, и дал возможность авангарду пройти к первому завалу. Овладев им, авангард стал продвигаться по дороге, пролегавшей «...на протяжении трех или четырех верст через густой вековой лес по узкому гребню хребта, имеющему местами ширины не более двух или трех саженей, а с обеих сторон крутые глубокие овраги, также покрытые густым лесом...»[36] Кроме того, дорога на всем протяжении была перекрыта огромными завалами, которые нельзя было обойти, а приходилось «брать с фронта». Выполняя приказ главнокомандующего не вступать в перестрелку во время захвата завалов, войска действовали при помощи холодного оружия.[37] При захвате второго большого завала погиб подполковник генерального штаба 5-го пехотного корпуса Левисон, ранен кн. А.М. Дондуков-Корсаков. Егеря и милиция не давали горцам закрепиться, но это не мешало им, скрываясь между и в вершинах деревьев вести сильный прицельный огонь. У одного из горных орудий в течение четверти часа погибла вся прислуга, и находившийся поблизости генерал Фок собрал несколько человек артиллеристов и стал сам наводить орудие, но в это время получил тяжелое ранение и вскоре скончался. В результате ожесточенного боя неприятель покинул занимаемые им места, но не переставал атаковать колонну, вышедшую из леса на открытое место. Авангард, под командованием генерала Белявского, спустился к пылающему аулу Дарго и занял его. Вместе с авангардом у Дарго расположился биваком главнокомандующий, прибывший с кавалерией. Остальные войска продолжали спуск в течение всей ночи.

Арьергард прибыл на место только к 8 часам утра 7 июля. В этом прослеживается некая закономерность экспедиции в Дарго, когда авангард оказывается далеко впереди остальной части отряда. В похожих ситуациях во время похода погибли два генерала: 6 июля Фок и 11 июля Пассек, но и эти потери в дальнейшем не мешали командующим авангардом придерживаться похожей тактики и терпеть большие потери.

В день взятия Дарго погибли 36 человек: 1 генерал, 1 штаб- и 2 обер-офицера, 28 солдат и 4 милиционера. Ранено — 137 и контужено 32 человека. Общие потери одного дня составили 205 человек и «много лошадей».[38] По сведениям лазутчиков горцы тоже понесли значительный урон в людях, но какой именно, неизвестно.

Рассеявшиеся, при захвате Дарго, горцы не думали сдавать позиций. Шамиль умышленно поджег Дарго и с гор наблюдал за действиями русского отряда. Он всю ночь и утро следующего дня обстреливал ядрами лагерь Воронцова, особенно из селения Белгатой. Главнокомандующий приказал сформировать отряд для отражения противника под командованием генерала Лабынцева.

Отряд состоял из 5-и батальонов разных полков, 4-х рот стрелков, саперов и егерей, 4-х сотен казаков и 2-х — грузинской конной милиции. При нем было 6 горных орудий.[39]

После первой атаки горцы заняли оборону в жилищах Белгатоя, отряд генерала Лабынцева перешел через р. Аксай и быстро выбил противника из селения. За Белгатоем начиналась открытая местность, это давало возможность кавалерии преследовать горцев, а пехота с орудиями заняла позицию у кладбища селения Цонтери — она обеспечивала кавалерии надежное отступление. За отступающей кавалерией следовали отряды горцев. Их тут же атаковала пехота. У кладбища селения Цонтери завязался рукопашный бой, несколько раз оно переходило из рук в руки, но в конце концов осталось за отрядом Лабынцева. К тому времени, когда Лабынцев уже отправил назад кавалерию и приказал отступать к переправе остальным подразделениям отряда, горцы бросились к переправе с целью отрезать им путь к отступлению. Воронцов, наблюдая за действиями отряда Лабынцева, послал ему на помощь две роты егерей с орудиями для обстрела неприятеля. Только артиллерия заставила горцев отказаться от дальнейшего преследования отряда. В операции у селения Белгатой и Цонтери потери составили: 30 человек убитыми и 187 ранеными. Автор «Обзора...» не забыл упомянуть о больших потерях противника, подчеркнув, что на исход вылазки особенно успешно повлияло участие в операции артиллерии.[40]

Казалось бы, задача Лабынцева состояла в том, чтобы отбросить противника подальше от лагеря, согнать его с занятых позиций, чтобы он не мешал находившемуся в лагере отряду. Действительно, генерал Лабынцев выбил горцев из селения Белгатой, преследовал их, затем, при отступлении отряда, горцы преследовали его, а у переправы через Аксай, т. е. у исходной позиции, Воронцов был вынужден прийти на помощь Лабынцеву. Все это вызывает сомнения в эффективности таких вылазок. Нельзя ли было начать с того, чем закончили: пустить в ход артиллерию. После возвращения отряда в лагерь горцы снова заняли левый берег р. Аксай. Их сравнивали с роем мух: их согнали, они разлетелись, а минуту спустя снова на том же месте.

Моральное состояние отряда оставляло желать лучшего: мрачные настроения преобладали среди солдат — снова убитые и раненые, а взамен несколько сожженных домов и небольшая передышка в перестрелке с противником. Уныние объяснялось не столько потерями, к ним кавказские войска привыкли, сколько сознанием того, что потери эти бесполезны. Свидетельством этому была последняя вылазка генерала Лабынцева, еще раз подтвердившая ошибочность стратегии и тактики подобных экспедиций: заняв высоты, не закрепить их за собой. Настроение в войсках не улучшало и почти полное отсутствие провианта и фуража. Кроме того, снова ухудшилась погода: лил дождь со снегом, «...холод увеличивался...и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, в

которых теснились по три человека: одна шинель служила матрацем, две другие — одеялом».[41] Эти погодные условия самым неблагоприятным образом сказались на событиях 10 и 11 июля.

Оставаться в Дарго не было никакого смысла, но и покинуть его до прибытия транспорта с продовольствием Воронцов не мог. Многие обозы по дороге в Дарго были отбиты неприятелем или потеряны в горных ущельях, аул стал для отряда ловушкой, среди солдат начались болезни от недоедания, усилился падеж лошадей, отсутствовали боеприпасы. Возвращаться по старой дороге, по мнению Воронцова, было невозможно, так как горцы сочли бы это отступлением. Оставался один путь — продвигаться вперед по направлению к Герзель-аулу. Генерал Ермолов в переписке с Воронцовым и это его движение назвал отступлением, на что Воронцов горячо возражал Ермолову, но по сути старый генерал был прав, он справедливо заметил: «Ты, как я замечаю, столько же не любишь, как и великий Суворов, слово *отступление*; ибо усиливаешься уверять, что, идучи от Дарго к Герзель-аулу, ты был атакующим, и приводишь в доказательство, что ты шел прямо на неприятельскую позицию. Тогда по всем направлениям были неприятельские позиции, ибо неприятель окружил тебя со всех сторон. Марш из Андии до Дарго принадлежал беспрекословно к движениям наступательным; но неужели князь Бебутов, от Кирки спускаясь к Чиркею, делает движение наступательным? Согласись, по крайней мере, что это скорее назвать должно возвратным путем, каковой был и твой от Дарго до плоскости. Как хочешь, не могу признавать за наступательное движение тобой совершенное. Что ты уклоняешься чести бестрепетного и искусного отступления, которое против горцев труднее всякого другого?»[42] Следует согласиться с тем, что многие потери в даргинской экспедиции обязаны излишней амбициозности ее руководителей, и в первую очередь Воронцова, который, хотя и сделал выводы из полученных уроков, но до конца так и не признал поражения в Дарго.

Транспорт с продовольствием должен был прийти в Дарго 9 или 10 июля. Стало ясно, что через лес колонна не пройдет, Воронцов принял решение разделить свой отряд на два. Один из них под командованием генерала Клюге фон Клюгенау отправить навстречу транспорту: нагрузить ранцы продуктами и боеприпасами и таким образом доставить их в лагерь.

Утром 10 июля в горах показалась колонна провиантского отряда. Отряд генерала Клюге фон Клюгенау двинулся ему навстречу, но из-за ненастной погоды и завалов, устроенных горцами, он сильно растянулся. Когда авангард под начальством генерала Д. В. Пассека прошел уже большую часть пути, неприятелю удалось смять середину колонны, и таким образом отрезать арьергард и окружить его. Генерал В.М. Викторов, командовавший арьергардом, все же отбил атаки горцев и медленно продвигался вперед, но впереди его ожидали новые партии неприятеля, открывшие непрерывный огонь.

Когда же наконец появилась надежда пробить брешь в рядах горцев, генерал Викторов был тяжело ранен. Его солдаты, потеряв два орудия, лошадей и прислугу, сами обратились в бегство. Очевидцы этой трагедии рассказывали, что тяжело раненный генерал Викторов, «поверженный на землю и не имея сил подняться, несмотря на просьбы и обещания наградить того, кто бы его взял, оставлен был в добычу неприятелю и тут же им изрублен».[43]

Потеря большого количества людей и орудий, смерть генерала Викторова и некоторых других командиров, недостаток патронов и снарядов, растерянность генерала Клюге фон Клюгенау — все это самым плачевным образом сказалось на боевом духе солдат, которые после встречи с транспортной колонной должны были на следующий день возвращаться той же дорогой в Дарго.

С момента, когда авангард отряда под командованием генерала Пассека вышел на поляну, где его ожидал подполковник Г.И. Гюллинг с провиантом и боеприпасами, до прибытия сюда же остатков арьергарда прошло несколько часов.[44] Погода прояснилась, но времени для отдыха не было — пока солдаты получали провиант, горцы рубили деревья и строили новые завалы, готовясь к очередной встрече. За ночь к ним присоединились несколько новых групп, что значительно увеличило их численность.

Утром 11 июля отряд отправился в обратный путь. Авангард снова возглавил генерал Пассек, арьергардом командовал раненный накануне полковник Ранжевский. В середине колонны разместились обозы — стрелковые роты защищали ее по ходу справа и слева. Раненых в последний момент было решено отправить с отрядом Гюллинга в Темир-Хан-Шуру. Это решение, как показали дальнейшие события, многим из них спасло жизнь.

Генерал Пассек, как было ему свойственно, вырвался с авангардом вперед, не давая себе особого труда подумать о том, что же будет с обозами. Колонна тем временем растянулась на большое расстояние, стала очень привлекательной и легкой добычей для горцев. Удивительно, что генерал Клюге фон Клюгенау, не усвоив уроков предыдущего дня, вновь вручил командование авангардом Пассеку, который уже не в первый раз зарекомендовал себя на этом месте нелучшим образом. Объяснить это можно либо полной потерей им контроля над ситуацией, либо он считал неудобным назначить на эту роль офицера ниже генерала, либо, как писал А. Л. Зиссерман: «При всем моем уважении к памяти генерала Клюге я, однако, нахожу в этом случае с его стороны непростительную слабость: вероятно, не желая уязвлять самолюбие своего приятеля, он, испытав уже накануне последствия легкомысленно храброго увлечения Пассека, опять поручил ему авангард. Дело было слишком серьезно, чтобы думать о чьем-нибудь самолюбии. Даже напротив, на это раз следовало в авангарде послать менее заносчиво-храброго человека, нужен был хладнокровно-распорядительный, стойкий человек, не забывающий отданных ему приказа-

ний, увлекающегося же Пассека следовало оставить в арьергарде, где его беззаветная удаль принесла бы огромную пользу, а для увлечения не было бы места».[45]

Генерал Д.В. Пассек был молод, отличался легендарной храбростью, был богатырского сложения. На него возлагались большие надежды, но, к сожалению, он был известен и бесшабашной удалью, которая приводила к неосмотрительным поступкам, что и стало причиной его гибели в лесу Ичкерии 11 июля. Генерал Клюгенау чудом остался жив, под ним было убито несколько лошадей, он потерял всю свою свиту, а вместе с ней и свою репутацию. В письме к А.П. Ермолову о генерале Клюгенау Воронцов 18 января 1846 года писал: «...Я не виню его за сухарную экспедицию, как ее называют, которая нам так дорого стоила, хотя, может быть, и тут распоряжения могли быть лучшие, и должен сказать, что во все наши жаркие минуты, от Дарго до Герзель-аула, особливо 14-го, 16-го и 19-го, Клюге показал свою старинную личную храбрость и твердость, стоял грудью и готов был на рукопашный бой; но вместе с тем, скажу тебе, в откровенности, что его военное поприще должно считаться конченым. Храбрость осталась; но решительности на какую-нибудь ответственность, ежели и когда-нибудь была, то теперь уже вовсе нет».[46]

Хотя горцы и теряли в живой силе, но все преимущества были на их стороне: они применяли испытанную тактику — строили завалы из деревьев, камней, не гнушались использовать для этого трупы людей и животных, нагоняя этим на противника физиологический и мистический ужас. Прячась за деревьями и воздвигнутыми преградами, они успешно обстреливали русских. Важным фактором, который нельзя сбрасывать со счетов, было то, что горцы воевали на родной территории, сама природа помогала им, они были незнакомы с военным искусством, распространенным в цивилизованных странах Европы, но очень хорошо умели использовать достоинства горной местности: прятаться, неслышно передвигаться, нападать сзади, если необходимо, не стеснялись разбегаться и отступать, для того, чтобы снова собраться там, где их уже не ждут, оставлять поле боя и сжигать свои жилища, постоянно расстраивая этим планы противника. В страшной неразберихе боя горцы отбили большую часть продуктов, казну, скот и боевые припасы, часть обозов навсегда исчезла в горных обрывах, некоторую их часть стали грабить сами солдаты. В этой кровавой вакханалии тело генерала Викторова уронили в ущелье, тело убитого генерала Пассека было оставлено на поругание, так же как и тела других участников этого трагического похода, прозванного среди солдат «сухарной экспедицией». За два дня, 10 и 11 июля, потери составили: убитыми — кроме двух генералов, 554 человека, ранеными — 770 человек и это только по официальным данным. Потеряв кроме людей, 3 орудия и большую часть обоза, отряд генерала Клюге фон Клюгенау прибыл в Дарго. На подступах к нему ему помогали генералы Лидерс и Гурко с тремя ротами пехоты и частью грузинской милиции.

Не получившему ожидаемого продовольствия и подкрепления Воронцову не оставалось ничего, как начать приготовления к походу на Герзель-аул. К вечеру 12 июля отряд был готов к выступлению в составе около 5000 человек, из которых по официальным сведениям более 700 были ранены, на самом деле раненых должно было быть больше. Воронцов уже не мог надеяться только на силы своего отряда, 13 июля он послал начальнику левого фланга Кавказской линии генералу Фрейтагу приказ идти навстречу главному отряду от Герзель-аула с войсками, которые ему удастся собрать. Для верности приказ был послан в пяти копиях пятью различными путями.[47] Части основного отряда, оставшиеся у временных укреплений у Гогатля и Буцуркале, по приказу Воронцова отступили к Мичикалу, где должны были соединиться под командованием генерала Бебутова.

13 июля, рано утром, отряд под командованием Воронцова начал движение вниз по течению р. Аксай, напротив позиции, которую занимал противник у аула Цонтери. В состав отряда входили: авангард под командованием генерала Белявского, главные силы генерала Клюге фон Клюгенау и арьергард под командованием генерала Лабынцева. Обозы с грузом, раненые и больные двигались в составе главных сил.

Маршрут отряда пролегал мимо аула Белгатой через глубокий овраг, где несколько дней назад сражался отряд Лабынцева. Там снова господствовали горцы, которые не замедлили открыть огонь по передовым порядкам Белявского. Когда весь отряд стянулся к Белгатою, авангард начал восхождение к селению Цонтери, в то время как арьергард еще отбивался от неприятеля. Потеряв 6 человек убитыми, 31 раненными и 5 человек контуженными, отряд расположился лагерем вблизи аула Цонтери. 14 июля отряд продолжал движение к селению Гурдали. Горцы сопровождали его по левому флангу. С боем отряду удалось занять площадку у Гурдали. Шамиль заранее укрепил завалами горный подъем через хребет, отделяющий селение Гурдали от селения Шуани — следующего пункта по направлению к Герзель-аулу. Образовалась котловина, со всех сторон укрепленная завалами, за ними находились удобные для стрельбы позиции горцев. Часть завалов была уничтожена отрядами русских, однако, оставалась еще другая их часть в лесу, занимавшем довольно большое пространство хребта. Генерал Лидерс сам повел войска вперед тремя колоннами и взял завалы штурмом. При этом авангард повторил ту же ошибку, что была допущена накануне 11 июля, он сильно оторвался от остальной части отряда, чем тут же воспользовались горцы и атаковали его. Спасли положение подоспевшие артиллеристы. В это же время горцы напали на обозы и, хотя не отбили их, но успели порубить много раненых. В их числе был убит полковник Завальевский, командир саперов, в этом бою ранение получил полковник Бенкендорф. Его вынес из боя тоже раненый штаб-ротмистр Шепинг. В этот день потери составили: 61 человека убитыми и 220 человек ранеными, контуженными и пропавшими без вести.[48]

15 июля отряд с боями продолжал движение к Герзель-аулу, в этот день было убито 15 человек, ранено и контужено 67 человек.

Движение 16 июля обошлось очень дорого. При подъеме на высоты Шаухал-Берды часть авангарда захватила за оврагом огромный завал, но остальная его часть из саперных рот не смогла это сделать и оказалась в кольце противника. Здесь им пришли на помощь артиллерийские бригады, но саперные роты понесли большой урон. Весь отряд собрался на высотах Шаухал-Берды, атаковал этот аул, захватил его и расположился рядом с ним лагерем. 16 июля горцы, по донесениям лазутчиков, понесли большие потери, но и отряд Воронцова потерял убитыми 109 человек, ранеными и контуженными 430 человек.

Таким образом, отряд Воронцова с большими потерями продвигался к Герзель-аулу. Раненых в отряде было уже вдвое больше — около 1500 человек, патронов почти не осталось, Воронцов понимал, что наступил критический момент, он решил остановиться и ждать подкрепления во главе с генералом Фрейтагом. Однако Шамиль тоже прекрасно понимал, в каком положении оказался Воронцов, и собирал свои партии горцев на высотах правого берега р. Аксай. 17 июля неприятель начал свою атаку лагеря Воронцова, которому отбиваться было практически нечем. В течение двух дней 17 и 18 июля горцы убили 12 человек, ранили 31 человека. Моральное состояние отряда с каждым днем и каждым часом становилось все более тяжелым. Разнесся слух, что раненых оставят в лагере, а остальные будут продолжать движение в Герзель-аул, среди раненых началась паника, но главнокомандующий заверил всех, что никто не будет оставлен.

Наконец, 18 июля в 7 часов вечера по дороге от Мискита показались войска генерала Фрейтага.[49] Генерал привел с собой три сотни казаков, 7,5 батальонов и 13 орудий.[50] Воронцов повел остатки своего отряда ему навстречу. Под прикрытием огня войск Фрейтага отряд Воронцова дошел до урочища Мискит и расположился там лагерем. В этот день потери составили 81 человека ранеными, контуженными и пропавшими без вести — 191.[51]

20 июля войска продолжали движение, подкрепленные свежими силами. Горцы не показывались, и в 4 часа дня главнокомандующий, в сопровождении музыки и песен, прибыл в укрепление Герзель-аул. Войскам был дан отдых, а затем они отправились на свои квартиры, милиция отпущена по домам, а больные и раненые определены в госпитали.

По данным официальной статистики, с 13 по 20 июля отряд Воронцова потерял убитыми 294 человека, ранеными 778 человек, контуженными 143 человека и пропавшими без вести — 40.

Экспедиция 1845 года в резиденцию Шамиля Дарго ошеломила и ее участников, и современников. Она стала символом одного из самых крупных провалов в стратегии и тактике Кавказской войны. Из плана, разработанного Ни-

колаем I, был выполнен только второй пункт: проникновение в центр владычества Шамиля, причем который он и сам оставил. Первый пункт: «Разбить, буде можно, скопища Шамиля» — остался нереализованным. Хотя войска дрались храбро и не упускали возможности схватиться с противником, разбитым оказался отряд Воронцова. Третий пункт: утвердиться в «центре владычества Шамиля» после проникновения в него — оказался наименее выполнимым — это Воронцов хорошо понял уже в процессе экспедиции. Положение самого главнокомандующего оказалось драматическим: он был готов на любые жертвы ради выполнения императорской воли, он убедил себя и окружающих в необходимости этого похода, несмотря на трезвые возражения кавказских генералов, он возглавил 12-тысячный отряд и разделил с ним все, выпавшие на его долю испытания. По мере продвижения отряда в глубь гор, неся ничем не оправданные потери людей, Воронцов понял, что воевать с горцами привычными методами абсолютно бесполезно. В своих донесениях с места событий, с одной стороны, признавая некоторые ошибки, а с другой, не желая «терять лица», он писал: «Все мы, ... в Петербурге и здесь, были в самом полном заблуждении насчет свойства дороги от Анди в Дарго, только пройдя ее, мы могли убедиться в нашей ошибке; но несмотря на все встреченные нами трудности, для преодоления которых необходим был весь героизм наших войск, я не раскаиваюсь, что ходил туда... Здесь, особенно после легкого нашего прибытия в Андию, распространилось общее мнение, что мы должны и можем идти в Дарго, и мне было стыдно возвратиться на плоскость, не разрушив гнезда главного нашего врага; все нравственное влияние было бы потеряно...»[52] Как бы ни дорожил своим престижем главнокомандующий, «нравственное влияние» было сведено к нулю.

Хроника Даргинской экспедиции периодически появлялась на страницах газет, регулярно — в газете «Русский инвалид».[53] Общественность Петербурга и других российских городов имела возможность следить на страницах «Инвалида» за развитием военных действий. Информация о событиях на Кавказе появлялась в газетах примерно через месяц после того, как они свершались, но публикации печатались регулярно в рубрике «Известия с Кавказа» (экспедиция продолжалась с 31 мая по 20 июля). Кроме того, «Русский инвалид» издавал специальные «прибавления» к отдельным номерам, в которых подробно описывались некоторые военные операции, действия солдат и офицеров. Сообщения главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом носили победный характер. Личный состав отряда, осуществлявшего планы Николая I в отношении Шамиля, Воронцов оценивал в самых восторженных выражениях: «Г[оспода] частные начальники, офицеры и нижние чины оживлены наилучшим духом; всякий желает быть впереди и принять участие в действиях, невзирая на трудности и лишения похода, число больных весьма ограничено: одним словом, войска находятся в таком состоянии, в каком Его Величество желает их ви-

деть».[54] 5 июня были взяты Андийские высоты, что открыло путь к далее намеченной цели — Дарго. Однако во время взятия горы Зунумеер произошли трагические события, связанные с непредсказуемостью погоды в высокогорных условиях. Газетные сообщения, безусловно, будоражили общественное мнение читающей публики, особенно той его части, которая прямо или косвенно была причастна к событиям, происходящим на Кавказе: например, если родственники находились в действующих частях кавказской армии. Не оставались равнодушными к «кавказской тематике» и сами бывшие «кавказцы». Одни из них уже вышли в отставку из-за ран, полученных в боях, другие подорвали здоровье в неблагоприятных условиях местного климата, у кого-то вышел срок службы или ссылки, более удачливые получили новые чины и назначения в другие губернии России или в Петербург, но все они продолжали следить за жизнью на Кавказе. Часть грамотного слоя постоянно интересовалась происходившими событиями на Кавказе, но в целом Россия жила своей обособленной жизнью, своими политическими, экономическими, социальными и культурными проблемами. Для большинства населения Кавказ всегда оставался на периферии сознания. Эта ситуация нашла очень характерное выражение в мемуарах военного историка А.Л. Зиссермана. Он отдал службе на Кавказе десятки лет, оставил после себя труды по военной истории и воспоминания: «Помню, — писал он, — как в то пребывание в России меня поразило отсутствие в русском обществе самых элементарных сведений о Кавказе; представления о нем были самые забавные. Конечно, мы всегда больше интересовались положением какой-нибудь Бразилии, чем своего отечества, и неведение оправдывалось крайне ограниченным числом желающих читать; но все же казалось странным, что люди так называемого образованного класса относились с полным равнодушием к окраине, бывшей уже полвека в руках России, содержавшей там двухсоттысячную армию и приносившей громадные жертвы на борьбу с горцами, борьбу, казавшуюся бесконечной. Вопросы, с которыми ко мне обращались, могут показаться плохими анекдотами...»[55]

Даргинская экспедиция вышла за рамки обычных событий, слухи о ней всколыхнули российское общество, такой всплеск общественного внимания был вызван огромными потерями в войсках: из 12-тысячного отряда около 4-х тысяч оказались убитыми и ранеными.

Брожение общественного мнения по поводу результатов экспедиции началось по мере поступления как официальной информации (из газет), так и неофициальной (из личной переписки). Сначала многие факты воспринимались как слухи, об этом красноречиво свидетельствуют письма генерала А. П. Ермолова к гр. М. С. Воронцову, в которых он передает услышанные пересуды. Содержание его писем точно отражает настроения в обществе, царившие в то время: «Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окружен-

ному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля... что если требовано неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить кому-нибудь из генералов... Рассказчики выставляют потерю трех генералов, утверждая, что без сильного поражения этого быть не могло. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобою дух войск должен упасть необходимо и что это, конечно, не легко поправить... Многих встревожило, что главнокомандующего пять адъютантов вдруг могли быть подвержены опасности. Неизвестно кто разгласил, что будто ты вынимал саблю в собственную защиту. Словом, множество нелепостей, одна другой глупейших...»[56]

Подробности об истинных событиях общественность узнает позже из опубликованных мемуаров, в которых спустя десятилетия будут фигурировать не только победные мотивы. Многие «вымыслы» из письма Ермолова найдут подтверждение в воспоминаниях очевидцев. Авторы воспоминаний дадут справедливую оценку и самой цели экспедиции, и способам ее достижения, и цене, за нее заплаченной, а пока же официальный Петербург должен был выйти из положения, не роняя престижа, и делал это с помощью публикации «Обзора военных действий на Кавказе в 1845 г.». В результате российское общество получило официальное объяснение: несмотря на тяжелые условия и опасности, перенесенные войсками «с привычным им терпением и решимостью», наконец дано понять горцам, что русские войска способны проникнуть на территорию, считавшуюся до сих пор недоступной.[57] Эти выводы, по мнению официального Петербурга, должны были положить конец толкам и пересудам.

Правительство признавало, что интерес к походу был не только у тех «кому предстояла честь участвовать в оном, и вообще в жителях здешнего края, но и в большой части России, где знали о приготовлениях к наступлению войск, в страну доселе неизвестную». В этой части «Обзора...» его автор не совсем точен. Попытки продвинуться в высокогорные районы Чечни и Дагестана предпринимались не раз. А.П. Ермолов писал по-этому поводу М.С. Воронцову: «...Итак, не говоря уже за себя, чье имя уже почти не вспоминается среди живущих, но за позднейшие времена скажу, что несправедливо утверждаешь ты, что войска Русские не появлялись там, где были они в прошедшем 1845 году. Частию по самой той дороге, по которой ты шел из Дарго, покойный генерал Розен и генерал Вельяминов переправились через Аксай и далее в селение Беной...Теперь в Москве Бутырский пехотный полк, который, помнится, был даже в Дарго. Оно не имело нынешней знаменитости, ибо не было подозреваемо о Шамиле, и верно его никто не знал. Владычествовал тогда Кази-Мулла...»[58] В мае 1842 года генерал Граббе возглавлял поход, одной из целей которого было «нанести удар в сердце мюридизма»[59] Дарго. Эта крупная по численности войск экспедиция завершилась огромными поте-

рями (убитых и раненых около 1800 человек), не достигнув цели, Граббе, ввиду большого числа раненых и убитых, отступил. Неудачей завершился и следующий его поход в июне того же года к аулу Игали, чтобы закрепиться на Андийском Койсу. Поражения преследовали русское командование и в последующих походах в Чечню и Дагестан. С 1840 по 1843 год Шамиль достиг огромной власти и влияния в этих горных районах. Почти все территории, приобретенные Россией за предыдущие 50 лет, были утрачены, «и восстанавливать утраченное предстояло сызнова...теперь Россия имела дело не с разрозненными племенами, а с государством, в распоряжении которого были тысячи храбрых и фанатичных воинов, послушных воле одного человека».[60] Начиная экспедицию в Дарго, ни правительство, ни наместник кавказский еще не понимали этого. Для них Шамиль был только «разбойником», а его войско «скопищем хищников», «логово» которого они поставили целью уничтожить.

«Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году» лишен и намека на какой-либо анализ экспедиции, проходившей очень неровно и закончившейся большими потерями личного состава, орудий, продовольствия, казенных денег, лошадей. Автор обзора строго придерживается описательного стиля, приводит подробности переходов, отдельных боев, действий командования, состава и численности войск, количества убитых и раненых, не упускает случая отметить храбрость личного состава, замешательство и панику среди горцев, он не ставит под сомнение ни одного из тактических решений главнокомандующего и генералов, хотя на протяжении всей экспедиции их было немало. То, что было известно и самому графу М.С. Воронцову, и его штабу, и строевым офицерам, и рядовым, не должно было стать достоянием широкой общественности. Тем не менее, слухи о трагических итогах экспедиции, тщательно замаскированные командованием в Петербурге и на Кавказе, все же стали достоянием общественного мнения, которое сильно отличалось от официального.

Большой фактический материал, собранный в «Обзоре...», по численности и составу русских отрядов, раненых, погибших, подробные описания событий экспедиции, фактически повторяют содержание журналов военных действий и рапортов командиров. Составленный на основе официальных документов, часть которых к настоящему моменту утрачена, а другая недоступна для исследования, «Обзор...» является ценным историческим источником для изучения Даргинской экспедиции, состояния кавказской армии середины XIX века и Кавказской войны в целом. Никто из мемуаристов и историков не обходил стороной материалов «Обзора...», на протяжении многих десятилетий он был практически единственным опубликованным источником для исследования Даргинской экспедиции. До настоящего времени статистические данные «Обзора...» не подвергались проверке и анализу, поэтому качественный и количе-

ственный состав Даргинского похода, встречающийся в других исследованиях и мемуарах, сравнивается с официальными данными, опубликованными в «Обзоре...».

Интерес к Даргинской экспедиции сохранялся на протяжении многих лет.

В 1855 году в «Военном журнале» в разделе «Военная история» была напечатана небольшая по объему статья «Экспедиция в Дарго 1845 года»,[61] видимо, в связи с десятилетием события. Она представляет собой сжатый очерк о Даргинском походе, написанный по материалам «Обзора...», и не изменяет его победному стилю. Для ее издания, кроме круглой годовщины похода, видимо, были и иные мотивы. В середине 50-х годов на Кавказе сложился переходный период: менялось командование, время князя Воронцова ушло, час князя Барятинского еще не пробил, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьев не пользовался популярностью на должности главнокомандующего и наместника, Кавказ жил ожиданием перемен. Война на Восточном Кавказе продолжалась, но завершение ее было заторможено Крымской войной, необходимы были новые импульсы, в том числе идеологические, чтобы привлечь внимание к проблеме. Анонимная статья, написанная оптимистичным тоном, вполне соответствовала моменту. Ее историографическая ценность невелика, ссылки на источники и литературу не приводятся, по содержанию она в некоторых местах дословно совпадает с «Обзором...», но в сокращенном и обобщенном варианте.

В 1856 году «Артиллерийский журнал» опубликовал «Журнал военных действий артиллерии Чеченского отряда в экспедиции в Дарго в 1845 году».[62]

В 1859 году в «Военном сборнике» под псевдонимом А. — Д.Г. была опубликована работа «Поход 1845 года в Дарго».[63] Автор ее Дмитрий Гаврилович Анучин (1833 — 1900), военный писатель, опирался главным образом на «Обзор...», но дополнительно привлек официальные материалы экспедиции и документы из некоторых частных архивов, снабдил статью собственными комментариями и примечаниями. Приведенная им статистика почти всегда совпадает с данными «Обзора...», правда, встречаются некоторые разночтения. Анучин сделал более объективные выводы из результатов похода. Этот факт заслуживает внимания по той причине, что впервые было публично высказано мнение, идущее в разрез с официальной точкой зрения. Анучин подчеркивал, что движение в горы не может быть самоцелью, идти туда «...прежде, чем мы владеем плоскостями и предгорьями, не только бесполезно, но и опасно...», «...что смелые движения, как бы они не были блестящи, но если за ними следует необходимость уступить обратно горцам занятую часть, принесут нам вред, а не пользу», «...что весь почти 1845 год был потерян, и, употребив огромные силы, мы не подвинулись вперед ни шагу в восточной части Кавказа», «...что экспедиция подорвала в них (горцах. — *Г. Л.*) страх к нашим силам так, что когда весной 1846 года началось обратное движение

частей 5-го пехотного корпуса в Россию, Шамиль произвел движение в Кабарду».[64] В 1859 году, когда вышла статья Анучина, Кавказская война вошла в завершающую стадию, это был год пленения Шамиля и триумфа кавказской армии под командованием князя А.И. Барятинского. Цензура теперь была более снисходительна к освещению событий прошлого и допускала критический тон в их оценках. Еще одной заметной публикацией, посвященной истории Даргинской экспедиции, стала работа А. Ржевуского «1845 год на Кавказе»[65] — это своеобразный обзор событий в восточной и западной частях Кавказа на протяжении 1845 года. Значительное место в нем отведено походу в Дарго. Рассказ о событиях похода является компиляцией из опубликованных ранее работ, посвященных Даргинской экспедиции.

События Даргинской экспедиции достаточно подробно освещены в историях полков, принимавших в ней участие. Истории полков издавались, как правило, к юбилейным датам.[66] В них помещались самые важные события, поэтому поход в Дарго занимает в них заметное место. Главы, посвященные ему, написаны на материалах высочайших приказов, полковых архивов, главным образом, журналов важнейшим событиям в полку за 1845 г., донесений гр. Воронцова императору, приказов по Отдельному Кавказскому корпусу, донесений полковых командиров, воспоминаний участников Даргинского похода. Истории полков, написанные с привлечением архивных документов, дают богатейший фактический материал, состоящий из подробных описаний локальных боев, имена личного состава, описание действий чуть ли не каждого офицера или солдата, они приводят свою статистику убитых и раненых. Например, с помощью материалов по истории Куринского полка, составленной Брюховецким, удалось установить авторство воспоминаний одного из участников «сухарной экспедиции» генерал-майора фон Мерклина.

Нет ни одного историка, который, занимаясь исследованием Кавказской войны, обошел бы молчанием события лета 1845 года. Все они сходились в единодушном мнении о том, что экспедиция в Дарго послужила переменам в военной стратегии на Кавказе: и Николай I, и генеральный штаб, и местное командование отступились от политики «блиц-бросков» с большой численностью войск и вооружений, и перешли к планомерному наступлению в горах Чечни и Дагестана, действуя, наряду с ружьями, топорами для рубки просек.[67]

После окончательного покорения Кавказа в 1864 году[68] начался настоящий бум публикаций на эту тему. Первенство в этом принадлежит двум периодическим изданиям — «Военному сборнику», который издавался по высочайшему повелению с 1858 по 1917 год и выходил в свет ежемесячно, и «Кавказскому сборнику». Великий князь Михаил Николаевич, в бытность свою наместником кавказским, стал инициатором издания специального ежегодного издания «Кавказский сборник». Со страниц первого тома, увидевшего свет в 1876 году,

великий князь обратился к бывшим «кавказцам» с просьбой присылать в редакцию свои воспоминания о боевой службе на Кавказе, что стало для многих побудительным мотивом для собственных записок. Новый альманах должен был идеологически закрепить процесс покорения Кавказа, продемонстрировать кавказскому и всему российскому сообществу его необратимость, дать понять, что факт присоединения горских народов Восточного и Западного Кавказа к России стал достоянием истории. В предисловии к первому тому вел. кн. Михаил Николаевич писал: «Почти 12 лет прошло со времени завершения великого дела утверждения русского владычества на Кавказе — и ныне с каждым днем все более и более выясняется необходимость подробного изучения великой борьбы, возникшей вследствие исторической необходимости, требовавшей в течение более 60-ти лет громадных жертв, напряжения нравственных и материальных средств империи и приведшей, наконец, к установлению нашей границы в южных пределах Кавказского перешейка, с водворением начал новой жизни между многочисленными племенами Кавказского края. Опыт предшествовавших военных действий хотя служил и служит нам, в известной мере, полезным указанием для последующих военных предприятий — однако многое, что можно было бы почерпнуть из опыта борьбы, прошло бесследно. Много имен и деяний, которые должны бы были оживотворять дух русской армии и русского народа и служить примером для потомства, — забыты. Наша военная литература, хотя и представляет сочинения, касающиеся Кавказской войны, но они не исчерпывают вполне даже тех предметов, до которых ближайшим образом относятся; все остальные печатные данные, касающиеся отдельных эпизодов этой войны, отрывочны. Таким образом, систематическая разработка этого военно-исторического материала, представляемого делом водворения русского владычества на Кавказе, можно сказать еще не начата. Между тем, с каждым годом смерть уносит лучших представителей этой эпохи; воспоминания, одушевлявшие войска и увлекавшие их на геройские подвиги, хотя еще остаются в частях армии, передаваясь устно, но, при настоящей быстрой перемене состава армии, и оне должны слабеть с каждым годом. Если желательно, чтобы в этой армии не исчез, а поддерживался и креп дух, выработанный продолжительными тяжелыми трудами и неисчислимыми жертвами, надо, чтобы предания о былом не угасали, чтобы имена и подвиги представителей Кавказской славы были безмерными для будущих поколений. С другой стороны, громадный военно-исторический материал, находящийся в многочисленных архивах Кавказского края, лежит почти не тронутым, а время и случайные обстоятельства приводят и его еще к большему и большему обеднению».[69]

Только за два десятилетия (60–70-е гг.) «Военный сборник опубликовал более 20 мемуаров. «Кавказский сборник» издавался до 1911 года. За это время вышел 31 том, в них опубликовано более 150 работ, большинство из которых —

воспоминания бывших покорителей Кавказа. Постоянный интерес к мемуарам и эпистолярному наследию о Кавказской войне проявляли и другие, в том числе исторические и литературно-художественные издания: «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Старина и Новизна», «Щукинский сборник», «Нива», «Заря» и другие. Небольшие по объему воспоминания печатали газеты «Кавказ», «Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. Выходили в свет и воспоминания, изданные отдельными книгами. Интерес к теме не ослабевал вплоть до начала Первой мировой войны.

Заметное место среди мемуаров занимали воспоминания о походе в Дарго в 1845 году. Авторы воспоминаний, большинство из которых участвовали в походе еще молодыми офицерами, дослужились до генералов. В биографиях многих из них на протяжении жизни были другие походы и сражения, но впечатления молодости остаются всегда самыми яркими и незабываемыми. Одна группа воспоминаний посвящена исключительно этому событию (В. А. Гейман, Н. И. Дельвиг, К. К. Бенкендорф, Н. И. Горчаков, В. Н. Норов, А. П. Николаи, А.-В. Е. фон Мерклин, К. К. Эйзен фон Шварценберг, Н. П. Беклемишев). Другая — представляет собой общие воспоминания о пребывании или службе на Кавказе, включая фрагменты о походе на Дарго (А.М. Дондуков-Корсаков, А.Л. Зиссерман, М.П. Щербинин, Э.С. Андреевский), третья группа, включает в повествование описание событий Даргинской экспедиции со слов третьих лиц или из переписки с друзьями, родственниками, знакомыми (Д. А. Милютин, Г. И. Филипсон, В. П. Долгоруков, А. Я. Булгаков и др.).

В настоящий сборник мемуаров, посвященных походу графа М.С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго, включены мемуары, относящиеся к первой группе, за исключением «Записок» Э.С. Андреевского.

В 1864 году в «Военном сборнике» были опубликованы воспоминания барона Николая Ивановича Дельвига (1814–1870). Дельвиг закончил Императорскую военную академию, был офицером Генерального штаба, первое назначение на Кавказ получил в 1841 году, принимал участие в экспедициях под командованием генерала П.Х. Граббе и полковника П.П. Нестерова. В 1844 году вновь получил назначение на Кавказ в составе 5-го пехотного корпуса. С 1855 года Дельвиг занимал должность начальника штаба этого корпуса. Его военная карьера закончилась в чине генерал-лейтенанта. Во время Даргинской экспедиции он был прикомандирован к Чеченскому отряду под командованием генерала А. Н. Лидерса, получил ранение в бою при Цонтери 14 июля. Он очень образно описал свои личные впечатления от Даргинского похода — его героические и трагические эпизоды. Используемые автором приемы передают эмоциональное состояние участников экспедиции, заставляет читателя ярче воспринимать события. Будучи профессиональным военным, отдавая дань самоотверженности и храбрости русского солдата, Н. И. Дельвиг не мог не оценить общего исхода похода. «Подобные экспедиции, — писал он, — делались

и прежде, но не доставляли нам никакой существенной выгоды. Войска двигались большими массами... несли большую потерю, занимали с бою какой-нибудь пункт, но тем и ограничивался успех: лишь только войска двигались вперед, как на занятой с трудом и потерями местности снова появлялись горцы. Экспедиции такого рода имели даже вредное влияние на край, возвышая нравственный дух горцев, видевших, что большие массы войск, испытанной храбрости, хорошо вооруженных, отлично обученных, снабженных всем необходимым, одерживавшие часто славные победы в Европе, почти ничего не могут сделать против их беспорядочных скопищ».[70] В конце своего рассказа Дельвиг еще раз подчеркнул тезис о неизбежности провала подобных мероприятий: «...будучи, по существу своему огромной ошибкой, она (экспедиция. — *Г. Л.*) другого исхода и не могла иметь». Но при всем том для участвовавших в ней «Даргинская экспедиция имеет обаяние славы, и теперь, двадцать лет спустя».[71] Публикация воспоминаний Дельвига имеет некоторые особенности. Редактор, подготовивший текст к печати, сделал примечания, в которых приведены сравнения, главным образом, в числе убитых и раненых с данными, опубликованными в «Обзоре военных действий на Кавказе в 1845 году». В примечания вошли уточнения по тексту и то, что, в сущности, выходит за рамки обычных редакторских функций: вставлен рассказ одного из участников описанных событий Г***.[72] Судя по всему, автор этого отрывка был из свиты главнокомандующего М.С. Воронцова, его адъютант поручик Генерального штаба граф Федор Лонгинович Гейден (1821–1900). Отрывок посвящен одному из драматических эпизодов 16 июля, в бою при аулс Шуани. Описание ситуации ранения совпадает со сведениями о том, как это произошло с Гейденом, об этом эпизоде упоминается и в других воспоминаниях,[73] что с большой долей вероятности дает возможность утверждать, что автором рассказа, включенного в воспоминания Дельвига, является именно поручик Гейден, будущий начальник Главного штаба.[74]

В 1877 году «Кавказский сборник» опубликовал записи из дневника Николая Ильича Горчакова, офицера Куринского полка «Экспедиция в Дарго (1845 г.).[75] Записи Горчакова, сделанные «по свежим следам», передают переживания автора и состояние людей в отряде генерала Пассека, переживших многие трудности и испытания при взятии горы Зунумеер, на пути из ущелья Мичикал в Андию. В официальной хронике мы не найдем об этом ничего, кроме краткого упоминания о том, что движение отряда под руководством Пассека «сопровождалось или проливным дождем, или снегом», а «недостаток дров в безлесном крае еще увеличил эти неожиданные трудности».[76] Подробности этого трагического эпизода в самом начале экспедиции, участником которого был молодой Горчаков, снимают романтический флер с мифов, которыми порой страдают и официальные издания, и мемуарная литература. Если в воспоминаниях, по прошествии многих лет после описываемых событий, услужливая па-

мять, как правило, оставляет героические эпизоды войны, то дневниковый жанр отличается большей беспристрастностью. Дневник — это более «объективный» источник для исследования фактической канвы события. Правда, за автором, как и за исследователем, остается право делать свои «субъективные» выводы. Горчаков, как и все другие мемуаристы, высоко оценил неустрашимость, долготерпение, самоотверженность солдат и командиров, но его потрясла цена, заплаченная ими за достижение мнимой цели, настоящая же цель так и не была достигнута. «...К чему все эти жертвы, эта погибель людей и денег в борьбе с врагом и природою, бесполезная трата времени для прочного покорения Кавказа, неподдающегося ложной системе войны, затягиваемой, под разными предлогами, целые десятки лет?»[77]

В 1879 году в «Кавказском сборнике» появились воспоминания Василия Александровича Геймана «1845 год», написанные им в 1876 году в г. Грозном.[78] Генерал Гейман (1823–1878) спустя 28 лет после Даргинской экспедиции посетил места, где происходили ее события, и буквально в последние годы жизни успел закончить записки о впечатлениях боевой молодости. В Даргинской экспедиции Гейман участвовал в чине прапорщика Кабардинского полка. Он был в том же отряде под командованием генерала Пассека, что и Горчаков, пережил тяжелые испытания холодом, сыростью и голодом на «холодной горе», его потрясло, что на его глазах умирали товарищи не от ран, полученных в боях, а от переохлаждения: «...труды и холод отрезвили меня, поэтическое настроение прошло. Я чувствовал, что сразу стал старее, опытнее. И, вместе с тем, мечты о будущем покинули меня: я начал жить настоящим... Это была школа, в которой можно сделаться истым солдатом, честным, закаленным, или никуда не годным человеком. Отсюда становится понятным, почему редкие из нас выдерживали службу до конца во фронте, а большинство гибло от пьянства или, нажив ревматизмы и всякие болезни, принуждены были покидать службу, не говоря об искалеченных в боях».[79] В Даргинском походе Гейману пришлось пройти испытания «сухарной экспедиции», в которой пострадало около 1400-х человек, в их числе и он сам. Он очень подробно описывает события похода, перед нами проходит огромная череда действующих лиц, от генералов до рядовых, повествование чередуется с прямой речью, что вносит в него живой элемент. Выводы, сделанные автором, сводятся к критике состава основного отряда и тактических просчетов командиров во время движения обозов. «Теперь прошло много уже лет, — писал Гейман, — и об экспедиции 1845 года легко трактовать. Никто не знал, кроме главнокомандующего, причин, по которым было поступлено так или иначе, поэтому можно рассуждать об его действиях только по совершившимся фактам, во всяком случае, по трудности экспедиции, громадности жертв, 1845 год есть знаменательный в шестидесятилетней борьбе России с дикими горцами. С этого года выработался более верный взгляд на ведение кавказской войны, которая увенчалась покорением Кавказа».[80] После этих слов

трудно удержаться, чтобы не добавить: «через долгие двадцать лет...». За это время выросло новое поколение: бывшие прапорщики и поручики стали генералами, русские крестьянки нарожали рекрут, обновивших ряды Кавказской армии, правительство продолжало вкладывать в эту войну огромные финансовые средства. Даже моральный долг перед погибшими в Даргинском походе был выполнен много лет спустя. В год завершения Кавказской войны начальник Ичкерийского округа, объезжая в 1864 году подведомственную ему местность, «...увидел множество человеческих костей, белевших по сторонам узкой дороги в лесу; на вопрос его: чьи это кости? — окружавшие его почетные чеченцы скромно отвечали, что они не знают. Это были кости павших в двухдневном кровопролитном бою с горцами в 1845 году. По распоряжению начальника округа они были собраны и перевезены на арбах в Ведено, зарыты на кладбище укрепления, где была резиденция Шамиля»,[81] а спустя 50 лет на месте «сухарной экспедиции» и гибели генерала Пассека, над братской могилой, был сооружен памятник.[82]

Воспоминания Геймана написаны на основе широкого спектра источников: от официальных документов до личных воспоминаний, он охотно пользовался так же рассказами своих соратников по Даргинскому походу. Известно, что ветераны Кавказской войны, пока многие из них были живы, не утратили интереса к живому общению друг с другом и к событиям, участниками которых стали в молодости.

В 1890 году «Русский архив» поместил на своих страницах воспоминания барона Александра Павловича Николаи (1821–1899) «Из воспоминаний о моей жизни. Даргинский поход. 1845».[83] Сын посланника в Копенгагене, Николаи получил образование в императорском Александровском лицее. В 1845 году поступил на службу в Канцелярию наместника кавказского чиновником особых поручений, поэтому во время Даргинского похода находился при графе М.С. Воронцове. Несмотря на то, что Николаи был гражданским чиновником, ему пришлось принять участие и в военных действиях, так как он занимал должность директора походной канцелярии при наместнике и главнокомандующем. В будущем А.П. Николаи стал министром народного просвещения (1881–1882), сенатором, членом Государственного совета. Воспоминания о Даргинском походе написаны им в Тифлисе в 1890 году, после выхода в отставку. А.П. Николаи был женат на дочери грузинского князя Александра Чавчавадзе — Софье и последние годы жизни провел в имении Лачино под Тифлисом.

Стиль воспоминаний Николаи сжатый, спокойно-повествовательный, скорее официальный, по форме похожий на дневниковые записи. Сдержанный тон воспоминаний, отражающих общую картину похода (Николаи в продолжение его постоянно находился вблизи гр. М.С. Воронцова, поэтому не мог описывать подробности боев, в которых не принимал участия), нарушается

нескрываемой досадой по поводу устоявшейся к тому времени характеристики экспедиции в Дарго, как «злосчастной». Он называет ее подвигом достойным и бородинского ветерана, и славной в боях Кавказской армии, хотя и признает ошибкой практику подобных экспедиций.[84]

В публикацию мемуаров о Даргинской экспедиции большой вклад внес военный историк Б.М. Колюбакин (1853 — после 1917). С 1872 по 1880 год он служил на Кавказе, участвовал в русско-турецкой войне. После окончания Академии генерального штаба в 1885 году служил в Одесском военном округе, затем в Генеральном штабе, в 1897 году был назначен на должность экстраординарного профессора Николаевской академии генерального штаба, был начальником архива Генерального штаба.[85] В 1917 году проживал в Петрограде, дальнейшая судьба неизвестна. В 1907 году Колюбакин опубликовал в «Военном сборнике» воспоминания, подписанные псевдонимом В. Н. Н-в,[86] затем издал их отдельной книжкой.[87] Он предположил, что они принадлежат перу Василия Николаевича Норова, служившего, вероятно, в штабе Чеченского отряда. Он писал о нем: «Офицер, видимо, с хорошим военным образованием и толковый, обстоятельный и правдивый рассказчик... нельзя не согласиться с его оценкой событий и лиц...».[88] В 1911 году, при издании воспоминаний К.К. Бенкендорфа, Колюбакин изменил свои предположения относительно авторства Норова, теперь он приписывал авторство Владимиру Николаевичу Нечаеву, адъютанту гр. М. С. Воронцова. В примечаниях к воспоминаниям Бенкендорфа он несколько раз утвердительно назвал Нечаева автором рукописи, приобретенной им у антиквара Клочкова и опубликованной в журнале и отдельной книгой в 1907 году.[89] О Владимире Николаевиче Нечаеве известно немного. Службу он начал в 1836 году в возрасте 19 лет вольноопределяющимся унтерофицером, перед тем как получить назначение на Кавказ, нес службу в чине штабс-ротмистра лейб-гвардии Конного полка. В начале 40-х годов прибыл на Кавказ, где за отличия в боях против горцев 7 июля 1844 года был награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом.[90] 10 февраля 1845 года В.Н. Нечаев был назначен адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту М.С. Воронцову. За отличия «в делах против горцев» 6 декабря 1845 года произведен в ротмистры. Сведений о ранениях нет. В 1846 году умер за границей, 16 июня 1846 года был исключен из списков полка.[91] Этих сведений явно недостаточно для того, чтобы с уверенностью говорить об авторстве Нечаева. К сожалению, нам неизвестно, на основании каких доводов к такому выводу пришел Колюбакин, вероятно, к такому заключению его подвели форма и содержание воспоминаний, кажется, что человек, писавший их, имел возможность одновременно наблюдать за всей панорамой событий и действующих лиц. Он описал все тактические передвижения войск, состав отрядов, действия саперов, пехоты, количество убитых и раненых и т.п. Кроме того, автор привел тексты распоряжений гр. Воронцова, рапорты вое-

начальников, проанализировал действия вспомогательных отрядов. Все это вместе, видимо, навело Колюбакина на мысль о том, что автором должен быть человек близкий к главнокомандующему, скорее всего его адъютант, тем более что в составе Отдельного Кавказского корпуса, другого офицера с подобным сочетанием инициалов не встречалось.[92]

Тем не менее, авторство В.Н. Нечаева вызывает у нас множество сомнений, повод которым находим в самом тексте воспоминаний. В записи от 28 мая автор пишет: «...когда Чеченский отряд (в составе которого был автор. — *Г. Л.*) остановился на позицию у (крепости. — *Г. Л.*) Внезапной, от Таш-кичу показались на дороге передовые казаки колонны, при которой следовал главнокомандующий, в сопровождении Гессенского принца и походного штаба...»,[93] в то время как он сам 26 мая находился в лагере у Куринского укрепления, откуда 27 мая выступил со своим отрядом в поход к крепости Внезапной, где было назначено соединение с Кумыкским отрядом. В бою у аула Шуани автор находился в авангарде отряда под командованием генерала Лидерса. Отряд оказался в окружении неприятеля, отрезанным от сил основного отряда. Генерал Лидерс послал об этом известие главнокомандующему. «Главнокомандующий, осведомившись о затруднительном положении генерала Лидерса и собрав бывшие под рукою войска, — пишет автор, — ...лично поспешил на помощь к нам... Завидя занимаемую нами позицию у выхода из леса, главнокомандующий отрядил вперед два горных орудия... Как на благодатных вестников смотрели мы на прибывшие два орудия и вслед затем два удачных картечных выстрела из них совокупно с посланною налево по оврагу в обход пехотною ротою, заставили горцев сняться из занимаемого ими впереди завала и таким образом выход на поляну совершенно очистился от неприятеля... Одновременно с сим движением войска, шедшие с главнокомандующим, соединились с нами на поляне...»[94] В эпизоде о потерях 14 июля говорится: «...командование Навагинским полком после убитого полковника Бибикова принял генерального штаба полковник барон Вревский, Ипполит, погибший в 1858 г.».[95] Вполне понятно, что эта фраза не может принадлежать Нечаеву, умершему за 12 лет до гибели Вревского. Колюбакин, профессиональный историк, публикатор, не мог, конечно, вставить свой собственный текст в текст автора воспоминаний. Многочисленные и подробные примечания и комментарии он, как это и положено, выносил за рамки авторского текста. Таким образом, автор не мог находиться при главнокомандующем в качестве его адъютанта, как предположил Колюбакин.

Первоначально, как уже упоминалось, он приписал авторство воспоминаний Василию Николаевичу Норову. Установить личность Василия Николаевича Норова — так же оказалось непросто. Исследование списков Отдельного Кавказского корпуса на 1845 год не дает возможности идентифицировать автора воспоминаний. В списках награжденных за участие в Даргинской экспеди-

ции значится человек под фамилией Норов, без указания имени и отчества, это капитан роты саперов 5-го стрелкового батальона, награжденный в июле 1845 года «следующим чином» (подполковника).[96]

Дальнейшие исследования позволили правильно установить имя, оказалось, что это был Владимир Николаевич Норов, который вышел в отставку в чине генерал-майора в 1860 г., а умер после 1889 г. в Пензенской губ. До 1855 г. он оставался на службе во 2-м резервном саперном батальоне.[97]

Необходимо отметить, что автор «Кавказской экспедиции в 1845 году» хорошо знаком с технологией производства саперных работ, там, где речь идет о саперах, автор постоянно подчеркивает их важную роль в экспедиции. Есть эпизоды, в которых можно усмотреть прямое указание автора на свою причастность к саперным работам, например, 31 мая: «На командира 5-го саперного батальона, полковника Завальевского, возложен подробный осмотр моста и безотлагательное исправление его, а им ближайший надзор за работою поручен капитану Шлиттеру ... Лишь только татарские арбы подвезли материал... как мрачные и безмолвные доселе окрестные скалы огласились ударами русского топора и веселым говором работавших; мелкий дождь уже с 5-ти часов накрапывал, в 8 часов раскаты грома и продолжительный блеск молний при проливном дожде настигли сапер на работе... К 11 часам ночи не только этот мост, но и спуск от него и другой впереди небольшой мост под надзором саперных офицеров совершенно были окончены. Вымокши до нитки, мы спешили обогреться кто горячей кашею, а кто стаканом чаю, и потом предаться покою на берегу Сулака, под холщовою крышею палаток, которые на этот раз были едва слабою защитою от проливного дождя, продолжавшегося далеко за полночь». Далее автор останавливается на описании «величия природы», но при этом добавляет: «Созерцанию этой величественной картины среди бурной ночи не было бы конца, если бы не усталость от марша в полуденный зной и потом от трудной работы под проливным дождем, которая заставила нас подумать о благодатном сне; в лагере все смолкло, и лишь шорох ночных секретов, да громовые раскаты отзывались по временам... В 5 часов утра бой барабанов возвестил о дальнейшем походе. Главнокомандующий, осмотрев устроенные накануне мосты и исправленный спуск, изволил остаться весьма довольным работою, лично благодарил офицеров, а в роты для нижних чинов пожаловал 25 рублей серебром».[98] Еще один эпизод, подтверждающий нашу версию: «Генерал...Лидерс, оставаясь на перелесной поляне с целью наблюдать за движением главных сил с обозами, в 10 часов сего же числа (6 июля. — *Г. Л.*) с колонною из батальона сапер, 2-х батальонов пехоты, части артиллерии и кавалерии снялся с поляны и выступил на соединение с авангардом... Ясная и тихая ночь покровительствовала нашему движению, неприятеля на спуске с поляны вовсе не было видно... По Аксайской долине колонна возобновила движение в плотном строю. Горцы, в малом числе скрываясь по лесистому берегу Аксая, завя-

зали непродолжительную перестрелку с левою нашей цепью. Уже забагровел восток, предвещая скорый конец ночи, уже огонь пылавшего впереди Дарго становился слабее, как колонна наша повернула направо по дороге, отделявшей с левой стороны объятое пламенем Дарго от черневшихся вправо человеческих групп, покоившихся сном на голой земле после кровопролитного боя: это был лагерь нашего авангарда, где также и убеленный сединою знаменитый вождь кавказцев, едва прикрывшись буркою, отдыхал среди войск на голой же земле; слеза умиления пала из глаз наших при виде того, который заботясь о нас с нежностью отца... покоился крепким утренним сном. Соблюдая величайшую тишину, дабы не нарушить кратковременного отдохновения обожаемого вождя, прибывшие с генералом Лидерсом войска, сдав по назначению раненых, расположились на общей позиции с авангардом».[99]

Описательно-созерцательный стиль, выбранный автором для своих записок, использование местоимения «мы» вместо «я», отсутствие четких указаний на участие в тех или иных эпизодах экспедиции, затрудняет идентификацию его личности, тем не менее, по отдельным описаниям, вроде тех, что приведены выше, становится понятно, что автор не мог быть адъютантом Воронцова, он постоянно находился в отряде под командованием генерала Лидерса. Принадлежность автора к 5-му саперному батальону предполагается и из эпизода, описанного им во время «сухарной экспедиции» 10 и 11 июля. Получив тюки с продовольствием, авангард отряда под командованием генерала Пассека 11 июля с боями пробивался назад к аулу Дарго, где оставалась часть основного отряда Воронцова. В авангард входили: Люблинский батальон, рота Навагинского батальона, рота саперов и часть неших грузин. Генерал Пассек, как обычно, оторвавшись с авангардом от основной части отряда, вынужден был вернуться назад, чтобы подтянуть вьюки и арьергард. «Пассек, возвратившийся к авангарду, — пишет автор, — объявил, что вьюки и арьергард скоро стянутся... Потом Пассек поблагодарил авангард за успешное движение по пройденной части леса; ему отвечали громким и искренним ура, вовсе не думая, что еще несколько только минут нужно, чтобы не стало храброго. Поделившись сухарем и трубкою, все мы и с нами Пассек прилегли на дороге в лесу, в ожидании приказания идти вперед».[100]

Анализ текста воспоминаний позволяет выделить две его разновидности. Первую составляет официальный, «сухой» текст, в котором либо перечисляются события в строго хронологическом порядке, либо описываются распоряжения и рапорты командного состава, боевые действия отдельных подразделений, подробные «таблицы», составленные на основе официальных документов о составе и численности войсковых подразделений, потерях личного состава, количестве оружия, фуража, лошадей и т. д. Ко второй — относятся личные впечатления автора, написанные свободным, образным, эмоциональным языком, который не оставляет сомнений в причастности автора к описываемым

событиям. Не остается также сомнений, что для написания воспоминаний автор имел доступ к официальным документам — фундаментом основной части его работы стал «Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году». Он был хорошо знаком с хроникой периодической печати и личными документами участников экспедиции. Это объясняет разностильность текста, в котором выделяются «списанные» и «личные» места. Все это вместе говорит о том, что дата написания «Кавказской экспедиции...» никак не может быть отнесена к 1845–1846 годам, как полагал Колюбакин,[101] скорее всего она была написана много позже, в конце 50-х — 60-е годы. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем предполагать, что автором «Кавказской экспедиции ...» был Владимир Николаевич Норов, второй из участников Даргинской экспедиции (кроме В.Н. Нечаева), имевший инициалы В.Н. Н-ов. Дальнейшие исследования документов, возможно, позволят обнаружить неоспоримые доказательства авторства В.Н. Норова, но и те, что найдены, во многом являются аргументами в пользу этой версии.

Публикацию «Кавказская экспедиция в 1845 году» нельзя в полной мере отнести к мемуарному жанру — это скорее специальный очерк, построенный по правилам исторического исследования. История похода вплетена в историческую канву покорения Кавказа. С самого начала она предназначалась для публикации. Автор так сформулировал задачу: «...владычество России на Кавказе и мюридизм суть два обстоятельства, которые требуют подробного разбора. Дабы приступить к изложению, что побудило наше Правительство содержать войска на Кавказе, необходимо, начать рассказ со времен отдаленных, т. е. когда в первый раз оружие русских появилось за снежным Казбекским хребтом».[102] Далее он излагает историю взаимоотношений России с народами Кавказа, начиная с первых известных контактов в XVI столетии, присоединения Грузии, Армении, закавказских мусульманских провинций до устройства Кавказской линии, военных споров с горцами Дагестана, появления мюридизма во главе с Кази-муллой, затем Шамилем и постепенно подводит к событиям 1845 года.

Рассказ о событиях 1845 года начинается с описания положения, сложившегося к этому времени на Кавказской линии, причем приводятся целые тексты и цитаты из распоряжений главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом Нейдгардта (конец 1844 г.), высочайших повелений (начало 1845 г.), рапортов генералов Лидерса и Клюге фон Клюгенау главнокомандующему гр. Воронцову, воззвания Воронцова к жителям Дагестана и др. Автор приводит численность и состав, маршруты движения Дагестанского и Чеченского отрядов, этнографические описания жителей Чечни и Дагестана, географические характеристики местности, по которой предстояло пройти войскам, описание крепости Грозная. Он подробно останавливается на подготовительных мероприятиях, проведенных командованием в течение мая, передвижениях главноко-

мандующего гр. Воронцова по левому флангу Кавказской линии — это своеобразный дневник, составленный, судя по всему, на основании полковых журнальных записей, приказов и распоряжений командования.

Основная часть работы посвящена походу, цель которого — захват высокогорного аула Дарго — резиденции имама Шамиля. Она разбита на главы, названные по наиболее значительным событиям похода. Каждая из глав по форме изложения напоминает дневник, в завершении которого автор сделал свои выводы, которые не лишены громких фраз о славе русских штыков, но сквозь панегирик отваге и храбрости проглядывает правда об итогах экспедиции. «Мы не стали властителями тех горских обществ, через земли которых пронеслось русское оружие; все жители с появлением наших войск или бежали в горы, или поступали в ряды скопищ Шамиля», — писал автор.[103] В завершении работы он анализирует действия вспомогательных отрядов, цель которых заключалась в отвлечении неприятеля от основного отряда: Гогатлинского эшелона под командованием подполковника Бельгарда, Лезгинского и Самурского отрядов под командованием генералов Шварца и кн. Аргутинского-Долгорукова. Эти отряды так же, как и основной отряд, участвовали в локальных боях и имели немалые потери.

Какой ценой завоевана такая «победа», наглядно показано в таблицах, составленных автором по официальным данным. Только за семь дней — с 13 по 20 июля — число убитых и раненых достигло 1322 человека.[104]

В любой войне, кроме «необходимой» жестокости, особенно в условиях паники, присутствует жестокость безнаказанности, жестокость толпы и жестокость наживы. Все эти черты характерны и для Даргинского похода: «К сожалению, — писал автор воспоминаний, — нельзя не упомянуть, что некоторые из арьергардных войск, как равно оставшиеся вооруженными при вьюках, видя страшный беспорядок и лишась, может быть, надежды на спасение, предались грабежу; вместо того чтобы быть защитою обозу, они сами прокалывали бурдюки штыками, упивались вином без меры, грабили казну и вещи и в свою очередь падали, поражаемые в беспамятстве пулями и шашками неприятельскими...»[105]

«Кавказская экспедиция в 1845 году» обладает ценным качеством, которое выразилось в стремлении автора правдиво рассказать о событиях, происходивших при его участии. Описание им боя 10 и 11 июля во время «сухарницы» отличается неприкрытой, местами даже жестокой, реалистичностью происходившего.

В 1910–1911 годах Б.М. Колюбакин опубликовал в «Русской старине» воспоминания о Даргинской экспедиции бывшего командира батальона Куринского полка подполковника гр. Константина Константиновича Бенкендорфа (1817–1858). Бенкендорф получил в походе тяжелое ранение, был вынужден оставить строевую службу и перейти в военно-дипломатическое ведомство. Бенкендорф участвовал в венгерской кампании 1849 года и в восточной войне 1853–55.

В 1855 году он получил чин генерал-адъютанта, но тяжелые ранения привели его к ранней кончине. Воспоминания Бенкендорфа впервые увидели свет в Париже, где были опубликованы на французском языке. Спустя почти 70 лет после описанных событий воспоминания Бенкендорфа, ставшие библиографической редкостью, появились на русском языке. Колюбакин снабдил воспоминания Бенкендорфа обширными комментариями и собственными замечаниями. Комментарии и примечания Колюбакина в «Русской старине» значительно отличаются от комментариев к воспоминаниям Н. В. Норова в «Военном сборнике». За прошедшие четыре года он во многом изменил свои представления о событиях Даргинской экспедиции и действующих в ней лиц. Изменились не только представления, но и сам стиль комментариев, который стал более свободным, полемическим и даже эмоциональным. В ряде случаев он по-разному оценивает и события. О драме на «холодной горе», где получили обморожение около 200 человек из отряда генерала Пассека, он писал: «...многие роптали на храброго Пассека и обвиняли его, относя занятие им Зонобака к безрассудной отчасти его заносчивости; но последствия доказали, что именно только эта отважная предприимчивость его доставила нам свободный путь в Андию...»[106] Комментируя воспоминания Бенкендорфа, Колюбакин уже не так категоричен, как в предыдущей публикации мемуаров Н. В. Норова относительно предприимчивости генерала: «...Обвинение Пассека в дальнейшем, по занятии Анчимеера, движении исходило из правильного соображения, что, заняв позицию у Анчимеера, мы брали во фланге и в тыл мичикальскую позицию, которую наши противники немедленно и бросили, следовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далее на Зунумеер (холодную гору), оторвавшись от главных сил...»[107]

Закономерно, что Б.М. Колюбакин, под впечатлением мемуаров Бенкендорфа, в процессе изучения архивных документов, воспоминаний других участников похода, многие из которых были уже опубликованы к тому времени, вынужден был менять свои суждения и не опасался этого делать.

Публикации воспоминаний гр. Бенкендорфа предшествует вступительная статья Колюбакина, из которой видно, насколько обогатились его представления об изучаемом предмете, этому способствовало то обстоятельство, что он был начальником архива Главного штаба. Архивные документы давали возможность для проведения сравнительного анализа официальных и «частных» сведений и фактов, чем историк в своей работе и воспользовался. Колюбакин перевел и опубликовал предисловие парижского публикатора воспоминаний кн. Григория Григорьевича Гагарина, известного художника, друга гр. К.К. Бенкендорфа и тоже участника Кавказской войны.

В изложении событий Даргинской экспедиции гр. Бенкендорф придерживается простого, идущего «от сердца», но в то же время честного рассказа. Невозможно не согласиться с Колюбакиным, который называет мемуары Бенкендорфа весьма ценным очерком «этой бедственной и бесцельной экспедиции».[108]

Свои собственные впечатления от похода с гр. М. С. Воронцовым в селение Дарго оставил его личный врач, Эраст Степанович Андреевский (1809–1872). Мемуары Андреевского опубликованы отдельной книгой.[109] «Записки» частью посвящены кавказскому периоду жизни Андреевского, другая их часть относится к Одесскому периоду (60–70-е годы), в наши планы не входит полная их публикация, поэтому мы сочли возможным опубликовать отдельную главу, которая носит название «Даргинский поход. 1845». Андреевский, в отличие от многих участников похода в Дарго, был гражданским чиновником. Должность гражданского генерала, штаб-доктора и личного врача кн. М.С. Воронцова обязывала Андреевского всегда находиться рядом с ним. По свидетельству современников, Воронцов обращался к нему не только как к доктору, но как к личному советнику, доверял ему многие «тайны» служебной и личной жизни. Андреевский хорошо изучил не только состояние здоровья главнокомандующего, но и особенности его характера, привычки, наклонности. «Записки» Андреевского расширяют наши представления о личности самого Воронцова как человека, о военных и гражданских лицах, его окружавших. Его суждения о походе 1845 года интересны как впечатления гражданского человека, полезно их сравнить с воспоминаниями А.П. Николаи, который тоже был «гражданским» в свите Воронцова. Официальная сдержанность воспоминаний Николаи дополняется описанием «живых картин» Андреевского, и если они мало что прибавляют к фактической стороне воспоминаний других участников экспедиции, то, несмотря на субъективность автора, они намного расширяют наши представления о роли «человеческого фактора» в кавказских событиях 1845 года. Рассказ Андреевского охватывает не весь период похода, хронологически он начинается 31 мая и заканчивается взятием Андийских гор. Автор дает собственную статистику численности русских и неприятельских войск, количества убитых и раненых, которая существенно отличается от официальных источников.

Газета «Кавказ» в 1892 году опубликовала на своих страницах небольшие по объему мемуары «Поход графа Воронцова в Дарго и сухарная экспедиция в 1845 г. (Из записок участника)», подписанные псевдонимом «Кавказский ветеран».[110] Автором записок был генерал-лейтенант Николай Петрович Беклемишев (1814— 1894). Впервые на Кавказе он появился в 1842 году — был командирован для участия в экспедициях генерала Граббе. Через два года вновь появился на Кавказе для участия в походе Воронцова в аул Дарго. В 1845 году Беклемишев получил чин полковника, с 1847 года — по 1849 год он занимал должность начальника центра Кавказской линии, затем покинул Кавказ, чтобы вернуться туда через тридцать восемь лет в качестве генерал-лейтенанта при войсках Кавказского военного округа.[111]

Беклемишев был заметной фигурой в составе отряда Воронцова, его имя встречается почти во всех воспоминаниях, особенно много о нем написал А.М. Дондуков-Корсаков, который был дружен с ним и описал «сухарную экспедицию» с его слов.[112]

Беклемишев был в составе отряда под начальством генерала Клюге фон Клюгенау, посланного главнокомандующим навстречу обозу с провиантом, он находился в авангарде, которым командовал генерал Пассек. Беклемишев, вызвавшийся идти добровольцем, чудом остался жив, его воспоминания о походе в Дарго сводятся в основном к эпизоду «сухарной экспедиции», которая стала настоящей мясорубкой для русских солдат. Образно и выразительно описанные Беклемишевым подробности рукопашного боя и его результатов, крайне тяжелое психологическое состояние людей — все это может показаться, на первый взгляд, пусть и невольным, но вымыслом. На самом деле, рассказ Беклемишева, личность которого легко угадывается за псевдонимом, многократно подтверждается свидетельствами и других участников «сухарницы». В журнале «Заря» за 1870 год опубликована копия письма неизвестного автора, обнаруженного, по словам редактора, в бумагах И. П. Шульгина.[113] Письмо датировано 25 июня 1845 г., но это ошибка, возможно, допущенная при переписке, скорее всего оно написано 25 июля. По содержанию этой публикации довольно легко определяется и его автор, которым был Николай Беклемишев. Текст письма посвящен в основном взятию Дарго и «сухарной экспедиции». Содержания письма и воспоминаний, опубликованных в газете «Русский инвалид», в целом совпадают, за исключением некоторых деталей. 6 июля был убит генерал Фок, его тело везли в обозе, кроме убитого Фока, Беклемишев упоминает и погибшего «...родственника Михаила Николаевича Бибикова», тело которого, как он пишет, тоже везли на лошадях. В воспоминаниях, написанных много лет спустя, он описывает гибель Бибикова совсем иначе, здесь его рассказ совпадает со свидетельствами других участников экспедиции (Бибиков погиб в бою 14 июля). По какой причине появилось такое разночтение — не совсем понятно. Письмо написано по следам свежих событий (тем более, что речь идет о родственнике!), и, казалось бы, ошибка маловероятна. С другой стороны, ни один из мемуаристов в эпизоде гибели генерала Фока не упоминает об убитом Бибикове, в том числе и Беклемишев в более позднем тексте. Встречаются и другие расхождения, например, в письме он писал, что Пассек назначил его командовать авангардом и дал ему в помощь 300 милиционеров, а в воспоминаниях речь идет об остатках Литовского батальона численностью в 100 человек и 10 милиционерах. В целом же воспоминания Беклемишева дополняют мемуарный комплекс многими подробностями экспедиции, одни из которых подтверждаются официальными документами и личными впечатлениями участников, другие создают напряженный эмоциональный фон, но их достоверность нуждается в проверке.

«Сухарной экспедиции» 10–11 июля, которая буквально потрясла ее участников и свидетелей, посвящены небольшие по объему мемуары генерал-майора Вильгельма Августа фон Мерклина (1823 — после 1892). Во время похода в Дарго он в чине прапорщика Куринского полка прошел путь до встречи

продовольственного обоза, где был тяжело ранен и с отрядом подполковника Гюллинга отправлен в госпиталь в Темир-Хан-Шуру. На Кавказе дослужился до чина майора, с которым вышел в отставку в 1855 году. Позже вновь вернулся на военную службу, в 1889 году в чине генерал-майора служил в Омском жандармском управлении. Воспоминания Мерклина датированы 1892 годом, его рукопись хранится в фонде А.М. Дондукова-Корсакова[114] — ветерана Даргинского похода, который на протяжении своей жизни собирал материалы о Кавказской войне и оставил о ней свои воспоминания. Воспоминания Мерклина опубликованы в журнале «Звезда» и в качестве приложения в книге Я.А. Гордина «Кавказ. Земля и кровь».[115]

В отличие от своих соратников, Мерклин не пользовался архивами или опубликованными источниками и другими вспомогательными материалами. Его рассказ — это сугубо личные впечатления о взятии Дарго и участии в «сухарной экспедиции», дополненные со слов друзей-очевидцев рассказом о событиях, происшедших с даргинским отрядом при возвращении в лагерь.

В 1892 году в «Южном сборнике в пользу пострадавших от неурожая» были опубликованы мемуары Карла Карловича Эйзен фон Шварценберга,[116] который во время Даргинского похода проходил службу в саперном батальоне в чине младшего прапорщика. Свои впечатления о походной молодости он запечатлел через много лет, будучи уже генерал-майором — его записки основаны исключительно на личных воспоминаниях. Они, как и мемуары фон Мерклина, стоят в одном ряду с воспоминаниями Беклемишева.

Свои впечатления от экспедиции в Дарго оставил и кн. А.М. Дондуков-Корсаков (1820–1893), генерал от кавалерии, главноначальствующий над гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом. Во время Даргинской экспедиции князь был молодым офицером, получил ранение при взятии аула Дарго. Его мемуары — это не только волнующая картина драматических событий 1845 года, но и целая галерея человеческих судеб.[117] В мемуарах соратников Дондукову-Корсакову тоже отведено немало страниц.

Часть своих обширных воспоминаний посвятил разбору экспедиции в Дарго генерал от инфантерии Григорий Иванович Филипсон (1809–1883). Он не был поклонником кн. М.С. Воронцова, его личных качеств и методов управления Кавказом, но отдавал должное личной храбрости главнокомандующего. Филипсон дал жесткую характеристику походу Воронцова в Дарго: «Князь Михаил Семенович был в Грузии в 1801–1805 годах…явясь через сорок лет главнокомандующим и наместником, он не знал ни края, ни нашего в нем положения… Как истый британец, он имел более сочувствия к гражданскому, чем военному ведомству… Воронцов дебютировал на Кавказе несчастною Даргинской экспедицией, стоившей огромных жертв и потерь, а ему принесшей княжеское достоинство. Ни цель, ни образ действий не оправдывают этого предприятия…»[118]

В 70-е годы были выпущены воспоминания Арнольда Львовича Зиссермана (1824–1897), историка Кавказа, современника Даргинской экспедиции, опубликованные в журнале «Русский вестник».[119] Часть этих воспоминаний была посвящена походу Воронцова. Он писал: «Какое впечатление произвел исход всей большой экспедиции 1845 года на наши войска, на преданное нам христианское население Закавказья и на враждебное мусульманское, может себе всякий представить. О торжестве Шамиля и горцев нечего и говорить. Таким образом, повторяю, не будь это граф Воронцов, пользовавшийся большим доверием и уважением государя Николая Павловича и стоявший выше влияния даже могущественного Чернышева,[120] вероятно, с окончанием экспедиции окончилась бы и его кавказская карьера...»[121]

К числу критиков Воронцова и подобных методов ведения войны в горных районах Кавказа относится Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912), военный министр, военный историк, в разные годы служивший на Кавказе. После него остались обширные воспоминания, охватывающие весь его жизненный путь. Часть этого пути была пройдена на Кавказе, который Милютин никогда не упускал из поля своего зрения. Не мог он обойти молчанием и результаты Даргинской экспедиции, которая по его словам «...имела весьма неудачный, можно сказать бедственный исход...».[122] Подводя итог деятельности кн. Воронцова в качестве наместника и главнокомандующего, Милютин заметил: «Вообще же в течение всех девяти лет начальствования князя Воронцова положение наше на Кавказе почти не улучшилось. Власть Шамиля прочно утвердилась в горах восточного Кавказа, а в западном почти все горское население было в руках Шамилева наместника Магомет-Амина. Положение наше было таково, что для обеспечения спокойствия и безопасности в крае признавалось необходимым держать на Кавказе до 270 тысяч войска, а когда возникли опасения разрыва с Турцией, то для охранения границы от внешнего врага оказалось возможным выделить из означенной громадной силы не более семи батальонов».[123]

Михаил Павлович Щербинин (1807–1881), директор канцелярии наместника кавказского, близкий соратник кн. М.С. Воронцова, приехавший с ним из новороссийского края, участник Даргинского похода тоже не обошел его вниманием в своих мемуарах.[124] Он не дал какой-либо оценки экспедиции, отрывок из его воспоминаний носит строго описательный характер. Может быть полезен для исследования в качестве проверки фактического материала.

Безусловный интерес представляют собой небольшие заметки о походе князя Воронцова в Андию Гаджи-Али, входящие как часть рассказа в его «Сказания очевидца о Шамиле»,[125] они занимают всего три страницы, но при этом автор предлагает психологический портрет Шамиля, непримиримого противника русских и жестокого повелителя и восначальника горских племен.

Предлагаемый читателям том «Даргинская трагедия 1845 года» открывает серию мемуаров, посвященных Кавказской войне 1817–1864 годов. Все вклю-

ченные в него мемуары в разное время, в основном до 1917 года, были опубликованы. Часть из них снабжена предисловием и примечаниями, которые сохраняются полностью и входят в основной корпус тома, однако полнота и качество справочного аппарата к опубликованным материалам недостаточны. Настоящий том «Даргинская трагедия 1845 года» снабжен собственным предисловием, комментариями, в том числе к примечаниям первых публикаторов, и справочным аппаратом.

При чтении мемуаров, особенно военных, не стоит забывать, что в них всегда присутствует момент мифологизации и героизации событий и действующих лиц, этими качествами в большой степени обладают и воспоминания о походе в резиденцию Шамиля. Собранные в одном томе, они дают прекрасную возможность сопоставления, сравнения, критического анализа событий и человеческих качеств действующих лиц. Как самостоятельный комплекс источников, они представляют интерес в историческом, литературно-публицистическом и психологическом жанрах, являются дополнительным и весьма важным материалом для современного прочтения истории Кавказской войны.

Составитель и комментатор тома выражают большую признательность за помощь, оказанную Российским государственным военно-историческим архивом в работе над этой книгой, его директору Ирине Олеговне Гаркуша, научным сотрудникам: Ларисе Исиевне Цвижба, Дмитрию Павловичу Шергину, Татьяне Юрьевне Бурмистровой и Алексею Алексеевичу Литвину (ныне сотруднику ГА РФ).

Г.Г. Лисицына

---

[1] Блиев М.М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994. С. 376.

[2] Там же. С. 381.

[3] Там же. С. 382.

[4] Кавказская экспедиция в 1845 году. СПб., 1907. С. 1.

[5] Мемуары генерала Муса-паши Кундухова. Публикация Д.И. Олейникова. «Звезда», 2001, № 8. С. 101.

[6] Русская Старина (РС). 1885, № 10. С. 209.

[7] РС. 1919, № 4. С.194.

[8] А.- Д. Г. Поход 1845 года в Дарго. «Военный сборник» (ВС). 1859, № 5. С. 5–6.

[9] Корф М.А. РС. 1900, № 1. С. 50.

[10] Дегоев В.В. Три силуэта Кавказской войны. «Звезда». 2000, № 9. С. 48.

[11] Воспоминания М.П. Щербинина. «Русский архив» (РА). 1876, кн. 3. С. 300

[12] «Кавказ». 1892, № 92–93.

[13] ВС. 1859, № 5. С. 17–18.

[14] Князь Воронцов и А.П. Ермолов. Их переписка о Кавказе. 1845–1847. РА. 1890, № 2. С. 165.

[15] Там же. С. 164.

[16] РС. 1910, № 4. С. 187.

[17] Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году. Тифлис, 1846. С.11–12.

[18] Там же. С. 13–14.

[19] ВС. 1906, № 12. С. 38.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 39.

[22] Там же.

[23] «Обзор...». С. 18.

[24] ВС. 1906, № 12. С. 35.

[25] ВС. 1859, № 5. С. 24.

[26] «Обзор...» не даст точных сведений о пострадавших (кроме 12 умерших). Анучин называет 450 обмороженных, Норов — 200 человек обмороженных из отряда Пассека.

[27] «Обзор...». С. 19–20.

[28] ВС. 1859, № 5. С. 28.

[29] Там же. С. 29.

[30] «Кавказский сборник» (КС), 1882. Т. 6. С. 13 (Приложения). В других источниках, в частности у Анучина, потери в сражении у селения Анди ошибочно датированы 13 июня.

[31] ВС. 1859, № 5. С. 33.

[32] Там же. С. 33–34.

[33] Там же. С. 34.

[34] ВС. 1907. № 1. С. 40.

[35] «Обзор...». С. 40.

[36] Там же. С. 41.

[37] А. М. Дондуков-Корсаков в своих воспоминаниях пишет о том, что первые завалы были взяты при помощи выстрелов картечью из горных орудий. «Старина и новизна». 1903, № 6. С. 116.

[38] ВС. 1859, № 5. С. 39; «Обзор...». С. 45.

[39] Там же. С. 40.

[40] «Обзор...». С.49–50.

[41] Воспоминания гр. К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. РС. 1910, № 10. С. 282.

[42] РА. 1890, № 2. С. 173.

[43] ВС. 1907, № 2. С. 25.

[44] По разным сведениям, арьергард прибыл к месту в 10 или 11 часов вечера 11 июля.

[45] Зиссерман А.Л. Отрывки из моих воспоминаний. «Русский вестник» (РВ). 1876, № 4. С. 421.

[46] РА. 1890, № 2. С. 177.

[47] ВС. 1859, № 5. С. 47.

[48] ВС. Там же. С. 52.

[49] «Обзор...». С. 71.

[50] Там же. С. 72.

[51] «Обзор...». С. 75.

[52] ВС. 1959, № 5. С. 42.

[53] «Русский инвалид». 1845. №142 от 28 июня, № 152 от 10 июля, №153 от 11 июля, Прибавление к № 162 от 20 июля, № 165 от 25 июля, № 174 от 4 августа, Прибавление к № 185 за 19 августа.

[54] «Русский инвалид», № 142.

[55] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 1. С. 328.

[56] Письмо А.П. Ермолова к гр. М.С. Воронцову от 31 августа 1845 г. РА. 1890. Т. 2. С.173.

[57] «Обзор...». С. 77.

[58] Архив князя Воронцова. Т. XXXVI, М. 1890. С. 285.

[59] Блиев М.М., Дегоев В.В. С. 379.

[60] Там же. С. 381.

[61] «Военный журнал» (ВЖ), 1855. Кн. IV. С. 27–44.

[62] «Артиллерийский журнал», 1856. №№ 1, 2.

[63] ВС, 1859. № 5. С. 1–63.

[64] Там же. С. 62–63.

[65] КС. 1882. Т. 6. С.

[66] Павлюк К. К. История 51 пехотного Литовского полка. 1809–1909. Одесса. 1909; Казбек Н.Г. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861.Очерк истории 79 Куринского пехотного полка. Тифлис. 1895; Брюховецкий. 100 лет боевой и мирной жизни 79 пехотного Куринского полка. 1802–1902. СПб., 1902; Зиссерман А. Л. История 80 пехотного Кабардинского полка (1826–1880). СПб., 1881; Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. (1700–1892). СПб., 1892 и др.

[67] А.О. Рубка леса. Лесная война в Чечне и Дагестане. ВС. № 11.

[68] Дата окончательного покорения Кавказа — 1864 год — некоторыми историками считается условной, по-прежнему идут споры о ее точности, но мы придерживаемся общепринятой датировки.

[69] «КС», 1876. Т. 1. Эти слова вел. кн. Михаила Николаевича очень точно отражают состояние архивных дел в наше время. Несмотря на значительный комплекс, сохранившихся документов по истории Кавказской войны, некоторые исторические периоды, например Даргинская экспедиция, слабо отражены в фондах РГВИА. В свое время, при передаче архивных дел из ЦГИА Грузинской ССР в Москву, грузинские архивисты не передали по актам наиболее интересные дела по истории

Кавказской войны, оставив их у себя на основе временного хранения. После распада СССР вопрос о передаче этих дел даже не рассматривался, доступ к ним в настоящее время затруднен по многим причинам, как объективным, так и субъективным.

[70] ВС. 1864, № 7. С. 189.

[71] Там же. С.229.

[72] ВС. № 7. С. 221–223.

[73] ВС. 1907, № 3. С. 19.

[74] Там же.

[75] КС. 1877. Т. 2. С. 117–141.

[76] Там же. № 152.

[77] КС. 1877. Т. 2. С. 121.

[78] КС. 1879. Т. 3. С. 251–375.

[79] Там же. С. 287.

[80] КС. 1879. Т. 3. С. 373.

[81] Белевич К. Воспоминания о Слепцове и Пассеке. «Нива». 1872, № 32. С. 508.

[82] Павлюк., С. 411.

[83] РА. 1890. № 2. С. 249–278.

[84] РА. 1890. № 2. С.278.

[85] РГВИА. Ф. 400. Оп. 201. Д. 2390. Л. 8-16.

[86] ВС. 1906, №№ 11–12, 1907, №№ 1–4.

[87] Кавказская экспедиция в 1845 году.

[88] ВС. 1906, № 11. С. 5. В дальнейшем Б.М. Колюбакин не всегда будет придерживаться первоначальных суждений об одних и тех же событиях и людях.

[89] РС. 1910. № 10. С. 79; 1911, № 2. С. 276, № 3. С. 460

[90] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1091. Л. 1-1об.

[91] РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1092. Л. 1.

[92] «Кавказский календарь». Тифлис. 1846.

[93] ВС. 1906, № 12. С.19.

[94] ВС. 1907, № 3. С. 9.

[95] Там же. С. 12.

[96] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 924. Л. 47.

[97] РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 167. Л. 303 об.

[98] ВС. 1906. № 12. С. 24–25.

[99] ВС. 1907, № 2. С. 9.

[100] Там же. С. 28.

[101] ВС. 1906, № 12. С. 16.

[102] ВС. 1906, № 11. С. 6.

[103] ВС. 1907, № 4. С. 35.

[104] Там же. С. 41.

[105] Там же. С. 31.

[106] ВС. 1906. № 12. С. 46.

[107] РС. 1910, № 11. С. 274.

[108] Там же, № 4. С. 191.

[109] Андреевский Э.С. Даргинский поход. 1845 г. // в кн. «Архив К. Э. Андреевского». Т. 1. Одесса. 1913.

[110] «Кавказ». 1892, № 92, 93.

[111] «Русский инвалид». 1894, № 39.

[112] «Старина и новизна». Кн. VI. С. 129.

[113] «Заря». 1870, № 9. С..325–329.

[114] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 10.

[115] «Звезда». 1996. № 6. С. 181–191; Воспоминания генерал-майора Августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // Гордин Я.А. Кавказ. Земля и кровь. СПб., 2000. С. 360–376.

[116] Эйзен фон Шварценберг К. К. О военных действиях на Кавказе в 1844 и 1845 гг. // Южный сборник в пользу пострадавших от неурожая. Одесса. 1892, с. 101—110.

[117] Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846. Часть 2. «Старина и новизна». 1903. № 6. С. 41–215; Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С.408-506.

[118] Филипсон. Воспоминания. 1837–1847. Там же. С. 195.

[119] РВ. 1876, № 4. С. 419–423.

[120] Чернышев А.И., кн., военный министр (1827–1852).

[121] РВ. 1876, № 4. С. 423.

[122] Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. Москва. 2000. С. 205.

[123] Там же.

[124] Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. РА. 1876, № 3. С. 303-306.

[125] «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. VII. Тифлис. 1873. С. 29–32.

КАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1845 ГОДУ

Рассказ очевидца В. Н. Норова*

Покорение нами Кавказа, если не считать походов Петра Великого,[1] а считать лишь со времени вступления наших войск в Грузию в царствование императора Павла длилось целых 60 лет и в длинной серии годов этой завоевательной борьбы особый интерес представляют годы наших серьезных и чувствительных неудач, неудач вследствие совершенно несоответствующего свойствам природы края и нашего противника планам и способам действий употребления сил и средств. Таковыми годами неправильного, нецелесообразного ведения политики и войны на Кавказе следует считать крупный период со времени увольнения с Кавказа Алексея Петровича Ермолова[2] до середины 50-х годов, т. е. период с 1825 по 1855 годы, иначе весь период царствования Николая I.*

В течение всего этого тридцатипятилетия особенно напряженный и даже роковой характер принимает борьба с 1839 по 1846-й годы.

Роковые и дорогостоящие неудачи 1840-го, 1841-го и 1842 годов разразились катастрофой 1843 года в Дагестане, а значительное усиление войск в 1844 году при нецелесообразном общем плане действий, продиктованном из Петербурга, ничуть не помогло делу. При таких условиях наступил памятный 1845 год, ознаменованный попыткой кончить с Шамилем[3] одним решительным ударом, нанесением его «в центре его могущества, где и утвердиться, т. е. в Дарго, иначе так называемым «походом в Андию и Дарго», один из кровавых эпизодов которого известен под именем «сухарной оказии», или «сухарницы», по солдатскому наименованию.[4]

Исполнение главной экспедиции 1845 года, строго по точному плану из Петербурга, было возложено на вновь назначенного (на смену Нейдгардта,[5] год всего заменявшего Головина[6]) командиром Кавказского отдельного корпу-

---

* По всем вероятиям автор рукописи В. Н. Норов. К сожалению, нам не удалось определить, в какой части он служил и в каком чине, хотя и предполагаем, что в Куринском полку, состоя одновременно при одном из штабов.

** Хотя с 1845 г. и пришли к известной системе, но она не проводилась со всей последовательностью, нарушаясь дорогостоящими и бесценными экспедициями, как — Гергебиль, Салты, Чоха, с 1853 г. началась война с Турцией.[7]

са графа Воронцова, известного победителя Наполеона при Краоне, опытного военачальника и администратора, человека просвещенного, но совершенно незнакомого с условиями ведения войны на Кавказе.[8]

Кавказский корпус уже с 1844 года был усилен из России целым 5-м пехотным корпусом генерала Лидерса[9] и стрелковым батальоном, но ни войска этого корпуса, ни сам генерал Лидерс, ни штаб его, не были знакомы с условиями ведения войны на Кавказе.[10]

Наиболее же опытные, наиболее способные и внушавшие особое доверие войскам кавказские генералы, как, например, известные князь Аргутинский[11] и Роберт Карлович Фрейтаг,[12] не были предназначены к участию в экспедиции и оставлены: первый в южном Дагестане, второй — на Чеченской линии и на его-то долю выпало потом случайно спасти остатки главного отряда от гибели; уже тогда известный Евдокимов[13] тоже не участвовал в экспедиции.

Малоспособный Клюге фон Клюгенау[14] и, хотя и способный и достаточно прославившийся, но молодой и пылкий Пассек[15] не могли заменить недостатка в опытных для горной и лесной войны частных начальников.

К счастью для экспедиционного отряда, в его рядах оказался тогда еще малоизвестный, угрюмый и грубоватый Лабынцев,[16] показавший здесь свои дарования и выручавший отряд во все трудные периоды и минуты этого тяжелого похода. Из опытных командиров в рядах экспедиции следует также отметить типичного кавказца, доблестного командира Кабардинского полка Викентия Михайловича Козловского.[17]

Из Петербурга для участия в походе прибыло значительное число именитой военной молодежи, частью принявшей командование батальонами и ротами, что естественно не могло нравиться строевым начальникам, большей же частью составившей многочисленную свиту главнокомандующего. Одновременно, граф Воронцов, сохранив свиту и штаб своего предместника Нейдгардта, привез еще свой штаб и свою весьма многочисленную свиту, что, в соединении еще со штабом, адъютантами и ординарцами Лидерса, составило весьма значительную, небывалую на Кавказе по размерам группу лиц штабов и свиты, требовавшую значительное число вьючных лошадей, что увеличивало обоз, затрудняло его продовольствие и усложняло его прикрытие, в ущерб подвижности, проходимости и боеспособности отряда.

В состав войск оперировавшего отряда вошли по два батальона от войск кавказских (кабардинцы, куринцы, апшеронцы и навагинцы) и от полков 5-го корпуса и части различных казачьих полков и разного вида милиции, что, нарушая постоянную организацию частей, повело к полной разнородности состава отряда.

Сравнительная для кавказских операций многочисленность отряда, многочисленность свиты, обозов и полная разнородность состава все это подало повод к шутливому наименованию отряда — «армией Ксеркса».*[18]

---

* Воспоминания князя Дондукова-Корсакова.

Огромное большинство кавказских начальников было против плана экспедиции, которая, по их опытному мнению, должна была бы кончиться полной неудачей, и подобное мнение разделяли наиболее авторитетные — Фрейтаг и князь Аргутинский.

Сам граф Воронцов, при объезде линии и попутном обсуждении экспедиции с выезжавшими к нему сюда представляться начальниками, начал терять уверенность в успехе этого похода в горы значительными силами.

Генерал Фрейтаг при встрече с главнокомандующим прямо высказал ему свои опасения за успех предприятия, а князь Аргутинский подал особую записку, доказывая то же самое, что окончательно подорвало у графа Воронцова уверенность в успехе.

«Повергните меня к стопам Его Величества, — писал граф Воронцов военному министру графу Чернышеву от 30 мая 1845 года, накануне выступления из Внезапной, — я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность».[19]

В частности, известный интерес представляет поход 1845 года по участию в нем значительного числа лиц, заявивших себя впоследствии, как на Кавказе, так и вообще в Империи, на всех поприщах дальнейшей службы, и к таковым прежде всего принадлежали буквально все будущие начальники Кавказского края и их ближайшие помощники, а именно[20]: флигель-адъютант полковник князь Барятинский (будущий наместник и фельдмаршал),[21] поручик князь Дондуков-Корсаков (будущий главнокомандующий),[22] князь Василий Осипович Бебутов[23] (победитель турок под Кюрюк-Дара в 1854 г., исправлявший должность главнокомандующего в ожидании приезда графа Муравьева,[24] а впоследствии в крае), князь Леван Меликов[25] и Григорий Орбелиани[26] (бывшие оба помощниками наместника), юнкер Кабардинского полка князь Дмитрий Святополк-Мирский,[27] произведенный за этот поход в первый офицерский чин, барон Александр Павлович Николаи[28] (бывший чиновник у графа Воронцова, впоследствии заведывал гражданской частью наместничества, и министром народного просвещения), генерального штаба обер-офицеры граф Гейден,[29] Леонтьев[30] и А. А. Непокойчицкий[31] (первый здесь раненный, впоследствии — начальник главного штаба, второй — начальник Николаевской академии генерального штаба и третий — начальник штаба Действующей на Дунае армии в 1877 г.), подполковник барон Ипполит Вревский,[32] получивший здесь же на походе командование Навагинским полком (убит в 1858 г., командуя Лезгинским отрядом), прапорщик Гейман[33] (известный по войне 1877 г.), князь Илья Орбелиани (павший в 1854 г. во главе командуемого им Грузинского полка),[34] корнет князь Яшвиль[35] (впоследствии ком. л.-гв. Гусарского полка), капитан Николай Петрович Колюбакин[36] (командовал батальоном Куринского полка, здесь ранен, впоследствии Ереванский и Кутаисский военный губернатор), князь Александр Иванович Гагарин[37] (автор записок о Кавказе, печатавшихся в Во-

енном Сборнике в 1905 и 1906 гг., убит в Кутаиси в 1861 г., будучи военным губернатором), князь Сергей Илларионович Васильчиков[38] (впоследствии командир Ширванского полка), граф Бенкендорф,[39] тяжело здесь раненный (командовал другим батальоном Куринского полка).

Так же следует отметить еще следующих лиц, участников похода: принца Александра Гессенского[40] (родной брат императрицы), сына графа Воронцова Семена[41] (впоследствии командир Куринского полка), графа Александра Сергеевича Строганова,[42] сына фельдмаршала Паскевича,[43] князя Федора Ивановича,[44] князя Александра Голицына,[45] князя Ираклия Грузинского,[46] флигель-адъютанта Сколкова,[47] князя Эмилия Витгенштейна,[48] тогда еще австрийской службы Иедлинского,[49] известного на Кавказе своими остротами и каламбурами, Беклемишева,[50] графа де Бальмена[51] (здесь убитого, прекрасного рисовальщика, рисунки которого в этом походе с натуры уцелели до нашего времени), юнкера Аммосова[52] (раненного здесь в щеку, умершего в 1887 г. в Кутаиси полковником), генерального штаба офицеров — полковников Мильковского,[53] Левиссона[54] (здесь убитого), барона Дельвига[55] (здесь раненного) и мн. др. еще генералов, штаб- и обер-офицеров, о которых будет упомянуто в изложении рукописи.

Предлежащие по походу 1845 г. мемуары, судя по многим данным, принадлежат перу Василия Николаевича Норова, очевидца событий, служившего, вероятно, в штабе Чеченского отряда у Лидерса, и, как личные воспоминания участника-очевидца, офицера, видимо, с хорошим военным образованием и толкового, обстоятельного и правдивого рассказчика, представляют интерес большой важности.

Обстоятельно изложив подготовку этого сложного похода, в которой он выдвигает наиболее важные данные, автор переходит к изложению хода операции, где он же является со своими личными впечатлениями, причем заметим, нельзя не согласиться с его оценкой событий и лиц, многих из которых он обозначает лишь буквами, которые мы считаем справедливым ныне заменить их настоящими и полными фамилиями.

Эти драгоценные для изучения похода 1845 года мемуары имеют все качества серьезного и обдуманного труда, охватывающего все отделы и отрасли этой знаменательной в истории Кавказской войны экспедиции, особенно останавливаясь на важнейших эпизодах и освещая поход с точки зрения стратегии, тактики и административной. Административной подготовке, столь важной в данных условиях природы театра войны, автор отдает должное место, что даст нам драгоценные данные для теории горной войны, где этой подготовке принадлежит решающее значение.

Громадные потери отряда приведены в приложениях к мемуарам.

Б. Колюбакин[56]

Непрерывная война на Кавказе и в последнее время увеличившаяся по своим средствам есть вопрос, который составляет предмет разнообразным суждениям.

Все, чем можно пояснить необходимость войны на Кавказе, разрешается священным долгом, на России лежащим, защищать грудью против враждебных действий соседних с нею горских народов; а что касается военных средств, увеличившихся в настоящее время для ведения войны, то тому причиною мюридизм, завлекший в свои сети дикие громады хищных племен Кавказа. Секта мюридов возникла вследствие меры нашего правительства, перетолкованной недоброжелателями России в другую сторону. Итак, владычество России на Кавказе и мюридизм суть два обстоятельства, которые требуют подробного разбора.[57]

Дабы приступить к изложению, что побудило наше правительство содержать войска на Кавказе, необходимо начать рассказ со времен отдаленных, т. е. когда в первый раз оружие русских появилось за снежным Казбекским хребтом.

В конце XVI столетия народы, обитавшие за хребтом Кавказских гор, почти беспрерывно находясь в борьбе и между собой и с соседними магометанскими державами, просили помощи у России; правительство наше, не желая отказать, но и не требуя никакого возмездия, послало на Кавказ войска, которые в первый раз явились там в 1594 году[58]; так основались отношения России с Кавказом. Грузия, находясь под ярмом турок, с помощью победоносных русских воинов, мало-помалу восстановила свою самобытность и во вторую половину XVIII столетия, в царствование Ираклия II,[59] Грузия, в свою очередь, была грозою Индии, Персии и Турции. Между тем, отношения России с Закавказьем более и более утверждались, так что, владельцы приморских Каспийских земель и в Дагестане, во время междуусобий своих, просили посредничества России, а Грузия в 1783 году заключила с Россией дружественный оборонительный договор,[60] в силу которого признала над собою покровительство России. Засим наступает эпоха совершенного присоединения Грузии к Русской державе.

Престарелый венценосец Грузии Царь Ираклий II,* коего начало царствования по справедливости можно назвать блистательным, в последние годы своего правления, угасая на смертном одре в Телаве, слышал доходившие к одру его стоны и плач народа над пепелищами своих жилищ и над трупами соотечественников; но дряхлая рука Ираклия уже не была способна избавить Грузию от новых опустошений, нане-

* Ираклий управлял Кахетией 14 лет, а по смерти отца своего, всею Грузиею 38 лет.

сенных турками и соседними горскими племенами; Тифлис, столица Грузии, разорена и предана огню Агою-Магомедом, грозным поработителем Персии, а свирепствовавшая тогда чума в Грузии поглощала и тех, кто избегнули меча и тягостного плена мощного завоевателя;[61] сверх того, внутренние раздоры и раздоры среди семейства царя — все предвозвещало падение Грузии. Смутные обстоятельства сии побудили умирающего Ираклия просить Россию о причислении к империи его царства, с принятием верноподданнической присяги, и решаясь твердо на таковое предприятие, но не успев привести оное еще в исполнение, как смерть постигла царя Ираклия. Преодолев козни мачехи, царицы Дарии,[62] третьей супруги покойного Ираклия, сделаться самой правительницей Грузии или отдать престол кому-либо из ее собственных сыновей (Иулон и Вахтанг были старшими сыновьями царицы Дарии, а все ее семейство состояло из 42-х душ мужского и женского пола), — Георгий XIII,[63] пасынок царицы и прямой наследник после отца своего Ираклия II, принял бразды правления; Георгий, желая исполнить волю покойного родителя и видя шаткость своего царства, колеблемого внешними врагами и внутренними крамолами, послал к Российскому двору посольство с просьбой об утверждении себя на престоле Грузинском и о присылке русских войск на защиту Грузии, а вскоре затем, утратя всякую возможность спасти свое отечество, Георгий просил российского императора присоединить Грузию к Русской державе и утвердить в подданстве. Могла ли Россия отвергнуть просьбу последнего грузинского царя? Конечно, нет; священный долг призывал Россию на помощь единоверцам, чтобы избавить их от магометанского ига. Пока шли переговоры, Георгий, управляя Грузией, успел прекратить отчасти внутренние крамолы, возникшие в последние годы царствования отца его, и с помощью призванных им лезгин охранял временно царство свое от внешних врагов, но через непрерывные труды, видимо, слабел в физических и моральных силах; вскоре тяжкий недуг сложил Георгия на смертное ложе. Он умер в Тифлисе, а на 10-й день по кончине его получены в Тифлисе грамоты российского императора о причислении Грузии к России. Впоследствии засим, когда ясно оказалось, что Грузия не может существовать самобытным царством, по манифесту 12 сентября 1802 года она совершенно присоединена к империи и вместе с тем введено в ней русское правление.[64]

Мелкие владельцы земель, основавшие свою независимость на бессилии Персии при слабых преемниках шаха Надира,[65] составляли в эту эпоху остальное народонаселение Закавказского края; из них более сильные племена: джаро-белоканцы и жители ханства Гандженского (ныне Елисаветпольский округ) ежегодными своими набе-

гами похищали сотни семейств грузинских; Россия прекратила эти набеги, покорив оружием джаро-белоканских лезгин и ганджинцев в 1803 и 1804 годах. Другие горские общества, соседние с Грузией, менее сильные по своему народонаселению, находясь в беспрерывной между собой войне, часто прибегали под защиту русского правительства, самобытно уже утвердившегося за Кавказом через присоединение к империи Грузии, а некоторые из них, как то: Мингрелия, Имеретия, султанство Шурагельское и ханства Карабахское, Шекинское и Ширванское, добровольными трактатами, с оставлением неприкосновенности своих прав, признали над собою владычество России. По убеждении же под Баку русского главнокомандующего Цицианова,[66] ханы, управлявшие в Дербенте, Баку и Кубе, бежали оттуда, боясь наказания, а города эти добровольно сдались и присоединены к владениям России. Приобретя таким образом часть Закавказского края, Россия до 1808 года господствовала на всем пространстве от Кавказского хребта до реки Куры и от Черного моря до Каспия;[67] владея же в Карабахском ханстве сильною крепостью Шушою, в 80-ти верстах от персидской границы, Россия ограждала Грузию от Персии, в случае, если бы со стороны последней предприняты были меры к возвращению провинций, в ее владениях некогда находившихся. Твердые морские границы Кавказа служили путем как для снабжения из России войск наших всем необходимым, так и к сбыту туземных произведений Закавказских провинций. И, наконец, вследствие войны с Персией и Турцией 1826—1829 годов, Россия, имея в виду составление более твердого оплота Закавказскому краю с южной стороны, присоединила к своим владениям покоренные оружием Эриванскую и Ахалцихскую крепости.[68] В таком виде существуют и поныне наши владения за Кавказом. Не изменяя гражданских прав в приобретенных Закавказских провинциях, правительство наше взимает лишь весьма незначительную дань, которая, по местным обычаям, служит туземцам знаком зависимости.

Мощная рука природы поставила границу между Россией и Закавказским краем — горный хребет, который тянется от моря Черного к Каспийскому, ущелья и отроги Кавказского хребта образуют во множестве недоступные места, служащие убежищем горским племенам, которые, не зная иной, как дикой и свободной жизни, и по бедности своей предаваясь грабежу, частыми своими набегами обеспокоивают издавна наши владения за Кавказом. В предупреждение сих набегов, постепенно увеличивавшихся, и с целью учредить сообщение с Грузией более прочное, правительство наше подвинуло границы империи ближе к цепи Кавказских гор, избрав для сего опорными пунктами реки Кубань, Малку и Терек; поселения и небольшие крепости с промежу-

точными постами по новой кордонной линии воздвигались поспешно, русский топор и русская лопата деятельно работали, а штык не дремал. С приближением же новой кордонной линии к морю Каспийскому, где ущелья и отроги Кавказского хребта становятся более неприступными, правительство наше, для обеспечения народов, признавших над собою покровительство России, сочло необходимым построить укрепления, вдвинув их в недра владений враждующих племен; трудно было начало, но оно уже сделано и в настоящее время русское оружие подвигается по возможности все ближе и ближе к Кавказскому хребту, стесняя таким образом круг действий непокорных горцев.*

Ряд изложенных выше событий служит основанием к заключению, что́ побудило Россию принять участие в делах Кавказа, утвердить там свою самобытность и вести войну; засим остается сказать, что́ было поводом к увеличению в настоящее время средств для ведения Кавказской войны, т. е. описать основание и постепенное распространение секты мюридов.

Одновременно с перенесением кордонной линии на берега Кубани, Малки и Терека, политические обстоятельства побудили наше правительство прервать сообщение горских племен магометанского исповедания с Персией и Турцией, отправлявшихся на поклонение в Мекку. Перетолкованная в дурную сторону мера эта взволновала горцев и в Казыкумыкском ханстве в Дагестане явились предприимчивые честолюбивые фанатики, которые под личиною усердия к вере, утратившей будто бы через запрещение странствования в Мекку свою чистоту, образовали новую исправительную секту мюридов. Секта эта, проповедуя строгую жизнь и независимость от никакой власти, а тем более от власти неверных, разумея под сим названием русских, взывала: «...кто истинный магометанин, тот обязан почитать первым долгом каззават или газзат, т. е. вести войну против неверных». Вот начало мюридизма, основавшегося с 1823 года за мнимое поборничество веры.

Некоторые из магометанского духовенства, предвидя от введения мюридизма дурные последствия, стали опровергать новое учение, но глава мюридов Кази-мулла[69] оружием заставил их умолкнуть, отдав имущество их на разграбление приверженцам своим, и, присвоив себе духовную власть, распространил свое владычество и в политическом отношении над многими племенами Дагестана.

Нельзя не упомянуть, что некоторые из обществ дагестанских, управляемые шамхалом Тарковским, успели отстоять свою независимость,

* Рукопись эта писалась в конце сороковых годов.

и, может быть, правительству нашему удалось бы уничтожить вредную секту фанатиков, но Россия занята была тогда более важным делом, воюя с Персией и потом с Турцией.*

Грозно преследуя не признающих правил новой секты и постепенно усиливая свою власть, Кази-мулла предпринял, наконец, наступательные действия против ближайших к Дагестану укреплений наших и хотя не мог приобрести никакого успеха, но распространяемая им секта, увеличиваясь в своей численности, уже не могла не обратить внимания России и не принять, с своей стороны, к преследованию фанатиков самые деятельные меры. В 1832 году русские войска под начальством корпусного командира барона Розена[70] выступили в горы и, выражаясь общепринятым на Кавказе словом, наши застукали Кази-муллу с его толпами на берегах Сулака, при впадении в оную Андийского Койсу; многие из ревностных последователей его и сам Кази-мулла, после отчаянного сопротивления под Гимрами, были убиты. Мюридизм со смертью Кази-муллы ослабел на время, но корни его оставались, служа приманкою честолюбия предприимчивых фанатиков, и вскоре захватил власть Гамзат-бек,[71] первый из мюридов убитого Кази-муллы. Недолго ж, однако, продолжалось владычество Гамзата: в 1832 году признанный военноначальником и главою обществ, восставших за поборничество веры, Гамзат-бек не существовал уже в 1834 году: он погиб в Аварии от руки мстителя за невинно пролитую кровь Аварского владетельного дома.**

---

* До 1827 г. шамхальством Тарковским и другими обществами южного Дагестана управлял шамхал Тарковский, нашей службы генерал-лейтенант; во время смут, вследствие мюридизма в Дагестане возникших, шамхал, для личного засвидетельствования своей невиновности, предпринял поездку в Петербург, но на возвратном пути по приключившейся болезни умер в России; со смертью шамхала Тарковского Кази-мулла взволновал весь почти Дагестан.

** О смерти Гамзат-бека рассказывают следующим образом: Авария, соседняя с Дагестаном провинция, управлялась последним потомком из Аварского дома, молодым ханом Нуцалом и, не принадлежа к последователям мюридизма, находилась в дружественных отношениях с Россией. Гамзат-бек с целью возмутить Аварию, собрал войска, подошел с ними к Хунзаху, столице Аварской, и переговорами хотел склонить молодого Аварского хана отложиться от России. Нуцал колебался и готов уже был согласиться на льстивые предложения послов Гамзата, но престарелая мать хана, женщина с волей твердой и умом светлым, узнав о готовности сына своего принять предложения Гамзата, с обнаженной шашкой явилась на совещание и объявила посланным: «Если хан баба, то я, женщина, прогоню Гамзата от аварских границ». Находясь под влиянием матери и воспламененный ее словами, Нуцал немедленно отпустил послов Гамзата без исполнения его предложения. Засим последовала битва и толпы Гамзата, разбитые аварцами, удалились в свои владения. В следующем 1834 году Гамзат-бек с тем же намерением снова подступил к Хунзаху, но на этот раз для

По смерти Гамзат-бека главой мюридов является Шамиль, более счастливый своих предшественников. Карая непослушных учению мюридизма неумолимою смертью и расхищением имущества, Шамиль с непоколебимою твердостью успел захватить в свои руки власть над многими горскими обществами; он управляет ими деспотически и по требованиям его сбираются ныне многочисленные толпы с целью нападать на русские владения; успешные действия со стороны его в 1839 году доставили ему несколько орудий с запасом артиллерийских снарядов; сражаясь с русскими в толпах, на позициях менее доступных, Шамиль основал в рядах горцев некоторый порядок, который они соблюдают во время боя; вот причины, по коим в настоящее время военные действия с нашей стороны требуют более усиленных средств и результат оных не всегда достигает желаемого успеха.

Район вредного учения мюридизма, проповедывающего равенство и зависимость от духовенства, ограничивается левым флангом Кавказской линии, т. е. от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги.

овладения Аварией употребил хитрость: он вызвал в свою ставку Сурхая, брата ханского, под видом переговоров, и задержал его у себя. Нуцал, тщетно ожидал возвращения брата, поехал сам к Гамзату, взяв с собой конвой, из 40 всадников составленный; по прибытии к ставке Гамзата, сперва весь конвой, а потом оба брата убиты были изменически, а Гамзат, вступив с войсками своими в Хунзах и умертвив во дворце всю ханскую фамилию, объявил себя правителем Аварии. Зная право сильного, аварцы признали Гамзата своим правителем. Но в том же году явился мститель. Народ аварский, тяготясь властью поработителя, предложил двум молочным братьям убитого хана отомстить убийце и, составив заговор на жизнь Гамзата, избрали главою оного младшего брата, известного впоследствии наиба Шамиля Гаджи-Мурата;[72] местом для исполнения мести назначена мечеть в Хунзахе, в праздничный день, когда придет на молитву свосвольный поработитель Аварии. Гамзат, предупрежденный о заговоре, на жизнь его составленном, в наступивший праздник отправился с вооруженным конвоем в мечеть, приказав не впускать в оную никого из посторонних с оружием; Гаджи-Мурат, старательно скрыв пистолет, с братом своим вошел в мечеть прежде; вскоре прибыл Гамзат-бек и при входе в мечеть, встретив Гаджи-Мурата с братом, Гамзат сказал им, что знает их замысел и пришел разрушить его, но едва кончил эти слова, пал, смертельно пораженный пистолетным выстрелом, направленным в него Гаджи-Муратом; конвойные Гамзата сделали несколько выстрелов по братьям — старшего убили, но младший спасся, склонившись наземь. Несколько секунд лишь засим требовалось, чтобы на тревогу эту воины Гаджи-Мурата ворвались в мечеть и, перебив всех конвойных Гамзат-бека, провозгласили правителем Аварии чудесно спасшегося от смерти Гаджи-Мурата.

Гаджи-Мурат долгое время находился в согласии с Россией и получил чин генерал-майора, но с 1837 года по интригам Мехтулинских владетелей был заподозрен и арестован, бежал, отложился и присоединился к Шамилю: он находится ныне (т. е. в 1846 году) в звании наиба и пользуется большой доверенностью у Шамиля.

Что же касается народов правого фланга линии, обитающих по хребту Кавказских гор от Военно-Грузинской дороги до Черного моря, то при всех многократных стараниях Шамиля основать среди их мюридизм, он нисколько не успел, ибо Закубанские племена, коих население состоят из крепостного звания, дворян и аристократии, оспаривая мнимые правила фанатиков, как не соответствующие народности их и преимуществам, усвоенным аристократии, твердо отстояли свою независимость.

1845 год

Командовавший Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Нейдгардт, по окончании военных действий на Кавказе в 1844 году, составил следующее предположение занятиям на 1845 год: «...войска на всей Кавказской линии употребить в течение 1845 года к устройству Лабинской и передовой Чеченской линий, на заложение крепости в Маиортупе или Ачхое, и для окончания построек в крепостях и укреплениях Надежинской, Владикавказа, Воздвиженской, Грозной, Куринского укрепления и Внезапной, ограничиваясь при сем одной только обороною наших пределов от набегов горцев».

Предположение это он представил на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение.

Его Императорское Величество, рассмотрев предположение генерала Нейдгардта и изменив оное относительно войск на левом фланге Кавказской линии, Высочайше повелеть соизволил: «...произвести наступательные движения в горы, для чего войска, собранные у Воздвиженской крепости, т. е. Чеченский отряд, двинуть к Маиортупу и в соединении у этого аула с войсками, имеющими прибыть с Кумыкской плоскости через Куринское укрепление, оба отряда сии направить в Дарго (столицу Шамиля), которое разорив, следовать в Андию; войскам же Дагестанского отряда в то же время произвести наступательное движение от Чиркея, через Салатау и Гумбет в Андию же. Сосредоточенные таким образом в Андии Чеченский, Кумыкский и Дагестанский отряды должны оставаться там такое время, какое нужно будет по соображению обстоятельств на месте, причем для вящего обеспечения Андии построить временное укрепление для 6-батальонного гарнизона».

Впоследствии, по совещанию в С.-Петербурге о военных действиях на Кавказе в 1845 году и по представлению генерал-лейтенанта Гурко,[73] нарочно для сего в С.-Петербург вызванного, сделано было еще

изменение: «...войска Чеченского отряда, расположенные у Воздвиженского, у Кумыкского укрепления Амир-Аджи-Юрта, сосредоточить в Маиортупе; оттуда двинуть их во Внезапную и Салатау, где на Бортунайских высотах соединясь с Дагестанским отрядом, через Гумбет, занять Андию. В Андии устроить укрепление для 6-ти батальонов пехоты и, снабдив гарнизон провиантом на всю зиму, Чеченскому отряду следовать в Ичкерию, взять и разорить Дарго — жилище Шамиля, и выйти через укрепление Герзель-аул на линию; остальное затем время года употребить войска Чеченского отряда для окончательных построек по Воздвиженскому укреплению».

Таковое предположение о военных действиях на 1845 год оставалось неизменным до прибытия на Кавказ главнокомандующего графа Воронцова.

Начальник Чеченского отряда, генерал от инфантерии Лидерс, командовавший в прошлом 1844 году Дагестанским отрядом, имея в виду главную цель настоящего похода, т. е. покорение Андии, и зная, с какими трудами и отягощениями сопряжен поход в горах, считал необходимым довести в Андию войска совершенно свежими и в полном составе, и почему, в мнении своем, представленном на благоусмотрение главнокомандующего, изложил следующие соображения: «...двинуть войска вверенного ему Чеченского отряда из Воздвиженского через Грозную, Умахан-Юрт, Куринское укрепление у берегов Ярык-су, соединясь с Кумыкским отрядом, направленным туда же из Амир-Аджи-Юрта, выступить в полном составе во Внезапную. Из Внезапной через Салатавию, где на Бортунайских высотах, усилив отряды присоединением войск Дагестанского отряда, совокупными силами продолжать наступательные движения в Гумбет и Андию; по взятии Андии и по обеспечении пути сообщения отрядов с линией, следовать в Дарго; взятие и разорение Дарго должно составить окончательное предприятие наступательных движений войск наших в горы. Из Дарго, сообразуясь с обстоятельствами, направить войска через ичкеринские леса или в Маиортуп для заложения там укрепления, или через Герзель-аул в Чах-Кери, где остальное время года занять Чеченский отряд окончательными постройками по Воздвиженскому укреплению».

Главнокомандующий, вполне одобрив предположения генерала Лидерса, по предоставленной себе от Государя Императора власти, утвердил оное и приказал исполнить, а для наблюдения за наступательными действиями граф Воронцов принял главное начальство над экспедицией.

Для отвлечения горцев от действий отрядов под главным начальством главнокомандующего другие войска наши собраны были еще в следующих местах: Самурский отряд, под командою генерал-майора

князя Аргутинского-Долгорукова, на юге, против южного и среднего Дагестана; Лезгинский отряд, под командою генерал-лейтенанта Шварца,[74] наблюдал за лезгинскими племенами, находясь в сношении с Самурским отрядом; Владикавказский комендант генерал-майор Нестеров[75] наблюдал за горскими обществами на северо-запад от главных действующих отрядов; и, наконец, начальник левого фланга Кавказской линии генерал-майор Фрейтаг, соображаясь с обстоятельствами, обязан был из наблюдательного положения за Терекской, Сунженской и вновь воздвигаемой передовой Чеченской линиями переходить в наступательное положение, с целью отвлекать чеченцев от района действия войск под начальством главнокомандующего, как ближайших туземцев.*

Границами военных операций на левом фланге Кавказской линии в 1845 году, соединенных под начальством главнокомандующего отрядов, были: с северной стороны — река Терек, истоки Сунжи и владения шамхала Тарковского и часть Салатау; с южной стороны — войска доходили до берегов Андийского Койсу, впадающего в Сулак ниже бывшей Мятлинской переправы: и, наконец, с запада, не переходя сначала верховьев Аксая, а потом у Дарго переправившись, войска наши, по левым аксайским отрогам, следовали в Герзель-аул.

Терек, вытекающий из Дарьяльского ущелья, отделяет Военно-Грузинскую дорогу от владений туземцев, обитающих на правом берегу сей реки и далее на пространстве отраслей Казбека до Сулака; за Владикавказом Терек принимает течение влево, отдаляясь от Военно-Грузинской дороги; но, потом опять приближаясь к ней, в 50-ти верстах от Владикавказа описывает течением своим дугу, параллельно которой проходит Военно-Грузинская дорога до Кавказской линии у Екатеринограда; отсюда воды Терека берут направление к востоку, омывая наши казацкие станицы; у Амир-Аджи-Юрта Терек поворачивает на северо-восток, а от Кизляра снова на восток и, в $71^{1}/_{2}$ верстах от последнего, впадает тремя рукавами в Каспийское море; многие из нагорных рек втекают в Терек между Владикавказом и Екатериноградом на пространстве более 100 верст; до Галюгаевской станицы (за Моздоком в 20-ти верстах) Терек по своей широте походит на нагорный ручей, но затем берега его расширяются и Терек принимает вид реки; от Владикавказа до истоков своих левый берег Терека малогорист, безлесен и почти на всем этом протяжении командует правым берегом; при разливах, которые случаются по нескольку раз ежегодно, Терек затопляет на значи-

* Как увидим, оставление Фрейтага на левом фланге линии, как бы сторожа Большую Чечню, было прекрасной мерой, давшей возможность этому выдающемуся кавказскому деятелю спасти главный действующий отряд от конечной его гибели.

тельное расстояние окрестные места и наши станицы, на левом берегу устроенные; быстрота вод терекских и каменное ложе препятствуют судоходству и по этой же причине до сих пор нет постоянного моста через Терек; переправа производится на паромах, которая с прибылью воды делается медленной и требует больших усилий. Местность, заключающаяся между Тереком и левым берегом Сунжи, впадающей в Терек у ст. Щедринской, перерезана горами, лишена вод и лесов, а потому мало заселена. Левый берег Сунжи, составляя опорный пункт против вторжений горцев в наши владения, избран для постройки в удобных местах укреплений, постоянно занятых гарнизоном с артиллерией, и ряд этих укреплений от Назрана до Умахан-Юрта, составляет оборонительную Сунженскую линию. За Сунжей, где от Чах-Кери (Воздвиженское) предполагается воздвигнуть передовую Чеченскую линию, местность, возвышаясь по направлению к отраслям Казбекского хребта, становится более гористой, нагорные воды текут в изобилии, повсюду зеленеют леса с вековыми и густоразросшимися деревьями, небольшие долины среди горных речек и ручьев служат местами туземных аулов, виноградные сады и фруктовые деревья востока с избытком снабжают своими плодами; путь в этой части Кавказа весьма затруднителен для войск, а для обозов и артиллерии едва проходим.

Жители гор, ближайшие к нашей Сунженской линии, суть: ичкеринцы, ауховцы и салатавцы. Они, по обычаям своим, хотя и не признают над собой никакой власти и не управляются никакими законами, но в настоящее время, с распространением мюридизма, честолюбивый фанатик Шамиль захватил власть над ними и как ими, так равно и многими племенами, обитающими на юге гор среди обнаженных скал, управляет деспотически и варварски; он уже внушил им страх к себе и месть к русским. Наиболее преданное племя Шамилю есть ичкеринцы, между коими он имеет постоянное жительство с 1839 года, т. е. с паденiем Ахульго пред русским оружием.[76] Туземцы, обитающие на юге гор до берегов Андийского Койсу, между которыми отозвалось в нынешнем году русское оружие, составляются из племен, населяющих Гумбет, промышленную и богатую Андию, Чарбили и Технуцал; большая часть из лезгинских обществ и другие с ними соседние также преданы Шамилю. Все поименованные племена живут семействами, а по недостатку в лошадях сражаются чаще пешими; идя в бой, они одеваются весьма бедно и даже нищенски, и лишь оружие, как то: винтовка, шашка и кинжал, могут составить предмет добычи в деле с ними. Отличительные черты характера их суть: защита собственности, приобретение невольников и отважность в бою, основанная на фанатизме и грабеже. На востоке от впадения Сунжи в Терек, между сею последней и Сулаком, до Каспийского моря, на местности более ровной, обитают

кумыки. Народ этот, происходящий от татар, управляется своими князьями, и некоторые феодальные законы имеют у них свою силу — дворянство у кумыков переходит из рода в род. Равнины, кумыками населяемые, хотя и в избытке орошаются водами, но недостаток в фураже чувствителен и делается более ощутительным по мере склонения плоскости к Каспийскому морю. Конь есть важное животное у кумыков; отправляясь из дому за делом, они не странствуют пешком, но непременно на коне; отправляясь и на грабеж, они также на коне, а потому пехоты у них вовсе нет. Кумыки живут в мирных с нами отношениях.

От владений кумыков на юг обитают племена дагестанские, управляемые своим шамхалом; прежде они находились под покровительством России, а ныне частью отложились. Дагестанцы, не признавая над собою никакой чужой непосредственной власти, а также и власти Шамиля, нередко, однако, бывают вынужденными преклонять пред последним свою волю, во избежание страшного его меча и расхищения имуществ своих. Четыре нагорные реки: Андийское Койсу, Аварское Койсу, Кара-Койсу и Казыкумыкское Койсу, протекая на восток, наполняют своими водами довольно широкую и быструю реку Сулак, составляющую границу между Дагестаном и соседними с ним горскими племенами, к западу обитающими; природа, отделив дагестанские общества рекой Сулак, вместе с тем бросила отличительную черту и на характер туземцев, и на все пространство, ими заселяемое; проблеск образованности, хотя в весьма малой степени, но уже заметен между дагестанцами, и они чуждаются отчасти грабежа: местность Дагестана покрыта голыми и часто недосягаемыми скалами, служащими приютом во множестве диких птиц; растительность в Дагестане лишена природной своей силы.

Войска, назначенные к походу в горы на лето 1845 года, к 1-му числу мая собраны были: Чеченский отряд, под начальством генерала от инфантерии Лидерса, с северной стороны Чечни, состоял из 15-ти батальонов пехоты, 2-х рот саперов, роты стрелков, 1000 чел. Грузинской пешей милиции, 6 сотен линейных казаков, 7 сотен Грузинской, Кабардинской и Дигорской конных милиций, 22-х орудий полевой и горной артиллерии.

Кумыкский отряд, под командою генерал-майора Белявского,[77] на Кумыкской плоскости, составлен из 11-ти батальонов пехоты, 10-ти сотен казаков и 12-ти орудий.

Дагестанский отряд, под командою генерал-лейтенанта князя Бебутова, в северном Дагестане сосредоточенный, состоял из 11 батальонов пехоты, 2-х рот саперов, 2-х рот стрелков, 12½ сотен казаков, 2-х сотен дагестанских всадников и милиции и 24-х орудий.

Численная сила сих трех отрядов простиралась: пехоты — 37 батальонов, батальон саперов, три роты стрелков и 1000 чел. Грузинской пешей милиции; кавалерии — 38½ сотен и артиллерии — 58 орудий.

На предмет доставления войскам продовольственных и военных запасов назначались следующие перевозочные средства: артиллерийские запасные № 14-й и № 20-й парки, конных подвижных транспортов — 488 повозок, воловьего транспорта — 400 повозок и конно-вьючных и черводарских — 2000 лошадей: из сих перевозочных средств конные и воловьи повозки распределяются по войскам, по возможности и по мере надобности, вьючные же транспорты, все без исключения, следуют при войсках в горы.

Как с открытием наступательных движений для сохранения границ наших и наблюдения с линии за неприятелем необходимо было оставить на некоторых более важных пунктах небольшие отряды, то для сего из общей численности поименованных выше трех отрядов отделены: 16 батальонов пехоты, 22 сотни кавалерии и 14 орудий с расположением их: в Воздвиженском укреплении на сообщении крепости Грозной с Тереком в кр. Грозной и Внезапной, в укр. Куринском, на Кумыкской плоскости, на сообщении Темир-Хан-Шуры с Дагестаном, в Темир-Хан-Шуре, в Шахмальских владениях и на сообщении Темир-Хан-Шуры с Евгеньевским, Петровским и Казиюртовским укреплениями. Таким образом, за исключением сих войск, Чеченский, Кумыкский и Дагестанский отряды выступили в горы в составе:* первый — 8-ми батальонов пехоты, 2-х рот саперов, роты стрелков, 1000 пеших грузин, 4-х сотен казаков, 7-ми сотен конной милиции и 18-ти орудий; второй — 6-ти батальонов пехоты, 2-х сотен казаков и 6-ти орудий; третий — 7-ми батальонов пехоты, 2-х рот саперов, 2-х рот стрелков, 1½ сотни казаков, 2-х сотен всадников и 20-ти орудий; вся же боевая сила трех отрядов со стороны Чечни и Дагестана, выступивших в горы, простиралась до: 21 батальон пехоты, батальон саперов, 3 роты стрелков, 1000 пеших грузин, 16½ сотен конницы и 44 орудия. Пехотные батальоны, средним числом, имели по 715 штыков, наиболее комплектные бата-

* Учет и состав колонн по официальному источнику представляет некоторые различия. В Чеченском и Кумыкском отрядах вместе, соединенных в один общий Чеченский отряд, было: 1-й батальон Литовского, 1-й и 3-й Прагского и Люблинского, 2-й Замосцкого, 3-й и 4-й Навагинского, 1-й, 2-й и 3-й Куринского, 3-й Кабардинского, итого 12 батальонов, затем 2 роты саперов, 2 роты стрелков, 4 сотни казаков, 2 сотни Кабардинской, 5 сотен Грузинской и 1 Осетинской конной милиции и 28 орудий (из коих 4 конных).

В Дагестанском отряде: 1-й и 3-й батальоны Минского, 1-й и 3-й Житомирского, 1-й, 2-й и 3-й Апшеронского и 1-й и 2-й Кабардинского пех. полков, итого 9 батальонов.

льоны были два Навагинского полка — по 828 штыков, а менее комплектные батальоны Прагского полка — по 547 штыков, а в роте стрелков 132 ружья; по расчету сему, роты, как наичаще отдельно действовавшие в бою, при выступлении в горы, средним числом, имели по 180 штыков в каждой.*

Самурский отряд, под командою князя Аргутинского-Долгорукого, для действия по направлению к Кумыху, сосредоточился в южном Дагестане — в Чирахе. Лезгинский отряд, под командою Шварца, находился в крепости Закаталах. Оба эти отряда во время всей экспедиции действовали отдельно от войск, под предводительством главнокомандующего находившихся, то о численности боевой их силы сведений не имеется.

Генерал-майоры Фрейтаг и Нестеров, наблюдая за неприятелем, первый от крепости Грозной, а второй из Владикавказа, постоянно не имели войск в определенном числе, но сосредоточивали их по мере надобности.

Весенние события в 1845 году на левом фланге Кавказской линии

Главнокомандующий войсками на Кавказе и кавказский наместник граф Воронцов, согласно с Высочайшей волей — склонять немирные горские племена к покорности не силою оружия, а преимущественно добрыми мерами — еще с прибытием своим в марте месяце в Керчь, 14-го числа марта же, издал прокламацию к жителям Дагестана следующего содержания:

«Жители Дагестана!

Его Императорское Величество, удостоив меня Высочайшим доверием, соизволил облечь меня полною властью и повелеть мне водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам кавказским тишину и безопасность, которые одни могут обеспечить счастье и благоденствие края.

Многолетний опыт показал вам, что не с оружием в руках и не беспрерывными враждебными действиями вы можете снискать сии благодеяния. Напротив того, упорствуя в дерзком сопротивлении, вы подвергаете опасностям ваши семейства, вы нарушаете благосостояние вашей страны, которую вовлекаете в неизбежные бедствия войны; вы принуждаете правительство употреблять против вас меры строгости, кои будут для вас гибельны.

* Сведения о численности батальонов — ценные данные труда этого.

Жители Дагестана! Подумайте о затруднительном положении, до коего довели вас честолюбие и коварные наущения некоторых людей, употребляющих во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждение. Подумайте о бедственных последствиях, какие неминуемо произойдут от продолжительного настоящего положения вашего.

Если же вы отвратите слух ваш от спасительных слов, мною к вам обращаемых, то будучи обязан сражаться с вами, я призову на вас гнев Божий за пролитую кровь. Но для меня было бы гораздо утешительнее, чтобы вы, вняв гласу рассудка, доставили мне случай привести в точное исполнение благодетельные предначертания Государя Императора. Единственная цель их состоит в том, чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, каких вы можете желать.

Имейте полное ко мне доверие и знайте, что все, что бы ни обещал я вам от имени Государя Императора, будет свято соблюдено и исполнено.

Ваша вера, ваши законы и обычаи, ваши жены и дети, ваше имущество, ваши земли останутся неприкосновенными. Могущество и прямодушие России будут надежными для них покровом и залогом вашего благоденствия.

От вас будет зависеть стяжать сии благодеяния. От вас же зависеть будет, отвергнув их, навлечь на вашу страну, на вас самих все бедствия войны.

Жители Дагестана!

Обсудите внимательно слова мои. Да послужат они вам руководством в ваших действиях. Мне же остается повторить: имейте веру ко мне, положитесь на мои обещания и вы увидите, что они свято будут исполнены».

Того же 14 марта главнокомандующий, по Высочайшему повелению, для обращения в свои ряды находящихся в разных местах у горцев беглых наших солдат, обратился к ним с воззванием:

«Главнокомандующий войсками на Кавказе, генерал-адъютант граф Воронцов, объявляет сим по Высочайшему Государя Императора повелению всем русским солдатам, бежавшим из разных полков и команд в горы до ниже означенного числа (14 марта 1845 года), что те из них, которые добровольно явятся из бегов, Всемилостивейше прощаются и поступят по-прежнему без всякого наказания или какого-либо взыскания на службу.

Таковой Всемилостивейшей Государя Императора милости исключаются:

1. Те из беглых, которые обвиняются в убийстве, и
2. Те, которые бежали с часов.

Главнокомандующий надеется, что беглые солдаты поспешат воспользоваться Монаршим прощением и милостью и не захотят оставаться долее в нищете и среди иноверцев».

Прокламация, переложенная на татарский язык, и воззвание на русском языке разосланы были с лазутчиками по принадлежности во всеобщее сведение.

Дагестанские племена, не вняв радушному к ним обращению графа Воронцова, остались по-прежнему врагами русских: в разных местах бывшие у них совещания о покорности и водворения дружелюбных с нами отношений оканчивались, по наущению Шамиля и его приближенных, без всякого результата. Что же касается беглых солдат наших, то весьма немногие на воззвание главнокомандующего перешли по-прежнему в свои ряды; впрочем, взятому в плен, так равно и добровольно перешедшему к горцам, освободиться от них, есть дело трудное и требует необыкновенной смышлености.

В начале весны 1845 года горцы по страсти к хищничеству делали набеги на плоскость в разных пунктах, руководимые к тому или собственным произволом, или подговорами Шамиля и его приверженцев.

В первых числах марта в южном Дагестане собралась сильная партия мюридов с тремя орудиями, под начальством изменившего русским бывшего Елисуйского султана Даниель-бека;[78] партия эта имела целью опустошать и грабить жилища тех из единоверческих с нею племен, которые хотя и не были в мирных с нами отношениях, но довольные своим состоянием, не хотели вступать в ряды против русских. Даниель-бек брал у них аманатов, а которые оказывали малейшее расположение к русским, истреблял оружием и забирал силой. Таким образом важный для нас аул Чох перешел в руки этой партии, после двухдневного сопротивления чохцев, и уже при появлении здесь небольшого числа наших войск Самурского отряда партия оставила Чох и потянулась по направлению к Акуше. На пути своем в Акушу Даниель-бек остановлен был также войсками нашими, нарочно высланными из северного Дагестана для преграждения ему дороги в Акушу. Встретив неудачу в исполнении своих намерений, Даниель-бек направил партию в лезгинские общества и впоследствии покушался делать набеги на нашу Лезгинскую линию, но и там везде был прогоняем без значительных для нас потерь.

Другая партия до 5000, с тремя же орудиями, собранная по приказанию Шамиля, в начале апреля появилась неподалеку от нашей Сунженской линии и 12 апреля внезапно подступила к Умаханюртскому укреплению. Укрепление это по необширности своей защищается двумя не всегда комплектными ротами, а из 11-ти орудий, в укреплении находившихся, только четыре способны были наносить неприятелю вред, ибо остальные семь, положенные на валу на двух деревянных

брусках, могли сделать не более как по одному и то ненадежному выстрелу и притом в ту только сторону, куда уже с давних пор направлены были своими каналами. Умаханюртский гарнизон отважно встретил неприятельские толпы, в массе, до 16 раз превышавшей численность гарнизона, но по малочисленности своей мог бы погибнуть вместе с укреплением, если бы не подоспел на помощь из Куринского укрепления храбрый полковник Ранжевский с батальоном храбрых же кабардинских егерей; лишь только услышаны были в Куринском укреплении (в 17-ти верстах) первые выстрелы из Умахан-Юрта, как 2-й батальон Егерского князя Чернышева полка немедленно собрался и под командой полковника Ранжевского[79] выступил по дороге на Умахан-Юрт; по первым же выстрелам из Умахан-Юрта, с другой стороны от ст. Червленой спешил на помощь майор Суслов[80] с гребенскими казаками. Едва Ранжевский показался по дороге от Куринского укрепления, неприятель, оставив против атакованного им Умахан-Юрта пехоту свою с орудиями, бросился с конницей до 2000 на батальон Ранжевского; плотное и стройное каре кабардинских егерей с обычной стойкостью отважно встретил горских всадников, и, при беспрерывно возобновлявшихся атаках неприятельских, намерении смять каре, кабардинцы ни разу не дрогнули и занятой ими позиции не уступили горцам ни одного шагу. В таком положении загорелся бой под Умахан-Юртом, когда майор Суслов с казаками уже близко был от места сражения; неприятельская конница, завидя приближавшихся гребенцов, прекратив атаки свои против Кабардинского батальона, быстро отретировалась к своей пехоте. Между тем, сосредоточенное устройство укрепленных наших пунктов на левом фланге Кавказской линии дало возможность прибыть с помощью в Умахан-Юрт и из кр. Грозной, откуда вовремя подоспел к делу командовавший временно войсками левого фланга линии генерал-лейтенант Гасфорт[81] с $2^{1}/_{2}$ тысячами пехоты. Неожиданно для горцев, собравшиеся в значительном числе войска наши, восстановив неравный бой с ними умаханюртского гарнизона, сбили неприятеля со всех мест, занятых им в окрестности укрепления, принудили его отступить и рассеяться по лесам. С нашей стороны потеря в этом деле оказалась весьма маловажною и ограничилась между нижними чинами, но горцы понесли значительный урон, потеряв притом убитым одного из приверженных Шамилю наибов. Нельзя не отдать при сем полную справедливость участвовавшим добровольно в деле 12 апреля мирным чеченцам, жителям умаханюртского предместья по обоим берегам Сунжи; они много содействовали войскам нашим к прогнанию неприятеля.

Таким образом, мужественно отражая хищнические набеги жителей гор, войска, назначенные в экспедицию, готовились к походу и с нетерпением ждали дня выступления.

Летняя экспедиция против горцев в 1845 году на левом фланге Кавказской линии

Открытие военных действий против горцев летом 1845 года назначалось днем 1 мая.

Войска Чеченского отряда, занимая места по общему распределению войск на левом фланге Кавказской линии, сосредоточились к 1 мая у кр. Грозной, Воздвиженского укрепления и на сообщениях Грозной с Тереком и по Сунже.

Главнокомандующий, осмотрев укрепления по Сунженской линии, прибыл 1 же мая в Грозную, обозрел крепость с поселением и делал смотр собравшимся в Грозной войскам.

3 мая через ущелье Хан-кале главнокомандующий отбыл из Грозной в укр. Воздвиженское (Чах-Кери) с конвоем из 2-х батальонов пехоты, 10-ти орудий и 5-ти сотен конницы; следующего дня главнокомандующий обозревал вновь воздвигаемое укрепление и того же 4 мая при отряде из 6-ти батальонов пехоты, роты саперов, роты стрелков, 12-ти орудий и 5-ти сотен конницы, под начальством генерала от инфантерии Лидерса, главнокомандующий выступил по дороге на разоренный аул Аиды; в недальнем расстоянии от этого аула поставленные заблаговременно 2 батальона пехоты при 2-х орудиях и с сотнею казаков конвоировали главнокомандующего в кр. Грозную; возвратившись с сими последними войсками в Грозную, главнокомандующий 5-го числа предпринял дальнейший путь на ст. Червленую, к Кизляру и далее через Кумыкские владения в нагорный Дагестан по Сулакской линии, как для обозрения укреплений по этой дороге, так и для осмотра войск Дагестанского отряда, у кр. Темир-Хан-Шуры сосредоточенных.

Рекогносцировка 4, 5 и 6 мая

Между тем помянутый выше отряд под начальством генерала Лидерса, дойдя 4 мая, т. е. в день выступления из Воздвиженского, до аула Аиды, продолжал следование вверх по реке Гойте. Движение это наших войск предпринято было по распоряжению главнокомандующего для покровительства переселению жителей Джерги-Юрта, обещавшихся покориться, если только войска наши явятся в окрестностях соседнего с ними аула Ахшатой-Юрт, о чем они просили через присланных доверенных людей во время проезда главнокомандующего по Сунженской линии. Предложение таковое со стороны туземцев Джерги-Юрта, по настоящему стесненному положению их и соседних с ними жителей, пришедших в крайнюю степень нужды и нищеты, хотя и заслужи-

вало вероятия, но как в подобных случаях опыт научил русских не верить слепо обещаниям жителей гор, даваемых ими не с должною основательностью, то генерал Лидерс, чтобы избегнуть потери в войсках, предпринял диверсию вверх по реке Гойте с большой осторожностью и по последствиям мера осторожности действительно оказалась необходимой.

Подойдя к Геллен-гойте, отряд встретил передовых чеченцев — их приняли за переговорщиков, но по приближении своем чеченцы не замедлили обнаружить неприязненное к нам расположение, и, постепенно увеличиваясь в своих толпах, они начали отступать; передовые наши войска двигались вперед, не открывая огня. День клонился к вечеру, и генерал Лидерс, озабочиваясь местом для расположения отряда на ночлег, послал кавалерию вперед к Геллен-гойте; казаки, дойдя до гелленгойтовских виноградных садов, встречены были ружейными выстрелами и перестрелка завязалась. Приказав засим кавалерии двинуться к Ахшпатой-Юрту, генерал Лидерс, не занимая садов, остановил пехоту для ночлега в одной версте от Геллен-гойта. Дорога к Ахшпатой-Юрту, пролегающая по опушке леса, также занята была чеченцами, и они с приближением нашей кавалерии открыли по ней беглый ружейный огонь. Отчасти двукратно удостоверясь сим: не в покорности туземцев, а в намерении сопротивляться, генерал Лидерс дал приказание кавалерии присоединиться к пехоте, расположившейся уже на ночлег впереди гелленгойтовских садов; при отступлении нашей конницы человек до 40 чеченцев следовали за ней, не прекращая перестрелки. По сведениям, доставленным лазутчиками, оказалось, что в окрестностях Геллен-гойта и Ахшпатой-Юрта собрана партия чеченцев с гелленгойтовским наибом Саиб-Абдуллой.

Следующего дня генерал Лидерс, желая окончательно разузнать, в какой степени заслуживает вероятие предложенная чеченцами покорность, двинул отряд к Урус-Мартану; на марше этом неприятель из леса вел перестрелку с цепью нашей. Вечером сего же числа, когда отряд остановился на ночлег, на берегах Аргуна показалось несколько вооруженных людей; для осведомления о них от отряда высланный разъезд в числе 50 казаков внезапно атакован был вышедшею из леса толпою чеченцев до 150 человек. Чеченцы, завязав с нашими казаками перестрелку, намеривались отрезать им отступление, но дерзкий этот замысел их разрушен высланными из лагеря нашего двумя сотнями конницы, которые, подоспев вовремя на место боя, ударили на неприятельскую толпу с тыла, и чеченцы, заботясь уже о собственном спасении, поспешно рассеялись и скрылись в лесу. Удостоверившись окончательно, что чеченцы если и желали частью покориться нашему правительству, то таковое их намерение предупреждено гораздо

сильнейшею противною партией, и партия эта действиями своими лишила их всякой возможности к выполнению данного обещания, а как притом движением лесами к Урус-Мартану войска подвергнутся неизбежной и совершенно напрасной потере, и, наконец, если остаться в ожидании благоприятных обстоятельств в лагере под Ахшпатой-Юртом, войска утратили бы много времени, необходимого для приготовлений к предстоящему походу в горы, — почему генерал Лидерс, изложив о вышесказанном в донесении своем на имя главнокомандующего, просил разрешения к возвращению в Воздвиженское укрепление и, получа таковое, выступил с вверенным ему отрядом 6 мая; на обратном пути чеченцы не беспокоили наши войска, чему, впрочем, надо полагать ту причину, что с утра 6-го числа пал густой туман, скрывший от них движение отряда.

В стычках с неприятелем 4 и 5 мая ранены в отряде: казак 1 и Кабардинской милиции 2 человека; 1 кабардинский милиционер, занесенный лошадью далеко вперед, взят в плен, а из них же 4 человека, увидев во время атаки в рядах чеченцев бежавшего из Кабарды князя своего Аслан-бека Мисостова, перебежали к нему.

Возвратившись в Воздвиженское, генерал Лидерс дал приказание начальнику укрепления, дабы он воспользовался временным сбором войск и употребил бы людей для рубки леса, необходимого на сожжение извести и к постройкам укрепления, а 7 мая начальник Чеченского отряда отбыл из Воздвиженского в крепость Грозную, где приуготовительные распоряжения к предстоящему походу требовали его присутствия.

11 мая посетил крепость Грозную Его Герцогское Высочество, принц Александр Гессенский, который с Высочайшего соизволения назначен состоять при главнокомандующем на время экспедиции.

15 мая из Грозной генерал Лидерс переехал в Воздвиженское для осмотра собранных там войск. Во время смотра неприятельская партия до 360 человек показалась из Аргунского ущелья в виду укрепления. 300 казаков немедленно направлены из лагеря к берегам Аргуна: горцы, завидев наших казаков, поспешно скрылись; казаки, пройдя вдоль ущелье до 3 верст и не открыв неприятеля, возвратились в лагерь.

Около сего же времени через лазутчиков получены сведения: 1) в Чечне хотя и не образовалось большого сборища, но в некоторых местах составляются часто небольшие сходки для восстановления всех жителей чеченских против русских и в которых участвуют преимущественно андийцы и гумбетовцы; показание это заслуживало вероятия потому, что партия неприятельская от времени до времени показывалась на сообщении Воздиженского укрепления с крепостью Грозною в Ханкальском ущелье и по Сунже в виду сторожевой нашей Горячеводской башни; и

2) Гехинский наиб Тепи минувшей зимой, имев тайные переговоры с нашим начальником левого фланга, потерял доверенность Шамиля, и последний, на место его, прислал в Малую Чечню наиба Атавая, препровожденного до Хан-кале андийцами в числе 300 человек; в Хан-кале Атавай встречен наибом Саиб-Абдуллою,* а по прибытии в Гехи водворен там, несмотря на некоторое сопротивление партии, нам приверженной.

В следующий после смотра день, т. е. 16 мая, начальник Чеченского отряда, с частью войск, назначенных к предстоящему походу в горы, возвратился из Воздвиженского в Грозную. На марше сего числа генерал Лидерс с кавалерией рекогносцировал берега Аргуна вниз по течению до аула Малого Атаги и осмотрел броды через Аргун.

17 мая, т. е. на другой день по отбытии части наших войск из Воздвиженского, горцы в числе 300 до 400 человек, засев в лесу, внезапно атаковали небольшой отряд наш, который после рубки леса возвращался в укрепление; сделав неожиданный ружейный залп, неприятель бросился в шашки на бывшую в цепи роту Навагинского полка, но атакованные ею в свою очередь горцы рассыпались по лесу и завязали с навагинцами сильную перестрелку, кончившуюся не прежде, как по выходу из леса наших войск на дорогу к укреплению; партией, в лесу собравшейся, начальствовали наибы Минка-Али и Нурали, а также находился и наиб Дуба с 50 чеченцами.

20 мая под крепостью Грозною сосредоточились все назначенные в поход войска Чеченского отряда. Отряду назначено выступить из Грозной двумя эшелонами к Умаханюртской переправе, а оттуда в нераздельном составе следовать во Внезапную; в настоящее время путь этот, преимущественно перед другими, сопряжен был с более удобными переправами через реки, наполнившиеся уже водой с гор, а также менее перерезан был лесами; с сими выгодами имелась возможность, во-первых, рассчитать с точностью время соединения отрядов, по предположению об экспедиции назначенному, и, во-вторых, сохранить войска свежими и в полном составе до открытия военных действий.

Во время сбора войск у крепости Грозной горские хищники в небольших партиях производили тревоги в табунах, пасшихся на окрестных полях, но добычей воспользоваться не могли, а два или три выстрела, пущенных с валов крепости, прекращали тревогу.

Крепость Грозная, построенная в 1818 году генералом Ермоловым, была в то время первым пунктом, который заняли русские у подошвы Чеченских гор. А. П. Ермолов, собрав за Тереком отряд, выступил в горы: несколько дней упорного с обоих сторон боя употреблены были, — пока отряд русский дошел до места заложения нынешней кре-

* Иначе — Саибдулла, или Саиб-Абдулла.

пости; расположив войска на бивуаках и приказав построить для себя землянку,* генерал Ермолов открыл немедленно крепостные работы и как избранный им пункт для крепости по состоянию в то время дел на Кавказе мог служить немалою грозою для ближайших туземцев, населявших Чечню, то А.П. Ермолов наименовал возводимую им крепость Грозная. Впрочем, Грозная и в настоящее время, как для собственной защиты, так равно и в общей цепи с другими укрепленными пунктами по левому берегу Сунжи, составляет прочный оплот против вторжений горцев на линию наших терекских станиц, а до учреждения воздвигаемой ныне укрепленной передовой Чеченской линии, Грозная, в связи вниз по Сунже с Умахан-Юртом и Амир-Аджи-Юртом и вверх по Сунже с Закан-Юртом, Казах-кичу, Наздрановским укреплением и Владикавказом, составляет пока передовую укрепленную линию, прорезывающую по Сунже границу между отложившимися от России племенами Большой и Малой Чечни. Шесть земляных батальонных сомкнутых фронтов средней профили, окруженных рвом, составляют крепость; внутренность крепости не обширна и служит помещением для жилья и хозяйственных заведений штаба Куринского егерского полка; во рву куртины северо-восточного фронта помещается склад пороха и артиллерийских снарядов; чрез ров куртины западного фронта устроен деревянный мост, служащий сообщением с форштатом, где живет начальник левого фланга генерал-майор Фрейтаг; штаб его и батальон Куринского полка помещаются также в форштате; далее за форштатом построено русское поселение; общая невысокая земляная насыпь с пропорциональным впереди рвом, коего эскарп усилен сплошной засекою до поверхности вала, окружает форштат и поселение, а ров этой насыпи примыкает к крепостному рву; на восток от крепости в 2-х верстах виднеются сакли мирного чеченского аула. Подобную крепость скорее можно причесть к временным полевым укреплениям, но на Кавказе и меньшей еще профили крепости страшны для горцев: были бы только надежно вооружены артиллерией.

По северной дороге от Грозной к ст. Червленой, в 13-ти верстах от крепости, на возвышенной местности, устроена сторожевая башня на 15 человек и одно орудие, способное обстреливать всю местность кругом башни.

Далее в 5-ти верстах за башней, по дороге в ст. Червленую, построено небольшое четырехугольное сомкнутое земляное укрепление Горячеводское,** против соседнего с ним аула Старый Юрг; укреп-

* Землянка эта и поныне сохраняется, поддерживаемая назначенным особо ремонтом.

** Горячеводское укрепление носит это название от горячего источника, вблизи находящегося.

ление это вооружено четырьмя орудиями, поставленными по углам и производящими в случае надобности пальбу через банк.[82] Гарнизон укрепления составляется из роты линейного батальона, помещающейся во внутренней деревянной казарме; хозяйственные заведения роты и особо офицерский флигель расположены тоже внутри укрепления.

21 мая 4 батальона пехоты, 2 роты саперов, 4 сотни конницы и 6 орудий, составившие 1-й эшелон Чеченского отряда, выступили, под командой генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау, на Умахан-Юрт. Людям при выступлении из Грозной приказано запастись в крепости водой для питья, по неимению таковой на 30-верстном протяжении.

На другой день, т. е. 22 мая, в тихое, ясное утро, 2-й эшелон Чеченского отряда, приготовляясь к выступлению, становился за крепостью на позицию по северной дороге; войска 2-го эшелона под начальством генерала от инфантерии Лидерса, состояли из 4-х батальонов пехоты, роты стрелков, 2-х пеших дружин грузинской милиции, 7-ми сотен казаков и милиции конной и 6-ти орудий. Еще части 2-го эшелона вытягивались через крепость на позицию, как из-за гор показались хищники и подходили в толпе к месту оставленного войсками лагеря; посланная против этой толпы сотня казаков отогнала ее. Между тем войска, построясь в боевой порядок, ожидали присоединения сказанной сотни казацкой, которая возвратилась к $8^{1}/_{2}$ часам, и в то же время авангард 2-го эшелона двинулся. Переправа через протекающую впереди реку Нефтянку* сопряжена была с большими затруднениями; колесный обоз и артиллерия переправлялись через единственный небольшой мост, построенный через Нефтянку для постоянного сообщения; пехота же, кавалерия и все вьюки переходили вброд, во многих местах по колено в воде, хотя при невысоких, но крутых спусках и подъемах; крик частных начальников для восстановления порядка при переправе оглушал окружную местность; переправа шла медленно; в продолжении $2^{1}/_{2}$ часов войска едва кончили переправляться, тогда как при имевшейся возможности построить днем прежде несколько весьма небольших мостов через Нефтянку можно было переправляться не далее как в полчаса.

Удалая схватка грузинского разъезда с горцами 22 мая

За Нефтянкой стелется балка и, изгибаясь по разным направлениям в соединении с другими большими и малыми оврагами, тянется к гористому кургану, на котором построена описанная выше наша сторожевая башня, по дороге к Горячеводскому укреплению; перерезан-

* Вода имеет примесь нефти.

ная балками местность эта носит название «Орлиного гнезда» и постоянно избирается горцами за пункт засады при движении наших войск, почему генерал Лидерс приказал послать разъезд вдоль балки по направлению к Сунже. Разъезд, из 7-ми конных грузинских милиционеров составленный, отойдя 3 версты, встретил толпу всадников чеченских до 20 человек. Грузины, невзирая на свою малочисленность, отважно бросились на чеченцев, обратили их в бегство и преследовали до берегов Сунжи; при таком решительном натиске нашего разъезда один из чеченцев был убит, трое ранены, а значок, принадлежавший известному наезднику Келхиду из Шали, поставленному Шамилем в наибы нижнеаргунских жителей, достался в добычу нашим милиционерам. Вогнав рассеянную толпу в Сунжу, разъезд присоединился с добытым значком к эшелону, не понеся никакой потери.

Дальнейшее движение 2-го эшелона сего числа по местности, менее гористой и прикрытого авангардом, арьергардом и боковыми цепями по протяжению обозов совершено без тревог со стороны неприятеля. В $2^{1}/_{2}$ часа пополудни войскам дан привал в виду Горячеводского укрепления, а к 7-ми часам, пройдя 32 версты, 2-й эшелон остановился на ночлег по берегу Терека и в 6-ти верстах за аулом Новый Юрт.

Того же 22 мая 1-й эшелон Чеченского отряда, достигнув Умаханюртской переправы и переправясь через Сунжу, расположился лагерем на правом берегу оной в виду укрепления.

23 мая 2-й эшелон продолжал движение к Умаханюртской переправе; дорога пролегала по скатам отраслей Чеченских гор, имея их с правой стороны; недосягаемая для глаза равнина расстилалась влево с тучными полями кукурузы, проса и жита; кое-где протачивались болота, частью от наступивших жаров уже высохшие; луга, покрытые густой и мягкой травой, доставляли приятное отдохновение и прекрасный корм для коней, не так жаркий день, но совершенно ясный, благоприятствовал походу; между полями и местами не далее полуверсты от дороги шумел Терек и с избытком утолял жажду: вообще местность эта живописна и природа бросила здесь много превосходных ландшафтов. У мельниц дорога, принимая направление вправо, тянется вдоль небольшого ручья до подошвы горы Боклай, откуда под острым углом сворачиваясь влево и обогнув скат горы, снова принимает направление вправо и по просекам через мелкий лес приближается к Умахан-Юрту. Хотя по пути между Новым Юртом и Умахан-Юртом нет крутых спусков и подъемов, но местами дорога прорезывает болотистые ручьи, через которые без предварительного исправления почти везде попорченных мостов весьма трудно переправлять артиллерию и обозы. К 4-м часам пополудни войска 2-го эшелона Чеченского отряда подошли к Умаханюртской переправе и начали переправляться на правый берег

Сунжи.* Подобно как и через Нефтянку, войска переправлялись на Сунженском пароме с отсутствием порядка, что произошло от большого числа принявших на себя обязанность распоряжаться у переправы, столпившиеся на берегу грузины и пешие и конные, без позволения, толпами теснились со своими походными пожитками на паром, почему небольшой паром неоднократно подвергался опасности погибнуть с грузом в водах Сунжи. Бог миловал и только один человек из нижних чинов пал жертвою и погиб, унесенный быстротою течения. С наступлением сумерек переправа прекратилась; те войска, которые успели переправиться, стали в общем лагере с 1-м эшелоном отряда, весь же обоз с надлежащим прикрытием расположился для ночлега на левом берегу реки. Переправа обозов на правый берег продолжалась в течение двух следующих дней до позднего вечера.

Схватка с горцами казаков Кумыкского отряда 23 мая

23 мая партия хищников, в числе 70 отборных всадников, после тщетного набега своего на деревню Ак-Булат, проходила в 7-м часу утра в 4-х верстах от лагеря Кумыкского отряда у Амир-Аджи-Юрта, имея направление на Умахан-Юрт. Командующий Кумыкским отрядом генерал-майор Белявский, заметив эту партию, немедленно выслал за нею из лагеря 50 казаков Моздокского полка и в подкрепление казакам отделил две пехотные роты с одним орудием; возвращаясь из неуспешного набега, горцы следовали без добычи, быстро подвигаясь к лесу, раскинутому на пространстве между Амир-Аджи-Юртом и Умахан-Юртом. Погоня наша поспешно переправилась через Терек, и казаки помчались вперед; партия хищников, настигнутая казаками, вступила с ними в перестрелку, кончившуюся рукопашным боем, после которого горцы рассеялись по лесу. Потеря наша при сем случае ограничилась ранеными: обер-офицер 1 и казак 1; чеченцы же, потеряв убитыми и ранеными 10 человек, оставили, кроме того, на месте одно тело.

---

* Переправа через Сунжу под Умахан-Юртом производится на плавучем пароме, вмещающем не более двух повозок. Паром построен на двух лодках, движение его производится с помощью руля с верховой стороны, которым управляет один человек: на низовой стороне, к середине перекладины, укрепленной в концах лодок, привязан канат, коего другой конец с блоком движется по особому канату, натянутому с одного берега на другой через вершины двух береговых столбов; концы сего последнего каната утверждены на берегах с помощью свай средней толстоты, вбитых в землю в косвенном положении; два человека другие, сидящие в лодках с низовой стороны, передергивают канат с блоком в одну или в другую сторону, по мере движения парома.

24 мая на правом берегу Сунжи сосредоточились в лагере все войска Чеченского отряда, став таким образом на сообщении и в 14 только верстах с Амир-Аджи-Юртом, где находился Кумыкский отряд. Главнокомандующий, имея в виду сбережение в окрестностях Внезапной лугов на сенокос, дал повеление начальнику Чеченского отряда, чтобы прибыть с войсками во Внезапную не прежде 28-го числа; повеление это получено 24 мая и вследствие оного Чеченский отряд, кроме 24-го числа, оставался для отдыха в лагере под Умахан-Юртом еще одни сутки.

Перестрелка с горцами на фуражировке 25 мая

Утром 25 мая высланы от отряда фуражиры на места вблизи лагеря. Чеченцы в значительной партии, засев в лесу на левом берегу Гудермеса, завязали перестрелку с фуражирами конной грузинской милиции. Начальник Чеченского отряда, услышав в лагере выстрелы, немедленно с сотнею кубанских казаков прибыл лично на место перестрелки; неприятель недолго, однако же, держался в лесу; выбитый казаками из опушки леса и понеся потерю, нашел принужденным отказаться от близкого с нами соседства. Грузины потеряли при сем одного убитым и одного раненым.

25 мая Кумыкский отряд с запасным артиллерийским парком и черводарским транспортом передвинулся от Амир-Аджи-Юрта в Таш-Кичу.

26 мая Чеченский отряд выступил к Куринскому укреплению; 19-верстный путь этот примечателен по изобилию везде в фураже. За разоренным аулом Гумсе хребет Чеченских гор значительно возвышается; местность у разоренного аула Шавдон для расположения большого отряда хотя и удобна, но лишена воды, в которой недостаток вообще ощутителен по всей дороге от Умахан-Юрта к Куринскому укреплению; за Шавдоном во множестве растущие кусты вереста (колючка — солдаты называют «держи дерево») затрудняют путь. Привал войскам дан в 6-ти верстах от Куринского укрепления при небольшом ручье, в верховьях коего разбросаны сакли разоренной деревни Горячеводской (Исти-су), а ночлег в лагере под Куринским укреплением на местности обширной, поросшей мелким верестом, и войска расположились по обе стороны ручья Айсунгур, который по мелководью скудно снабжал необходимой водой.

Четвероугольный редут небольшой профили с башнею на северо-восточной стороне составляет Куринское укрепление; все строения внутри его служат жильем батальону Егерского князя Чернышева полка и вместе бруствером укреплению, почему крыши их идут скатом в поле; укрепление вооружено артиллерией соразмерно и орудия по близкому соседству с чеченцами содержатся в совершенной исправности; с западной стороны

примыкает к укреплению форштат, обнесенный насыпью со рвом; отроги Чеченских гор, поросших вековым лесом, в дистанции пушечного выстрела окружают укрепление с двух сторон; в дистанции пушечного же выстрела на восток от укрепления построена особая сторожевая башня.

Неприятельские толпы, следуя с правой стороны по лесистому хребту гор, наблюдали сего числа за движением отряда, а у Качкалыковского хребта, спустившись ниже, завязали незначительную перестрелку с правою нашей цепью. В час же пополуночи на 27-е число чеченцы на одной из высот по сторонам укрепления, выставив против лагеря нашего орудие, сделали по нем три выстрела и затем поспешно увезли свое орудие, не причиня нам решительно никакого вреда.

Отряд генерал-майора Белявского 26-го числа, имея дневку, оставался в Таш-Кичу.

Схватка с чеченцами донских казаков 26 мая

Того же 26 мая походный атаман Донского войска генерал-майор Хрещатицкий, следуя с конвоем из 50-ти казаков от Темир-Хан-Шуры во Внезапную, заметил, что по опушке леса, не далеко Внезапной, засело несколько пеших вооруженных людей: отряженные им немедленно 20 казаков, открыв чеченцев, бросились на них в пики и отрезали путь 15-ти человекам, к партии принадлежавшим; последние, защищаясь ружейным огнем, более и более стеснялись нашими казаками и вынуждены были, наконец, прибегнуть к защите холодным оружием; после рукопашной схватки все эти 15 чеченцев нашли смерть под донскими шашками и оружие их сделалось добычей донцов; казаки потеряли: убитым 1 и раненными кинжалами офицеров 1 и казаков 4. Партия чеченцев, наблюдавшая за дорогою во Внезапную, принадлежала к общей наблюдательной партии в бывшем Шуаибском укреплении, собранной под командой Мусаки-Магомета.

Вечером сего же 26-го числа два чеченца, пойманных близ нашего лагеря и выдавших себя за лазутчиков, показали, что еще накануне Мусака отправил две конные, по 200 человек партии — одну к Гудермесу, а другую по дороге в Герзель-аул. Партии эти, как впоследствии подтвердилось, посланы были также только для наблюдения за движением наших войск.

Местность от Куринского укрепления по дороге к Герзель-аулу до ручья Кошкельды, образуя довольно пространную равнину, давала возможность предпринять марш в отдельных колоннах на одной высоте, почему 27 мая, в $5^{1}/_{2}$ часов утра, чеченский отряд выступил из-под Ку-

ринского укрепления двумя колоннами: с левою или нижнею колонною отправлены обозы и вьюки, правая же колонна, коей движение должно сообразоваться с левою, для прикрытия сей последней, направлена была по дороге правее и ближе к хребту гор; дорога, по которой следовала правая колонна отряда, пролегая через небольшой лес и кусты густого вереста, по малой широте своей не могла быть и удобна посему для движения по ней обозов; от Кошкельды до Герзель-аула отряд, соединившись в одну колонну, продолжал дальнейшее следование по довольно ровной местности и уже менее поросшей верестом и, переправясь в брод через Аксай, войскам дан привал в 2-х верстах за Герзель-аулом.

Герзель-аул принадлежит к линии укреплений,* отделяющей Кумыкские владения от Чечни и Дагестана: он существует не более 4-х лет;[83] профиль небольшая, фигура его есть четырехсторонний редут, воздвигнутый на одной из высот, прорезывающей местность вдоль правого берега Аксая; удачный выбор местности доставляет укреплению совершенное превосходство для командования окрестностью; земляной перешеек через ров до $2^1/_2$ саж. шириною служит сообщением с укреплением; ров не глубок, но достаточной ширины; на восток от укрепления протекает внизу Аксай, на левом берегу коего, т. е. противоположном укреплению, на возвышенностях построены две отдельные башни как на предмет наблюдения за переправою через Аксай, так и для наблюдения за лежащею впереди реки местностью, перерезанною балками, откуда нередко хищники пускаются за добычею; Герзель-аул вооружен артиллерией соразмерно своей величине; гарнизон состоит из двух рот линейного батальона: укрепление отличается хорошей отделкою, а чистота, содержимая внутри, достойна подражания.

Снявшись с привала, отряд двинулся по направлению к Внезапной, и, не доходя 14-ти верст, отряд был расположен для ночлега у берегов Яман-су на местности, изобилующей фуражом и водой; 25 верст до места ночлега войска прошли к 7-ми часам вечера.

На марше отряда сего числа неприятель не оставлял наблюдений своих и следовал по правым высотам; в то время, когда обозы наши выдвигались к Герзель-аулу, горцы, воспользовавшись пересеченной местностью, отряд наш от них отделявшие, поставили на одной из высот Качкалыковского хребта в кустах орудие и открыли из него пальбу, но после трех выстрелов поспешно сняли свое орудие с позиции; казаки правой цепи также неоднократно перестреливались с чеченцами, скрывавшимися в лесах; последние были весьма осторожны, да и у нас тоже не было никакой потери.

* Напоминаем, что записки эти писались в 1845 и 1846 годах.

Отряд генерал-майора Белявского 27 мая перешел к берегам Ярак-су и расположился там, ожидая соединения с Чеченским отрядом в следующий день.

28 мая в 6 часов утра Чеченский отряд снялся с ночлега и следовал к Внезапной; перейдя вброд Яман-су, войска поднялись по крутому подъему на широкую дорогу с тучными по сторонам полями; пролегая далее через небольшой лес, который с приближением к Ярак-су становился гуще, дорога в лесу суживалась; спуск к Ярак-су весьма тесен, извилист и крут, и повозки, при отряде находившиеся, следовали с затруднением по одной только в ряд; переправа через Ярак-су, подобно предшествовавшим, производилась вброд.*

За Ярак-су Чеченский отряд, соединясь с Кумыкским и сделав небольшой привал, двинулся к Ак-ташской долине в гористое преддверие кр. Внезапной; спуск в Ак-ташскую долину, скрываемую красивым и высоким лесом, живописно раскинутым по утесистым высотам, вьется в глубоком и узком дефиле. Переправившись вброд через р. Акташ, войска направлены были к месту ночлега по дороге влево от Андреевского аула** (подле Внезапной); еще 6 верст оставалось до избранного по указанию квартирующего с полком во Внезапной полковника Козловского места ночлега, т. е. там, где канал, выведенный из Ак-таша через лежащий впереди лес, огибает далее поляну, удобную для лагеря; войска, отойдя от Андреевой деревни не 6, а до 8-ми верст, хотя и нашли указанный полковником Козловским Ак-ташский канал с весьма небольшою и то уже гнилою от засухи водою, но поляны, удобной для расположения отряда не было, ибо та, о которой говорил полковник Козловский, оказалась и малою, и поросшею высокими и частыми кустами вереста. Генерал Лидерс, воротив войска, из коих передовые, сделав напрасно до 16-ти верст, а всего, вместо $13^1/_2$ по диспозиции назначенные, до 30-ти верст, расположил отряд в версте от Андреевой, на правом берегу Ак-таша,

---

* Устройство через нагорные реки какой-либо искусственной переправы было бы излишним по мелководью их в начале весны и совершенно невозможно при необыкновенно больших разливах их в другие поры года. Край Кавказский в местах, где стоим мы с оружием в руках, не может быть снабжен постоянными переправами и потому еще, что туземцы неминуемо бы разрушили все наши мосты тотчас же по нашему отдалению и, следовательно, напрасно бы потреблены были издержки на постройку их. Для горца же нет надобности в постоянных переправах через реки, он изучил и хорошо знает, в какое время года и в каком месте переправиться через всякую нагорную реку или ручей, во множестве здесь протекающих. В настоящий поход все войска наши и обозы постоянно переправлялись вброд, глубиною не выше аршина, и таковые переправы хотя и были сопряжены часто с большими затруднениями, но без ущерба.

** Известный еще во время похода Петра Великого аул Эндэри.

в лощине, мало поросшей травою и почти везде покрытой мелкими речными камнями, занесенными от бывших разливов реки; лощина эта по обширности своей весьма была удобна для расположения отряда, а соседство ее с Андреевским аулом и с Внезапной доставляло ту выгоду еще, что войска могли приобрести покупкою у андреевцев и в крепости все необходимое к вступлению в горы — в места неприязненных нам племен. Для сохранения же близ лежащих лугов на сенокос для гарнизона крепости и туземцев Андреевского аула фуражиры высылались от отряда в дальние места, как то: к Ярак-су и к горам правого берега Ак-таша.

Сомкнутые четыре бастионных фронта средней профили составляют кр. Внезапную, с западной стороны аула построенную; Внезапная построена на неспланированной местности, имеющей покатость к берегам Ак-таша и по сей причине северо-восточный бастион командует остальными тремя; через ров, для сообщения с крепостью, устроен деревянный на сваях мост, коего часть, ближайшая к крепостным воротам, поднимается относительно местности. Внезапная расположена выгодно, а в отделке далеко превосходит описанные выше укрепленные места наши и даже Грозную; тщательное вооружение артиллерией есть знак весьма близкого соседства Внезапной к горам.

Главнокомандующий, отбыв из Грозной, как сказано выше, 5 мая для обозрения укрепленных пунктов на наших линиях, пробыл несколько дней в половине мая в Темир-Хан-Шуре по случаю осмотра войск Дагестанского отряда, так равно для прекращения вкравшихся там же злоупотреблений по довольствию войск и по монопольной торговле в пользу местного маркитанта.

28-го же мая, когда Чеченский отряд становился на позицию у Внезапной, от Таш-Кичу показались по дороге передовые казаки колонны, при которой следовал главнокомандующий, в сопровождении Гессенского принца и походного штаба. Прибыв во Внезапную, главнокомандующий остановился в отведенном заблаговременно помещении. Полковник Козловский, командир кабардинских егерей и с тем вместе начальник внезапненского гарнизона, встретил и угостил высоких гостей и штаб главнокомандующего сытным обедом; после обеда находившаяся при войсках музыка Прагского пехотного полка играла разные танцы, а воины — гости радушного хозяина, — составив пары, начали танцевать на гладкой крепостной площади под светлою лазоревою крышей; очередь танцам начинала полька, потом кадриль и другие. Принц Александр Гессенский также принял участие в танцах и танцевал кадриль с кн. Варшавским (сын фельдмаршала Паскевича, Федор Иванович*); маститый летами, но бодрый жизнью наш главнокомандующий и отец с

* Бывшим тогда флигель-адъютантом в чине капитана.

самодовольствием смотрел на веселившуюся молодежь, готовую во время предаться удовольствиям и одинаково готовую же на борьбу с природой, недостатками и хищным неприятелем.

Войска Чеченского отряда оставались в лагере у Внезапной двое суток, употребленных как для отдыха, так и для окончательных распоряжений к вступлению в горы. Распоряжения состояли в следующем: 1) весь колесный обоз, следовавший до сего времени с войсками, оставлен во Внезапной с небольшими от полков командами для присмотра; для перевозки же раненых и больных, на случай, если таковые будут иметься, назначено взять по две лазаретные повозки на батальон; на таковой же предмет иметь в каждой роте по паре носилок; 2) походных кузниц иметь при войсках три: одну саперам, другую в навагинских батальонах и третью при войсках 15-й пехотной дивизии; артиллерии же всей иметь свои кузницы и взять с собою запасные лафеты; 3) ротам саперов принять 1000 топоров и 5000 мешков с тем, чтобы таковые возились на особых лошадях черводарского транспорта, и разложить их так, чтобы вьюк одной лошади весил до 8-ми пудов; 4) командировать от саперов одного обер-офицера для приема заготовленного в Андреевой деревне леса, который необходим будет для постройки или исправления мостов через овраги на предлежащем пути; 5) запастись 10-дневным провиантом полностью, считая со дня выступления из Внезапной, т. е. с 31 мая, а для поднятия оного на вьюках иметь в каждом батальоне до 61-й подъемных лошадей; 6) в ротах сделать закупку сала, соли и других хозяйственных запасов; и 7) артиллерии и запасному парку принять овса на время 3-х до 4-х дней, считая с 31 мая.

Независимо от изложенных выше распоряжений, войскам в лагере под Внезапной объявлено было следующее приказание главнокомандующего относительно порядка при атаке неприятеля: «...всякая часть пехоты, готовящаяся к атаке неприятеля холодным оружием, при движении своим не стреляла бы, но была бы только поддержана стрелками своей части, имея сих последних не пред собою, а по флангам. Таким образом батальон, идущий для занятия с боя какого-либо места или направляющийся для рассеяния в толпах неприятеля, имеет застрельщиков на обоих своих флангах. Рота же, построенная в ротную колонну, атакует двумя взводами, имея в то же время на флангах своих третий взвод, рассыпанный в стрелки».

В ночи с 29-го на 30 мая, пользуясь темнотой, горцы пробирались в небольшом числе на высоты левого берега Ак-таша; высоты эти, находившиеся недалеко от нашего лагеря, не оставались без наблюдения; грузины и две пехотные роты, там расположенные, заметив прокрадывавшихся горцев, открыли по ним беглый огонь; горцы с своей стороны, разменявшись несколькими выстрелами, в темноте рассеялись по

лесу. Убитых и раненых у нас не было. 30 мая, в полдень, главнокомандующий лично и собственноручно возложил знаки отличия военного ордена на грузинских милиционеров за отбитие у чеченцев 22 мая значка; раздача наград сопровождалась особым торжеством, состоявшим в разных эволюциях, употребляемых горцами в бою (джигитовкой).

31 мая с восходом солнца войска становились в свои ряды, лошади седлались и вьючились, палатки снимались и свертывались. Но вот, величественное светило небесное вышло из-за гор в полном своем объеме и место русских бивуаков опустело. Войска стройно с благоговением всходили на впереди лежавшую возвышенность, где приготовлен был налой, около которого собор священнослужителей в облачении ожидал, когда начать Богослужение. Три фаса дивизионных колонн окружили налой; время указывало близко 5 часов утра, как прибыл главнокомандующий и приветствовал войска с врожденным добродушием и отеческим попечением; громкое и чистосердечное «ура» было общим ответом знаменитому вождю. Объехав войска, граф сошел с коня и с открытою белою головою подходил к налою; воздух огласился командами: к ноге, на молитву, шапки долой и вслед за сим возглас у налоя «Благословен Бог наш» возвестил о начатии торжественного Богослужения; величайшая тишина воцарилась в рядах русских, а усердные и теплые молитвы воинов, при совершении напутственного молебствия к одолению врага, пламенно возносились к Всевышнему Творцу. Богослужение кончилось, войска надели шапки, сигнальные рожки отозвались, отряд снимался. Диспозиция на 31 мая отдана была следующая.

Авангард, под командою генерал-майора Безобразова,[84] состоял из:

2-х батальонов пехоты, 2-х рот саперов, 2-х сотен пеших грузин, 4-х орудий и 6-ти сотен казаков с конною милицией.

Примечание. Кумыкский отряд, соединившись 28 мая с Чеченским, поступил в состав последнего и затем для отдельного действия против неприятеля не предназначался.

Главные силы, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау:

4 батальона пехоты, рота стрелков, 8 сотен пеших грузин, 12 орудий с двумя пудовыми мортирками и 4 сотни казаков.

В левой цепи:	В правой цепи:
2 б-на пехоты, 2 горных орудия и сотня казаков	2 б-на пехоты, 2 горных орудия и сотня грузинской конной милиции

С главными силами следовали: запасной артиллерийский парк, колесный обоз, подъемные и черводарские лошади, вьюки отряда и порционный скот.

Арьергард, под командой генерал-майора Фока,[85] состоял из:

2-х батальонов пехоты, 4-х орудий и 2-х сотен казаков и конной милиции.

Боевая сила пехоты, в 12-ти батальонах и 3-х ротах сапер и стрелков, простиралась до 8009 штыков, что средним числом составит по 630 штыков на батальон. В 2-х пеших Грузинских дружинах находилось в строю до 1000 человек. Казаков и всадников конных милиций превышало 14 сотен. Артиллерия состояла из 24-х полевых и горных орудий с двумя пудовыми мортирками. Сверх того, при отряде находилось отделение конгревовых ракет и в каждом батальоне состояло по два крепостных ружья.

В общем движении Чеченского отряда распоряжался начальник оного, генерал от инфантерии Лидерс, под главным предводительством главнокомандующего.

В 6 часов утра Чеченский отряд выступил в горы по нижней дороге на Чир-Юрт.

От Внезапной к Чир-Юрту проходят две дороги: одна — верхняя тянется по отрогам Чеченских гор, поросшим густым лесом, а другая — нижняя на Темир-аул, пролегает на местности довольно ровной и малолесистой, почему последняя и была избрана для движения войск: но и эта нижняя дорога, по причине растущего в изобилии по сторонам вереста, узка и неудобна для движения батальонными колоннами; войска шли по отделениям. Не доходя Темир-аула, отряд кратчайшим путем направлен к Чир-Юрту и в верстах 8-ми от последнего, отдохнув на привале, войска в густых колоннах сошли по длинному спуску в Балтугайскую долину, омываемую Сулаком; на Балтугайской долине назначен ночлег.

Между тем, авангард, миновав долину и разоренный на ней аул Балтугай, имея в голове две роты саперов, подвигался к обрывам скалы, через которую лежит дорога на Зуракамент (Зурама-Юрт) и по которой войска должны следовать следующий день. Начальнику авангарда, генерал-майору Безобразову, приказано осмотреть дорогу и буде мост через обрыв скалы, не доходя горячего источника, разрушен горцами, то саперам приступить к немедленному возобновлению оного с употреблением на постройку материала, привезенного из Андреевой; пройдя от Балтугая вперед до 4-х верст по местности, перерезанной глубокими и частыми оврагами, авангардные войска подошли к тому месту, где в прошлом году (1844) устроен был русскими мост через овраг, примыкавший одною стороною к скале и высившийся другою над глубоким оврагом; мост найден полуразрушенным и переправляться по остаткам его едва можно было в ряд по одному человеку с большою опасностью; переправить же через оный артиллерию и обо-

зы не было никакой возможности. На командира 5-го саперного батальона, полковника Завальевского, возложен подробный осмотр полуразрушенного моста и безотлагательное исправление его, а им ближайший надзор за работой поручен капитану Шлиттеру;[86] для прикрытия рабочих передовая пехота перешла по остаткам моста, спустилась в глубокий овраг и, из оного поднявшись на лежавшие впереди моста высоты, стала там на позицию. Лишь только татарские арбы подвезли материал (к 7-ми часам пополудни), как мрачные и безмолвные дотоле окрестные скалы огласились ударами русского топора и веселым говором работавших; мелкий дождь уже с 5-ти часов накрапывал, а в $8^1/_2$ часов раскаты грома и продолжительный блеск молнии при проливном дожде настигли саперов на работе; во всякое другое время необходимо бы было прекратить работу, но теперь нужна была поспешность и саперы, обливаемые дождевыми струями, умолкли, но не унылы; работа кипела под их руками, а глухой и частый стук топора по мокрому дереву доказывал, что трудно работать в непогоду; в нужде для русского нет ничего невозможного. К 11-ти часам ночи не только этот мост, но и спуск от него и другой впереди небольшой мост под надзором саперных офицеров совершенно были окончены. Вымокши до нитки, мы спешили обогреться кто горячею кашею, а кто стаканом чаю и потом предаться покою на берегу Сулака, под холщовою крышей палаток, которые на этот раз были едва слабою защитою от проливного дождя, продолжавшегося далеко за полночь. Трудно в эту минуту подумать о возможности употребить время на созерцание величия природы, но кто бывал на Кавказе, тот разделит с участием наше любопытство и чувство удивления при виде нависших скал с обеих сторон спуска от моста, по направлению к Сулаку идущего; да, мы занялись по окончании работы рассматриванием чудес природы, и среди ночной темноты взоры наши силились проникнуть далеко в глубь скал, беспрерывно освещаемых в этот момент блеском струистой молнии; длинные и продолжительные огненные струи молнии, казалось, как бы хотели своим ярким пламенем зажечь обнаженные скалы; несколько гротов, разбросанных кое-где мощною рукой природы, освещались походными огоньками наших солдат, которые, чтобы укрыться от непогоды, расположились там на выгодном ночлеге; вершины скал правого берега оврага, грозно занятые передовой нашей пехотой, давали знать неприятелю, что русский не дремлет. Созерцанию этой величественной картины среди бурной ночи не было бы конца, если бы не усталость и от марша в полуденный зной, и потом от трудной работы под проливным дождем, которая заставила нас подумать о благодатном сне; в лагере все смолкло, и лишь шорох ночных секретов, да громовые раскаты отзывались по временам.

Главнокомандующий, осведомясь, что мосты готовы, немедленно приказал двинуть на противолежащие высоты часть конницы и расположить ее пред пехотою, там находящейся.

Чеченский отряд под 1 июня имел ночлег: авангард в 4-х верстах за Балтугаем на перерезанной оврагами местности вдоль левого берега Сулака; главные силы и арьергард на левом же берегу Сулака в Балтугайской долине, против разоренного на правом берегу аула Чир-Юрт; летучий отряд из Султан-Анги-Юрта с приближением Чеченского отряда к Сулаку, наблюдавший за правым берегом, остановился на одной высоте с нашим авангардом, не переходя на левый берег.* Балтугайская долина, орошаемая Сулаком, имела и другие еще удобства — фуража было в изобилии и лес, раскинутый по берегу Сулака, доставил много дров.

Яркие лучи восходящего солнца после вчерашней непогоды приветствовали нас 1 июня; с наслаждением мы впивали теплотворную влагу небесного светила, а одежда наша, смокшая до нитки накануне, постепенно обсыхала и делалась по-прежнему легкою. В 5 часов утра бой барабанов возвестил о дальнейшем походе.

Главнокомандующий, осмотрев устроенные накануне мосты и исправленный спуск, изволил остаться весьма довольным работою, лично благодарил офицеров, а в роты для нижних чинов пожаловал 25 рублей серебром.

Путь к Зуракаменту, коего развалины отстоят на $6^1/_2$ верст от Балтугая, весьма затруднителен; дорога идет вверх по Сулаку в извилинах и оврагах скалистого левого берега, образующего местами узкое дефиле; отряд, снявшись с позиции в 5 часов утра, едва стянулся к Зуракаменту к 4-м часам пополудни, где и остановился на ночлег, заняв равнину и роскошные сады, в тесноте раскинутые у Зуракамента по левому берегу Сулака. Дров, фуража и воды имелось в достатке.

С вступлением в Салатау Чеченского отряда с северо-восточной стороны и Дагестанский отряд 1 же июня от Евгеньевского укрепления, вступив во владения салатавцев, расположился у с. Гертме, а Самурский и Лезгинский отряды, составляя южную наступательную линию войск, того же 1 июня находились, первый — на Кара-Койсу у аула Чох на предмет форсирования там переправы, а другой — в Джурмуте.**

---

* Анжиюртовский отряд на другой день следовал до существовавшей прежде Мятлинской переправы и, двигаясь одновременно с Чеченским отрядом, служил прикрытием нашему левому флангу; от Мятлинской переправы отряд этот возвратился обратным путем.

** Для предупреждения неприятеля генерал-лейтенант Шварц открыл наступательное движение 25 мая.

2 июня в 5 часов утра Чеченский отряд выступил по дороге вдоль ручья Татлы, мимо разоренного аула Инчхе к Хубарским высотам; дорога вдоль ручья Татлы не широка; обозы следовали по одной повозке в ряд, но удобно; боковые высоты, с крутыми подъемами и спусками необходимость требовала во время прохождения отряда занять боковыми цепями, ибо в противном случае кусты и выдающиеся скалы по протяжении дороги могли бы служить выгодными пунктами для неприятельских засад; у верховьев ручья Татлы дорога, сворачивая налево, перерезывает неглубокие балки, на дне коих текут нагорные ручьи; для переправы через последние, в некоторых местах, необходимо строить мосты; в прошлом 1844 году войска наши, проходя сими же местами, поставили мосты, которые, сверх ожидания, найдены не разрушенными, и отряд наш, воспользовавшись скорой переправой, выиграл во время марша, т. е., вместо двухдневного перехода от Зуракамента к Хубарам, совершил этот путь в один день. Труден подъем на Хубарские высоты по крутизне своей, поросшей лесом, но встречающиеся поляны давали возможность следовать по ним в густых батальонных колоннах. По местоположению своему Хубарские высоты представляют много красивых ландшафтов, а в особенности с возвышенности Каратау и ближайших ее отраслей: роскошная зелень, пестрые ткани душистых полевых цветов и созревавшая полевая земляника, составляя одежду полян, наполняли воздух ароматами: в беспорядке могучею природою раскинутые по высотам вековые деревья, до которых никогда еще, может быть, не касалась гибельная рука человеческая, всюду величаво красуются; сквозь пролески кое-где виднеются кутаны (хутора) со вспаханными при них кусками земли, доказывавшими, что места эти не брошены туземцами, но достичь их возможности не было, ибо извилистые и между собою прорезывающиеся глубокие овраги отделяли их от дороги, по которой следовал отряд. К 5-ти часам пополудни отряд подошел к разоренному аулу Хубар, где остановился на ночлег, сделав переход в 14 верст. У Хубар воду можно добывать из двух только родников вблизи аула, ибо ручьи от жары высыхают и потому при расположении здесь значительного отряда войск недостаток в воде делается весьма ощутительным.

При переправе сего числа арьергарда через второй ручей и потом при подъеме на Хубарские высоты малая толпа горцев, засев в скрытых местах, отрыла по хвосту арьергарда ружейный огонь и успела ранить у нас 5 человек нижних чинов; намерение же нашего арьергарда открыть хищников, по невозможности перейти через крутые и глубокие овраги, осталось безуспешным.

Вечером сего же числа через лазутчиков получено известие, что Шамиль, собрав значительное число войск, находится в укрепленной завалами позиции в Мичикале.

В 6 часов утра 3 июня Чеченский отряд, снявшись с Хубарских высот, выступил к разоренному аулу Старый Буртунай. Тихое и ясное утро Троицыного дня споспешествовало нашему маршу. Взойдя на самую возвышенную часть Хубарских высот, невооруженный глаз достигал серебристой поверхности моря Каспийского, лежащего на восток в верстах 70 до 80-ти. Обильные травы в пути этом доставили прекрасный корм нашим коням.

У сел. Гертме, влево от дороги, Чеченский отряд сего числа вошел в сообщение с войсками Дагестанского отряда, которые стояли лагерем у Гертме в составе: 9-ти батальонов пехоты, 2-х рот саперов, 2-х рот стрелков, 3-х сотен конницы и 18-ти орудий, имея с собою, кроме того, летучий парк, 380 лошадей конно-подвижного магазина и 1000 черводарских лошадей. Князь Бебутов, явившись к главнокомандующему, получил приказание командуемый им Дагестанский отряд присоединить к Чеченскому и, совокупными силами переправясь в двух пунктах через Теренгульский овраг, занять за ним сильную позицию, неприятелем оставленную.

По соединении с Дагестанским отрядом у урочища Ибрагим-дада под прикрытием 3-х батальонов пехоты, 10-ти орудий и 2-х сотен казаков (Дагестанского отряда) составлен вагенбург, а от Чеченского отряда, для облегчения оного при переходе через Теренгул, по распоряжению главнокомандующего, отправлены в вагенбург у Ибрагим-дада все повозки подвижного артиллерийского парка, черводарские лошади с провиантом и другие менее необходимые тяжести и для конвоирования их к вагенбургу назначены от Чеченского отряда 2-й батальон Куринского полка, 2 орудия и 2 сотни моздокских казаков.

Переправясь через Теренгул и взойдя на позицию за оврагом, передовые войска авангарда Чеченского отряда открыли конные толпы неприятельские, двигавшиеся на высотах за аулом Старый Буртунай; горцы, в числе 400 всадников, стали наступать и, кажется, намеревались занять аул и перед ним перерезанную балками местность, чтобы вредить нашим войскам при следовании по дороге, мимо Старого Буртуная пролегавшей: но быстрым движением к аулу нашей кавалерии намерение неприятельской толпы разрушено; Старый Буртунай остался за нами; 5 сотен кавалерии, подкрепленных батальоном пехоты при 2-х орудиях, расположились у развалин аула, а горцы, отступив, засим скрылись за горами. Одновременно с движением передовых войск к Буртунаю остальная часть авангарда: дружина пеших грузин, батальон пехоты и 2 орудия — заняли позицию пред оврагом, дабы служить прикрытием при переходе через оный главных сил.

Спуск в Теренгульский овраг и потом подъем по узкому извилистому, частью каменистому и частью глинистого свойства склону, достигавшему местами до 45°, несмотря на некоторые исправления, сде-

ланные саперами, сопряжены были с большими затруднениями, а разразившаяся гроза с проливным дождем во время перехода через овраг главных сил с обозами до того еще испортила дорогу, что уже никакие поправки не могли облегчить следование обозов и артиллерии; орудия с помощью значительного числа рабочих спускались и поднимались на руках. Неприятельские завалы, преграждавшие дорогу по Теренгульскому оврагу, разрушены были саперами.

С выходом головных частей главных сил на Буртунайскую, за Теренгулом, позицию, находившиеся там войска авангарда направлены к аулу Старый Буртунай, где и расположился весь авангард отряда в 2-х верстах от главных сил. Все завалы неприятельские, в прошлом, 1844, году на Буртунайской позиции устроенные, заняты нашими войсками.

Трехверстная переправа через Теренгульский овраг, начавшаяся с 10-ти часов утра, продолжалась до позднего вечера и всю ночь, а арьергард, под командою генерал-майора Фока, оставаясь на правом берегу оврага, перешел оный следующего дня к 9-ти часам утра; войска Дагестанского отряда, переправлявшиеся через Теренгул левее, перешли овраг тоже на другой день и только 2-мя часами ранее Чеченского отряда.

Огромные затруднения, с коими сопряжена была теренгульская переправа, побудили главнокомандующего дать войскам отдых, и 4 июня оба отряда, на Буртунайской позиции сосредоточившиеся, имели дневку. Кроме того, необходимо было перевезти из вагенбурга (у урочища Ибрагим-дада) провиант, на каковой предмет наряженный 4-й батальон Навагинского полка, при 2-х горных орудиях, выступил сего же числа и под прикрытием оного отправлены в вагенбург все больные, не подававшие надежды к скорому выздоровлению; из них трудно больные на носилках, а менее слабые верхами. Навагинский батальон, перейдя овраг, у спуска в оный, на правом берегу, оставил на позиции две роты и два орудия, а в составе остальных двух рот конвоировал больных к вагенбургу; по прибытии же в урочище Ибрагим-дада, сдав больных и приняв провиант, выступил обратно на соединение с отрядом, вместе с другим батальоном пехоты, 2-мя орудиями и 20-ю казаками, препровождавшими накануне тяжести отряда в вагенбург. Продовольственные запасы прибыли на Буртунайскую позицию к вечеру сего же числа.

Для усиления авангарда, расположенного у развалин Старого Буртуная, сего же 4 июня перешли туда из войск, стоявших на Буртунайской за оврагом позиции: 2 роты саперов, 2 сотни казаков и 2 легких орудия. Вслед за сими войсками прибыл главнокомандующий и, двинув авангард вперед с кавалерией, поддержанною двумя батальонами пехоты, произвел усиленную рекогносцировку в верховьях р. Ак-таш, по направлению к Мичикальскому ущелью, за которым, по словам лазутчиков, собраны были Шамилем войска на горе Чим-Чихтау в укреп-

ленной позиции. Уже к рассвету мрачное утро возвещало неминуемо проливной дождь; с началием же рекогносцировки пал густой туман и вскоре сильный дождь, сопровождаемый резким и холодным ветром, смочил нас до нитки. Непогода помешала обозреть неприятельскую позицию и лишь открыты только передовые наблюдательные посты горцев; в полдень главнокомандующий возвратился с рекогносцировки. Между тем во время рекогносцировки саперами исправлена дорога через овраг Кекикал по пути к Мичикалу. В неприятельском лагере в течение дня слышны были несколько пушечных выстрелов, производившихся, по обыкновению горцев, в приветствие приходящих партий. Вечером сего же 4 июня из авангарда нашего на лежащих вправо высотах замечена неприятельская партия, и часть оной стала спускаться против Старого Буртуная; несколько пушечных выстрелов из орудий авангарда заставило горцев поспешно скрыться; обстоятельство это, за вероятность которого, впрочем, нельзя ручаться, было поводом, что войска авангарда, по распоряжению начальника оного, провели всю ночь в ружье, готовые к отражению едва ли не мнимых горцев. К вечеру же погода изменилась, небо очистилось совершенно, предвозвещая тихую и приятную ночь и ясную погоду на следующий день.

Показания лазутчиков и туземцев о дорогах, идущих в Гумбет и до места неприятельской позиции в Мичикальском урочище, большею частью были разногласны, а потому на них нельзя было основать плана к дальнейшему походу; некоторые же из них, однако ж, довольно сходно между собою утверждали, что в Гумбет идут две дороги: одна по направлению к Алмаку через Мичикальское ущелье, где неприятель, укрываясь в сильной позиции, ожидал нас, другая — через перевал Кырк, до такой степени испорчена, что следование отряда по ней почти невозможно, и что посему горцы ограничились выставкою на последней дороге небольшого наблюдательного поста. Желая лично убедиться, до какой степени справедливы показания лазутчиков о дороге через перевал Кырк, которой выбор тем был важен, что дорога эта, огибая правый фланг неприятельский в Мичикале позиции, дала возможность зайти в тыл оной, — главнокомандующий, отдав отзыв на 5 июня «вперед, с нами Бог», произвел того же дня рекогносцировку по направлению к Кыркинскому перевалу: отряд, для рекогносцировки назначенный, состоял из 6-ти батальонов пехоты, дружины пеших грузин, 8-ми орудий и 8-ми сотен конницы; командование над сими войсками поручено генерал-майору Пассеку. В 6 часов утра, при ясной и совершенно тихой погоде, помянутые войска, налегках без котлов, имея только провиант на два дня и шинели, выступили из Буртунайского лагеря по направлению к горе Соук-булак; главнокомандующий в сопровождении генералов Лидерса, Гурко и принца Гессенского, следуя с сими же вой-

сками и обозрев горную тропинку от Салатавских высот через вершины Кекикалского ущелья в Мичикале, приказал оставить на этом месте 1-й батальон Люблинского полка, а с остальными войсками поднялся на Соук-булакскую вершину. Накануне произведенная к Мичикале рекогносцировка по нижней дороге и авангард, выдвинутый к Старому Буртунаю, неминуемо заставили неприятеля утвердиться во мнении, что отряд наш вступит в Гумбет через Мичикальское ущелье, и считать потому совершенно обеспеченным тыл своей мичикальской позиции со стороны Кырк; появление значительного числа русских войск на высотах Соук-булакских для горцев было совершенною неожиданностью. Жители беспечно пасли скот свой по скату горы, и их небольшие партии, тянувшиеся по Абазульскому и Арубетскому оврагам, завидя спускавшихся грузин и спешенных казаков, немедленно скрылись. К перевалу Кырк войска подошли к 10-ти часам утра, сделав переход, все поднимаясь, до 14-ти верст; с перевала внизу открылся Гумбет, а на противоположной стороне высилась славящаяся своею неприступностью гора Анчимеер, служившая нам ключом ко взятию в тыл мичикальской неприятеля позиции.

Дело 5 июня

Горцы, осведомившись через извещательные посты на горе Анчимеер о появлении наших войск у перевала Кырк, снялись с позиции в Мичикальском урочище и быстро потянулись по Анчимеерскому хребту, заняв оный до 3 000 пехоты и одним орудием. Спуск с перевала Кырк вился по узкой тропе над обрывом горы до уступа в сажень высотою и которым дорога отвесно прерывалась; потом хотя и пролегала дорога менее трудная, но все еще шла по весьма крутому спуску до лощины, именуемой урочище Херы. Главнокомандующий приказал генерал-майору Пассеку немедленно спуститься с войсками в урочище Херы и овладеть горою Анчимеер.

Забыв усталость и солнечный зной, солдаты поспешили с редкою готовностью исполнить волю любимого вождя: с быстротою молнии они стали спускаться с перевала, имея впереди 1-й батальон Куринского полка под командою флигель-адъютанта полковника графа Бенкендорфа; достигнув по спуску уступа, куринцы, не останавливаясь, завалили его камнями и тем дали возможность спустить за ними орудия на руках; одновременно и правее их целиком спускались грузинские милиционеры и таким образом через три часа по прибытии войск к перевалу Кырк 5 батальонов, Грузинская пешая дружина и 8 орудий достигли подошвы Анчимеерского хребта.

Показавшаяся от Аргуани партия неприятельская до 300 человек, завидев, что войска наши спустились с Кыркинского перевала, поспешно отступила и скрылась за ущельем, боясь быть отрезанною. С приближением же Куринского батальона к подошве Анчимеера скрывавшиеся здесь конные и пешие толпы горцев немедленно рассеялись по разным сторонам.

Главнокомандующий, имея у себя кавалерию для лучшего наблюдения за неприятелем и действием наших войск, занял высоту Ханаклитау, вправо от перевала.

Анчимеерский хребет покрыт был собравшимися там горцами; генерал-майор Пассек, подойдя с войсками к подошве его, тот же час приказал грузинам взбираться по отвесным почти крутизнам неприступной горы Анчимеер, подкрепив их сперва Куринским, а потом Апшеронским, Житомирским и Егерским князя Чернышева (Кабардинским) батальонами. Неприятель в первые минуты думал защищаться, начав стрелять из поставленного на Анчимеерском гребне своего орудия и вместе с тем открыв сильный ружейный огонь по взбиравшимся на гору грузинам; наши подвигались быстро в гору; едва грузины взошли на гребень, горцы бросились на них в шашки; казалось, милиционеры наши дрогнули, но подкрепленные в тот же момент Куринским батальоном, одержали верх над неприятелем, который, думая о спасении орудия своего, стремглав побежал. Опомнясь от первого страха, произведенного неожиданною и смелою атакою наших войск, горцы пытались при отступлении держаться на уступах по противоположному склону Анчимеера, но как с гребня, так и с каждого уступа вытеснены были русским штыком. Одновременно с атакою неприятельской позиции с фронта батальон Литовского полка с 2-мя горными орудиями подымался на Анчимеер с левой стороны по крутой и извилистой тропинке; батальон этот прикрывал левый фланг атакующей колонны; для обеспечения же тыла колонны присоединившийся к войскам батальон Люблинского полка с 6-ю орудиями оставлен в резерве внизу, на месте бывшего укрепления Удачного, у входа в Арубетское ущелье.

В 3 часа пополудни горцы были сбиты со всех пунктов, и гора Анчимеер осталась за нами. Решительный натиск этот стоивший 17-ти нижних чинов ранеными, открыл нам тыл неприятельский в Мичикале сильно укрепленной завалами позиции, которая поэтому и была горцами брошена, а передовые наши войска, под командою генерал-майора Пассека, постепенно подвигаясь вперед, заняли высоту Зонокбак на пути из Мичикальского урочища в Андию.

Успех оружия нашего в деле 5 июня воспламенил еще более ревностное желание войск наших сразиться с неприятелем, а великий наш

Государь, получив донесение о взятии горы Анчимеер, в письме своем к вождю кавказских воинов, между прочим, изволил изъявить Высочайшую благодарность свою войскам в следующих словах: «Скажите же вы и молодцам вашим, что Я, их видевший, их знавший, знал, что и желать и ожидать от них мог и вперед могу, и что Я их благодарю, что доказали, что они все те же кавказские герои, даром, что ряды пополняются молодыми, к доброму корню легко прививать».

Главнокомандующий, пользуясь превосходством, одержанным с полным успехом над неприятелем, возвратившись 5-го же июня в лагерь у Буртуная, приказал двинуть немедленно к перевалу Кырк Дагестанский отряд, над которым начальство, по несостоянию на лицо всех войск, отряд составлявших, вверено генерал-майору Лабынцеву; к вечеру 5-го же июня войска Дагестанского отряда, подойдя к перевалу Кырк, стали спускаться в урочище Херы и располагались там лагерем.

Таким образом, войска наши в ночь с 5-го на 6 июня занимали места: отряд генерал-майора Пассека, движением своим вперед составивший авангард главных сил, стоял на пути из Мичикале в Андию; генерал-майор Лабынцев с частью войск Дагестанского отряда занял урочище Херы и перевал Кырк, с которого спускались войска вверенного ему отряда всю ночь и на следующий день; бывший авангард под командою генерал-майора Безобразова и Чеченский отряд занимали прежние свои места: первый у Старого Буртуная, а последний — на Буртунайских высотах по левому берегу Теренгула; вагенбург[87] оставался в урочище Ибрагим-дада, имея сообщение с Евгеньевским укреплением.

Сего же 5 июня у Старого Буртуная замечена была неприятельская партия в 300 человек, тянувшаяся в отдалении от наших войск, по направлению к Ауху.

Из вагенбурга доставлено войскам 5 июня 4-дневное продовольствие.

Невзирая на успех оружия нашего в течение дня и занятия впереди нашими войсками двух пунктов, генерал-майор Безобразов, опасаясь нападения со стороны устрашенных горцев, отдал приказание, чтобы ночью с 5-го на 6 июня, кроме секретов, еще часть войск (более половины) все время до утра стояла в ружье.

Выше упомянуто было, что кроме Чеченского и Дагестанского отрядов на юге района военных действий в 1845 году на левом фланге для вспомогательного наступления в горы составлены Самурский и Лезгинский отряды, почему необходимо, для связи и общего понимания, упомянуть здесь о действиях сих двух отрядов, хотя они и не входили с нами в сообщение в течение всей экспедиции.

Действия Лезгинского отряда

По общему плану летней экспедиции в 1845 году, все отряды наши, сосредоточенные в разных пунктах левого фланга Кавказской линии, должны были начать наступление в горы одновременно, т. е. 1 июня, но генерал-лейтенант Шварц, командовавший Лезгинским отрядом, осведомясь 23 мая о сборе неприятеля, намеревавшегося занять Маалраский хребет, лежавший на пути его действий, двинул из укрепления Белоканы часть войск своего отряда под командою полковника Дебу к Маалрасу: эшелон этот, составленный из 6-ти рот пехоты с Грузинскою милицией, 25 мая выступил из Белоканы, а 26-го числа стал у подошвы Маалраса в урочище Акимала. Наступившая ночь покровительствовала грузинам взобраться на Маалраский хребет и сбить оттуда небольшой наблюдательный пикет неприятельский; так Маалрас занят был грузинами.

Утром другого дня пехота поднялась на хребет, но холод и снег, покрывавший Маалрас, не дозволили расположиться там, почему полковник Дебу со 2-м батальоном Эриванского полка и милицией спустился на площадку, в 3-х верстах ниже хребта с противоположной стороны, и вместе с тем часть грузин выслал вперед для открытия неприятеля; грузины прогнали скрывавшихся по горе лезгин и привели одного пленного, из показания которого полковник Дебу осведомился, что имеет перед собой неприятельскую партию до 2 000 лезгин, которые отправлены были бывшим Елисуйским султаном Даниель-беком в помощь Шамилю, но, узнав о выступлении части войск наших из Белоканы и показавшейся на хребте Маалраском, партия лезгин остановилась и, совокупно с племенами, обитающими на пути ее, имеет намерение немедленно атаковать наш малочисленный эшелон. Показание это оказалось справедливым, ибо того же 27-го числа лезгины в значительных силах напали на эшелон полковника Дебу с двух пунктов; полковник Дебу отбил и прогнал лезгин, но, видя пред собою все почти высоты, занятые неприятелем, в ночь на 28 мая дал знать генерал-лейтенанту Шварцу о затруднительном положении своего эшелона.

Генерал-лейтенант Шварц, получив известие от полковника Дебу, поспешил к нему лично на помощь, взяв с собою дивизион пеших драгун и 2 роты Тифлисского егерского полка при 2-х орудиях; к 8-ми часам утра генерал-лейтенант Шварц показался на Маалраских высотах. Между тем лезгины вели жаркую перестрелку с эшелоном полковника Дебу[88] и уже начали теснить грузин наших, бывших впереди; чтобы остановить перевес сражения, клонившийся на сторону неприятеля, полковник Дебу ввел в дело всю остальную свою пехоту. 7 часов длился кровопролитный бой, но, наконец, наша взяла — лезгины, сбитые на

всех пунктах, обратились в бегство, потеряв в числе убитых главного начальника своего наиба Магомед-Анджикул-Махмуд-оглы. Наиб сей, как уверяет общее показание участвовавших в сражении, убит подпоручиком Тифлисского егерского полка Деменским, но, к общему сожалению, Деменский и сам пал там же под кинжалами лезгин. Потеря в этом упорном деле простиралась с нашей стороны, кроме Деменского, убитыми: нижних чинов — 21, ранеными обер-офицеров 3 и нижних чинов — 50. Урон неприятельский с точностью неизвестен, но значителен и превышает нашу потерю.

29 мая, т. е. на другой день дела, передовые войска лезгинского отряда спустились по Маалраскому хребту ниже и ожидали прибытия последнего эшелона, дабы в общих силах предпринять дальнейшее наступление в горы.

31 мая у горы Кок лезгинский отряд встретился с неприятельскими толпами, простиравшимися всего до 5 000 под начальством Даниель-бека и муллы Шабана; горцы сильно атаковали позицию Лезгинского отряда у подошвы горы Кок, но, несмотря на превосходство своих сил, были отражены и, потеряв до 150 человек убитыми, не осмеливались засим вновь нападать на наши войска; потеря с нашей стороны сего дня ограничилась в 29 убитых и раненных кинжалами и шашками. Даниель-бек с конными карахцами в сражение не вступал.

Не предпринимая пока дальнейшего наступления, генерал-лейтенант Шварц остановился, дабы наблюдать за разными непокорными обществами, соседними с нашею Лезгинскою линией, и вместе с тем отвлекать внимание находившегося пред ним неприятеля, который, вероятно, обратился бы или против отрядов, наступающих в Андию, или против Самурского отряда, действовавшего вправо от него со стороны южного Дагестана.

Действия Самурского отряда

Самурский отряд, в составе 11-ти батальонов пехоты и 2 000 милиции, под командою генерал-майора князя Аргутинского-Долгорукова, согласно плану, начертанному для открытия военных действий, прибыл 1 июня к берегам Кара-Койсу, впадающей в Сулак. Князь Аргутинский немедленно произвел рекогносцировку и, видя, что переправа на левый берег реки Кара-Койсу от проливных дождей, беспрерывно шедших, не только чрезвычайно затруднительна, но отчасти и невозможна, ограничился в следующие три дня произведением демонстраций, дабы таковым обратить на себя внимание неприятеля и тем отвлечь его от возможности действовать с восточной стороны против отрядов под

предводительством главнокомандующего находящихся; и действительно, многие непокорные племена среднего и южного Дагестана, узнав о прибытии войск наших на правый берег Кара-Койсу, собрались под командою Кибит-Магомы и заняли левый берег Кара-Койсу.

Генерал-майор князь Аргутинский неоднократно давал знать неприятелю, что хочет устроить мост через Кара-Койсу, тогда как настоящее его намерение состояло в том, чтобы остаться на правом берегу, пока не спадет вода, но лишь только вода убудет, то переправиться на левый берег и взять направление на Тилитль. Неприятель, заняв левый берег Кара-Койсу, завязал с Самурским отрядом перестрелку и, не предпринимая с обоих сторон никаких наступательных действий, войска Самурского отряда 5 июня занимали правый, а неприятель — левый берег Кара-Койсу, ведя обоюдно беспрерывную пушечную канонаду и ружейную перестрелку. Потери в Самурском отряде в эти дни были: в штаб-офицерах контужен 1, в обер-офицерах контужено 2 и в нижних чинах убито 3, ранено 18 и контужено 3. Урон с неприятельской стороны неизвестен.

На другой день анчимеерского дела, т. е. 6 июня, Чеченскому отряду диспозицией назначен лагерь за перевалом Кырк; сварив на заре кашу и отобедав, войска в 7 часов утра снялись с буртунайской позиции. Чистое, ясное и тихое утро, упитанное ароматом трав, в изобилии покрывавших Буртунайские высоты, еще до восхода солнца освежило отдыхавших в ночной тени православных воинов; они встрепенулись, в лагере отозвался неумолкаемый и веселый говор, все изъявляли истинное желание идти далее в горы и скорее стать на очереди в разделе славы вчерашних анчимеерских героев. Котлы скоро были опорожнены, утренняя и вместе обеденная каша пришлась по вкусу; часовая стрелка двигалась к 7-ми часам, и, наконец, раздался третий и последний барабанный бой.* Взбросив на себя мешки с сухарями и подвязав сбоку сумку с патронами, солдаты радостно торопились разбирать ружья, дабы не опоздать к строю и занять вовремя назначенные по диспозиции места; общий сигнал выступления не замедлил отозваться из ставки главнокомандующего, и все тронулись; воздух огласился барабанами и веселыми песнями, весельчаки и охотники позабавить своих товарищей выступили вперед пред свои части и стали приплясывать на походе под голос песен и вторивших им барабанов. Главнокомандующий на походе объезжал войска, приветствовал и поздравлял со вчерашнею победою над неприятелем. Спустившись с Буртунайских высот, отряд

* В дни выступления отряда давались три барабанных боя: по первому, т. е. по генерал-марше, лагерь вставал от сна, по второму — укладывались и вьючили лошадей, а по третьему — строились и выходили в свои места.

поднялся на гору Отюзтау и, вслед затем, на хребет Соук-булак; обе горы эти с левой стороны узкой дороги, хотя и дают возможность следовать местами по довольно пологим и открытым скатам, изобилующим тучными пастбищами, но на длинном подъеме, на Соукбулакский хребет, заметна была в войсках усталость, ибо на 11-верстном переходе они должны были беспрестанно подниматься в гору и по значительной крутизне местами шли не прямо, а зигзагами; жаркий день также значительно увеличивал усталость. Соукбулакский хребет, идя пологим скатом к Кыркинскому перевалу, представил выгодное место для расположения на нем отряда, почему и был избран для привала. Место Соукбулакского хребта, на котором отдыхал отряд, есть краеугольная часть скалистого материка Салатау, примыкающая с восточной стороны к Ичкерии, а на север к Гумбету; восточный скат Соук-булака составляет собою крутой и высокий берег большого и широкого оврага, на равнине коего стелятся роскошные леса Ичкерии и виднеются туземные аулы с тучными полями, и здесь изящный взор живописца встретил бы великолепную у ног своих картину. Но вот зашумели внизу леса, легкий ветер достигал нас на Соукбулакском хребте и постепенно усиливался; вскоре густой туман, подобно морскому валу, мрачно, но величаво, поднялся из ичкеринских ущельев и быстро несся на нас; вся Ичкерия у наших ног и вершины Соукбулакского хребта покрылись туманом, среди которого можно было различать предметы не далее 15-ти шагов; холодный и сырой воздух вынуждал нас после утомительного жара поспешить надеть на себя что-либо из теплой одежды, которую иметь с собою в запасе должно составлять первую заботливость для каждого из воинов-путешественников по Кавказу. Двухчасовой отдых миновался, войска двинулись вперед к перевалу, а вместе с тем начал падать дождь, постепенно увеличивавшийся потом до самого вечера; к 4-м часам пополудни отряд подошел к Кыркинскому перевалу, с коего спуск в урочище Херы, разработанный еще в 1839 году во время прохода здесь отряда генерала Граббе,[89] а равно и ныне исправленный частью саперами Дагестанского отряда, за всем тем сопряжен был с неимоверными трудностями, увеличившимися еще от непогоды. Около 7-ми часов пополудни казалось, что очистившееся немного от облаков небо давало надежду на перемену погоды, но ожидания наши не исполнились: лазоревый цвет небесной тверди недолго пленял наши взоры, облака вновь зашли, и всю ночь потом шел проливной дождь, носились густые туманы и дул резкий и холодный ветер.

Дагестанский отряд, выступивший из бургунайского лагеря накануне, еще не успел спустить всех своих тяжестей, почему Чеченского отряда войска остановлены на спуске и могли начать спускаться не прежде 6-ти часов вечера: пехота отряда, дабы дать более места для

спуска тяжестей, направлена была по горе и ей стоило больших усилий сходить по весьма крутому склону, который, кроме того, сделался и весьма скользким от проливного дождя; полевые орудия со спуска свозились на руках; к зарядным ящикам впрягалось по одной только лошади и их спускали с помощью людей, удерживавших веревками напор ящиков; вьюки следовали по одному, наблюдая притом величайшую осторожность, чтобы лошади не упали на спуске; что же касается прочих тяжестей отряда и арьергарда, то таковые спустились на следующий день к 9-ти часам утра.

Как только передовые войска Чеченского отряда спустились с перевала Кырк, главнокомандующий дал приказание Дагестанскому отряду занять позицию, в Мичикальском урочище неприятелем оставленную, и войти в сообщение с авангардом под командою генерал-майора Пассека, каковое движение и было приведено Дагестанским отрядом в исполнение того же 6 июня в 7 часов вечера через Арубетское ущелье. Главнокомандующий, лично следуя за Дагестанским отрядом, осмотрел дорогу по Арубетскому ущелью и того же дня и тем же путем возвратился в лагерь Чеченского отряда у перевала Кырк.

7, 8 и 9 июня Чеченский отряд оставался на позиции у перевала Кырк; во все это время солнце ни разу не проглянуло сквозь густой туман, повисший почти над нашими головами; беспрерывно дул резкий и холодный ветер; дождь и снег вели между собою очередь; сообщение в самом лагере сделалось весьма затруднительным; 9-го числа с утра при усилившемся ветре постоянно начал падать снег и в течение дня покрыл землю на 2 до 3 вершков; окрестные высоты каменистого грунта, хотя и скудные растительностью трав, но составляя единственный способ для подножного корма лошадей отряда, все покрылись снегом, а выгнанные туда табуны, скоро вытоптав малорослую и редкую траву, обратили всю окружную местность в грязное поле и тем лишили себя последнего корма; табуны возвратились с пастбищ; в лагере лошади стояли по сгиб ноги в грязи и судорожно дрожали от холода и голода; мы вынуждены были кормить наших лошадей сухарями, уделяя таковые из дачи своей, едва достаточной для собственного утоления голода; с палаток несколько раз нужно сметать снег, который тяжестью своей гнул их к земле; в дровах не было достатка и едва доставало их, чтобы сварить кашу; солдаты наши, человек по 15 собравшись по палаткам, стояли плотно один к другому и, потаптывая ногами, грелись таким образом и напевали между прочими русскими песнями: «Нечего нам, молодцам, тужить». К вечеру 9-го числа сделался мороз, а мрачная, ветреная и сырая погода не переменилась; стужа весьма была ощутительна. Со свойственной стойкостью борясь с непогодою, лагерь наш был шумен и весел: песни не умолкали; главнокоман-

дующий представлял собой пример редкого самопожертвования, ожидал с нетерпением минуты движения вперед, а вместе с ним и войска пламенно горели желанием скорее встретиться с горцами и сразиться с ними.

Между тем, в эти непогодные дни, по распоряжению главнокомандующего, три роты саперов (две Дагестанского и одна Чеченского отряда) с назначениями им в помощь пятью ротами от пехоты разрабатывали дорогу в Арубетском ущелье; дорога эта, ведущая к Мичикалу, тянется по скату отрогов ущелья и частью по низменным болотистым местам, образовавшимся от текущих в ущелье во множестве нагорных ручьев, а в настоящее время топкость низменных мест много увеличилась еще от беспрерывных дождей, несколько уже суток продолжающихся; исправление дороги в Арубетском ущелье производилось с двух пунктов: от Мичикалского урочища и из урочища Херы, сближаясь таким образом к средине ущелья; постепенное исправление дороги стоило огромных трудов, шло не с должным успехом и большею частью безрезультатно, ибо исправляемые места часто с окончанием разработки их или дождем, или быстрым течением нагорных ручьев, стремившихся в общий продольный через ущелье ручей, снова портились, не оставляя и знака, что были исправляемы; разработка же спусков и подъемов, вьющихся над оврагами, кроме затруднения, сопряжена была и с опасностью. Ни дождь, ни снег работы остановить не могли; дорогу исправить по возможности требовала крайняя необходимость.

Трехсуточное расположение отряда у Кыркинского перевала, кроме описанного выше исправления дороги по Арубетскому ущелью, необходимо было: во-первых, для пополнения продовольственных и боевых запасов; во-вторых, для распоряжений на дальнейшее следование в горы к освобождению отряда от всех тяжестей, без которых в крайнем случае можно бы было обойтись; и в-третьих, как с оставлением кыркинской позиции войска отдалятся на значительное расстояние от укрепленных пунктов нашей линии, то необходимым было озаботиться устройством вагенбурга на пути сообщения нашего с линией.

В течение сего же времени вагенбург, передвинутый из урочища Ибрагим-дада на высоту Кыркинского перевала, снабдил провиантом войска, а из отряда, приняв больных, отправился с ними в Евгеньевское укрепление.

Отряд под командою генерал-майора князя Кудашева,[90] в 5 батальонов пехоты, с 6-ю полевыми и 4-мя горными орудиями,* составленный из войск Чеченского и Дагестанского отрядов, получил назначение ос-

* 1-й и 2-й батальоны Минского, 2-й Апшеронского, 2-й Кабардинского и 3-й Куринского полков и 10 орудий, из коих 6 полевых. — *Б. К.*

таться на кыркинской у перевала позиции и, таким образом, составить первый пункт (этап) на сообщении действующих отрядов с линией; на начальника кыркинского отряда возложена была обязанность устроить по своему усмотрению вагенбург при отряде и на высоте перевала построить передовой редут на 150 до 200 человек и два орудия, на каковой конец оставлены здесь 50 саперов при офицере. Князь Кудашев обязывался притом находиться в постоянном сношении и с Евгеньевским укреплением, и с действующими отрядами, а в случае отдаления последних на большое расстояние, то с тем отрядом войск, который оставлен будет на втором пункте сообщения нашего с линиею. Безостановочное доставление продовольствия войскам из северного Дагестана через Евгеньевское укрепление и кыркинский отряд поручено главному надзору генерал-лейтенанта князя Бебутова, а, по случаю нахождения последнего при действующих отрядах, временное исполнение сказанной обязанности возложено на находившегося в Темир-Хан-Шуре подполковника князя Орбелиани.[91]

Неприятель, прогнанный далеко вперед, во все время расположения отряда у перевала Кырк не беспокоил нас, и были лишь незначительные перестрелки с скрывавшимися жителями соседнего аула Артлуг, откуда войска добывали дрова для варения пищи; потеря наша в сих перестрелках ограничилась одним раненым рядовым Прагского полка.

10 июня снег, выпавший накануне, еще лежал по высотам, туман не рассеивался и дождь при резком ветре не переставал идти; все нужные распоряжения к дальнейшему следованию окончились накануне, и главнокомандующий, отдав отзыв на 10 июня «ребята живее, Бог вымочит, Бог высушит», приказал выступить Чеченскому отряду в 6 часов утра на соединение на позиции в Мичикалском урочище с Дагестанским отрядом, перешедшим туда, как выше упомянуто, еще 6 июня. Как впереди лежавшая местность, по пути через Арубетское ущелье, не дозволяла иметь постоянно боковые цепи, то таковых особо назначаемо не было, а приказано от каждой части войск по мере возможности высылать боковые прикрытия, пока проследуют обозы.* Дорога через Арубетское ущелье среди дождливого и туманного дня сопровождалась огромными затруднениями; пехота, по причине большой грязи на дороге, направлена была по скату высот с левой стороны ущелья: в сухое время путь этот весьма бы был удобен, но при движении Чеченского отряда все окрестные высоты ущелья, с избытком напитавшись дождевою водою, немедленно, по миновании через них передо-

* С выступлением с кыркинской позиции кроме орудий, зарядных ящиков, запасных лафетов и трех походных кузниц другого обоза колесного при войсках не было и весь багаж отряда помещался на вьюках.

вых войск, грязнились, делались скользкими и, имея склон к ущелью, не могли служить твердым основанием для марша отряда; беспрестанно падая и не в силах удержаться на склоняющейся местности, спускались, упираясь руками вниз на дорогу и шли в густой по колено грязи. Арубетское ущелье тянется почти в прямом направлении 7 верст до того места, где начинается, хотя и большой, но редкий лес, преимущественно состоящий из лиственницы и дубов примечательной толщины; примыкая к этому лесу, дорога по гористой местности сворачивает влево к Мичикальскому урочищу, в котором еще пять дней тому назад ожидал нас Шамиль в укрепленной завалами сильной позиции; к 2 часам пополудни отряд соединился с дагестанскими войсками; тяжести и арьергард присоединились едва к 11-ти часам до полуночи; дождь все время не переставал нас мочить и дул холодный ветер. По дороге к мичикальской позиции пало до 200 лошадей от изнурения и 4-дневной стужи и голода: лошади эти большею частью принадлежали Грузинской конной милиции и которые засим из конных всадников преобразовались в пехоту и присоединены к дружинам пеших грузин. Подъем и спуск в Мичикалское урочище менее трудны, чем предшествовавшие в Арубетском ущелье; нога русских еще в первый только раз появилась в сих местах. На мичикалской позиции недостатка не имелось ни в дровах, ни в воде; последней было очень достаточно в оврагах; травы не высоки и косить их еще нельзя, но хорошим кормом служили для коней.

Вечером сего же числа из авангарда под командою генерал-майора Пассека присланы 200 человек нижних чинов больных, большею частью с поврежденными членами от стужи, застигнувшей этот отряд на высоте Зонокбак — снег выпал там на пол-аршина и как войска, в авангарде находившиеся, отделились от Чеченского отряда еще 5 июня в жаркий день, то, быв сами по себе легко одеты и сверх того получив приказание выступить без всяких тяжестей налегках, а потому в настоящее время лишенные всякого покрова, без дров, с небольшим запасом одних только сухарей, находились на Зонокбаке в бездействующем положении; хотя еще 7 июня утром отправлены были к генерал-майору Пассеку котлы, часть палаток и необходимое продовольствие, но тяжести эти по трудно проходимой дороге не могли прийти к нему как к вечеру 8 июня, да и затем люди должны были довольствоваться скудною холодною пищею по невозможности иметь дрова в окрестностях Зонокбака. По прибытии к Чеченскому отряду сказанных больных, они немедленно по личному приказанию главнокомандующего накормлены горячею пищею, а на другой день отправлены в вагенбург кыркинского отряда с тем, чтобы оттуда по мере надобности и возможности отослать их в Евгеньевское укрепление с

первою оказией.* Обстоятельство это побудило главнокомандующего усилить немедленно отряд Пассека, и вследствие чего часть войск отправлена была на Зонокбак сего же числа вечером под командою генерал-майора Лабынцева, которому приказано, по соединении с Пассеком, принять от него начальство над авангардом, как старшему в чине.

Считая необходимым как можно скорее соединиться с передовым отрядом, поступившим ныне под команду генерал-майора Лабынцева, главнокомандующий, объявив войскам: «Беречь сухарь на черный день», отдал приказание на 11 июня, чтобы соединенные Чеченский и Дагестанский отряды выступили с занимаемой ими позиции по направлению к Зонокбаку; отобедав на заре, войска в $7^{1}/_{2}$ часов утра снялись с мичикалской позиции; Дагестанский отряд следовал за Чеченским, составляя главный его арьергард. Переправившись через ручей Аргуань-Дериль-таля, впадающий в Ак-таш, и перейдя Аргуанский овраг, отряды следовали вверх по ручью по широкой и довольно ровной дороге, дававшей возможность идти в густых взводных колоннах; далее крутой подъем и за ним довольно затруднительный спуск через Чагыриркенский перевал, хотя отчасти и были исправлены саперами, но главнокомандующий, предвидя неминуемые остановки в следовании войск через перевал, приказал разделить Чеченский отряд на два эшелона: первый эшелон,** спу-

* По получении сего сведения и видя большое число больных с отмороженными членами, многие роптали на храброго Пассека и обвиняли его, относя занятие им Зонокбака к безрассудной отчасти его заносчивости; но последствия доказали, что именно только эта отважная предприимчивость его доставила нам свободный путь в Андию. Не займи Пассек хребет Зонокбакский, то не только у этой высоты, но, вероятно, перед нею еще в разных скрытых местах горцы, находясь в значительном сборе, не преминули нас беспокоить на пути; но Пассек не упустил из виду занять Зонокбак и грозно стал там против многочисленного неприятеля; кроме того, отважным занятием Зонокбака Пассек, отбросив неприятеля влево, очистил совершенно нам дорогу в Андию. Кто же скажет: отчего Пассек на время непогоды не спустился ниже, а оставаясь на Зонокбаке, подвергнул людей стуже и тем значительно ослабил свой отряд, — тому надо ответить, что если бы Пассек сошел с Зонокбака, то горцы, наблюдавшие за ним в больших силах, преследовали бы его и сами неминуемо заняли бы высоту Зонокбак, а мы должны бы были на пути снова идти туда и прогонять неприятеля силою оружия, что, вероятно, стоило бы бóльшей потери, чем 200 человек больных, в коих почти все не без надежды снова оправиться и поступить в ряды свои; идти же Пассеку вперед без подкрепления не было никакой возможности. Отдавая полную справедливость памяти покойного, остается присовокупить, что на Кавказе мало подобных Пассеку, и не роптать, а удивляться следует неустрашимости его, с чувством благоговейного восторга о храбром.

** Главнокомандующий и начальник Чеченского отряда генерал от инфантерии Лидерс находились с первым эшелоном.

стившись с Чагыриркенской высоты, следовал к Зонокбаку, откуда в то же время, завидя наше приближение, генерал-майор Лабынцев начал спускать свой отряд на соединение с главнокомандующим; пройдя на Зонокбак, а всего в сутки 15 верст, первый эшелон в 6 часов пополудни остановился для ночлега на гористой местности между двумя оврагами; воды и фуража было в достатке, но дров не имелось и, если бы войска не запаслись последними с ночлега в мичикалском лагере, то нечем бы было сварить кашу; обоз и арьергард стянулись в лагерь к 9-ти часам; второй эшелон Чеченского отряда, направленный правою дорогою, не переваливая через хребет Чагыр-Иркен, расположился на ночлег у дождевых озер, постоянно у хребта существующих. К вечеру, после шестидневного беспрерывного дождя, небо прояснилось, сделалось холодно и предвозвещало мороз ночью, который и последовал действительно, *понизив температуру до 3°*; к утру наши палатки порядочно отвердели.* В 11 часов пополуночи горцы, скрывшись в соседних с лагерем нашим скалах и оврагах, открыли ружейный огонь, но как выстрелы их по отдаленности не наносили вреда, то с нашей стороны им не отвечали, что и их заставило скоро молчать.

Ясные лучи солнца утра 12 июня, разогнав ночной мороз, доставили нам возможность пообсушиться немного. Поднявшись на пути нашем на значительную уже от уровня моря высоту, взоры наши далеко пронизывали даль, теряясь в ней; ни деревца, ни кусточка не было тут; местами в низменностях лежал снег, а на западе под снежною пеленою блестела длинная отрасль гор Кавказских. Отобедав к $7^{1}/_{2}$ часам, войска выступили к Буцуркалскому перевалу, который поставлен природою крепкою преградою ко входу в скалистую Андию, а Мехельтинская долина, лежащая между Буцуркалским и перед ним Буцурским перевалами, предназначалась для нашего ночлега сего числа. Дорога к Буцуркалу, пролегая отчасти по гористой местности, затрудняла следование войск на спусках и подъемах: на Буцурском перевале, при спуске в Мехельтинскую долину, затруднения увеличились: надо было предварительно разработать каменистую тропинку, вьющуюся по полугоре над глубокими рытвинами; саперы приступили к работе и при всех усилиях могли уширить тропинку до того, чтоб можно было спустить вьюки и горные орудия, в одну лошадь запряженные; легкие орудия спускались на людях с помощью канатов, причем правые только колеса лафетов катились по тропинке, а левые, удерживаемые канатами, не имели

* Курсив наш; мы подчеркиваем вообще особенности, в данном случае эти 3° мороза, что весьма характерно для 12 июня и как новое доказательство этого разнообразия лишений, падавших на войска в этот достопамятный Даргинский поход 1845 года.

под собою никакого упора; вообще спуск тяжестей и самих войск до 2-х верст по тропинке с Буцурского хребта сопряжен был с неимоверным трудом и с чрезвычайною медленностью, к тому же и перемена погоды, которая после тихого и ясного утра сменилась к 2-м часам пополудни проливным и крупным дождем при холодном и резком ветре, еще более затруднила следование войск с Буцурского перевала. Порядок марша сего числа был следующий: Чеченский отряд находился впереди, имея свой авангард; по невозможности же на гористой местности иметь постоянные боковые цепи, таковые, по мере прохождения обозов, высылались из войск в ротном составе, где только дозволяла местность; отряд генерал-майора Лабынцева, примкнув к хвосту Чеченского отряда, составил арьергард последнего и, наконец, Дагестанский отряд под командою генерал-лейтенанта князя Бебутова следовал за арьергардом Чеченского отряда не в дальнем расстоянии. Авангард, спустившись в Мехельтинскую долину, открыл неприятельскую партию в 300 человек, которая после незначительной перестрелки с нашею передовою конницею, удалилась, разделясь на две части, из которых одна отступила в Андию через Буцуркалский перевал, а другая к Сиуху (аул в Гумбете). Вслед за авангардом спустились в Мехельтинскую долину главные силы Чеченского отряда, и войска расположились на ночлег у подошвы Буцуркалских высот, отделяющих Гумбет от Андии. Проливной дождь с порывистым и холодным ветром не переставал, и мы долго стояли под открытым небом в ожидании палаток, которые медленно двигались на вьюках по Буцурскому спуску; некоторые войска, заняв указанные на Мехельтинской позиции места, оставались без тяжестей своих до поздней ночи. Мехельтинская долина изобилует водою, фуража достаточно, несмотря, что горная трава здесь не имеет большой растительности; хлеба только что начали всходить; дрова добывались из близлежащего хутора и соседнего с нашим лагерем аула Цилитль. Дагестанский отряд, не переваливая через Буцурский хребет, остановился там на ночлег.

Утро 13 июня предназначалось к штурму неприятельских на Буцуркале завалов и занятия самого перевала. В $7^{1}/_{2}$ часов войска готовы были к бою в следующем порядке: боевую силу составлял собственно Чеченский отряд под начальством генерала Лидерса, почему кроме вьюков с патронными ящиками, которые должны следовать непосредственно за своими частями, для всех других тяжестей отряда предназначалось место между хвостом Чеченского отряда и отрядом генерал-майора Лабынцева, а если ко времени выступления последнего спустится в Мехельтинскую долину Дагестанский отряд, то генерал-майор Лабынцев, тоже налегках, составляя резерв, следует за Чеченским отрядом, а обоз сего последнего поместится между резер-

вом и Дагестанским отрядом; не доходя буцуркалских завалов, Чеченский отряд разделяется на три штурмующие колонны: среднюю с фронта и правую и левую обходные колонны во фланги неприятельской позиции.

Между тем, воспользовавшись ясным утром и временем, употребленным войсками пред выступлением на обед, главнокомандующий приказал своему начальнику штаба генерал-лейтенанту Гурко, в сопровождении принца Гессенского, произвести рекогносцировку к Буцуркалским высотам под прикрытием 200 моздокских казаков; генерал-лейтенант Гурко беспрепятственно осмотрел Буцуркалский перевал, а завалы, там устроенные, брошены неприятелем. Итак, Андийские на Буцуркале ворота, славные у горских народов своею неприступностью, отданы нам во власть без выстрела; чему это приписать? К объяснению неожиданного удаления горцев с Буцуркала могут быть два обстоятельства: первое то, что дело 5 июня на неприступной горе Анчимеер, столь славно поставившее русское оружие грозою горцам, отняло у них надежду отстоять за собою Андийские ворота, второе и более вероятное надо полагать, что горцы в настоящее время уже свыклись столько с военным искусством, что оборону Буцуркалского перевала считали невозможною к удержанию вступления нашего в Андию, и действительно поставленные мощною рукою природы Андийские ворота на Буцуркале в стратегическом отношении не представляют больших выгод обороняющемуся, а напротив дают над ним превосходство наступающему: 50-саженный шириною проход или ворота в Андию по дороге из Гумбета прорезывает два скалистых хребта, отрасли коих с правой стороны ворот имеют направление на с.-з., а с левой склоняются к югу. Проход завален грудами камней и укреплен двумя линиями завалов. Ныне при движении наших войск не ушло от нашего внимания, что первая только линия завалов, недавно построенная, может еще служит обороною воротам; завалы же второй линии, надо полагать, что они устроены были еще очень давно, ибо многие из них уже разрушились и более походят на груды камней; Гумбетская дорога в Андию, прилегая правою своей стороною к подошве Буцуркалских высот, тянется почти параллельно фронту завалов, а потому на пути сем неприятель может наносить вред: частью с фронта и правому флангу атакующего, но если последний направит часть своих войск вправо, в обход левого фланга завалов, где находясь вне выстрелов с Буцуркалского хребта и с некоторым лишь трудом взойдя на скалы по подъему с противоположной стороны, то движением сим атакующий, открыв всю внутренность завалов, неминуемо принудит обороняющегося бросить их и начать поспешное отступление в Андию, по единственному крутому и узкому спуску: отступление в этом разе бу-

дет стоить обороняющемуся и огромных затруднений, и большой потери: что же касается пещер на Буцуркале, которых здесь много, то, скрывшись в них, обороняющийся подвергнется погибели всех своих сил, ибо, по неимению выхода из Буцуркалских пещер, выйти из них иным проходом, как только тем, который служит ко входу, невозможно.

С Буцуркалских высот виднеются разбросанные внизу за перевалом андийские жилища, из которых во время рекогносцировки замечен один только аул Рикуани уцелевшим от разрушительного огня и близ которого расположена была неприятельская партия; прочие же все аулы богатой Андии объяты были пламенем, вероломно преданные огню шайкою Шамиля, как то впоследствии оказалось. Генерал-лейтенант Гурко, обозрев Буцуркалский перевал и Андию, возвратился в лагерь; главнокомандующий, вследствие сей рекогносцировки изменив на сегодня предположение к движению войск в Андию, приказал занять только частью войск Буцуркалский перевал, и колонна из 3-х батальонов пехоты с 4-мя горными орудиями, роты саперов и 2-мя сотнями казаков, немедленно отправленная, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау на Буцуркалские высоты, расположилась на перевале, заняв там брошенные неприятелем завалы; рота саперов тотчас же приступила к разработке дороги через перевал и к следующему дню успела уширить проход до 3-х сажен шириною, а также и исправить частью подъем на перевал.

Войскам в Мехельтинском лагере на 13 июня дана была дневка; дождь, так нещадно вымочивший нас накануне, вскоре не оставил и малейших признаков, при ярких лучах светлого дня до поздней ночи. Дагестанский отряд к 11-ти часам утра спустился в Мехельтинскую долину и стал в общем с Чеченским отрядом лагере. Кратковременный суточный отдых был необходим для войск: силы солдат, утраченные во время предшествовавшей 9-дневной непогоды и трудов в борьбе с грозным неприятелем, какова природа, возвратились совершенно.

Главнокомандующий, признавая необходимым оставить на пути сообщения нашего в Мичикальском урочище небольшой охранительный отряд, который бы обеспечивал в этом пункте следование продовольственных и других транспортов от перевала Кырк к действующим войскам, приказал назначить из Чеченского и Дагестанского отрядов: два батальона пехоты, два горных орудия и сотню казаков,* и войска сии, под командою командира Апшеронского полка полковника Ковалевского,[92] выступили в следующий день обратно в Мичикальское урочище;

* 1-й батальон Апшеронского и 1-й Куринского полков, сотня Кавказского линейного полка и 2 горных орудия № 3 батареи 19-й артиллерийской бригады.

на полковника Ковалевского возложено с приходом туда избрать выгодную позицию для расположения вверенного ему отряда, войти немедленно в сношение и потом постоянно поддерживать таковое с командующим кыркинским отрядом, князем Кудашевым, которому во всем подчиняется Мичикальский промежуточный пост; с отрядом полковника Ковалевского, выступившим 14 июня в 5 часов утра, отправлены из действующих войск на порожних черводарских лошадях все вновь заболевшие с тем, чтобы их с оказией переслать через кыркинский отряд в Евгеньевское укрепление; лошади же черводарского транспорта, довезя больных к перевалу Кырк, должны там остаться и, по нагрузке их сухарями на двое суток, следовать обратно к действующим отрядам. Дагестанский отряд с движением Чеченского отряда в Андию оставался на прежней позиции в Мехельтинской долине, имея предметом обеспечить постройку временного укрепления на Буцуркалских высотах, которое предназначалось третьим охранительным пунктом на сообщении нашем из Андии с Евгеньевским укреплением;* постройка полевого укрепления у Андийских ворот возложена была на саперов Дагестанского отряда.

В 6 часов утра 14 июня барабан и сигнальный рожок возвестили движение Чеченскому отряду в Андию; предполагалось расположиться у сожженного аула Гогатль. Имея передовою колонною войска под командою генерал-лейтенанта Клюгенау, Чеченский отряд, под начальством генерала Лидерса и личным предводительством главнокомандующего, выступил из мехельтинского лагеря на соединение с означенною колонною. Колонна генерал-лейтенанта Клюгенау, с присоединением к ней отряда конницы до 800 всадников, под командою генерал-майора Фока, составила авангард отряда. В главных силах, под командою генерал-майора Белявского, находились: 5 батальонов пехоты, рота саперов, рота стрелков, 2 дружины пешей грузинской милиции, 4 полевых орудия, 2 горных, команда с крепостными ружьями, запасный артиллерийский парк и вьючный обоз отряда; в арьергарде 2-й батальон Куринского полка с 2-мя горными орудиями и сотня кубанских казаков. Погода до полудня была перемежающаяся: то тускло через туман пронизывались солнечные лучи, то вновь скрывались и начинало дождить при умеренном ветре. Передовая колонна генерал-лейтенанта Клюгенау, соединясь с конницей, от отряда высланною, а потом усиленная еще двумя пешими дружинами грузин, начала переваливать через Буцуркалский хребет.

---

* В состав этого отряда вошли 1-й и 3-й батальоны Житомирского полка, рота 5-го саперного батальона и три орудия: по одному легкому от № 7 батареи 20-й бригады и Донской № 1-го и горное № 7 и 20-й артиллерийской бригады.

Авангардное дело 14 июня

Еще главные силы отряда с легкою артиллериею только что спускались в Андию по узкой скалистой дороге, когда кавалерия авангарда подходила уже к объятому пламенем аулу Гогатль и открыла там неприятеля, тянувшегося в больших силах от другого близлежащего аула Анди, на Азалские высоты, командующие над Андией и раскинутые на правой стороне глубокого ручья Анди (Гадор). Генерал-майор Фок с кавалерией, настигнув хвост неприятельских сил у Гогатля, быстро выбил их оттуда, потом из лежащего по дороге аула Гумхи и сильно теснил арьергардные толпы горцев, отступавшие к аулу Анди. Между тем, главные неприятельские силы, в численности до 6 тысяч с 11-ю наибами, под личным начальством Шамиля, видневшиеся на Азалских высотах, заняли там сильную позицию, укрепленную завалами, и за последними расположена была неприятельская батарея из трех орудий.

Генерал-майор Фок, достигнув аула Анди, направил в аул дворянскую сотню грузин (под начальством поручика князя Эристова[93]), а 4 сотни грузинской конной милиции (под начальством Нижегородского драгунского полка штаб-капитана князя Орбелиани[94]) послал в обход вправо от аула и поддержал атакующих лично с остальною кавалерией авангарда; неприятель начал упорно защищаться в намерении удержать за собою аул Анди, но кавалерия наша в свою очередь сильно его теснила. Соображаясь с движением кавалерии, распоряжавшийся пехотою авангарда полковник Козловский выдвинул головные части оной за Гогатль, и в то же время адъютант наследника Цесаревича, полковник князь Барятинский, командуя головным батальоном (3-й Кабардинский), видя жарко завязавшееся дело между нашею кавалериею и неприятелем у аула Анди, быстро двинулся туда с батальоном. Отступавший неприятель в этот первый момент восстановившегося боя приостановился, намереваясь отбросить нашу кавалерию от аула и сделать на нее сильный натиск. Князь Барятинский, выдвинув вперед 3-ю Карабинерную и 7-ю Егерскую роты, под командою храбрых штабс-капитана Неймана[95] и поручика Маевского,[96] бросился на неприятеля в штыки, выбил его из аула Анди и, мгновенно переправившись через протекавший впереди ручей Гадор (Анди), преследуя бегущих горцев, начал всходить с егерями на Азалские высоты, занятые главными неприятельскими силами. С приближением горсти наших храбрецов неприятель открыл по ним из завалов пушечную пальбу. Кабардинцы не поколебались. Генерал-майор Фок, наблюдая за ходом боя, отделив часть кавалерии, приказал ей спешиться и направил на Азал, в подкрепление далеко уже увлекшимся храбрым кабардинцам, и в то же время полковник Козловский, следуя с другими 2-мя ротами 3-го батальона Кабардинского полка и видя при-

том, что уже нельзя остановиться выдвинувшимся вперед 3-й Карабинерной и 7-й Егерской ротам, а тем менее возвратиться назад, не подвергнув их натиску всех сил неприятельских, поспешил на подкрепление к передовым молодцам. Вместе с сим же правее полковника Козловского подоспели к бою две пешие грузинские дружины. С своей стороны, неприятель, усилив действие пушечной батареи за завалами, открыл самый частый ружейный огонь по всходившим на высоты нашим войскам.

Забыв опасное свое положение, храбрые кабардинцы, предводимые князем Барятинским и имея перед собою Неймана, Маевского и других, одинаково отважных офицеров, презирая убийственный пушечный и ружейный огонь горцев, успели взобраться целиком более чем на половину высоты хребта и стремились к завалам, чтобы завладеть орудиями. Неприятель, в решительный натиск этот наших егерей, поспешил сосредоточить толпы свои у значков и с начальствующими впереди мюридами бросился в массах на егерей наших, думая подавить горсть храбрых своею многочисленностью. В таком положении был второй момент боя на Азалских высотах. Главные силы отряда частью спустились уже в Андию, но еще на значительном расстоянии находились от авангарда.

Генерал Лидерс, прибыв в это время к аулу Анди и заметив опасное положение передовых наших войск, направил на высоты 2 роты Люблинского полка с 2-мя горными орудиями. Люблинцы, сбросив с плеч мешки с сухарями, бегом взобрались по утесистым скалам прямым путем к месту боя, орудия же не могли следовать за ними, не имея перед собою даже тропинки. Между тем, передовые кабардинские егеря и милиционеры, по малочисленности своей не смогли выдержать атаки всею массою неприятельских сил, не отступая, они воспользовались только местностью, восходившей террасами, засели за уступами, поражая оттуда неприятельские толпы смертоносным огнем, отчаянно и беспрерывно бросавшиеся на них в шашки; в одну из этих атак мюриды, убив ассистента конной грузинской милиции, стоявшего у распущенного своего значка, бросились к значку и уже захватили древко, но тут же все пали, заплатив жизнью за свою дерзость. Бой длился, а упорство с обеих сторон не дозволяло определить времени окончания его, почему необходимость требовала иметь свежие резервы, которые и были составлены у аула Анди из 1-го батальона Кабардинского, двух рот люблинцев и 4-х горных орудий; резервы эти, дабы могли служить в случае надобности выгодным секурсом, поставлены на позиции вверх по ущелью ручья Гадор. Передовые кабардинские егеря и милиционеры наши не теряли мужества и в свою очередь, собираясь массами за уступами террас, несколько раз бросались на горцев в штыки, шашки и

кинжалы; наконец, несмотря на свою многочисленность, неприятель дрогнул и, не устояв против штыков кабардинских, обратился в бегство.

Наши бросились за побежавшими толпами горцев, но новое препятствие остановило на несколько минут благородный порыв храбрых егерей; это были завалы, занятые свежим неприятелем; орудия свои горцы уже увезли оттуда. В сей третий кровавый момент упорного боя передовые кабардинские егеря, соединясь с подоспевшими стрелками, товарищами своими 8-й и 9-й рот, с неимоверною смелостью, стройно шли на штурм завалов и на завалах, завязав рукопашный бой, выбили оттуда горцев; слава занятия крепких завалов на Азалских высотах принадлежит храброму Маевскому, который, уже быв до того ранен пулею в руку, продолжал командовать ротою, первым вскочил на завалы, но, к истинному сожалению, другая пуля поразила его здесь в голову и храбрый, падая, закричал своим кабардинцам: «Ребята, вперед, завал ваш». Другие офицеры еще 3-го батальона кабардинских егерей не менее достойны удивления; так, например, полковник князь Барятинский, раненный в начале дела в ногу навылет, пренебрег раною и продолжал распоряжаться, пока не взяты были завалы, где, обессилев от истощения по поводу значительного истечения крови, остановился для перевязки раны; штабс-капитан Нейман, два раза тяжело раненный, насильно был унесен с места боя; поручик Немцев,[97] раненный в ногу, не покинул рядов до конца боя.

Горцы, бросив завалы и не выдержав решительного натиска егерей, начали быстрое отступление по различным направлениям вверх по Азалским высотам. Главные скопища их с артиллерией направились по дороге в Чинкай. Егеря, преследуя бежавшего неприятеля, не раз еще пытались завладеть его орудиями, но горцы, видя опасное свое положение, сбросили орудия в кручу; неуспех в этом намерении наших храбрецов надо приписать: во-первых, трудности пути, по которому они следовали за отступавшим неприятелем, ибо дорога, пролегая по скалистой теснине, не вмещала в себя в ряде более 2-х человек, и, во-вторых, утомлению егерей после трудного марша через Буцуркальский перевал и Андию и начавшегося затем непрерывного в течение 3-х часов боя на Азале.

Главнокомандующий прибыл к месту сражения в минуту взятия завалов.

Неприятель, занимавший частью своих сил Азалский хребет, стал бросать оттуда по преследующим его войскам нашим камни, заранее приготовленные вдоль хребта; генерал-майор Фок, дабы отнять у горцев возможность вредить нашим егерям покатом камней, собрал около себя пеших казаков, милиционеров и несколько егерей и с ними

взобрался прямым по скалам путем на вершину хребта, сбил оттуда горцев и тоже обратил их в бегство. Между тем, кабардинские и люблинские егеря и часть пеших грузинских милиционеров с возможною быстротою преследовали по скалистой тропе бегущего перед ними неприятеля и остановлены были подъехавшими к ним генералами Лидерсом и Гурко не прежде, как на самом хребте Азала; построившись в ротные колонны, егеря следовали по хребту за грузинами, направленными вслед за отступающими толпами неприятельскими. Вскоре густота павшего на Азал тумана скрыла бежавших горцев и передовые войска наши, остановив преследование, заняли позицию на Азалском хребте, откуда того же дня, по приказанию главнокомандующего, возвратились к своим местам в Андию. Потеря наша простиралась убитыми: обер-офицер — 1 и нижних чинов — 5, ранеными: штаб-офицер — 1, обер-офицеров — 8 и нижних чинов 54 и контуженым: обер-офицеров — 4 и нижних чинов — 57. Потеря у неприятеля не известна, но судя, что несколько тел его досталось в наши руки и много убитых сброшено им с кручи, тогда как следуя важному обычаю своему — подбирать с поля сражения и уносить с собою тела убитых и имея к тому средства, надо полагать, что горцы понесли урон в деле 14 июня гораздо значительнее против нас.*

С окончанием боя на Азалских высотах войска Чеченского отряда со всеми тяжестями спустились с Буцуркальского хребта и временно остановились у аула Гогатль. Главнокомандующий, находившийся впереди, осмотрел местность между аулами Анди, Гумхи и Гогатлем и, найдя ее выгодною для лагеря, приказал войскам расположиться между сказанными тремя аулами; дорога от Гогатля к Анди перерезана скалами и пролегает над глубокими оврагами; нагорные ручьи, падая с высот, шумят в оврагах; кое-где брызги водопадов и фонтанов долетают на дорогу, напоминая, что они не человеком устроены, а образовались в этих местах природою и могут обратить на себя внимание не изяществом в отделке, а напротив, дикостью в соединении с величием, с которым никакие дела рук человеческих сравниться не могут. До семи аулов составляют Андию, и жители для постройки своих саклей избрали наиболее низменные места, орошаемые нагорными ручьями; почва в Андии вся скалистая; Гумбетская дорога, разрезывая Андию с востока на запад почти на две равные части, покрыта самородною плитою и камнями примечательной огромности; растительность в Андии, по причине ка-

* За подвиги этого дня награждены орденом Св. Георгия 4-й степени: г.-м. принц Александр Гессенский, полк. князь Барятинский (будущий фельдмаршал), поручик князь Александр Эристов и шт.-кап. князь Илья Орбелиани (убитый в 1854 г. в звании командира Грузинского полка под Кюрюк-Дара).[98]

менистого грунта, небогатая, но как гористая местность здесь имеет покатость к югу и несколько ниже, то травы и едва взошедшие хлеба лучше, чем в Гумбете. Андийское племя, считаемое одним из богатых между туземцами, занимается преимущественно изделием бурок и других горских одеяний, а также промышляет разными железными вещами. Леса в Андии вовсе нет; жители для постройки саклей добывают лес меною из соседнего с ними общества ичкеринцев; впрочем, андийцы не имеют надобности в большом количестве леса, ибо таковой они употребляют в сакли на угловые стойки и верхние перекладины; стены же саклей выводят из плитового камня, складывая их одною штукою на другую без всякой между собою связи; саклю подобной постройки, разрушив земляную крышу, один человек руками легко может разбросать, снимая постепенно ряды плитовых камней; при настоящем расположении отряда в Андии дрова добывались из аулов, которых пожар, наложенный рукою Шамиля, со вступлением нашим по приказанию главнокомандующего, отчасти уже был потушен в трех занятых нами аулах: Гогатле, Гумхи и Анди.

Таким образом, одно из главнейших предположений экспедиции — занятие Андии исполнено было с полным успехом и со славою русскому оружию. Шамиль, вторгнувшись перед нами в Андию, восстановил жителей против нас, принудил их покинуть свои жилища и присоединиться частью к его толпам, а в числе вознаграждений за то обещал сохранить их жилища; но, не надеясь на свои силы удержать нас от вступления в Андию, обманул их, отдав нам без боя Буцуркальский перевал и вероломным образом предав пламени богатые аулы андийцев; покушение его удержаться на Азалских высотах, отделяющих Андию от соседних на юг с нею племен чарбилоевцев и Технуцала, было неимоверно быстро ниспровергнуто редким мужеством горсти наших передовых войск и, при общем бегстве по Азалскому хребту скопищ его, сам Шамиль едва спасся; все это возвышало силу русского оружия в глазах горцев, а сохранение туземных аулов как на пути нашем к Буцуркалу, так и в самой Андии, давало знать горцам, что правительство наше не силою оружия, но мерою дружелюбною намерено восстановить покой в горах и освободить племена от честолюбивого фанатика, который своими бесчеловечными поступками, увлекая их в свои бунтующие толпы, уже не одно общество довел до крайней нищеты; кроме того, занятием Андии мы отняли у Шамиля большую часть его способов. Андийские скалы в первый еще раз огласились веселым шумом и песнями наших солдат. Некоторые из жителей, укрывавшиеся от поисков Шамиля в родных своих скалах, явились после дела 14 июня к ставке главнокомандующего. Граф Воронцов принял их дружелюбно и обещал покровительство всем их собратам, если только добровольно явятся они в русский лагерь.

Со вступлением в недра гор войска отдалились на значительное расстояние от линии; подвоз продовольственных и других запасов по трудно проходимым дорогам на пути нашего сообщения составлял весьма важный предмет, почему первою заботливостью главнокомандующего в Андии были распоряжения о безостановочном доставлении в отряд сухарей и круп из Евгеньевских складов. Имевшееся при войсках 10-дневное продовольствие с рассрочкою оного на 14 дней* оканчивалось 18 июня, а в некоторых частях и того еще не было, почему им выдана взамен сухарей крупа, считая последней три четверика вместо четверти сухарей. Черводарские порожние лошади, выступившие из Мехельтинского лагеря с отрядом полковника Ковалевского на заре 14 июня, должны были привести продовольствие в Андию 18 июня; главнокомандующий, поджидая этот транспорт и имея в виду, что, может быть, начатая экспедиция кончится не так скоро, приказал озаботиться войскам приобретением хозяйственных запасов, как то: сала, соли, живой скотины и проч., рассчитывая окончательный им срок к 15 августа, ибо в настоящее время запасов сих при войсках оставалось уже немного, на каковой предмет и отправить в Темир-Хан-Шуру с первою оказией артельщиков с артельными лошадьми при офицерах, снабдив их примерною суммой денег; с оказией этою, время отправления которой определялось на другой день по приходе в Андию ожидаемого транспорта, приказано отослать из отряда лошадей конного подвижного магазина, назначаемых на предмет перевозки провианта в повозках из Евгеньевского укрепления в Кыркинский отряд, а взамен их провиант за отрядом возиться будет на лошадях 14-го и 20-го артиллерийских парков, которые придут в Андию с ожидаемым же транспортом; все свободные черводарские лошади отправить за продовольствием также с первою оказией, посадив на них имеющихся при войсках больных, но только таких, коих выздоровление не предвидится в скором времени, и отправить с сею же оказией 400 ядер, найденных в числе разных зарытых горцами в землю вещей в ауле Анди.

Озабочиваясь о доставлении всех возможных выгод больным, при отряде остающимся, главнокомандующий приказал избрать в Гогатле уцелевшие от пожара сакли и устроить в них временный госпиталь.

Имея попечение о войсках, как самый нежный отец о детях, главнокомандующий наш не забыл и о наблюдении за неприятелем; 16 июня, с двумя сотнями казаков и конных грузин, граф Воронцов произвел от

---

* Мера, часто практиковавшаяся на Кавказе, что на языке приказов того время называлось — «растянуть» до такого-то числа, в частности же, мера эта еще на средине похода указывает всю тягость административных затруднений операции в нагорном Дагестане и настоящей особенно и необходимость предварительной основательной подготовки в административном отношении. — *Б. К.*

Гогатля рекогносцировку по направлению к Дарго, но вскоре, по выступлении из лагеря, павший туман скрыл лежащую впереди местность, а потому главнокомандующий возвратился в лагерь, успев только обозреть, что правая дорога из Гогатля в Дарго пролегает сперва по гористой и открытой местности, далее же идет через густой лес.

16 же июня, с окончанием временного редута, на пути сообщения нашего у Андийских ворот, князь Бебутов, оставив там 2 батальона Житомирского полка, роту саперов и 4 горных орудия под командою командира Житомирского полка полковника Адлерберга,[99] спустился с Буцуркалского хребта в Андию и со вверенным ему Дагестанским отрядом расположился лагерем, не доходя аула Гогатля.

Андийский лагерь наш, по причине пересеченной скалами местности, а также, чтоб иметь возможно ль более пастбищных мест, расположен был растянуто и сообщение между аулами Гогатль и Гумхи не иначе можно было иметь, как через глубокие овраги по неудобно проходимой дороге; в отклонение сего главнокомандующий приказал саперам разработать эту дорогу, каковая и исправлена сего же 16 июня.

19 июня генерал-лейтенант Гурко, по приказанию главнокомандующего, с конвоем из 50 казаков, произведя рекогносцировку вверх по ручью Анди (Гадор), открыл значительную неприятельскую партию на Речельском перевале, отделяющем Андию от Ичкерии; по малочисленности своего конвоя генерал-лейтенант Гурко, не предпринимая ничего против открытой им партии горцев, возвратился в лагерь в час пополудни.

В 4 часа пополудни сего же 19 июня прибыл в Андию транспорт с продовольствием, каковое войсками принято в 3-суточной пропорции с рассрочкой на $4^1/_2$ дня. Транспорт этот, хотя на пути своем и не был обеспокоиван горцами, но причинами, что он не прибыл к 18-му числу, были: испортившаяся от беспрерывных дождей дорога и падеж лошадей черводарских, вследствие изнурения; а как лошади черводарские большей частью пали на марше по нагрузке их продовольственными запасами, то обстоятельство это было поводом, что транспортом привезено к отряду сухарей третьей частью меньше, чем сколько таковых принято из вагенбурга у перевала Кырк. К отвращению впредь подобного недостатка с отходящею завтрашнего дня оказией в Темир-Хан-Шуру главнокомандующий приказал отправиться туда князю Бебутову, возложив на ответственность его как безостановочное снабжение войска провиантом, непременно в полном количестве принимаемого такового из магазинов, так и попечение о больных и раненых, отправляемых из действующих отрядов. Оказия эта, в составе 3-го батальона Кабардинского полка, 2-х горных орудий, Кабардинской и Дигорской милиций, сотни дагестанских всадников и до 40 линейных казаков, под командою князя Бебутова, отошла из Андии утром 20 июня.

С отъездом князя Бебутова в Темир-Хан-Шуру войска Дагестанского отряда: 3-й батальон Апшеронский, 3-й и 4-й батальоны Навагинского полка, две роты 5-го саперного батальона (из них одна рота временно находилась в отряде у Андийских ворот), две роты кавказских стрелков, сотня гребенских и 2 сотни кизлярских семейных казаков, семь горных орудий и 384 вьюка конноподвижного магазина, поступили в состав Чеченского отряда, который засим, по воле главнокомандующего, наименован «главным действующим отрядом», и непосредственное командование войсками поручено генералу от инфантерии Лидерсу.

С 14-го по 20 июня войска оставались в Андии на первоначально занятых ими местах. В продолжении этого времени рассеявшиеся после дела 14 июня в разные стороны толпы горцев стали собираться в небольших массах, как на соседних с лагерем нашим Азалских высотах, так и в других местах на неприступных скалах, окружающих Андию; по временам горцы стреляли из ружей по лагерю, но как с расстояния, отделявшего их от нас, выстрелы их не были действительны, то главнокомандующий запретил войскам отвечать им, дабы не тратить напрасно патроны. Азалский хребет преимущественно служил местом сбора горцев, а 18 июня неприятельские толпы на Азале стали увеличиваться и показались значки, причем горцы, собираясь в кучки, стреляли залпами как бы в знак торжества; лазутчики дали знать, что Азалский хребет занят 2000 неприятеля под начальством Шамиля, помещавшегося там под наметом вроде зонтика; намет этот замечен был из нашего лагеря. В ночь с 18-го на 19-е число толпа неприятельская в 20 человек скрытно подошла к лагерю нашему, но секрет, выставленный от Люблинского полка, открыл ее и завязал перестрелку, вследствие коей толпа эта рассеялась, оставив в наших руках одно тело. 19-го числа неприятельские толпы на Азале не уменьшались, почему, имея в виду, во-первых, Высочайшую волю, чтоб везде по возможности настигать и рассеивать неприятельские скопища, во-вторых, нечаянным появлением войск наших дать способ соседним горским племенам присоединиться к нам, если того они пожелают, и, наконец, в-третьих, движением в противоположную сторону от дороги, по которой следуют наши продовольственные и другие запасы, отвлечь внимание значительного числа собравшегося неприятеля, главнокомандующий под личным начальством произвел 20-го числа усиленную рекогносцировку по дороге через левые отрасли Речельского хребта, в Чарбилоевское общество и оттуда, соображаясь, какой путь возьмет неприятель. Отряд для рекогносцировки под командою генерала Лидерса, составленный из 7-ми батальонов пехоты, роты саперов, роты стрелков, 2-х дружин пешей грузинской милиции, 9-ти сотен кавалерии и 8-ми орудий, запасшись 3-суточною пропорцией сухарей и живой скотины, выступил налегке из Андийского лагеря в 8 часов утра 20 июня при ясной, тихой и знойной погоде.

По диспозиции, на 20 июня отданной, согласно вышеизложенному, часть войск выступила на рекогносцировку за Речельский хребет, а другая часть под командою князя Бебутова — в Темир-Хан-Шуру, через Буцуркалский перевал, почему остающийся в Андийском лагере вагенбург перемещен на выгодную позицию у аула Гогатль; при вагенбурге оставлено надлежащее прикрытие, и командование им до возвращения войск с рекогносцировки поручено генерал-лейтенанту Клюгенау.

Авангардное кавалерийское дело на рекогносцировке 20 июня

Утром 20-го числа неприятельские на Азале толпы усилились; отряд наш, имея в авангарде под командою генерал-майора Безобразова 6 сотен конницы с 2-мя дружинами пеших грузин и 1-м батальоном Литовского полка при 2-х горных орудиях, проследовав через полуразрушенный аул Анди, направился вверх по течению ручья Гадор (Анди) по правой обходной дороге к Речельскому хребту, на котором открыта была неприятельская партия в 1000 человек. Неприятельские толпы на Речеле двигались на местности, хотя перерезанной оврагами, но совершенно безлесной, и потому употребление в дело нашей конницы было единственным средством и достигнуть неприятеля, и опрокинуть его; находившаяся в авангарде кавалерия, взойдя на Речельский хребет, должна была остановиться для необходимого сбора к атаке неприятеля, который уже стал сниматься с места, занимаемого лагерем, но генерал-майор Безобразов, несколько промедлив, упустил момент к преследованию ретировавшихся горцев, которые между тем, воспользовавшись упущенным с нашей стороны временем, перешли и заняли позицию на высоте Тапсадаг и открыли частый огонь по войскам нашим, подымавшимся на ту же высоту. Главнокомандующий, дабы исправить ошибку, приказал генерал-майору Гротенгельму[100] всю кавалерию авангарда вести на Тапсадагские высоты, а генерал-майору Фоку* с передовою конницею немедленно ударить на неприятеля; натиск сей исполнен был с полным успехом; неприятель, подпустив конницу нашу на ружейный выстрел, открыл по ней убийственный огонь, но генерал-майор Фок не дрогнул и продолжал быстро наступать; скоро генерал-майор Фок решительностью своею заставил горцев сняться с позиции и начать вторичное отступление совокупно с толпами, занимавшими пред выступлением нашим Азал-

* Генерал-майор Фок ничем не командовал и был одним из дилетантов многочисленной Главной квартиры графа Воронцова, но показал большую личную храбрость и решительность.

ский хребет; на отступлении этом горцы не прекращали, однако ж, перестрелку с передовыми нашими казаками. Пехота авангарда и два орудия не могли поспеть за конницей и следовали на дистанции от оной; главные же силы, направленные из Андии по средней ближайшей, не так пологой дороге, но пролегающей по менее перерезанной местности, поднялись на Речельский хребет у зажженного, оставленного неприятелем лагеря, откуда, приняв направление влево, двинуты были за авангардом по стопам отступавших горцев; от Речельских высот неприятельские толпы отступали вдоль хребта, идущего через общества Чарбили и Технуцал. Упорство горцев, с каким защищались они при начавшемся отступлении, надо отнести к неудаче с нашей стороны, происшедшей от промедления к натиску в первый момент дела, и потому они не были поражены тем паническим страхом, который ими овладевает при встрече с русскими на несовершенно скрытой местности; это подтверждается и тем, что, снявшись из лагеря на Речельских высотах, горцы заняли выгодную позицию на Тапсадаг и имели дерзкое намерение выказать некоторым образом свое над нами превосходство: попытка эта с их стороны, как выше сказано, осталась тщетною; кавалерия, преследуя неприятеля, все поднималась в гору до границ Технуцала, не могла содержать постоянно плотный строй, а потому для сформирования оного необходимо было нередко останавливаться, но только на весьма короткое время; лишь же кавалерия останавливалась — и неприятель прекращал отступление. По невозможности употребить в этих расстановках артиллерию, которая тянулась еще далеко по восходившей горной тропинке, имелась в авангарде батарея крепостных ружей, и действие коих, нельзя умолчать, наносило неприятелю значительный вред. С переходом во владения технуцальцев нагорный хребет, по которому отступал неприятель, склонялся к оврагу верховьев реки Андийское Койсу, впадающей в Сулак при границе трех смежных племен ауховцев, гумбетовцев и койсубелинцев; кавалерия наша все более и более теснила неприятеля. Генерал-майор Фок сбил горцев со всех соседних высот. Но как быстрым движением за бежавшим неприятелем передовая кавалерия отдалилась на значительное расстояние и от пехоты авангарда и от главных сил, то генерал-майор Гротенгельм приказал остановить на время наступление; в этот момент часть передней казацкой цепи, в пылу натиска, подаваясь вперед за горцами, отделилась уже так далеко, что легко могла быть отрезана. Горячность эта казацкой цепи не ушла внимания горцев. Они, остановясь и собравшись в толпу, бросились на отделившихся казаков с гиком в шашки; казаки наши также остановились и не медля, составив кучку, завязали рукопашный бой с неожиданно наскакавшими на них горцами. Прибывший в

это время к месту сражения генерал Лидерс, увидев передовых казаков, окруженных толпою горцев, направил к ним сотню Моздокского полка; неприятельская партия с приближением моздокских казаков к месту боя ретировалась, присоединясь к отступавшим своим толпам по направлению к высотам у спуска в долину богатого аула Ансальта; дерзкая попытка эта с неприятельской стороны стоила нам только 2-х казаков ранеными. Между тем кавалерия, обождав на соединение с пехотою авангарда, двинулась вновь за отступавшим неприятелем; на высотах у спуска в Ансальтинскую долину горцы думали удержаться и, остановясь там, завязали жаркую перестрелку с нашими казаками, но и здесь генерал-майор Фок сбил горцев со всех высот и принудил спуститься их в Ансальтинскую долину, где неприятельские толпы рассеялись в разные стороны. Дальнейшее преследование их с нашей стороны было остановлено.

Высоты, окружающие Ансальтинскую долину, командуют ею совершенно, и занятие сих высот нами, наведшее неминуемо страх на жителей Чарбили и Технуцала, от которых Шамиль бежал с приближением наших войск, не успев их ни переселить, ни даже защитить, предоставило нам всю возможность занять аулы Ансальта, Танди, Ботлих и другие вооруженною рукою; но главнокомандующий, руководствуясь постоянно благодетельною мерою — сблизить с русскими горцев кротостью и сохранением их собственности, не приказав занимать помянутых аулов, ограничился обозрением со спуска роскошной долины Андийского Койсу и отдал распоряжение, чтоб расположить войска на ночлег по высотам у спуска к Ансальте, на местности, изобильной травами и водою, но лишенной дров; выпив пожалованную главнокомандующим винную порцию и утолив свой аппетит сухарем, размоченным в воде, солдаты наши предались, после похода среди дневного зноя, благодатному сну; покровом нам было лазоревое небо, освещенное луною и усеянное мириадами звезд. Потеря наша 20 июня не простиралась свыше помянутых 2-х казаков ранеными; неприятельский же урон, по уверению лазутчиков и пойманного пленного, был немаловажен. Шамиль, начальствуя в этот день, искал спасения в бегстве, и горцы вновь были свидетелями ничтожной самонадеянности своего имама пред русским оружием.

Дело на фуражировке 20 июня

20 же июня в то время, как войска, выступившие из андийского лагеря на рекогносцировку, поднимались на Речельский перевал, шесть рот Житомирского полка при одном орудии, посланные от от-

ряда у Андийских ворот за дровами в аул Рикуани, имели дело со значительною партией горцев под командою Гаджи-Мурата, бывшего наиба Аварского; Гаджи-Мурат пробирался в Дарго, следуя с партией на подкрепление Шамилю. Житомирцы, набрав дров, возвращались в лагерь; на пути этом, атакованные внезапно горцами, остановились и потом, мужественно в продолжении 2-часового боя отражая неприятеля, благополучно достигли своего лагеря с запасом дров. В стычку эту у житомирцев ранены: обер-офицер 1 и нижних чинов 4; была ли и какая именно потеря у неприятеля — неизвестно. Гаджи-Мурат со скопищем своим, заметив движение наше на Азалские высоты, полагал, что уже опоздал прийти во время в Дарго, а потому с рассеявшимися толпами своими скрылся по ущельям Буцуркалского хребта.

Войска, на высотах у перевала в Ансальту ночевавшие с 20-го на 21 июня, застигнуты были вовсе неожиданным холодом, а к утру 21 июня охватил нас мороз: поляны лагеря нашего забелелись. Но вот занялся восток, показалось величественное светило и яркие лучи его скоро разогнали ночной мороз. В воздухе было тихо, на небе ни одного облачка; подернутый беловатою пеленою лунный круг катился на запад, слабо уже борясь с дневным светом; жар увеличивался, предвещая томительный зной к полудню. Обратный марш войск в Андию сего же числа предпринят был потому, что неприятельские толпы, занимавшие Азалский хребет, прогнаны нами и рассеялись в разные стороны, так и от того, что от оставшегося в Андии вагенбурга мы бы отделились далеко, если продолжать дальнейшее наступление в горы.

Главнокомандующий, желая на обратном марше в Андию осмотреть Азалский спуск, по которому войска наши преследовали неприятеля 14 июня, и притом не встретится ли возможность отыскать по этой дороге орудия, брошенные горцами в кручу в деле того же 14 июня, приказал генералу Лидерсу разделить отряд на два эшелона, направив один по спуску с Азала, а другой тою же дорогой, по которой войска следовали вчерашнего дня. В 6 часов утра снявшись с позиции, отряд к 11-ти часам подошел к Азалскому хребту, имея в авангарде при пехоте только $1^1/_2$ сотни конницы; остальные же $7^1/_2$ сотен казаков и милиции под командою генерал-майора Фока находились в арьергарде, с тем, чтоб наблюдать за горцами, которые, рассеявшись вчера, остались в тылу за нами. Кроме того, конница, следуя сзади пехоты, могла по своему произволу останавливаться и пасти коней, не мешая пехоте на марше. В версте от перевала в Андию через Азал отряд разделился на два эшелона: правый эшелон, с которым следовал главнокомандующий, составлен из 4-х батальонов пехоты, 2-х рот саперов и стрелков, грузинской пешей милиции, 6-ти орудий и всей конницы; командова-

ние им поручено генералу Лидерсу; войска правого эшелона, направленные на Азалский хребет, поднялись на оный с с.-з. стороны и следовали по хребту к месту спуска в Андию. На хребте найдены во множестве большие камни, заготовленные горцами для поката по высотам; камни эти были разбросаны нами, спущены на дальнее по возможности расстояние от хребта. Уже день склонялся за полдень, как войска правого эшелона стали спускаться по каменистой в полугоре тропинке, вьющейся над пропастями; часть этой тропинки на протяжении версты от хребта имеет частые уступы, составляя как бы природную лестницу; уступы тропинки на сем протяжении высятся один над другим местами до 2-х аршин; на остальных четырех верстах спуска каменистая тропинка, незначительно уширяясь, имеет менее неровную поверхность, но с приближением к берегам ручья Гадора снова суживается и следование по оной стоит больших усилий; войска правого эшелона стянулись в Андийский вагенбург едва к 5-ти часам пополудни. С нами пришли в Андию добровольно явившиеся из Ансальты два семейства черкесов* (всего 16 голов). При прохождении арьергарда через аул Анди малая толпа хищников вышла из Азалских высот и с некоторою скоростью приближалась к арьергарду. Генерал-майор Фок, подпустив на самое близкое расстояние, внезапно повернул против этой толпы часть казаков, которые, бросившись на хищников, успели двоих из них убить и отнять несколько лошадей в добычу. С движением правого эшелона к Азалскому хребту левый эшелон под командою генерал-майора Белявского, составленный из остальных войск, на рекогносцировке бывших, и имея с собою весь вьючный обоз, следовал через Речельский хребет и перед 5-ю часами пополудни спустился прямо к Гогатлю, не встретив нигде неприятеля. Оба эшелона, сего числа соединясь у Гогатля с оставшимся там вагенбургом и заняв пространную местность впереди Гогатля и самый аул, стали на сообщении Андии с Ичкерией. К 21 июня числительная сила войск главного действующего отряда, готовых во всякое время к бою, состояла: пехоты 13 батальонов,** 3 роты стрелков, а всего 8220 штыков и 2 дружины грузинской пешей милиции — 800 человек; конницы 5 сотен линейных казаков и до 7 сотен милиции, всего же 1176 всадников; артиллерии 5 легких и 14 горных орудий с двумя мортирками; отделение конгревовых ракет и в каждом пехотном батальоне по 2 крепостных ружья, перевозочные средства — 584 вьюка парковых и конноподвижного магазина.

---

* Автор неправильно называет лезгин черкесами.

** В том числе батальон саперов.

Дело 21 июня в колонне генерал-лейтенанта князя Бебутова

Выше сказано было, что 20 июня выступила из Андии колонна под командою князя Бебутова. Колонна* эта на другой день выступления своего, т. е. 21 июня, следуя через Буцур в Мичикальское урочище, атакована была значительною партией лезгин и жителей Южного Дагестана под командою Гаджи-Мурата, скрывшегося после неудачи 20-го числа в скалах Буцуркальских высот. Партия эта и 14 июня также разделяла постыдное бегство Шамиля от горсти наших войск, а 19 июня Гаджи-Мурат, сосредоточив рассеявшиеся свои толпы, перешел с ними к аулу Мехельта (в Гумбете) с целью действовать на наших сообщениях.**

21 июня находившиеся в авангарде колонны дигорские и кабардинские всадники были нечаянно атакованы. Горцы стали их теснить; но вовремя подоспевшая 9-я Егерская рота Кабардинского полка, принимавшая участие в славном деле 14 июня, совокупно с дагестанскими всадниками, кинулись на неприятельские толпы и отогнали их от авангарда; колонна наша подвигалась вперед по направлению из Мехельтинской долины на Буцур; неприятельские толпы сосредоточивались в тылу колонны и, по обыкновению своему, неоднократно производили атаки на хвост колонны; прикрывавшие тыл колонны, памятные горцам егеря 3-й Карабинерной и 7-й Егерской рот князя Чернышева полка (Кабардинский) с одним орудием с обычным им мужеством каждый раз отражали толпы неприятельские, простиравшиеся на 1000 человек; между тем, уже повечерело и постепенно увеличивавшаяся темнота скрывала от колонны намерения следовавшего все за нею неприятеля, который, с своей стороны, дабы вознаградить неуспех в дневных своих атаках на арьергард колонны, возымел дерзкое предприятие отрезать арьергард, и, воспользовавшись наступившею ночью и с тем вместе павшим густым туманом, часть неприятельской партии отделилась в обход с намерением ударить на колонну по протяжению вьюков, и таким образом разрезав ее, атаковать арьергард со всех сторон. Толпа отчаянных мюридов, обскакав высоты, врезалась в задние вьюки, и из них один с обнаженным кинжалом бросился на распоряжавшегося здесь в это время князя Бебутова; но дерзкий мюрид заколот был прежде конвойным казаком и тут же пал. Бой загорелся. Князь Бебутов, видя опасное свое положение, приказал спуститься 8-й Егерской роте, взошедшей уже на Бу-

---

* В составе: батальона пехоты, 2-х орудий и 2-х сотен казаков.

** Действия на наши сообщения, в данных условиях, имели огромное значение и, будучи предприняты значительными силами и ведены настойчиво, совершенно парализовали бы весь успех этой горной экспедиции. — *Б. К.*

цурский хребет. Кабардинцы по слову генерала «ура!» целиком не сошли и не сбежали, но скатились по высотам и, совместно с конвоем князя Бебутова, кинулись на лезгин в штыки и шашки; одновременно с сим же и подполковник генерального штаба Капгер,[101] следовавший с 7-ю Егерской ротой из арьергарда в авангард, увидев жарко завязавшийся в средине колонны бой, вернул храбрых егерей и ударил на неприятельские толпы с противоположной стороны; лезгины, сжатые кабардинскими штыками с двух сторон, не устояли и обратились в бегство; дагестанские всадники преследовали их. Неудавшаяся последняя отчаянная попытка дерзкого неприятеля отняла у него охоту продолжать свои атаки, и колонна князя Бебутова, не тревожимая толпами Гаджи-Мурата, достигла спокойно до места расположения отряда полковника Ковалевского в Мичикалском урочище, а оттуда в следующие дни, не встречая неприятеля, продолжала путь свой по назначению. В деле 21 июня мы потеряли 10 убитыми и 30 ранеными одних только нижних чинов. Неприятель же, понеся, по словам лазутчиков, гораздо большую потерю и в том числе убитым приближенного к Шамилю храброго бека Муртуза-али, аргуанского жителя, оставил в наших руках 10 своих тел.

Войска главного действующего отряда, заняв 21 июня позицию по дороге из Андии в Ичкерию, оставались на оной по 6 июля, как потому, чтоб сделать запасы в продовольствии и военных снарядах к дальнейшим операциям экспедиции, так и для устройства в Гогатле редута, ближайшего от Дарго охранительного пункта на пути сообщения нашего.

В лагере разнеслись слухи о Шамиле, будто бы он, после бегства 20 июня, поселился временно у чарбилоевцев; другие же утверждали, что настоящим местопребыванием Шамиля есть Дарго, где с большими сборищами он готовится к упорной обороне Ичкеринского леса, лежащего на пути нашем в Дарго. Последнее из сих сведений, заслуживавшее более или менее вероятия, побудило, однако ж, главнокомандующего дать приказание в Грозную генерал-майору Фрейтагу, дабы он по временам делал набеги на чеченские владения и, тем заставляя чеченцев находиться безотлучно в своих аулах, отвлечь их от участия в обороне Ичкеринского леса; а когда Дарго будет в руках наших, генерал-майору Фрейтагу предписывалось, дабы он, соображаясь со сведениями о дальнейших затем действиях главного отряда, произвел бы усиленную демонстрацию по направлению к Маиортупу, навстречу действующим войскам.

22 июня главнокомандующий возложил на начальника инженеров Кавказского корпуса, генерал-майора Постельса,[102] постройку на высотах у Гогатля редута для гарнизона в 5 рот и 3 орудия, с помещением в этом же редуте временного госпиталя. Профиль редута, фигура и усиление его искусственными препятствиями предоставлено генерал-майору Постельсу определить сообразно с избранною местностью и стро-

ительными под рукою материалами; ближайший надзор за постройкою редута имел инженер-капитан Кеслер.[103] Работа началась 22 июня и, несмотря, что холодная и дождливая погода часто была поводом к замедлению в постройке, а в некоторые дни и вовсе не дозволяла работать, редут к 28 июня обозначился в надлежащую профиль и остались только отделка с наружной стороны, да деревянные постройки, как то: рогатки и барьерные ворота.

В ночь с 23-го на 24 июня хищники, укрывавшиеся по высотам, подкрадывались к лагерю нашему; двое из них, один чеченец, а другой андиец, захвачены в плен секретом, от Апшеронского батальона выставленным.

Радостный день для сердца русских 25 июня, день рождения Государя Императора, отпраздновали мы истинно по-военному: в 10 часов утра на площади воздвигаемого Гогатлинского укрепления красовался налой, приготовленный к совершению благодарственного Богослужения; священнослужители в облачении у налоя, а кругом оного стройный каре войск, ожидали с нетерпением и увидеть скорее, и поздравить главнокомандующего с общею русскою радостью. В половине 11-го час желанный пришел и эхо громкого, «ура» отозвалось далеко в горах, давая знать, что вождь кавказский находится среди своих воинов для совершения о здравии Царя молитвы; его Высочество принц Гессенский и прочие генералы в походной форме находились также при Богослужении. 21 выстрел, сопровождая многолетие Царю и его Августейшему дому, огласил Андийские скалы. По окончании походной обедни и потом молебствия, главнокомандующий вторично обходил войска, приветствуя и поздравляя с высокоторжественным для русского днем при звуках народного гимна, играемого хором музыкантов, и вторично не длинный, но искренно сердечный восторг русских воинов выразился громким «ура», в ответ на приветствия знаменитого вождя. Засим, нижним чинам, отличившимся в деле на Азалских высотах, главнокомандующий изволил лично раздавать награды. В 3 часа пополудни новые 21 выстрел с батарей лагеря возвестили о тосте, провозглашенном за здравие Великого Монарха и его фамилии при обеденном столе главнокомандующего; громогласное и непрерываемое «ура» по всему лагерю вторило пушечной пальбе, музыка до вечерней зари играла у ставки главнокомандующего, песни в лагере не умолкали до поздней ночи; войска в этот радостный день исполнены были особенною веселостью, резко выражавшеюся на лицах их; они забыли о переносимом с твердостью недостатке в продовольствии, делавшемся уже ощутительным, и беззаботно предались веселости. Труден важный и часто опасный пост воина, но кто не позавидует ему, когда он, презирая и все лишения войны, и суровость климата, и опасность боя, веселится когда и где можно, весе-

лится непринужденно, а от истинной души, и, конечно, в непорочности чувства своей радости превосходит тех, которых назначение судьбы поставило скользить на паркете и глотать частицы душной атмосферы, заключенной в мраморных стенах великолепных зданий, при ослепительном блеске тысячи огней.

Согласно сделанным распоряжениям в лагере ожидались два транспорта с продовольствием и снарядами; из них последний и большой транспорт должен был прибыть в Андию несколькими днями после первого и не позже 3-го или 4 июля; главнокомандующий, имея в виду находящиеся на пути нашего сообщения неприятельские толпы, которые легко могут нанести вред и замедлить движение транспортов, приказал: из войск, наиболее нуждающихся в сухарях, составить колонну — в три батальона пехоты при двух орудиях и с двумя ротами кавказских стрелков и отправить навстречу ожидаемым транспортам; колонна эта, под командою генерал-майора Викторова,*[104] выступила из Андии пополудни сего же 25-го числа; причем генералу Викторову приказано было, по встрече с первым транспортом, принять от последнего во вверенные ему войска трехсуточное продовольствие и следовать далее на Мичикал до места соединения с большим транспортом, который и конвоировать в Андию.

В ночь с 25-го на 26 июня хищники, имея целью огни в палатках, стреляли по лагерю, но по отдаленности не могли нанести никакого вреда; некоторые же из них подкрадывались ночью к лагерю, причем секрет Люблинского батальона, пропустив подкрадывавшихся горцев мимо себя, ударил на них с тыла и успел одного убить, а другого взять в плен; остальные в ночном мраке рассеялись.

На рассвете 26 июня горцы, воспользовавшись оплошностью с нашей стороны, состоявшей в том, что ночные наши секреты сошли с своих мест прежде, чем выставлены были дневные пикеты, засели в значительной партии по рытвинам на высотах, пограничных с Ичкерией, и имели целью напасть и захватить добычу, когда выйдет табун наш на пастбище; но намерение это с их стороны осталось тщетным. Командовавший прикрытием табуна, составленным из пехотного батальона, 2-х орудий и сотни казаков, предварительно, для обозрения местности, выслал разъезд в 15 казаков; горцы, дав подойти к себе разъезду, атаковали его внезапно; казаки наши остановились, немедленно спешились, составили кучку и, став за коней, завязали с горцами перестрелку; в помощь разъезду между тем бегом поспешил Куринский батальон; горцы, увидя егерей, тот же час рассеялись, не успев нанести нам никакого вреда.

---

* Генерал-майор Викторов, подобно генералу Фоку, ничем не командовал и, числясь в корпусе жандармов, состоял в составе штаба графа Воронцова.

Сего же дня в $2^1/_2$ часа пополудни, под прикрытием 6-ти рот пехоты с 2-мя орудиями, прибыл в лагерь передовой транспорт, проследовав от перевала Кырк в Андию, не будучи обеспокоиваемым неприятелем. Толпы неприятельские при прохождении оказии замечены были неподалеку от аула Мехельта у Буцурских высот, где еще за несколько дней пред тем собралось несколько наибов с намерением побудить окрестных жителей напасть на ожидаемый нами транспорт, и действительно, лишь только горцы завидели движение от Мичикала нашей оказии, как толпы их заняли позицию у спуска с Буцурского хребта в Мехельтинскую долину; но перед нападением они имели совещание, вследствие коего разошлись, не препятствуя в следовании транспорта нашего. Случай этой нерешимости алчных к добыче горцев доказывал, что большая часть жителей Салатау, Ауха и Гумбета, отстав от Шамиля после неудач его 5-го, 14-го и 20 июня и разойдясь по своим аулам, потеряли надежду на успех в борьбе с нами, если не вовсе, то по крайней мере в настоящее время.

Прибывший транспорт доставил отряду 2-суточную пропорцию сухарей и круп, которую вместе с 3-суточной дачей 20 июня главнокомандующий приказал рассрочить (растянуть) на $7^1/_2$ дней; но и за этою рассрочкою, по случаю затруднений на пути следования транспортов, по испортившимся дорогам, и изнурения лошадей, войска оставались $2^1/_2$ суток, по 30 июня, вовсе без сухарей.* Голод, имеющий сильное влияние на моральное состояние человека, не замедлил возбудить в некоторых частях ропот; недовольные роптали и на недостаток в сухарях и что главнокомандующий, сохраняя кроткие меры с горцами относительно их имущества, не приказывает грабить их аулы;** но у немногих только отозвался подобный ропот и скоро совсем затих, утерявшись в мысли, что, исполняя волю Царя и готовясь на новые подвиги, необходимо сохранить спокойствие духа, что только тогда можно ожидать хороших последствий, за которые Царь не оставит без спасибо своих воинов, и, наконец, что верная победа над неприятелем есть несомненна лишь тогда, когда труды и лишения, неизбежные с войною, переносятся с примерною твердостью. Бодрость и веселость возвратилась.

---

* Взамен сухарей главнокомандующий раздавал усиленную мясную порцию, а в некоторые части, более терпевшие голод, отпущен овес, имевшийся при отряде не в большом запасе. Недостаток соли заменялся вываркою оной из пороха. Употребление конины сделалось необходимым у грузин и частью между солдатами. За те дни, на которые рассрочивалось продовольствие и когда вовсе не имелось сухарей, отпущены деньги, сообразно ценам, по коим заготовлялось продовольствие для войск, а именно: за четверть сухарей 4 р. 91 к. За четверть круп 4 р. 97 к. и за четверть овса 3 р. 40 к. серебром.

** От этих кротких мер граф Воронцов впоследствии отказался.

Памятен нам приказ главнокомандующего, которым повторяется запрещение жечь неприятельские жилища; в приказе этом выражен редкий пример отеческой доброты доблестного вождя кавказских воинов. Вот содержание его: «К неудовольствию моему я заметил сегодня, что две хижины в ущелье пред самим лагерем, уцелевшие от рук изверга Шамиля, пламени предавшего богатые деревни андийцев, вопреки приказания моего, зажжены. Я не хочу знать имена виновных, они неприятны будут мне; но всем частным начальникам строго предписываю подтвердить подведомственным чинам, уцелевшие жилища андийцев не жечь. Для дров развалин довольно. Мы пришли сюда не разорять жителей, но миролюбивым обращением привязать их к сердцу русскому и возбудить в них ненависть к злодею Шамилю».

Затруднения, с какими сопряжено следование транспортов по дорогам от перевала Кырк в Андию, побудили главнокомандующего усилить перевозочные средства и на каковой конец посланы из отряда 310 парковых и большая часть подъемных от полков лошадей; лошади эти, взяв на себя небольшое число больных, налегках отправлены 27 июня к перевалу Кырк, под прикрытием 2-го батальона Куринского полка, двух рот Апшеронского с двумя орудиями и сотнею казаков.

Продолжавшаяся до 27 июня умеренная погода заменилась сего числа дождливою и холодною, при сильном и порывистом ветре; окружные высоты покрылись снегом. Работа по возводимому редуту, по причине непогоды, не проводилась сегодня. Отряд у Андийских ворот терпел большую стужу.

28 июня солнце тускло освещало наш лагерь, холод не уменьшался, работа Гогатлинского редута продолжалась и отчасти была кончена.

Стычка с горцами литовских егерей 28 июня

Того же 28 июня пожалованные главнокомандующим отряду у Андийских ворот винная и мясная порции отправлены были туда с конвоем 1-й Егерской роты Литовского батальона и 20-ти моздокских казаков; пополудни около 5-ти часов рота, следуя обратно в Андию, уже сходила с последнего крутого спуска Буцуркалских высот, как малая толпа горцев, залегшая за камнями близ спуска, открыла по егерям меткий ружейный огонь с присошек. Оставив без внимания и представление фельдфебеля роты, и желание нижних чинов остановиться и ударить на горцев, командовавший егерями подпоручик Гоствицкий*[105]

* Говоря о Гоствицком, граф Воронцов выразился: «Он не виноват господа, что он трус, как я не виноват, что я храбр».

продолжал поспешно отступать, ведя неудачную оттого перестрелку с неприятелем. Между тем горцы, пользуясь замешательством егерей, стали выскакивать на дорогу, преследуя их, и заградили путь оставшемуся по делам службы у Андийских ворот командиру роты штабс-капитану Скиндеру[106] и показавшемуся уже по дороге оттуда с казаками. Скиндер, видя затруднительное свое положение и считая непременною обязанностью соединиться с ротою, приказал бывшим при нем казакам спешиться и с шашкою в руке стал прокладывать себе путь через толпу горцев. Генерал Лидерс, наблюдая из лагеря за ходом стычки этой, приказал подполковнику генерального штаба Левисону с ротою кабардинских егерей выступить навстречу к литовцам, повернуть последних назад и очистить дорогу от неприятеля. Полковник Левисон исполнил в точности данное ему приказание, но выручить Скиндера не успел, ибо сей последний в рукопашной схватке уже пал под ударами горских шашек и с ним три казака; остальные казаки успели пробиться сквозь неприятеля и были встречены подоспевшими к месту боя Левисоном с литовцами. Горцы при наступлении егерей поспешно скрылись в скалистых ущельях, оставив на месте тела наших убитых, которые и были подобраны литовцами и принесены для погребения в лагерь. Кроме помянутых убитыми штабс-капитана Скиндера и 3-х казаков, литовские егеря потеряли ранеными 6 нижних чинов. Неприятельское происшествие это надо отнести: во-первых, к неблагоразумному распоряжению штабс-капитана Скиндера, который и заплатил за то жизнью. Скиндер, зная, что Андийские высоты кругом нашего лагеря заняты в разных местах неприятельскими толпами, никак не должен бы был оставаться с казаками у Андийских ворот и в случае самом крайнем обязан бы был задержать там и роту, но отнюдь не следовать раздельно; и во-вторых, к малодушию и робости подпоручика Гоствицкого, за что он и был предан военному суду, в силу которого исключен из службы, с предоставлением, однако ж, права заслужить потерянное им звание кровью в первое же с горцами дело; но Гоствицкий милостью этою, обещанною ему главнокомандующим, не воспользовался и с первою оказией уехал в Темир-Хан-Шуру.

В 10 часов утра 29 июня, в день праздника Св. Петра и Павла, в войсках отслужен был молебен, а назначенная в этот день рекогносцировка дорог в Дарго, по случаю павшего пред полуднем густого тумана и проливного дождя, отложена до завтрашнего дня.

На рассвете 30 июня, среди еще не совсем поднявшегося ночного тумана с Андийских высот, несколько чеченцев наткнулись на наш пикет, выставленный от Навагинского батальона; внезапно атакованные нашим пикетом, чеченцы бросились бежать, а один из них был захвачен навагинцами в плен.

По случаю отдаления от лагеря пастбищного места прикрытие табуна с сего числа усилено 2-мя пехотными ротами и 50-ю казаками.

В 7 часов ясного утра 30 июня главнокомандующий, в сопровождении Гессенского принца Александра, произвел рекогносцировку по дороге в Дарго; в прикрытие были назначены: 1-й батальон Люблинский, два горных орудия, 4 сотни конных Грузинской, Осетинской, Кабардинской и Дигорской милиции и сотня гребенских казаков. На 9-й версте от лагеря по левой дороге в Дарго главнокомандующий остановился на одной из высот, переваливающихся в Ичкерию, и обозревал лежащую впереди местность; ясная погода на этот раз доставила возможность обозреть все окрестные ичкеринские и ауховские аулы и отчасти дороги, ведущие в Дарго; три дороги к Дарго пролегают через большие дремучие леса; правая из них, более удобная, приближаясь к Дарго, проходит хотя через дремучий лес, но не менее длинна, чем другие две дороги, в лесу этом на поляне виднелся неприятельский лагерь. Во 2-м часу пополудни главнокомандующий благополучно возвратился с рекогносцировки в лагерь.

Прибывший в Андию сего же числа в 5 часов пополудни транспорт доставил войскам суточную пропорцию сухарей и круп; транспорт сей конвоировали 6 рот при 2-х орудиях. Большой же транспорт, а вместе с ним хозяйственные запасы на артельных от полков лошадях, должны были прибыть не прежде 4-х дней.

Главнокомандующий, озабочиваясь, дабы оставляемый гарнизон в Гогатлинском редуте на время движения войск в Ичкерию не терпел бы недостатка в дровах, а больные имели бы подстилку, приказал наряжать ежедневно особые команды, как для набрания в аулах дров, так и особых косцев для кошения травы, и запасы эти складывались в назначенных для того местах в самом редуте; кроме того, для устройства временного госпиталя в редут войскам приказано уделить от себя палатки — всего 12.

В ночь с 30 июня на 1 июля горцы, взобравшись на высоты, отделенные крутым и глубоким оврагом от фронта лагеря, против 1-го батальона князя Чернышева полка, сделали ружейный залп в наш лагерь по огням и ранили одного рядового. В ту же ночь на менее гористой местности пред фронтом Апшеронского батальона хищники, засев в засаде, выпустили от себя лошадь с намерением заманить ею кого-либо из лагеря нашего, но, когда лошадь подошла близко к лагерю, то горцы бросились за нею; секрет, заметив их, сделал по ним несколько выстрелов, вследствие коих толпа рассеялась в темноте; при сем один из мюридов, принадлежавший к толпе, был убит.

Рождение Государыни Императрицы 1-го числа июля, подобно Высокоторжественному дню 25 июня, праздновано войсками было и с одинаковым торжеством, и с одинаковою радостью, понятною для русского.

Для занятия последнего по полугоре спуска вверх по дороге к Андийским воротам, дабы обеспечить через оный сообщение с отрядом у Андийских ворот, по ту сторону расположенным, главнокомандующий приказал посылать туда ежедневно по две роты, с тем, чтобы с наступлением сумерек роты возвращались в лагерь; вследствие чего роты Навагинского полка, заняв 1 июля сказанный спуск, во время молебствия имели перестрелку с горцами, кончившуюся без всякой с нашей стороны потери.

Стычки с горцами куринских егерей 1 июля

В прикрытие табуну на 1 июля наряжены были: сводный Куринский батальон, две роты Литовского батальона, два горных орудия и сотня казаков. Лишь только цепь заняла место по протяжению пастбища, как на ближайших окрестных высотах неприятельские толпы в значительном сборе, а некоторые из горцев, более смелые, спустились по балкам на довольно близкое расстояние к нашей цепи, составленной из 1-й карабинерной роты Куринского полка, и завязали с куринцами перестрелку. Чтобы прекратить напрасную перестрелку, ротный командир, капитан Поссьет,[107] вызвал из роты 8 человек охотников и прапорщику Канищеву,[108] изъявившему желание идти с охотниками, приказал: обойти скрытно спустившихся в балку горцев, ударить им в тыл и стараться отрезать их от партии, занимавшей высоты. Храбрый, вновь произведенный за дело 5 июня, прапорщик Канищев выполнил возложенное на него поручение как нельзя лучше: он, отрезав несколько человек горцев, ударил в них в штыки, и в схватке этой два горца пали убитыми и несколько из них были ранены; но Канищев за отважный свой поступок заплатил жизнью: он, находясь при нападении впереди своих егерей, поражен смертельно пулею из пистолета в упор одним из раненных уже горцев, который, в свою очередь, в отмщение за смерть храброго Канищева пронизан был куринскими штыками.

Для подробнейшего обозрения правой дороги, из Андии к Дарго ведущей, главнокомандующий приказал генерал-лейтенанту Гурко (начальнику штаба главного действующего отряда) произвести 2 июля рекогносцировку по оной с батальоном пехоты при 2-х орудиях и 5-ю сотнями конницы. И в этот раз на перелесной поляне по дороге в Дарго замечен неприятельский лагерь, в коем белелось несколько палаток. Генерал-лейтенант Гурко успел обозреть дорогу на протяжении 10 верст, как павший туман лишил его возможности продолжать далее рекогносцировку, и потому он возвратился в лагерь немного за полдень. На совещании у главнокомандующего вследствие сей последней рекогносцировки по направлению к Дарго правая дорога признана была удобнейшею к следованию по оной войск наших; что же касается распоря-

жений относительно порядка на время движения, то таковых нельзя было с точностью определить, по неимению достоверных сведений о местности, покрытой передовыми дремучими лесами ичкеринскими.

3 июля оказия, приняв почту, порожние сухарные мешки и бурдюки, отправилась из Андии к перевалу Кырк под прикрытием 6-ти рот с двумя орудиями и 15-ю казаками; с оказиею этою отправлено также продовольствие к отряду у Андийских ворот.

В 10 часов утра сего же числа главнокомандующий с конвоем из двух пехотных рот, с двумя орудиями и сотнею кубанских казаков отбыл по дороге к Андийским воротам для осмотра там войск отряда полковника Адлерберга и вновь построенного редута; оставшись совершенно довольным, его сиятельство в 3 часа пополудни благополучно возвратился в андийский лагерь.

Около 5-ти часов пополудни 3-го же июля генерал Лидерс осматривал нарочно собранный 1-й батальон Литовского полка, причем объявил литовцам, что происшествие 28 июня так постыдно 1-ю егерскою ротою конченное, батальон в первом за сим сражении должен смыть с себя кровью.

4 июля прибыл в Андию большой транспорт, а с ним артельные хозяйственные запасы; три батальона пехоты, две роты стрелков, сотня кавказских казаков и два орудия, под командою генерал-майора Викторова транспорт конвоировавшие, присоединились к отряду; вместе с сими войсками, по приказанию главнокомандующего, возвратились из отряда у Андийских ворот две роты саперов, находившиеся там для постройки редута.

5 июля производилась раздача привезенного накануне провианта; войска получили 6-дневную пропорцию.

Того же 5 июля под командою командира Прагского пехотного полка, подполковника Бельгарда, составлен отряд из 1-го батальона Прагского, 9-й егерской роты князя Чернышева полка, 12 стрелков, 2 легких и одного горного орудий, 20 моздокских казаков, части запасного артиллерийского парка и вагенбурга; отряд этот с движением войск наших к Дарго предназначен занять гогатлинский редут и составить таким образом четвертый охранительный пункт на сообщении нашем с Евгеньевским укреплением. Подполковнику Бельгарду[109] в числе разных наставлений, данных в особой инструкции, приказано: по занятии главным действующим отрядом Дарго, поддерживать по возможности с ним сообщение.

«Русский Бог силен!» — был отзыв, отданный на 6 июля, напоминая, чтобы каждый из нас с упованием на Всевышнего готовился к бою; ярко освещенная лунным сиянием ночь с 5-го на 6 июля была свидетелем той необъяснимой радости, с какою войска, забыв о назначенном для себя природою отдыхе, готовились сразиться с неприятелем. Сон летел от нас; между тем, в разных местах кругом лагеря перекатыва-

лись выстрелы, свидетельствуя, что хищники, в близлежавших скалах засевшие, караулят добычу. Уже было за полночь и едва ли не перед светом, как глаза наши сомкнул сон, все, однако ж, прерывавшийся по временам еще длившейся перестрелкою.

Луна, свершив свой ночной путь, слабо уже освещала наш лагерь; ночной мрак, освежив воздух, начинал мало-помалу рассеиваться и настала минута борения сумрака с дневным светом — последний одолевал. Было 3 часа утра, как раздался бой барабана — вестник похода. Неспавшие, а едва дремавшие воины вскочили с земляного ложа и все пришло в движение: снимали и свертывали палатки, укладывали походный свой багаж, седлали и вьючили лошадей; веселый говор повсюду раздавался. Но вот восток побагровел — авангард двинулся, а вслед затем сигнальный рожок возвестил общее движение.

В 4 часа утра 6 июля, после 22-дневного отдыха среди андийских скал,* главный действующий отряд, совершенно готовый к бою, шел по дороге в Дарго в следующем составе:

Пехота. Составлена из войск Отдельного Кавказского и 5-го пехотного корпусов и Грузинской пешей милиции.

	Число батальонов	В строю нижних чинов
1-й батальон Литовского Егерского полка	1	473
1-й и 3-й батальоны Люблинского полка	2	1078
2-й батальон Замосцкого полка	1	608
3-й батальон Апшеронского пехотного полка	1	637
3-й и 4-й батальоны Навагинского полка	2	1201
1-й и 2-й батальоны Егерского князя Чернышева (Кабардинского) полка	2	1342
1-й батальон и 3 роты Куринского полка	$1^3/_4$	950
5-й саперный батальон	1	551*
3 роты Кавказского стрелкового батальона	s	316
Грузинской пешей милиции дружин	2	785
Итого в $12^1/_2$ батальонов и 2 дружины	—	7941 штык

Кавалерия. Из линейных казацких полков отдельного Кавказ-ского корпуса и милиции.

* Что было вызвано исключительно устройством административной, главным образом, продовольственной части, да и на этот раз она все же не была устроена; следовало выждать полного обеспечения, дабы более не возвращаться назад, и это возвращение назад к Андийским воротам и составило сухарную катастрофу. — *Б. К.*

	Число сотен	В строю всадников
Кубанского полка	1	173*
Кавказского »	1	84
Моздокского »	1	112
Гребенского »	1	69
Грузинской конной милиции с дворянскою сотней	5	513
Осетинской милиции	1	113
Кабардинской и Дигорской милиции	S	57
Ерпелинской милиции	—	12
Итого в $10^1/_2$ сотен	—	1133 всадн.

Артиллерия. Вся Кавказского корпуса, а ракетное отделение прислано из С.-Петербурга.

	Число орудий	В строю прислуги
Горной № 1-го батареи? при них одна $^3/_4$-пуд. мортирка	2	34
Горной № 3-го батареи	6	121
Легкой № 7-го »	2	41
Горной № 4-го » при ней одна $^3/_4$-пуд. мортирка	6	130
Отделение с конгревовыми ракетами № 1-го батареи	—	16
Итого: два легких и четырнадцать горн. оруд., две $^3/_4$-пуд. морт. и отделение с ракетами; при них прислуги	—	342

Перевозочные средства.

	Число вьюков
Запасного артиллерийского парка	160

* Считая в том числе состоящих в конвое у генералов, штаб- и обер-офицеров и прикомандированных от Ставропольской сотни.

Полубригады конно-подвижного магазина, летучего парка 20-й артиллерийской бригады	160
Итого	320 вьюков

Из трех дорог, идущих из Андии в Дарго, в военном отношении только две проходимы: одна — левая и ближайшая к Чарбилийским высотам — сначала довольно широкая и мало перерезанная балками, заменяется в верховьях реки Аксай на крутую тропинку, вьющуюся на протяжении до 10-ти верст по узкому, весьма глубокому, лесистому и местами непроходимому Аксайскому оврагу; другая дорога, лежавшая вправо от Аксайского оврага, пролегает через отроги правого берега Аксая, балки с крутыми спусками и подъемами перерезывают ее, а по сторонам низятся глубокие и отвесистые рытвины. Миновав 16 верст от Гогатля, правая дорога сворачивает влево и проходит по хребту в дремучем Ичкеринском лесу, в котором, по сведениям, полученным через лазутчиков, можно было следовать тремя колоннами. Последняя, т. е. правая, дорога признана была более удобною, и по ней направлены были наши войска в Дарго.

На протяжении от Гогатля до 16-ти верст безлесная местность дозволила обойтись без высылки боковых цепей, и отряд следовал, отделив от себя авангард и арьергард. Медленно двигались войска: переход через перерезанную балками местность стоил больших усилий и трудов. В 11 часов пред полуднем, отойдя до 14-ти верст, войскам дан приказ на последней поляне перед Ичкеринским лесом. В 2-часовой отдых солдаты подкрепили себя чаркой водки, куском говядины, накануне сваренной, с черным сухарем, и кратковременным сном, несмотря, что день был знойный.

Неприятель, занимая впереди лес, во время привала неоднократно выдвигал из опушки оного свою пехоту, давая сим знать, что намерен защищаться; кроме того, на левом нашем фланге, толпы горцев, следовавшие по направлению в Дарго параллельно и на одной с нами высоте с самого выступления из Гогатля, в одно время с отрядом нашим отдыхали на высотах левого берега Аксая, отделенных от места привала нашего глубокими оврагами, почти на двойной пушечный выстрел; партия эта (до 1000 человек) поднялась с привала вместе с нами и двинулась к лесу по левой дороге.

Для атаки леса войска поставлены или, вернее, вытянуты в следующий боевой порядок:

Авангард, под командою генерал-майора Белявского: 1-й батальон Литовского Егерского полка, 2-й батальон князя Чернышева полка, рота саперов, 4 горных орудия и сотня кавказских казаков.

Конные милиционеры, под командою генерал-майора Фока и подполковника князя Орбелиани,[110] должны были, под начальством гене-

рал-майора Безобразова, заняв позицию перед лесом, левее авангарда, с целью, если местность дозволит, то, воспользовавшись ею, или ударить на неприятеля, или с быстротою преследовать его.

Левая обходная колонна, а при прохождении леса левая цепь, под командою командира Кабардинского полка полковника Козловского: 1-й батальон Люблинского и 1-й батальон князя Чернышева полка, взвод стрелков и одна дружина пеших грузин. *Примечание 1-е*: Дружинам пешим грузин при сформировании цепей находиться в передовой линии, имея в резерве пехотные батальоны.

Правая обходная колонна, а при прохождении леса правая цепь, под командою командира Куринского полка полковника барона Меллер-Закомельского[111]: 6 рот Куринского полка, взвод стрелков и другая дружина пеших грузин. *Примечание 2-е*: При образовании цепей стрелков распределить по всей цепи по известным правилам.

Главные силы, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау (в составе и порядке следования):

Три роты саперов, команда с крепостными ружьями, 3-й батальон Навагинского полка с 2-мя полевыми орудиями, две роты стрелков, рота 4-го батальона Навагинского полка с двумя горными орудиями. Обозы штабов, главнокомандующего и отрядного, и войск авангарда. Рота 4-го батальона Навагинского полка. Запасный артиллерийский парк и конно-подвижной транспорт. Две роты 4-го батальона Навагинского полка. Обозы: саперов, стрелков, артиллерии, милиции и казаков. Две роты 3-го батальона Люблинского полка с двумя горными орудиями. Обоз всей пехоты и порционный скот. Две роты 3-го батальона Люблинского полка с двумя горными орудиями.

Арьергард, под командою генерал-майора Лабынцева*:

Три сотни кубанских, гребенских и моздокских казаков. 3-й батальон Апшеронского полка при 2-х горных орудиях. 2-й батальон Замосцского полка при 2-х же горных орудиях.

С высот лагеря нашего на привале виднелась в лесу поляна с неприятельским лагерем, а далее за Аксайской долиною Дарго — гнездо Шамиля: как в Дарго, так и впереди аула на Аксайской долине двигались значительные скопища горцев; нельзя было не полагать, что Шамиль намерен здесь упорно защищаться. По ближайшему соображению определено было пред началом атаки леса, что видневшаяся в нем поляна должна служить ключом к овладению Дарго, ибо далее на равнине, рас-

* Иван Михайлович Лабынцев, примечательнейший военный деятель Кавказа, едва ли не лучший генерал Даргинского похода; на его плечах состоялось все это трудное отступление от Дарго в Герзель-аул, и ему отряд всецело обязан порядком в арьергарде, в чем было спасение отряда. — *Б. К.*

стилавшейся пред Дарго, неприятель по обычаю своему не будет упорствовать в наступлении нашем, но взятие с боя перелесной поляны определить можно было не иначе, как только по мере движения наших войск оттого, что дорога к этой поляне до 4-х верст проходит через дремучий лес, скрывавший от наших взоров и силу, и оборонительные средства неприятеля.

Дело 6 июля

В час пополудни главнокомандующий приказал начальнику отряда двинуть правую обходную колонну вперед по опушке леса, сбить оттуда горцев и занять оную, дабы движением сим обеспечить следование авангарда по дороге, пролегавшей мимо опушки леса по левому скату высот. Куринцы и пешие грузины, под личным начальством генерала Лидерса, решительною атакою выбив и прогнав из опушки горцев, заняли оную.

Авангард двинулся вперед и, пройдя беспрепятственно вдоль опушки леса, приблизился к месту, где дорога входит в лес и где устроен был первый неприятельский завал. Генерал Лидерс, остановив авангард, дал приказание обстрелять завал орудиями; после двух удачных выстрелов с нашей батареи неприятель, засевший за первым завалом, поколебался, а головной батальон авангарда с громким «ура» и барабанным боем стройно шел на штурм; егеря 1-го батальона Литовского полка с частью пеших грузин штыками выгнали горцев из завала.

Со вступлением передовых наших войск в лес оказалось, что сведения, сообщенные лазутчиками, относительно возможности движения через лес тремя колоннами, были неверны, ибо дорога на протяжении более трех верст в густом и вековом лесу пролегала по узкому гребню хребта, шириною местами не более сажени, перерезанному глубокими оврагами, с крутыми спусками и подъемами, и имея при том по сторонам глубокие и отвесистые балки, лишавшие возможности не только пройти здесь в одно время тремя колоннами, но даже не дозволявшие обойти ни одного из устроенных неприятелем завалов.

Генерал Лидерс, не видя другого средства сбить засевшего по дороге за завалами неприятеля, как двинуть вперед авангард, приказал генерал-майору Белявскому вести литовцев, подтвердив им при сем слова главнокомандующего: «Не стрелять при штурме завалов, но брать их холодным оружием». Егеря, имея в голове достойных начальников, бегом, без выстрела, одушевляемые каждым новым штурмом, взяли уже 2-й и 3-й большие и между ними несколько малых завалов; со взятием

3-го завала генерал Лидерс, наблюдая за атакою в лесу и имея в виду, что головной батальон через стремительное овладевание завалами мог ослабеть в численности своей и легко подвергнуться натиску всех сил неприятельских, в лесу сосредоточившихся, послал адъютанта своего, графа де Бальмена, с приказанием остановить литовцев; приказание это передано генерал-майору Белявскому у 3-го большого завала, но тут не было никакой возможности удержать редкого стремления храбрых егерей к прогнанию неприятеля, и уже по взятии 5-го из больших завалов усталость от беспрерывного и быстрого натиска заставила литовцев приостановиться, а как на этом пункте неприятель, занимая в лесу боковые высоты, перекрестным убийственным огнем наносил большой вред, то генерал-майор Белявский, оставив у 5-го завала одну роту для прикрытия тяжело раненных, повел остальных литовцев вперед и, завладев 6-м большим завалом в лесу, остановился и залег в завале для отдыха, так равно и для того, чтобы выждать, пока стянутся другие части авангарда. Между тем, подоспевшие горские милиционеры спустились с дороги в овраги и прикрыли фланги головного батальона; за горийцами подходил генерал-майор Пассек со 2-м батальоном князя Чернышева полка. С приближением частей авангарда генерал-майор Белявский, находя возможным следовать по лесу далее, двинул литовских егерей вперед; несмотря на потерю, понесенную в товарищах своих, и лишившись многих начальников убитыми или тяжело раненными,* литовцы, одушевленные истинно геройскою смелостью, бросились на 7-й и последний пред поляною из больших завалов; неприятель более прочих упорно держался на этом завале, но все-таки штыками егерей был сбит с него и литовцы, поддержанные милициею, пользуясь минутою поспешного отступления неприятеля, бегом, по стопам горцев поднялись на перелесную поляну. На поляне неприятель встретил наших храбрецов смертоносным метким огнем, но уже ничто не могло остановить передовых егерей; с криком «ура!» они бросились за бегущим по поляне неприятелем, согнали его и овладели зажженным его лагерем. Овладев поляною, генерал-майор Белявский остановил преследование, а находившийся тут же полковник генерального штаба Мильковский, по неимению артиллерии, еще не вывезенной из леса, выставил на поляне батарею крепостных ружей, которых меткий огонь содействовал к уве-

* При взятии 2-го большого завала генерального штаба подполковник Левисон, отличный офицер штаба Чеченского отряда, который вел головной батальон, был убит; на 5-м из больших же завалов тяжело ранен заведывавший пехотою полковник Семенов[112] и командир батальона литовских егерей майор Степанов,[113] а также и некоторые офицеры еще были убиты или ранены; здесь же ранены: князь Дондуков-Корсаков, лейб-гренадерского полка поручик барон Врангель.[114] Майор Степанов за это дело удостоен Думой орд. св. Георгия 4-й степени.

личению панического страха бежавших горцев по крутому спуск в Аксайскую долину. Генерал от инфантерии Лидерс, следивший за ходом сражения, в донесении своем главнокомандующему, между прочим, пишет: «...в это блистательное движение авангарда через лес каждый, от начальника до рядового, исполнил обязанность русского воина. Раненые, после перевязки, спешили стать в ряды сражающихся. Полковой штаб-горнист Замосцкого полка Исай Тюлин, тяжело раненный и поверженный на землю, кричал своим товарищам: «Вперед, за веру и Царя».

Таким образом, на протяжении более трех верст неприятель был сбит по дороге из всех больших и малых, более 20-ти, завалов, а часть нашего авангарда стала твердою ногою на перелесной поляне, служившей ключом к овладению Дарго; в то же время правая и левая обходные колонны заняли уже частью лес и крутизны, где только позволяла местность, для обеспечения следования главных сил, приближавшихся к первому спуску по дороге в лес.

Бой в лесу не умолкал. Неприятель, сбитый с дороги, хотя уже не смел более показываться на оной, но, сброшенный авангардом нашим в овраги и заняв боковые высоты, отделенные от дороги глубокими и большею частью непроходимыми балками, гнездился там в трущобах и на вершинах деревьев, а вскоре усиленный жителями, прибывшими на место сражения из соседних аулов и партиею до 1 000 лезгин, которая во время марша нашего сего числа следовала по одному с нами направлению на высотах левого берега Аксая, возобновил бой с прежним ожесточением.

В таком положении возобновившегося боя не оставалось ничего, как только употребить в дело артиллерию, которой следование по дороге затруднено было сетью завалов, устроенных из срубленных во всю длину толстых деревьев и укрепленных насыпанною землею и камнями. Находившаяся в авангарде рота саперов успела очистить дорогу до 2-го большого завала, где и были поставлены на позицию два авангардных орудия. Главнокомандующий, прибыв в это время к перешейку, который тянется по седловине хребта ко 2-му завалу и который неприятель с боковых высот и с вершин деревьев обстреливал убийственным перекрестным огнем, приказал усилить с этого пункта действие артиллерии; заметив же, что срубка и разбрасывание неприятельских по дороге завалов производится не с должною поспешностью, и при том находя, что для этой работы недостаточно одной роты саперов, бывшей в авангарде и понесшей уже убыль в людях, работая все время под сильным ружейным огнем, главнокомандующий приказал двинуть немедленно из головы главных сил все три роты 5-го саперного батальона и которым, соединясь с авангардною ротою, приступить: двум

ротам к уничтожению завалов, а другими двумя ротами прикрыть рабочих, выставив для сего по сторонам дороги цепи и соблюдая сообщение с цепями обеих обходных колонн, находившихся еще сзади. Между тем, два горных орудия, у 2-го большого завала поставленные, находясь под самым метким перекрестным неприятельским огнем, лишились почти всей прислуги; офицер, ими командовавший, был тяжело ранен и потому действие их ослабело; обстоятельство это побудило генерала Лидерса отправиться лично к орудиям для сформирования вновь прислуги, а последовавший за ним генерал-майор Фок, собрав оставшихся артиллеристов, стал наводить сам орудие на неприятеля, сосредоточившегося в значительных силах на высоте против помянутого перешейка, и за столь славный пример самопожертвования генерал-майор Фок заплатил жизнью; тяжело раненный пулей в живот, он умер на другой день. Наконец, после продолжительной, упорной на этом перешейке битвы, неприятель был сбит с боковых высот, как вновь усиленным действием артиллерии нашей, так равно направленными на высоты, горцами занятые, спешенными конными грузинами и частью кавказских казаков, подкрепленных пехотными цепями. Находившиеся же впереди саперы с командиром батальона полковником Завальевским и с надзиравшим за работою начальником инженеров Кавказского корпуса генерал-майором Постельсом, под прикрытием своих цепей, несмотря на продолжительный перекрестный огонь неприятельский, направляемый на них при каждом завале, успели менее чем в час времени уничтожить почти все завалы* и, исправив частью заболотившуюся дорогу, доставили возможность артиллерии следовать на поляну.

Было около 5-ти часов пополудни; войска наши, выдержав уже 4-часовой кровопролитный бой, находились в лесу в следующем расположении: Литовский батальон с частью милиции стоял на перелесной поляне, 2-й батальон князя Чернышева полка — в лесу по скату подъема на поляну, занимая те пункты, с которых можно было наносить неприятелю вред и не допускать его на дорогу; за 2-м батальоном князя Чернышева полка саперы подвигались с своими цепями, рубили и разбрасывали неприятельские завалы; у перешейка пред 2-м большим завалом главнокомандующий с частью кавалерии наблюдал за ходом сражения; далее от входа в лес занимали дорогу головные части главных сил, а обоз и арьергард стягивались вдоль опушки леса, прикрываемые цепями боковых обходных колонн, коих головы уже на значительное расстояние углубились в лес.

---

* Некоторые завалы сделаны были из длинных срубленных под самый корень и толстых в обхват 3-х человек деревьев; другие же были составлены из трех деревьев, положенных одно над другим в шахмат, с промежутками менее пол-аршина, и для связи переплетены между собою сучьями.

Генерал-лейтенант Гурко, с небольшим конвоем проследовав через лес на поляну, занятую литовскими егерями, приказал им там дожидаться до получения особого приказания. Немного спустя и по мере вступления в лес частей войск из главных сил, главнокомандующий, двинув 2-й батальон князя Чернышева полка вперед и вслед за ним прибыв сам на поляну, приказал генерал-майору Белявскому с вверенным ему авангардом, составленным из 2-х батальонов пехоты (1-й Литовский и 2-й Кабардинский) с 4-мя горными орудиями и 2-мя пешими грузинскими дружинами, спуститься в лежавшую впереди Аксайскую долину и овладеть аулом Дарго. Дать приказание это сего же числа главнокомандующий считал необходимым потому, что, если бы ограничиться на сегодня занятием перелесной поляны авангардом, а главные силы и арьергард расположить в лесу и по опушке оного от Андии, значило бы подвергнуть войска напрасному урону, который неминуемо бы последовал при прохождении леса на следующий день, ибо неприятель имел всю возможность отделить скрытно от нас часть своих сил по левым высотам и занять ими лес; тогда как с очищением дороги по Аксайской долине и взятием Дарго весь отряд наш может следовать туда непрерывною нитью через всю ночь, имея дело с небольшою лишь партией горцев, еще скрывавшейся в лесу.

Передовые неприятельские толпы занимали в этот момент Дарго и Аксайскую долину, двигаясь по последней в разных направлениях. Еще 6 верст нужно было пройти, чтобы достигнуть Дарго. Спуск в Аксайскую долину, длиною до $1^1/_2$ версты, хотя по широте своей и давал возможность следовать в плотном строю и неприятель не оказывал на нем сопротивления, но стоило больших трудов спуститься в долину по скалистой местности, склоняющейся менее 45°, неровной от природы и загражденной отчасти неприятельскими завалами.

Одновременно с движением авангарда к Дарго, 5-й саперный батальон, очистив дорогу в лесу от завалов и смененный там пехотными цепями, а также вслед за ним головные части главных сил и обеих обходных колон, вышли на поляну и заняли указанные на ней места.

Бой в лесу, хотя менее упорный, но все еще длился: горцы, сбитые почти со всех высот, занимаемых ими по сторонам дороги, неоднократно с гиком бросались в шашки на войска наши, по дороге следовавшие, но, встречая тут твердые штыки, платили жизнью за свою дерзость. Наконец, к 8-ми часам вечера лес почти совсем был очищен от неприятеля и выюки наши медленно, но спокойно проходили через лес.

Арьергард, во весь день слабо преследуемый собравшимися в тылу нашем горцами, прошел лес без потери уже ночью и в примерном порядке, с которым так давно сроднился командовавший сего числа арьергардными войсками генерал-майор Лабынцев.

Авангард наш, а вскоре за ним главнокомандующий, с частью конницы, спустившись в Аксайскую долину, следовал к Дарго. Шамиль, видя приближение русских войск к своему жилищу, зажег его и, с большею частью своих сил и с тремя орудиями переправившись через Аксай, потянулся по противолежащим высотам, на которых раскинуты богатые хутора аула Белгатой; часть же его полчищ с приближением авангарда нашего к Дарго отделена была на левый берег Аксая, параллельно пути следования наших войск по долине, и толпы эти, засев в скрытых местах, открывали неоднократно ружейную пальбу по колонне генерал-майора Белявского. Авангард, обеспечив следование свое по Аксайской долине цепью с левой только стороны и не видя впереди горцев, быстро подвигался к Дарго, Шамиль не посмел защищаться в Дарго, и овладение этим аулом не стоило нам больших усилий. Передовые войска расположились лагерем пред Дарго, заняв частью и самый аул и лежавшие вправо высоты, которые командовали Аксайскою по долине дорогою к Дарго, служившей путем остальным войскам нашим через всю ночь и утро следующего дня. К 10-ти часам вечера к авангарду присоединился главнокомандующий с находившеюся при нем конницею.

Так пало Дарго, гнездо Шамиля, перед русским оружием. Ни усталость от 26-верстного марша по трудной местности и среди дневного зноя, ни многочисленность неприятеля, ни его, наконец, упорство, с каким он отстаивал в лесу жилище фанатика, словом, ничто не поколебало русских: Дарго должно было пасть сего числа, ибо главнокомандующий изъявил на то свою волю, войскам же ничего более не оставалось, как свято исполнить волю любимого вождя.

Генерал от инфантерии Лидерс, оставаясь на перелесной поляне с целью наблюдать за движением главных сил с обозами, в 10 часов сего же числа с колонною из батальона саперов, 2-х батальонов пехоты, части артиллерии и кавалерии снялся с поляны и выступил на соединение с авангардом; часть вьюков и все раненые следовали к Дарго тут же. Ясная и тихая ночь покровительствовала нашему движению. Неприятеля на спуске с поляны вовсе не было видно. Колонна двигалась медленно, войска, устав по поводу большого перехода и продолжительного боя, шли молча, и тишина ночная прерываема была лишь стоном и криком раненых, которых спускать по скалистой местности стоило большого затруднения. Сойдя в Аксайскую долину, колонна остановилась, дабы дать время стянуться вьюкам и раненым. По Аксайской долине колонна возобновила движение в плотном строю. Горцы, в малом числе скрываясь по лесистому левому берегу Аксая, завязали непродолжительную перестрелку с левою нашею цепью. Уже забагровел восток, предвещая скорый конец ночи, уже огонь пылавшего впереди Дарго становился слабее, как колонна наша повернула направо по до-

роге, отделявшей с левой стороны объятое пламенем Дарго от черневших вправо человеческих групп, покоившихся сном на голой земле после кровопролитного боя: это был лагерь нашего авангарда, где также и убеленный сединою знаменитый вождь кавказцев, едва прикрывшись буркою, отдыхал среди войск на голой же земле; слеза умиления пала из глаз наших при виде того, который, заботясь о нас с нежностью отца и с геройским самоотвержением подвергаясь лично всем лишениям и опасностям, покоился крепким утренним сном. Соблюдая величайшую тишину, дабы не нарушить кратковременного отдохновения обожаемого вождя, прибывшие с генералом Лидерсом войска, сдав по назначению раненых, расположились на общей позиции с авангардом.

Остальные войска и обоз, а за ними и арьергард, собравшись на оставленную колонною генерала Лидерса перелесную поляну, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау, выступив оттуда, прибыли в лагерь у Дарго к $8^{1}/_{2}$ час. 7 июля, т. е. на другие сутки по выступлении из Андии; на переходе через Аксайскую долину горцы, заняв одну из высот на левом берегу Аксая, открыли по войскам нашим огонь, который, однако ж, скоро был прекращен посланною генералом Клюгенау туда ротою Навагинского полка. Навагинцы, согнав горцев, оставались там, пока проходили войска по долине.

В деле 6 июля выбыло у нас из фронта убитыми: генерал 1, штаб-офицер 1, обер-офицеров 2 и нижних чинов 32; ранеными штаб-офицеров 9 и нижних чинов 128; контуженными 32 человека нижних чинов и без вести пропало нижних чинов 5. Урон этот, хотя и значителен, но далеко менее, чем какого надо было ожидать по упорству неприятеля, защищавшегося в лесу.

Неприятельские толпы, переправившиеся накануне на левый берег Аксая, утром 7-го числа стали показываться в конных массах на правом берегу, по высотам, вправо от нашего лагеря; посланная предварительно против горцев конница наша прогнала их и заняла высоты по берегу Аксая, а с присоединением последних частей отряда главнокомандующий приказал перенести туда лагерь, и в 10 час. утра 7 июля высоты эти забелелись палатками русского лагеря. Шамиль с полчищами своими в большом сборе расположился по левому берегу Аксая на Белгатойских высотах и там же, среди преданных мюридов, разбил свой намет.

Позиция неприятельская за Аксаем, командуя нашим лагерем и отстоя по прямому направлению на пушечный выстрел, представляла горцам превосходство над нами, и Шамиль, воспользовавшись сим, поставил три орудия свои в скрытых местах и открыл с Белгатойских высот пальбу по правому флангу и центру нашего лагеря; действие его артиллерии, хотя и было удачно, но большого вреда нам не нанесло.

Главнокомандующий, признавая избранную им позицию у Дарго необходимою в настоящее время, как ближайшую от пути сообщения нашего с Андией, и потому оставить ее и занять Белгатойские высоты считал невыгодным; но, с другой стороны, имевшаяся в виду надобность к постоянному преследованию и рассеиванию горских обществ, собравшихся в многочисленном сборе на Белгатойских соседних с лагерем нашим высотах и при том чтоб лишить неприятеля превосходства над нашею у Дарго позицией, побудили главнокомандующего собрать военный совет, на котором, после долгих и шумных прений, положено было: отрядить часть войск сего же числа на Белгатойские высоты, прогнать оттуда горцев, преследовать их, сообразуясь, как укажут обстоятельства, и потом возвратиться обратно в лагерь; операцию эту произвести поручено генерал-майору Лабынцеву. Кажется, главнокомандующий и некоторые из генералов были против сказанного мнения.*

Дело 7 июля

Генерал-майор Лабынцев с вверенным ему отрядом, составленным из $5^1/_2$ батальонов пехоты — 1-й Люблинского, 2-й Замосцкого, 3-й Апшеронского, 3-й и 4-й Навагинского — и 2-х рот Куринского, роты саперов, 2-х рот стрелков, 6-ти горных орудий и 6-ти сотен конницы, выступил из лагеря сего же 7 июля в час пополудни. Отряд, имея в передней боевой линии 3-й батальон Апшеронского и 3-й и 4-й батальоны Навагинского полков с 4-мя орудиями, во второй линии 1-й батальон Люблинского, 2-й батальон Замосцского полков и сводный батальон из двух рот Куринского полка, саперов и стрелков с 2-мя орудиями, и в резерве конницу, перешел лесистое и крутое ущелье Аксая, прогнав засевших там горцев; неприятель, понеся урон при упорной ретираде с берегов Аксая, отступил к аулу Белгатой, где, заняв сакли с кукурузными огородами, с новым упорством стал защищаться: но вскоре и отсюда был выбит стремительным натиском обоих Навагинских и 1-го Люблинского батальонов. Засим толпы горцев, частью рассеявшись в стороны, а частью приняв направление по дороге к Маиортупу, побудили генерал-майора Лабынцева сделать следующие распоряжения: у кладбища близ села Цонтери оставлен 3-й батальон Навагинский с 2-мя орудиями, 3-й батальон Апшеронский с 2-мя другими орудиями выдвинут на позицию вправо от боевой линии, генерал-майору Безобразову с конницею приказано: держась правым флангом к Апшеронскому батальону, движением на левый фланг неприятеля, стараться

* К сожалению, неизвестны прения этого совета.

отрезать ему отступление и завладеть его орудиями; наконец, сам генерал-майор Лабынцев с тремя батальонами (4-й Навагинский, 1-й Люблинский и 2-й Замосцский) и с остальными 2-мя орудиями преследовал бегущих горцев по дороге на левых высотах. По сделании сих распоряжений, генерал-майор Лабынцев с редким хладнокровием ожидал полного успеха в разбитии, если не всех, то большей части неприятельских сил; но, к сожалению, надежды его не оправдались как через робость конных грузин, преимущественно составлявших конницу, так и через нерешительность генерал-майора Безобразова. В одну из первых атак с нашей стороны грузины, по троекратному увещанию командовавшего ими полковника князя Орбелиани,[115] не тронулись с места, и уже шашка Орбелиани понудила их идти в атаку, но подобный натиск на неприятеля мог ли увенчаться успехом? С другой стороны Безобразов, преследуя горцев на правом нашем фланге, с передовыми казаками, наносил им значительный вред, но вскоре, встретив на предназначенном ему пути, как лично объявил, овраг и по сторонам рытвины, частью лес, сакли на буграх с огородами и болотистые ручьи, вышел на дорогу прежде, чем нужно было, и не в том месте, какое ему назначалось, а потому, не отрезав отступление неприятелю, должен был по необходимости преследовать неприятельские толпы вместе с пехотою по дороге на левых высотах. Не ожидая засим никакой помощи от кавалерии, генерал-майор Лабынцев с передовою пехотою, лично презирая опасность, усилил натиск на отступающего неприятеля; меткий огонь артиллерии и пехоты привел толпы горцев в смятение, а штыки опрокинули их в овраги и леса, где они и рассеялись. Орудия свои Шамиль заблаговременно приказал увезти далеко от поля сражения.

Дальнейшее преследование горцев по оврагам и лесам, едва проходимым, сделалось невозможным, и генерал-майор Лабынцев предположил с войсками возвратиться в лагерь в виду хотя рассеявшегося, но многочисленного неприятеля, дело трудное и неминуемо повлечет за собою большие потери; генерал-майор Пассек, не имея особой команды и добровольно отправившийся из лагеря с войсками, сказал при сем: «Отступать нельзя, а надо здесь оставаться»; с мнением его, конечно, согласен был и генерал-майор Лабынцев, но преступить данное ему приказание «возвратиться в лагерь» нельзя было. Действительно, отступление с Белгатойских высот, по обычаю горцев нападать на тыл с ожесточением, стоило нам значительной потери.*

* А вскоре, при движении к Герзель-аулу, пришлось снова брать эти высоты и опять с новыми трудностями и потерями. Обстоятельство это составило одну из многих ошибок этой экспедиции, когда мнения кавказских генералов мало принимались в соображение.

Лишь только неприятель завидел обратное следование отряда в лагерь, как толпы его стали формироваться в разных пунктах. Отступление, подобно наступлению, произведено было генерал-майором Лабынцевым линиями, а для обеспечения переправы через Аксай поставлены были на правом берегу реки 4-й батальон Навагинский, рота саперов и два орудия. На первые показавшиеся толпы горцев конница наша ходила в атаку, но когда уже местность не дозволяла производить кавалерийских атак, то кавалерия, присоединившись к пехоте, в голове ее продолжала отступление. Девять раз горцы стремглав бросались в шашки на части войск отряда, находившиеся в хвосте, и девять раз генерал-майор Лабынцев, лично распоряжаясь, поворачивал войска, отражая неприятеля, и с барабанным боем атаковывал неприятеля, изумленного необыкновенною стойкостью русских; так наша пехота под непосредственным начальством храброго и распорядительного Лабынцева, отражая и в свою очередь нападая на ожесточившегося неприятеля, ни разу не поколебавшись и сохранив стройный порядок, отступила к аулу Белгатой.

Неприятель между тем обходными дорогами, сосредоточа большую часть своих сил у аула Белгатой, завязал здесь кровопролитный бой и в то же время, подвезя свои орудия, открыл из них пальбу; поставленные на этом пункте в начале дела Апшеронский батальон в первой и 3-й Навагинский батальон во второй линиях составляли правый наш фланг; на левом фланге, примыкавшем к оврагу, находились: в 1-й линии Люблинский, а во второй линии Замосцский батальоны; войска сии встречали отчаянного неприятеля стойкостью, русскому свойственною. Кладбище близ аула Цонтери — важнейший пункт позиции нашей для прикрытия узкой, лесистой и единственной дороги, ведущей к крутому спуску в ущелье Аксая, несколько раз переходило из рук в руки, и апшеронцы с навагинцами, с примерным самоотвержением удерживая за собою и кладбище и сакли, разбросанные на правой оконечности Белгатоя, неоднократно штыками опрокидывали отчаянно налегавшие на них толпы горцев; в таком положении длился бой на правом нашем фланге, во время коего пал прославившийся уже прежде своею храбростью батальонный командир апшеронцев подполковник Познанский.[116] В то же время на левом фланге Люблинский батальон выбивал штыками неприятельские толпы из леса, раскинутого над Аксаем и в сей продолжительной рукопашной схватке их любимый командир, подполковник Корнилов,[117] показав собою пример редкого самоотвержения, смертельно раненный, умер через двое суток. Еще левее у Аксайского оврага Замосцский батальон отразил неприятеля, намеревавшегося зайти в тыл. Но этого было недовольно; горцы, пользуясь лесистою и перерезанною местностью левого берега Аксайского оврага, по склону оного стали пробираться в толпах к переправе через Аксай с намерени-

ем отрезать оную; генерал-майор Лабынцев, заметив дерзкую попытку горцев к овладению переправою, немедленно направил против них две роты Замосцского батальона, роту стрелков с 4-мя крепостными ружьями и одно орудие. Замосцы со стрелками, рассыпавшись в обе стороны по склону оврага густою цепью и покровительствуемые огнем орудия и крепостных ружей, не только предохранили переправу, но убийственным метким огнем оттиснули далеко назад неприятельские толпы. Во время описанного боя, происходившего в разных пунктах, неприятель успел подвезти свою артиллерию еще ближе и из двух полевых орудий открыл канонаду по отступавшим к оврагу войскам нашим; нельзя не заметить при сем, что действие неприятельских орудий почти не нанесло никакой потери и урон, в наших войсках происшедший при отступлении, был или от ружейного неприятельского огня, или в рукопашных схватках от холодного оружия.

В 5 часов пополудни главнокомандующий, наблюдая из лагеря за ходом сражения и видя, что подходившие к Аксайскому оврагу войска наши должны выдержать частые атаки превосходного в числе неприятеля, при усиленном действии его артиллерии, приказал: двумя горным орудиям под прикрытием двух рот, а вскоре потом и двум легким орудиям выдвинуться из лагеря и, избрав позицию по правому берегу Аксая, открыть из них огонь по неприятелю и способствовать тем переправе отряда генерал-майора Лабынцева через Аксайский овраг. Орудия эти, став на позицию, открыли меткий огонь по толпам горцев.

Спуск к переправе становился весьма узким; войска наши не могли переправляться с надлежащею скоростью; раненые еще более затрудняли переправу. Натиски неприятеля усиливались.

На короткое время стойкость пехоты и удачное действие артиллерии нашей, преимущественно картечью, остановили ожесточенные атаки горцев и генерал-майор Лабынцев, воспользовавшись сим моментом, велел Люблинскому и Замосцскому батальонам спускаться к переправе, а сам с Апшеронским и 3-м Навагинским батальонами и двумя орудиями остался на высотах левого берега Аксайского оврага, дабы прикрыть переправу. Неприятель, лишь только заметил, что войска наши начали переправу, а на левых Аксайских высотах осталось их небольшое число, возобновил свои атаки на арьергард с прежним ожесточением, но успеха не приобрел; превосходное действие картечью наших арьергардных орудий и редкое мужество пехоты составили для горцев сильный оплот против намерения их наносить вред переправлявшимся через Аксай войскам. Арьергардные батальоны апшеронцев и навагинцев, видя среди себя любимого и неустрашимого генерала, несколько раз одними штыками принимали бросавшегося на них неприятеля и каждый раз отбрасывали его,

пока все войска наши не переправились на правый берег, и, наконец, в последний раз отбросив горские толпы далеко от переправы, оба батальона с орудиями и с ними Лабынцев, под прикрытием батарей и густых цепей, занявших правый берег Аксая, перешли овраг, имея позади незначительного неприятеля, утратившего уже охоту к возобновлению своих атак.

Войска отряда генерал-майора Лабынцева, перейдя на правый берег Аксая, стали на свои места в общем лагере нашем у Дарго.

Несмотря на затруднительное положение при отступлении с Белгатойских высот, ни одно тело из наших убитых и ни один из раненых не достался в руки неприятеля; общий голос отдавал полную справедливость мужеству и отличным распоряжениям генерал-майора Лабынцева в продолжение всего дела, длившегося более 6-ти часов; но за всем сим урон наш, более от ружейного неприятельского огня, был значителен и простирался убитыми: штаб-офицеров 1, обер-офицеров 1 и нижних чинов 28; ранеными и контуженными штаб-офицеров 4, обер-офицеров 11 и нижних чинов 244 и без вести пропавших нижних чинов 2. Убыль в рядах наших произошла большею частью при обратном прохождении Аксайского оврага, чему причиною была выгодная для неприятеля местность на высотах левого берега.*

Урон горцев точно определить нельзя, но, заключая, что во время боя неприятель едва успевал убирать с поля битвы свои тела, коих притом некоторое число досталось в наши руки, надо полагать, что и у них была значительная убыль; а через лазутчиков получены сведения, что в деле 7-го числа убит уважаемый горцами Саиб, начальствовавший частью артиллерии Шамиля, и ранен наиб Большой Чечни Дуба.

Дело 7 июля, происходившее в глазах войск, в лагере у Дарго сосредоточенных, не имея другого результата как только то, что большая часть хуторов (вернее — саманников) Белгатойских, составлявших собственность Шамиля, были сожжены, произвело начало упадка между войсками этой бодрости, той неустрашимости и того мужества, которыми они запечатлели славу оружия накануне при взятии Дарго.**

---

* Здесь убит блистательный штаб-офицер Апшеронского полка, полковник Познанский, и ранен другой прекрасный батальонер Люблинского полка Корнилов (бывший адъютант Лидерса, двоюродный брат знаменитого Корнилова). Здесь же ранен генерального штаба штабс-капитан Леонтьев (не будущий ли начальник академии?).

** То же говорит очевидец барон Дельвиг в своих воспоминаниях: «Уныние навели не потери, к чему так привыкли кавказские войска, а сознание в их бесполезности».

7-го же числа отдано приказание сжечь и истребить Дарго до основания, а лес от саклей перенести в лагерь для дров, и всеразрушающий огонь того же дня запылал над Дарго с новою яростью. Дарго, жилище Шамиля, заключало в себе: дворец его и много других деревянных больших зданий, в коих помещались приверженцы его и разные заведения; кроме того, с западной стороны аула, за нешироким рукавом Аксая, устроены были с большими удобствами русские избы, служившие помещением изменникам беглым русским, бежавшим к Шамилю из своих рядов в разное время (жившим около Дарго особой, отдельной слободой, преимущественно мастеровых разного рода).

8 июля священнослужители на избранном месте служили собором благодарственное молебствие по случаю счастливого занятия Дарго; при сем присутствовали: главнокомандующий и прочие генералы, а от войск наряжены были по 20-ти человек с каждого батальона. После молебствия совершена панихида о падших воинах 6-го и 7-го числа, а также и о несчастных пленных наших, замученных Шамилем в начале весны сего года у орехового дерева, на соседних с Дарго высотах Белгатойских.* По окончании Богослужения на всем лагере производились

* Еще в первых числах мая лазутчики дали знать в кр. Грозную, что Шамиль варварски умертвил 29 жертв из захваченных им в разное время в плен. Месть фанатика над невинными жертвами сопровождалась следующим: офицеры, юнкера и унтер-офицеры, всего 29 человек, желая освободиться из тягостного плена, несколько раз до того тайно писали через лазутчиков к грозненскому коменданту, прося предстательства его о их освобождении или выкуп; но как удобного случая к тому не являлось, то эта просьба их, не упускаемая из виду, оставалась до времени без исполнения; о последнем из писем пленных осведомился временно командовавший войсками на левом фланге г.-л. Гурко и, зная, что граф Воронцов по Высочайшему повелению произведет в нынешнем году экспедицию в Дарго, для истребления оного, приказал уведомить о сем пленных наших, и письмо, неизвестно с какою целью написанное на русском и татарском языках, послал к ним в Дарго через лазутчиков. В письме этом, кроме извещения об экспедиции в Дарго, было написано, что с нападением на Дарго непременно будут освобождены и все пленные. Получив подобное известие, кто бы не обрадовался надеждою выйти из плена и от образованного неприятеля, а тем более избавиться от зверского обхождения с невольниками горских народов, Кавказ населяющих? Так случилось и с помянутыми выше 29-ю человеками, содержащимися в Дарго. Прочитав письмо, они обрадовались и стали веселее, а невольный, может быть, восторг об освобождении изобразился на их лицах, которого по неопытности и молодости не умели скрыть пред взорами приверженцев Шамиля, наблюдавших за всеми их действиями. Шамиль, извещенный об этой замеченной перемене в положении пленных, приказал исследовать причину тому; на допросе с пытками ни один из наших плешных не признался о полученном ими письме; тогда Шамиль велел сделать повальный обыск и несчастное письмо найдено и отдано в руки фанатика. По обычаю решать все немедленно, Шамиль тут же отдал приказание, чтоб всех 29

похороны убитых, воздух оглашался заунывными звуками похоронных маршей, а троекратный в заключение ружейный залп возвещал о предании земле останков падших; похороны, производившиеся почти до вечерней зари, были поводом к распространению чувства уныния между войсками.

Главнокомандующий, рассчитывая приблизительно время, когда войска могут продолжать дальнейшее движение, зависевшее от подвоза продовольственных и военных запасов, счел необходимостью иметь в готовности часть войск на тот предмет, чтобы, по первому извещению о прибытии транспорта с запасами на последние Андийские высоты пред входом в Ичкеринский лес, послать людей из лагеря для принятия продовольствия и снарядов и препровождения их к отряду, на каковой конец приготовлена колонна в половинном составе от каждой части войск, у Дарго сосредоточенных, а всего до 3500 пехоты с грузинами и с 600-ми всадниками при 4-х горных орудиях. Начальство над колонною поручено генерал-лейтенанту Клюге фон Клюгенау с назначением ему в помощь генерал-майоров Викторова и Пассека. Людям приказано выступить налегках и взять одни порожние мешки, дабы насыпать в них сухари, принести таковые и для себя, и для остающихся в лагере товарищей; а дабы сколько можно избежать затруднений при следовании колонны через лес, кроме 3-х подъемных лошадей под провиант на роту, других перевозочных средств не назначалось. В числе наставлений приказано, чтобы отпуск продовольствия из транспорта для поспешности произвести без

человек умертвить, дабы тем прекратить всякую для них надежду на освобождение. На другой день, закованные и связанные, невинные жертвы варварства приведены были на Белгатойские высоты, где привязали их всех вместе к ореховому дереву до 2-х сажен в обхвате; между тем, приготовлены были два орудия, заряженные картечью, и поставлены на самую близкую дистанцию от рокового для несчастных дерева. Присхал Шамиль; немедленно фитили из рук подлых наших же дезертиров опустились на затравки и два картечных выстрела положили конец существованию большей части несчастных; остальные, коих пощадила картечь, по приказанию Шамиля, наскакавшими мюридами был изрублены и изувечены страшным образом. Переселиться в вечность или тяготиться в варварском плену — нельзя определить, что бы избрал человек в полном цвете возраста? Но так пали 29 несчастных жертв фанатизма и необдуманного письма. Слухи, носившиеся в это время в кр. Грозной относительно лица, по приказанию которого написано и отправлено было помянутое письмо, хотя заслуживали совершенного вероятия, но лицо это не созналось в своем опрометчивом поступке, как доказавшем его неопытность на важном посту, им временно занимаемому. Погибшие здесь офицеры, юнкера и унтер-офицеры принадлежали взятым в плен в 1843 году гарнизонам Былаканского укрепления (5-я мушкетерская рота апшеронцев — поручик Доманский и др.), Гоцатля (8-я рота Тифлисского полка) и др. подобные же укрепления.[118]

весов — примерно, а дабы одна часть не взяла более другой, то начальникам, сообразив количество подвезенного продовольствия, разделить его по войскам добросовестно и иметь надзор и за поспешностью и пропорциональностью в приеме. Больные и раненые назначены к отправлению из отряда с колонною генерал-лейтенанта Клюгенау, также порожние парковые и транспортные лошади за продовольствием и снарядами на дальнейшее время; те и другие следуют в Темир-Хан-Шуру; дабы доставить трудно раненным более спокойствия на марше, главнокомандующий приказал приготовить для них носилки с приспособлением таковых к паре порожних лошадей; тем же, которые могут ехать верхами, дать лошадей из числа порожних, в Темир-Хан-Шуру отправляемых.

Грузинскую конную милицию за трусость, оказанную в деле 7 июля, и как вообще не нужную, а только увеличивающую беспорядок на маршах отряда, главнокомандующий также намерен был отправить из отряда, но, снисходя к убедительной просьбе храброго их начальника полковника князя Орбелиани,[119] оказал недостойным грузинам милость и оставил их при отряде.

Озабочиваясь сохранением имеющихся при отряде запасов в ожидании подвоза новых и обращая бдительное внимание на благосостояние войск в разных отношениях, главнокомандующий в лагере у Дарго объявил по отряду к непременному исполнению следующее: а) нижним чинам как можно беречь сухари и патроны; по этому предмету, сверх того, состоялся приказ: «Храбростью и неустрашимостью войск предводимого мною отряда я совершенно доволен, но к неудовольствию моему я заметил, что войска стреляют часто попусту и при пальбе на месте боя, вероятно от поспешности, роняют патроны: я сам это видел. Кроме вреда, что эти патроны достаются неприятелю, который после того ими же стреляет в нас, храброму солдату стрелять попусту не должно. Начальникам частей прочесть это всем нижним чинам по ротно и сказать, что я желаю, чтобы они стреляли редко, да метко, а патроны, как сухарь, про нужду берегли»; б) похороны убитых производить в один раз, в 10 часов утра, а для сбережения патронов похоронных залпов не производить; в) как вода в верховьях Аксая отведена неприятелем в другую сторону, то озаботиться отысканием и вырытием колодцев; г) прибывающих из гор лазутчиков в главную квартиру не водить, а направлять их под конвоем к особой палатке, со значком, на правом фланге лагеря поставленной, почему и ожидаемых 2-х человек лазутчиков, которые покажутся из-за гор со стороны правого фланга лагеря и будут махать шапками, пропустить через цепи и отвести к сказанной палатке; д) прикрытие табуна впереди Дарго усилить и вместо одного посылать два батальона пехоты

при 2-х горных орудиях и 4-х крепостных ружьях; в каждой пехотной роте иметь по 4 человека из кавказских стрелков; кавалерии лошадей на пастбищных местах не расседлывать, дабы быть всегда готовой к отражению нечаянного нападения со стороны неприятеля; табун выводить не прежде, как по разведении пехотной цепи; е) для прикрытия водопоя впереди грузинской пешей милиции нарядить пехотную роту и 100 пеших грузин; за водою же ходить людям непременно вооруженными; ж) для прикрытия цепей, выставляемых на ночь, приготовить заблаговременно днем или земляные валики, или принести из Дарго досок, брусьев и плетен и сделать из этого материала заслоны; з) на дежурного по отряду возложено, чтоб усилить пожар в Дарго, а в особенности привести в совершенное уничтожение так называемую «солдатскую слободу», где имели приют русские дезертиры; и) капитану Кеслеру поручено заготовить в Дарго рогатки из леса, оставшегося от разобранных саклей; рогатки эти строились для маскирования лагеря, в намерении показать неприятелю, что отряд наш еще долго простоит у Дарго, и к) исправить саперами в разных местах спуски с высот, лагерем занимаемых.

В течение двух дней 8 и 9 июля неприятель, занимая по-прежнему лежавшие за Аксайским оврагом Белгатойские высоты, обстреливал лагерь наш из 2-х полевых орудий, которые, однако ж, не нанося никакого нам вреда, часто должны были сниматься с занимаемой позиции, через меткое действие нашей пушечной батареи и конгревовых ракет. Ружейная перестрелка с цепями и в табуне и кругом лагеря велась беспрерывно. Потеря наша в эти два дня ограничилась в нижних чинах: 2 убито и 20 человек ранено. Ясные дни 6-го и 7-го чисел недолго продолжались, и в ночь с 7-го на 8 июля повалил туман из Ичкеринских ущельев; сильная гроза после жарких дней разразилась над нашим лагерем при проливном дожде; пронзительный свист свирепствовавшей бури оглашал воздух; часть палаток наших были поднесены порывистым ветром в вышину и повалены. К утру 8-го числа хотя гроза и буря утихли, но дождь продолжал идти весь день. 9 июля погода не изменялась весь же день.

Утро 10-го числа было пасмурно и мелкий дождь перемежался; неприятельские толпы виднелись по всем высотам кругом нашего лагеря, а главные силы с Шамилем занимали по-прежнему Белгатойские высоты; лес в тылу нашем, на пути сообщения с Андией находившийся, также занят был неприятелем. Немного за полдень в тылу нашем послышалась перестрелка и показались на Андийских высотах передовые казаки колонны, препровождавшей к нам транспорт с продовольствием. Командовавший этою колонною подполковник Гюллинг[120] остановился на высотах пред входом в Ичкеринский лес. Колонна ге-

нерал-лейтенанта Клюгенау выступила из лагеря в 4 часа пополудни. Ей предстоял двукратный путь через тот же лес, который был свидетелем упорной битвы с горцами 6 июля; лес этот опять был занят неприятелем еще с 8-го числа, а с выступлением колонны нашей с Белгатойских высот направленные туда свежие толпы горцев тянулись по левому берегу Аксая.*

Колонна генерал-лейтенанта Клюгенау двинулась из лагеря частью по Аксайской долине, а частью по левым высотам, отделявшим лагерь наш от перелесной в Ичкеринском лесу поляны. Соединившись у подъема на поляну, колонна взошла на оную, имев все время лишь незначительную перестрелку с горцами, укрывавшимися по левому берегу Аксая. На поляне найден был оставленный неприятелем лагерь; выждав же здесь, пока стянулись войска, в хвосте колоны находившиеся, начато движение через лес в следующем боевом порядке:

Авангард, под командою генерал-майора Пассека: рота стрелков с батальоном кабардинских егерей, два горных орудия и часть пеших грузин.

В левой цепи: три роты Куринского полка.

В правой цепи: сводный батальон из рот Замосцского и Литовского батальонов.

Главные силы: в голове две роты саперов и линейные казаки; Люблинский батальон размещен был между обозом и ранеными для прикрытия их и, наконец, конвой из конных грузин при генерал-лейтенанте Клюгенау.

Арьергард, под командою генерал-майора Викторова: батальон Навагинского полка, роты апшеронцев, две роты стрелков, два орудия и часть казаков.

Генерал-лейтенант Клюге фон Клюгенау в донесении своем о деле 10 июля пишет: «...предвидя трудности, ожидавшие меня на лесистом хребте, лежащем в тылу лагеря (у Дарго), я принял все зависящие от меня меры (?), чтобы пройти опасное место это со всевозможным порядком (?) и скоростью (?) и избегнуть сколь возможно потери (?)».

Избегнуть сколь возможно потери через скорость марша — дело несбыточное не только против горцев, но и против всякого неприятеля, где каждый шаг необходимо было приобретать оружием; здесь же, по местности, затрудненной самою природою и притом, занятой неприя-

* Незанятие этого леса составило капитальную ошибку графа Воронцова, давшую возможность нашему противнику стать на наших сообщениях, а нас принудившую прибегнуть к этой погибельной «сухарной оказии», стоившей стольких жертв и не доставившей нам ожидаемых сухарей. — *Б. К.*

телем в значительных силах, быстрота в движении ни к чему иному не вела, как к большей еще трате в людях, что испытано уже неоднократным опытом в битвах на Кавказе и что не замедлило подтвердиться на деле.*

Вот подробности несчастных для нас дел 10 и 11 июля.

Дело 10 июля

Генерал-майор Пассек с авангардом спустился с поляны в лес, очистил дорогу от неприятеля, засевшего за вновь устроенным им после дела 6 июля завалом, и с небольшою потерею перешел тот узкий перешеек дороги, который тянется по седловине хребта, предоставлявшей неприятелю все преимущество для обстреливания этого пункта метким перекрестным навесным огнем с боковых высот; Пассек, выбив горцев из-за большого завала, на этом перешейке сделанного, с пехотою поднялся по дороге выше, но орудия авангардные по невозможности переправить их через завал были оставлены им; ведя жаркую перестрелку с неприятелем, авангард остановился на восходившей местности за завалом.

Главные силы с ранеными и вьюками, следуя по дороге по колено в топкой глинистой грязи, образовавшейся от двухдневного беспрерывного дождя, не могли поспешно двигаться, причем увеличивали затруднение идти в порядке и конные грузины, которые в смешанной массе, движимой страхом, спешили пробираться вперед и тем расстраивали ряды пехоты. Генерал Клюгенау, видя, что авангард остановился по невозможности переправить через завал свои орудия, вызвал вперед саперов и приказал им срубить завал.

С своей стороны, неприятель по собравшимся на перешейке и подле него войскам нашим, несмотря на усиленное действие нашего картечного огня из двух горных орудий и конгревовых ракет, открыл из-за боковых высот и с вершин деревьев убийственный ружейный огонь; ничего не было слышно, и гром выстрелов с обоих сторон слился в один продолжительный звук. Работая с хладнокровием, саперы в 10

---

* Лично храбрый Клюки фон Клюгенау уже достаточно показал еще в 1843 г. свою неспособность и нераспорядительность, послужившие главными причинами или одними из главных причин многих катастроф 1843 г. и особенно гибели наших многочисленных гарнизонов. Удивительно, как мог Воронцов взять в тот поход совершенно не работавшего головой Клюки и назначить его начальником этой оказии за сухарями, имея генерала Лабынцева, самого надежного себе помощника, наконец и Пассек, хотя и был горяч, но справился бы лучше. Офицерство подсмеивалось над Клюки, а солдаты, называя его генералом Клуха, мало ему доверяли, хотя считали храбрым. — *Б. К.*

минут срубили завал и тем открыли дорогу для перевоза орудий: авангард, а за ним главные силы с обозом и ранеными выдвигались через остальную часть леса. Между тем, на перешейке неприятельский огонь не уставал, но напротив все более и более увеличивался. Последние вьюки колонны, а также некоторые из раненых проходили через лес в беспорядке, предоставленные собственной защите, ибо все войска в главных силах и в цепях быстро выдвигались из леса за авангардом.

Страшная минута вследствие быстрого движения авангарда приблизилась; толпы неприятельские в лесу усиливались прибывавшими вновь, беспорядок в следовании последних наших вьюков и раненых увеличивался, и горцы, пользуясь оным, с гиком бросались в шашки, почти на беззащитные вьюки и раненых, что могли захватить, то сбрасывали в кучу, а чего не могли — нещадно рубили шашками; проложив же себе таким образом путь через наш обоз, неприятель в большой массе занял дорогу и отрезал арьергард. Арьергард наш, уже понесший потерю, в этот момент сильно был тесним с тыла и с обеих сторон. Генерал-майор Викторов, видя себя отрезанным и окруженным неприятелем со всех сторон, мужественно пробивался через неприятельские толпы и уже рождалась надежда восстановить сообщение, как сильно раненный Викторов повержен был на землю; беспорядок за сим дошел до крайней степени; два орудия наши арьергардные, потеряв почти всю прислугу и лошадей, сделались неподвижными машинами и при общем движении арьергарда в разные стороны достались неприятелю, который немедленно сбросил их в кучу; завладев орудиями, горцы усилили натиск на арьергард и спереди и с тыла; смятение в войсках нашего арьергарда увеличилось и ими овладел панический страх; никто уже не думал защищаться, всякий бежал в жалком намерении спастись бегством; так, Викторов, поверженный на землю и не имея сил сам подняться, несмотря на просьбы и обещания наградить того, кто бы его взял, оставлен был в добычу неприятелю и тут же им изрублен.

Клюгенау, находившийся в это время у авангарда, быстро выдвигавшегося из леса, осведомясь о потере арьергардом своих орудий, приказал адъютанту своему капитану Ключареву[121] с пехотною ротою следовать обратно в лес для подания помощи арьергарду и вместе с тем остановил авангард, коего головные части вытянулись уже к опушке леса, вдоль которой на поляне расположена была колонна, пришедшая из Андии с транспортом продовольствия. Поручив Пассеку распоряжаться на месте боя, Клюгенау, не руководя движением, отбыл к колонне подполковника Гюллинга и расположился там для отдохновения.

Ключарев, возвратившийся уже раненным, известил, что хотя неприятель частью отбит, но потерянные нами орудия спасти никоим образом не было возможности, ибо и прислуга и лошади все перебиты.

Войска же наши, в арьергарде следовавшие, сопротивляясь на каждом шагу отчаянным нападением горцев, проходили лес, исключая молодцев кабардинцев, в величайшем беспорядке; день клонился к вечеру, когда авангард, занимая опушку леса, встретил некоторые части из арьергардных войск, а последние из них успели пробиться и соединиться с авангардом к 10 часам вечера. Оставив опушку леса в своих руках, Пассек занял впереди лежавшую поляну и вправо берег оврага, примкнув хвост к голове колонны, из Андии пришедшей. Перестрелка ружейная не умолкала далеко за полночь.

Потеря двух орудий и большого числа людей (до 400 человек), смерть Викторова и некоторых еще из частных начальников, потеря обожаемого солдатами командира 2-го бат. кабардинцев полковника Ранжевского раненым, недостаток в снарядах и патронах, недоумение и едва ли не совершенная потерянность Клюге фон Клюгенау, пославшего между тем 7 охотников лазутчиков с известием в лагерь у Дарго о затруднительном положении колонны,[122] — все это не могло не произвести дурного влияния на войска, кои, упав духом и потеряв уверенность в одержании над неприятелем верха, должны были на другой день тем же путем, следовать в Дарго на соединение с отрядом.

Ночь с 10-го на 11-е число, освещенная полным сиянием луны, прошла в сдаче раненых и приеме провианта: порядка и здесь соблюдено не было: выдача провианта произведена была в несколько раз, так что войска, утомившиеся 6-часовым кровопролитным боем, едва имели к утру несколько часов для успокоения своего сном.

Неприятель во время ночи, занимая лес и перелесную поляну, провел в дележе значительной добычи, приобретенной от нас в деле 10-го числа, а стук топора и шум падающих деревьев давали знать, что горцы вновь устраивают по дороге завалы. Малые толпы их, прибивавшие в лес во всю ночь и утром 11-го числа, значительно увеличили неприятельские силы.

В лагере нашем у Дарго, уменьшившемся в числительности своей, главнокомандующий для предупреждения нечаянного нападения, если бы таковое предпринял неприятель в ночь с 10-го на 11-е число, приказал, чтобы люди все без исключения были одеты и спали бы вне палаток у ружей по шереножно, дабы таким образом на случай тревоги весь оставшийся отряд был в готовности стать в ружье; кавалерии иметь ночью лошадей оседланными и равномерно быть готовой сесть на коней. Войска на фасах лагеря для уравнения боевой силы частью перемещены, а для командования назначены особо фасные начальники.

В 8 часов утра 11-го числа колонна, препровождающая к нам продовольствие, отошла обратным путем к Гогатлю, а вслед за тем при известительных ракетных сигнала взлетели для подания знака в лагерь

у Дарго о нашем движении. Войска, разобрав остатки провианта, по приказанию начальника, на ура, что не обошлось без ссоры, стали сниматься с позиции и строиться для прохождения в третий раз этого рокового для нас леса.

Войска выступали в следующем порядке.

Авангард, под командою генерал-майора Пассека: Люблинский батальон, рота навагинцев при двух горных орудиях, рота саперов и часть пеших грузин.

Левая цепь* состояла из рот Замосцского и Литовского батальонов.

Правая цепь, из трех рот Куринского полка.

Стрелки Кавказского батальона размещены по протяжении цепей.

Три роты Навагинского батальона размещены между обозами, состав коих против вчерашнего числа увеличился присоединением маркитантов и порционного скота.

В арьергарде, под командою раненного накануне полковника Ранжевского, находились: 2-й батальон князя Чернышева полка, две роты апшеронцев и рота саперов.

Передовые войска, имея над собою храброго и любимого начальника в лице генерал-майора Пассека, воодушевились героизмом; твердость и уверенность на победу не замедлили поселиться в их рядах; распевая песни, они весело глядели на ходившего между ними Пассека. Веселость их прервана была внезапно ссорою, возникшею между генералами Клюге фон Клюгенау и Пассеком за какое-то распоряжение в приготовлении к бою, без ведома первого. К счастью, приближалось время к движению и Пассек, подойдя к авангарду, скинув шапку и перекрестясь, громко возгласил: «Благослови, Господи», что отозвалось и в рядах войск, а вслед затем послышались его же слова: «Марш, ребята, Бог не возьмет — свинья не съест».

Дело 11 июля

В 10 часов утра войска двинулись, и через 5 минут бой возымел свое начало.

1-й батальон Люблинский,[123] которого батальонный командир подполковник Кривошеин убит был накануне, под командою адъютанта князя Паскевича, ротмистра Николая Беклемишева, имея впереди несколько пеших грузин, вдвигался в лес; за ним следовали: рота саперов

---

* Левою цепью 11-го числа командовал Кирасировского Ее Величества полка молодой поручик Ольховский;[124] с чувством величайшего восторга шел он в дело как начальник цепи, но вскоре был убит.

и рота навагинцев с двумя орудиями. Пройдя шагов сто, передовые войска, встреченные из-за устроенного вновь ночью поперек дороги завала сильным ружейным огнем, остановились: два картечных выстрела из орудий наших понудили горцев оставить завал и авангард следовал далее. Так начался бой, продолжавшийся засим более 6-ти часов с невыразимым упорством и ожесточением, и представил собою ужасную картину кровопролитной резни.

Люблинский батальон в голове, и за ним прочие войска авангарда, не встречая на дороге горцев, быстро подавались вперед под сильным перекрестным огнем неприятеля, занявшего в больших силах боковые высоты и овраги, и, пройдя таким образом до перелесной поляны три четверти протяжения дороги по лесу, авангард остановлен, дабы дать возможность стянуться обозу и арьергарду.

Цепи наши, в то же время занимая, где дозволяла местность, боковые высоты, а где нельзя было, следуя вместе с войсками по дороге, с неумолкаемым треском ружейного огня, выдвигались за авангардом; потеря людей в обеих цепях делалась ощутительною, пары редели; сбить неприятеля не было возможности, ибо горцы 11-го числа, собравшись едва ли не вчетверо более противу нашей колонны, заняли неприступные места и вершины деревьев по всему протяжении и с обеих сторон лесистого хребта, через который пролегает дорога, и на занятых ими местах оставались во все время боя; цепи же наши, двигаясь вперед и движением сим люди, открывая себя неприятелю, падали на месте, поражаемые нередко многими в один раз неприятельскими пулями.

Остановив авангард, не выходя из леса, Пассек отправился сам назад, дабы следить за движением обоза и арьергарда и ожидать приказания, когда будет время тронуться авангарду.

Так истек час времени после вступления нашего в лес, между тем, ясное небо утреннего дня покрылось облаками и дождь начинал падать; впереди предстоял трудный переход через заболотившуюся часть дороги; неприятель в этот момент слабо перестреливался с авангардом, но нельзя было не ожидать, чтобы на остальном пути через лес к полям он дозволил бы следовать, не налегая сильно на нас.

Неприятельская партия, наблюдавшая за движением колонны подполковника Гюллинга, отошедшей по направлению к Гогатлю, услышав позади себя начавшийся бой в лесу, немедленно повернула назад и приняла участие в деле против нас.

Около часу употреблено времени, чтобы стянуть в лесу вьюки и арьергард; беспрерывные перекаты ружейных выстрелов в тылу авангарда не умолкали, и многие жертвы пали при прохождении описанного 10-го числа перешейка в седловине хребта и в других более откры-

тых неприятелю местах. Около же часу и авангард простоял, не двигаясь вперед. Пассек, возвратившийся к авангарду, объявил, что вьюки и арьергард скоро стянутся, что потеря хотя уже и есть между ними, но не так значительна, какой нужно бы было ожидать по превосходству неприятеля над нами; потом Пассек благодарил авангард за успешное движение по пройденной части леса; ему отвечали громким и искренним «ура», вовсе не думая, что еще несколько только минут нужно, чтобы не стало храброго. Поделившись сухарем и трубкою, все мы и с нами Пассек прилегли на дороге в лесу в ожидании приказания идти вперед.

Неприятель, приобретя накануне в добычу и несколько сигнальных наших рожков, мог легко ими воспользоваться для подания сигналов, несоответствующих распоряжениям движения нашего, а потому на 11-е число извещательных знаков сигнальными трубами отдавать запрещено и исполнять все не иначе, как по словесным приказаниям своих начальников.

Несколько минут прошло в раздумье, что готовит для нас неприятель впереди, как головной Люблинский батальон без приказания двинулся вперед и стал подходить к тому месту дороги, которое затоплено было глиною и где притом неприятель, готовя для нас решительный удар, воспользовался минувшею ночью и навалил на этом месте на протяжении до 30 сажень груды обнаженных и страшно изувеченных наших человеческих и конских трупов, доставшихся в его руки после дела вчерашнего числа; составив таким образом небывалый доселе завал из трупов и заняв боковые по сторонам высоты и местность впереди завала на полуружейный выстрел, горцы открыли убийственный по люблинцам огонь, лишь только они вступили на этот страшный завал. Никакая сила не могла уже удержать люблинцев; они, по колено в глине, топча трупы своих товарищей, стремились достигнуть поляны, поражаемые смертоносным огнем; командовавший батальоном ротмистр Беклемишев, перерезывая себе дорогу через батальон, тщетно старался остановить люблинцев; они его не слышали, а может быть, и не хотели слушать от незнания лица, им приказывавшего остановиться, ибо Беклемишев, как выше сказано было, принял начальство над Люблинским батальоном утром 11-го числа пред боем. Часть саперов, следовавших за головным батальоном, также устремилась за люблинцами к поляне.

Между тем, генерал-майор Пассек, остановив саперов сколько было можно, приказал им расчищать дорогу от трупов в предположении, что головной батальон, миновав завал, остановится, но сделалось иначе: люблинцы, перейдя по трупам через завал, вышли на поляну и таковым движением открыли неприятелю дорогу, который, заняв ее немедленно, с ожесточением бросился в шашки на работавших саперов; не-

редние саперы, не успев защититься, тут же были срублены, находившиеся же сзади оставили работу и, приняв отчаянных горцев в штыки, сбросили их частью в овраг, а частью за завал. Таким образом, сообщение с головным батальоном было прервано и неприятель, оставаясь в оврагах и за завалом, открыл по саперам смертоносный огонь.

Через опыт неоднократных битв, с честью для русского оружия над горцами одержанных в разное время, Пассек свыкся с мыслью, что в подобном разе лишь решительный натиск с нашей стороны мог остановить отчаянного неприятеля, а потому, не видя иного средства к прогнанию горцев с дороги, как идти напролом, собрал роту навагинцев и с нею лично сам бросился вперед. Навагинцы не тотчас последовали, а Пассек, находясь впереди почти один, пал, смертельно пораженный пулею. Клюгенау, прибыв в это время к авангарду, видел, как не стало того, который до последней минуты был и грозным и верным бичом горцев. Навагинцы остановились.

Неприятель, видя нерешительность с нашей стороны, усилил ружейный огонь, а толпы его, выбегая на дорогу с правой стороны, с гиком бросались в шашки; атаки эти хотя и стоили значительных для нас потерь, но горцы каждый раз были отражаемы при помощи навагинских рот, над коими начальство принял сам Клюгенау.

Более получаса прошло, пока прогнанный с дороги неприятель дал возможность восстановить сообщение с головным батальоном, который, между тем, вместе с грузинами частью занял цепь по оврагу, опоясывавшему перелесную поляну, и удерживал неприятеля, стремившегося овладеть поляною; другая же часть люблинцев, собранных Беклемишевым, введена была им обратно в лес навстречу к остановившимся войскам за завалом. В этот критический для нас момент в патронах и снарядах оказывался недостаток; боковых цепей на некоторые местах уже совсем не было, и горцы, поражая почти беззащитные наши вьюки, успели завладеть многими из них; отважность их доходила края границы: некоторые из более отчаянных, засев в оврагах у дороги, схватывали за ноги и вожатых, и вьючных лошадей, и порционный скот и сбрасывали их в овраги; беспорядок в обозе увеличивался до крайней степени.

Арьергард наш, сильно теснимый неприятелем, истратив притом все почти патроны и потеряв храброго начальника своего, продолжавшего с носилок (и дважды раненного) распоряжаться,* должен был выдерживать отчаянные и неоднократные атаки горцев, почему и не имел возможности прикрыть с боков обоз наш. Хладнокровно и мужественно отражая неприятельские атаки и пренебрегая неумолкаемым перекрестным ружейным огнем, кабардинцы не терялись: они были

* Полковник Ранжевский в одну из схваток с неприятелем был убит.

храбрые товарищи егерей, так славно ознаменовавшихся 14 июня на Азалских высотах; видя у себя недостаток в патронах, кабардинцы камнями и штыками удерживали и опрокидывали горцев, взбирающихся на дорогу по фланговым оврагам.

К сожалению, нельзя не упомянуть, что некоторые из арьергардных войск, как равно оставшиеся вооруженными при вьюках, видя страшный беспорядок и лишась, может быть, надежды на спасение, предались грабежу; вместо того, чтоб быть защитою обозу, они сами прокалывали бурдюки штыками, упивались вином без меры, грабили казну и вещи и в свою очередь падали, поражаемые в беспамятстве пулями и шашками неприятельскими.

Вот положение, очерченное, может быть, еще слабо, в сравнении с тем, в каком находилась колонна, не двигаясь вперед более получаса времени.

Но что может сравниться со смятением, наступившим засим? Неприятель, сброшенный передовыми навагинскими ротами в овраги, занял там места на полуружейный выстрел от дороги и смертного из трупов завала; войска наши подвинулись вперед к завалу и, чтоб переправить через него орудия, начали скидывать трупы в овраги. Едва только в средине вьюков заметили, что завал очищен от неприятеля и началось движение вперед, как спешенная грузинская кавалерия, раненые, вьючные лошади, порционный скот с их вожатыми и все безоружные, бывшие вне строя, бросились на дорогу плотною массою и в страшном беспорядке. Тщетно генерал Клюгенау своими же штыками хотел остановить эту толпу — многочисленность ее опрокинула все, что было впереди, и повлекши с собою большую часть навагинцев, бросилась к поляне, поражаемая смертоносным неприятельским огнем, а на едва очищенном завале образовала собою груды сваленных один на другой новых трупов. Клюгенау, как в донесении своем упоминает: «...потеряв в эту страшную минуту всю надежду спасти остальные два орудия, коими овладеть неприятель беспрестанно покушался», увидев две люблинские роты, следовавшие, как выше сказано было, с Беклемишевым обратно в лес, и, приказав люблинцам остаться при орудиях, отправился сам вперед и после величайших усилий успел пробиться сквозь беззащитную массу, приведенную в движение одним страхом, и вышел из дефиле на перелесную поляну.

Погода становилась все хуже и хуже; хотя в пылу боя холод и не был чувствителен, но частый и довольно крупный, беспрестанно увеличивавшийся, дождь значительно уже вымочил всех. Бой не ослабевал.

Главнокомандующий в лагере у Дарго, слыша сильно завязавшееся сражение в лесу и видя новые толпы неприятельские, непрерывною нитью тянувшиеся от Белгатоя по левым высотам Аксая к месту боя,

отрядил в подкрепление сражающимся: 1-й батальон князя Чернышева полка и сводный батальон из рот 3-го Люблинского и 3-го Навагинского батальонов с частью Кавказских стрелков и пешей грузинской милиции. Кроме того, часть кавалерии направлена была в Аксайскую долину для занятия правого берега Аксая.

Из войск, присланных к нам в помощь, только 1-й батальон Кабардинских егерей (князя Чернышева) под начальством майора Тиммермана[125] подоспел вовремя и показался вместе с грузинами на перелесной поляне около 2-х часов пополудни.

Генерал Клюгенау приказал майору Тиммерману, прибывшему с кабардинцами, идти с батальоном густыми цепями в лес и особенному его попечению вверить оставшиеся там орудия, которые по случаю убыли большой в людях, их прикрывавших, слабо уже были защищаемы, а под одним из них подломался лафет. Обоз наш выходил небольшими частями на поляну, все еще обстреливаемую горцами из окрестных оврагов.

Движение 1-го батальона кабардинских егерей навстречу остававшихся в лесу частей колонны нашей восстановило неравный бой с многочисленным неприятелем; обозы ускорили свое следование по лесистому хребту, а за ними и арьергард, сильно теснимый горцами с тыла, подошел к завалу, у которого оставались наши орудия. Храбрый штабс-капитан Фохт,[126] раненный в грудь, с остатками своей 2-й саперной роты, подоспев к орудиям, втащил их на руках на поляну. Между тем, кабардинцы 1-го батальона, торопившиеся навстречу к своим товарищам и однополчанам 2-го батальона, оттеснили горцев от дороги и сим много способствовали прохождению наших остатков через лес. Что же касается пришедших в помощь грузин, то они, встретившись на поляне со своими земляками, начали с ними обниматься и почти никто из них не принял участия в оканчивавшемся бою в лесу. Другой батальон и стрелки, отправленные в подкрепление, соединились с нами на скалистом спуске в Аксайскую долину.

В 5-м часу пополудни, среди тумана и проливного дождя, авангард колонны стал спускаться с поляны в Аксайскую долину; дорога по скалистому спуску или, точнее сказать, тропинки по оному до того испортились дождем, что не только легко раненные, но и те, которые вышли из боя целыми, опираясь ружьями и палками, с трудом могли сходить по спуску, склоняющемуся не менее 45°; трудно же раненные, равно как тела убитых, положены были на лубки, оставшиеся на поляне от неприятельского лагеря, и с помощью веревок, платков, древесных прутьев и всего, что было под рукою, привязанных к концам лубков, раненые на таковых носилках спускались с ужасными страданиями от беспрерывных скачков по крутому и скалистому спуску. На одном из описанных лубков, по приказанию начальника колонны, казаки тащили тело

Пассека, но при спуске от неосторожности останки храброго соскочили с лубка и упали в глубокий и отвесистый овраг, из которого уже никаким способом нельзя было поднять труп для отдания и последней славы, и последней чести геройски павшему и любимому всеми начальнику.

Раздел приобретенной от нас добычи в лесу привлек туда многочисленные толпы горцев, а потому лишь малые их части и преимущественно из не успевших принять участие в деле обеспокоивали колонну нашу на пути следования по спуску и в Аксайской долине.

Пока по спуску сходили авангардные войска, до тех пор соблюдался порядок, но как скоро очередь дошла до вьюков и грузин, страшный беспорядок воцарился; опять эта масса, стремясь скорей в лагерь, сталкивала шедшую по дороге пехоту, а усилия последней к отклонению беспорядка и здесь оказались тщетными. Начальников не было. Генерал-лейтенант Клюгенау находился на перелесной поляне, а когда более половины войск следовала по спуску, проехал между ними вперед, не обратив внимания на беспорядок, который затем еще более увеличился; дорогу на спуск заняли: обоз, раненые и грузины; пехота же, приняв вправо, следовала через овраги с неимоверными затруднениями и с отсутствием всякого строя; не известно, был ли кто из людей жертвою при этом случае, но что касается лошадей и вьюков, то некоторые из них, сброшенные в толкотне в овраги, по невозможности вытащить оттуда, оставлены были вдобавок добычи, доставшейся неприятелю сего числа.

К 7-ми часам вечера генерал-лейтенант Клюгенау с передовыми войсками подошел к лагерю нашему у Дарго и тот же час явился к главнокомандующему... К 9-ти часам и вся колонна мало-помалу стянулась в лагерь.*

Потеря в два дела 10-го и 11 июля была весьма значительна с нашей стороны и простиралась убитыми: генералов — 2, штаб-офицеров — 3, обер-офицеров — 14 и нижних чинов — 446; раненными большею частью тяжело и по нескольку раз: обер-офицеров — 34 и нижних чинов — 715; контуженными: обер-офицеров — 4 и нижних чинов 84; и без вести пропавших 122 человека нижних чинов.**

---

* Что за разговор происходил у Воронцова с Клюгенау, остается неизвестным, но только с этого времени Клюгенау сходит со сцены навсегда. Очевидец событий, невоенный, состоявший при графе Воронцове барон А. П. Николаи, в своих воспоминаниях говорит: «Клюгенау в этот день не обладал спокойствием и хладнокровием и был потрясен».

** Официальный источник (Кав. сборн., поход 1845 г.) указывает некоторые другие цифры, например: раненых обер-офицеров — 32 и нижних чинов — 738, но не показывает вовсе 122 пропавших без вести.

Вообще же: убиты генералы — Викторов и Пассек, полковник Ранжевский, командир Навагинского батальона подполковник Сервирог;[127] обер-офицеры — 2

Несмотря, однако ж, на большой наш урон, неприятель также понес немалую потерю, как по уверению о том лазутчиков, так рано мы сами были свидетелями, как падали трупы горцев в рукопашной резне, восстановлявшейся в разных пунктах и беспрерывно.

С возвращением в лагерь колонны генерал-лейтенанта Клюгенау, главнокомандующий, удостоверившись на деле, что доставление необходимых для отряда продовольственных и военных запасов через лес, лежавший в тылу нашего лагеря у Дарго, и единственный путь сообщения с Андиею, если и допустить возможным, то потери, с какими может быть сопряжено следование транспортов каждый раз через лес, слишком будут чувствительны, а потому предположил: двинуть отряд из Дарго вперед, сбить Шамиля с позиции, когда-то занятых нами Белгатойских высот, и оттуда предпринять движение через ичкеринские леса по направлению к Герзель-аулу, укреплению нашему на линии: 12 июля назначено для отдыха, раздачи провианта, пополнения патронов, уравнения рядов в ротах и назначения частных начальников вместо убитых и тяжело раненных. 12 июля назначалось днем выступление отряда.

Четырем эшелонам, оставленным на пути сообщения нашего: в Андии, за перевалом у Андийских ворот, в Мичикальском урочище и у перевала Кырк, — сосредоточиться к последнему и поступить в команду генерал-лейтенанта князя Бебутова, причем на обязанности князя Бебутова возложено, по усмотрению его, вывести войска эти из долины у перевала Кырк и расположиться в удобном месте по правому берегу Сулака, где оставаться в сборе вперед до особых приказаний. Рас-

---

ниже указанных куринца, генерального штаба капитан Корсаков, апшеронцы — прапорщик Дымовский, адъютант Клюге фон Клюгенау — капитан Ключерев и поручик артиллерии Баумгартен.[128]

Между ранеными кабардинцами обер-офицерами отметим: капитанов Краузе и Дурова,[129] прикоманд. л-гв. Гренад. полка Козлянинова[130] и прапорщика Геймана (известного впоследствии генерала и героя в войну 1877—1878 гг.) и между апшеронцами: подпоручики Кащиев[131] и Астафьев и 9 куринцев показаны ниже. Насколько велики и чувствительны были потери, видно, между прочим, из потерь только в 3-х ротах куринцев: убиты — капитан Пасиет (не Поссиет ли?), подпоручик Клименко и 42 нижних чина; ранены капитан Донейко, адъютант генерала Будберга,[132] прикомандированный к полку капитан Колюбакин (Николай Петрович, впоследствии Эриванский губернатор, известный под именем «немирного») и капитан Ушаков, поручики Булгарчик и Швачейнин,[133] прапорщики Мерклин,[134] Скроцкий, Лабезников,[135] Бардаченский и 93 нижних чина; итого потери только в 3-х ротах была в 11 офицеров и 125 нижних чинов.

Две роты Кавказского стрелкового батальона потеряли: раненым поручика Новицкого[136] и нижних чинов: убитыми — 34, ранеными — 16 и без вести пропавшими — 7 человек. — *Б. К.*

поряжение о сем послано было с лазутчиками 12-го числа к ближайшему эшелонному начальнику подполковнику Бельгарду, находившемуся в Андии, в Гогатлинском редуте.

При раздаче принесенного колонною генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау продовольствия оказалось, что такового вместо 6-дневной пропорции доставлено было не более как на $1^1/_2$ суток, ибо значительная часть сухарей, во время боя 11-го числа находившаяся на людях в мешках, как тяжесть, была сброшена в лесу, а также много сухарей пропало с убитыми и нагруженных на лошадях, которые отбиты были горцами. Во внимание сего и не имея уже в виду подвоза продовольствия, пока отряд не выдвинется на линию, главнокомандующий, усилив дачу войскам мясной и винной порций, приказал подтвердить по отряду, чтоб люди берегли сухарь.

Озабочиваясь также пополнением частей, уменьшившихся в своей численности в течение двухдневного 10-го и 11-го чисел боя, главнокомандующий приказал укомплектовать их так, чтоб в каждом батальоне роты были составлены из одинакового числа всех чинов; а вместо убывших командиров частей назначить других, по усмотрению ближайших начальников. Отдавая сии приказания, граф Воронцов вменил в обязанность прочесть пред ротами приказ его о делах 10-го и 11-го числа следующего содержания:

«Вчерашнего дня (10 июля) колонна, посланная отсюда под командою генерал Клюгенау за сухарями для отряда, пострадала от сильного нападения неприятеля в лесу; мы потеряли двух достойных начальников, значительное число офицеров и нижних чинов. Вы все старые и добрые солдаты. Вы знаете, что в войне бывают иногда обстоятельства трудные; тогда-то и надобно показать настоящему хорошему воину, что он остается бодр, смел и весел. Все у нас будет хорошо, но надобно, чтоб каждый офицер, унтер-офицер и рядовой показал то усердие и ту неустрашимость, которыми русские всегда славились и которые всегда вас отличали. Помните, что неприятели наши — подлецы и всегда вас боятся и русских штыков. Я на вас надеюсь, как на каменную гору, и мы скоро возвратим вчерашнюю потерю».

Ночь с 11-го на 12 июля прошла спокойно, а слабо освещенное утро 12-го числа застало нас в приготовлениях к похоронам убитых товарищей наших третьего дня и вчера; тихо было в лагере русских и лишь раздавался заунывный возглас священнослужителей: «Вечная память воинам, переселившимся в горние пределы». Войска пали духом — причинами тому были как понесенные ими потери в бою 10-го и 11-го чисел, так и недостаток в съестных припасах. Но вот, их собирают для прочтения приказа главнокомандующего и, лишь услышали они последние слова: «...я на вас надеюсь, как на каменную гору, и мы

скоро возвратим вчерашнюю потерю», как прежняя бодрость и самонадеянность на одоление врага сменили общее уныние, а вслед затем личное радушное приветствие главнокомандующего каждой части войск, лагерь составлявших, заставило нас совершенно забыть и о потерях, и о недостатках жизненных. Веселые песни раздались по всему лагерю, а музыканты у ставки графа до позднего вечера вторили им. Между тем, приготовления к походу не выходили из своей очереди и прерывались лишь изредка пушечною канонадою в ответ Шамилю на выстрелы его артиллерии, которая и сего дня, подобно как во все предшествовавшие дни расположения отряда у Дарго, не нанесла нам никакого вреда, кроме небольшого числа раненных лошадей осколками гранат. Ночью же каждый день Шамиль увозил орудия к своей ставке, далеко отстоявшей от нашего лагеря.

Боевая сила главного действующего отряда, после дел с неприятелем 6-го, 7-го, 10-го и 11 июля, значительно уменьшившаяся в составе своем со дня выступления из Андии, к 13 июля простиралась:

Пехоты:	Число батальонов	В строю нижних чинов
1-й батальон Литовского Егерского полка	1	384
1-й и 3-й батальоны Люблинского полка	2	711
2-й батальон Замосцского полка	1	390
3-й батальон Апшеронского пехотного полка	1	445
3-й и 4-й батальоны Навагинского полка	2	742
1-й и 2-й батальоны Егерского князя Чернышева полка	2	968
1-й батальон и 2 роты Куринского полка	$1^1/_2$	728
5-й саперный батальон	1	402
3 роты Кавказского стрелкового батальона	s	235
Грузинской пешей милиции дружин	2	852
Итого в $12^1/_2$ батальонах и 2 дружинах	—	5857 штыков

Примечание 1. Сверх показанного числа штыков в строю пехоты состояло: штаб-офицеров — 15, обер-офицеров — 138; легко раненные следовали при своих частях; музыканты — 236.

Примечание 2. Вне строя при отряде состояло: больных и раненых штаб- и обер-офицеров — 56, нижних чинов — 1346, нестроевых нижних чинов при обозе — 736.

Примечание 3. Для носки раненых требовалось не менее 8 человек. Офицеры, но не все, имели особые, кроме того, конвои.

Примечание 4. Прикомандированных к войскам от разных частей и в общий отчет не вошедших состояло: штаб-офицеров — 4, обер-офицеров — 35, унтер-офицеров и рядовых — 81, музыкантов — 42, нестроевых — 42; раненые и больные показаны в этом же числе.

Примечание 5. Чины штабов главнокомандующего и отрядного, простиравшиеся числом всего до 800 человек, из численности войск исключены.

Кавалерия	Число сотен	В строю всадников
Казаков		
Кубанского полка	1	140
Кавказского »	1	116
Моздокского »	1	99
Гребенского »	1	61
Семейных Кизлярских	1/4	19
Милиции		
Грузинской с дворянскою	5	493
Осетинской	1	111
Кабардинской и Дигорской	S	56
Итого в 11 сотнях	—	10965 всадн.

Примечание 1. Сверх показанного числа всадников в строю кавалерии состояло: штаб-офицеров — 8, обер-офицеров — 72.

Примечание 2. Вне строя состояло: больных и раненых: обер-офицеров — 2, нижних чинов — 73. Нестроевых нижних чинов при обозе — 206 (в том числе у грузин 175).

Артиллерии: легких орудий— 2, при 43 чел. прислуги; горных орудий — 111-пудовых мортирок — 2, при 253 чел. прислуги; в подвижных запасных парках 14-й и 20-й артил. бригад — 301 чел. В ракетной № 1 бат. — 4 чел. Итого при 13-ти пушках и единорогах, 2-х мортирках и в парках прислуги — 601 чел.

Примечание 3. Сверх показанного числа в строю находилось: штаб-офицеров — 2, обер-офицеров — 13.

Примечание 4. Вне строя: больных и раненых: обер-офицеров — 3, нижних чинов — 80. Нестроевых нижних чинов при обозе — 117.

Дабы облегчить предстоящее движение отряда и доставить более средств к возке трудно раненных, главнокомандующий приказал имеющиеся при войсках палатки перед выступлением 13-го числа разодрать на обувь солдатам, а древки сломать и сжечь все излишнее и стес-

няющее движение имущество.* Топоры, при саперах на вьюках возимые, зарыть в землю в скрытых местах и остающихся затем свободными подъемных лошадей распределить соразмерно по числу трудно раненных нижних чинов, с отрядом следующих, коих всего было до 700 человек.**

Наконец, настала последняя ночь пребывания отряда у Дарго; гнездо фанатика вместе с солдатскою слободкою слабо уже освещалось заревом пожара, превратившим в пепел почти все сгораемые предметы, и там, где раскинуты были богатые сакли Шамиля и его приверженцев, остались одни лишь груды пепла и перегоревшей глины; жилище дезертиров русских выгорело до основания.

Туманное утро с мелким дождем сменило светлую ночь; Шамиль подвез уже свои орудия для действия по лагерю нашему; дым метнулся над затравкою и раздался первый неприятельский выстрел, за ним другой, третий и следующие, все чаще и чаще. Между тем, войска наши снимались с позиции и вытягивались к Аксайскому оврагу; часовая стрелка двигалась на пути своем между 4-я и 5-ю часами.

Порядок прохождения по Аксайскому оврагу и дальнейшего следования по направлению к с. Цонтери был следующий:

В авангарде, под командою генерал-майора Белявского:

3-й батальон Апшеронский при 2-х горных орудиях, 1-й батальон Люблинский при 2-х горных орудиях и 4 крепостных ружья.

Две роты саперов и три роты стрелков.

Стрелки, подойдя к оврагу р. Аксай, отделяют одну роту для занятия левого берега по обеим сторонам дороги, где, расположась по обрыву оврага в удобных местах, обстреливают боковые балки; роте этой оставаться и на время прохождения обозов для прикрытия оных и присоединиться потом к арьергарду. Другой роте стрелков расположиться для той же надобности, перейдя реку, по окраинам оврага правого берега.

---

* Князь Дондуков-Корсаков в своих воспоминаниях говорит: «Граф Воронцов сам показал пример, приказав сжечь все его имущество, оставив себе койку и солдатскую палатку. Кавказцам подобные случаи были не новость, никого не удивили, да в сущности мало что было и сжигать. Но всех тешило auto da fé имущества приезжих, особенно петербургских приезжих дилетантов. Солдаты и офицеры немало смеялись, видя как сжигалось имущество принца Гессенского, особенно же серебро и прочие затеи князя Барятинского, которыми он так щеголял до того времени. Метрдотели, камердинеры, повара — все это очутилось пешком, в оборванных черкесках, объятое страхом, при совершенно новой для них обстановке, подверженные выстрелам и ударам нагаек казаков, за производимые ими постоянно беспорядки в маршевой колонне». Воспоминания кн. Дондукова-Корсакова, с. 130, «Старина и Новизна», книга 6-я.[137]

** Легко раненных и больных, следовавших без посторонней помощи, было более 800 человек.

Авангард, поднявшись из Аксайского оврага, занимает первые сакли и останавливается там до приказания.

Всадники конной милиции следуют за авангардом, но, перейдя овраг и выдвинувшись вперед, останавливаются и ожидают приказания.

Левая цепь, под командою командира Куринского полка полковника барона Меллер-Закомельского: сборный батальон Куринского полка, дружина Горийской пешей милиции и два крепостных ружья.

Правая цепь, под командою командира Навагинского полка полковника Бибикова[138]: 3-й и 4-й батальоны Навагинского полка, Тифлисская пешая дружина, часть Гурийской милиции и два крепостных ружья.

Если цепи не могут спуститься вместе с авангардом, то следуют тотчас за ним перед кавалерией — сперва войска левой, а за ними правой цепи. Цепи при прохождении оврага оставляют в нем каждая с своей стороны по одной или по две роты, смотря по надобности для прикрытия обозов.

Главные силы, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау.

1-й батальон Литовский, две роты саперов, два полевых орудия и команда пеших казаков.

Обозы: главнокомандующего и отрядного штаба.

Раненые всех частей войск.

Две роты второго батальона Замосцкого полка при двух горных орудиях.

Запасный артиллерийский парк.

Обозы саперов, артиллерии, стрелков и милиции.

Рота 2-го батальона Замосцского (4-я рота сего же батальона дежурная и следует при штабе главнокомандующего).

Обоз всей пехоты по старшинству полков.

3-й батальон Люблинского полка при 3 горных орудиях.

(Общий надзор за обозами и ранеными поручается генерал-майору Хрещатицкому.)

Арьергард, под командою генерал-майора Лабынцева.

1-й и 2-й батальоны князя Чернышева полка.

Два горных орудия и конные казаки всех полков, под командою полковника Витковского.[139]

Отдавая диспозицию к движению сего числа, главнокомандующему благоугодно было приказать еще следующее:

1) Войскам не рассыпаться — следовать в должном порядке, сохраняя благоустройство и тесный строй; с этими только средствами везде возможно пойти с малой потерей.

2) Авангард, главные силы и арьергард должны составлять одно целое. Авангарду подвигаться медленно, дабы арьергард не мог отстать от главных сил.

3) Если арьергарду дан будет сигнал «стой», то авангард немедленно останавливается, почему вменяется начальникам вслушиваться и наблюдать за сигналами.

4) Горнистам принимать всем, до кого относиться будут, подаваемые сигналы.

5) Пока не будет приказано начальниками, «ура» не кричать, и

6) Вагенмейстерам строго наблюдать, чтобы вьюки не растягивались и шли в столько рядов, как могут поместиться, не придерживаясь дороги; по дороге же и в особенности полем идти как можно теснее. На переправах вагенмейстерам останавливаться самим для ускорения движения.

Дело 13 июля

По мере, как войска наши стягивались к Аксайскому оврагу, неприятель, занимая Белгатойские высоты, отделил от себя значительную партию и направил ее по левому берегу Аксая к лесу, памятному троекратным кровопролитным боем. Неприятельское движение это наводило на мысль, что Шамиль еще не знал, какой был избран главнокомандующим путь, но когда передовые наши войска стали переходить Аксайский овраг, то помянутая выше партия вернулась и остановилась влево за Аксаем в тылу отряда.

Потеряв немалое число из полчищ своих в трех предшествовавших делах с нами, Шамиль не посмел отстаивать с упорством переправу через Аксай; горцы, засевшие по оврагу в наиболее лесистых рытвинах, скоро были выбиты, и авангард наш, прикрытый стрелками Кавказского батальона, занявшими правый берег оврага, и под покровительством сосредоточенного огня артиллерии нашей, быстро поднялся на противолежащие высоты, где генерал-майор Белявский выдвинул войска на позицию за сел. Белгатой, заняв вместе с тем и кладбище, и правые высоты. Наступлением сим и метким огнем двух легких орудий с правого берега неприятельская батарея на Белгатойских высотах, из трех орудий составленная, замолчала и поспешно снялась с позиции, отступив по дороге к аулу Ведено.

Авангард наш оставался на занятой позиции впереди Белгатоя до тех пор, пока прочие войска с обозом переправились через Аксай и сосредоточились у Белгатоя. Главные силы и арьергард перешли Аксайский овраг, почти не обеспокоиваемые неприятелем, но спуск и подъем артиллерии на людях с помощью канатов сопряжены были с величайшим затруднением и усталостью войск.

Неприятель в это время находился в наблюдательном положении, и толпы его виднелись впереди за покинутым им лагерем и по дорогам из Беноя и Дарго в тылу нашем.

При движении авангарда и главных сил от Белгатоя до места, где дорога из Дарго разделяется на две ветви (одною идет влево на Маиортуп, а другою вправо пролегает через аул Цонтери), неприятеля не было видно впереди; авангард и часть главных сил беспрепятственно перешли уже еще два крутых лесистых оврага, но когда передовые наши войска показались на дороге к Цонтери, то главные толпы горцев, находившиеся влево от нас, заняли ближайшие от дороги высоты и открыли из двух орудий огонь по подымавшимся из последнего оврага вьюкам отряда, а часть из них зашла в тыл арьергарду. Против неприятельской батареи, немедленно, по приказанию генерала Лидерса, выставлены были два легких орудия, которые, по дальности расстояния, хотя и не могли остановить действие неприятельских орудий, но содействовали в том, что горцы не смели подвинуть своих орудий ближе к переправе, и тем прикрыли отчасти подъем наших вьюков из оврага. Арьергард, выдержав сильную ружейную перестрелку, причем 1-я карабинерная рота кабардинских егерей два раза отбивала атаки горцев, выведен был из оврага в стройном порядке и с незначительною потому потерею.*

Достигнув аула Цонтери в 8-ми верстах от Дарго, отряд, после 11-часового марша по трудной местности, остановился в урочище Кечикорт на ночлег. Со вступлением нашего арьергарда на высоты, прилежащие к аулу Цонтери, неприятель остановился и с кавалерией своею при орудиях занял позицию в тылу нашем на дальнюю дистанцию; пехота же его пред закатом солнца виднелась тянувшеюся по высотам против левого нашего фланга, обходя оный.

Урон с нашей стороны в деле 13 июля ограничился: убитыми — обер-офицеров 1 и нижних чинов 5, ранеными — штаб-офицеров 1, обер-офицеров 4 и нижних чинов 62 и контуженными — штаб-офицеров 1 и нижних чинов 4.

---

* «Верному нашему арьергарду, — говорит князь Дондуков-Корсаков, — состоящему из славных кабардинцев, с такими начальниками, как Лабынцев и Козловский, пришлось вынести на штыках весь напор горцев. Как только арьергард спустился в овраг, неприятель бросился в шашки, и кабардинцы, отступая шаг за шагом перекатными цепями и засадами, могли только при своей стойкости совершить это опасное движение в стройном порядке и с умеренной, сравнительно, потерей. Здесь подтвердил свою боевую репутацию и внушаемое им доверие генерал Лабынцев. Он совершил примерное отступление, благодаря своей опытности пользоваться местностью и знанию неприятеля. Здесь, как и до конца похода, Лабынцев на своих плечах вынес и оградил наш отряд от уничтожения. Здесь князь Воронцов вполне признал заслуги Лабынцева». «Старина и Новизна», часть 6-я, с. 134 и 135.

Урочище Кечи-корт (Курган совещания), место бивуаков отряда с 13-го на 14-е июля, лежит на пологом скате высот, которых четыре отрасли составляют в этом месте род кургана. Вдали во все стороны виднеются густые и мрачные леса Ичкерии. Фуража и воды, равно как и дров, добывающихся из аула Цонтери, было в достатке.

В 4 часа 14 июля при ясной и тихой погоде отряд, снявшись с ночлега, двинулся по правой высоте урочища Кечи-корт; перемена в диспозиции на сегодня состояла лишь в том, что 1-й батальон Литовский назначен в авангард на место 1-го батальона Люблинского полка, который следовал во главе главных сил. Главнокомандующий и генерал Лидерс с их штабами и свитою следовали во главе колонны главных сил.

Дело 14 июля

Войска правой цепи, под командою полковника Бибикова, оттеснив горцев с дороги, идущей мимо аула Цонтери, и находившийся в авангарде Апшеронский батальон, очистив от неприятеля опушку впереди лежавшего леса, доставили свободный проход отряду.*

К переправе через овраг, на берегах коего раскинуты сакли и плодородные огороды аула Урдали, дорога, сворачиваясь влево, идет по довольно ровной и открытой местности, а потому войска и обозы следовали по ней в густых и широких колоннах. Арьергард, имев небольшое дело с горцами, наблюдавшими в тылу нашем, скоро вышел также на Урдалийскую поляну.

С своей стороны неприятель, все еще недоумевая в выборе главнокомандующим дорог, идущих от Урдали к Герзель-аулу и Маиортупу, тянулся большими конными толпами по высотам на левом нашем фланге в значительном отдалении, то показываясь на полянах, то скрываясь в лесах, но, наконец, движением передовых частей наших к аулу Шуани, откуда проходит через отроги Аксайского оврага одна только дорога в Герзель-аул, горцы, убедясь, что этот путь избран, поспешно заняли отделяющие Урдали от Шуани высоты, покрытые дремучим лесом и укрепленные заблаговременно завалами. Едва авангард наш проследовал через покинутый жителями аул Урдали и, перейдя в оном овраг, стал подниматься по котловине на лежавшие впереди Шуанийские высоты, как неприятель открыл по голове авангарда сильный фланговый

* Здесь был тяжело ранен командующий 3-м батальоном апшеронцев, подполковник граф Стенбок-Фермор,[140] старый кавказец, прежде командовавший Гребенским казачьим полком; после ампутации ноги прожил еще несколько лет на Кавказе, умер от чахотки в Венеции (Воспоминания кн. Дондукова).

ружейный огонь, покровительствуя ему огнем орудий, поставленных на левых высотах за крепкими завалами. Предстояло атаковать сильную шуанийскую позицию.

Многочисленность и превосходство занимаемой неприятелем местности на Шуанийских высотах не могли удержать благородного порыва войск наших к овладению завалами, но успех нашего оружия стоил больших усилий и немалой потери.

В $8^1/_2$ часов утра началась атака: 6 рот Куринского полка из левой цепи, под командою флигель-адъютанта полковника графа Бенкендорфа (с частью милиции под начальством князя Захария Эристова[141]), взобравшись по отвесной почти крутизне на левые высоты, штурмовали завалы с фронта под убийственным неприятельским огнем. Направленные генералом Лидерсом вправо по дороге Апшеронский, Литовский и Люблинский батальоны, под командою генерал-майора Белявского, прикрывали смелую атаку куринцев; поднявшись же на высоты, Белявский, выдвинув вперед три роты апшеронцев и роту литовцев, направил их против левого фланга неприятельских завалов. Совокупному действию 10 рот (и главное обходу) неприятель, после упорной защиты и потери в своих войсках, не устоял и оставил нам левый завал. В решительный натиск этот с нашей стороны между прочими ранены граф Бенкендорф и князь Захарий Эристов.

Дабы обеспечить следование вьюков по дороге, пролегающей через лесистые Шуанийские высоты, войскам нашим предстояла еще надобность овладеть правыми высотами и лесом на протяжении $2^1/_2$ верст, занятым многочисленным неприятелем в разных труднодоступных местах. Генерал от инфантерии Лидерс, выставив авангардные орудия против фронта завалов на правых высотах, приказал в то же время Литовскому батальону с левой стороны, а полковнику Бибикову, подоспевшему с навагинцами из правой цепи, с правой стороны идти на штурм и сбить неприятеля с правых высот. По сделании сих распоряжений, главнокомандующий прибыл на место атаки и, видя упорное сопротивление горцев, в значительных силах занимавших завалы правых высот, приказал спешиться Кабардинской, Дигорской и Осетинской милиции и с двумя авангардными ротами саперов, которые между тем устроили уже по дороге необходимый для перехода войск мост, направил их на завалы с фронта, подтвердив притом правой колонне (навагинцам) сделать решительный натиск на левый фланг завалов. Неприятель, продолжая с ожесточением оспаривать свои завалы, усилил огонь с них против атакующих колонн, но все меры, предпринимаемые им к удержанию за собою правых завалов, остались тщетными и одновременным натиском трех наших колонн неприятель был сбит,

завалы остались за нами, а горцы, понеся и здесь потерю, рассеялись по лесу. У нас при штурме правых высот в числе прочих ранены: полковники Бибиков, Альбрант и Завальевский.*

Между тем, обозы наши, вытягиваясь из Урдалийского оврага, собирались, частью по полянам на Шуанийских высотах, а частью в котлообразной долине, ограниченной отрогами Урдалийского оврага и Шуанийских высот; обозы прикрывались цепями, которыми заняты были необходимые для сего пункты по окрестной местности. Арьергард не переходил еще аула Урдали.

Необходимость требовала, чтобы вьюки следовали как можно теснее, а потому саперы, разломав загороды, открыли им путь через тучные кукурузные урдалийские огороды, которые по сему случаю частью стравлены лошадьми и порционным скотом, а частью вытоптаны во время боя на Шуанийских высотах.

С прибытием главнокомандующего на место штурма завалов правых высот,** генерал Лидерс приказал генерал-майору Белявскому с 4-мя ротами апшеронцев, люблинцев и саперов, находившихся в голове главных сил, двинуться влево на дорогу, которую и очистить от неприятеля для прохода вьюков. Сквозь густой лес, перерезанный балками, достигнув дороги, горсть эта наших войск с барабанным боем и громким «ура» бросилась на неприятеля, занимавшего дорогу, опрокинула его в овраги и стремительно преследовала более версты бежавших горцев по дороге, которая пролегает по хребту над непроходимыми оврагами, поросшими вековым лесом. Впереди показалась поляна, служившая войскам нашим ключом к овладению Шуанийскими высотами. Выход на поляну из леса неприятель укрепил завалами: одним у самого выхода, а другим на полуружейный выстрел от первого, и горцы, заняв эти завалы, как равно расположась на ближайших от дороги высотах, отделенных глубокими оврагами, ожидали нашего появления со свежими силами. Презирая губительным неприятельским огнем, Белявский с 11-ю апшеронцами[142] овладел первым завалом; идти же далее по малочисленности нашей не было никакой возможности, а как притом передовая эта частица войск, увлеченная порывом боя, и без того отделилась вперед от отряда на значительное расстояние, и, наконец, если возвратиться к отряду, то неприятель снова бы занял выход на поляну и войскам нашим в другой раз пришлось бы одолевать горцев на этом пункте, а пото-

* Лев Львович Альбрант, известный и типичный кавказский герой, нес службу дежурного штаб-офицера, лишился здесь правой руки, умер в 1850 г. губернатором Эривани. — *Б. К.*

** После разведок, попытки разобраться в этом хаосе гор, лесов и ущелий (где в 1832 г. войска наши были только один раз с генералом Вельяминовым,[143] большим мастером ведения войны в лесистой Чечне) и после совещаний.

му генерал Лидерс, следуя здесь же и наблюдая за ходом дела, приказал Белявскому остановиться и залечь за завалом. Расположась, таким образом у выхода на поляну по дороге, склоняющейся к лесу, войска прикрыты были отчасти от неприятельского огня с фронта; надобность, однако ж, требовала обеспечить себя с флангов, ибо цепи наши находились еще далеко сзади; генерал Лидерс приказал отделить по возможности стрелков и расположить их, где местность дозволяла, в фланговых оврагах; тыл наш в этот момент также не был обеспечен, ибо горцы, сброшенные нами с дороги в овраги, опомнясь от стремительного на них натиска, снова заняли дорогу и отрезали нам сообщение с отрядом; небольшой взвод немедленно отделен был для прикрытия нашего тыла. Постигая трудное наше положение, генерал Лидерс послал наудачу с известием к главнокомандующему,* а сам, считая необходимым удержать занятую позицию, приготовился защищаться на оной до последнего; с своей стороны, солдаты, видя среди себя истинно любимого и от мала до велика уважаемого начальника в особе генерала Лидерса и решась лучше пасть с честью, чем достаться в плен, воодушевились чувством нового героизма и, храбро отражая неприятеля, неоднократно бросавшегося в шашки на тыл наш, а также ведя неумолкаемую перестрелку с горцами, занявшими высоты впереди и по сторонам, эта горсть храбрецов в течение более $1^1/_2$ часа удерживала и отстояла за собою завал.

Главнокомандующий, осведомившись о затруднительном положении генерала Лидерса и собрав бывшие под рукою войска, какие только оставались от штурмовавших колонн, лично поспешил на помощь к нам. Через $1^1/_2$ часа, по занятии завала у выхода на поляну, дорога в лесу вновь была очищена от неприятеля и на ней показались войска, спешившие к нам на помощь; со светлым, с вечною улыбкою, лицом и с обнаженною шашкою, указывая собою путь войскам, главнокомандующий торопился на соединение с генералом Лидерсом. Дорога еще не была очищена от неприятеля, и граф Воронцов должен был лично защищаться против горцев, часто выбегавших из оврагов. Завидя занимаемую нами позицию у выхода из леса, главнокомандующий отрядил вперед два горных орудия, которые, вскачь пронесясь по дороге, прискакали к завалу с одною лишь прислугою. Как на благодатных вестников смотрели мы на прибывшие два орудия, и вслед затем два удачных картечных выстрела из них совокупно с посланною налево по оврагу в обход пехотною ротою заставили горцев сняться из занимаемого ими

* Посланы три офицера, адъютант главнокомандующего поручик Лонгинов и адъютанты Лидерса — граф Бальмен и Башилов,[144] и все трое по пути убиты, почему граф Воронцов долго не знал о затруднительном положении авангарда и лично самого генерала Лидерса.

впереди завала и таким образом выход на поляну совершенно очистился от неприятеля, который при сей неудаче, по обыкновению своему, рассеялся в лесу. Белявский занял поляну.

Одновременно с сим движением, войска, шедшие с главнокомандующим, соединились с нами на поляне; обозы направлены по дороге, имея прикрытие, составленное из правой и левой цепи, которыми уже занят был лес по всей длине.

Вторично сбитые с дороги неприятельские толпы скрывались частью по балкам подле дороги и более отважные из них выскакивали на дорогу при прохождении вьюков отряда; алчные к добыче, горцы малыми толпами врывались в наши вьюки и по неимению при самом обозе почти никакого прикрытия, ибо все войска и авангарда, и главных сил употреблены были в дело при занятии Шуанийских высот, им удавалось производить между обозом и ранеными смятение; в один же из подобных прорывов в обозе нашем сделались жертвою несколько человек и в том числе уже раненый полковник Завальевский, а граф Бенкендорф, также раненый, еще был ранен тремя шашечными ударами (будучи спасен от верной смерти лейб-гвардии Конного полк поручиком бароном Шепингом); подоспевшая из правой цепи 10-я рота Навагинского полка, прогнав алчного неприятеля, восстановила порядок между вьюками.

Арьергард, выдерживая стойко атаки горцев, зашедших с тыла, перешел уже Урдалийский овраг и поднимался на Шуанийские высоты; твердые штыки арьергарда, направляемые храбрым Лабынцевым на неприятельские толпы, служили отряду верным оплотом.* Со вступлением арьергарда в лес, горцы, подойдя скрытно и заняв опушку леса, открыли было меткий огонь по переправе через небольшой мост, построенный по дороге в лесу, но возвращавшаяся из левой цепи 3-я егерская рота Куринского полка выбила дерзкого неприятеля из опушки, и засим арьергард, кончив переправу, продолжал движение через лес, мало обеспокоиваемый неприятелем.

Было 3 часа пополудни и $6^1/_2$ часов минуло от начала боя на Шуанийских высотах, как войска, сосредоточиваясь на поляне перед аулом Шуани, строились в прежний порядок, а авангард почти без выстрела переправлялся через овраг, за аулом лежащий. Неприятель быстро отступал, ибо местность здесь хотя и гористая, но безлесная, а потому всякое упорство горцев, не принеся никакой выгоды, непременно бы

* В арьергарде, конечно, было в 10 раз тяжелее и труднее, но здесь распоряжался мастер своего дела, генерал Лабынцев с кабардинцами. Авангард, руководимый пылким Белявским, опять зарвался вперед, почему порядок и был разорван и горцы прерывали его сообщение с боковыми отрядами и врывались в необеспеченную колонну главных сил. Граф Воронцов, генерал Лидерс и Белявский были люди новые в этого рода войне. — *Б. К.*

сопряжено было со значительною потерею в их рядах, чему долговременный опыт в войне с русскими, научив их, вселил им идею к упорной защите против русских в одних только лесах.

С хребта, отделяющего Шуанийский овраг от оврага Карчуч-энь, впереди на высотах Кута-аулского урочища, неприятельские толпы виднелись в больших сборищах, а часть из них заняли лесистые берега оврага Карчуч-энь, на пути отряда нашего к Кута-аулскому урочищу лежавшего.

Переправа через овраг Карчуч-энь, под покровительством наших батарей, по правому берегу расположенных, произведена с незначительною потерею; но с другой стороны, спуски и подъемы тяжестей по местности весьма гористой сопряжены были с большими затруднениями, увеличившимися притом от проливного дождя, который начал падать с 6 часов вечера.

Уже смеркалось, как авангард, все двигаясь вперед, выбил слабо защищавшихся горцев из завала, на хребте Кута-аулского урочища устроенного, и занял урочище; за авангардом и главные силы и обозы становились в урочище Кута-аул на позицию, для ночлега избранную (вблизи аула Гвалдари).

Два легких наших орудия едва могли быть ввезены на позицию к утру следующего дня, почему арьергард, заняв подъем из оврага Карчуч-энь, расположился на ночлег и в продолжение всей почти ночи вел перестрелку с неприятелем, засевшим в небольшом лесу, раскинутом по левому берегу оврага.

Так кончился особенно тяжелый день 14 июля. На протяжении до 10-ти верст ни крепкие, защищаемые природою и искусством позиции неприятеля, ни его многочисленность, ни его упорное и отчаянное сопротивление, словом, ничто не могло удержать храброго порыва войск наших; горцы отовсюду сбиты, обращены в бегство с значительною потерею. С нашей стороны урон простирался: убитыми штаб-офицер — 1, обер-офицеров — 5 и нижних чинов — 65; ранеными штаб-офицеров — 6, обер-офицеров — 11 и нижних чинов — 158; контуженными обер-офицеров — 3 и нижних чинов — 37 и без вести пропавших 8 нижних чинов.*

---

* Убиты: уже бывший раненым — полковник Завальевский, адъютант главнокомандующего поручик Лонгинов,[145] адъютанты Лидерса — граф Бальмен и Башилов, прапорщик Кавказского стрелкового батальона Домбровский.

Между ранеными отметим командира Навагинского полка полковника Бибикова, вторично — графа Бенкендорфа (иссечен шашками) и полковника Альбранта, генерального штаба капитанов — барона Дельвига и графа Гейдена (Федора Логиновича, впоследствии начальника главного штаба), лейб-гвардии Конного полка барона Шепинга.[146]

Гористая местность урочища Кута-аул, лежащего близ сел. Иссa-Юрт, была невыгодна для расположения отряда, во-первых, потому, что войска необходимо было расположить по склонам нагорных частей урочища, которые от проливного вечером сего числа дождя сделались весьма скользкими и сообщение в лагере было затруднено, и, во-вторых, оттого, что не имеется вблизи воды, ибо Аксай, протекавший вправо, отдален был от лагеря нашего более 2-х верст и занят был горцами. Вода в малом количестве, с боя, добыта была к утру следующего дня.

Начальствовавший главным действующим отрядом генерал от инфантерии Лидерс, уже несколько дней пред сим боровшийся с недугом, сложил с себя командование отрядом, каковое поручено начальнику штаба войск на Кавказе генерал-лейтенанту Гурко. (Одновременно, командование Навагинским полком после убитого подполковника Бибикова принял Генерального штаба полковник барон Вревский, Ипполит, погибший в 1858 г.)

Дело 15 июля

В 10 часов утра 15-го числа главный действующий отряд, под командою генерал-лейтенанта Гурко, снялся с ночлега и в порядке предшествовавшего дня выступил по дороге к аулу Эллерой. Погода благоприятствовала во весь день, и только к ночи сделалось холодно и пошел дождь.

Батареи горных орудий, обстреляв занятый неприятелем лесистый и довольно крутой овраг, на пути нашем лежавший, способствовали движению авангарда, который с кавалериею впереди, перейдя овраг, начал штурмовать противоположную гору под покровительством же батарей, на левом берегу оврага поставленных. Неприятель недолго защищался и был прогнан.

Цепи выдвинулись за авангардом, занимая по сторонам дороги те места, с коих неприятель мог затруднить путь обозу. Обеспечив, таким образом, дорогу по оврагу, главные силы с обозом и ранеными начали переход через овраг.

При подъеме из оврага на гору войск левой цепи начальник оной упустил из виду занять одну из обрывистых высот с левой стороны дороги; неприятельская толпа, скрывавшаяся в лесу, воспользовавшись сим, заняла эту высоту и открыла меткий ружейный огонь по нашим войскам. Главнокомандующий, находясь на поляне за оврагом, при войсках, там сбиравшихся, получил это сведение через генерала Гурко; немедленно направленные на левую высоту 100 пеших грузин выбили горцев и остались там на все время, пока войска наши вытягивались из оврага на поляну.

Подъем на поляну и был хотя достаточной широты, но в некоторых местах, особенно на поворотах, необходимо было срывать кругизны, затруднявшие следование артиллерии; работа эта производилась батальоном саперов с должным успехом.

Движение арьергарда нашего к оврагу сопровождалось частыми натисками неприятеля, в тылу находившегося; часть же горцев, оставшаяся в лесу от согнанной толпы авангардом нашим, вредила арьергарду с флангов, вспомоществуемые притом с правой стороны дороги жителями, вышедшими за добычею из аула Гвалдари. Все эти покушения неприятеля ниспровергнуты отчетливыми распоряжениями генерал-майора Лабынцева, стойкостью войск арьергарда (кабардинцы и куринцы) и огнем двух легких наших орудий, выставленных за оврагом на поляне; засим Лабынцев быстро переправил арьергард через овраг и поднялся по высотам на поляну.

Впереди других два лесистых оврага на пути отряда заняты еще были неприятелем; авангарду вновь предстояла работа очистить их, и горцы, не долго защищавшиеся, удалились и рассеялись по лесам. Арьергард прошел оба эти оврага, отступая в ротных колоннах и отбрасывая по временам слабо уже налегавших горцев на хвост отряда.

Убыль в рядах наших сего числа ограничилась: в обер-офицерах ранено 3 и в нижних чинах убито 15, ранено 44, контужено 19 и без вести пропавших 2.

За третьим оврагом, 15-го числа нами пройденным, стелется поляна, с восточной стороны коей протекает Аксай и на левом берегу Аксая виднеются сакли аула Аллер (Эллерой). Жители Эллероя с приближением нашего авангарда, не принимая участия в сражении, удалились в леса правого берега Аксая, во внимание чего главнокомандующий приказал щадить их жилища.

День клонился к вечеру и начинал падать дождь, когда отряд наш, стягиваясь на поляну Эллероя, отошел от ночлега с небольшим 4 версты. Главнокомандующий, имея в виду, что войска после боя и трудных переходов накануне и сегодня требовали отдохновения и как притом стоило бы больших трудов при дальнейшем следовании отряда в сумерки через сплошные леса и глубокие овраги, которые виднелись впереди, избрал Эллеройскую поляну для ночлега. Обширность сей поляны давала возможность расположить войска удобно, корм для лошадей был хороший, а дров из окрестных лесов имелось в изобилии так, что войска, сварив кто мог кашу, устроили из остатков дров шалаши на ночь: что же касается воды, то недостаток в ней был ощутителен и, если бы люди не сделали запаса в манерках при прохождении ручьев в оставшихся сзади оврагах, то не с чем бы было сварить в малой пор-

ции каши,* ибо Аксай занят был толпами Шамиля, расположившимися в балках правого берега, на поляне, хотя и можно было добывать дождевую воду по ямам, но в весьма малом количестве. Уже значительно повечерело, когда начальник отряда приказал полковнику Липскому с батальоном Люблинского полка и частью казаков занять Эллерой, очистить реку от неприятеля и прикрыть людей, наряженных из лагеря за водою, но, по неизвестности всем его приказания, не все войска успели послать от себя команды за водою; между тем сумрак увеличивался. Люблинский батальон с казаками, занимавшие Эллерой, присоединились к отряду, и войска, посылавшиеся к Аксаю за водой, добыли оной в весьма ограниченном количестве и в половину с грязью. Забыв недолю, сон понемногу укладывал воинов на земляное ложе: дождь не переставал и древесные наши шалаши, покрытые вьючными брезентами, лишь слабо защищали нас от сырой и холодной погоды.**

Дело 16 июля

Мелкий и беспрерывный дождь, падая всю ночь, продолжал идти и утром 16-го числа, а густой туман не дозволял различать предметов на самом близком расстоянии; непогода препятствовала сняться отряду с позиции у Эллероя ранее 8 часов утра, т. е. тогда, когда туман стал понемногу редеть.

Диспозиция войскам оставалась та же, что и накануне.

В версте от Эллероя перерезывает дорогу овраг, отделяющий противоположные высоты, на которых за поляною начинался густой лес с новыми глубокими и частыми оврагами; дорога в лесу к аулу Шаугал-Берды, на пути нашем лежавшему в ущелье, между двумя крутыми и местами трудно доступными отраслями левого берега Аксайского оврага, а поляна, видневшаяся за оврагом, соединила эти две отрасли.

Неприятель, занимая первый овраг, недолго защищался, и авангард наш проследовал через оный с незначительною перестрелкою, поднялся на поляну и прикрыл переправу через овраг главных сил с обозом.

Поляна, соединившая две отрасли Аксайского оврага и с которой дорога вилась по ущелью, по величине своей не была уместительною для всего отряда, почему, когда передовые вьюки поднялись из оврага

---

* Здесь, как во многом другом, сказалась опытная предусмотрительность и запасливость Кавказских войск.

** С этого времени, за болезнью генерала Лидерса, командование отрядом взял на себя лично граф Воронцов.

и когда еще арьергард, слабо теснимый горцами, спускался в овраг, главнокомандующий дал приказание генерал-майору Белявскому двинуться с авангардом вперед.

Было около 10 часов утра; туман рассеялся, небо хотя не очистилось еще от облаков, но уже ясно можно было различать все предметы.

Неприятель, уступив нам пройденный овраг почти без боя, готовил впереди огромные препятствия на местности более трудной и укрепленной завалами; общее это предположение не замедлило подтвердиться на деле. Едва передовая кавалерия сошла с поляны в ущелье, как встреченная в лесу сильным ружейным неприятельским огнем, остановилась; авангардная пехота с орудиями, пройдя сквозь кавалерию, штыками выбила горцев из первых трех перелесков, на пути нашем лежавших; неприятель, с своей стороны, уступив перелески, не сошел с высившихся по сторонам дороги крутизн и открыл с них меткий и частый огонь по авангарду; авангард, отстреливаясь, двигался вперед, а за ним и главные силы с арьергардом занимали по вместительности помянутые выше непространные перелесные поляны; направление цепям дано по крутизнам ущелья с обеих сторон с тем, чтобы, заняв там по возможности необходимые пункты, они могли обеспечить от неприятельских покушений обоз и раненых. В таком положении длился первый момент боя в продолжение $1^1/_2$ часа.

Во второй момент боя сего числа авангард наш, подвигаясь вперед, вступал уже в густой вековой лес, занятый свежими силами многочисленного неприятеля, расположившегося по высотам за завалами и на вершинах ветвистых деревьев. Авангарду предстояла работа сперва овладеть глубоким оврагом, упорно защищаемым горцами, а потом по нагорной тропинке, вьющейся из оврага между недоступных отраслей Аксайского оврага, в расстоянии между собою на хороший полуружейный выстрел и укрепленных завалами, пробиться через эту теснину и овладеть новым глубоким оврагом Я-энэ, под метким неприятельским перекрестным ружейным огнем с высот левого берега, укрепленных 5-ю прочными завалами, замыкавшими дорогу к аулу Шаугал-Берды. Белявский с авангардом миновал один овраг, пробился сквозь теснину, обстреливаемую фланговым навесным огнем, подошел к оврагу Я-эне и, не предвидя иногда[147] средства к избежанию значительной потери от меткого огня неприятельского, как действовать открытою силою, Белявский с батальонами Апшеронским и Литовским быстро перешел овраг Я-эне под прикрытием батареи горных орудий с правого берега, сбил горцев с противоположных высот крутого берега оврага Я-эне, проследовал через остаток леса и вышел на обширную поляну пред аулом Шаугал-Берды. Горцы, бросив завалы в вершине оврага Я-эне, не отступили по направлению к аулу, но рассеялись в обе стороны по

лесу, усилив таким образом толпы свои, занимавшие в лесу высоты, боковые завалы и вершины деревьев; огонь неприятельский увеличился на этом пункте и был смертоносен; густота леса скрывала неприятеля, а потому выстрелы наши, как ружейные, так и из горных орудий авангарда, не могли нанести горцам большого вреда; в таком положении прошло до 2-х часов второго момента, когда два головных батальона нашего авангарда с Белявским вышли на поляну у аула Шаугал-Берды, а остальные войска авангарда, как то: два горных орудия, две роты саперов, пешие грузины и кавалерия, не имея возможности следовать вперед, остановились на теснине у оврага Я-эне, вынося жестокий и меткий ружейный огонь неприятеля. Цепи наши еще не успели вытянуться в лесу до места теснины, занимаемой частью авангарда. Неприятель же, видя, что передовые наши войска вышли на поляну у Шаугал-Берды, не заняв вершин оврага Я-эне,* перевел туда снова свои толпы, занял завалы и, разъединив сим движением сообщение в нашем авангарде, сосредоточил действие своего ружейного огня по орудиям, саперам и милиции.

Разобщенное положение авангарда и прерванное движение всего отряда, кроме цепей, положили начало третьего момента боя, продолжавшегося два медленных и страшных часа, но русские не унывали и вот что ими предпринимаемо было в этот критический момент: а) малая частица войск авангардных, занимая теснину у оврага Я-эне, неподалеку от разрушенного на дороге в овраге моста, обстреливаемого губительным неприятельским навесным огнем на полуружейный выстрел с левого завала, неоднократно пыталась достигнуть помянутого моста и по возможном исправлении оного для переправы артиллерии перейти овраг и соединиться с головными двумя батальонами, но эти их усилия по малочисленности каждый раз оставались тщетными; ряды уменьшались, действие из двух авангардных орудий начинало ослабевать, ибо прислуга и лошади большею частью были перебиты; саперы, прикрывавшие орудия, также понесли уже немалый урон; б) осведомившись о разобщенном положении авангарда и что часть оного, у оврага Я-эне остановившаяся, не имеет возможности по малочисленности своей сбить горцев и перейти овраг, начальник отряда, находясь на одной с главнокомандующим поляне, пред оврагом у теснины (занятой остановившеюся частью авангарда нашего), предложил: подняться с частью войск с этой поляны на левые высоты и, ударив неприятеля во фланг, способствовать тем движению авангарда. На каковой конец генерал-лейтенант Гурко, собрав из главных сил две роты саперов, казаков и с двумя горными орудиями, лично двукратно подымался с по-

* Ошибка запальчивого Белявского, постоянно стремившегося только вперед и не заботившегося проверить и обеспечить движение главных сил. — *Б.К.*

ляны на левые высоты и двукратно возвращался, не достигнув успеха, ибо перерезанная крутизнами местность не дозволяла выдвинуть орудия на позицию против правого фланга неприятельских завалов; засим не оставалось другого средства, как только усилить авангард, но чем? Все войска были в бою и с растянутой в лесу местности, занимаемой отрядом, не было возможности уделить в подкрепление авангарду даже самой малой части; в) арьергард с храбрым и распорядительным своим начальником всеми силами удерживал беспрерывные и отчаянные атаки горцев, в тылу нашем находившихся; г) цепи, следуя по высотам в лесу с неумолкаемым огнем, слабели в своих парах; одним словом, везде дрались и дрались отчаянно. Свист пуль, летавших в нас со всех сторон и с вершин деревьев, и предсмертное гиканье татар оглушали лес; д) после неоднократных известий, что авангард по малочисленности своей все еще не может тронуться вперед, стали подходить войска правой цепи и две роты Навагинского полка, с двумя ротами люблинцев, отделенных из главной колонны, отправлены в помощь к авангарду; роты эти, заняв окраины теснины с правой стороны, ослабили огонь неприятельский, но вовсе прекратить его не могли, ибо непроходимый овраг отделял их от позиции, занятой горцами; е) одновременно с сим прибывший к остановившейся части авангарда начальник штаба Чеченского отряда полковник Мильковский, полагая, что можно будет двинуться вперед и восстановить сообщение с двумя передовыми батальонами, вдвинул авангардных саперов и милиционеров с двумя орудиями в овраг Я-эне и приказал саперам и милиционерам овладеть левым завалом, из-за которого неприятель обстреливал разрушенный мост в овраге. Понеся значительную уже потерю, войска эти, пренебрегая смертоносным огнем, отважно бросились на завал, но многочисленность неприятеля опрокинула натиск саперов с милиционерами. Полковник Мильковский, удостоверясь, что перейти овраг нельзя прежде, пока не подойдет левая наша цепь, отдал приказание остановиться и саперам непременно починить мост; для прикрытия же работы милиционеры рассыпались по оврагу, а два орудия, выставленных на позицию, открыли картечный огонь по завалу и по вершинам деревьев. Неприятель, отбив штурм и видя, что войска наши снова остановились и занялись починкою моста, усилил свой огонь против орудий и по работавшим саперам. Овраг Я-эне, оглушаемый неумолкаемым огнем с обеих сторон, был свидетелем многих жертв боя;* ж) все еще оставаясь на описанной выше поляне, в полувер-

* К общему и истинному сожалению здесь убиты храбрых два офицера: штабс-капитан 5-го саперного батальона Фохт и поручик 20-й артиллерийской бригады Квитницкий. Первый, раненный в грудь еще 11-го числа, личным примером редкого самоотвержения и мужества содействовал к успешному исправлению моста и, отдавая приказания, был поражен с дерева горскою пулею, которая, попав ему в рот,

сте от остановившейся части авангарда, главнокомандующий собрал для совещания генералов, отозвав и Лабынцева из арьергарда; вследствие совещания этого отделена была от арьергарда рота кабардинских егерей в помощь к авангарду; сам же главнокомандующий, дабы настигнуть авангард, вместе со своим штабом и небольшим пехотным прикрытием, по предложению генерал-лейтенанта Гурко, отправился было на высоты, куда два раза безуспешно ходил последний; и на сей раз предприятие это осталось тщетным, соединиться с авангардом не было возможности, как через теснину.

Минута восстановления сообщения в авангарде приближалась, и наступал четвертый момент боя. Рота кабардинских егерей подходила к авангарду; рота куринских егерей показалась на левых высотах в голове левой цепи и, наконец, от аула Шаугал-Берды шли охотники, посланные Белявским для разузнания о движении отряда. Войска эти совокупным и смелым ударом на горцев с двух сторон очистили и дорогу, и завалы левых высот оврага, сообщение в авангарде восстановилось, и отряд возобновил движение к поляне у Шаугал-Берды. Распоряжавшийся в авангарде полковник Мильковский с движением авангарда через овраг сделал следующие распоряжения к обеспечению переправы через оный главных сил с обозом: роте куринских егерей занять завалы на левых высотах; другие две роты куринских же егерей размещены по оврагу у починенного саперами моста и, наконец, охотники Апшеронского и Литовского батальонов заняли завалы в вершине оврага Я-эне. Рота же кабардинских егерей, кончив свое дело, со славою возвращалась к своему месту, готовясь на новые подвиги.

Невзирая, что неприятель владел еще правыми высотами и с оных обстреливал метким ружейным огнем всю теснину пред оврагом Я-эне, главнокомандующий лишь осведомился о восстановленном движении в авангарде, как проследовал со штабом теснину,* приказав в то же время генерал-лейтенанту Клюгенау оставаться на оной с двумя полевыми орудиями и обстреливать правые высоты, пока не будет сбит

прошла горло и показалась под кожею над становым хребтом; храбрый Фохт с ангельским ликом на челе тут же пал. Другой офицер, Квитницкий, не имея вовсе почти у своих орудий прислуги, сам заряжал, наводил их на неприятеля и в момент, когда горящий пальник в руке его касался затравки, уже — передовой вестник выстрела — последовала вспышка, как офицер этот пораженный пулею в грудь, лежал на земле бездыханным у одного из своих орудий.

* Сойдя с коня, главнокомандующий с адъютантами и конвоем двинулся к теснине; неприятель, замечая движение наших войск, усилил в это время огонь свой с вершин деревьев. Адъютанты и прочие офицеры, с главнокомандующим следовавшие, видя, какой опасности подвергается обожаемый всеми вождь кавказцев, составили собою около его плотную массу и, схватив его на руки, несли его по теснине,

неприятель. Весьма не жалуя наших пушек, горцы после некоторого, однако ж, времени покинули левый берег Аксая и, перейдя реку, рассеялись в лесах правого берега. Во исполнение приказания главнокомандующего, Клюгенау с двумя полевыми орудиями, прикрытыми вправо цепью двух навагинских рот, а влево двумя ротами саперов (из главных сил), оставался на теснине, наблюдая за движением обозов до тех пор, пока стали подходить головные части арьергарда.

Движение обозов по дороге в дремучем лесу сопровождалось частыми прорывами отчаянного неприятеля, который хотя бы при первоначальном прохождении наших цепей и был сбит с высот ущелья, но едва цепи наши или от движения вперед, или от убыли убитых и раненых ослабевали, как алчные к добыче горцы, пользуясь сим, выскакивали из засады и врывались во вьюки наши; за смелые прорывы эти, возобновляемые каждый раз с новым ожесточением, горцы платили жизнью, падая под штыками русскими, но как не было возможности иметь надежное прикрытие по всей линии обозов, то иногда удавалось им пользоваться добычею, в числе которой отбит неприятелем вьюк с экстраординарною суммою Чеченского отряда.

По мере выхода войск из леса на поляну у Шаугал-Берды, генерал-майор Белявский с Апшеронским батальоном атаковал аул и, прогнав оттуда горцев, занял оный. Для прогнания сборищ горских с кургана выше аула и левее оного послан полковник Липский[148] с Люблинским батальоном и, согнав горцев с кургана, таковой занят был Липским, оставшимся там с батальоном для предупреждения неприятеля на случай, если бы он снова покушался занять курган. Сими действиями аул Шаугал-Берды, оставленный жителями, и поляна пред ним находились в наших руках и совершенно очищены были от неприятеля.

Пятый и последний момент боя 16 июля принадлежал собственно арьергарду нашему и распорядительному его начальнику. Арьергард, следуя через лес, дрался с неприятелем и с фронта и с тыла; прикрывая обоз отряда, Лабынцев отлично отражал все нападения отчаянного неприятеля и, наконец, ознаменовал себя превосходным маневром, стоившим горцам большой потери; маневр произведен Лабынцевым у моста в овраге Я-эне. Неприятельские сборища, сосредоточившиеся в тылу нашем, под главным начальством старшего наиба Чечни Суаиб-муллы, состояли преимущественно из чеченцев, и Суаиб, видя неудачу

пока не вышли вне выстрелов неприятеля. Между многими ранеными в это время из свиты главнокомандующего находились также бывшие подле графа адъютанты его — поручики князь Васильчиков и Глебов[149]; первый (Сергей Илларионович) впоследствии командовал Ширванским полком, второй два года спустя, в 1848 г. был убит при штурме аула Салты.

горцев, дравшихся сего числа впереди, решился нанести удар нашему арьергарду, а может быть, имел мысль вовсе уничтожить его. Как бы предвидя дерзкий замысел со стороны неприятеля, Лабынцев, подойдя к оврагу Яэне, приказал 3-й егерской роте князя Чернышева полка занять левый завал, командующий переправою через мост, и, в то же время в скрытых местах в овраге поставив резервы, начал переправляться, бдительно наблюдая за действиями неприятеля; толпы горцев в это время стали собираться в общую массу, и Суаиб в голове их вместе с другими чеченскими наибами бросился на завал, думая подавить своею многочисленностью находившихся там кабардинских егерей; но порыв этот со стороны неприятеля отлично предупрежден был резервами, которые по знаку, данному Лабынцевым, быстро ударили на неприятельскую массу во фланги и смяли ее, а Суаиб и с ним небольшое число лиц, имевших влияние в Чечне, первыми погибли на русских штыках. Горцы ретировались, остановив свои нападения на наш арьергард; плачевные их стоны, огласившие лес, свидетельствовали, что в лице Суаиба они понесли важную потерю. Арьергард наш выдвигался на поляну у Шаугал-Берды беспрепятственно.

К $7^1/_2$ часам пополудни, употребив $11^1/_2$ часов на 9-верстный переход от Эллероя и выдержав кровопролитный бой в течение более 9-ти часов, отряд наш остановился у аула Шаугал-Берды на обширной и выгодной по обилию хлебных полей и водою поляне.

Упорство, с каким дрались горцы, и выгодные позиции, ими занимаемые, были главными причинами значительной в рядах наших потери в деле 16 июля, а именно: штаб-офицеров ранено 4 и контужен 1, обер-офицеров убито 2, ранено 12 и контужен 1; нижних чинов убито 107, ранено 306, контужено 41 и без вести пропало 15.

Главнокомандующий, отдавая полную справедливость редкой храбрости и мужеству войск отряда, в память дела 16 июля приказал отдать лозунг: «Героям — слава».

Бивуаки у Шаугал-Берды (двое суток и $14^1/_2$ часов)

Дозревавшая пшеница, кукуруза и другие хлеба, засеянные на поляне у Шаугал-Берды, доставили избыточный фураж и заменили недостаток пищи, во всех войсках наших становившийся уже весьма чувствительным.

С недостатком пищи соединялся и недостаток в боевых снарядах; в ящиках двух легких орудий осталось с небольшим десяток ядер, горные орудия имели по 90 снарядов, а ружейных патронов, по числу рядов в строю, едва доставало с небольшим по 50-ти на человека.

Истинно отеческое попечение о раненых, коих число значительно увеличилось со дня выступления из Дарго (число раненых при отряде доходило до 1500 чел.), а также недостаток в пище и снарядах побудили главнокомандующего дать приказание генерал-майору Фрейтагу собрать поспешно на линии часть войск наших и с ними выйти навстречу к нашему отряду от Герзель-аула, причем ему вменялось в обязанность заготовить в Герзель-ауле арбы под раненых и для возможно скорейшего доставления спокойствия трудно раненным при перевозке их взять с собою сколько можно будет повозок подвижных транспортов, привезя на них к отряду боевые снаряды; приказание это с лазутчиками отправлено вечером же 16-го числа.

Согласно изложенному выше распоряжению отряд наш, у Шаугал-Берды расположенный, должен был оставаться на этой позиции до прибытия колонны генерал-майора Фрейтага.

Ограничиваясь же настоящими пока обстоятельствами, главнокомандующим отданы 17-го числа приказания по войскам: 1) укрепиться на позиции, где нужно, земляными эполементами[150]; 2) рассортировать все имеющиеся при войсках патроны ружейные так, чтобы на всех пришлось поровну, за исключением конвойных при раненых, которым дать по 10-ти только патронов; 3) денщикам, разной прислуге и вообще всем, не имеющим оружия, раздать ружья с раненых на тот предмет, чтобы они в случае надобности могли бы защищаться штыками, но патронов им не давать; и 4) генералам, штаб- и обер-офицерам предложено уничтожить лишние тяжести, а опорожнившихся лошадей отдать в полки под раненых.

Уменьшение числительности отряда, упадок физических сил от усталости и недостатка пищи и большое число раненых не могли не иметь влияния на моральное состояние войск; главнокомандующий, предвидя это, отдал 17-го же числа следующий приказ:

«Ребята, мы русские и особливо люди, как вы, никогда не унывают и берут верх над всем. О себе нам заботиться нечего: мы везде пройдем благополучно; главнейшее наше попечение должно быть, чтобы пронести наших больных и раненых; это наш долг христианский и Бог нам в этот поможет. Будьте бодры, веселы, мужественны, и мы выйдем отсюда с честью и славою, тем более, что к нам идет навстречу отряд под начальством генерал-майора Фрейтага».

16-верстное расстояние отделяло отряд наш от Герзель-аула; поляна у Шаугал-Берды, на которой оставались войска с вечера 16-го до 10-ти часов утра 19 июля, лежит на левом берегу Аксая, опоясываясь лесистыми оврагами: с севера Джагам-Берды, а с запада пройденным нами Я-эне; оба эти оврага суть отрасли от главного и большого Аксайского оврага, который тянется с восточной стороны поляны, отделяя проти-

воположные за Аксаем высоты Бедти-мехке; на запад расстилалась сеть отрогов лесистых высот, соединявших между собою упомянутые овраги Джагам-Берды и Я-эне.

Главные силы неприятеля с тремя легкими орудиями разъединены были в двух пунктах: одна часть за Аксаем на высотах Бедти-мехке, а другая впереди лагеря нашего на пути через овраг Джагам-Берды, занимая там высоты, укрепленные завалами. Кроме того, вооруженные жители, из соседних аулов собравшиеся, виднелись повсюду кругом нашего лагеря и, как алчные шакалы, выжидали удобного случая или воспользоваться добычею, или нанести нам вред; визг татарского гика и перекаты ружейных выстрелов не умолкали, напоминая нам быть готовыми к встрече с кровожадными и алчными хищниками.

Шамиль сам начальствовал толпами горцев. 17-го числа, видя, что отряд наш не снимается с позиции, он выставил на высотах Бедти-мехке два полевых легких орудия и открыл пальбу гранатами по нашему лагерю, а третье орудие свое спустил по правому берегу Аксайского оврага и действовал из него картечью и мелкими камнями по людям и лошадям, бывшим у водопоя; в цепях кругом лагеря также завязалась продолжительная и частая перестрелка. С уводом лошадей наших от водопоя третье орудие свое Шамиль вывез на высоты к первым двум и сосредоточенным действием из трех орудий, на площадке у хутора Бедти-мехке поставленных, продолжал обстреливать наш лагерь по всем направлениям до позднего вечера.

Репостировать неприятельской батарее из наших орудий за недостатком снарядов мы не могли, да и притом горцы удачно замаскировали все три своих орудия; русская батарея лишь изредка отвечала на неприятельские выстрелы. Конгревовых ракет также оставалось немного, а для действия из горных орудий дистанция между нашим лагерем и лагерем Шамиля была слишком далека. Неприятно было видеть, что за недостатком в снарядах орудия наши не могут отвечать на неприятельские выстрелы; страх и досада резко выразились между нашими войсками. Но и тут же редкий пример мужества и самоотвержения в опасную минуту, характеризующий высокость души русского, не замедлил отразиться в рядах славных кабардинских егерей: две роты из них объявили добровольное желание испросить у главнокомандующего позволения перейти Аксайский овраг и по утесистым высотам взобраться на площадку у хутора Бедти-мехке к месту расположения неприятельской батареи, завладеть ею или пасть героями; главнокомандующий, похвалив их примерную геройскую отважность, не изволил согласиться по той причине, что предприятие это никакого другого результата за собою не вело, как только потерю если не всех, то большей части храбрых егерей.

С наступлением сумерек Шамиль, старательно сберегая свои орудия, отвез их в близлежащий хутор к ставке своей. Ночь с 17-го на 18-е число прошла спокойно, и лишь перестрелка в цепях возобновлялась, как скоро открываемо было приближение хищников к лагерю; да раздавался еще стук топора на лесистых высотах оврага Джагам-Берды, дававший знать, что горцы там укрепляются и готовят нам упорное сопротивление при прохождении оврага.

Тихое и ясное утро 18 июля сменило полумрачный свет предшествовавшего дня, войска, встрепенувшись после легкого и беспокойного сна и воздав Творцу Небесному утреннюю молитву, ожидали минуты, когда сигнал из отряда Фрейтага возвестит приближение его. Мы, при настоящих стесненных обстоятельствах, не могли быть грозою горцам, и, откладывая расплату с ними до другого раза, общее желание и мысль русских воинов ограничились на том, чтоб кто цел, то выйти благополучно на линию. Пока толпились в головах русских эта и другие мысли, как вдруг на высоте Бедти-мехке вспыхнул огонек и вслед за ним раздался первый выстрел с неприятельской батареи, потом другой, третий и следующие; во весь день опять летали гранаты по нашему лагерю; у водопоя картечь, а в цепях ружейная перестрелка не умолкала.

Вероятно, осведомившись через лазутчиков, что отряд наш останется на позиции у Шаугал-Берды до прихода с линии свежих войск, и рассчитывая, несомненно, что новые наши войска не могут собраться скоро, Шамиль утром 18-го числа с приверженными наибами отправился лично к чеченским племенам с целью собрать там всех, кто только может носить оружие, и общею массою в следующий день, т. е. 19 июля, после вечерней молитвы, напасть на наш лагерь и истребить весь отряд; в возмездие же за то он обещал едва ли не каждому из своих полчищ по два невольника. Трудно определить, до какой степени удался фанатику замысел его, но что касается обещанных им невольников, то, наверное бы, того не достиг, ибо мало бы нашел он среди нас, которые отдались бы добровольно в руки варваров, не защищаясь до последней капли крови.

Вечерняя пора в другой раз прекратила пальбу с неприятельской батареи и орудия, как вчера, свезены на хутор. В русском лагере потухли огни: мало, однако ж, кто покоился сном, но, напротив, все почти были готовы к отражению гикавших в лесах горцев.

Потеря в войсках наших при удачном действии неприятельской батареи, сделавшей без малого до 200 выстрелов по лагерю, большею частью гранатных, а также при беспрерывной перестрелке в цепях в продолжении двух суток, т. е. 17-го и 18-го чисел, благодаря Всевышнему, была весьма незначительная и простиралась: убитыми нижних чинов — 12, ранеными обер-офицеров — 1 и нижних чинов — 24, и контуженных осколками гранат обер-офицеров — 2 и нижних чинов — 6.

Что же делал в эти дни генерал-майор Фрейтаг, которого назначила судьба разрушить замысел Шамиля? По первому известию, полученному из отряда нашего, Фрейтаг с неимоверною скоростью, собрав на разных пунктах с линии войска, сосредоточил их в Герзель-аул, а оттуда без промедления во времени, с колонною в составе $7^1/_2$ батальонов пехоты, 3-х сотен казаков и 13-ти орудий, двинулся по левому берегу Аксая на Мискит навстречу нам.*

На заре 19 июля, еще солнце не вышло из-за гор, как послышались отдаленные пушечные выстрелы, вестники подходившей к нам колонны генерал-майора Фрейтага. Лагери, и русский, и неприятельский, пришли в движение; в первом складывали свои малые пожитки и ожидали сигнала к оседлыванию и навьючиванию лошадей; из второго толпы горцев выступили навстречу колонне Фрейтага и потянулись мимо нашего лагеря, но картечный огонь горных наших орудий остановил поспешность горцев и заставил их избрать более скрытые места для прохода своего.

В 6 часов утра неприятель снова вывез на площадку у Бедти-мехке одно орудие и открыл пальбу по нашему лагерю, другие же два орудия, рассчитывая на наше движение, горцы, дабы действовать из них на ближайший картечный выстрел по войскам нашим во время следования, отвезли на позицию за оврагом Джагам-Берды, где влево от дороги на трудно досягаемых и поросших дремучим лесом отрогах горы Башеш-арзу-кварта устроен был на протяжении до полуверсты неприятельский завал вроде сплошной засеки.

Местность за оврагом Джагам-Берды, по которой пролегают тропинки между вековыми деревьями, склоняется к Аксайскому оврагу, а густой дремучий лес левых высот редеет с приближением к Аксаю. Единственная из более широких тропинок и удобная несколько для прохождения артиллерии вьется у подошвы отрогов горы Башеш-арзу-кварта, на которых, как выше сказано, устроен был большой неприятельский завал; на одной высоте с этим завалом дорога преграждалась тремя небольшими передовыми завалами неприятельской позиции и, наконец, далее за первым большим завалом вдоль левого берега небольшого ручья у выхода на поляну устроен горцами другой большой и последний завал. Более 2-х верст нужно было пройти под убийственным огнем неприятеля, чтобы одолеть едва приступную его позицию.

* Отряд Фрейтага собрался в составе: 2-й батальон Модлинского, роты 2-го батальона Прагского, 2-х рот 2-го батальона Люблинского, 1-го батальона Замосцского, 3-х рот 2-го батальона Навагинского, 4-го батальона и 2-х рот 5-го батальона Кабардинского, 4-го и 5-го батальонов Куринского полков, линейного № 15-го батальона, 3 сотни Донского казач. № 20 и 53, 4-х полевых пеших, 6-ти конных и 3-х орудий подвижной гарнизонной артиллерии. — *Б. К.*

Соображаясь с местностью и укрепленною неприятельскою позицией, левая цепь наша для движения отряда усилена, а правая, коей путь предлежал по более открытой местности вдоль берега Аксая, составлена из одного батальона. Такое распоряжение было последним, отданным по войскам, расположенным на биваках у Шаугал-Берды, и отряд готовился к выступлению по следующей диспозиции.

Авангард, под командою генерал-майора Белявского, состоял из: 1-го батальона Литовского полка, 2-х горных орудий, 2-х рот саперов и роты стрелков и пеших грузин.

В главных силах, под командою генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау: 2 роты Замосцского полка, 2 легких орудия, 2 роты саперов, 2 горных орудия и команда с крепостными ружьями; раненые штаб- и обер-офицеры; рота стрелков; раненые нижние чины; обозы штабов главнокомандующего и отрядного, имея в конвое 2 роты Замосцского батальона: вьюки авангарда, артиллерии, саперов; стрелков и пехоты по старшинству полков; 4-й батальон Навагинского полка; конные казаки и Кабардинская милиция; вьюки всей кавалерии; Грузинская конная милиция.

Арьергард, под командою генерал-майора Лабынцева, состоял из 3-го батальона Апшеронского полка, 2-х горных орудий, 1-го и 2-го батальонов Кабардинского егерского князя Чернышева полка и роты стрелков (Кавказского стрелкового батальона).

Левая цепь под командою командира Куринского полка полковника барона Меллер-Закомельского: 6 рот Куринского полка и 3-й батальон Люблинский. ***В правой цепи:*** 3-й батальон Навагинского полка, под командою майора Преображенского.[151]

Примечание 1. При прохождении арьергарда мимо кургана, лежащего по левую сторону аула Шаугал-Берды, 1-му батальону Люблинского полка, там находящемуся, поступить в распоряжение начальника арьергарда.

Примечание 2. Сосредоточение батарей к действию против неприятельской позиции возложено на обязанности начальника артиллерии.

Дело 19 июля

В 10 часов утра 19-го числа, когда явственно уже слышна была пальба из орудий в колонне генерал-майора Фрейтага, главнокомандующий двинул авангард по дороге через овраг Джагам-Берды, но предварительно, до движения авангарда, вьюки и раненые в беспорядке

переходили мимо пылавшего аула Шаугал-Берды* и выдвигались в овраг. Неприятель, заметив это движение, усилил по толпившимся вьюкам и раненым пальбу из орудия своего, на высоте Бедти-мехке находившегося, а с высоты Башеш-арзу-кварта открыл по ним меткий ружейный огонь; никем не руководимые, вьюки и раненые остановились, полагая, что передовые наши войска еще не успели очистить дорогу от неприятеля, но каково было их удивление, когда услышали сзади голоса, кричавшие им: «Направо, налево, раздайся!» — и увидели шедшего генерал-майора Белявского с авангардом. Обстоятельство это, не ища ему причин, не могло не произвести вовсе напрасной потери между ранеными, конвойными их и вьюками, и в числе прочих вынесенный на носилках командир Навагинского полка полковник Бибиков, уже тяжело раненный 14 июля, получил здесь еще две тяжелые раны ружейными пулями, от которых через 2 часа умер.

С движением авангарда последние два ядра из наших полевых орудий, направив свой полет на неприятельское за Аксаем орудие, служили сигналом Фрейтагу, что отряд тронулся с занимаемой им позиции.

Ведя незначительную с горцами перестрелку, Фрейтаг занял поляну, вдоль которой по оврагу устроен был описанный выше второй большой неприятельский завал, и, выставив на позицию орудие казацкой артиллерии, за третьим выстрелом подбил лафет у неприятельского орудия, на площадке у хутора Бедти-мехке находившегося, и тем прекратил огонь его против правого фланга нашего отряда. Одновременно с сим же Фрейтаг поставил батарею для действия во фланг неприятельского завала на высотах Башеш-арзу-кварта, а часть пехоты своей вдвинул в лес, которого противоположная сторона уже занята была авангардом главного действующего отряда.

Совокупным наступлением нашей левой цепи и части войск колонны Фрейтага против левого неприятельского завала горцы постепенно были выбиты оттуда, и движение по оврагу, обеспеченное таким образом и с фронта и с обоих флангов, производилось быстро; войска наши выходили на поляну за оврагом и с неописанным восторгом встречались там со своими товарищами из колонны Фрейтага.

Неприятельские толпы, не успев нанести нам вреда при переходе через овраг Джагам-Берды и видя, что предприятие это их невозвратно рушилось, всеми силами потянулись к части леса в тылу нашем, у аула Шаугал-Берды лежавшего, в намерении отомстить за неудачу сильными натисками на наш арьергард.

* Шаухал-Берды, служивший помещением главнокомандующему со штабом и ранеными, на заре 19-го числа был очищен и предан пламени; когда же началось движение наших войск, то уже груды пепла покрывали место, где разбросаны были сакли туземцев.

Имея в виду обеспечение обозов и раненых при прохождении мимо пылавшего аула Шаугал-Берды, генерал-майор Лабынцев поставил там 1-ю карабинерную роту кабардинских егерей; внезапно атакованные многочисленным неприятелем кабардинцы, как львы, дрались в рукопашном бою более четверти часа: превосходные в числе толпы горцев уже брали перевес над егерями, когда проходили последние вьюки; Лабынцев, составив резервы из прикрывавших войск наш обоз, направил их в помощь кабардинцам; неприятельские толпы были отогнаны от аула, но рукопашная схватка эта лицом к лицу стоила кабардинской роте 2-х офицеров и до 60 нижних чинов, павших геройскою смертью на развалинах Шаугал-Берды. Неприятеля урон на этом же месте простирался до 200 человек.

Арьергард стал спускаться в овраг Джагам-Берды. На пути через овраг арьергард отразил горцев, зашедших на правый наш фланг, где в цепи находился один только батальон, поднявшийся уже выше, с тылу неприятель теснил, пока арьергард стал подниматься из оврага, где, встреченный войсками колонны генерал-майора Фрейтага, был прикрыт сими последними.

Главный действующий отряд, сосредоточившись на поляне за оврагом Джагам-Берды, возобновил дальнейшее движение, имея арьергард и боковые цепи из свежих войск, пришедших с колонною генерал-майора Фрейтага. По причине более открытой местности, неприятеля не было видно впереди и все толпы горцев остались позади, преследуя свежий наш арьергард слабо и весьма осторожно.

В $2^1/_2$ часа пополудни бой окончился. Урон наш, за исключением потери в рядах колонны, прибывшей с Фрейтагом, простирался убитыми: штаб офицеров 1, обер-офицеров 2 и нижних чинов 91; ранеными: штаб-офицеров 1, обер-офицеров 12 и нижних чинов 176; контуженными: обер-офицеров 1 и нижних чинов 26 и без вести пропавших нижних чинов 23 человека.*

Дорога к разоренному аулу Мискиту, по которой следовал отряд, пролегает хотя по менее пересеченной местности, но овраги с крутыми спусками и подъемами и частью густые леса еще не миновались; по причине сих местных затруднений движение наших войск производилось медленно и трудности марша увеличивались от дождя, начавшего падать перед вечером. В 7 часов пополудни отряд остановился на поляне пред Мискитом в каре и ночь с 19-го на 20 июля, проведенная нами на мискитской поляне, была последним ночлегом в пределах неприятельских. Легкие орудия и зарядные ящики по кру-

* Убит уже бывший раненным полковник Бибиков, тяжело ранены штаб-капитан Прушановский[152] и вторично гвардии поручик Козлянинов.

тому и испортившемуся от дождя подъему из последнего пред мискитскою поляною оврага не были ввезены сего числа на поляну.

Дождь, начавшийся накануне с вечера, не переставал падать всю ночь и утром 20-го числа. Легкие орудия, по предварительно исправленному саперами подъему, вывезены из оврага на мискитскую поляну к $8^{1}/_{2}$ часов сего числа, около 8 же часов небо стало проясняться и вскоре знойные лучи кавказского солнца возвестили жаркий день.

Войска снялись с мискитской позиции в 10 часов утра.

Левая отрасль хребта Чеченских гор, составляя левый берег Аксайской лощины, по которой предлежал нам путь в направлении к Герзель-аулу, была единственным пунктом, откуда мог еще неприятель беспокоить отряд, почему главнокомандующий приказал генерал-майору Фрейтагу прибывшими с ним войсками занять высоты на левом нашем фланге густою цепью и, уделив часть из оных в правую цепь, с остальными находиться в арьергарде. Войска же главного действующего отряда тронулись с позиции в следующем порядке:

Авангард, под начальством генерал-майора Белявского, состоял из 2-х батальонов пехоты, 2-х горных орудий, 2-х рот саперов и стрелков, пеших грузин и всей конницы отряда.

Главные силы, под начальством генерал-лейтенанта Клюге фон Клюгенау, составлены из остальной пехоты и артиллерии отряда, с размещением между ними раненых и обозов.

Правая и левая цепи и арьергард, под начальством генерал-майора Фрейтага, состояли, как выше сказано, из войск, с ним прибывших.

Дорога от мискитской поляны к Герзель-аулу вьется по лесистой отчасти лощине, склоняющейся на восток к левым берегам Аксая и перерезанной более чем 10-ю большими и малыми оврагами; с правой стороны лощины льются воды Аксая, на противоположном берегу коего отроги Чеченских гор понижаются по течению реки к плоскости; влево от Аксая другая отрасль хребта Чеченских гор, также понижаясь к плоскости, составляет крутой берег Аксайской лощины; дорога по лощине левого берега Аксая то приближается к ложу реки, то удаляется от оного; роскошные травы и поспевшие разного рода хлеба доставили превосходный корм нашим коням.

Путь от мискитской поляны по местности более открытой, а также увеличившаяся боевая сила отряда присоединением свежих войск лишили горцев возможности обеспокоить нас, и только несколько ружейных выстрелов слышались в арьергарде, когда войска снимались с мискитской позиции.

Полуденный зной уменьшался, несколько часов оставалось до заката солнца, как забелились впереди сторожевые на нашей линии башни; отряд, вступая в свои пределы, подходил к Герзель-аулу.

Главнокомандующий, в намерении лично удостовериться в заготовлении по возможности всего необходимого для возвращения из экспедиции отряда и преимущественно для первоначального обеспечения раненых, присоединился к авангарду и при звуках отрядной музыки в $5^1/_2$ часов пополудни прибыл в Герзель-аул; салютные выстрелы с валов укрепления и общее радостное неумолкаемое «ура» войск гарнизона приветствовали знаменитого вождя.

За авангардом и главная колонна показалась в виду укрепления, откуда тянулись ряды арб, высланных по приказанию главнокомандующего для подъема трудно раненных.

В 9 часов вечера весь отряд расположился биваками, заняв обширные поляны с восточной и западной стороны укрепления Герзель-аул.

Перенеся борьбу с природою и борьбу с хищным неприятелем, с твердостью выдержав все лишения и недостатки, войска, главный действующий отряд составлявшие, забыв о прошедшем, радостно и беспечно провели ночь с 20-го на 21 июля в своих владениях, и кусок свежего ржаного хлеба после двухмесячного сражения зубов с сухарями, составил вкусный десерт для нашего брата русского солдата.*

Весь урон наш с выступления из Дарго до прибытия в Герзель-аул показан в ведомости под лит. А.

За исключением же убитых, раненых, без вести пропавших и больных, к 21-му июля, т. е. с прибытием в укрепление Герзель-аул главного действующего отряда, считая и конвойных при раненых, в строю находилось как значится в ведомости под лит. В.

Главный действующий отряд с выступлением из Андии по день возвращения на линию, т. е. с 6-го по 21 июля составлял единицу, уже не увеличивавшуюся в своем составе, но уменьшавшуюся от урона в делах с неприятелем. Таблица под лит. С показывает сравнительное состояние отряда 6-го, 13-го и 21 июля; дни эти, по событиям в оные, приняты за главнейшие эпохи похода с 6-го по 21 июля.

21 июля предназначено для отдыха, и войска, оставаясь на позиции у Герзель-аула, приветствуемы были главнокомандующим, с окончанием непамятной на Кавказе экспедиции. Главнокомандующий, объезжая войска, по всей линии встречаем был громким, искренним и радостным «ура». При сем, отдавая должную справедливость генерал-майору Фрейтагу, который, неимоверно скоро собрав на линии свежие войска и выйдя с ними 19-го числа навстречу к главному действующему отряду, много способствовал последнему в деле 19 июля при прохождении оврага Джагам-Берды, главнокомандующий, снимая шапку,

* По прибытии отряда в Герзель-аул 20 июля того же числа роздано по фунту свежего ржаного хлеба, включая и офицеров.

почтил его при каждой части войск особым благодарным «ура», троекратно повторяемым затем, каждою отдельною частью войск отряда. А по войскам, с Фрейтагом прибывшим, главнокомандующий отдал приказ следующего содержания:

«Воины отряда генерал-майора Фрейтага, спасибо вам ребята, тысячу раз спасибо вам и достойному вашему начальнику за помощь, вами нам оказанную; с невероятною скоростью, по первому от нас вызову, вы собрались, сделали усиленные переходы и чудесно явились в сильном составе в Герзель-аул, без отдыха немедленно пошли к нам навстречу и сильно помогли окончить с честью и с славою трудный подвиг против всех сил неприятельских, разбивая их везде, где они думали нам противостоять, и провесть безопасно и спокойно всех наших раненых, храбрых товарищей ваших. Оба отряда всегда будут помнить с удовольствием и поход сей и счастливое наше с вами соединение. Спасибо вам еще раз. Вам и храброму Фрейтагу «ура»!»

С одинаковым отеческим попечением заботясь о раненых и во время экспедиции и ныне, по окончании оной, главнокомандующий приказал освидетельствовать всех раненых и разделить их на два разряда: тяжело раненных, требующих безотлагательного медицинского пособия, оставить в Герзель-ауле впредь до возможности отправить их к своим частям или в другие на линии госпитали, и таких раненых, которые ныне же могут быть отправлены на арбах и транспортных повозках в ближайшие Щедринский, Червленский и Моздокский госпитали, дабы сим доставить более удобства первым. Ответственность в рассортировке раненых возложена на главного доктора отряда. А войскам вменено в строгую обязанность всех трудно раненных, по назначению главного доктора, непременно оставить в Герзель-ауле; тех же раненых, которых повезут в ближайшие госпитали, отправить в ведении особых офицеров от батальонов и полков, снабдив последних заимообразно примерною суммою денег для продовольствия в пути, причем попечительности командиров отдельных частей предоставлено отправить с ранеными медиков, фельдшеров, медикаменты и форбант. И, наконец, главнокомандующий для необходимых потреб пожаловал раненым: штаб-офицерам по 40, а обер-офицерам по 20-ти червонцев каждому; раненым же нижним чинам приказал раздать по 2 рубля серебром.

Признавая необходимость дать отдых войскам, свершившим трудный подход, главнокомандующий отдал приказание распустить отряд и войскам выступить из Герзель-аула двумя эшелонами 22-го и 23 июля.

22 июля, после благодарственного молебствия об окончании экспедиции, 1-й эшелон отряда, под командою генерал-майора Белявского, выступил из Герзель-аула на Енгель-Юрт, к переправе через Терек у

Амир-Аджи-Юрта. С сим же эшелоном, имея в конвое особый батальон при одном орудии, отбыл из отряда разделявший все труды и лишения экспедиции принц Александр Гессенский. 1-й эшелон составляли: 1-й батальон Литовский, 3-й и 4-й батальоны Навагинские, 5-й саперный батальон, три роты стрелков, горная № 4 батарея и вся милиция, как пешая, так и конная; часть раненых, посаженных на арбы и повозки, а также все, принадлежавшие к отходящим частям, отправились с 1-м эшелоном. В следующие дни войска 1-го эшелона, продолжая путь свой, останавливались по маршруту в надтеречных станицах для ночлегов, а по прибытии в станицы, для отдыха собственно назначенные, оставались там в течение 10-ти дней. Милиции с приходом в Щедринскую станицу предоставлено следовать самой в Грузию и во Владикавказский округ по особым маршрутам.

23 июля, под командою командира Люблинского полка Липского, выступил из Герзель-аула 2-й эшелон, составленный из 1 и 3-го батальонов Люблинских, 2-го батальона Замосцского, двух легких орудий № 7-го батареи, всех вообще линейных казаков и запасного артиллерийского № 14-го парка; отрядный штаб и раненые, сим частям принадлежавшие, следовали со 2-м эшелоном.

Остальные войска направлены сего же числа по особым маршрутам, а именно 1-й и 2-й батальоны князя Чернышева полка во Внезапную, 3-й батальон Апшеронский и горные № 1 и № 3-го батареи в Темир-Хан-Шуру, а 6 рот Куринского полка в кр. Грозную.

Главнокомандующий с частью войск из отряда генерал-майора Фрейтага, отбыл 23 же июля по пути в Темир-Хан-Шуру для встречи и осмотра эшелонов, оставшихся на сообщении между перевалом Кырк и Андиею.

Радоваться хорошему и соболезновать о дурном — так проходит жизнь человека. Забыв прошедшее, каждый из нас радовался, что Бог сохранил на поле брани, но между этою общею радостью овладело нами неприятное чувство при присутствии на экзекуции, произведенной того же 23 июля вследствие суда по полевому уголовному уложению над казаком Моздокского полка, младшим канонером запасного парка 14-й артиллерийской бригады и рядовым Куринского егерского полка, обвиненными всех троих в разграблении вьюка, в отлучке во время дела с неприятелем от своих команд, не будучи ранеными, в упорном неповиновении в исполнении приказаний старших корпусных адъютантов нести за ними разграбленный вьюк; кроме того, казака в дерзком сопротивлении на словах против адъютантов, с готовностью к защите, когда капитан Ховен[153] вынужден был обнажить шашку, чтобы приказать нести вьюк за собою, а канонера — в побеге за цепь к неприятелю с обнаженною шашкою в руках. За преступления сии суд приговорил всех

троих расстрелять. Главнокомандующий, по предоставленной ему власти, решил: казака и канонера в пример других расстрелять, а рядового Куринского полка, по уважению изъявленной им готовности нести вьюк тотчас по приказанию адъютантов, прогнать шпицрутенами через 500 человек два раза и отправить на работу в кр. Севастополь на 5 лет. И конфирмация эта приведена сего же числа в исполнение командиром егерского князя Чернышева полка полковником Козловским. Пример таковой строгости, конечно, не мог не опечалить войска, но он был необходим, ибо некоторые из нижних чинов неоднократно во время дел с неприятелем, напиваясь до излишества вином, предавались грабежу и делались таким образом вовсе неспособными к отражению неприятеля, который, пользовавшись неминуемыми от сего беспорядками, усиливал свой натиск, и тем вредили товарищам их, верным своему долгу и не покинувшим рядов для гнусного грабежа.

Накануне выступления отряда из Дарго, т. е. 12 июля, послано было с лазутчиками приказание, дабы эшелоны, на пути сообщения отряда с Евгеньевским укреплением расположенные, сосредоточились бы на позицию у перевала Кырк.

Отступление сих эшелонов произведено следующим образом:

Подполковник Бельгард, начальник эшелона,* оставленного отрядом в Гогатлинском редуте, по выступлению из Андии главных сил, обязывался инструкциею, ему данною, между прочим, в следующем: 1) вагенбург свой, из 250 человек больных составленный, отправить с первым отходящим транспортом в Кырки; 2) по прибытии к нему трех рот 3-го батальона князя Чернышева полка с транспортом из Мичикальского урочища, присоединить к ним 9-ю роту, в Гогатлинском редуте составленную, и, сдав командование над редутом старшему по себе, самому с 1-м батальоном командуемого Прагского полка, приняв транспорт, конвоировать его в Дарго, на присоединение к главному действующему отряду и 3) находиться сколь возможно чаще в сношении с главным действующим отрядом и доносить о численности неприятельских партий и намерениях их.

6-го же июля в день движения отряда в Дарго, на разных пунктах, кругом Гогатлинского редута, показались неприятельские толпы; смелым и решительным натиском войск Гогатлинского гарнизона и действием из редута конгревовыми ракетами толпы горцев были прогнаны и более на близкое расстояние к редуту не подходили.

---

* Состав Гогатлинского эшелона: 1-й батальон Прагский, 9-я рота князя Чернышева полка, 12 кавказских стрелков, два легких и одно горное орудия, 20 моздокских казаков, часть запасного артиллерийского парка и вагенбург из 250 человек больных.

Между тем, в заготовленном заблаговременно запасе сена для лошадей Гогатлинского гарнизона оказывался уже недостаток и подполковник Бельгард вынужденным был посылать за сеном фуражировать по три раза в сутки с 7-го по 11 июля; фуражировки эти производились каждый раз с перестрелками с неприятелем.

Относительно же приказания находиться в сношении с главным действующим отрядом, подполковник Бельгард никакой не предвидел к тому возможности как по тому, что не имел у себя лазутчиков, так и оттого, что не решался послать в Дарго небольшую часть войск из редута на том основании, что, судя по видневшимся из редута неприятельским пикетам, надо было предполагать, что горцы скрываются на перерезанной между Андиею и Ичкерией местности и караулят добычу.

9 июля в Гогатлинском редуте замечена была колонна с транспортом, спускавшаяся в Андию с Буцуркалского хребта; навстречу ей подполковник Бельгард выслал из редута две роты, которые, заняв аул Гогатль, обеспечили следование транспорта через аул.

С прибытием колонны в Гогатлинский редут, Бельгард, осведомившись от начальника оной подполковника Гюллинга, что у него не было тех трех рот 3-го батальона князя Чернышева полка, которые по инструкции вместе с 9-ю ротою сего же полка должны были остаться для хранения Гогатлинского редута, а поэтому он, Бельгард, приняв от Гюллинга утром 10-го числа продовольствие для своего эшелона на двое суток и снабдив последнего нужными наставлениями, направил того же дня колонну Гюллинга с транспортом и в полном ее составе по дороге в Дарго к главному действующему отряду.

11 июля колонна Гюллинга показалась на высотах со стороны Дарго, с значительным числом раненых, обратно в Андию. Неприятельские толпы неоднократно имели намерение атаковать Гюллинга, почему Бельгард выслал к нему навстречу из редута две роты и тем способствовал ему дойти в Гогатлинский редут благополучно.

На возвратном пути в Андию Гюллинг вручил Бельгарду предписание начальника главного штаба, по коему последний с 1-м батальоном Прагского полка имел выступить не в Дарго, а присоединиться к колонне Гюллинга и следовать к Кыркинскому перевалу, где предписывалось ему поступить в ведение генерал-майора князя Кудашева. Подполковник Бельгард, узнав, что колонна, препровождавшая транспорт в отряд, не доходя Дарго, встречена была частью войск, высланных из отряда навстречу на последние высоты, отделяющие Андию от Ичкерии, а потому о причине, по которой он, Бельгард, не мог прийти с своим батальоном в Дарго, согласно данной ему инструкции, неизвестно было ни главнокомандующему и ни начальнику его штаба и имея притом в виду, что Гогатлинский гарнизон, из Прагского батальона со-

стоящий, согласно той же инструкции, мог быть сменен не иначе как 3-м батальоном князя Чернышева полка, то и решился остаться в редуте по-прежнему с своим батальоном, отделив однако ж 9-ю роту кабардинцев к колонне Гюллинга из опасения, чтобы неприятель, скрывавшийся в окрестностях, не атаковал бы оной на марше к Буцуркалскому перевалу. Засим Бельгард, с уменьшенным в численности гарнизоном на одну роту храбрых кабардинцев, остался в Гогатлинском редуте, взяв на свое попечение 152 человека трудно больных и тяжело раненных, которых подполковник Гюллинг за недостатком перевозочных средств и имея без того много больных и раненых, из главного действующего отряда принятых, решительно не мог поднять с собою.

В ночь с 12-го на 13 июля в 2 часа утра лазутчик, из главного действующего отряда присланный, принес Бельгарду предписание главнокомандующего, по коему Бельгарду со своим эшелоном предписывалось: оставить Гогатлинский редут и, соединясь с тремя другими эшелонами, на пути сообщения расставленными, сосредоточиться к перевалу Кырк. Лазутчик, принесший это приказание, отправлен Бельгардом немедленно с подобным же приказанием к начальнику эшелона у Андийских ворот, но, пробираясь между неприятельскими постами, упал в кручу, не дойдя Буцуркалского перевала.

Подполковник Бельгард, лишенный почти средств к поднятию больных и раненых, недолго, однако ж, находился в затруднении; распоряжения его состояли в следующем: все подъемные лошади, при батальоне состоявшие, освобождены от тяжестей и вместе с 18-ю казачьими лошадьми отданы под подъем раненых и больных; офицерские верховые и вьючные лошади, по предложению его же, Бельгарда, переданы были также под больных, а к оставшимся еще засим раненым и больным для несения их назначены люди; по неимению лошадей при артиллерийском парке патроны и часть снарядов на время марша розданы по рукам нижним чинам и, наконец, те из вещей как казенные, так и собственные офицерские, которых не было возможности взять с собою, собраны в кучу и преданы пламени. По приведении в исполнение сих распоряжений в 6 часов утра, т. е. через 4 часа по получении приказания, Гогатлинский эшелон совершенно был готов к выступлению из редута.

Дела 13-го, 14 и 15 июля при отступлении эшелона Гогатлинского и у Андийских ворот

13 июля. Неприятель, за Гогатлинским гарнизоном наблюдавший, как бы предчувствуя движение оного, еще ночью пред выступлением гарнизона усилил свои партии и занял ими все окрестные высоты, но

аул Гогатль, на пути отступления гарнизона лежавший, оставил не занятым, почему подполковник Бельгард, считая для себя пункт этот весьма важным, на рассвете 13-го числа пред выступлением, послал туда две роты и распоряжением сим предупредил неприятеля, готовившегося уже исправить свою ошибку и занять Гогатль частью своих сил.

Между 6-м и 7-м часом утра Гогатлинский гарнизон выступил из редута. Горцы первое нападение с своей стороны сделали на те две роты, которые занимали аул, в намерении вытеснить их оттуда, но успеть в том не могли и прагцы, в ауле расположившиеся, руководимые примером благородной храбрости и стойкости своих офицеров, сохраняли в рядах своих отличный порядок и противопоставили сильный отпор неприятелю.

Зная из опыта, что противостать всем трудностям прилежавшего пути и отразить малыми силами неприятеля на медленном марше при подъеме на Буцуркалский перевал можно лишь с сохранением между войсками величайшего порядка, Бельгард, выступая из редута, строго подтвердил всем чинам безотлучно находиться на своих местах и слепо исполнять приказания, которые отдаваться будут начальниками; мера эта необходима была еще и потому, что Бельгард не ожидал никакой помощи от эшелона у Андийских ворот, ибо начальнику оного не было известно о выступлении Гогатлинского гарнизона с поводу, что лазутчик с сим сведением, к Андийским воротам посланный, как выше сказано, упал в кручу, не достигнув цели данного ему приказания.

Отбитый двумя ротами прагцев от аула, неприятель оставался в наблюдательном положении за отступлением Гогатлинского гарнизона, но, увидев его малочисленность, толпы горцев, обойдя высоты по направлению дороги, с неизобразимым ожесточением с разных пунктов и по нескольку раз бросались в атаку, в намерении уничтожить эшелон Бельгарда до последнего.

Гогатлинский гарнизон, имея с собою значительное число больных и раненых (152 человека) и два полевых орудия, которые везены были в гору на людях, отступал в виду многочисленного неприятеля медленно, но в примерном и достойном подражания порядке; места убитых и раненых из строя с передачею оружия тот же час заменялись и писарями, и музыкантами, и даже денщиками. Неприятельские толпы, занимая высоты по сторонам подъема на Буцуркал и обогнув кругом эшелон Бельгарда, кидались беспрерывно в рукопашную схватку, но, отражаемые стойкостью русских штыков, в свою очередь ретировались и были преследуемы, сколько местность дозволяла; двигаясь же вперед, войскам нашим предстоял труд выбивать горцев из-за каменных завалов, образовавшихся на этом пути от перерезанной скалистой местности, составляющей материк Андии. Так продолжалось дви-

жение Гогатлинского гарнизона к Буцуркалу под сильным неприятельским огнем, сопровождавшимся рукопашными схватками, до 10-ти часов вечера, отойдя от редута не далее 4-х верст. К 10-ти часам войска достигли Буцуркалского хребта и бой прекратился.

В полночь подполковник Бельгард соединился с эшелоном у Андийских ворот, за перевалом расположенным и составленным из двух батальонов Житомирского Егерского полка, двух полевых, одного горного орудия и 20-ти линейных казаков, под командою подполковника Голикова[154]; Бельгард, передав последнему приказание главнокомандующего, как старший, принял начальство над обоими эшелонами.

Потеря в деле 13-го числа в Гогатлинском гарнизоне ограничилась в убитых унтер-офицеров 1, барабанщиков 1 и рядовых 10; раненых обер-офицеров 3, унтер-офицеров 2 и рядовых 19 (в том числе музыкант 1) и контуженых унтер-офицеров 2 и рядовых 4. Незначительный этот урон, понесенный в 16-часовой бой с неприятелем, надо отнести как отличным распоряжениям подполковника Бельгарда, так мужеству и стойкости всех чинов, гарнизон составлявших, и тому еще, что изредка наступательные движения частей эшелона против многочисленного неприятеля, которые, останавливая горцев, заставляли их быть осторожными и менее решительными.

14 июля. Усилив свой эшелон присоединением эшелона, стоявшего у Андийских ворот, Бельгард в следующий день (14-го числа) продолжал отступление по направлению к Мичикалу.

Порядок, в каком следовали войска, был следующий:

В ***авангарде:*** 1-й батальон Житомирский с двумя полевыми орудиями и две роты 1-го батальона Прагского полка с другими двумя полевыми орудиями. За авангардом следовали раненые и вьюки, имея боковые прикрытиями остальные две роты Прагского батальона.

В ***арьергарде:*** два горных орудия с 3-м батальоном Житомирского полка.

Неприятель, занимая Буцурский за Мехельтинской долиною хребет, а также расположась на окружных высотах, первоначально не выказывал своего намерения беспокоить наши войска при подъеме из Мехельтинской долины, но лишь только авангард стал подходить к подъему, толпы горцев начали усиливаться и на хребте и в левых боковых завалах.

Наблюдая за неприятелем и предвидя, или точнее сказать, зная уже, с какими трудностями будет сопряжен подъем из Мехельтинской долины по узкой и скалистой тропинке и что прямым движением по этой тропинке авангарда с полевыми орудиями, а за ним раненых и вьюков, неминуемо подвергнет войска большим потерям, Бельгард приказал остановиться и, воспользовавшись внезапно павшим туманом, отря-

дил две роты прагских и две роты житомирских с одним горным орудием, под командою капитана Ракусы,[155] приказав сему офицеру с вверенными ему войсками штурмовать хребет и занять с боя боковые завалы. Неприятель, в тылу находившийся, все время, не переставая беспокоить арьергард, усилил в этот момент свой натиск на хвост и боковые наши цепи; при сих атаках в нестройных, но многочисленных массах горцев раздавались и дикий крик, и предсмертные песни, которые они страшно поют обыкновенно, когда решаются нанести гибель христианам. Штык русский и свинец работали в арьергарде, как между тем передовые прагцы и житомирцы, под командою Ракусы, с громким «ура», под градом пуль и камней взобравшись с неимоверною быстротою целиком на хребет, сбили оттуда изумленных горцев и заняли как гору, так и боковые завалы. 10 только минут нужно было передовым нашим храбрецам, чтобы занять позицию на хребте и очистить подъем на оный от неприятеля, находившегося впереди. Атаки неприятеля с тылу и с боков не уставали и от времени до времени все более и более усиливались.

Начинало вечереть, когда войска стягивались на хребте; единственный путь на Буцур по узкой скалистой тропинке, в полугоре вьющейся, сопряжен был с величайшими трудностями: к тому же еще присоединилась крайняя усталость людей, которые все почти в течение всего дня дрались с ожесточенным неприятелем, и потеря лошадей у полевых орудий, которые частью были убиты, а частью ранены. Лично распоряжаясь при сем и непосредственно наблюдая за движением войск, Бельгард, дабы облегчить сколь возможно движение артиллерии, приказал от одного полевого орудия, потерявшего трех лошадей, сняв передок, подрубить и сбросить в кручу запасный лафет. Мрачная до сего времени погода изменилась в худшую еще, и войска, в темноте приближавшейся ночи, поднимались на Буцур в тумане и под проливным дождем; бой не уставал; в одно время и с одинаковой стойкостью войска разбрасывали груды камней, коими завалили горцы подъем из Мехельтинской долины, и твердым штыком отбрасывали неприятельские толпы, кои, пользуясь темнотою, неоднократно кидались на войска в кинжалы.

С наступлением ночи отряд собрался на Буцуре и остановился там на позиции для ночлега, пройдя всего в течение дня не более 6 верст. Горцы не дали войскам нашим покоя во всю ночь, ружейная перестрелка не умолкала, сопровождаемая рукопашными схватками, но все покушения неприятеля оканчивались без всякого успеха и русский штык торжествовал.

Понесенный урон в рядах наших сего числа простирался: убитыми нижних чинов 12, ранеными штаб-офицер 1, обер-офицеров 3 и рядовых 10 и контуженными обер-офицеров 3 и нижних чинов 15.

15 июля. С зарею 15-го числа движение к Мичикалу возобновлено и войска снялись с позиции в следующем порядке:

В ***авангарде*** 1-й батальон Прагский с двумя полевыми орудиями. В прикрытие обозу и раненых назначен 3-й батальон Житомирский, с другими двумя полевыми орудиями.

В ***арьергарде*** 1-й батальон Житомирский с двумя горными орудиями.

В больших массах конные толпы горцев виднелись в разных направлениях и вели с нашими цепями сильную перестрелку. Окрестная местность не весьма гористая предоставляла неприятелю возможность собираться в большие толпы и производить конные атаки, а потому Бельгард заблаговременно распорядился составлением в обеих цепях сильных резервов, и действительно, всадники неприятельские начали формироваться в массы и, бросаясь на цепи, намеревались разрезать колонну. Дерзкие их эти покушения повторены были несколько раз, пока меткий огонь арьергардных орудий заставил горцев быть осторожнее.

Заботясь о людях, которые трехсуточным и трудным маршем и беспрерывным боем с неприятелем весьма утомились, а лошади во все это время не имели корма, Бельгард, не доходя 5-ти верст до подошвы горы Зонокбак, остановил войска для привала на довольно обширной, совершенно открытой и обильной травами поляне. Толпы неприятельские, за колонною наблюдавшие, не ожидая, чтоб она остановилась, подошли к ней на близкое расстояние и за свою дерзость славно были наказаны. Бельгард, сосредоточив свои орудия все 6, приказал открыть из них беглый картечный огонь по коннице неприятельской. Горцы, понеся при сем не малую потерю, смешались и быстро ретировались.

Дав сколько нужно было отдохнуть людям, Бельгард двинулся далее, не обеспокоиваемый горцами и, уже подходя к Зонокбаку, послал на высоты ее 3-ю мушкетерскую роту прагцев, дабы прогнать оттуда неприятельские толпы, имевшие намерение вредить колонне во фланге при подъеме на Зонокбак; мушкетеры прагские, исполнив приказание своего начальника, заняли фланговые высоты и оставались там, пока все войска достигли Зонокбакских высот, где и остановились для ночлега.

В деле 15 июля выбыло из фронта ранеными 3 рядовых и контуженными нижних чинов также 3 человека.

С раннею порою 16-го числа войска наши снялись с Зонокбакских высот и двинулись к Мичикалу.

Неприятель виднелся на отдаленных высотах и не отваживался подъезжать к колонне на близкое расстояние; перестрелка с цепями продолжалась, но огонь ружейный горцев с дальней дистанции был безвреден.

Ненастная погода продолжалась, дорога до крайности испортилась, усталость между войсками весьма была заметна; все это побудило Бельгарда остановиться сего числа на ночлег, не доходя Мичикалского урочища, близ озера. После трехсуточной походной диеты солдаты подкрепили свои силы горячею пищею и, не обеспокоиваемые неприятелем, провели ночь в крепком сне.

17 июля, продолжая путь свой к Мичикалскому урочищу, Бельгард достиг оного уже к вечеру и по полученному здесь предписанию от генерал-лейтенанта князя Бебутова, сдав полковнику Ковалевскому 1-й и 3-й батальоны Житомирского полка с двумя полевыми орудиями, с остальными войсками своей колонны, присоединив 2-й батальон Куринского полка, прибыл 18 июля к перевалу Кырк.

Князь Бебутов, согласно полученному им распоряжению от главнокомандующего, сосредоточив все эшелоны, на пути сообщения расставленные, у перевала Кырк, отвел войска на правый берег Сулака и расположил их там впредь до получения новых распоряжений.

Действия Самурского и Лезгинского отрядов с 5 июня по день окончания летней экспедиции 1845 г.

Самурский отряд, оставаясь на правом берегу Каракойсу, наблюдал за Южным Дагестаном.

С убытием воды в Кара-Койсу генерал-майор князь Аргутинский-Долгорукий переправился и принял направление на Тилитль, но на пути к оному встретил 24 июля многочисленные толпы мятежников, под начальством Гаджи-Мурата и Кибит-Магомы.*

Князь Аргутинский, намереваясь нанести решительный удар собравшимся перед ним мятежникам, остановился и весьма удачно завлек их на выгодную для

Генерал лейтенант Шварц, начальник Лезгинского отряда, оставаясь в наблюдательном положении за племенами, соседними к лезгинской нашей линии и по временам угрожая им совершенным разорением их жилищ, побудил, наконец, туземцев к покорности, вследствие чего многие племена прислали к нему своих депутатов для переговоров.

Удачею склонить на нашу сторону горские племена генерал-лейтенант Шварц много способствовал успеху Самурского отряда в деле с неприятелем 24 июля.

* Гаджи-Мурат Аварский, бывший генерал-майор русской службы, отложился от нас в 1843 г.; а Кибит-Магома, носятся слухи на Кавказе, не кто иной, как беглый юнкер из Кабардинского (ныне князя Чернышева) полка. Оба они в настоящее время имеют большую доверенность у Шамиля и занимают места главных наибов над мятежными племенами южного Дагестана.

него позицию; между тем кавалерия Самурского отряда был уже приготовлена в скрытых местах, чтобы ударить на мятежников при отступлении во фланг и в тыл; распорядившись таким образом, Аргутинский повел пехоту против мятежников с фронта и отважно принял их в штыки; кавалерия наша ожидала минуты отступления горцев; не устояв против русского штыка, мятежники дрогнули и обратились в бегство, а, наткнувшись на нашу кавалерию, которая ударила им во фланги и с тыла, и также преследуемые пехотою, горцы побежали в страшном смятении; в этом беспорядке большая часть из них бросались в кручи и овраги и, падая, погибали там. Отлично обдуманному заблаговременно плану дела князя Аргутинского с мятежниками мы обязаны, что потеря сего числа в рядах Самурского отряда ограничилась убитыми: обер-офицер 1 и нижних чинов 21 и ранеными штаб- и обер-офицеров 5 и нижних чинов 72. В незначительной же перестрелке накануне убит в цепи полковник Бублик,[156] командир Подольского Егерского полка. Урон в рядах мятежников был значителен: 200 тел оставлено ими на поле сражения и более 40 человек сдались на месте военнопленными; вся же потеря их, по сведениям, полученным через лазутчиков, простиралась до 600 голов.

Аргутинский после дела 24 июля перевел войска опять на пра-

По изъявлении некоторыми лезгинскими обществами совершенной покорности русскому правительству, Шварц предпринял действия свои к наказанию тех обществ, которые не воспользовались предложением и остались в неприязненных с нами отношениях. Наказав общество Таш, обитающее в недрах гор и наиболее непокорное, генерал-лейтенант Шварц двинул свой отряд на юг земель лезгин, дабы подобно ташцам наказать Анцухское и Капучинское (Хваналское) общества, и 30 июля внезапно явился на границах их. Капучинцы, соединясь с соседними племенами, оставались в сомнительном относительно нас положении; а анцухцы, рассчитывая на помощь Гаджи-Мурата, оказали решительное сопротивление, и с приближением отряда к границе Анцуха жители оного, в партии до 3 тыс., заняли сильную позицию по окрестным высотам, укрепив ее завалами. Надо было начать бой; передовые войска Лезгинского отряда под градом камней, с высот горцами пускаемых, шли на штурм; постепенное овладение высотами при упорном сопротивлении горцев стоило войскам больших усилий, но русский штык взял свое и неприятель был сбит со всех высот, кроме одной, более неприступной. На другой день (31-го числа) и эта высота после долгого и жаркого боя была взята, и быстро преследуемые нашими войсками, горцы, оставив на месте более 100 своих тел, в смятении поспешно от-

вый берег Кара-Койсу и оставался по-прежнему в оборонительном положении.

В последующее засим время Аргутинский получил сведения, что неприятель намерен сосредоточиться в больших силах и действовать против него; Кибит-Магома назначался главным начальником полчищ горских. Но, как намерение это, предложенное Кибит-Магомою и первоначально одобренное Шамилем, отклонено было вскоре другими наибами и лицами доверенными с поводу, что и без того уже понесена ими значительная потеря в делах против главного действующего нашего отряда, где погибли лучшие их воины, то Аргутинский в первых числах августа, распустив милицию по домам, с остальными войсками Самурского отряда приступил к производству необходимых работ по укреплениям, назначенным к возведению во вторую категорию занятий войск в течение сего года.

ступили и начали рассеиваться по гребню горы и через леса к аулам своим, разбросанным у подошвы горы. Потеря в Лезгинском отряде в эти два дня ограничилась в убитых: обер-офицер 1 и нижних чинов 9; раненых нижних чинов 27 и контуженных камнями нижних же чинов 16.

Несколько дней спустя, генерал-лейтенант Шварц двинулся от Анцуха в Дидо (Цунта); 6 аулов непокорного племени Дидо со всем имуществом истреблены до основания, а при взятии аула Кидеро дидоевцы наголову разбиты.

Вот окончательный ряд действий Лезгинского отряда, который, по совершении оных, перенеся большие труды на пути своем через все Анкратлские общества, Капучу, Анчух и Дидо, неизвестные еще до сего русским, 18 августа вышел в ущелье Шильда и по оному достиг благополучно нашей кордонной линии.

Отряд распущен по своим штаб-квартирам.

Войска Лезгинского отряда, пробыв в экспедиции с 25 мая по 18 августа, возвратились из оной во всех отношениях в весьма удовлетворительном состоянии; лошади достаточно сбережены и в добром теле, а имущество казенное, как и собственность войск сохранились без ущерба.

Таким образом, кончились военные действия на левом фланге Кавказской линии, относящиеся к первой категории занятия войск в 1845 году. Временное покорение Андии, взятие и разорение Дарго были главною целью наступательных движений в горы соединенных Чеченского, Дагестанского и Кумыкского отрядов, из коих к концу экспедиции, в уменьшенных силах, составился главный действующий отряд; действия Самурского и Лезгинского отрядов имели предметом отвлекать неприятельские скопища от первых трех отрядов, стараясь дружелюбно склонять на нашу сторону не мирные нам общества, а тех, которые будут упорствовать, наказывать оружием. Все эти предначертания приведены в исполнение по мере возможности.

Минувшая экспедиция будет долго в памяти туземцев. Горцы убедились, что для русского нет невозможного и что штык русский всегда проникнет к ним, в каких бы недоступных местах они не скрывались; убедились также и в том, что только на весьма перерезанной местности, поросшей вековыми и непроходимыми лесами, они могут еще нам сопротивляться, но и тут упорство их тщетно и обходится больших потерь, чему служит ясным доказательством урон их в делах против главного действующего отряда, простирающийся всего убитыми и ранеными до 2000 человек.

Оружие наше многократно в течение экспедиции покрывалось новою славою; русский штык грозен в глазах горца.

Действия Чеченского, Дагестанского и Кумыкского отрядов, а впоследствии составившегося из них главного действующего отряда, сопряжены были с большими лишениями, неизбежными в войне, каковые производили иногда невыгодное влияние на физические и моральные силы войск.

Владения туземцев, пройденные войсками, под начальством главнокомандующего состоявшими, отчасти уже разорены во время походов прежних лет, а там, где еще не бывали русские, жилища горцев с приближением войск наших разорялись и предавались пламени рукою самих туземцев по настоянию Шамиля или коварством последнего. Мы не стали властителями тех горских обществ, через земли которых пронеслось русское оружие; все жители с появлением наших войск или бежали в горы, или поступали в ряды скопищ Шамиля; по оставлении же их владений, туземцы, сколь возможность дозволяла, водворялись вновь; удивляться сему не должно, ибо война на Кавказе не может сравниться ни с какой войной в образованном мире. Там судьба враждующих народов решается одним или несколькими сражениями, тогда как жителей гор Кавказских, чтоб замирить, необходимо долговременным опытом утвердить их в уверенности к себе, иначе же горцы если и помирятся, то на то только время, пока видят грозу пред

глазами, но лишь она миновалась, они по-прежнему делаются вольными детьми гор и, не признавая никакой власти, становятся снова врагами христиан; таков характер преимущественно народов, населяющих пространство от Каспия до Военно-Грузинской дороги, с В. на З., и от нашей линии Сунженской до Лезгинской линии с С. и Ю. Во исполнение Высочайшей воли главнокомандующий, предводительствуя лично войсками, неоднократно во время экспедиции примерами давал знать горцам, что не уничтожением их жилищ и собственности, а дружелюбною мерою правительство намерено склонить их на нашу сторону; мера эта, однако ж, к концу экспедиции была изменена главнокомандующим, ибо ожесточение, с каким встречали и дрались с нами ичкеринцы и чеченцы, требовало возмездия не кроткого, а наказания их как закоренелых врагов, а потому жилища и поля последних, где проходили войска наши, начиная от Дарго, предавались пламени и разорялись сколь было можно успеть.

Несмотря на лишения, которым отряд подвергался в походе, и значительной потери в делах с неприятелем, войска большею частью и преимущественно принадлежащие Кавказскому корпусу, своею храбростью и стойкостью с редким хладнокровием достойны всеобщей похвалы и чести иметь своим предводителем графа Воронцова. Главнокомандующий, отдавая всем войскам, совершившим с ним экспедицию, полную справедливость, по окончании военных действий обратился к ним с следующим приветствием, в приказе его за № 69 изложенным:

«Воины главного действующего отряда! Наконец твердостью, усердием и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвиг, повеление Государя нашего, ожидания России и наше собственное желание. С самого начала кампании неприятель со всеми своими сборищами не мог вам противостоять; он оставил нам без боя и Хубарские высоты, и крепкую Бартунайскую позицию; он надеялся остановить нас на Мичикале, но славным подвигом взятия горы Анчимеера оттуда прогнан, преодолев все трудности природы, мы пошли к Андийским воротам, где он не смел нас ожидать и сам предал огню и опустошению богатое андийское население; за Андией он захотел держаться на позиции, но постыдно прогнан с оной горстью наших храбрецов. Когда мы увидели опять сборища Шамиля на горах, мы опять пошли на них, рассеяли толпы их и дошли до самого Технуцала. Около Андии, где русские до сего еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько нам было нужно, но этого еще было не довольно; нужно было дойти до самого гнезда Шамиля, мы пошли в Дарго и хотя нашли дорогу труднейшую и леса, в которых они сильно защищались, ничто не могло нам противостоять, и Шамиль вынужден сам

начать разрушение его жилища и заведений, которое мы после в полной мере довершили. По затруднению доставлять туда продовольствие, было невозможно и бесполезно оставаться долго в Дарго, но мы пошли оттуда не назад, не отступая, но пошли опять прямо на него же; грудью сбили его с позиции у дер. Цонтери и потом, все наступая, гнали его с позиции на позицию, пока уже близко к Герзель-аулу мы соединились с храбрым генералом Фрейтагом, который по первому от нас призыву, собрав с невероятною скоростью сильный отряд, пришел к нам навстречу; тогда силы неприятельские обратились на наш арьергард, но и тут с потерею и со стыдом отбиты. Таковые подвиги не могли быть исполнены без урона, мы потеряли несколько достойных начальников и храбрых солдат; это жребий войны: истинно русский всегда готов умереть за Государя и отечество, но мы имеем то утешение, что ни один раненый, какого бы он ни был звания, нами не оставлен, ни один не попался в руки неприятеля и мы вчерашнего числа дошли благополучно до нашего укрепления и вам можно будет отдохнуть от трудов и утешаться воспоминаниями о военных подвигах. Государь вами будет доволен; слух о нашем походе долго будет служить в горах страшилищем для врагов наших и доказательством, что для русского солдата нет ничего невозможного. Я горжусь тем, что имел честь вами начальствовать и разделять с вами труды и опасности; от всей души благодарю вас за усердие, терпение и неустрашимость, вами оказанные, и займусь теперь приятным долгом уведомить Всемилостивейшего нашего Государя о подвигах всех и каждого».

Все участвовавшие в экспедиции получили награды, по мере заслуг, ими оказанных, а главнокомандующий с нисходящим потомством возведен в княжеское Империи достоинство; Высочайший рескрипт, полученный им по сему случаю, заключает в себе и верный очерк неустрашимости и самоотвержения князя Воронцова, и верный очерк истинно родительского попечения его о войсках; вот содержание сего рескрипта:

«Князь Михаил Семенович. Вверив вам главное управление Кавказским краем и начальство над Отдельным Кавказским корпусом, я был убежден, что при сем важном назначении вы явите то пламенное усердие к пользам отечества, коим всегда отличалось долговременное и достохвальное служение ваше. Вы вполне оправдали Мои ожидания, проникнув в недра гор Дагестанских, считавшихся доселе неприступными. Приняв личное начальство над главным отрядом, вы собственным примером непоколебимой твердости и самоотвержения указали войскам путь к подвигам незабвенным. Смелою стопою храбрые войска наши перенеслись через хребты гор непроходимых,

поражая горцев в неприступнейших убежищах на высотах Анчимеера и у врат Андийских. С упорного боя овладели они Дарго — главным убежищем Шамиля — и штыками проложили себе путь в дремучих лесах ичкеринских, рассеяв многочисленные скопища неприятеля, усиливавшегося преградить дальнейшее наступательное движение отряда. Среди беспрерывного боя, многочисленных занятий и трудов, вы непрестанно, как чадолюбивый начальник, заботились о благе и спокойствии нижних чинов, о всевозможном призрении раненых, кровью своею славные дела запечатлевших. Вы вполне постигли и исполнили этим первейшие желания Моего сердца. В справедливом сознании как прежних, так и теперешних знаменитых заслуг ваших Я возвел вас в княжеское достоинство с нисходящим потомством. Да послужит это изъявление Моей искренней признательности к примерному служению вашему престолу и отечеству. Вместе с сим пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный (на подлинном подписано) Николай».

Другая Царская награда главнокомандующему состояла в назначении его шефом одного из храбрейших полков Кавказского корпуса, а именно Куринского Егерского полка с переименованием оного в Егерский князя Воронцова.* Главнокомандующий, почитая награду эту драгоценным вниманием Монарха, увековечил себя в рядах куринцев следующим приказом, отданным им по сему случаю по полку:

«13 августа 1845 г. Ст. Червленая.

Куринцы!

Государю Императору угодно было наградить меня назначением шефом полка вашего; умею ценить такую высокую милость и честь носить один мундир с вами; то, что должно быть вам лестно и приятно, — это мнение об вас Великого нашего Государя и Отца. Его Величество хотел дать мне знак Всемилостивейшего внимания и удовольствия и, зная вас и вашу постоянную отличную службу, он знал, что причислением меня к храброму Куринскому полку, Он вполне меня вознаграждает.

В теперешнюю кампанию я имел счастье видеть весь полк ваш в деле; три первых батальона были с нами в горах, а 4-й и 5-й пришли к нам с храбрым Фрейтагом; во всех батальонах и везде куринцы оказались героями. Когда будет опять надобность идти на неприятеля, я хоро-

* 20-я дивизия Кавказского корпуса имеет в своем составе Егерскую бригаду, отличающуюся уже с давних времен своею храбростью, это полки: князя Чернышева, переименованный в Кабардинский, и Куринский, переименованный ныне в Егерский князя Воронцова полк.

шо знаю, что хотя в горах, хотя в лесах, как и на плоскости, вы всегда будете такие же, как досель были; себя же поздравляю с тем, что и я теперь могу назваться и хвалиться куринцем».

Кроме частных наград, войсками за дело с неприятелем полученных, Государь Император в ознаменование отличного мужества и примерного самоотвержения при совершении похода в Андию и в Дарго и взятие сих мест Всемилостивейше пожаловал новые знамена с надписью заслуг, войсками оказанных, по следующему расписанию:

1-му батальону Литовского Егерского полка.	«За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года»
1-му батальону Житомирского Егерского полка и 3-му батальону того же полка, поступившему в состав Самурского пехотного полка	«За поход в Анди в июне 1845 года»
1-му и 3-му батальонам Праг-ского пехотного полка	«За поход в Анди в июне 1845 года».
1-му батальону Люблинского Егерского полка	«За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года».
3-му батальону того же полка	«За взятие Анди 14 июня и поход в Дарго в июле 1845 года».
2-му батальону Замосцского Егерского полка	«За поход в Анди в июне и в Дарго в июле 1845 года».
3-му батальону Апшеронского полка	«За поход в Анди в июне и в Дарго в июле месяцах 1845 года»; с сохранением надписи, бывшей на прежнем знамени: «За взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года».
3-му батальону Навагинского пехотного полка и 4-му батальону того же полка	«За поход в Анди в июне и в Дарго в июле 1845 года».
1-му батальону Егерского князя Чернышева полка	«За взятие Анди 14 июня и Дарго 6 июля 1845 года». С сохранением надписей, бывших на прежнем зна-

	мени: «За взятие у Аварских войск знамени при реке Иоре 7 ноября 1800 года и взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года».
2-му батальону того же полка	«За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года». С сохранением надписей, бывших на прежнем знамени: «За взятие у Аварских войск знамени при реке Иоре 7 ноября 1800 и взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года»
3-му батальону того же полка	«За взятие Анди 14 июня 1845 года». С сохранением надписи, бывшей на прежнем знамени: «За взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года».
1-му батальону Егерского князя Воронцова полка	«За взятие горы Анчимеер 5 июня, поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года». С сохранением надписи, бывшей на прежнем знамени: «За взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года».
2-му батальону того же полка	«За поход в Анди в июне 1845 года». С сохранением надписи, бывшей на прежнем знамени: «За взятие приступом Ахульго 22 августа 1839 года.
3-му батальону того же полка	«За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года».С сохранением надписи, бывшей на прежнем знамени: «за взятие приступом Ахульго 22-го августа 1839 года».
5-му саперному батальону и Кавказскому стрелковому батальону	«За поход в Анди в июне и взятие Дарго 6 июля 1845 года».

Наконец, и войска в память, что имели счастье совершить экспедицию под предводительством князя Воронцова, поют ему победную песнь, в которой каждое слово звучит прямою истиною и в которой выражены и весь тот восторг и вся та любовь, коими кавказцы пламенеют к своему знаменитому вождю; песнь солдатская эта поется на голос скорого марша из оперы «Лукреция Борджия», и вот ее слова:

Хор

Ура! Граф Воронцов, ура, ура, ура, ура!

Один голос

Мы шагнули молодцами
Через Андийские ворота;
Царские знамена с нами
Возле снежного хребта.

} хор повторяет

Против шашек, пуль штыками
Дружно грянем мы ура!
От маршей мы отдохнули,
Русский Бог велик, ура!
Царь-Отец наш верно скажет:
«Ай, спасибо» за труды;
Всякому вождю из нас докажет,
Что его достойны мы;

Первый он ведет нас к бою
И лелеет как детей;
Барабан наш бьет к покою,
Он не спит среди ночей,
И от холода, от зноя
Терпит только за людей.

Хор

Ура! Граф Воронцов ура, ура, ура, ура!

Один голос

Указал царь православный
Цель похода нам Дарго;
Там приют Шамиля давний;
Логовище там его.

} хор повторяет

Предстоит еще бой главный
Но кавказцам ничего.
Вот пришли... теперь штык славный

Встрепенись, тебе пора.
Чу… бегут. На всех страх равный
Ты нагнал, наш граф, ура!

Один голос с севера в отдаленности

Ура, князь Воронцов, ура. ура, ура, ура!

Хор

Ура, князь Воронцов, ура, ура, ура, ура!

Лит. А.

Ведомость воинским чинам отряда,
убитым из фронта с 13-го по 20 июля

	Убито			Ранено			Контужено			Без вести пропало нижних чинов	Итого выбыло Из фронта
	Шт.-о-ров	Об.-о-ров	Ниж. чинов	Шт.-о-ров	Об.-о-ров	Ниж. чинов	Шт.-о-ров	Об.-о-ров	Ниж. чинов		
13 июля	—	1	5	1	4	62	—	1	4	—	78
14	1	5	65	6	11	158	—	3	37	8	294
15	—	—	15	—	3	44	—	—	19	2	83
16	—	2	107	4	12	306	1	1	41	15	489
17 и 18	—	—	12	—	1	24	—	2	6	—	45
19	1	2	91	1	12	176	—	1	26	23	333
Всего	2	10	295	12	43	770	2	7	133	48	1322

Примечание: кроме того, при отряде состояло больных: обер-офицеров 2 и нижних чинов 176.

Лит. В.

Ведомость воинским чинам отряда, находившимся в строю 21 июля

Пехоты

	3-й батальон Апшеронский	3-й и 4-й батальоны Навагинские	1-й и 2-й батальоны князя Чернышева	6 рот Куринского полка	1-й батальон Литовский	1-й и 3-й батальоны Люблинского	2-й батальон Замосцкий	5-й саперный батальон	3 роты Кавказского стрелкового батальона	ИТОГО
Штаб-офицеров	—	2	2	2	—	2	1	—	1	10
Обер-офицеров	8	25	14	18	7	23	10	6	7	118
Унтер-офицеров	25	87	69	51	48	76	54	43	23	476
Музыкантов	16	40	41	28	18	38	22	17	4	224
Рядовых	341	828	490	593	262	554	325	250	174	3817
Нестроевых	29	170	134	61	16	42	33	60	4	549

Сверх того, Грузинская пешая милиция, от которой сведений к 21 июля не доставлено.

Примечание. Для сравнения этой таблицы с предшествовавшими, где показан счет штыков, здесь следует считать одних только унтер-офицеров с рядовыми.

Кавалерии

	Кубанские казаки	Кавказские казаки	Моздокские казаки	Гребенские казаки	Кизлярские казаки	Кабардинская и Дигорская милиции	ИТОГО
Штаб-офицеров	—	—	2	1	—	—	3
Обер-офицеров	3	1	4	3	1	13	25

Унтер-офицеров	9	6	8	4	2	—	29
Музыкантов	—	—	—	—	—	—	—
Рядовых	70	80	41	44	14	45	294
Нестроевых	—	—	20	—	—	—	20

Сверх того, Осетинская и Грузинская милиции, от которых к 21-му июля сведений не доставлено.

Примечание. Всадниками в строю следует считать унтер-офицеров с рядовыми.

Артиллерии

Штаб-офицеров	—	1	—	1	—	2
Обер-офицеров	2	4	2	6	1	15
Унтер-офицеров	3	15	7	7	1	33
Музыкантов	—	1	2	1	—	4
Рядовых	25	104	33	84	3	249
Нестроевых	10	40	6	28	1	85

Таблица сравнительного состояния войск отряда 6-го, 13-го и 21 июля

	6 июля. Поход из Андии				*13 июля. Выступление из Дарго*			
а) Пехоты:	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых
1-й б-н Литовского егерск. полка	1	12	60	22	9	52	19	332
1-й и 3-й б-ны Люблинского »	4	27	102	48	22	89	40	622

	6 июля. Поход из Андии				*13 июля. Выступление из Дарго*			
а) Пехоты:	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых
2-й б-н Замосцкого »	2	16	68	26	8	54	24	336
3-й б-н Апшеронского пех. »	1	15	46	22	8	33	19	412
3-й и 4-й б-ны Навагинского »	5	32	101	44	14	77	37	665
1-й и 2-й б-ны князя Чернышева	3	28	115	54	17	101	43	867
1-й б-ны и две роты Куринского полка	3	35	71	33	18	61	32	667
5-й саперный батальон	2	20	51	17	11	46	17	356
Три роты стрелков	1	12	35	7	10	29	5	206
Пешие грузины	1	22	91		21	85		776
ИТОГО	23	219	740	273	134	627	236	5230
Вне строя	Нестроевых при обозе							776
	Больных и раненых: штаб- и обер-офицеров							57
	Нижних чинов							1254
в) Кавалерии: казаки:								
Кавказские	1	2	8	—	1	8	—	108
Кубанские	3	10	10	—	10	10	—	130
Моздокские	3	8	8	—	6	7	—	92
Гребенские	2	6	7	—	7	7	—	54
Кизлярские	—	—	—	—	1	3	—	16
Милиция: Кабардинская и Дигорская	—	10	—	—	10	—		356
Эрпелинская	—	—	—	—	—	—		206
Осетинская	—	17	—	—	16	—		776
Грузинская	—	26	40	—	21	36		5230
ИТОГО	9	79	73	—	72	71		5230
Вне строя	Нестроевых при обозе							776
	Больных и раненых: штаб- и обер-офицеров							57
	Нижних чинов							1254

	6 июля.				13 июля. Выступление из Дарго			
с) Артиллерии:	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых
Горной № 1 батареи	—	2	3	—	2	3	—	28
№ 3 »	1	6	14	1	4	15	1	100
Легкой № 7 »	—	2	7	2	2	7	2	34
Горной № 4 »	1	6	10	1	5	7	1	98
Ракетн. № 1 »	—	2	3	—	1	1	—	3
ИТОГО	2	18	37	4	14	33	4	263
В запасных артиллерийск. парках:								
№ 14	—	4	17	2	3	16	2	172
№ 20	—	2	9	—	2	9	—	102
	—	6	26	2	5	25	2	274
Вне строя	Нестроевых при обозе 117 Больных и раненых: штаб- и обер-офицеров 3 Нижних чинов 16							

	21 июля. Возвращение на линию				
а) Пехоты:	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых
2-й б-н Замосцкого »	—	7	48	18	262
3-й б-н Апшеронского пех. »	2	23	76	38	554
3-й и 4-й б-ны Навагинского »	1	10	54	22	325
1-й и 2-й б-ны князя Чернышева	—	8	25	16	341
1-й б-ны и две рот. Куринского полка	2	25	87	40	828
5-й саперный батальон	2	14	69	41	490

	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых
Три роты стрелков	—	6	43	17	250
Пешие грузины	1	7	23	4	174
ИТОГО	10	18	476	224	3817
Вне строя	Нестроевых при обозе (Без грузин).				549
в) Кавалерии: казаки:					
Кавказские	—	1	6	—	80
Кубанские	—	3	9	—	70
Моздокские	2	4	8	—	41
Гребенские	1	3	4	—	44
Кизлярские	—	1	2	—	14
Милиция:					
Кабардинская и Дигорская	—	13	—	—	45
Эрпелинская	—	—	—	—	—
Осетинская	Сведения не доставлены				
Грузинская					
ИТОГО	3	25	29	—	294
Вне строя	Нестроевых при обозе				20
с) Артиллерии:					
Горной № 1 батареи	—	2	3	—	25
№ 3 »	1	4	15	1	104
Легкой № 7 »	—	2	7	2	33
Горной № 4 »	1	6	7	1	84
Ракетн. № 1 »	—	1	1	—	3
ИТОГО	2	15	33	4	249
В запасных артиллерийск. парках:					
№ 14	—	4	14	2	140
№ 20	—	1	8	—	75
ИТОГО	—	5	22	2	215
Вне строя	Нестроевых при обозе				105

Сверх того, в артиллерийских запасных № 14 и № 20 парках состояло:
Обер-офицеров — 5
Нижних чинов — 259

Примечание 1-е. С 6-го по 13 июля: а) Убито: генералов 3, штаб-офицеров 5, обер-офицеров 17, нижних чинов 506 (в пехоте 456, кавалерии 37, артиллерии 13). б) Без вести пропало: нижних чинов 129 (в пехоте 121, кавалерии 1, артиллерии 7). в) Ранено: штаб-офицеров 6, обер-офицеров 50, нижних чинов 1015 (в пехоте 929, кавалерии 60, артиллерии 26). г) Контужено: обер-офицеров 8, нижних чинов 188 (в пехоте 165, кавалерии 11, артиллерии 12). Убыль, какая была в штаб- и обер-офицерах, показана вообще от всех родов войск и также находившиеся при штабах главнокомандующего и отрядном.

Примечание 2-е. Небольшая часть раненых в делах 6 и 7 июля вместе с посланными за снарядами и продовольствием отправлены были из Дарго 10 июля в Темир-Хан-Шуру.

Примечание 3-е. С 13-го по 21 июля: а) убито: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 10, нижних чинов 295 (в пехоте 273, кавалерии 16, артиллерии 6). б) Без вести пропало: нижних чинов 48 (в пехоте 46 и артиллерии 2). в) Ранено: штаб-офицеров 12, обер-офицеров 43, нижних чинов 770 (в пехоте 694, кавалерии 40, артиллерии 36). г) контужено: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 7, нижних чинов 133 (в пехоте 113, кавалерии 14, артиллерии 6). Убыль штаб и обер-офицеров показана вообще от всех родов войск, а также находившиеся при штабах главнокомандующего и отрядном.

Примечание 4-е. Находившиеся в конвое при офицерах казаки с выступлением из Дарго, т. е. с 13 июля, частью поступили в строй. А 21 июля, т. е. из Герзель-аула, часть казаков отправлены были в командировки.

Примечание 5-е. За исключением убитых, раненых, без вести пропавших и больных с 13-го и по 21 июля числительное состояние войск отряда к 21 июля превосходит таковое же к 13 июля на 120 человек оттого, что с 13 июля раненые, находясь в строю, были ранены вторично и некоторые по три раза в разные числа. Строй же 21 июля состоял исключительно из одних здоровых воинских чинов, ибо тяжело раненные еще накануне помещены в Герзель-ауле в госпитале, а легко раненные, хотя и находились при своих командах, но вне строя.

ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФА КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА БЕНКЕНДОРФА О КАВКАЗСКОЙ ЛЕТНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1845 ГОДА

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845)

Настоящие воспоминания заключают в себе личные впечатления, вынесенные автором из участия его в экспедиции 1845 года графа Воронцова в Андию и Ичкерию, экспедиции – особо и исключительно интересной, один из отдельных кровавых эпизодов которой носил название «Сухарной оказии», или «Сухарницы».

С увольнением из Кавказа А. П. Ермолова, с 1826 года покорение Кавказа пошло по ложному пути вплоть до конца пятидесятых годов, когда наконец мы взялись за ум и при известном напряжении сил и целесообразных мероприятиях кончили эту продолжительную и дорого стоящую государству войну.

Особо напряженный и роковой для нас характер приняла борьба в период с 1839 по 1846 годы. Наши неудачи с 1840 по 1842 годы кончились катастрофой 1843 года в Дагестане.[157] В 1844 году войска на Кавказе были значительно усилены, но это мало помогло делу, ибо план действий — «кончить с Шамилем одним решительным ударом, в условиях нанесения его в центре могущества Шамиля, где и утвердиться, т. е. в Дарго», — совершенно не отвечал обстоятельствам, и честный Нейдгардт отказался от исполнения этого плана, составленного в Петербурге и предложенного к непременному исполнению. Нейдгардт был сменен, а исполнение плана было отложено на 1845 год и возложено на графа Воронцова. Опытный когда-то военачальник и тонкий дипломат, граф Воронцов к этому времени представлял просвещенного вельможу, скорее политика и администратора, но уже несколько отставшего от военного дела и совершенно незнакомого с особенными условиями ведения войны на Кавказе.

Еще с 1844 года войска на Кавказе были усилены 5-м пех. корпусом, но командир его генерал Лидерс, равно как и его штаб и сами войска корпуса, не были знакомы с особенностями ведения здесь войны, а опытные и знающие кавказские генералы не только не были спрошены, но бóльшей частью устранены от участия в главной экспедиции (кн. Аргутинский, Фрейтаг и др.).

Из опытных кавказцев назначены в экспедицию кн. Бебутов, Клюки фон Клюгенау, Пассек и Лабынцев, но первому в начале похода было поручено управление тылом и снабжение отряда, а малораспорядительный, хотя и храбрый, как шпага, Клюгенау и блестящий Пассек, молодой талантливый, честолюбивый и пылкий, а равно как и опытный и мастер своего дела Лабынцев – не могли возместить недостатка в знающих свое дело частных начальниках, тем более, что их держали во второстепенных ролях.

Граф Воронцов, сохранив штаб и свиту Нейдгардта, привез еще свой штаб и исключительно многочисленную свиту, что, в соединении со штабом Лидерса и группой именитой военной молодежи, направленной за лаврами из Петербурга, составило весьма значительную, небывалую для Кавказа по размерам группу лиц свиты и штабов, что непомерно увеличивало вьючный обоз, в ущерб подвижности и боеспособности отряда. Вообще на отряд силой около дивизии было слишком много начальства, свиты и штабов.

В состав войск Главного отряда вошли по два и по три батальона от Кавказских войск и от 5-го корпуса и части различных казачьих частей и разного вида милиций, что сообщило отряду столь вредную разнородность состава, а многочисленность свиты, штабов и обозов придала отряду невиданный на Кавказе характер, осужденный опытными и старыми кавказцами.

Опытные кавказские военачальники предсказывали полную неудачу (Фрейтаг, кн. Аргутинский, Лабынцев и др.), и сам Воронцов начал терять веру в успех похода, изготовленного целиком в Петербурге, без всякого соображения местных условий, но выполнение похода было условием его назначения, и тонкий дипломат Воронцов пишет графу Чернышеву[158] накануне выступления: «Если бы даже полученное мною приказание действовать в этом году наступательно, прежде, чем вновь приняться за устройство передовой Чеченской линии, было противно моему мнению, как не согласны с ним все здешние генералы, то я все же исполнил бы его с тем же рвением, но я откровенно говорю здесь всем, что это также и мое мнение (т. е. я согласен с «пославшими меня»), что неблагоразумно избегать встречи с Шамилем и возможности нанести ему вред, что устроит наши дела лучше всего. Если Богу неугодно будет благословить нас успехом, мы все-таки сделаем наш долг, не будем виноваты (умываем руки!) и обратимся к методической системе».*

После этого дипломатического обращения к военному министру, в котором граф Воронцов, видимо, не веря в успех, все-таки ведет отряд в экспедицию и заранее умывает себе руки, прикрываясь исполнительностью, он дней пять спустя вновь обращается к графу Чернышеву: «Повергните меня к стопам Его Величества, я не смею и надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность».**

* Письмо Воронцова графу Чернышеву, от 25 мая 1845 г., из Внезапной (Кавк. сборн., том VI, с. 281).

** Письмо Воронцова графу Чернышеву, от 30 мая, из Внезапной (там же, с. 288).

В походе приняли участие значительное число известных тогда и впоследствии лиц, из коих многие остались здесь на месте или были ранены даже несколько раз, некоторые сложили свои головы на Кавказе позднее, некоторые прославились потом на Кавказе или в Империи, а потому, полагаем, есть известный интерес перечислить их, указав убитых и раненых в этом походе. При графе Воронцове в свите состояли: принц Александр Гессенский (брат цесаревны Марии Александровны[159]), при нем полковник Самсонов,[160] князь Ф. И. Паскевич (сын фельдмаршала), при нем капитан Бекленишев[161] (здесь ранен); сын графа Воронцова Семен, граф Александр Сергеевич Строганов, князь Александр Голицын, князь Эмилий Витгенштейн, князь Ираклий Грузинский, барон Александр Павлович Николаи (впоследствии заведующий гражд. частью управл. наместника и министр народного просвещения), князь Ал. Ив. Гагарин (убит в Кутаиси, будучи военным губернатором), генералы Викторов и Фок (оба здесь убиты), Минквиц,[162] Мих. Павл. Щербинин,[163] поручик Иедлинский (тогда еще австрийской службы, здесь ранен, известный впоследствии на Кавказе остряк и каламбурист), флигель-адъютант Сколков; адъютанты графа Воронцова и офицеры для поручений: поручики Лонгинов (здесь убит), Глебов (ранен, а в 1847 г. убит под Салтами), князь Сергей Илларионович Васильчиков (ранен), князь М. А. Дондуков-Корсаков (ранен), барон Шеппинг (ранен, а потом убит), Альбрант (ранен), Дружинин,[164] юнкер граф Чапский, юнкер князь Яшвиль[165] (впоследствии командир л.-гв. Гусарского полка), барон Врангель, князь Михаил Лобанов-Ростовский,[166] князь Трубецкой,[167] Веревкин,[168] князь Ревас Андронников,[169] подполковник Качени[170] (ранен), ротмистр Лазебников[171] (ранен), штабс-капитан фон Кауфман[172] (ранен).

Из офицеров Генерального штаба, помимо начальника штаба отряда Владимира Иосифовича Гурко (отец фельдмаршала), отметим: полковника Мильковского, барона Ипполита Вревского (убит в 1858 г.), Ковалевского (убит при штурме Карса в 1854 г.),[173] подполковника Левиссона (убит здесь), Корсакова (убит здесь), Козлянинова (ранен), барона Дельвига (ранен), графа Гейдена (ранен), впоследствии нач. Главного штаба, Леонтьева (ранен),[174] Артура Адамовича Непокойчицкого (впоследствии нач. шт. действующей в 1877 г. на Дунае армии), Мих. Иван. Дарагана[175] и капитана Прушановского (тяжело здесь раненного).

Из строевых офицеров, помимо генералов-героев этого похода – Пассека (здесь убитого) и Лабынцева, отметим генералов Козлянинова[176] (нач. артиллерии), Безобразова и Белявского (раненого) и блестящих офицеров: Познанского, Ранжевского, Завальевского и командира навагинцев Бибикова (все четверо здесь убиты), капитана Николая Петровича Колюбакина (раненого, впоследствии кутаисского губернатора), князя Александра Ивановича Барятинского (раненого, будущего фельдмаршала), юнкера Кабардинского полка, здесь произведенного в прапорщики, князя Дмитрия Святополк-Мирского, командира Кабардинского полка, известного героя Викентия Михайловича Козловского (раненого), полковника Сервирога (убитого здесь), графа Стейнбока (тяжело

ранен и умер в конце похода, старый доблестный кавказец), Корнилова (двоюродный брат севастопольского героя, тяжело ранен и тут же умер), Любл. полка подполковника Кривошеева (убит), майора Ритца (убит),[177] подполковника Авдеева[178] (ранен), полковника Витовского (ран.), подполковника Левашева[179] (ран.), подполковника Синюхаева (ран.),[180] полковника Меллер-Закомельского (ранен), майора Семенова[181] и полковника Степанова (оба ранены), поручика Лаппы[182] (ранен) и мн. др.

Во главе милиции мы видим здесь героев: князя Илью Димитриевича Орбелиани (убитого в 1854 г. во главе командуемого им Грузинского гренадерского полка),[183] князя Левана Меликова (впоследствии помощник наместника) и князя Александра Эристова[184] (раненного здесь одновременно с автором воспоминаний), Захария Эристова и др.

Из адъютантов и ординарцев Лидерса назовем: ротмистра графа де Бальмена (известного художника, скорее превосходного рисовальщика), юнкера Башилова (оба здесь убиты в один день) и юнкера Аммосова (ранен в щеку), гвард. пор. Гербеля (ранен),[185] ротмистра Кованько (убит), капитана Ключарева (адъютант Клюгенау — убит), шт.-кап. Савича (убит), поручика фон Блюма[186] (ранен); затем адъютанта Пассека ротм. кирас. Ее Велич. полка Ольховского (также здесь убитого); таким образом, только из последних названных здесь лиц шестеро убиты, а остальные все переранены.

Автор воспоминаний происходил из древней лифляндской рыцарской фамилии. Отец его — Константин Христофорович*[187] был известный боевой деятель эпохи 1812—1815 гг. и, служа все это время в летучих и партизанских отрядах, прошел отличную боевую школу, командуя в 1813 и 1814 гг. самостоятельно отдельными летучими отрядами.** В двадцатых годах прошлого столетия он был посланником в Штутгарте, но в предвидении войны с Персией в 1825 г., он, страстно любя военное дело, снова надел мундир, поехал на Кавказ и принял живое участие в персидской кампании 1826—1927 гг., с выдающимся отличием командуя у Паскевича авангардом, получив здесь, в числе прочих наград, звание генерал-адъютанта.

Соединяя с боевыми заслугами прекрасное образование, Константин Христофорович был известен в литературе рядом трудов, так, в «Северной Пчеле» печатались «Письма из Персии», заключающие в себе извлечения из его весьма интересных писем с театра войны («Пребывание Аббасса мирзы в русском лагере» и др. очерки); также известен его труд «О казаках и службе вообще легких войск», изданный на французском языке. По окончании войны К. Х. Бенкендорф сделался жертвой нездорового климата театра войны и, больной, покинул Кавказ, оставив по себе память «рыцаря без страха и упрека». С началом турецкой войны, 1828—1829 гг., еще не оправившийся от болезни, он по-

* Родной брат известного шефа жандармов Александра Христофоровича.

** В 1813 г., при преследовании французов после Лейпцига, Бенкендорф первым занял своим отрядом г. Амстердам и восстановил династию Оранского дома.

ехал вновь в армию, на Дунай и в Болгарию, и здесь, командуя летучим отрядом, проник на Балканы, в тыл турецкой армии, и 7 июня занял Праводы, захватив богатую добычу, но это был уже последний его подвиг, и в августе болезнь свела его в могилу на 44-м году всего жизни.

В 1832 году брат покойного Александр[188] (шеф жандармов) был возведен в графское достоинство, но, по неимению им детей мужского поколения, достоинство это Высочайше повелено перенести на сына его умершего брата Константина, т. е. на автора настоящих воспоминаний.

Автор воспоминаний Константин Константинович, окончив Пажеский корпус, вышел в л.-гв. Конный полк, был затем адъютантом военного министра, но, несмотря на блестящее положение в обществе и связи, обеспечивавшие ему военно-придворную карьеру, на жизнь в столице и на глазах у Государя, предпочел, подобно своему отцу, лишения и опасности «погибельного Кавказа». Добившись назначения в кавказский корпус, Константин Константинович прошел здесь отличную боевую школу под руководством таких выдающихся боевых деятелей, как незабвенный Алексей Александрович Вельяминов и доблестный Роберт Карлович Фрейтаг, и руководство подобных знатоков военного дела оставило в нем неизгладимые следы истинного его понимания.

Всей душой Бенкендорф пристрастился к славным кавказским войскам и к кавказской боевой и походной службе и жизни тридцатых и сороковых годов, этого поистине «героического периода войны» жизни, полной лишений, трудов, опасностей и своеобразной поэзии. В этих непрестанных походах, то на Кубани, то в Черкесии, то в Чечне или Дагестане, Бенкендорф, воин крови и по призванию, оценил кавказские войска и всем сердцем привязался к кавказскому солдату, к которому до последних дней своей жизни сохранил особое глубокое поклонение, обожание и сердечную привязанность. «Чудные войска, которыми, кажется, никогда достаточно не нахвалишься», — говорит он в своих воспоминаниях. В 1839 году он сделан флигель-адъютантом, но, побывав в Петербурге, продолжал свою боевую службу на Кавказе, участвуя в экспедициях вплоть до рокового для него Даргинского похода 1845 года, вынудившего его, за потерей здоровья от неслыханных лишений и за тяжкими многими ранами, полученными в этой экспедиции, и сохранив жизнь только каким-то чудом, прежде всего заняться основательным лечением, а затем навсегда оставить боевую службу в строю. Страдания от тяжких ран не оставили его до конца жизни. Не владея свободно левой рукой и особенно страдая от шашечных ран, Бенкендорф продолжал службу по военно-дипломатической части, был некоторое время нашим военным агентом в Берлине, затем женился и в тех же военно-дипломатических обязанностях участвовал в венгерской кампании 1849 г. и восточной 1853—1855 гг., состоя при армии. В 1855 г. Бенкендорф получает звание генерал-адъютанта, а три года спустя, в 1858 г. — те же раны свели его в могилу.

Настоящие мемуары были изданы в Париже князем Григорием Гагариным[189] на французском языке, в весьма ограниченном числе экземпляров, и составляют библиографическую редкость; по свойственной ему скромности, покойный не предназначал их большой публике, а только кружку близких, но, полагаем, что 70 лет спустя грешно держать их под спудом, так как они имеют историческое значение.

Среди своих начальников и подчиненных, равно среди начальников, друзей и приятелей, граф К. К. Бенкендорф оставил, подобно своему отцу, память человека «без страха и упрека» и, одновременно, человека мыслящего и чрезвычайно скромного.

Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, участник той же экспедиции, часто в течение ее встречаясь с Бенкендорфом, много раз вспоминает его в своих записках и, мало кого щадя в них, отзывается о нем всегда с особым уважением и теплотой.

«Граф Бенкендорф рыцарски благородная личность, столь ценимая Воронцовым, которую никто из знавших его близко никогда не забудет», — говорит о нем Дондуков, рассказывая случай, когда Бенкендорф вел в атаку отряд при движении к Герзель-аулу, где он и был тяжело ранен.*

Обладая большой наблюдательностью и сосредоточивая свои наблюдения на существенных сторонах войны, нашего положения в крае, отношения к туземцам, особенностях ведения здесь войны и бытовой стороны армии и на качествах русского солдата на Кавказе, Бенкендорф дает превосходную всему этому характеристику, а равно и весьма ценный очерк этой бедственной и бесцельной экспедиции и меткую и правдивую оценку событий и лиц, много посвятив характеристике нашего несравненного кавказского солдата того времени.

Справедливо воздав должное огромному значению А. А. Вельяминова, как, поистине, творца системы, приемов и способов ведения здесь войны, Бенкендорф превосходно обрисовывает и самую личность этого первоклассного кавказского военного деятеля, которого он ставит выше Алексея Петровича Ермолова.

Интересной вереницей проходят здесь перед нами характеристики участников экспедиции, и прежде всего величественная фигура графа Воронцова, точного исполнителя навязанного ему из Петербурга плана экспедиции и очутившегося с первых шагов своей деятельности на Кавказе в редко трудном положении даже для полной всяких кризисов и ужасов кавказской войны и, тем не менее, внушившего войскам своим олимпийским величием, выдержкой, неизменным спокойствием и редким холодным мужеством в минуты кризисов экспедиции — доверие и глубокое уважение.

* Старина и Новизна. Т. VI. Воспом. кн. Дондукова-Корсакова, с. 137.

Очень интересна также характеристика героя многих славных дел и, особенно, всех арьергардных дел этой экспедиции (труднейших и опаснейших на Кавказе), большого мастера руководить трудным делом отступления арьергарда, типичного боевого служаки и старого ворчуна, когда-то командира Кабардинского полка, генерала Ивана Михайловича Лабынцева, этого «Нея Кавказской армии», по словам Бенкендорфа, затем богато во всех отношениях одаренного, пламенного, отважного и непомерно честолюбивого Пассека, знающего, храброго, но «страшного», по словам Бенкендорфа, «фрондера» Ковалевского и многих других интересных боевых деятелей того времени, блиставших геройством, яркими талантами и представлявших интересные типы, которые вырабатывала эта продолжительная, своеобразная война, полная тяжелых лишений, вечной опасности, сильных ощущений и одновременно своеобразной прелести походной жизни на лоне дикой и величественной природы.

Из описания эпизодов экспедиции превосходно изложено у Бенкендорфа пребывание отряда Пассека на Холодной горе и положение вообще раненых на последнем до освобождения Фрейтагом биваке отряда у Шаухал-Берды.*

При правильном отношении к событиям и правдивости изложения записки графа Бенкендорфа, наравне с воспоминаниями князя Дондукова-Корсакова, барона Николаи, Геймана, барона Дельвига, Нечаева[190] и Горчакова,[191] имеют большую ценность для исследования этой высокоинтересной, полной драматических эпизодов и беспримерной по стойкости и благородному мужеству кавказских войск — экспедиции в Дарго в 1845 году.

Б. Колюбакин

Предисловие парижского издателя (1858 г.)

(Составлено князем Григорием Григорьевичем Гагариным, известным художником, впоследствии вице-президентом Академии художеств, бывшим личным другом автора воспоминаний)

Летом 1845 года граф Бенкендорф, весь покрытый тяжелыми ранами, приехал в Париж лечиться и для необходимого отдыха. Во время своего выздоровления, на досуге, под свежим впечатлением пережитых событий, он принялся писать свои воспоминания о походе, из которого он спасся каким-то чудом.

* До чего были велики потери отряда в офицерах, свидетельствуют цифры: всего выбыло из строя за три недели экспедиции 189 штаб- и обер-офицеров, из коих убито 37, а из числа 119 раненых большинство тяжело и по нескольку раз, и, уже конечно, остались калеками на весь остаток своей жизни.

Как человеку высокопорядочному и военному до мозга костей, более всего претило ему говорить о себе самом, а тем более рассказывать о своих подвигах. Набрасывая эти заметки, он не имел ни малейшего намерения сделать их достоянием печати; еще едва оправившись от ран, он назначил себе известный срок, чтобы дать время остыть свежим впечатлениям, которые не могли бы не потускнеть перед новейшими событиями.

Воспоминания эти он писал исключительно для себя и для своих, а если и давал их читать кому-либо из близких друзей, то делал это крайне редко и с большим разбором. Теперь, когда жестокая и преждевременная смерть отняла его у нас и когда главные действующие лица этой кавказской драмы вычеркнуты из списка живых, мы считаем своим долгом воздать дань уважения его светлой памяти, ознакомив общество с этой благородной личностью во всей простоте его открытого и прямого характера.

Мы постараемся сохранить доказательства глубокой любви покойного к родине, к Кавказу и к военной службе. В этих воспоминаниях мы увидим, с каким беспристрастием и добротой он относился к людям, с которыми ему приходилось сталкиваться, и как чувство долга всегда одерживало в нем верх над всеми остальными чувствами, нередко подвигая его на крайние подвиги.

Личные воспоминания графа К. К. Бенкендорфа

Я вовсе не намерен писать историю военных действий на Кавказе в лето 1845 года. Я просто хочу восстановить в памяти самому себе и моим друзьям мое скромное участие в походе в качестве командира батальона. В этих воспоминаниях я отдохну душой, они перенесут меня в эпоху моей жизни, полную молодости и сил, они напомнят мне любимый край, воскресят былые сны и наиболее мне дорогие симпатии. Тем не менее, я не могу начать свое повествование, не сказав о времени, к которому оно относится, и о тех причинах высшего порядка, которые породили главнейшие события.

Могущество Шамиля странным образом возросло со времени взятия Ахульго — кровавой катастрофы, которая только очень ненадолго задержала развитие этого могущества.*

Восстание в Чечне, неудачные экспедиции генерала Граббе в 1842 году, смерть Ахмет-хана Мехтулинского, последнего опасного (для Шамиля и его учения) представителя монархических начал в Дагестане, падение в 1843 году наших фортов в Аварии, восстание в Аварии и в Акуше, заво-

* Остается неясным, в каком смысле и для кого событие 1839 г. признается автором катастрофой. Для нас это все же была победа, хотя и бесплодная и стоившая нам много крови и громадных лишений, т. е. победа кровавая, но которой мы не умели воспользоваться. — *Б. К.*

евание шамхальства, бездействие наших войск в Темир-Хан-Шуре, отложение Даниэль-бека, султана Елисуйского, единственного туземного вождя, имевшего какое-либо личное значение, который до этого времени оставался нам верен, нелепая военная прогулка 1844 года,* — все эти события в глазах туземцев, равно как и в наших, являлись победами Шамиля.

Наше дело было проиграно, и мы стыдились своего бессилия. Все желали, надеялись и с нетерпением ожидали события, которое изменило бы это печальное настроение умов.

Эти надежды и желания были, наконец, удовлетворены известием о назначении графа Михаила Семеновича Воронцова главнокомандующим Кавказской армиею. Это назначение было встречено с единодушным восторгом не только на Кавказе, где уже давно ждали своего освободителя, но и во всех остальных частях обширной империи, где имя графа Воронцова стояло очень высоко в общественном мнении. Имя, связанное со славной и блестящей эпохой войн 1812—1815 годов, было всегда дорого России.[192]

Обладая в высшей степени всеми качествами, всеми данными для того, чтобы покорять сердца или просто нравиться, перечислить которые отняло бы у нас много времени и которые к тому же всем хорошо известны, граф Михаил Семенович соединял с ними еще и те, которые в России подкупают все симпатии и всегда пленяют — я хочу сказать о внешности графа. Красавец в свои 65 лет, высокого роста, с прекрасными и изысканными манерами, граф прежде всего был большой барин, качество тем более почтенное, что оно со дня на день становится все более и более редким. Это качество свойственно старому поколению, которое и унесет его с собой в могилу. Сыновья, люди с громкими именами, подчас и с большим состоянием, но это не бары.

Граф Михаил Семенович, кроме того, владел большим состоянием и всегда был очень щедр по отношению своих окружающих. Человек совершенно независимого характера, и как ходили слухи, граф был в больших контрах с правительством — обстоятельство, достаточное у нас в России для приобретения популярности. Говорят, что Государь в этом отношении подчинился обстоятельствам; интересно было бы знать, каких усилий стоило ему сложить с себя часть власти, чтобы облечь ею своего подданного, к которому, как указывала молва, он далеко не был расположен.

---

* Граф Бенкендорф, видимо, повторяет здесь оценку похода 1844 г., сделанную в Петербурге, так как эта «нелепая прогулка» составляла уклонение от указания из Петербурга о способе действия. А между тем виновник «прогулки» ген.-адъютант Нейдгардт поступил прямодушнее графа Воронцова в 1845 г., не предприняв этого бесцельного и погибельного Даргинского похода, за исполнение которого, даже не веря в его успех, взялся граф Воронцов. Ныне, владея официальными первоисточниками и при богатстве мемуаров, все эти затеи 1845 и 1844 гг. получают, наконец, правильное освещение. — *Б. К.*

Это последнее обстоятельство, мне кажется, много способствовало тем овациям, какими встретили графа Михаила Семеновича Москва и Петербург. Правда, эти овации были заслужены: они относились к той великой жертве, которую граф Михаил Семенович принес, поступившись своим славным отдыхом тогда, когда, казалось, он достиг венца своей карьеры, столь богатой великими событиями и ознаменованной добрыми делами.

В самом деле, по первому призыву своего Государя, он все бросает для новых трудов, чуждый всякой задней мысли, единственно повинуясь чувству долга и своей совести, которые повелевают ему поработать еще для общего блага и славы русского оружия. Это был призыв к чувству чести дворянина, и граф Воронцов не задумался откликнуться на него.

Государь собственноручным письмом предложил ему принять звание главнокомандующего Кавказской армией[193] и наместника, но предложение это оставалось для всех тайной. Курьер, с которым оно было послано, приехал в Алупкинский дворец ночью; графа разбудили, и он немедленно продиктовал свой ответ, а час спустя курьер уже мчался обратно в Петербург.

На Кавказе, как мною уже упомянуто, известие об этом назначении произвело огромное впечатление; войска с восторгом приветствовали героя Краона и участника многих сражений; старые грузины — того, кто еще молодым офицером сражался в их рядах в славные победные времена князя Цицианова.

Для торговли и промышленности, казалось, наступила новая эра при тех новых условиях, которые должны были вскоре водвориться в Новороссии и Закавказских губерниях. Русские кавказцы рассчитывали освободиться от непосредственной зависимости от Петербурга, служившей для них предметом постоянных жалоб и создававшей им положение, которое так мало согласовалось с их фрондерским складом ума, с их либеральными идеями, с их стремлениями к самостоятельности и оппозиционным отношением ко всему тому, что не исходило от них самих.*

Такой склад ума (дух) особенно сильно обозначается в этом крае, и мне кажется, что его порождает сама природа; он впитывается вместе с воздухом этой дикой и величественной природы.

Мусульманские народности Кавказа не могли не знать, что граф Воронцов неоднократно выступал защитником и покровителем их братьев — крымских татар.

---

* Если речь идет по вопросу скорейшего покорения Кавказа и установления правильных отношений к мирным и немирным туземцам, то русские кавказцы были совершенно правы, ибо все петербургские указания и планы совершенно не отвечали свойствам Кавказа и его обитателей и к этой независимости стремились решительно все наместники, начиная с Ермолова. — *Б. К.*

Известие о назначении графа Воронцова привело противника в смущение, и он с любопытством ожидал появления нового начальника, которым только и были заняты всегда осведомленные новостями базарные слухи городов, аулов и станиц. Наконец, все, а в особенности низшие классы населения, приветствовали в Воронцове идола азиатских народов и человека, соединявшего с громадным богатством еще и всемогущество.

Я хочу еще остановиться на той резкой разнице, которая существовала между впечатлением, произведенным назначением графа Воронцова на умы населения России и Кавказа, и на различии тех чувств, с которым это назначение было встречено в обеих странах. В России на назначение графа смотрели как на окончание этой непопулярной войны, дабы обновить (regenerer) край, от которого уже с давних пор требовали вознаграждения за принесенные для него жертвы. В Азии же, за небольшим лишь исключением, русские кавказцы, равно богатые и бедные, видели в Воронцове освободителя.

Один надеялся при его помощи составить себе состояние, другой — карьеру, третий — заручиться известным влиянием в делах, или, по крайней мере, хотя бы намеком на подобное влияние, что служило бы ему средством для достижения первых двух благ.

Понятия об общественном благосостоянии и общественной пользе, даже в самом узком значении слова, еще не перешли ни за Терек, ни за Кубань, и было бы совершенно напрасно искать равнозначащего выражения на татарском, грузинском и даже армянском языках.

Отъезд графа Воронцова из Одессы был триумфом для его прошлого, его приезд на Кавказ и в особенности в Тифлис — триумфом настоящего и надеждой на триумф будущего.

Граф проехал по всему восточному прибрежью Черного моря, осмотрев несколько главных приморских пунктов, проехал через Мингрелию и Имеретию и 22 марта прибыл в свою новую столицу. Я имел честь сопутствовать графу в эти края, которые я уже знал и которые я с удовольствием видел вновь, так как их созерцание было мне первым отвлечением от впечатлений тягостной потери, которой Господу Богу угодно было меня испытать. Не буду останавливаться на этих подробностях, чтобы скорее перейти к началу кампании.

Энтузиазм к новому начальнику был безграничный: никогда еще население Тифлиса не видело в представителе всемогущего сардаря более ласкового приема, ни большей доброты и мягкости в соединении с таким величием. Таково было впечатление на массы. У лиц же, окружающих графа, к этому общему впечатлению присоединилось еще и удивление и некоторое смущение, так как новый начальник не походил ни на одного из своих предшественников. Строились всевозможные догадки, старались его поймать на чем-нибудь, испытывали, но он не подда-

вался никакому объяснению и оставался неуязвим. Своей непроницаемостью в этой стране интриг граф Воронцов приводил в отчаяние самых бывалых и продувных. От Воронцова уходили с убеждением, что он остается загадкой, тайной; «он нас всех проведет» — передавали друг другу на ухо. Блистательное доказательство превосходства ума графа! Воображение азиатов было поражено, и всеми овладело чувство страха. Вообще страх являлся здесь чем-то новым, так как на Кавказе, уже с давних пор, не боялись ничего и никого, так слабо было здесь правительство.*

В этот первый свой приезд граф Воронцов оставался в Тифлисе всего месяц. Время открытия кампании приближалось, и для Петербурга в кавказском вопросе военные действия представляли главный интерес. Вследствие этого в возможной степени были собраны войска и произведены гигантские приготовления, дотоле неизвестные.

Никогда еще не находилось в сборе такого числа отдельных отрядов для одновременного действия на самых противоположных пунктах обширной операционной базы и на этот последний план действий кавказские стратеги возлагали самые блестящие надежды (!?).** Никогда еще отряды эти не имели такой численности, особенно же главный отряд, при котором должен был находиться сам главнокомандующий — это была целая армия.***

Эти обширные замыслы созрели в Петербурге; там зародилась идея этого похода (кончить все одним решительным ударом), порученного графу Воронцову и предназначенного служить дополнением (развитием) похода, не состоявшегося в прошлом 1844 году. На Кавказе, противно петербургским воззрениям, не видели надобность этого похода и не верили в блестящее его окончание.

---

* То есть после Ермолова, бывшего грозою всем непокорным, непослушным и ленивым; и удаление Ермолова из Кавказа нанесло громадный ущерб утверждению нашей здесь государственности и успеху покорения Кавказа, и много еще прошло времени, пока, наконец, мы взялись за ум. — *Б. К.*

** Это не вполне справедливо. И здесь, как увидим сейчас же далее, Бенкендорф себе в некоторой степени противоречит: это петербургские стратеги возлагали блестящие надежды, но не кавказские, которые, как это теперь доподлинно известно, подвергли проекты похода 1844 и 1845 годов большой критике, а наиболее авторитетные подавали записки (кн. Аргутинский) и откровенно высказывались Воронцову (Фрейтаг) или просто фрондировали (Лабынцев, Ковалевский и др.).

*** По свидетельству другого участника, князя Дондукова-Корсакова, называвшего главный отряд армией Ксеркса, организация, состав и численность главного отряда подверглись на Кавказе большому осуждению, особенно свита графа Воронцова и штабы его и Лидерса, что непомерно увеличило вьючный обоз, составлявший всегда слабую сторону горных экспедиций. Во всем остальном Бенкендорф прав, так что его следует причислить к кавказцам, здраво смотревшим на дело, и он только, по свойственной ему скромности, мало подчеркивает свое понимание условий успеха войны и экспедиции 1845 года.

Если в столице находили, что нужно было энергично вести войну и все кончить силой оружия,* то на Кавказе, наоборот, с этим не соглашались и не строили себе никаких иллюзий в успехе похода. Впрочем, все были того мнения, что нужно было поднять славу нашего оружия и предпринять что-либо значительное; полагали, что взятие Тилитля, центра неприятельского господства на юге, и занятие Анди, страны до сих пор для нас неизвестной, о которой рассказывались чудеса, даст нам огромные преимущества. Было известно, что Анди недовольна режимом Шамиля, что жители желали нашего прихода, даже требовали его; мы же ласкали себя надеждой, что отложение андийцев повлечет за собой отложение от Шамиля и других народов Дагестана, привыкших всегда следовать примеру Анди. Это предположение казалось тем более обоснованным, что все народности Чечни и Дагестана одинаково испытывали тягость владычества Шамиля и что давно уже ничто это владычество не одушевляло. Начать с того, что религиозный фанатизм привел в Дагестане все к одному и тому же уровню, заменяя собой власть, как монархическую, так и демократическую, бывшую доселе исключительно в руках духовенства; воплотившись в Шамиле, от которого исходило все могущество, фанатизм этот, породивший священную войну, давным-давно погас, остановленный в своем порыве секирой этого человека, сделавшегося представителем державы скорее политической, чем религиозной.

С потерей Дагестана Шамиль терял половину своего могущества и у него оставалась только Чечня. Принимая в соображение, что при помощи горцев он держал в страхе жителей равнин и лесов и, наоборот, легко оценить все значение удара, который мы собирались ему нанести.**

В то время между нами не было пророков, и никто из нас не предугадал той степени силы, которую проявил Шамиль.***

Когда Шамиль лишился Андии, по невозможности ее обороны, то он сделал то самое, что сделала наша первопрестольная столица, воодушевленная благородным патриотизмом. По его приказанию, прежде чем ее покинуть, мюриды сожгли и опустошили всю долину и силой угнали жителей, которые, изнемогая под тяжестью и бедствий и лише-

---

* Главное — одним ударом, в один поход, что и составляло главную ошибку этого плана, ибо Кавказская война требовала системы и основательной и продолжительной подготовки, равно и наступления со стороны Чечни и никоим образом не со стороны Дагестана. — *Б. К.*

** Бедный средствами для жизни Дагестан имел меньшее значение, чем Чечня, служившая ему источником средств, т. е. базой для ведения войны, и 14 лет спустя только занятие нами Чечни решило судьбу кампании. — *Б. К.*

*** Т. е. из лиц, окружавших графа Воронцова, но вне этого круга пророков было много, начиная с генералов — Фрейтага, князя Аргутинского, Бебутова, Лабынцева, Ковалевского и кончая другими, игравшими скромную сравнительно роль. — *Б. К.*

ний, уже не могли распорядиться своей судьбой, несмотря на присутствие нескольких тысяч русских штыков, пришедших на их освобождение. Но так как мы не предусматривали подобной системы обороны, то успех похода казался возможным и даже вероятным.* Старые кавказцы вообще безмолвствовали, удерживаясь от критики предстоящего, но вторую половину похода, долженствовавшую разыграться на театре Ичкерии (т. е. уже в Чечне), они даже одобряли;** те же, кто предчувствовал неудачи, таили эти предчувствия про себя, не высказывались и подчинялись общему увлечению, и все вообще только и думали о том, как бы только сражаться под знаменами графа Воронцова.

Я имел честь сопровождать главнокомандующего в его поезде от Тифлиса до Владикавказа, вдоль реки Сунжи и частью по линии Терека до Кизляра и в Темир-Хан-Шуру. Эта поездка заканчивалась укреплением Таш-Кичу — предварительным сборным пунктом для чинов главной квартиры графа Воронцова. Эти восемь дней пребывания в Таш-Кичу я провёл в кружке жуиров. Я помещался в татарском ауле.

Миша Лобанов и я поместились в сакле нашего кунака, некоего Нуцала, молочного брата князя Хасаева.*** Я не имел никаких определенных занятий у графа Воронцова и был бы крайне недоволен иметь таковые, что включило бы меня в состав штаба на всю кампанию. В походе я всегда избегал больших и малых штабов, и мне всегда удавалось остаться в строю, а чаще всего получать командование отдельной частью.

Свою службу на Кавказе я начал в 10-й роте Кабардинского егерского полка, в том самом полку, в котором, в Грузии, на берегах Алазани, в 1804 году начал свою военную службу покойный дядя мой, граф Александр Бенкендорф. Продолжал я свою службу в Черноморском казачьем полку. В 1836 году покойный генерал Вельяминов, по рекомендации адъютанта военного министра барона Павла Вревского,[194] поручил мне командование казачьей полусотней отборной конницы, которая составляла резерв горского (из черкес) эскадрона, принявшего деятельное участие в осенней экспедиции в окрестностях Анапы.

В 1842 году военный министр граф Чернышев, которого я имел честь сопровождать в его интересной поездке по Кавказу,[195] прежде чем вернуться в Петербург, предоставил меня в распоряжение полковника Фрейтага. Этому выдающемуся офицеру, ныне (в 1856 г.) генерал-лей-

* Едва ли даже при этих условиях и не придает ли Бенкендорф слишком большое значение покорению Андии, ведь вопрос в том, могли ли бы мы потом удержаться в Андии. — *Б. К.*

** Бенкендорф их не называет. — *Б. К.*

*** Кумыкского князя, равно как и аул Таш-Кичу Кумыкский: кумыки, которых, по местным условиям, мы могли прикрывать, крепко нас держались. — *Б. К.*

тенанту, было поручено занять расположение бывшего аула Ойсунгур, возвести здесь укрепление и оборонять так называемую Кумыкскую плоскость. Он предоставил мне командование кавалериею своего отряда в составе Донского казачьего полка и сотни линейцев; это было блистательно для начала.

В описываемую мною эпоху, в 1845 году, граф Воронцов, по моей просьбе, поручил мне командование батальоном и совершенно случайно я получил 1-й батальон Куринского егерского полка, одного из лучших полков Кавказской армии. Это обстоятельство привело меня в восторг тем более, что в 1842 году я прослужил в полку 5 месяцев подряд и у меня установились с чинами полка дружеские отношения; даже у нижних чинов я оставил хорошую память, так как однажды, когда карабинерная рота полка, неудачно заведя дело и очутившись далеко от какой-либо поддержки, со всех сторон была окружена противником и я уже почти погибал под ударами чеченцев, тогда мои казаки, по счастью, вовремя явились на выручку роты. На войне же войска особенно ценят такие дружеские услуги; солдат же никогда не стыдится сознаться, что его выручили.

Когда я приехал в Андреево и принял свою должность, все, кто служил в это время в батальоне, встретили меня с теми особыми дружескими восклицаниями, которые в русской армии заключают в себе нечто трогательное и устанавливают какое-то особое сыновнее отношение части к своему командиру.*

В общем, я нашел перед ротами хороших командиров. Первой карабинерной ротой командовал капитан Пассьет, человек еще молодой, кроткий и скромный, краснеющий, как молодая девушка, но могучий как лев, когда нужно было нанести удар. Его рвение и разум издавна приучили его ко всем требованиям Кавказской войны и приобрели ему все необходимые качества: неустанную бдительность, способность предугадывать опасность, быстро принимать решения, энергию исполнения дела и всегда холодное и спокойное мужество.**

Для пехоты эта война заключается большей частью в поддерживании ружейного огня, т. е. в перестрелке на более или менее близких расстояниях. Эта перестрелка ведется на марше или на месте, будучи более или менее тревожима противником, который пользуется малейшей оплошностью, особенно же минутами каких-либо замешательств. Служба

* Очень характерное впечатление и наблюдение отношений, присущих старой Кавказской армии, в чем и была ее сила. Может быть, что встреча эта, с точки зрения преобладающих тогда у нас в России воззрений, и показалась бы странной, но на Кавказе форма вообще мало значила, готовились не к смотрам, а к смертному бою, и потому духовная сторона стояла на первом плане. — *Б. К.*

** Превосходная оценка качеств боевого офицера.

пехотного офицера в бою преследует одновременно две задачи: одна заключает в себе обязанности по отношению своего прикрываемого отряда, когда, попросту говоря, необходимо стоять стеной, грудью, принимая на себя неприятельский огонь и ограждая от него прикрываемые и сзади расположенные части; другая задача — обязанности по отношению чинов непосредственно вверенной офицеру части, когда долг человека и офицера обязывает его оберегать эту часть и, по всей возможности, беречь жизнь солдата.

В соображении и исполнении этих задач и заключается обыкновенно служба пехотного офицера в бою.

Как! — скажут мне — Но ведь приходится зачастую идти в штыки, предпринимать наступления, брать неприятельские позиции, наконец, — атаковать!

Да, конечно, и это случается, но в серии наиболее действительных трудов подобной войны эти обстоятельства представляют явления наиболее краткие, наиболее занимательные и веселые и наиболее легкие. К тому же здесь стимул победы действует менее чем где-либо, и на Кавказе скоро проходит увлечение блеском атаки, когда наличный опыт убеждает, что последствия подобной атаки никогда не дают никаких реальных результатов.

Держаться на занимаемом месте, оборонять его или оставлять — вот в чем заключаются трудности войны и вот что составляет камень преткновения для многих репутаций. Я получил свой Георгиевский крест за один успешный штурм, и это меня огорчало, и я гордился бы гораздо более получить таковой за блистательно исполненное отступление, но статут этого ордена не предусматривает, что этот последний случай заслуживает такой чести, и в этой войне этим орденом не награждаются лучшие виды воинской доблести, а потому наиболее выдающиеся и храбрейшие офицеры не получают этого креста, что особенно применимо к офицерам, служащим на чеченском театре действий.

Нужно иметь честное и благородное сердце, чтобы удовольствоваться проявлением только хладнокровия и спокойного и пассивного мужества, а между тем именно эти качества и представляют наибольшие заслуги строевого офицера Кавказской армии; особенно необходимо здесь нравственное мужество и, чтобы подолгу выдерживать и тянуть подобную службу, нужно забыть всякое другое существование. Но зато никто не пользуется на Кавказе таким глубоким уважением, как хороший боевой офицер.

Офицер, о котором я веду речь, не требовал в этом отношении ничего лучшего и наряду с своими качествами был настоящим отцом и кумиром роты, которой никогда не видать лучшего командира!.. После того многие из старых усачей этой роты вскоре последовали в лучший

мир за своим отцом-командиром, так как храброго Пассьета нет более в живых. Он умер той безвестной и без славы смертью, которую много героев находят на Кавказе: спрятавшийся за дерево горец всадил ему пулю в ногу с раздроблением кости, и, быть может, ампутация ноги и спасла бы ему жизнь, но под руками не было ни хирурга, ни инструментов и после восьмидневного таскания с бивака на бивак, под непрестанным снегом и дождем, его доставили наконец в госпиталь, когда ампутация ноги уже не имела смысла, и бравый Пассьет отдал Богу душу.

Но память о нем пережила его, и кто знал его так близко, как я, считающий себя счастливым воздать должное памяти боевого товарища, тот никогда его не забудет; уверен, что и карабинеры его роты все еще его оплакивают, а что может быть трогательнее слезы благодарности старого солдата.* 1-й егерской ротой командовал офицер, о котором мало что можно сказать, и он умер от ран, полученных в этом походе. 2-й егерской ротой командовал Эссен, старый офицер, застрявший в этой должности и в чине и представлявший в этом отношении редкий пример в армии, где движение по службе идет довольно быстро; Эссен командовал ротой еще в сражении под Краоном (в 1814 году). Огромного роста, геркулесовского сложения, с белой — как лунь — головой, не имея по выносливости никого среди нас себе равного, Эссен шел всегда пешком, во главе своих егерей; о нем речь будет еще впереди.

3-й егерской командовал офицер, хорошо известный на Кавказе — Николай Петрович Колюбакин.** За 10 лет его пребывания на Кавказе его всегда ценили за его действительно замечательный ум и одновременно избегали за неуживчивость с кем бы то ни было; его прозвали «львом рыкающим и кидающимся» («le lion rugissant et bondissant»). Я его изучил с двух сторон и кончил тем, что отлично с ним поладил и относился к нему с участием и дружески. Я знаю, что и он искренно платил мне тем же. Я не буду говорить о тех якобы обязательствах, которые он питал ко мне, а перейду к главному обстоятельству — он относился ко мне с большим уважением, вот почему мы с ним и поладили, так как Колюбакин сдерживался только перед теми, кого он уважал, и в

* В этот поход капитан Пассьет также был ранен, но здесь ли погиб или уцелел ли здесь и окончательно погиб только несколько лет спустя, остается неизвестным.

** Н. П. Колюбакин до описываемых событий был уже два раза разжалован в рядовые, последний раз из Гродненского гусарского полка, и последний раз выслужился в офицеры из Нижегородского драгунского полка. К 1845 году он дослужился уже до капитанского чина и, числясь адъютантом ген.-адъютанта Анрепа,[196] по своему усиленному ходатайству, участвовал в этом походе.

Граф Воронцов тогда же обратил на него большое внимание.

этом последнем отношении он был чрезвычайно разборчив. Кроме меня, замечу, отбрасывая всякую скромность, что он оказывал эту честь не более как 4—6 лицам. Его необщительность создала ему массу врагов и много вредила ему по службе, что, однако, не мешало тем, кто нуждался в его помощи, в его указаниях и в его талантах, терпеливо переносить его, так как Колюбакин по своему образованию — умению владеть пером, знанию края и по своему разумному и испытанному уменью обращаться с туземцами — бесспорно являлся одним из наиболее выдающихся офицеров Кавказа.* Вместе с тем, это был офицер блистательной храбрости; весь покрытый ранами, из коих, к сожалению, треть им была получена на дуэлях, он был постоянно в поисках за новыми.

Я не буду останавливаться на прочих офицерах батальона, между которыми я обрел одного преданного друга, бывшего моим спасителем ценой собственной жизни.

Всего в батальоне было 10 человек офицеров, и, кроме того, к ним же была причислена значительная партия юнкеров, находившихся под общим попечением капитана Пассьета.

Особая, присущая Кавказу, категория так называемых «несчастных», к счастью, не была многочисленна. Этими «несчастными» называли здесь тех, кто, принадлежа к высшему классу общества, ссылался сюда на службу, рядовыми, за всякого рода провинности. Необходимо заметить, что ореолом этой категории служила добрая память, оставленная еще декабристами и ссыльными после восстания 1830 года поляками.

Участь их была значительно смягчена. На Кавказе было принято (считалось порядочностью) относиться к ним внимательно и предупредительно, возможно облегчая им выход из их положения. Подобное отношение, исходя, конечно, из благородных и великодушных побуждений и желания облегчить несчастных, доходило, однако, до крайности. Лица этой категории не только не были полезными, но, наоборот, были сущей обузой своим начальникам, особенно теперь, когда состав этой категории изменился к худшему.[197]

Но добрая память, оставленная многими из их предшественников, возвращенных теперь родине и семье, сохранила еще такую силу, что нынешние долго еще будут пользоваться этими счастливыми и выгодными для их положения воспоминаниями.

31 мая было назначено днем открытия кампании.

В русской армии всякое военное предприятие начинается с благословения церкви. Войска, построенные колоннами, составили квадрат, центр которого был занят служившим молебствие церковным причтом.

* Так называемый — немирной Колюбакин, впоследствии — управ. Мингрелией, Сухумск. воен. окр., эриванский воен. губернатор, кутаисский воен. губернатор и с 1888 г. — сенатор в Москве. См. о нем «Русский Архив» и «Русская Старина».

По окончании богослужения, полковые священники обошли расступавшиеся перед ними ряды и окропили святой водой, начиная с главнокомандующего и кончая последним рядовым. Барабанным боем закончилась церемония, и, я думаю, не одна теплая молитва вознеслась к небу.

Солдат искренно отдается религиозному настроению, но это настроение не может быть, однако, продолжительным. Лишь только закончилась церемония, как фуражки были лихо заломлены набекрень, одежда и снаряжение было прилажено и переложено «по-походному», песельники вышли перед роты, плясуны с ужимками и гримасами пошли проделывать свои скачки и прыжки; в мгновенье бубны, цимбалы, дудки и треугольники вынуты из ранцев, где эти символы солдатской утехи всегда найдут себе место с сухарным запасом и сменой белья.

Зашумели бубны, и все, кто умел, красивыми и звонкими голосами затянули родные песни — неизменные спутницы солдата на походе.

Весело выступать в походе с доблестными войсками и идешь на войну, как бывало в 18 лет идешь на любовное свидание.

Так как я только что принял батальон, то должен был пройти через обряд вступления в должность и обряд солдатского одобрения, а потому подвергнуться во всех 4-х ротах и по очереди нежному качанию сильными солдатскими рука-ми.

Таковы традиционные обычаи нашей армии и нужно весьма остерегаться их затрагивать, так как с ними тесно связаны все наши славные воспоминания.

Все было уже в движении, так как все рассказываемое происходило на марше. Мы проходили по открытой местности, и так как вовсе не предвиделось близости противника, то наиболее надежные части (к числу коих принадлежал и 1-й батальон куринцев) двигались в средине колонны.* Нас берегли для дела.

Я предоставил своим людям веселиться вволю.

Словом — экспедиция или поход, после более или менее продолжительного отдыха, приветствуется нашими кавказскими войсками с тем же чувством радости, с каким, по возвращении с похода, они встречают приветливые станицы по-над Тереком, с их красавицами-казачками и их добрым вином, что составляет поистине Капую этих мест для кавказского офицера и солдата.**

---

* К этой категории наиболее надежных частей прежде всего следует отнести кабардинцев и куринцев, а затем и навагинцев и апшеронцев, это были старые кавказские войска, остальные же части пехоты составили полки 5-го пех. корпуса, специально для этого похода прибывшие из России.

** Во главе этих станиц должна быть поставлена знаменитая Червленая, затем идут Щедринская и Шелкозаводская и др.

Налево, перед нами, развертывалась Кумыкская плоскость, а направо, в отдалении, высились лесистые высоты Салатау, покрытые в нижней части своих северных склонов зловредным кустарником «держи-дерева», злейшим врагом всякой шерстяной одежды, особенно шаровар.

Мы следовали вдоль подножия этих гор вплоть до старинного аула Чир-Юрт, бывшего в развалинах после осеннего похода Шамиля в 1843 году, а затем достигли берегов р. Койсу, получающей отсюда название Сулака. Пробив себе, за Чир-Юртом, путь через гранитные массы, река эта, с помощью которой все воды внутреннего окруженного горами бассейна (средний и северный Дагестан) несутся к морю, у Чир-Юрта оставляет позади себя последние контрфорсы гор и бежит по равнине Кумыкской плоскости. Здесь повернули мы круто направо, навсегда покинув равнину, и углубились в скалистую теснину, следующую направлению реки. Мы следовали по довольно удобной старой военной дороге, проложенной еще в те времена, когда край этот был мирный и спокойный и не было опасений разрушительных набегов скопищ Шамиля.

Граф Воронцов приказал разбить палатки главной квартиры у самого входа в теснину и там же впоследствии возвел он укрепление с целью как обеспечения безопасного здесь перехода теснины, так и обеспечения кратчайшего сообщения отряда с крепостью Внезапной и основанием наших действий Темир-Хан-Шурой. Я с своим батальоном прошел вперед, чтобы присоединиться к авангарду под начальством генерала Безобразова, расположенному в 3-х верстах выше, по течению реки, и на который было возложено, пользуясь ночью, восстановить небольшой, сожженный противником, мост и разработать несколько участков дороги, которая, пролегая на тесном пространстве скатов гор и реки, была размыта дождем.

Первый начальный ночлег похода никогда не бывает удачным: люди не умели поставить наши две палатки и не умели примениться к походным условиям в великом деле приготовления ужина, в чем позднее они достигли столь похвальной и благодетельной сноровки.

Что за блаженные минуты — время походного ужина! Обыкновенно за целый день это единственное время еды! Как хорошо идет за этим ужином беседа! Какое проявляют здесь все остроумие! Однако в этот день этих блаженных минут пришлось ждать довольно долго. Правда, что и погода не благоприятствовала стряпне на открытом воздухе: дождь падал крупными каплями, и мой повар Семен, бывший поваренок моего покойного дяди графа Бенкендорфа, первый раз в своей жизни готовил в кухне, не имевшей крыши и ничем не прикрытой от влияний непогоды, и он совершенно растерялся. К счастью, подвернулся ему на подмогу молодчина Андрей. Андрей — лакей моего приятеля Лобано-

ва — тип кавказского слуги, чему значительно способствовало пятилетнее полное опасностей странствование его господина по самым диким и неизвестным частям Кавказа. Бедняга, что называется, прошел огонь и воду, а потому приобрел знания условий соединения этих двух элементов для приготовления супа на биваках.

Андрей — чудо своего рода, что он неоднократно и проявлял в течение всего времени этого тягостного похода, и с этим чудом, со всеми этими совершенствами Лобанов разлучился — он уступил его мне по дружбе. Это была настоящая жертва, так как хороший слуга в походе — неоценимое сокровище. Он явился мне очень кстати! Перед моим отъездом из Петербурга мой старый лакей заболел, и так как он не мог меня сопровождать, то я искал себе другого. Однажды, выходя из-за стола у князя Эспера Белосельского-Белозерского,[198] так печально вскоре умершего, ко мне подошел один из его ливрейных лакеев и сообщил мне, что я должен его знать, так как в кампанию 1836 года он служил у одного из моих товарищей, убитого в этот период в долине Баксана, и к этому добавил, что он просится ко мне в услужение и тем охотнее, что он хочет еще раз поклониться праху своего господина, похороненного в Анапе.

Мне это понравилось, и я подумал: «Вот, в самом деле, хороший человек». Могу сказать, действительно, он оказался таковым и, даже скажу больше, — он был достоин райского блаженства, но не был создан для доставления мне такового же.

Лишь только принял я его услуги, как оказалось, во-первых, что он носит мое имя — Константин, что мне немедленно испортило расположение духа, во-вторых, что его глупость превосходит всякие границы. Промучившись с ним около 2-х месяцев, я убедился, что во время похода он будет для меня сущей обузой, а потому я его устроил на полном содержании у казаков Червленой станицы. Вернувшись с похода, я нашел его более чем когда-либо потолстевшим и разжиревшим и чревом и разумом.

В полученном же мною Андрее я нашел прямо сокровище.

Со мной в одной палатке жил мой друг Шеппинг.* Наш домашний персонал составляли: денщик Шеппинга, Андрей, повар Семен и гребенский казак для ухода за моими лошадьми. К этому кадровому составу не преминули присоединиться — батальонный горнист Игумнов и несколько барабанщиков, лица, которые, в силу оказываемых ими разных маленьких услуг и свойственного им аппетита, обыкновенно присосеживались к походному котлу батальонного командира.

---

* Поручик конной гвардии, спас позднее автора от верной смерти, но и сам был убит в этом походе.[199]

За моим столом всегда ставилось от 4-х до 8-ми приборов, и каждый раз, когда отряд получал довольствие, я уже ни в чем не нуждался.

Таков был мой домашний обиход.

В этот вечер, несмотря на палатку, мы продолжали мокнуть до костей и равно не истощалась, несмотря на наши аппетиты, и появившаяся наконец миска. Я припоминаю, что в этот вечер в числе моих гостей находился некий Едлинский, бывший офицер австрийской службы.* Он получил поручение от генерала Безобразова сообщить в главной квартире, что восстановление моста исполнено войсками авангарда и что остальные работы, несмотря на дождь, будут закончены к утру. Мы находились в 3-х верстах от главной квартиры, и Едлинскому, прежде чем до нее добраться, нужно было два раза пройти через наши передовые посты, так как авангард и главные силы, будучи расположены отдельно, отдельно и охранялись.

Темень была адская, и дождь лил не переставая, а потому понятно, что бедняга не особенно-то был польщен поручением. «Мне решительно все равно, если я встречу неприятеля, шатающегося у наших лагерей, — говорил Едлинский, — но я только не желал бы быть подстреленным своими». Колюбакин стал ему доказывать, что в сущности это совершенно безразлично. «Ну, нет, — продолжал Едлинский, — если случится последнее и это дойдет до Вены, то там будут смеяться не только надо мной, но и над моим братом, а у него семья, и мне это будет очень обидно».

На утро следующего дня мы продолжали следовать вверх по Койсу до Миатлы, где теснина расширяется, чем и воспользовались для второго ночлега.

Вся эта страна когда-то была очень населена. Разведенные здесь, по преимуществу армянами, виноградники составляли главное богатство края. В настоящее же время все носило на себе печать разрушения. Население бежало, жилища разорены, и виноградные лозы, расстилаясь по земле, перемешались сорными травами. Мой батальон шел снова в резерве. Неприятель нигде не показывался.

Проходя около горячего источника, обильно наполняющего род естественного бассейна, я разрешил желающим погрузиться. В мгно-

---

* Артур Альбертович, впервые появившийся в России и привезенный на Кавказ Воронцовым, был сводный брат графини Воронцовой (урожд. графиней Браницкой). Едлинский был знаменит своими каламбурами и остротами на весь Кавказ; остроты были подчас очень злы и метки и его побаивались, хотя он и был общим любимцем. Остроты и каламбуры Едлинского весьма характерны, и за 30 лет его службы их набралось очень много; их стоит собрать. Оставив Кавказ в средине 70-х годов, Едлинский приютился у фельдмаршала князя А. И. Барятинского в Скерневицах, где фельдмаршал доживал свой век, и на первое же приветствие князя, по своем приезде, не замедлил ответить ему злой остротой. — *Б. К.*

венье ока весь батальон очутился гол, как праотец Адам. Редко, что так полезно и что так любит наш солдата, как горячую баню, и в походе всегда стараются доставить ему это удовольствие.

Русский человек сложен атлетом: хорошо развитая грудь, широкие плечи, тонкая талия, скорее маленькая, чем большая, голова и обыкновенно длинные ноги, все это, в общей совокупности, сообщает его фигуре известную грацию и типичность.

Моя палатка была красиво разбита на берегу небольшого ручья.

Одна из моих рот, 4-я, была выделена (вправо) и занимала наблюдательный пункт на довольно значительной высоте, которая командовала всей местностью вправо. Помню, что после обеда, взяв палку с железным наконечником, без которой в Дагестане нельзя ступить шагу, я пошел ее осматривать. Я встретил Его Высочество принца Гессенского, избравшего целью своей прогулки ту же высоту, так как было очевидно, что с нее открываются прекрасные виды.

Оттуда, с высоты птичьего полета, была видна вся зеленая долина с извивающейся на ней речкой, испещренная красивыми группами деревьев и белыми палатками, оживленная теми разнообразными группами, которые порождаются скопищами людских масс, и эти группы, особенно на Кавказе, принимают причудливые формы.* Человек очень скоро применяется здесь к характеру страны; все принимает живописный оттенок. Какое замечательно красивое зрелище для глаз и воображения все эти кавказские виды; зрелище, особенно поразительное для тех, кто впервые вырвался из холодного однообразия больших городов.

Солнце жгло нестерпимо. Достигнув расположения роты, мы зашли в находящуюся поблизости пещеру, с целью несколько освежиться. Первое, что нас поразило в этой пещере, это исполненный на стене углем рисунок, изображающий кавказского горца, падающего под ударами штыка солдата Куринского полка; под первым изображением находилась на французском языке подпись — Шамиль, а под вторым и большими буквами — Michel Brousset; все было исполнено прекрасно.

Обстоятельство это нас заинтриговало. Я вышел и обратился к роте, прося открыть мне имя этого последователя Рафаэля. На это обращение мне ответил один молодой солдат: «Это я, ваше высокоблагородие, я француз, мой отец — полковник времен Империи, женился на очень

* В данном случае это разнообразие и пестрота форм групп происходила еще вследствие разнородности состава отряда, в который входили, помимо частей пехоты и артиллерии кавказских войск и пришедших из России, еще и казачьи части всех видов казачества Кавказа и Дона и все виды наших милиций Кавказа, как из Грузии, Имеретии, Мингрелии, Осетии, так и покоренных нами — Кабарды, так называемых татарских дистанций Закавказья и кончая особо пестрыми курдами, давшими Дигорскую милицию.

богатой русской девушке, все состояние которой заключается в поместьях; как иностранец, я не могу наследовать это имение иначе как сделавшись русским дворянином, вот почему я здесь, и я должен торопиться убить Шамиля, так как тогда я наверно выслужу офицерское звание, а если мне это не удастся, то все состояние моей матери достанется одному злому дядюшке!»

Мне это очень понравилось. Я полюбил Мишеля Бруссе и приютил его в своей палатке, где он обыкновенно спал, взяв себе, вместо подушки, под голову, мои большие сапоги и, конечно, я бы способствовал ему взбесить его злого дядю, но, к моему великому сожалению, бедняга был убит; этим обыкновенно и кончаются все необыкновенные историйки на Кавказе. Мишель Бруссе был одной из последних жертв этой кампании, и его злой дядя выиграл дело.

На следующий день мы покинули берега Койсу и снова под прямым углом повернули направо. Отряд двигался глубокой долиной, и войска левого и правого прикрытия сопровождали колонну по обе стороны марша, двигаясь на расстоянии ружейного выстрела по самому гребню высот, окаймлявших долину.

Таков был обычный порядок движения для всех наших отрядов на Кавказе, основанный на продолжительном опыте этой войны и установленный просвещенным авторитетом величайшего генерала, какой только когда-либо был на Кавказе, которому следует приписать все то, что составляет теорию ведения войны на Кавказе и ее применения на практике, равно все порядки (сторожевые, походные и боевые) и самую систему ведения здесь операций, — все это установлено авторитетом генерал-лейтенанта Алексея Александровича Вельяминова.

Под начальством именно этого замечательного деятеля я имел честь начать мои первые шаги на боевом поприще.

Генерал Вельяминов принадлежал к числу тех людей, которые производят глубокое впечатление и оставляют неизгладимую о себе память. При жизни генерал Вельяминов был мало любим как русскими, так и туземцами; он был весьма уважаем многими из них, но все одинаково его боялись; по его смерти все чтут его память и каждый стремится похвастать получением от него слова одобрения или поощрения, так как Вельяминов был очень скуп на то и на другое.

До сих пор еще вам укажут среди черкес субъекта, о котором при этом заметят: «Он был другом Вельяминова», и старый горец — горд этим титулом.

Прямой и искренний, с чувствами благородными и возвышенными, с умом сильным и положительным и непоколебимый во всем том, что он считал хорошим и справедливым, Вельяминов был создан по антич-

ному образцу. Эрудиция его была громадна; он все изучил, надо всем размыслил, и произведения его пера служили образцом точности и военного изложения.*

Обладая живым и глубоким умом, не лишенным иногда казуистики, Вельяминов, под влиянием чтения излюбленных им предметов и авторов, пряшел к скептицизму; он представлял собой одновременное сочетание философа XVIII века и восточного паши-деспота.

В эпоху, в которую я его знал, вся его жизнь, все его существование непрерывно и последовательно в течение целых 20-ти лет протекали и заключались единственно только в условиях кавказской боевой и походной службы.

Привычка управлять людьми сообщила ему мировоззрение, свойственное правителям высокого положения, — глубокое презрение ко всему человечеству.

Полное отсутствие женского общества и его личное одиночество (он оставался постоянно или один сам с собой или был окружен людьми только с целью исполнения его воли) привело к тому, что он очерствел сердцем, становясь подчас даже жестоким; если он и был когда-либо мягкосердечен и чувствителен, то эти качества у него скоро выветрились под влиянием условий непрестанной и непрерывной боевой и походной жизни.**

Таков был Вельяминов — как человек.

Все хорошее на Кавказе — создано Вельяминовым; до сих пор все еще обсуждаются намеченные им проекты и, к счастью, некоторые из них иногда приводятся в исполнение.***

---

* Образцом изложения Вельяминова может послужить уже одно необычайно глубокое, ясное и образное определение понимания нами задачи покорения Кавказа, и он говорит: «Кавказ можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями и обороняемой многочисленным гарнизоном. Одна только безрассудность может предпринять эскаладу против такой крепости; благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам. заложит параллели, станет подвигаться вперед сапой, призовет на помощь мины и овладеет крепостью. Так, по моему мнению, должно поступать с Кавказом, и если бы ход сей не был предварительно предначертан, дабы постоянно сообразоваться с оным, то сущность вещей вынудить к сему образу действий, только успех будет гораздо медленнее по причине частых уклонений от истинного пути». Из этого определения видно, насколько экспедиция 1845 года, да и вся борьба с горцами после Ермолова и до 1857 года расходились с идеями Вельяминова. — *Б. К.*

** Другой современник и близкий ему человек в своих воспоминаниях приводит случаи проявления Вельяминовым доброго сердца, но эти проявления были глубоко скрыты его угрюмой и непроницаемой внешностью. — *Б. К.*

*** Прямодушный Бенкендорф все же здесь деликатно щадит и создателей плана 1845 года и его исполнителей, в душе разделяя идеи Вельяминова, бывшего для него большим авторитетом; вообще автор воспоминаний избегает осуждений, и таковые с трудом читаются между строчками. — *Б. К*

Это он указал нам систему и способы ведения войны в этом крае, это он преподал нам принципы ведения здесь войны и указал их применение и, может быть, именно потому, что он сам всегда следовал этим принципам, он был здесь единственным генералом, никогда не испытавшим неудачи и всегда достигавшим раз поставленной им цели.*

Все это следует объяснить еще и тем обстоятельством, что никто лучше и основательнее его не постигнул свойств театра войны, особенностей условий ведения здесь войны и свойств и качеств нашего здесь противника.

Также решительно во всем обнаруживал он замечательный дар находчивости (esprit d'á propos), что особенно ярко проявлялось каждый раз, когда ему приходилось говорить, что, впрочем, бывало очень редко.

Обыкновенно он был очень молчалив, невозмутим, очень ленив в движениях, и ничто не могло его вывести из неизменно присущего ему хладнокровия.**

Это Вельяминову обязан Ермолов своей славой,*** Паскевич — победой при Елизаветполе****[200] и барон Розен блистательным окончанием экспедиции 1832 года.*****

Все преклонялось на Кавказе перед «рыжим генералом» (генералом плижер), как назвали его горцы.

Не пользуясь любовью войск, Вельяминов зато пользовался неизменно их безграничным доверием.

---

* Любопытным в этом отношении образчиком настойчивости и искусства Вельяминова служит эпизод похода в Чечне в 1832 году, когда Вельяминов решил вернуть обратно потерянные нами орудия, запрятанные в трущобах Чечни, что блистательно и исполнил. — *Б. К.*

** Эту правдивую и превосходную характеристику следует поставить в большую заслугу графу Бенкендорфу. Много на эту тему рассказывают барон Торнау[201] и Филипсон.[202] — *Б. К.*

*** Как ни кажется это заключение смелым и увлечением, но в нем большая доля справедливости; дружба Ермолова с Вельяминовым и объясняется однородностью их понятий, воззрений и склада ума.

**** Это справедливо. Здесь Ермолов показал много благородства и великодушия, дав Вельяминова своему врагу и тайному заместителю — Паскевичу. Как известно, Паскевич уже приказал отступать, и только авторитет и твердость Вельяминова удержали это пагубное отступление. Здесь войска слушались только Вельяминова. — *Б. К.*

***** Не только блистательным окончанием похода в Дагестане — взятием Гимр и смертью имама Кази-муллы, но и предварительной экспедицией в Чечне, где таланты Вельяминова проявились не менее ярко и где в этом году Вельяминов с ничтожными потерями прошел через всю Большую Чечню к Дарго, Гурдали и др. аулам, т. е. как раз там, где в описываемом Бенкендорфом походе шел бедственный отряд графа Воронцова, понесший неслыханные потери. — *Б. К.*

На Кавказе Вельяминов был последним представителем той плеяды наших здесь генералов, которые окружали себя ореолом внушения панического ужаса и потрясения — источника всякой силы в Азии и чему в царствование Екатерины II мы главным образом и обязаны легкостью наших успехов на Востоке и незначительности наших потерь в людях, потерь совершенно ничтожных, сравнительно с полученными результатами. Превосходство духа было всегда на нашей стороне, и в глазах наших врагов каждый русский казался гигантом.

Обратимся к исходному пункту рассказа, к порядку нашего марша, который представляет одновременно и боевой порядок, основную идею которого передадим в двух словах. Санитарный обоз (вообще обозы) располагается в центре общего прямоугольника (каре), размеры которого естественно и неизбежно будут различны в каждом частном случае, при постоянном, однако, стремлении возможной сплоченности расположения обозов и войск, дабы каре это не вышло растянутым.

Четыре фаса этого каре, на дальность ружейного выстрела от колонны, занимаются специально войсками, назначенными для охранения колонны на марше.

Арьергард составляет основание для всех войск охранения, так как он представляет часть, наиболее тревожимую неприятелем, почему на нем сосредоточивается все внимание и с его движением и действиями сообразуются движения и действия всех остальных частей колонны (и, что особенно важно, авангард).

Авангард сообразует свое движение с движением колонны и продвигается вперед только при условии достижения передовыми частями колонны высоты движения этого авангарда, и каждый раз, когда движение колонны приостанавливается и передовые ее части не показываются, то движение авангарда приостанавливается; в этом заключается единственный способ сохранения порядка движения.

Понятно, что при подобных условиях движения оно было медленно и, например, Вельяминов зачастую делал в сутки не более 6 верст, но зато не было примера, чтобы фасы его каре были когда-либо прорываемы (не говоря уже о ничтожных у него потерях). Но, тем не менее, в частных случаях, например, когда приходилось преследовать противника, показавшегося перед нашей оборонительной линией, или в целях — отрезать ему отступление, то Вельяминов двигался с той же быстротой, как и другие.*

---

* Движения Вельяминова происходили обыкновенно в большом порядке, и он не любил торопливости, порождавшей суету и замешательства, тем более, что противник, будучи обыкновенно слабо обеспечен продовольствием, тяготился затяжкой движения и боя, а, получая всюду хороший отпор, скоро падал духом. Иногда

В этот день предусматривалась ружейная перестрелка в нашей правой цепи, на высотах весьма пересеченных и частью лесистых, а потому все три батальона Куринского полка были назначены в правую цепь и мой батальон своим правым флангом касался арьергарда.

Так как я говорю о тактике, то необходимо войти в подробности боевого порядка, которого мы держались, прикрывая каре войсками правой и левой цепи. Смотря по численности отряда и свойству местности, батальоны или роты обрамляли отряд с обеих сторон боевыми линиями (участками), которые, в свою очередь, прикрывались боевыми цепями со взводами в поддержках. По уставу, звено цепи состояло из 2-х человек стрелков, обязанных возможной взаимной поддержкой.

В войнах, подобно кавказской, полных случайностей, 2-х человек в звене совершенно недостаточно. При первом же столкновении, один из них бывал обыкновенно убит, другой бежал или тоже бывал убит и цепь бывала прорвана прежде, чем резерв мог ее поддержать.

Еще в Венсенне, у орлеанских стрелков, организация и маневрирование которых были построены на опыте, почти подобном кавказской войне, я обратил внимание на звено их цепи в 4 человека, что я нашел правильным. У нас же, на Кавказе, для звена мало и 4-х человек, вот почему в последние годы, и главным образом по указанию генерала Фрейтага, лучшего знатока этого дела, испытанного в походах в Чечне, — всюду было установлено иметь звено, в составе взвода численностью в 20—30 человек, под командой офицера или унтер-офицера, с придачею ему горниста (сигналиста). Звено подобной численности обладало уже достаточной силой сопротивления, смело могло подчас и бросаться на замеченного противника и, наконец, ему уже, в полном смысле слова, можно было доверить и поручить известный боевой участок.

Эти взводы не должны только терять друг друга из вида, внимательно выбирать себе при расположении на месте пункты, имеющие тактическое значение, и сообразоваться друг с другом при всех передвижениях (преследуя взаимную поддержку).

В подобных условиях, в войсках цепи росла нравственная уверенность, так как они видели, что они окружены и поддержаны своими, а противник утрачивал свою смелость.

Таким образом, резюмируя сказанное, заметим, что батальоны и роты (составлявшие боковые цепи) были разделены на группы — взводы, следовавшие или в шахматном по отношению друг друга порядке, или же в затылок друг другу.

Вельяминов нарочно долго стоял на месте, ничего не предпринимая, и, когда его вызывали на движение или бой, говаривал: «Интендант у него плохой, как поедят свое пшено, да чужих баранов, так с голоду разойдутся». — *Б. К.*

В этот день мы шли именно таким образом, но движение исполнялось дурно, по причине скорости движения, и в цепи образовались промежутки; наше счастье, что неприятель не показывался, и только арьергард поменялся с горцами лишь несколькими скоро прекратившимися выстрелами, — это были первые выстрелы в эту кампанию.

Часов около 3-х пополудни я достиг с своими людьми Хубарских высот, где был разбит лагерь отряда.

В предшествовавшие годы* эти высоты несколько раз ставились целью похода, но они имели значение до тех пор, пока мы не овладели Чиркеем (тет-де-пон[203] на левом берегу Койсу, с занятием которого высоты обходились с тыла).

Я лично отправился в главную квартиру засвидетельствовать свое почтение графу Воронцову, которого я не видел двое суток. Я его застал за обедом со своей свитой, состоявшей примерно из сорока человек.**

После обеда главнокомандующий оказал мне честь, заговорив со мной о той быстроте, с которой мы со всем нашим обозом исполнили двенадцативерстный переход. Я позволил себе критиковать это движение и указать на отсутствие порядка в движении, и должно быть отстаивание мной диаметрально противоположной системы движения явилось слишком продолжительным, так как граф начал напевать некую английскую песенку, которую мы привычно переводили словами «Вы мне надоели».***

Урочище Хубар и окружающая местность представляют весьма возвышенное плато. Это плато начинается у подножия скалистого гребня, отделяющего Салатавию от Гумбета, и простирается до менее возвы-

---

* Особенно, начиная с 1840 года, т. е. 1841, 42, 43 и 44-й.

** Свита и штаб гр. Воронцова, помимо нач. штаба (ген. В. О. Гурко) и офицеров Генер. штаба, состояла из лиц: принц Александр Гессенский, князь О. И. Паскевич, князь Эмилий Витгенштейн, полк. Минквиц, кн. Дондуков-Корсаков, ген. Фок, чиновники — барон А. П. Николаи и Щербинин, личные адъютанты — Лонгинов (убит), Нечаев (автор воспом., нами изданных) и Глебов, при Паскевиче — поручики Самсонов и Беклемишев, затем еще — кап. Альбрант, докт. Андреевский,[204] сын графа Семен, князь Васильчиков (адъютант, был ранен), полковник граф Строганов, пор. Едлинский (кажется, еще Дараган), князь Яшвиль, князь Ал. Голицин, князь Ираклий Грузинский, флигель-адьют. Соколов, граф де Бальмен (здесь убитый) и мн. др.

*** Совершенно естественно, что Бенкендорф — ученик Вельяминова подверг критике это движение, но он, видимо, плохо знал Воронцова, если решился ему все это высказать, да еще ссылаясь на превосходство другой системы действий вообще. Ревнивому к своей славе Воронцову, полагаем, все это крайне не понравилось, и с этого времени правдивый Бенкендорф едва ли пользовался искренним расположением Воронцова, что, впрочем, последний, по свойственной ему скрытности, ничем не обнаружил, продолжая, по внешности, оказывать ему внимание, считаясь, вероятно, с большими связями Бенкендорфа в Петербурге.

шенной области, покрытой великолепными лесами, заключенными между нашим лагерем и равниной, и над которыми мы теперь вполне господствовали.

На этих высотах чудесный воздух, и на них-то в период спокойствия в этих странах* паслись летом многочисленные стада жителей Шамхальства и Кумыкской плоскости. Это плато в различных местах перерезано очень глубокими и очень обрывистыми оврагами, поросшими густым лесом, и переход одного из таковых, так называемого Теренгульского, составлял для нас задачу следующего дня. На двух противоположных сторонах именно этого оврага в прошлом, 1844 году встретились лицом к лицу наш экспедиционный отряд и все силы Шамиля, и обе стороны оставались в этом расположении двое суток. С наступлением ночи отряд в шесть батальонов с частью конницы получил приказание перейти другим, менее обрывистым, оврагом, выводившим в обход правого фланга расположения скопищ Шамиля, и, обойдя фланг подошвой высот, стать на сообщениях Шамиля. Одновременно, с завязкой боя этим обходным отрядом, главные силы должны были форсировать овраг с фронта.

Но наш обходной отряд был открыт неприятелем заблаговременно и не счел себя достаточно сильным для развития решительных действий, а Шамиль успел снять свой лагерь и отступить. По зрелом обсуждении обстоятельств, мы тоже повернули обратно, и кампания 1844 года кончилась.**

В настоящем году нас не ожидало ничего подобного, и там, где стоял наш противник, со стороны Буртуная, двигался к нам на соединение дагестанский отряд князя Бебутова.

Итак, авангард и главные силы перешли Теренгул после полудня 3 июня. Обоз двигался всю ночь, и мой батальон получил приказание прикрывать здесь переправу через небольшой ручей.

Ширина Теренгульского оврага вверху равнялась дальности орудийного выстрела, внизу — 10 сажень, глубина — 1500 футов. Тропа, по которой мы спускались на дно оврага, была очень крута, а незадолго до нас прошедший сильный дождь и масса проследовавшей здесь

---

* Когда господство Шамиля далеко еще не простиралось на эти области, оставшиеся нам преданными, что доказывает, что до 40-х годов мы были сильнее на Кавказе.

** Безрезультатность этой экспедиции вызвала большое неудовольствие на Нейдгардта, руководящего ею лично, и немедленно последовало замещение его графом Воронцовым. Не оправдывая вообще Нейдгардта, как деятеля на Кавказе, заметим лишь, что в данном случае ему более ничего не оставалось, как отойти назад, так как план действий, составленный в Петербурге, совершенно не отвечал свойствам местности и противника и всем вообще обстоятельствам ведения войны на Кавказе.

пехоты донельзя затруднили движение по этой тропе лошадей. Людям спускаться было легче, так как, сев на корточки, они сползали прямо вниз, что проделывало большинство пехоты, особенно же люди, побывавшие в этот день на полковом празднике Навагинского полка.

Орудия были выпряжены, подвешены на канатах, спущены на руках и теми же способами подняты на противоположный берег оврага.

Эта последняя операция была возложена и на меня, и на долю моего батальона досталось два полевых орудия и четыре зарядных ящика; не менее трех часов ушло на эту работу, причем каждое орудие требовало не менее роты полного состава.

Эта ночь с 3-го на 4 июня, ночь в глубине оврага, отличалась полным отдыхом; мы ее провели в густом лесу, переполненном пнями и давно заброшенными завалами, заваленными сухим хворостом и травой. Топор и разнообразная деятельность солдата прервали тишину этой мрачной пустыни, а бивачные огни озаряли громадные деревья, казавшиеся призраками. В этом зрелище было что-то фантастическое, и вся обстановка этой ночи на походе носила во многом характер притона калабрийских разбойников.

После полуночи усталость и покой вновь погрузили все в молчание, которое нарушалось только мрачным завыванием шакалов.

Утром 4-го мы достигли вершины левого берега оврага и здесь поставили нашу палатку рядом с палатками Главной квартиры. К вечеру все ко мне собрались; помню, что были Щербинин, Николаи (барон), Лобанов, Паскевич, Витгенштейн и Дондуков. Лежа на земле, частью сидя на барабанах, мы чокались стаканами, под звуки хора песельников карабинерной роты. Знаменитая «Куринская» песня для многих была еще новостью, а поэтому немало золотых перепало в карманы карабинеров. Затем настала очередь Минквица, этого неизменного председателя всех наших вакхических празднеств, неутомимого запевалы всех наших собраний. Вспоминая свою молодость, он затягивал немецкие песенки, вынесенные им из жизни студентов — буршей Лейпцига. Мы все подтягивали ему хором.<...>

Минквиц — самый веселый и самый приятный товарищ в компании; городская жизнь и «Friedenzeit», как называет он мирное время, совсем ему не по нутру; женщина делает его сентиментальным и мечтательным. В Минквице есть что-то среднее между немецким студентом и русским кавалерийским офицером, но, прежде всего, он достойнейший и благородный представитель нашей доброй расы, которая искренне восприняла все хорошее от русских, благоговейно храня в своем сердце чувство долга и обязанности по отношению Государя и России, но и не отказываясь одновременно от происхождения своих предков. Исполне-

ние этого двойного долга, как русских по отношению России, и как немцев по отношению самих себя, — мы ставим вопросом нашей чести и требования нашей религии.<...>

Часть главного хребта, разделяющая Салатавию и Гумбет, прерывается в двух местах, чем и получается возможность сообщаться между собой жителям этих стран. Первый и главный из этих путей образует долина р. Ак-таша, в верхней своей части называемой урочищем или ущельем Мичикале, доступным для движения во всякое время года, равно и удобны и доступны к проходу со стороны Салатавии, и самая дорога, с кавказской точки зрения, считается сносной, но она преграждена завалами противника, и ее форсирование стоило бы нам значительных потерь.

Граф Воронцов решил обойти это направление и перейти хребет по другой — Киркинской дороге, настолько неудобной и малодоступной, что она была заброшена даже горцами.

Было решено, что граф Воронцов лично произведет рекогносцировку к Кирки, пока неприятель укрепляется на Мичикале. Мы получили приказание быть готовыми к движению к рассвету 5 июня. В состав разведочной колонны вошли шесть батальонов и четыре горных орудия, в том числе и 1-й батальон Куринского полка, которому, в виду молодости 40-го полка, по обычаю, надлежало идти в голове колонны.*

Командование отрядом было возложено на генерал-майора Пассека и в условиях, как мною упомянуто выше, личного общего руководства графа Воронцова. Пассек был только что назначен командиром 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, в состав которой входили кабардинцы и куринцы, и он должен был впервые предстать перед войсками, знавшими его до сих пор только по имени.

Пассек имел громкую репутацию, заслуженную в операциях 1843 года: превосходно исполненное отступление из Аварии, блистательная оборона Зырян,[205] многочисленность знаков Высочайшего благоволения за заслуги, беспримерная на Кавказе быстрота движения по службе (менее чем за год — из подполковников в генерал-майоры) — все эти обстоятельства в общей их совокупности значительно его выдвинули, и его имя было на всех устах.

Ко времени описываемых событий Пассеку было 35 лет от роду, и за ним уже были бесспорно выдающиеся военные заслуги и качества. Обладая необычайным глазомером и смелостью, граничившей с отвагой, чрезвычайной уверенностью в себе, энергией и непоколебимой

* Куринцы и кабардинцы были большие мастера в лесных действиях, и, казалось, было бы целесообразнее назначить в экспедицию войска, искусившиеся в действиях в горах, а таковых было довольно.

волей, Пассек, одновременно, при безграничном честолюбии был и крайне самолюбив.* Он производил впечатление могучего льва, только что порвавшего свои цепи.

В европейской войне он обратил бы на себя внимание и прославил бы нашу армию, но на Кавказе он был именно тем военачальником, каковым здесь быть не следовало. Здесь ничем нельзя рисковать и никогда нельзя здесь рассчитывать «на авось». Здесь, при всяком предприятии, надо быть уверенным в силе удара: всякое здесь действие должно быть спокойно и осторожно взвешено, так как в этом крае десять успехов не окупят последствий одной ничтожной неудачи.

Пассека тоже нет в живых, и эту потерю армии пришлось пережить в течение этой ужасной кампании 1845 года. Он вел в атаку свой последний взвод, когда один горец разрядил свой пистолет в упор в грудь Пассека; со словами: «Прощай, моя бригада» — он умер мгновенно.

Я имел драгоценный сувенир, полученный мною из рук самого героя, смерть которого еще более увеличила его ценность, — он мне подарил *свой собственный Георгиевский крест*, который я, конечно, свято сберег бы, если бы мне дано было его сохранить, но, после того как я был вторично ранен, мой сюртук остался в руках неприятеля, и с ним исчез и прекрасный белый крест героя.

Но вернемся к утру 5 июня.

Я должен был получить приказание от этого генерала и представить ему свой батальон. Он вскоре появился перед фронтом в сопровождении блестящей свиты, которая на Кавказе обыкновенно примыкает к начальникам, которых сопровождает успех по службе. Пассек был очень высокого роста, имел могучую грудь и ту ширину в плечах, которая встречается только в России и главным образом на его родине — в Сибири; голос его был очень громкий, и он хорошо говорил, несмотря на некоторую тривиальность.

---

* Некоторые из современников, близко знавших Пассека и события 1843 года в Дагестане, воздавая должное этому замечательному военачальнику, истому богатырю во всех отношениях, тем не менее, признают, что честолюбие, уверенность в себе и пылкость Пассека были причиною больших военных осложнений этого года, и ему ставится в упрек, что он, владея пером и имея огромное влияние на генерала Клюки фон Клюгенау, настоял на оставлении в Хунзах (в Аварии) отряда значительной силы, что совершенно не отвечало обстоятельствам, но что было соединено с отдельным начальствованием Пассека этим отрядом. Пребывание Пассека в Хунзах дало возможность Шамилю взять Гергебиль, а затем блокировать в Шуре и самого командующего войсками в Дагестане генерала Гурко; только своевременное прибытие генерала Фрейтага спасло нас в Дагестане от больших бед. — *Б. К.*

Он обратился к войскам с небольшой речью, которую закончил следующей фразой, покрытой громким солдатским «ура»: «Я считаю честью доказать вам, что я тоже хочу быть старым куринцем».

С нашим солдатом следует постоянно говорить; словом и песней его можно вести на край света. К мелким житейским и материальным утехам он менее чувствителен, чем к слову похвалы или одобрения, так как, не зная радостей жизни, он мало о них и думает.

Отряд наш двинулся вперед. Солдаты шли налегке, имея на себе лишь суточную сухарную дачу. Мы подымались по скату, покрытому скудной травой; за первым подъемом открывались все новые, на которые следовало взбираться. Это движение было затруднительно для наших егерей, привыкших к равнинам Чечни, где они делали изумительные по быстроте переходы, но не привыкших к походам в горах.*

Нахожу здесь уместным заметить, что на Кавказе все специализируется: как свойства и качества войск, так и офицеров, что является необходимым по причине различия природы и свойств разных местностей края. Естественно, что один полк превосходно действует в лесах, другой, благодаря быстроте своего хода, в горах; один офицер провел долгие годы в борьбе с чумой на турецкой границе, другой — в административной службе Закавказья, третий — всю жизнь провел в борьбе с лихорадкой и спячкой, на службе гарнизона в небольшом форте морского побережья; один — на биваках в ледниках лезгинских гор, другой — в преследовании конных партий черкес на Кубани; некоторые офицеры провели всю жизнь в Чечне, в этой стране вечной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другие — в Дагестане — стране всевозможных лишений, но где легко создаются репутации, блистательные карьеры и легко дается успех.

Каждая из различных местностей Кавказа имеет свою, ей присущую природу, свойства, свой тип, требуя и особого способа ведения войны, и прежде чем действовать в той или другой местности и быть на что-либо годным, надо ее изучить; и все это различие происходит по той простой причине, по которой Армения относится к Осетии, Имеретия к Кабарде и Кахетия к Кумыкской плоскости, так же как Франция относится к Китаю.

Мы продолжали наше движение. Главнокомандующий определил нас с кавалерией. Вскоре адъютант за адъютантом потребовали

---

* Удивительно, как это граф Воронцов не принял во внимание, что куринцы не привыкли действовать в горах и что к этому чисто горному маневру у него были специалисты этого дела — апшеронцы и навагинцы.

нашего скорейшего к нему присоединения. Мы же совсем выбились из сил; за крутым подъемом последовала выбитая в скале тропинка, которую мы прошли почти бегом. Там, где кончилась тропинка, обнаружилась довольно широкая седловина, на которой мы застали графа, бывшего пешком и стоявшего к нам спиной. Перед ним открывалась глубокая и довольно широкая долина, бесплодная, скалистая, лишенная всякой растительности, — долина, обычно встречаемая на значительных высотах Кавказа; небольшой ручей пересекал ее справа налево на всем ее протяжении, а с противоположной стороны долины высились командующие нами высоты; мы достигли Киркинского перевала — ворот в Гумбет, и высота перед нами была гора Анчимеер.

Здесь граф Воронцов решил перейти в Гумбет, и этот перевал отвечал его соображениям. Все тотчас же поняли, что нам предстоит драться, и вся усталость была забыта. Простая разведка обратилась, по приказанию графа, в захват господствующего положения, в целую операцию, исполнение которой предстояло Пассеку.

Я уже говорил, что эта дорога была заброшена годами, а наверху перевала она совершенно прерывалась. У самых наших ног двухсаженная скалистая стена отделяла нас от крутого спуска к ручью, и здесь-то и предстояло нам следовать. Передовые солдаты выломали кирками несколько глыб, несколько человек были еще спущены вниз и образовали из этих глыб нечто вроде лестницы. Работа кипела с такой быстротой и энергией, что полчаса спустя можно было уже спустить вниз несколько орудий. Пассек, кипя нетерпением, воодушевлял солдат и голосом и жестами. Над его головой развевался белый значок с серебряным крестом, его вышивали нежные ручки, — это была как бы эмблема любви и надежды, но смерть, о которой я уже упоминал, унесла все эти надежды на будущее.

То было блестящее начало кампании. Под звуки боевых песен и крики «ура» работа кипела с той силой, которую дает верное обещание победы. Сам главнокомандующий присутствовал при этой сцене, стоя на выдающемся уступе скалы и опираясь на свою турецкую саблю. Он снисходил до нас — молодежи, шумно выражающей свою радость при виде неприятеля, которого наконец начнем колотить. Он подавлял нас всем обаянием своего величия, своей старой славы, ясностью взгляда и тем спокойствием старого воина, которое так шло его благородным чертам.

Наконец столь долго сдерживаемому нашему рвению дан сигнал: Воронцов обнажил свою белую голову и минуту спустя мы уже были у подошвы высоты, поджидали Пассека. Прибыл и он, отдав свои по-следние приказания.

Дружина грузинской милиции под начальством князя Левана Меликова* стала в голове колонны. Она должна была подняться к подошве Анчимеера и начать эскаладу этой высоты в месте, указанном приданными ей проводниками. Я получил приказание поддержать грузин и следовал за ними вблизи, вскоре заметив, что они повернули к высоте. Высота Анчимеер в этом месте имела 1500 футов высоты при скате в 45°. Колебаниям не было места: грузины полезли вверх.

Я крикнул своим сбросить мешки и остаться в одних рубахах; они оставили при себе только патронные сумки и ружья. Я указал им на главнокомандующего, остававшегося личным свидетелем их храбрости; ответом мне было уже не «ура», а какой-то рев восторга и нетерпения.

Бой — дело святое. Бой для русского солдата заключает в себе что-то священное. Он идет в бой с тем же сосредоточенным чувством, с каким вступает в церковь; горе тому, кто выругается под огнем, — его сочтут за нехриста. Перед вступлением в дело все обнажают головы, осеняют себя крестным знамением, и уста шепчут краткую молитву. Кавказские войска не нуждаются в одушевлении себя барабанным боем и звуками труб.

Я подал сигнал атаки движением руки, и карабинеры (1-я рота), предводимые Пассьетом, бросились вперед; во 2-м эшелоне пошла 2-я егерская рота. Сам я намеревался вести 3-ю и 4-ю роты, как ядро и резерв моего отряда. Но это предположение так и осталось кабинетным соображением, и на месте все пошло иначе; невозможно удержать раз вызванный порыв, и нельзя остановить на полпути пущенные вперед войска.

Чтобы взобраться на Анчимеер, надо было карабкаться наверх на четвереньках. Первоначального порыва хватило на половину подъема, но импульс еще был настолько силен, что войска все еще подвигались бегом. Ну как тут сохранить единство и порядок!?

Вскоре, однако, боевой порядок установился, но не по порядку номеров рот, по правилу «равнения по передним»: карабинеры, грузины — милиционеры и егеря — все перемешались. Это был уже не штурм, а бег на призы, и это было для нас большим счастьем, так как, в данном случае, взять Анчимеер нельзя было спокойствием и порядком, а именно только наскоком и порывом.

Противник встретил нас сверху жестоким огнем, но нас выручала крутизна ската, и мы укрывались в мертвом пространстве; ядра и пули

* Князь Леван Иванович Меликов, получивший здесь своего офицерского Георгия, быстро затем продвигался по служебной лестнице и в 1859 году явился одним из главных деятелей покорения восточного Кавказа, в семидесятые годы мы видим его уже начальником Дагестанской области, а вскоре и помощником главнокомандующего Кавказской армией.

проносились над нашими головами. Одновременно горцы скатывали на нас целые глыбы камня, но наши солдаты умело от них укрывались: «Стара штука», — приговаривали бывалые старики.

Граф Воронцов и его штаб, остановясь все это время на Киркинском перевале, по другую сторону долины, следили за нами в подзорные трубы — как из ложи в опере. Говорят, зрелище было великолепное: мы казались горстью людей, разбросанных по скату этой огромной горы, которую отстаивала масса лезгин в живописных костюмах и тюрбанах, со своими значками, гордо воткнутыми в землю. По временам, по долине стлались облака и, попеременно, то закрывали, то открывали нас зрителям, погружая их в беспокойство и поселяя у них сомнение в успехе штурма.* Что касается моих егерей, то они были уверены в успехе. С самого начала дела один молодой солдат, размахивая в воздухе винтовкой, крикнул: «Прочь татары, куринцы идут!»

Это восторженное восклицание стало как бы общим боевым кличем, перекатилось среди гор в тысячи эхо и возбудило наших храбрецов. Без единого выстрела, благодаря только силе ног атакующих, захватили мы первый выступ, занятый наиболее быстроногими.

Я не имел чести лично и непосредственно участвовать в этом лихом налете по физической тому невозможности: я был уже утомлен продолжительным утренним хождением, напряжение же, потраченное мной на эту эскаладу, окончательно меня обессилило: у меня пошла пена горлом и, несмотря на то, что меня поддерживали при подъеме два моих егеря, я упал совершенно изнеможенный.

Я думаю, что я так бы и остался тут, на месте, и до днесь, если бы поблизости не случился один достойный житель Кахетии, геркулес по сложению, некто Х.

Я, так сказать, запряг его, ухватившись обеими руками за его пояс, и потащился наверх этим способом, подталкиваемый к тому же еще сзади двумя егерями, и также достиг первого возвышенного уступа, где и нашел своих людей, лежавших за гребнем и завязавших отсюда живую перестрелку с горцами, продолжавшими удерживать самую вершину горы.

Немедленно принял я все меры задержать пыл моих людей, запретив им дальнейшее наступление, с целью дать подсобраться всем отставшим, так как нам необходимо было сосредоточиться, дабы не дать себя

---

* Другой очевидец, бывший в штабе Воронцова и наблюдавший с ним этот штурм, говорит: «Между зрителями, смотревшими на бой с нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дело «bataille Anchimer» (en chimere),[206] намекая, что победа досталась дешево, но, в сущности, дело было труднее, чем оно казалось нам сверху». Очевидец этот, штабс-капитан барон Дельвиг, весь успех этого дела приписывает талантам и решительности Пассека, которого он ни в чем не обвиняет во всей этой анчимееровской операции.

уничтожить значительно нас превосходившими силами горцев. Неприятель видел нашу малочисленность и легко мог нас подавить.

Еще ранее до нас достигли звуки пения священной песни — «Ла-иллах-иль-алла» (нет Бога кроме Бога), заневаемой правоверными мучениками ислама в тех случаях, когда они обрекают себя неминуемой гибели за веру. Но этот, когда-то столь почитаемый священный напев теперь уже не имел того действия, которое имел в первые времена мюридизма, когда он производил сильное впечатление на последователей Кази-муллы, священный стих перестал быть истиной, и теперь горцы прибегали к нему скорее под давлением чувства страха. «Ничего, ваше сиятельство, нас не надуешь, — обратился ко мне по этому случаю мой верный казак Игумнов, — мы знаем, что они подлецы».

Во время удачного дела кавказский солдат становится очень болтлив, и нет никакой возможности зажать ему рот, — льется неистощимый поток шуток, прибауток и острых словечек; старики же, кроме того, очень расположены тогда давать советы, которые редко бывают плохи.*

Мы продолжали перестреливаться, пули сыпались на нас градом, и было необходимо выйти из этого положения. Я сдался на просьбу карабинеров и предоставил им с их храбрым командиром честь ударить на горцев с фронта. Неприятель стойко встретил атаку, и часть грузинской милиции была уже опрокинута, когда вовремя поспел Пассьет с ударом в штыки.

Минута была решительная. Я с егерями (три роты) взял в обход вправо; значки неприятеля почти повсюду исчезли, скопище его обратилось в полное бегство, и на вершине Анчимеера гремело победное «ура» 1-го батальона куринцев. Штурм длился три четверти часа.**

За опьянением первой победой последовало полное изнеможение; покачали офицеров, которыми люди остались наиболее довольны, указывали мне отличившихся нижних чинов, немного погорланили и по-

* Как ценны все эти наблюдения Бенкендорфа, всегда готового воздать должное всем, кроме себя самого, которого он ставит на последнем плане, и сколько жизненной правды в его воспоминаниях.

** После грузинской милиции и 1-го батальона куринцев, ударивших на позицию горцев у Анчимеера с фронта, и уже после отступления горцев, слева вышел 1-й батальон Литовского полка, а сзади постепенно подходили первые батальоны Апшеронского и Житомирского полков. Честь же удара и сбития противника всецело принадлежала 1-му батальону куринцев и грузинской милиции, и если бы эти части были опрокинуты, то один отряд Пассека едва ли захватил бы Анчимеер.

Успеху этого трудного дела мы обязаны, конечно, умению Пассека действовать в горах, его чудесному глазомеру, сообразительности и решительности и, кроме Пассека, более всего молодецкому батальону куринцев и храброй грузинской милиции князя Левана Меликова, начавшего здесь свою карьеру.

пели, но, в конце концов, измученные и изнеможенные мы все повалились на землю. Когда Пассек приехал нас приветствовать, мы могли подняться лишь с неимоверным трудом. Я лично испытывал сильнейшую боль в области сердца, мне не хватало воздуха, я задыхался, и свободно, как всегда, начал я дышать только значительно позднее и тогда, когда я вылечивался от ран, полученных пять недель спустя.

Грузинские милиционеры резко от нас отличались: превосходные пешеходы, почти все поголовно горные жители, они превосходили наших солдат в умении лазить по горам. Вместо отдыха, тесно став друг к другу и положив каждый правую руку на плечо соседа, они принялись за национальные круговые танцы, сопровождая их монотонным пением, прерываемым изредка громкими возгласами. Музыка, может быть, и не была красива, но она напоминала им славное прошлое их боевой жизни. Эти песни певались еще их отцами во время всех войн, а война была настоящей стихией былой Грузии. Эти песни распевались на берегах Инда, в эпоху победной здесь войны Надир-шаха, когда 5000 грузин составляли отборное ядро его армии.[207]

Грузины вообще отличаются поразительной храбростью, переходящей зачастую пределы благоразумия.

Например, у тушин (бывших в составе этой грузинской милиции) существовали обычаи: свадебный подарок принимался лишь при условии одновременного поднесения женихом семи кистей рук, отрезанных у неприятеля во время боя, или тушинская девушка никогда не вышла бы замуж за человека, раненного сзади.

Трудно себе представить что-либо живописнее, воинственнее и более дикое, чем эта бывшая перед нашими глазами группа грузинских милиционеров.*

Когда солнце село, мы еще находились на самой вершине горы, спускавшейся к стороне противника более отлого, чем к стороне нашего восхождения; вдали, кое-где, еще виднелись значки неприятеля. Мой доблестный грузин не был мною забыт, и я предложил ему все золото, имевшееся налицо в моем кармане, но он мне заявил, что ни за что не возьмет денег, что он дворянин и оказание мне помощи было делом чести. Ему не пришлось раскаяться в своем бескорыстии: и он, и его брат (который тут был ни при чем), оба получили по моему ходатайству некоторое повышение по службе. Впоследствии, желая сделать ему приятное, я доставил его брату должность переводчика, хотя он ни слова не знал по-татарски. Казалось, это должно было бы положить основание его карьере, но, думаю, что успех этого рода службы требо-

* Чудесные картины и рисунки мюнхенского художника Горшельта,[208] обессмертившего Кавказскую войну в своих изображениях, превосходно дополняют впечатление Бенкендорфа.

вал моего возвращения в Грузию. Оказавший мне услугу старший брат был очень хороший человек, простой и добродушный, словом — истый кахетинец. Он меня часто навещал потом в Тифлисе и приносил плоды своего сада. На Пасху, по обычаю между друзьями, он подносил мне обыкновенно совершенно белого и без малейшего пятнышка барашка.

Взятие Анчимеера произвело в горах потрясающее впечатление.

Уже 7 июня событие это стало известным в отряде князя Аргутинского-Долгорукова, действовавшего в Южном Дагестане. В известии, доставленном горцами в упомянутый отряд, упоминалось и о *трехглазом полковнике,* в котором я был признан всеми знавшими (по моему моноклю).

Результаты нашего успеха были весьма значительны для отряда, вследствие оставления противником Мичикальского ущелья, и горцы собрались в значительных силах только уже в Андии.

Граф Воронцов был очень доволен и засыпал нас своим вниманием. В ознаменовании этого славного дела, в Высочайшем приказе от того же 5 июня, Куринский полк наименован *Егерским графа Воронцова.* Имя Куринского полка мало что говорит нашей армии в России, но это имя настолько связано с боевой славой наших войск на Кавказе, что там оно не может быть предано забвению.

Главнокомандующий, в своем обращении к полку, как его шеф, со свойственным ему тактом не преминул подчеркнуть тот почет, который был связан с именем полка: «Не имя мое соединяет нас, — говорил он полку, — а нас соединяет заслуженная мною честь носить мундир Куринского полка».

Ночь с 5-го на 6-е, проведенная нами на вершине Анчимеера, была очень холодная, и так как к нам не подошли наши вьюки, то нам пришлось лечь спать голодными и под открытым небом, укрывшись одними бурками.*

Моя бурка была потеряна, но, к счастью, мой маленький Мамуд раздобыл мне другую, с помощью которой, хорошо ли, дурно ли, но я кое-как примостился в расщелине скалы.

Мамуд — молодой чеченец, родом из Шали, давно уже служил нам лазутчиком; дурное обращение, которое ему пришлось перенести от своего деверя — Шамиля (сестра его имела честь разделять ложе этого великого человека), заставило его бежать из Дарго и искать нашего

* Здесь естественно возникает вопрос, почему в штабе отряда не были приняты все меры для доставления всего обоза войскам отряда Пассека, хотя бы часть его? Воронцов поднял отряд налегке, а вслед за ним следовало направить и обоз его, и, конечно, Воронцову следовало сговориться и условиться с Пассеком, а не оставлять его без малейших указаний.

покровительства. Мы его встретили в Темир-Хан-Шуре, где он находился в качестве политического ссыльного, и так как я знал, что с ним сносился Лобанов, что он был очень смышлен и на все годен, то и приютил его у себя. Судьбу свою он связал с моей или, говоря попросту, завязал знакомство с кухней моего Семена; меня именовал своим аулом.

Мамуд отличался удивительным знанием географии своей страны и умением разбираться по карте, не имея ранее никакого о ней представления. Стоило только ориентировать карту по странам света и указать ему главнейшие рубежи, как он уже постигал все остальное.

В этот вечер он меня много забавлял, поверяя мне (на своем ломаном русском языке, перемешанном татарскими словами), что в первый же раз, как у нас будет вино, он отомстит Магомету, напившись пьяным, так как в сегодняшнем деле пуля прострелила ему рукав, что вынуждает его прервать всякую связь с религиозными постановлениями Магомета. В то время он был еще очень мил, но когда я покидал Тифлис, он уже изменился: милости, которыми он был осыпан, и невоздержанная жизнь в городе создали из него порядочного негодяя, — обычное явление порчи нравов при соприкосновении цивилизации с первобытными нравами населения, а отсюда то суровое презрение к этой цивилизации со стороны последователей Корана.

Генерал Пассек назначил две роты литовцев для сопровождения наших раненых к главному отряду, и в числе таковых было и 17 человек куринцев, принятых с той заботливостью и живейшей симпатией, с которыми принимают обыкновенно первых раненых. Граф Воронцов дал им денег, в их пользу была открыта подписка, а для доставления их в Темир-Хан-Шуру были назначены лучшие черводарские лошади. Но впоследствии, когда этих раненых пришлось иметь постоянно перед глазами, то люди мало-помалу привыкли ко всем этим ужасам и страданиям. После описываемых событий, я, как-то будучи в Дрездене, смотрел пьесу (переделанную из романа «Мемуары дьявола»), в которой один из актеров рассказывал массу ужасов и преступлений, которых он был свидетелем. Начинал он свой рассказ грустным тоном, каждый раз заканчивая его фразой: «Но ведь к этому скоро привыкаешь!» Эта сцена живо напомнила мне все те бедствия и страдания, которые уже прошли перед моими глазами, и то впечатление, которое когда-то они на меня производили.

Боже мой! До чего справедливо это — «ко всему привыкаешь»!..

Война служит богатой школой грустных и безотрадных опытов над самим собой.

Пассек получил приказание сначала обойти Мичикальское ущелье, затем захватить неприятельские орудия и, наконец, занять такую позицию, с которой он прикрывал бы движение главных сил отряда вплоть до

того пункта, где уже могло бы состояться соединение его с главными силами. Занятием Анчимеера мичикальская позиция была обойдена, что и заставило неприятеля немедленно же ее покинуть, что же касается до орудий, то не таковы были местные условия Кавказа, чтобы отыскивать их на удачу, для успеха — их нужно видеть воочию, да и этого еще недостаточно.

Что касается до выбора места для расположения нашего отряда в целях обеспечения следования главных сил, то это было исполнено Пассеком со свойственным ему глазомером и с тем знанием и пониманием условий действий в горах, которыми Пассек владел в совершенстве и в чем он не имел себе равного среди кавказских офицеров.

Я нарочно опираюсь на все цели, поставленные Пассеку, и на средства и способы Пассека для их достижения, так как вызванные ими дальнейшие операции нашего отряда (которые я постараюсь доложить с возможной точностью) были подвергнуты в свое время строгой критике и составили один из важнейших пунктов обвинения, предъявленного памяти этого генерала.*

Я говорю лишь во имя справедливости, потому что таково мое убеждение, что он исполнил лишь то, что ему следовало;** я свидетельствую в память покойника, который не раз полагался на мою защиту перед великими мира сего в минуты, когда он и не предполагал, что ему еще раньше придется предстать для ответа пред лицом Господа Бога.

Я также осуждаю это продолжительное наше пребывание на «холодной горе», так прозванной солдатами за вынесенные ими там бедствия от холода, но мое осуждение исходит из других соображений, чем

---

* Обвинение Пассека в дальнейшем, по занятии Анчимеера, движении исходило из правильного соображения, что, заняв позицию у Анчимеера, мы брали во фланг и в тыл мичикальскую позицию, которую наши противники немедленно и бросили, следовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далее на Зунумеер («холодную гору»), оторвавшись от главных сил и подвергнув себя бедствиям, и это дальнейшее движение оценивалось в отряде «необузданной отвагой честолюбивого Пассека». Конечно, вина ложится и на Пассека, но виноват и Воронцов, оправдания которого, что «успех занятия Анчимеера был так быстр, что Воронцов не успел дать Пассеку дальнейших указаний» — недействительны, он был обязан ориентировать Пассека, дать точное наставлено и уже во всяком случае обеспечить его обозом и тем или другим способом облегчить отряду Пассека его лишения и бедствия. — *Б. К.*

** Благородный Бенкендорф оправдывает Пассека, доказывая, что ему следовало преследовать, что и вызвало дальнейшее движение вперед, но кто может теперь доказать, следовало или не следовало преследовать по горам?!. Но к заявлению Бенкендорфа, как человеку правдивому и участнику, следует отнестись с полным вниманием, и мы в значительной степени склоняемся к убеждению, что граф Воронцов виноват значительно более Пассека, но Пассек был скоро убит, а Воронцов остался жив и в силе, и в могуществе, и кто мог впоследствии оправдать Пассека! — *Б. К.*

общепринятые тогда осуждения Пассека,* и я осуждаю единственно лишь из того обстоятельства, что у подошвы этой «холодной горы» было другое место, где бы мы бедствовали значительно менее и откуда мы одинаково хорошо обеспечивали бы следование главных сил отряда к Мичикалу.

Но знал ли тогда кто-нибудь о существовании этого места?** Мы были затеряны в облаках, затеряны в стране, где еще не ступала нога русского, и тем не менее Пассек сумел действовать и определить стратегически пункт, занятие которого обеспечило успех экспедиции. Пассек в эту эпоху имел много недругов и особенно завистников среди лиц Главной квартиры; на молодого сравнительно офицера, едва только начавшего подвизаться на Кавказе, имели зуб и полковники, которых он обогнал на службе, и двадцатилетние генералы, с которыми он было сравнялся.

Правды ради, следует признать, что Пассек всех их оскорблял своим высокомерием и тщеславием, которыми он был всецело проникнут.

Я в жизни не встречал большего спорщика, и, когда он сознавал, что не прав и доводы его уже не были действительны, то он переходил к решительным приемам, подобно атаке неприятельской позиции и, что называется, брал штыковым ударом. Так, однажды, когда среди его оспаривавших и уже утомившихся с ним в споре лиц, один из его товарищей, долее других его оспаривавший, заметил ему, что для продолжения с ним спора у него не хватает не доводов, а силы легких, то Пассек, все еще метавший громы, ответил ему: «Ну, не спорьте тогда, когда грудь слаба». Как, конечно, не было естественно, что Пассек имел врагов, но в данном случае были не правы обвинители Пассека. Как ни трудно мне разъяснить это обстоятельство, не имея карты, но я все же попытаюсь.

Перейти от Киркинского перевала к верховью долины Мичикале (важному пункту, который следовало занять для преграждения здесь доступа противнику) возможно было по двум направлениям: первое (горами), принятое Пассеком, в 8 верст протяжения, второе, пролегавшее тропинкой вдоль двух долин — Коцу и Мичикале, пересекавшихся почти прямым углом, в 20 верст протяжения.

Следовательно, для достижения позиции, занятой нами в качестве авангарда, было два направления, одно — прямолинейное, другое — кружное. Утверждать, что главным силам следовало слепо идти в хвосте за нами, было бы, конечно, абсурдом (по тысяче причин, объяснять которые заняло бы много времени и было бы бесполезно), и главные

---

* Упомянутые нами и заключавшиеся в необузданной отваге честолюбивого Пассека. — *Б. К.*

** Вот почему Воронцову и не следовало торопиться, а разведать, что лежало уже не на Пассеке, а на штабе Воронцова, хотя, конечно, и Пассек мог этим озаботиться. — *Б. К.*

силы, конечно, не могли рисковать подобным движением, но было ошибочным не разведать другой дороги, на которую Пассек указывал совершенно определенно.*

Главным силам оставалось только следовать этой дорогой, во-первых, дабы возможно было нас разыскать, а во-вторых, для возможности снабжения нас, не дав нам умирать с холоду и с голоду. Вместо того чтобы принять это простое и естественное решение, продолжали (очевидно, Бенкендорф говорит о Главной квартире, свите и вообще о лицах, составлявших верхи отряда) теряться в догадках и соображениях о нашем смелом движении и критиковать Пассека, который якобы один хотел все кончить, ничего не оставляя другим и предоставляя нас таким образом всем тем бедствиям, через которые нам пришлось проходить.**

Чудесное утро 6 июня застало нас на вершине Анчимеера. Воздух на больших высотах отличается необычайной прозрачностью, с глаз как бы спадает какая-то завеса, и поле зрения увеличивается почти вдвое.

С полным удобством мы как бы парили над этим нагромождением скал, над этими чудовищными трещинами и пропастями, которые сходятся, сплетаются, но нигде не прерываются, составляя в общем страну гор, именуемую Дагестаном. Мы не встречаем здесь ничего подобного строению известных нам горных стран, где соединение горных цепей, возвышение и опускание хребтов следует известной системе. Здесь — целый мир обломков и развалин: все здесь перемешано, все разбито, все в беспорядке; точно чудовищные волны океана как бы внезапно застыли и окаменели в бурю; это полное изображение первобытного хаоса.

---

* В чем же тогда заключалась рекогносцировка графа Воронцова с его многочисленной свитой и штабом? Это показание Бенкендорфа во всяком случае очень важно, и, конечно, останься в живых Пассек, он бы, вероятно, оправдался, но он был вскоре убит, а граф Воронцов ни слова не сказал в его оправдание. — *Б. К.*

** Высота Анчимеер была взята Пассеком 5 июня, причем отряд его был без обоза и вообще налегке и так и заночевал на 6 июня. Воронцов же хотел Дагестанский отряд двинуть в оставленное противником ущелье Мичикале, а остальные силы двинуть к подошве Анчимеера, к бывшему укреплению Удачному, притянув сюда и все свои обозы, и следовать потом на Мичикале. 6 июня Пассек, увлекшись преследованием, прошел хребтом Ичкен еще 15 верст и расположился на Зунумеере — «холодной горе», и тогда же Дагестанский отряд перешел в Мичикале; очевидно, что пора было спустить вниз отряд Пассека. Между тем граф Воронцов с остальными силами только 7-го перешел к подошве Анчимеера и ничем не поддержал и не снабдил Пассека, бывшего в 15-ти верстах впереди. Первая поддержка, хотя и недостаточная, оказана Пассеку после полудня 9-го, и он оставлен на «холодной горе» еще на двое суток, когда нужды в этом не было никакой, и только 11-го спущен в долину. Вина в бедствиях отряда падает на старшее начальство, на графа Воронцова, и незнание им условий действий в горах не оправдание: было у кого ознакомиться с этими условиями, знатоков при отряде было много.

Восхищаешься потрясающей красотой величественного и внушительного зрелища, но вместе с тем испытываешь чувство ужаса, как бы очутившись перед вратами ада.

Отсюда понятно отвращение, внушаемое нашим бедным солдатам грозной природой Дагестана, и та захватывающая тоска по родине, от которой они гибнут, вспоминая широкое раздолье этой родины, ее зеленые, слегка волнистые равнины, богатые и цветущие, веселые субботние хоровые песни и хороводы и церковные воскресные службы.

Сколько раз замечал я, как наши солдаты вздыхали о прелестях Чечни, между тем как там их отовсюду подстреливают, и каждый переход по лесу стоит чьей-нибудь жизни. Но там, по крайней мере, есть трава, есть лес, которые все-таки напоминают родину, а в Дагестане одни скалы да камни, камни да скалы.

«Когда бы только избавиться от этих проклятых гор».

Нельзя не повторить с Ермоловым его энергичного чисто русского выражения, вырвавшегося у него, когда он, с вершины Карачая, как и мы теперь, в первый раз увидал у своих ног этот огромный лабиринт пропастей, громадных гор, расколотых и перевернутых, образующих это море камней и скал Дагестана.

Багровое солнце подымалось из-за Койсубулинских гор. Русский человек легко поддается чужеземному влиянию, и наши войска быстро перенимают нравы и обычаи соседних народов. Видя изо дня в день, как муллы, простирая руки к востоку, с высоты минаретов призывают правоверных к молитве, мы, христиане, тоже обращаемся лицом к востоку, вознося к Богу и наши молитвы.

В самом деле, что может быть величественнее и красивее восхода солнца в горах Кавказа. В походе особенно набожно склоняешь голову перед золотым светилом, только что озарившим своим светом поле нового боя. «Зайдет ли оно до или после моей смерти за этими другими горами, по направленно которых оно движется и от которых находится всего в нескольких часах расстояния?» Таков сокровенный перед вечностью вопрос у каждого, заставляющий скрестить руки на молитву о Божьей помощи.

Барабаны ударили подъем, и мы выступили.* Мы приостановились у подножия горы, чтобы утолить жажду, так как на вершине Анчимеера не было воды. По пути нам пришлось еще взбираться на горы. Весь

* Это и было то выступление с Анчимеера генерала Пассека и следование его хребтом Ичкеп по направлению к Мичикале, которое так осуждалось в отряде и признавалось бесцельным, ибо, занимая Анчимеер, Пассек достаточно обеспечивал занятие нами Мичикале. Чем было вызвано это движение, которым Пассек отрывался от главных сил и лишал себя всех средств довольствия, остается неизвестным. Бенкендорф оправдывает это движение, указывая, со слов Пассека, на данные ему Воронцовым задачи. — *Б. К.*

остаток этого дня мы не сходили с вершин, и это был лучший способ обозрения местности и быть настороже всяких неожиданных нападений, так как мы над всем господствовали.

Направо шли все горы и горы, за которыми раскрывалось Мичикальское ущелье, налево, примерно верстах в десяти, находилась воронка или трещина (затрудняюсь дать точное название), промытая водами р. Андийского Койсу, которая и представляет естественную преграду между двойным кряжем гор, образующих Гумбет, и высоким центральным плато голых скал, образующим Аварию. Позади этих скал на фоне голубого неба вырисовываются ледники Дидо и горы Лезгинской кордонной линии.

Я был в арьергарде. Пассек перестреливался с небольшими партиями горцев. В конце дня я получил приказание занять вновь высоту, уже нами пройденную и оставленную позади, и на ней основаться. Это была «холодная гора», или, по-местному, — Зунумеер. Вершина горы была покрыта остроконечными скалами с небольшими углублениями и пещеркой наподобие собачьей будки, очевидно, посещаемой местными пастухами, судя по остаткам в ней соломы. Я в ней расположился; две мои роты стали фронтом по гребню горы, которая сообщалась с другими горами; карабинеры 1-й роты стали в резерв, а громовой голос Колюбакина (командира 3-й роты) раздавался на самой вершине, повисшей над бездной и имевшей своими защитниками 3-ю Егерскую роту. Я приказал немедленно соорудить из дерна небольшой парапет, который снаружи обложить широкими каменными плитами. Мы приняли эту меру не в целях усиления обороны нашего расположения (до сих пор на Кавказе не было случая атаки горцами нашего расположения), но лишь с целью предохранения людей от поражения их ружейными пулями, посылаемыми нам ночью. На огонь неприятеля мы не отвечали, дабы не давать огоньками наших выстрелов точек прицеливания для винтовок горцев, стрелявших обыкновенно на удачу; во всяком случае надо быть настороже и укрытым.

Тем не менее, горцы всю эту ночь поддерживали против нас значительный и весьма оживленный огонь, и мы имели 12 человек раненых. К счастью, у меня в батальоне не было потерь. Мои незначительные укрепления были окончены, и люди, лежа за ними с винтовками в руках, были достаточно прикрыты.

В этот день, как и в предыдущий, сухари были нашей единственной пищей, и так как они были в размере всего суточной дачи,* то я указывал людям экономить сухари, хотя наши вьюки и довольствие и

* Как мог допустить Воронцов потерю всякой связи с своим авангардом и необеспечение его предметами первой необходимости на столь продолжительное время? — *Б. К.*

ожидались на следующий день. Но на следующий день опять-таки ничто не прибыло, а прибыли только собственные вьюки Пассека, денщик которого, опасаясь Пассека более чем неприятеля, превозмог все за-труднения и присоединился. Кроме того, мы получили приказ по войскам, отданный графом Воронцовым по случаю дела 5 июня, продиктованный им сейчас же после дела, лично и тут же на месте, одному из стоявших при нем чиновников, писавшему его на барабане.*

Граф Воронцов был большой мастер вести дела в военном духе; приказ был из самых лестных, его прочли во всех ротах, и он был принять восторженно. В этом же приказе нам было предписано представить всех отличившихся офицеров и нижних чинов.

Составление наградных листов — дело нелегкое, и оно отняло у меня все утро и заставило меня забыть, что мы вновь провели его без пищи.

Видя ту озабоченность, серьезность и таинственность, с которыми наши походные канцелярия приступают к составлению наградных списков, можно думать, что в этом-то и заключается весь смысл войны, самое важное на Кавказе дело. «Представления» (к наградам) служат как бы пробным камнем характера личности; личности обнажаются тогда от всех прикрас, и на сцену выступают пересуды и интриги, зачастую при этом выступают на сцену лица, неизвестные доселе в отрядах и которые в эту минуту умеют извлечь для себя выгоду из пролитой другими крови; подчас встречаешь между ними и почтенных усатых ветеранов, которые во исполнение долга остаются непоколебимыми перед любыми завалами, а тут — пасуют и поддаются тлетворному влиянию этого очага сплетен и интриг.

Этому «наградному делу» придают столь большое значение, что оно в самом деле приобрело особый характер оригинальности.

Как каждый век имеет (вырабатывает) своего человека, так на Кавказе каждое ремесло имеет тоже своего человека.

Наградные дела породили на Кавказе тот особый сорт людей, которых честные люди окрестили прозвищем «штабных крыс» и которые имеют вполне определенный и резко очерченный облик, вполне обособленный тип, не говорящий ни уму, ни сердцу. От чиновников они заимствовали подобострастие, от писарей и переводчиков — нахальство, ничего не взяв от боевого офицера. К нашей чести следует заметить, что чисто русские люди и немцы не принадлежат к этой категории, и в большинства случаев ее заполняют хохлы или армяне, или поляки. Эти последние особо внедрились на Кавказе и пустили здесь глубокие корни во всех присутственных местах и канцеляриях, покрыв всю военную

* Вероятно, барон Александр Павлович Николаи или Щербинин. — *Б. К.*

администрацию невидимой сетью, окутав все ее части и отрасли, начиная с ротного писаря и кончая начальником канцелярии наших генералов-администраторов.

Конечно, эта паутина не имеет никакого политического значения и на Кавказе об этом не может быть и речи, но она создала целую систему взаимного покровительства, распространяющегося на всех ее членов, и влияние этой системы на жизнь и характер людей несомненно.

Боже меня упаси быть пристрастным. Я очень далек от этого, чтобы приписывать людям этих трех национальностей недостойную роль и умалять их заслуги на службе правительству.

Малоросс (хохол) с его полукочевыми привычками был одним из первых русских пионеров в наших колониях и завоеваниях на юге и был более способен приспособиться ко всевозможным условиям, сохраняя одновременно свою самобытность.

Армянин в Закавказье — вся надежда нашего будущего, в нем соединяются интеллигенция и богатство края. Поляк, в свою очередь, дает превосходных офицеров и солдат, достойных сподвижников русских.

Хохлы, армяне и поляки обладают качествами, которые у нас (русских и немцев) имеются в меньшей степени, в общежитии они приятны, подчас даже гибки, а между тем эти качества всегда ценились людьми при выборе окружающих и сослуживцев.

Кроме наград солдатам, по моему личному усмотрению, главнокомандующий в своем приказе пожаловал на каждую роту по пяти серебряных георгиевских крестов, и роты сами должны были выбрать достойных.

Этот старый обычай вознаграждений в нашей армии, предоставляющий солдатам право указать путем общего избрания на наиболее отличавшихся, обычай прекрасный, но, как и многие другие теории о свободе, не применим на практике. Избрание существует по требованию обычая, но оно всегда подчиняется косвенному влиянию ротных и батальонных командиров.

Если бы солдатам предоставить в этом отношении полную свободу, то мы бы увидели, что выбор их останавливался бы не столько на вполне достойных и храбрых, сколько на крикунах, состоящих в оппозиции фельдфебелю; левый элемент быстро одержал бы верх, так как режим воинской дисциплины не вырабатывает консерватизма и было бы совершенно невозможно справиться с таким левым элементом, который обладал бы всеми привилегиями, сопряженными с георгиевским крестом.

Верный кавказским обычаям, я прежде всего пришел на помощь «несчастным». С особым удовольствием я сыграл в пользу одного старого поляка, которого я знал многие годы и которому никто никогда не

приходил на помощь. Он представлял собой одну из безвестных жертв польского безумия (1830—31 г.), которое разбило столько жизней, навлекло столько несчастий на многих несчастных бедняков, явившихся козлищами отпущения настоящих виновников.

Погода менялась. Густой туман, сырой и холодный, расстилался по вершинам занимаемой нами горы, окружая нас со всех сторон. На следующий день к нему присоединились дождь и снег.

В походе, когда приходится постоянно быть на свежем воздухе, хорошая погода — сущая благодать; усталость и тяжелые лишения переносишь без особого ропота; не беда, если бушует гроза, если холод леденит члены, и, какая бы ни была непогода, она не подкосит бодрости, но вот, когда исчезнут небо и солнце, эта надежда и маяк солдата, когда лишаешься его света, тогда чувствуешь себя как бы заброшенным, представляешь себя всеми забытым, кажется, что и Господь Бог от тебя отвернулся.

Мы во всем нуждались; на солдатах были только мундиры и полотняные шаровары и шинели, не было ни палаток, ни других каких-либо укрытий от холода, вечной сырости, снега, дождя, ветра и бури, которая бушевала на этих высотах, почти лишенных растительности; не было и дров, чтобы развести огонь, а мы были на высоте 7000 ф. над уровнем Каспийского моря.

Сухари были уже съедены еще 5-го числа, и единственной пищей нам служили крошки сухарей, смешанные с травой и мохом; питьем служили снег и вода, просачивающаяся между скал, которую солдаты собирали ложками. Продолжительность дурной погоды угрожала прервать все способы сообщения, лазутчики не могли до нас добраться и, казалось, еще день и мы уже не были бы в состоянии ни спуститься с горы, ни получить никакой помощи, кроме того, горцы, хотя и на почтительном расстоянии, но не переставали нас беспокоить. Правда, пули их не приносили нам вреда, но заставляли нас держаться постоянно настороже.

Таким образом прошли дни 7-го и 8-го и часть 9-го. Холод увеличивался, снег покрыл все кругом, и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, в которых теснились по 3 человека: одна шинель служила матрацом, две другие — одеялом.

Не было слышно ни песен, ни криков, ни разговоров, и над нами повисло мертвое молчание. Молчание — самое сильное выражение страдания. Человек, полный достоинства, мужества и решительности, выражает молчанием самое глубокое свое страдание.

Молчание — язык существа слабого и нежного, разбитого несчастьем, видевшего опущение в могилу его счастья и сохранившего надежду только на Бога. Могучая натура нашего чудного солдата также

молчанием отвечала на ужасные страдания, выпадавшие ему в течение его продолжительной и трудной боевой и походной службы.

Господь, который видит его страдания, наверное, к нему будет милостив в тот день, когда последний раз на вечерней перекличке он ответит «есть», — в тот день, когда против его имени в ротном списке будет отмечено — «убит или умер».

При описании всех наших бедствий мне стыдно говорить о себе, но я не могу этого избежать, так как судьба офицера неизбежно есть часть общей картины походной службы. Мой друг барон Шеппинг снабдил моего казака кое-какой провизиею: чаем, сахаром и копченым языком, и мы этим питались. Чтобы развести огонь, пришлось пустить в дело древко ротного значка и перекладины ротных носилок.

Помнится мне, как офицеры моего батальона угостили меня несколькими ложками овсяной похлебки и как князь Казбек[209] дал мне бутылку кахетинского, которая, конечно, была распита в общей компании.

Также припоминаю, что весь день 8-го я выпил только один стакан чая без сахара. Укрывался я только буркой и припоминаю, как, при наступлении ночи, мой верный казак Игумнов ложился на несколько часов на мое место, чтобы хотя немного его обсушить и обогреть, после чего я кое-как укладывался, и как другой молодчина солдат моего батальона с той же целью ложился на мои ноги. Однако все эти меры приносили мне мало пользы, так как при каждом выстреле, а они раздавались очень часто, мне приходилось вставать, чтобы встряхнуть людей и вывести их из спячки; по возвращении мое укромное и столь уютное логовище уже превращалось в ложе грязи и снега.

Наконец, после полудня 9-го появилась для нашего снабжения значительная колонна генерал-лейтенанта князя Бебутова. Велико же было наше счастье!

Колонна прибыла со стороны Мичикале (где уже были главные силы), сделав большой обход.

Благодаря какой-то путанице, в которой мне так и не удалось разобраться, колонна эта, вместо того, чтобы доставить нам весь наш обоз, доставила нам обоз только для трех батальонов нашего отряда, принадлежавших к общей колонне князя Бебутова, а остальные три батальона (в том числе и Куринский), принадлежавшие к общей колонне генерала Лидерса,* были таким образом совершенно забыты.

---

* Произошло это вследствие того, что в Мичикале еще 6-го двинут был, как бы в первом эшелоне, Дагестанский отряд князя Бебутова, и что только из Мичикале возможно было войти в связь с Пассеком, перешедшим 6-го же к Зунумееру, а потому Бебутов 9-го и выслал обозы батальонов, бывших в составе его отряда, а

Я поднял такой шум, что мне удалось получить для моих людей двухдневную дачу сухарей, полпорции спирта, по палатке на роту и, кроме того, еще несколько палаток для офицеров и раненых.

Солдаты умудрились помещаться в одной палатки по сорока человек.

При подобных условиях снабжения мы провели на «холодной горе» еще две ночи с 9 на 11-го, и эти ночи были ужаснейшими из всех!! Всякое страдание имеет свой предел, но мы его перешли. Холод все увеличивался; последнюю ночь у нас замерзло два человека, число больных все возрастало, и в моем батальоне, пострадавшем менее других, я в конце концов имел 90 человек больных, а между тем известно, что хорошему солдату у нас совестно и стыдно признаться в своих страданиях. На все вопросы они обыкновенно отвечали: «Ничего, крепимся».

Частенько вспоминаю их, когда приходится крепиться.

Ужасный запах разложения наших лошадей, почти всех павших от голода, переполнил меру наших бедствий.

Моя красивая серая кобыла Жидовка — самая красивая лошадь во всем отряде — погибла для меня, после своего пребывания на «холодной горе» она уже никогда не могла поправиться.

Наконец пробил час избавления. Это было 11-го после полудня, в один из самых холодных, но чудесных в горах дней, какой только я помнил; туман исчез и после шести дней, проведенных во мраке ада, мы увидели над собой голубой свод неба, а под нами широкую долину, в глубине которой, словно муравьиные гнезда, ютилось 5 или 6 селений, о близости которых мы и не подозревали, но мы наблюдали их с такой высоты, что разглядеть жителей было невозможно.

В командовании нашим отрядом генерал Пассек был заменен генералом Лабынцевым, получившим приказание очистить «холодную гору» и двинуться вперед, чтобы снова составить авангард главных сил отряда, присоединившегося к нам в полном составе и бывшего на пути к Андийским воротам.

Я принял командование арьергардом, в составе 2-х батальонов, почему и оставил эту проклятую гору последним. Немедленно же после нас ее занял неприятель и провожал нас огнем, пока мы не спустились в глубокое дефиле, которое нас от него и закрыло.

Было 9 часов вечера, и наступил полный мрак, когда я достиг с своим арьергардом ночлега. Здесь наконец мы нашли весь наш обоз и

другие батальоны Пассека, входившие в состав Чеченского отряда (как и батальон Бенкендорфа), имели свои обозы на Киркинском перевале, вблизи Анчимеера, откуда, по местным условиям (не говоря уже о снеге и тумане), нельзя было выслать обоз на Зунумеер. Конечно, и эти обстоятельства — не оправдание штабу отряда, да и самому графу Воронцову. — *Б. К.*

наши палатки, о которых напрасно вздыхали мы восемь дней. Я немедленно пошел к палатке генерала Лабынцева, которого знал уже с давних пор.

Лабынцев имел на Кавказе одну из самых громких боевых репутаций. Это был типичный старый пехотный офицер и столь же типичный российский ворчун. В нем чувствовался человек, немало сгибавшийся под тяжестью ранца. Вечно не в духе, вечно занятый критикой, фрондер, какие водятся только у нас, с готовым всегда на устах ругательством, Лабынцев являлся блистательным офицером в день боя, особенно командуя арьергардом; это был поистине Ней Кавказской армии. С своими преданными кабардинцами, которыми он когда-то долго командовал, Лабынцев пройдет всюду и всегда, прорвет и опрокинет всякое сопротивление, хотя бы для того, как это было с ним в 1840-м году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское звание, лично стать во главе предпринимаемого им удара в штыки.*

Сын бедного сельского священника, солдат с ранних годов своей жизни и все время на служба на Кавказе, Лабынцев, без малейшей протекции, все свои чины и награды добыл себе исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости.

Будучи еще неизвестным подпоручиком и командуя слабого состава ротой 39-го егерского полка, Лабынцев при штурме Карса в 1828 году добыл себе офицерского Георгия 4-го класса, когда атаковал по приказанию своего непосредственного начальства, если не сказать — противно приказанию Паскевича.**[210]

В России нет никого, кто мог бы сравниться по отваге с армейским подпоручиком, сознающим, что за ним только и есть, что его мундир, и воображающим, что весь мир готов ему подчиниться; беззаботно и весело ставит он на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее.

России вообще свойствен дух завоевания, и в нашей армии любят приключения и смелые предприятия, так как держатся того мнения, что для успеха и для удовлетворения самого требовательного честолюбия достаточно только одной энергической воли, и мы никогда не бу-

---

* Как рассказчик правдивый и честный, Бенкендорф не мог не отдать должного славному Лабынцеву, личности очень скромной, но столь же замечательной по пониманию дела войны и искусному в управлении войсками во всех видах боя. Не удивительно, что в этом походе он критиковал и ругался, так как этот первый опыт графа Воронцова на Кавказе что называется вышел комом, и опытные кавказцы естественно негодовали; особенно вызывала критику торопливость и неосмотрительность действий графа, совершенно чуждого условиям ведения войны и боя на Кавказе. — *Б. К.*

** Как известно, штурм этот состоялся противно воли Паскевича, грозившего наказанием, в случай неудачи, всем ослушникам. — *Б. К.*

дем иметь недостатка в людях дела и вообще в людях решительных.* Лабынцев в этот день был не в духе более чем когда-либо, так как «нечем было закусить», и я возможно быстро окончил свой доклад. Я поторопился обойти мои передовые посты, где все время шла непрерывная пальба. Окончив свою проверку, я испытал чувство, которое можно сравнить разве только с чувством вступления на берег после жестокой бури. Наши палатки были разбиты. Весело сверкали большие бивачные огни. Котлы дымились, и нашим беднягам-солдатам, впервые в течение целых восьми суток наконец было предоставлено хотя немного отведать горячей пищи.

Прежде всего, по французской пословице — «charité bien ordonne commence par soi même»,** я расскажу о самом себе. Я неспособен припомнить, каковы были тогда, в этот первый день, мои ощущения. Для моего собственного удовлетворения я все же склонен думать, что эти первые ощущения не были эгоистичны. Так или иначе, но и моя палатка была разбита, и я нашел в ней даже то, что с некоторым хвастовством можно было бы назвать постелью, и я мог наконец переменить белье, с большими усилиями сняв с моих ног совершенно прилипшие к ним сапоги. Наконец, я увидел на столе давно невиданную мною роскошь — некое подобие ужина и вкусил несколько часов настоящего отдыха.

В походе бывают минуты драгоценных физических ощущений.

На войне солдат обыкновенно становится материалистом и, если он только не занят своим самым страшным обязательством и делом, то все его заботы сосредоточиваются или на надежде отдыха, так как он находится постоянно в состоянии усталости, или же на еде, так как он постоянно голоден.

Главный отряд, с которым мы теперь соединились, прошел также немалые трудности и лишения. Распустившиеся от дождя и снега горные тропы представили для движения препятствия, одолеть которые было по плечу разве только кавказскому солдату. Около дюжины плохо обутых и плохо одетых черводаров*** умерли от холода.

Сотни павших лошадей усеяли весь путь следования отряда.

Снабжение отряда было совершенно расстроено быстротой марша и продолжительным ненастьем, не оставлявшим нас теперь уже до самого конца кампании.

---

* Глубоко верное наблюдение Бенкендорфа, жившего впечатлениями сороковых годов на Кавказе. — *Б. К.*

** «Хорошо исполненное милосердие начинается с самого себя». — *Б. К.*

*** Нанятый для экспедиции вожатый, с лошадью и вьюком; обыкновенно этим целям служили туземцы, нанимаемые с месячной платой, причем эти черводары уже сами должны заботиться своим продовольствием и своей лошади. В этом бедственном походе черводары очутились в очень трудном положении и гибли сотнями. — *Б. К.*

12 июня утром снова наступили дожди и туманы. С рассветом назначено выступление. В распределении войск последовали новые распоряжения, и мой батальон из авангарда переведен в состав главных сил с назначением, впредь до особого приказания, прикрывать артиллерийский парк.

К назначенному времени палатки сняты, лошади навьючены имуществом и больными, и батальон стал «в ружье».

Никогда не забыть мне этого дня, глубоко мне памятного среди всех дорогих воспоминаний этого похода и памятного не по чувству личного удовлетворения, но по чувству почитания, уважения и признательности по отношению человека, которому я был предан во всей той мере, на которую я только был способен.

Мы не видели графа Воронцова с тех самых пор, как он направил нас на штурм горы Анчимеер. Сегодня сквозь туманную мглу мы увидели группу всадников в бурках и в башлыках в предшествии значка в сочетании белого с красным; то был сам главнокомандующий со свитой, направлявшийся к нам. Скомандовав людям «на плечо», сам я, в грязи по щиколотку, с папахой в одной руке и с большой палкой с железным наконечником в другой, пошел навстречу графу Воронцову.

«Боже мой, в каком виде!» — обратился граф ко мне и бросился мне на шею. Действительно, мы походили на трупы: бледные, истощенные, небритые, в одежде, утратившей какой-либо цвет, мы произвели бы оригинальное впечатление на Марсовом поле в Петербурге!

Граф Воронцов продвинул свою лошадь вплотную к первой шеренге и обратился к людям со словами благодарности; восторженное, могучее «ура!» куринцев заглушило голос графа. Он хотел продолжать, но слезы его прервали, и он только пожимал мне руки, которые все это время он не выпускал из своих.

Не успех блестящего штурма Анчимеера глубоко тронул в эту минуту графа Воронцова, но тронуло его то, что в эту кампанию мы первые живо напомнили ему его молодость и длинную серию эпизодов его боевой службы; мы напомнили ему его бои под начальством князя Цицианова, Гулякова,[211] дела под Ганжой и Эриванью, у Джарских лезгин и в Осетии, его четыре кампании на Дунае и на Балканах и эпизоды войн 1812, 1813 и 1814 годов; в его памяти внезапно воскрес целый ряд славных подвигов.[212]

Впервые, после длинного ряда годов отдыха, когда бои служили ему лишь темой для сдержанных и скромных рассказов в его прелестном замке в Алупке, рассказов, в которых он скрывал свои собственные заслуги, — война вновь представилась ему в своих потрясающих результатах и последствиях. Это было пробуждение его молодости, осенняя песнь его жизни солдата.

Всем нам сообщилось возбуждение главнокомандующего; он осыпал лестным вниманием и офицеров, и нижних чинов, и я ему представил наиболее отличившихся; для каждого из них у него нашлось и доброе слово, и похвала.

Эссен, которого я представил в числе отличившихся, заметил мне позднее: «Спасибо, ваше сиятельство, за нового кунака, он мне пригодится».

Несмотря на дождь и туман, люди весело затянули: «Мы дети Севера великого, мы дети белого Царя».

Те, кто, как я, знали близко русского солдата, навсегда сохранили к солдату чувство глубокого поклонения, присоединив к этому еще и чувство сильной и нежной привязанности. Сколько раз вспоминал я предсмертные сожаления одного расставшегося с жизнью русского офицера, умиравшего от ран в Париже, который, по свидетельству присутствовавшего при этом князя Григория Волконского,[213] обратился к нему в последнюю минуту со словами: «Не видать мне более русского солдата! Не слыхать мне более солдатских песен!!»

В этих песнях действительно есть что-то возвышающее и возбуждающее и есть какая-то своеобразная поэзия.

Изучите поближе эти кажущиеся столь инертными войска, и вы найдете в них великую душу, мощь Геркулеса и одновременно простое и нежное сердце и улыбку юноши.

После взятия Ахалциха,[214] где особое мужество проявил Ширванский полк, понесший здесь громадные потери, князь Паскевич обратился к нему с вопросом: «Много ли осталось еще в рядах полка?» — «Еще хватит, ваше сиятельство, на два штурма», — ответил ширванец-гренадер.

Да! Подобные ответы находятся всегда на устах каждого кавказского солдата. И этот ответ, кажущийся нам блестящим, для кавказского солдата является простым и естественным.

И вот, эти самые люди, эти богатыри, пламенные и отважные в деле, являются доступными каждому великодушному начинанию; по одному слову доверия или побуждения к славе, или во имя двух нераздельных в наших старых полках имен — Бога и Царя — они способны проявить высшую степень великодушного самоотвержения; а сейчас же после дела вы видите этих самых солдат, принимающих свое естественное и невозмутимое спокойствие, подчиняющихся малейшему вашему желанию, высматривающими и предугадывающими ваши желания и исполняющими их, с толком и быстротой, не имеющими себе равных в Европе.

Одушевляйте или успокаивайте русского солдата, и вы всегда встретите у него полную тому отзывчивость. Дитя и герой сочетаются в русском солдате. Он хладнокровен и непоколебим в страшной игре

на жизнь и смерть, а после боя он уже добродушно мастерит себе из трех дощечек водяную мельницу и по целым часам следит за ее работой, или, например, на службе заставы сторожевой цепи он или забавляется смешками, или дрожит от ужаса, слушая сказки ротного рассказчика.

Храбрые и славные войска, которыми никогда достаточно не нахвалишься!!

Мы следовали довольно хорошей дорогой, только что было исправленной Шамилем для провоза своей артиллерии. Оставив вправо горы с крутыми скатами, мы спустились в долину примерно 2-х верст длины, где находился родник, вода которого была испорчена неприятелем, завалившим ее трупами палых лошадей.

При выходе из этой долины, где мы могли следовать сосредоточенно, нам выпало немало спусков и подъемов, пока мы достигли наконец возвышенного плато, которое, так сказать, нависло над главной долиной Гумбета, долиной глубокой, широкой, единственной обитаемой и возможной для жизни. Прямо против себя мы имели скалистый и острый гребень гор, отделяющих Гумбет от долины Андии. Он отходит от главного хребта и под прямым углом направляется в долину Андийского Койсу. Эту преграду можно перешагнуть только в одном пункте, известном под именем «Андийских ворот», представляющих узкую теснину, глубиной шагов в 800. У наших ног лежало большое селение Тилитль, куда нам предстояло спуститься.

Все то, что я теперь описываю, я видел только впоследствии, так как наступил большой туман, закутавший нас со всех сторон и оставивший полю нашего зрения лишь только то, что высота, по которой мы следовали, сразу обрывалась вниз на страшную глубину. Справа высилась отвесная стена, слева — бездонная пропасть; один неверный шаг лошади стоил ей смерти; и здесь-то спустился весь отряд, на что понадобилось 24 часа времени!..

Немыслимо было рассчитывать в эту кампанию на порядок следования вьючного обоза. Я уже имел на этот счет печальный опыт, и, так как у меня на руках было много больных и все мои люди нуждались в отдыхе, то я, как только пришла моя очередь спуститься, самовольно задержал всех вьючных лошадей моего батальона; без этой посредствующей предосторожности и, очевидно, противно общему плану, я получил бы вьючный обоз не ранее завтрашнего дня и, вероятно, вовсе лишился бы части его.

На войне зачастую приходится, противно всему, заботиться о себе самому. Каждая вьючная лошадь имела при себе шесть человек конвойных солдат: двое придерживали ее спереди и четверо сзади; все сошло прекрасно, и мы ночью имели пристанище.

В штабе отряда не озаботились порядком расположения войск, и я вечером с трудом добился указания места расположения моего батальона, после чего пошел к графу Воронцову. Блуждая этой темной ночью, я, случайно имел счастье столкнуться с его светлостью принцем Гессенским, который только что собирался сесть за ужин. Я получил приглашение, и ничто не могло быть более кстати; давно уже не вкушал хорошего стола и теперь я воздал ему должное.

На следующий день войскам был дан отдых и, к счастью, была хорошая погода; было даже жарко. Войска пользовались отдыхом и погодой; сняв одежду, просушивали ее и наконец получили в этот день горячую мясную пищу.

Первый раз в течение десяти суток я мог спокойно провести этот день на отдыхе и в приятном мне обществе лиц Главной квартиры и даже развеселиться под покровительством Минквица и Щербинина.* Но, однако, не надолго пришлось мне насладиться этими удовольствиями.

В виду принятого решения для обеспечения сообщений между главными силами и укрепленным этапом Кирки иметь (на этапах) два отдельных отряда (как гарнизоны этапов), для этой последней службы были предназначены части, наиболее пострадавшие в походе, а следовательно, и прибывшие с «холодной горы». Командуемый мною батальон куринцев вошел в состав наиболее важного в стратегическом отношении мичикальского отряда, вверенного полковнику Ковалевскому.

С большим сожалением познал я необходимость обратного возвращения батальона, но что можно было возразить против этого распоряжения, тем более, что из состава моего батальона 30 человек имели отмороженные ноги, из коих у 15-ти уже начинала обнаруживаться гангрена, и, наконец, более сотни пострадавших чинов батальона представляли собой не более как инвалидов.

Все умы к этому времени были заняты Андиею, и 14 июня было решено форсировать единственный перевал в эту долину, так называемые Андийские ворота. Полковник князь Барятинский с командуемым им 3-м батальоном кабардинцев добился назначения следовать в голове колонны, назначенной для штурма Андийских ворот.

Надеялись, что со взятием этих ворот андийцы придут с покорностью и что их примеру последуют соседние племена.

Главнокомандующий предполагал завоевание это довершить еще и всеми средствами того обольщения, которым он владел в такой высо-

* Щербинин состоял долго при графе Воронцове и составил его биографию, представляющую, впрочем, чистый панегирик. Дочь Щербинина, известная красавица, Марья Михайловна, была замужем за М. Е. Чиляевым,[215] грузином, человеком весьма образованным и хорошим администратором, лицом, очень известным на Кавказе. — *Б. К.*

кой степени — тем неотразимым очарованием, с помощью которого он обыкновенно завоевывал себе доверие и уважение мусульманских народов. Но все эти расчеты ни в чем не оправдались, начиная с того, что Шамиль не взял на себя труда обороны возведенных им здесь укреплений и уступил нам без боя Андию, но уже обращенную в пустыню и разоренную, а подобное печальное завоевание не имело уже для нас значения. Что касается до Шамиля, то это проявление решительности и власти имело для него значение огромного успеха. Все притихло. Сопротивлявшиеся Шамилю были поражены ужасом, и народности Дагестана только еще ниже склонили свои головы перед каравшим их мечом новым владыкой гор и перед огнем, уничтожавшим их жилища.

Андия от нас ускользала: эта истина, столь очевидная теперь, когда мы обнимаем вопрос в общем, и вытекавшая из совокупности всех обстоятельств, тогда еще не была столь осязательной и не поразила тогда все умы.*

Туземцы, служившие в отряде,** и двое русских,***продолжительным опытом изучившие войну на Кавказе и горцев, только одни понимали все значение этого события, да, одновременно, еще небольшая часть чинов Главной квартиры усматривали в этом событии печальное предзнаменование.**** Большинство же ничего в этом не видело или не желало видеть.

Что касается до нижних чинов, то беззаботные солдатики желали только подраться да позабавиться, и так как до сих пор не было ни кровавых, ни трудных дел, то все они жаждали только боя. Докучали нас только лишения, тем более, что стало известным, что Андия лишена всех средств довольствия.

Некоторые даже завидовали моему выступлению: «Там, — говорили они, — вы ни в чем не будете нуждаться, там найдете вы все, что нужно для жизни и для благополучия». А известно ли вам (читатель), что подразумевается на Кавказе под выражением: «решительно все, нужное для жизни?» Хорошая вода, пастбище и дрова — вот и все, что

---

* Что только еще раз доказывает как неверны и эфемерны были расчеты и соображения Петербурга, которые долго разделял Воронцов, противно мнению кавказских генералов, о чем сам Воронцов писал военному министру графу Чернышеву от 25 мая из Ташкичу: «Если бы даже приказание наступать было противно моему мнению, как не согласны с ним все здешние генералы, то я все же исполнил бы его с тем же рвением, но признаюсь откровенно, что я тоже стою за наступление». — *Б. К.*

** Во главе которых следует поставить князей: Василия Осиповича Бебутова, Григория Эристова,[216] и Левана Меликова, Илью Орбелиани и Александра Эристова. — *Б. К.*

*** Вероятно, Лабынцев и Ковалевский. — *Б. К.*

**** Преимущественно, конечно, кавказских офицеров, т. е. уже послуживших на Кавказе.

нужно для жизни.

Таковы были те прелести, которые меня ожидали и предстоящее пользование которыми мною вызывало столько зависти. Для нас, лишенных всего этого столь продолжительное время, в сущности, это было действительно хорошо.

14-го утром главный отряд занял Андийские ворота, перешагнул их и занял противолежащую долину. Авангард без выстрела занял главное селение, в данное время разрушенное и поспешно очищенное противником.

Шамиль присутствовал лично при занятии нами селения, и его полчища занимали высоты, противоположные только что пройденным нашими войсками. Вслед за этим прошло одно из самых блестящих дел этого похода.*

Полковник князь Барятинский** с двумя первыми ротами командуемого им батальона, шедшими в голове авангарда, безостановочно преследуя противника, с невероятной отвагой атаковал эти самые высоты, хорошо охраняемые и стойко обороняемые. Постепенно атакуя террасу за террасой, он взобрался со своими кабардинцами-егерями наконец на высоту под непрестанным ружейным и пушечным огнем. Противник несколько раз пытался остановить это наступление, но не выдержал этого смелого удара; Барятинский, опрокидывая все препятствия, продолжал свое движение, отовсюду выбивая лезгин и вынуждая их к отступлению.

Усиленный Грузинской милициею,*** князь Барятинский штурмовал вершину высоты, с которой горцы едва только успели свезти свои орудия.

Вся Главная квартира приняла участие в конце этого славного боя. Принц Александр Гессенский, рыцарскому мужеству которого пришлось впоследствии подвергнуться еще более сильному испытанию, принял здесь впервые участие в бою при живом одобрении целого отряда, разделить участие в работе которого он приехал из столь далека и который за его манеру держать себя среди нас платил ему почетом, уважением и благодарностью.

Граф Воронцов прискакал в карьер к этой горсти удальцов, кото-

---

* Блестящих с внешней стороны, где преднамеренно был дан случай отличиться флигель-адъютанту князю Барятинскому, но потери не оправдывали результатов.

** Будущий фельдмаршал.

*** Барятинский, щеголяя своей личной храбростью и в своей жажде отличий, что называется, зарвался, не подождав присоединения остальных частей авангарда, и бесполезно подверг свои две роты героев чувствительным потерям; грузины понесли здесь также достаточные потери.

**** Не отрицая всего значения личной храбрости князя Барятинского, тем не менее, это наступление 2-х рот кабардинцев, не выждав остальных войск, было неблагоразумно и повело к напрасным и тяжелым потерям в рядах этих бесценных рот славного полка.

рых привела к этим отличиям блестящая храбрость их командира.****

Проезжая через селение, граф навестил раненых. Кабардинцы, все еще находясь в боевом возбуждении, не переставали кричать: «А ведь мы стоим куринцев!»* Один бедняга, с разбитой ногой, на вопрос графа Воронцова — как он себя чувствует, отвечал: «Я-то что — пустяки, а меня беспокоит рана полковника князя Барятинского». Таково у наших солдат упоение победой; таков избыток любви его к начальнику, который его понимает и умеет его вести; весело забывает он и свои страдания, и свои лишения.

Раз я заговорил о солдате, я считаю долгом выразить ему всю мою благодарность и привести здесь глубоко и навсегда запечатлевшуюся в моем сердце черту его великодушия. Это было 19 июля.** Нас было четверо раненых штаб-офицеров и нас несли на носилках во главе подобного же многочисленного и скорбного транспорта.*** Двигаясь в густом лесу и прибыв к повороту дороги, мы были встречены залпом справа, с высот, не занятых нашей правой цепью; мгновенно все шествие остановилось. Первый из нас полковник Бибиков (командир Навагинского полка) получил пулю в грудь, от которой вскоре скончался. Меня несли егеря моего батальона; приставленный ко мне унтер-офицер, ни слова мне не сказав, лишь слегка кивнул людям головой в сторону меня и неприятеля, что от меня не ускользнуло. Сейчас же один карабинер с Георгием на груди (как сейчас вижу его воинственную фигуру) гордо выпрямился, расправил свою грудь и мужественно стал между мной и угрожавшей мне опасностью и с видом человека, бросающего вызов.

Я находился в состоянии полной слабости и полной неспособности что-либо видеть и чувствовать, но, я думаю, что я был тронут до слез. В эту минуту я уже не был внушавшим страх и уважение начальником, и мой голос, как это принято на Кавказе, уже не служил для солдат сигналом; я представлял собой ни более, ни менее, как жалкого калеку. Глубоко тронули меня эти лично ко мне относившиеся заботы этих молодцов.

Что может быть красноречивее и более говорить сердцу, как это простое, искреннее и немое самоотвержение солдата, выставляющего за вас свою жизнь, не высказывая и сомнений, что это жертва, которую

---

* Здесь кабардинцы соревновались со своими кунаками куринцами, отличавшимися, как это уже было здесь рассказано, при штурме горы Ачимеер под общим начальством генерала Пассека. Полки эти считались лучшими во всей Кавказской армии и не имели себе равных.

** Значительно позднее описываемого и уже по отступлении отряда через Чечню к Герзель-аулу.

*** Кроме Бенкендорфа, еще полковник Бибиков (здесь убитый), полковник Завальевский и граф Стенбок-Фермор.

он вам приносит...

Возвращаюсь к прерванному рассказу. В то время, когда все эти события происходили в Андии, откуда до нас доходила дальняя канонада, наша колонна больных и раненых приняла противоположное направление и с усилием подымалась по той самой дороге, по которой мы несколько дней тому назад спускались.

Поднявшись на вершину плато, мы снова очутились в облаках. Наш печальный транспорт подвигался с трудом. Несчастные больные беспрестанно соскальзывали с вьюков, чем и задерживали движение.

Я открывал все шествие, и мне стоило много труда не сбиться с дороги, до того был густ туман, и чтобы ориентироваться, я поминутно высылал людей, вправо и влево. Лучшими указателями пути были трупы павших лошадей, попадавшихся на каждом шагу и свидетельствовавших о нашем здесь первом прохождении. Иногда попадались и тела наших убитых и умерших, вытащенных неприятелем из могил и подло им поруганных; я приказывал тогда предать их вновь земле.

Ничто не может быть ужаснее смерти, перед лицом которой все утешения мало говорят сердцу и разуму. Особенно сильно поддаются тяжелому впечатлению молодые солдаты: и вот вчерашнего товарища по палатке, вчера еще друга, он находит здесь, зверски поруганным и брошенным на съедение коршунам и шакалам, что он невольно приурочивает и к себе.

Вообще, ничего нет ужаснее происходящего в тылу армии, чего и не подозреваешь, пока идешь вперед.

День кончился. Полковник Ковалевский приказал мне выбрать на ночь позицию. Ничего не было видно; тут, к счастью, пригодилась моя способность запоминать местность. Я скорее угадал, чем увидел отдельное плато, на котором мы ночевали 11-го; здесь мы разбили палатки.

На другой день погода улучшилась; было чудесно, даже жарко. Мы перешли цепь гор, разделяющую нас от Мичикале, и спустились в долину Акташа, длиной около 8-ми верст, до того места, где дорога последний раз пересекает эту речку; там-то и было указано нам расположиться. Берега реки были очень круты и переходить ее с нашими больными было и очень трудно, и очень опасно. Неприятель показался справа, но не очень нас беспокоил, насев лишь на наш арьергард.

Совершив переход, наш полковник расположил наш лагерь на двух высотах, соединенных между собой седловиной и достаточно вне сферы неприятельского огня с соседних гор.

Мы расположились со всеми удобствами, как люди, устраивающиеся на новой квартире, что было первый раз со времени ведения нами

цыганского образа жизни. Мы нашли хорошую питьевую воду и в изобилии дрова, но для лошадей и для 40 штук рогатого скота, назначенного в пищу солдатам, у нас были очень плохие пастбища, да еще удаленные от лагеря.

Все пространство кругом нас было черно, так как войска, подобно саранче, все пожирают на своем пути, оставляя за собой пустыню.

Чтобы передать в центральный Киркинский госпиталь всех тех многих, порученных нам, больных, Ковалевский должен был войти в сношения с генерал-майором Кудашевым, командовавшим этапом-лагерем в Кирке.

Я принял участие в этой операции, совершенной нами 16 июня.

Ковалевский — достойный офицер: очень храбрый, очень энергичный, большая умница и обладает опытом кавказской войны. Он много изучал Кавказ, служил на Кавказе около 15 лет, с отличием в качестве офицера Генерального штаба, но испытал судьбу многих своих товарищей, в особенности — служивших колоновожатыми и руководителями наших отрядов в Дагестане; одиночество слишком возвеличивало их в их собственном мнении, и они кончали верой в непогрешимость своих мнений, никогда и никем не оспариваемых и не контролируемых, ибо в большинстве случаев они окружены людьми с меньшими познаниями.

Ковалевский был именно таким человеком, типичным представителем такого рода характеров; он сомневался во всех, в себе — никогда. Он был одержим той чисто кавказской болезнью, которая выражается в порицании и осуждении всякого начальника, каким бы он ни был, единственно только потому, что он — начальник.* Про Ковалевского часто говорили, что с ним нельзя столковаться. Я нахожу это несправедливым, и я сам — лучшее тому доказательство: под его начальством можно прекрасно служить, и после долгих с ним 12-ти дней мы расстались друзьями. Но должен сознаться, что, как начальник, он-таки довольно крут; я лично не боялся его обидеть моими осуждениями, ибо такое обращение ему по душе, и если эти строки попадутся когда-либо ему на глаза, то он, смеясь, согласится с этим и, помахивая по обыкновению трубкой, скажет: «А ведь Бенкендорф прав!» Он был из числа тех, которых Кавказ оторвал от семейной жизни и которые будут доживать свой век, пока лихорадка или вражеская пуля не положит конец их карьере, так как на Кавказе никто не умирает своею смертью. Если,

* Умница, знающий вообще и Кавказ в частности, Ковалевский, вероятно, не стеснялся осуждать перед Бенкендорфом всю эту нелепую экспедицию 1845 года вообще и отдельные ее эпизоды, и доставалось, вероятно, и графу Воронцову, и Лидерсу, и Гурко, и всему многочисленному штабу и свите Воронцова, и все эти осуждения, вдобавок, сыпались в резкой форме, что не могло особенно нравиться сдержанному и воспитанному Бенкендорфу. — *Б. К.*

несмотря на его недостатки, пользоваться им умело, то он мог бы оказать нам большие услуги, и потому я надеюсь долго еще видеть его орудующим в Дагестане с неизменными — компасом в одном кармане и песнями Беранже,[217] в качестве молитвенника, в другом.*

Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком — ничто, а сам человек — все, страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей, управление которых (ведение которыми дела) не поддается никакой заранее данной им инструкции; такая страна, повторяю я, облагораживает человека, отдавшегося ей душой и телом, принимая, конечно, во внимание занимаемое им положение и соответственно оказываемое ему доверие.** Раз он на этом пути, то он может иногда зарываться, и самолюбие его может быть безгранично. Но стоит ли ради этого останавливать его в его благородной и полезной деятельности?!

Зачем лишать себя этого неоцененного сокровища —«Кавказа», который суть никто другой, как тот же русский, переделанный Кавказом!*** Во имя общего блага и принимая во внимание его достоинства, будем сносить его гордость и независимость его характера; ведь без него на Кавказе ничего не будет сделано такого, что бы стоило Кавказа!!

Правда, кавказцев много упрекают в том, что они составляют как бы особую партию или союз; да, это союз, но союз в лучшем смысле этого слова, союз уважаемый и благотворный, так как основанием его является глубокое знание края и любовь к нему всего того же края.****

Из 6-ти рот, сопровождавших наш транспорт, одна рота Куринского и одна Апшеронского полков были оставлены в Мичикале для обес-

---

* Превосходная, полная правды и жизни, меткая характеристика этого также выдающегося деятеля кавказской войны, павшего в 1854 году смертью храбрых при штурме Карса.[218] — *Б. К.*

** Превосходная, верная и весьма интересная характеристика условий военно-административной службы лучших русских людей на Кавказе, условий естественных, вытекающих, так сказать, из природы вещей. В самом деле, обстановка военно-административной и чисто военной службы на Кавказе в те времена была такова, что только самостоятельное и независимое отношение к делу, полное находчивости и решительности, обеспечивало успех этого живого дела войны в умиротворении кавказских народностей. Здесь-то и вырабатывалась та бесценная нравственная самостоятельность отдельных лиц и массы, в которой и заключается ключ к успеху во всякого рода практических делах, а тем более в таком практическом и живом деле, как война, да еще и народная. — *Б. К.*

*** А сколько было на Кавказе таких деятелей, взросших в атмосфере нравственной самостоятельности в живом деле вечной войны, требующем независимость, сметку и решительность?!. — *Б. К.*

**** Союз этот был обширный и составил кадры той армии, которая покорила Кавказ и которая так резко отличалась от войск Империи. — *Б. К.*

печения лагеря. По возвращении нашем 17-го, мы застали здесь все в возбуждении, хотя неприятель и не показывался, а все смятение было вызвано коровой, Бог знает откуда явившейся. Началось с того, что солдаты обоих полков открыли по ней охоту, потом стали спорить о дележе.

Тот, кто никогда не едал баранты,* не поймет всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обе щеки чужое добро, и не поймет также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще — лучше продаваемого мясником и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказе разбойничество — что называется — носится в воздухе, им упиваются, и существует особая любовь жить воровством. Может ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносит разнообразие в монотонную выдачу одних только гнилых сухарей от интендантского чиновника! Там, где война есть обыденное и непрерывное занятие, в войсках очень легко возникают драки, и то же самое происходит и между кавказскими полками, настолько же чуждыми один другому, настолько же склонными к зависти и даже к ненависти друг к другу, насколько подобное отношение естественно между жителями соседних долин. С одной стороны пускаются в ход штыки, с другой — приклады, и в обеих частях, как это обыкновенно водится, офицеры стоят за своих людей.

Служба на Кавказе обособляет жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересов, и все те общие связи, которые связывают полк с общим отечеством, порываются до такой степени, что люди почти забывают, что они служат одному общему делу.

Так и здесь, в Мичикале, не появись вовремя Ковалевский, быть бы междуусобной драке. Очевидно, был виноват мой Эссен, командир Куринской роты, который, как младший в чине, должен был слушаться Евдокимова,**[219] командира Апшеронской роты. Но мог ли куринец подчиниться апшеронцу, не краснея, не унижаясь, не признавая себя виновным?! Мог ли Эссен подчиниться, он, который всецело принадлежит полку — своей единственной родине, он, который считает за честь разделять все полковые симпатии и антипатии?! Между тем, между куринцами и апшеронцами издавна существовала вражда.

Одни из них получают большее, другие меньшее содержание, одни — дерутся все время с лезгинами, другие — с чеченцами, одни — все время ведут войну в горах, другие — в лесах, одни, наконец, носят красный околыш и белую портупею, другие — темно-зеленый околыш и черную портупею; как же им при таких условиях не ненавидеть друг друга?!.

---

* Скот, отбитый у неприятеля, — рогатый и овцы.

** Родной брат известного впоследствии Николая Ивановича.

Однажды. в одном селении, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и апшеронцами; куринцы не преминули принять в ней серьезное участие. Но кому пришли они на помощь? Конечно — не апшеронцам!

«Как нам не защищать чеченцев, — говорили куринские солдаты, — они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся»!..[220]

На Кавказе полк никогда не меняет места своей стоянки; основанием своей постоянной штаб-квартиры он упрочивает покорение и безопасность края и бросает эти постоянные штаб-квартиры только для новых завоеваний, которые опять-таки только таким способом он и может упрочить.

Каждый из наших полков представляет таким образом как бы воинственное племя, пустившее корни в занимаемой им местности; каждый полк в известной степени ассимилируется с местностью, моральное влияние которой дает характеру солдат известную окраску, изменяя даже его язык.

Полк служит не исключительно только целям чисто военным, т. е. обороне и покорению края, нет, он вносит в страну возрождение, свет, прогресс и обрусение.

Если место штаб-квартиры выбрано удачно, то городок этой русской колонии составляет центр всего края, который до сих пор не имел такового.

Каждый полк составляет конгломерат (учреждений), строит церкви, содержит госпиталя, магазины, школы, притягивает к себе купцов, поставщиков, открывает целую сеть разного рода производств, открывает новые пути сообщений, разрабатывает леса и пустыни и для достижения всех этих прекрасных результатов он ищет в самом себе средства и способы существования, ибо он очень скоро погиб бы, если бы не был обязан самому себе, что, впрочем, не так уже и трудно, благодаря смышленности и способности наших солдат.

Каждый раз, когда устраивается новый полк, то это событие, для живших доселе уединенно и без связи с внешним миром, является поистине приятной неожиданностью — интересной новостью.

Из всего сказанного видны все то значение и вся та польза для туземного и русского элементов, которые проистекают из единства управления, т. е. единства гражданского и военного управлений, установленных на Кавказе.

Наши полки в Закавказье много утратили этого цивилизаторского элемента введением там нового порядка вещей, но на Кавказской линии и в Дагестане ничто не изменилось в этом отношении, и оно таково, каковым его требовал Ермолов, первый из наших генералов, оценивший это влияние в должной степени. Отсюда видна та роль, кото-

рую обстоятельства налагают на того, кто назначен командовать полком, и та осторожность, какую надо проявлять при назначениях, в чем нужно тем более мудрости, что на Кавказе командир полка в сфере своей деятельности не подлежит контролю.

Случается, что безупречный на инспекторском смотру командир совершенно не годен ни для края, ни для полка, другой же командир, у которого на смотру нашлись непорядки, — превосходен.

После многих заблуждений наши военные власти решились наконец не проверять управления полковых командиров, сознавая, что нужно только уметь выбирать людей, но в этом-то и заключается вся трудность: большинство батальонных командиров (боевых), составивших себе имя на Кавказе, редко бывают на высоте такого ответственного командования; туземцы, столь многочисленные в наших войсках, еще менее тому пригодны; но самое худшее назначение — это офицеров без всякого прошлого и прямо из образцового полка. Командиры из образцового полка понимают службу только в одном виде, с формальной стороны, да и то толкуют ее вкривь и вкось; для войск эти господа — сущее бедствие, язва.*

Для хорошего командира полка на Кавказе требуется человек просвещенный, с взглядами широкими, благородный и доброжелательный, преданный краю и делу, которому он призван. *Лучшие полковые командиры, которых мы имеем, почти все офицеры Генерального штаба.*

Возвращаюсь к Эссену: он был немедленно посажен под арест. Ковалевский хотел было выслать его из отряда и предать полевому суду, чего он, конечно, заслуживал, но я заступился за него. В наших кавказских войсках почти никогда не проявляют строгости.

По существу Эссен был хороший офицер, а ротного командира нелегко заменить в кампании, а затем следует принять в соображение, что эта страна дикарей не может не влиять на общую дикость нравов.

Я вернул Эссену шашку только накануне выступления из Мичикале. Стараясь не подчиняться авторитету его седины, я ему долго говорил о неприличии его поступка; он поклялся мне, что сумеет себя побороть, что ничего подобного не повторится в будущем и что он сделает все, чтобы мне угодить. Никогда я не был так доволен собою, — так я был красноречив и убедителен. В самом деле я мог себя поздравить, так

---

* Как хорошо подчеркнул честный и боевой Бенкендорф, это бедствие от «образцовых командиров», что еще более справедливо для Империи, где в это т. н. «Николаевское время» только «образцовые» и шли вперед. На этих-то из «образцовых» — бригадных, дивизионных и корпусных и возлагали мы надежды в восточную войну 1853—1856 гг., и кампания и вышла «образцовой». Только Кавказская армия двигала людей другого сорта, и одна только она и порадовала Россию в эту войну. Прошло 70 лет, а образцовые остались, приняв только как бы более полевой вид, но и полевой-то вид более с формальной стороны. — *Б. К.*

как, уходя, Эссен объявил мне самым скромным образом: «Во всем буду повиноваться, но об одном только прошу, если попадется апшеронец ночью, наедине, так, чтобы никто не видал, то позвольте его задушить».*

С 17-го мы почти не двигались из нашего лагеря. Санитарное состояние войск с каждым днем становилось печальнее: войска начали страдать от перенесенных ими на «холодной горе» лишений, случаи дизентерии участились, и наши ноги, размягченные отдыхом и теплом, начали пухнуть от прежних сыростей и морозов.

Больше половины моего батальона прошло через эти новые и мучительные испытания; по всему лагерю только и были видны несчастные люди, которые со стоном влачились на четвереньках, не будучи в состоянии стоять на своих отмороженных, покрытых нарывами ногах.

Я имел также свою долю страданий. Правда, у нас были доктора, но аптека не была достаточно оборудована для стольких несчастных и вместо лекарства им прикладывали только коровий кал.

Покоем и хорошей пищей надеялись мы заменить лекарства. Каждый солдат получал свежее мясо и приправой к супу служил дикий цикорий (способствующий очищению крови), который мы находили и собирали в изобилии. Каждый день мы высылали незначительные отряды, вооруженные и обеспеченные от всякой опасности, для исследования местности и сбора этого драгоценного растения.

---

* О том же Эссене князь Дондуков-Корсаков говорит в своих воспоминаниях: «В 1847 году, в чине капитана, по старости лет Эссен был назначен воинским начальником в укрепление Умахан-Юрт на правом берегу Сунжи; на левом берегу находился большой мирный чеченский аул Брагуны. По распоряжению начальника левого крыла Кавказской армии, в то время известного генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорейшей перевозке казенного провианта в склады Умахан-Юрта.

Перевозку эту взяли на себя мирные брагунцы и на паром переправляли в укрепление через Сунжу провиант. Эссен, куря трубку, сидел на батарее, командующей переправою, и все ругался за медленность доставки и, наконец, раздосадованный на паромщиков и чеченцев, приказал зарядить орудие картечью и выстрелить на паром в толпу брагунцев. Несколько человек было ранено, трое убито, но зато провиант был переправлен с неимоверной скоростью. Эссен доносил Фрейтагу о происшествии в следующих словах: «Переправа и доставка провианта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумным мерам кротости, я побудил брагунцев скорее исполнить распоряжение Вашего Превосходительства, и весь провиант доставлен в укрепление в целости».

Никто бы не думал жаловаться, если бы Эссен не приказал взять в укрепление тела убитых и запретил их выдавать родственникам. Роберт Карлович Фрейтаг похвалил Эссена за распорядительность, ничего не подозревая, как вдруг явилась депутация старшин брагунцев в Грозную с просьбой разрешить выдачу тел родственникам. Тут все открылось. Эссен был сменен и потом подал в отставку. Рассказ слышал я от самого Фрейтага, прибыв в Грозную, вскоре после означенного происшествия». — *Б. К.*

21-го у нас в лагере была тревога, вызванная дальней канонадой. Оказалось, что было дело у кн. Бебутова, следовавшего со вторым транспортом из Андии. Конный неприятельский отряд Хаджи-Мурата, воспользовавшись густым туманом, незаметно приблизился и бросился на часть колонны, которая шла в беспорядке. Одно время сам генерал был в опасности. 30 человек наших, по большей части больных, были изрублены, и неприятель отошел, потеряв 10 человек своих.*

От этой колонны мы получили первые известия из Андии. При этой колонне находился гроб поручика Маевского, моего товарища по Пажескому корпусу. Между пажами он выделялся светлой и умной головой, многообещающими способностями; оставайся в живых, он бы выделился на Кавказе, как многие другие, Маевский был предан душой и телом Кавказу, бывшему для него единой надеждой, но наступила смерть. Смерть!.. Всегда смерть!.. На Кавказе она — направо и налево, спереди и сзади; пуля, вам предначертанная, поражает вас в бою, так же во время сна, снаряд поражает вас за столом, со стаканом в руке, так же, как и во время приступа. «Смерть завсегда подле ходит», как говорят казаки.

Спасает вас обыкновенно ряд незначительных случайностей, но в тот день эта счастливая случайность замедлит; когда этой случайности нет в данную минуту, то смерть мгновенно уносит свою добычу. Называя это обстоятельство случаем, я знаю, что я неправильно обозначаю испытываемое чувство, но на Кавказе, где так сильна вера в предопределение, невозможно отрешиться от известной доли фатализма.

Фатализм отвечает этим человеческим массам, живущим большей частью интересами минуты; он исключает все другие мысли и заботы, и не одному солдату помешал он отступить перед опасностью.

Между туземцами Кавказа немало христианских народностей, и мы собственно и начали воевать для святого дела освобождения их от мусульманского ига. На Кавказе христианство весьма древнего происхождения, но сквозь десять веков притеснения и варварства эти бедняги могли сохранить лишь внешнюю сторону — формы, обряды и обычаи, и эта к ним приверженность в несчастье — большая заслуга народа и дает ему ореол славы. В лучшие времена на них прольется истинный свет, божественная правда, милость и надежда.

С другой стороны, исламизм на Кавказе моложе и более понятен стране, где все дышет войной, а потому он принял характер завоевания и полон могучей энергии. Евангелие почти незнакомо мингрельцу или осетину, зато слова Корана составляют науку и предмет размышления

---

* Все дело и здесь спасли те же незаменимые кабардинцы, бывшие в составе прикрытия; оплошности службы проявляли только войска 5-го корпуса, пришедшего из России, которые до тех пор готовились только к смотрам. — *Б. К.*

всякого последователя Магомета; принципы, вытекающие из Корана, слились с обыденной жизнью этих народов, и импульс, сообщаемый ими уму, господствует в такой степени, что реагирует даже на нас, вот, между прочим, откуда вытекает и наш фатализм.*

Благодаря привычке к вечно повторяющейся опасности, картина смерти стала совершенно обыденной и постоянно представляется уму тех, кто давно живет на Кавказе. Для тех же, кто там родился, — смерть соседка и, когда она является, то почти что не тревожит того, кого подкашивает, а для тех, кто видит, как умирают, смерть — простой случай. Когда казак-туземец бывает убит в перестрелке, то над ним немного повоют старые казачки, а молодые пошлют проклятие «некрещеному» убийце своего возлюбленного, но в станице столько других и таких красавцев, что они быстро утешаются между вчерашней и завтрашней боевой тревогой.

Что касается до мертвеца, то в его честь постреляют из ружей, — это музыка, при которой он впервые увидел день, под звуки которой он резвился ребенком, под ту же музыку он ухаживал, этой же музыкой приветствовали его друзья день его свадьбы, она сопровождала его в бою, и она же наконец вторила надгробной по нему песне. Для казака выстрел из винтовки — то же самое, что большая тунга кахетинского вина для ленивого жителя благословенной Грузии. Какой бы ни представился случай и каково бы ни было расположение духа, один стреляет, а другой предается Бахусу.

Мысль о смерти зачастую представляется в виде шутки. Помню, как однажды Фрейтаг выслушивал сообщение лазутчика, когда я вошел к нему в палатку; взглянув на меня, чеченец расхохотался, а когда я спросил его о причине его смеха, то он ответил мне пренаивно, что он в это же утро забавлялся тем, что дал по мне три выстрела, ни разу не попав, и что теперь ему смешно меня видеть.

Примерно в то же время, при въезде в одну разрушенную деревню на Качкалыкском хребте, мне донесли, что заметили домашний скот, и мне сейчас же стало ясно, что представился хороший случай захватить кой-кого, так как я знал, что разбойники-чеченцы имели привычку укрываться здесь с захваченной ими добычей. Я сейчас же выслал несколько разъездов линейцев с целью их захвата, а вслед за тем и вскоре услышал выстрелы, на которые и поскакал, и, может быть, минут через пять по высылке моих казаков, очутился у лачуги, перед которой горел большой костер. Казаки уже сделали свое дело: три совершенно обобран-

* Также весьма интересное наблюдение и заключение и, насколько сильно прививалось и нам учение о предопределении, видно из сюжетов поэзии Лермонтова, например — объяснение Максима Максимовича или «Фаталист» из «Героя нашего времени». — *Б. К.*

ных трупа лежали на земле, а мои молодцы доедали угощение, среди которого они прервали тех, кого они так быстро спровадили на тот свет.

И все это происходило при громком смехе всей компании!!.. Наши войска, менее привыкшие к жестоким и воинственным нравам и обычаям населения Кавказа, встречают смерть с несравненно меньшим хладнокровием. Помнится, что в тот же день пришлось мне вести в огонь сотню Донского казачьего № 42-го полка: несколько казаков упало, и я видел, как вытянулись лица их товарищей. Чтобы развеселить людей, я приказал запевале Николаеву затянуть песню, но мне ответили тягостным молчанием; я повторил приказание, и тогда старший урядник доложил мне вполголоса: «Николаева нет!»

Не трудно было понять по его побледневшему лицу, что он хотел выразить этим своим «Николаева — нет!». Но нельзя было и казаков предоставить впечатлениям подобного рода, потому я из всех сил крикнул: «Следующий»! Это подействовало, они поняли, что на войне излишняя чувствительность неуместна, и заорали во всю глотку: «Грянули чада тихого Дона!»

Главные силы, которые все еще занимали Андию, нуждались в продовольствии. Чиркей был богат продовольствием, но находился в 80 верстах горной, только для вьюков проходимой дороги.

Наш обоз сильно пострадал от дурной погоды, захватившей нас еще в начале кампании. Число вьючных лошадей сократилось наполовину, а оставшиеся были истощены и еле двигались.

28-го я получил приказание доставить транспорт в 500 лошадей, вмещавший четырехдневное продовольствие. Для прикрытия транспорта мне дали 6 рот пехоты, 2 орудия и 50 казаков. На войне ничего нет неприятнее подобного рода поручений, так как тут не требуется ни сообразительности, ни храбрости, и все дело заключается лишь в уклонении от боя и избежании противника, о котором никогда не имеешь никаких сведений. Все сводится к удаче, а таковую нельзя заказать даже на Кавказе, где, впрочем, в ней нет недостатка.

В данном случае на меня была возложена огромная ответственность, и если бы я встретил противника в превосходных силах и он пожелал бы сразиться, то мне не было никакой надежды на спасение, а если бы я не дошел, — отряд в Андии умер бы с голода. Ставка была крупная на этом зеленом поле фортуны, но на войне, где дело идет не о червонцах, а о людях, поручаешь себя Богу, а не случаю. Часто повторяешь себе: «Я сделаю, что только возможно, а там — будь, что будет» — и это помогает вести свою ладью.

Первый раз в жизни я был назначен капитаном столь значительного ищущего приключений корабля, и я был скорее огорчен, чем обрадован; к счастью, все обошлось благополучно.

Сорок часов спустя после выступления из Мичикале, я со всеми моими людьми явился в лагерь графа Воронцова. Спустя же 30 часов я уже нагнал отряд полковника Адлерберга и был уже вне всякой опасности на остальное, в 10 часов, время. Конные горцы провожали меня слева и перестреливались с арьергардом, но серьезных столкновений не было. Покончив счеты с неприятелем, я должен был принять меры против своих. Я уже говорил, что в лагере была голодовка, в особенности в частях, недавно прибывших из России, нижние чины которых еще не умели сами находить себе источники удовлетворения своих нужд, на что были так искусны наши старые кавказские ворчуны.

Достигнув лагеря в Тилитле, я был осажден солдатами Житомирского полка, которые, по-видимому, намеревались разграбить порученный мне транспорт. Я хотел их остановить, но они все продолжали подвигаться; пришлось, после крепких слов, прибегнуть и к крайним средствам, и я противопоставил им одну из моих рот, с приказанием немедленно открыть огонь, если кто-нибудь из них пошевелится. Этого было достаточно, бедняги ведь не бунтовали, а были только голодны, а против голода лучше всего действует страх, и угроза прямо попадает в цель.

Мои доводы подействовали, и, должно быть, в доказательство моей правоты они все поснимали свои фуражки.

Оставив Адлербергу необходимое количество провианта, я вступил в Андию.

Непонятно, почему долина эта считается красивой, в ней нет никакой растительности, долина, где только камни и скалы и где редкие клочки земли требуют от жителей много труда, дабы сделаться годными для культуры. Все размеры в этой долине так громадны, контуры гор так красивы и так прихотливы, краски в различные часы дня так ярки, так блестящи, что невозможно оставаться безмолвным и равнодушным перед этой суровой и величественной природой.

Мы были поражены, насколько здесь все иначе, чем в других высоких горных странах. Настоящая стена из скал, вертикальная и совершенно недоступная для всякого живого существа, закрывала герметически долину Андии от Гумбета, который мы только что оставили.

На расстоянии 6 верст мы шли вдоль подножия этой природной стены; затем дорога поворачивала налево и круто спускалась на расстоянии добрых трех верст. Внизу находился лагерь — единственное оживленное место среди этой громады скал, утесов и каменных обломков. Меня радостно встретили, так же и я был рад очутиться «в большом свете».

На другой день, 1 июля, был день рождения Ее Величества Государыни Императрицы. Граф Воронцов пожелал этот день отпраздновать. Под открытым небом, на обширном бугре, возвышавшемся над лагерем, была отслужена обедня: войска стали кругом в сомкнутых колон-

нах; это было чудное зрелище, еще более выигрывавшее от красоты утра и от величия гор, служивших рамой всей этой картине. В то же время впервые раздалось христианское пение там, где царил нераздельно ислам.

Все были проникнуты созерцанием этого зрелища. Чтобы придать зрелищу еще более живописности и сообщить ему чисто местный колорит (что здесь представляется на каждом шагу), в то время, когда мы молились Богу, в расстоянии от нас не более пушечного выстрела, — завязалась стычка у наших фуражиров и настолько близко от нас, что мы могли следить за всеми ее подробностями; звуки ружейных выстрелов поминутно сливались с церковным пением.

После божественной службы граф Воронцов собственноручно раздавал почетные георгиевские кресты только что пожалованным кавалерам за дела 6 и 14 июня. Мои куринцы составляли большинство. Бедному графу Воронцову пришлось принять бесконечное число поцелуев и объятий, что, в минуты сердечной солдатской радости, здесь неизбежно для начальника.

На войне хорошие и дурные минуты необыкновенно быстро следуют одни за другими и колесо фортуны вертится быстро. 2 июля небольшой отряд в составе карабинеров (1-й роты) моего батальона был выслан на некоторое расстояние от лагеря и наткнулся на лезгин, спрятавшихся при его приближении. Будучи открыты и атакованы, лезгины открыли огонь; мы лишились только одного человека и как раз офицера, ведшего отряд: он был очень молод, считался храбрейшим офицером в батальоне, только что получил чин за взятие Анчимеера и был единственным сыном бедной женщины, у которой никого более не было близких на свете.

Сколько слез было пролито за его смертью! Мы все много о нем сожалели, так как он был очень любим и уважаем.* На другой день мы предали земле его смертные останки при пении «Со святыми упокой», при барабанном бое и свисте пуль, как вообще водится на войне; каждый из нас подбросил шашкой земли в его могилу, затем сгладили место, где его опустили в землю, разложили здесь же еще и большой костер, чтоб скрыть могилу от горцев, и так земля навеки покрыла счастье бедной матери.

Мне не было дано долго пользоваться шумной и веселой жизнью Главной квартиры.** Наш лагерь был расположен на склоне довольно крутой горы, у подножия которой находился аул Гогатль на выступав-

---

* Прапорщик Канищев блистательно распорядился с 8 охотниками, двое горцев были убиты и несколько ранены, но и сам он был убит выстрелом в упор; случилось это дело 1 июля. — *Б. К.*

** «Большой свет», живший шумной и веселой жизнью, о котором говорит Бенкендорф и который он навещал, состоял из молодежи состава Главной квартиры, молодежи, правда, праздной, но очень порядочной, храброй, дружной и веселой в

шем вперед мысе. К стороне Технуцала, в главной мечети селения, единственном неразрушенном здании был помещен главный госпиталь отряда, а самое селение занято и обороняемо 3-м батальоном апшеронцев, под командой храброго полковника Познанского.

Я получил приказание сменить его с моими куринцами и принять общее командование этим, нами укрепленным, пунктом. Назначение было почетное. Познанскому уже пришлось выдержать несколько боев, и он оставил мне на аванпостах, в виде трофеев, три головы горцев, насаженные на колья, что должно было служить пугалом для наших противников.

самые трудные минуты: здесь судили и рядили, каламбурили, сочиняли стихи — pieces des circonstandes, пели и попивали, пока было вино. Ядро этого кружка составили лица бывшего штаба генерала Нейдгардта и старые кавказцы, а именно: князь Ал. Мих. Дондуков-Корсаков, князь Козловский и Глебов и к ним примкнули адъютанты Воронцова — Лонгинов (вскоре убитый), князь Серг. Илар. Васильчиков и князь Ревас Андроников, состоявший при Воронцове для поручений, Мих. Павл. Щербинин и старые кавказцы: Ген. штаба капитан Ал. Ник. Веревкин и Ник. Яков. Дружинин, генерал Безобразов, университетский товарищ Дондукова юнкер Мельников (вскоре убитый),[221] и ординарец Лидерса, веселый юнкер Аммосов — поэт-импровизатор, вскоре раненный в лицо и тут не переставший шутить и каламбурить.

Остальные лица штаба держали себя отдельно. Граф Воронцов относился к этому кружку безразлично, суждения кружка не всегда, однако, ему нравились, но был доволен, видя веселый дух своей Главной квартиры и не сомневаясь в отличной храбрости чинов ее.

По словам участника барона Дельвига, «все, что было замечательно в отряде, рисовалось графом де Бальменом (здесь убитым) и воспевалось Аммосовым. Так, в Гогатле, когда у Лидерса раз собрались узнать, как он себя чувствует после ушиба, Лидерс просил и не говорить об ушибе и приказал дать шампанского, и когда бокалы наполнились, то Аммосов запел:

Наш храбрый генерал,
Прогнав черкес к шайтану,
Шампанского нам дал,
По полному стакану.
Ура! Ура!
Чеченский наш отряд. Ура!

Князь Дондуков рассказывает, что была сочинена длинная песнь, на голос тогда известной песни: «messieurs les etudiants, s'en vont à la chaumière» и по случаю оставления[1] неприятелем Андийских ворот и несбывшихся надежд на бой сочинили:

Les portes de L'Andie
Sont comme des portes cocères,
En haut il est écrit:
Vous n'entrerez sans faire
La guerre toujours.
La nuit et comme le jour.[222]

Храбрый Познанский тоже умер! Расставаясь с ним в Гогатле, мы дружески пожали друг другу руки, и больше я уже с ним не встречался; несколько всего дней спустя он был убит наповал пулей в лоб. Это был достойный и прекрасный человек и один из тех офицеров, о смерти которых сохранишь вечное сожаление.

Смерть подкашивает своей косой почти всегда лучших людей. 3-й батальон Апшеронского полка имел 800 штыков, мой батальон, имевший в начале кампании 700 штыков, теперь понизился до 500 и, главным образом, благодаря описанным мною страданиям на «холодной горе».

Чтобы прикрыть все, порученное мне для обороны, мне пришлось сильно растянуться и, показывая силу, скрывать свою слабость.

Впрочем, занимаемая мною позиция была очень сильна, а в случае опасности развалины аула Гогатль могли послужить мне опорным пунктом, и никакой противник не мог бы меня оттуда выбить.

Мое отдельное расположение снова вынудило меня прервать сношения с Главной квартирой. Там еще не потеряли надежды на добровольную сдачу андийцев, что думали ускорить нашим продолжительным пребыванием в горах и все еще надеялись, что жители Дагестана сумеют отделить свои интересы от интересов Шамиля, поймут свои интересы и что увидят наконец в нас своих избавителей, а не врагов. В Главной квартире убаюкивали себя надеждой, что жители с благодарностью примут тут же предложенную им нами помощь и поддержку, мечтая, что успех нашего оружия и прокламации и слова мира, исходящие из нашего лагеря, разорвут узы подчинения различных народностей Шамилю — главному препятствию нашего владычества на Кавказе.

Все эти предположения были ошибочны, и истинное впечатление, произведенное на противника занятием нами Андии, было или мало известно, или недостаточно оценено.

Страх — лучший стимул для воздействия против азиатских народностей. Для азиата власть сильна только тогда, когда она исходит от воли безграничной и бесконтрольной, когда изображение этого всемо-

---

Впоследствии на сухарную экспедицию под начальством Клюки фон Клюгенау пели:

La général Klouxa
Dans l'affaire des biscuits
Ne nous rapporta
Que des blessés et lui
La guerre etc.[223]

Только отрывки из этой длинной песни сохранились в памяти князя Дондукова и барона Дельвига — и, судя по ним, она остроумна и под видом шутки и в намеках высказывает много истин. — *Б. К.*

гущества для толпы видится сквозь призму ужаса и непроницаемой тайны. Русские же начальники почти все доступны, не имеют никакого престижа в глазах горцев, слишком добродушны для внушения страха, и азиаты боятся только русских пушек и штыков, но никогда — ни их гнева, ни их мщения; русские страшны только во время боя, а после боя — прощают, ласкают, братаются; их всегда можно обойти, их негодование не требует даже наказания вчерашнего изменника, в сотый раз предававшего их неприятелю; того, кого столько раз обманывал и предавал, того, рассуждают азиаты, всегда можно легко обмануть и еще.

С Шамилем же дело обстоит совершенно иначе: с ним нельзя не считаться, с ним нельзя вести двойную игру и держаться середины. С Шамилем нужно выбирать между смертью и безграничной преданностью; при малейшем подозрении — отсекают голову, и, раз Шамилем произнесен приговор, никуда не уйдешь от его мюридов.

Мы же, наоборот, ни в Дагестане, ни в Чечне, не в состоянии ни наказывать преступников, ни оказывать покровительство и помощь нашим друзьям. Оставаться вечно в горах мы не можем, а после нашего отъезда, какая участь ожидает тех, которые перейдут на нашу сторону?*

При данных условиях силы и могущества Шамиля единственным способом избежать его мщения остается следовать за русскими, эмигрировать в горы и лес бросить для равнины. Но сколько раз слышал я от моего старого Муссы, бежавшего из Андии при первоначальном занятии ее мюридами, что лучше жить в лохмотьях в горах, чем в богатстве на равнине, и что все сокровища земли не стоят капли воды из родника родной земли.

До сих пор Шамиль не терял нас из виду, действуя по отношению нас с необыкновенной осторожностью и недоверием, по отношению же своих, в целях объединения и подчинения себе, проявлял силу и страшную энергию. Палачи его не переставали отсекать головы, что происходило вблизи нашего лагеря, и к этим отсеченным головам привязывались надписи: «Такая же судьба ожидает всякого мусульманина, который заговорит о мире с русскими». Меры эти достигли своей цели: перед мечом и секирой исчезла всякая оппозиция, и мы не только что лишились всех своих партизан, но уже не находили и лазутчиков.

Нам оставалось довершить вторую половину кампании взятием и разрушением Дарго, что громко отозвалось бы повсюду, и уравняло бы шансы начатой борьбы.**

---

* Все эти глубоко верные соображения, показывающие понимание Бенкендорфом условий войны на Кавказе и разделяемые кавказскими офицерами, совершенно не принимались Петербургом, составлявшим план покорения вообще и экспедиции в частности.

** Здесь Бенкендорф не прав, вышло не только хуже, но совсем скверно, хотя если бы гр. Воронцов действовал осмотрительнее, то не было бы так плохо. — *Б. К.*

Доставка генералом Викторовым транспорта с десятидневным довольствием давала графу Воронцову полную свободу действий и избавляла его на некоторое время от всех тех помех и вечных затруднений, которые в дальних экспедициях вызываются обыкновенно вопросом снабжения.

Поминутно приходится мне называть лиц, которые более уже не существуют!..

Викторов — почтенный и благородный человек — вне всякого упрека, уважаемый всеми, кто только его знал, принадлежал к числу тех, кого солдаты на своем простом языке называют «старый кремень».

Ему было около 60 лет, он воевал в молодости и страстно любил военное дело. Назначенный на должность, исключавшую участие в военных действиях (начальника жандармского управления Кавказского округа), генерал Викторов, в предведении экспедиции, не мог спокойно оставаться дома, и графу Воронцову пришлось уступить его настоятельным и настойчивым просьбам и назначить в экспедицию этого года; будь иначе и не участвуя в делах, он бы умер в Тифлисе от тоски. Не подозревая, что эта кампания будет ему последней, он присоединился к нам, и в лесах Ичкерии ему выпала честь, принадлежащая по праву людям его закала, — пасть смертью храбрых.

День 5 июля был назначен днем выступления и взятия Дарго; дороги, туда ведшие, были исследованы, в направлениях к Дарго были исполнены разведки и с вечера были установлены и приняты необходимые меры.

Каждый из нас знал наперед свою роль в этот великий день, и каждый наперед мог или убаюкивать себя мечтами о славе, или быть предоставлен той душевной борьбе, которой зачастую подвергается энергия мужественного бойца перед мрачным предчувствием, которое представляет его воображению уверенность и близость страшной и неминуемой опасности.

Насколько короткой кажется ночь в эти критические минуты!!.

Как рано встает солнце! Как прекрасна жизнь повсюду, исключая того места, где теперь находишься! Сколько нужно силы воли, чтобы побороть себя и казаться таким, каким желаешь себя показать в день боя! Высказаться в испытываемом чувстве не посмеешь лучшему другу, скрываешь его от самого себя, самому себе не посмеешь сознаться в этом чувстве, но пуще всего не осмелишься даже самому себе назвать это чувство.

А между тем это чувство тут, налицо, оно давит вас, гложет и преследует до первого полученного вами приказания, до минуты пробития барабанами сигнала подъема, до первого поданного вами боевого сигнала, до первой просвистевшей у ваших ушей пули!!.

Все тогда забыто — существование, предчувствия, счастье и радости жизни и перед вами только чувство долга и чести!*

Вечер 4 июля был теплый, тихий и ясный, один из лучших вечеров, который я сохранил в своей памяти. Барон Николаи** и Лобанов пришли поужинать со мной и сидели до полуночи. Я потом проводил их с десятком моих егерей через груды развалин и глубокие овраги, которые отделяли мой небольшой отряд от большого лагеря.

За каждым углом стены мы могли наткнуться на мародеров неприятеля, но только кошки, единственные обитатели развалин, были невольной причиной наших тревог. Вернувшись, я еще раз обошел передовые посты и, успокоенный найденной всюду бдительностью и порядком, улегся на ковре, служившем мне кроватью, и не для того, чтобы мечтать о славе или бороться с предчувствиями смерти, а просто — чтобы заснуть.

Но не успел я заснуть, как внезапно был разбужен звуками выстрелов, следующих один за другим, и свистом целого града пуль. В один миг я очутился у орудия, составлявшего центр моего расположения. Гикание и крики «гяур!» все увеличивались. Ночь была темная и после каждого выстрела казалась еще темнее. Я приказал частям, выдвинутым вперед, оставаться на месте, что в подобных случаях служит единственным средством сохранять порядок у себя и вызывать его у противника, приходящего обыкновенно в смущение при встрече спокойного и хладнокровного отпора. Я собрал своих людей за орудием, заряженным картечью, и, когда мы осмотрелись я убедился, что неприятель ограничивается беспорядочной стрельбой, не наступая, и только оглушает нас своим гиком, то я послал Колюбакина выбить горцев и избавить нас от них, дав нам возможность вернуться к отдыху и сну.

Через час все успокоилось, нам это стоило часа сна, а Главная квартира и лагерь получили лишнее чудное зрелище. Картина должна была быть действительно эффектной и живописной: темная, какая только бывает на юге ночь, освещенная только тысячью зигзагов бесчисленных выстрелов и оживленная только дикими криками горцев, криками «ура» русских и звуками наших сигнальных рожков. Все это происходило в самом темном месте долины, так что не был потерян ни один световой эффект и все могли любоваться зрелищем; никакой фейерверк не мог быть красивее.

Мой сон был настолько потревожен этим происшествием, что я был совсем разбит, когда мне пришлось встать, чтобы поднять наш лагерь, навьючить лошадей и выступить в поход.

---

* Как это искренно и правдиво, с чем согласится каждый, бывавший в подобной обстановке.

** Александр Павлович, впоследствии заведующий гражданской частью управления Кавказа и министр народного просвещения.

Для обеспечения наших сообщений с Чиркеем у Гогатля оставлена часть 2-го батальона Прагского полка под начальством полковника Бельгарда. Весь же главный отряд в составе 13-ти батальонов, 16-ти орудий и милиции повернул к северу и покинул Андию.*

Мы поднялись по длинному скату, который составляет южный склон гребня, отделяющего Андию от Чечни. Мы прошли у подножия стены из остроконечных скал, поднимающейся со стороны Гумбета и служащей издали, со стороны равнины, маяком для ориентирования среди неровностей, составляющих гребень этой части Лезгистана. Поднявшись на вершину, мы продолжали следование через очень узкое дефиле, и, не имея возможности развернуться в ширину, наша колонна очень растянулась.

Характер местности не изменился, мы все еще находились в этой промежуточной (между Дагестаном и Чечней) части, — бесплодной, лишенной деревьев, имеющей лишь плоские и редкие пастбища, которые от подножия высокого гребня простираются до пределов нагорной Чечни. Страна эта представляет некоторое сходство с немецким Шварцвальдом.

Мы прошли примерно уже верст 12 пути, когда увидели, что чины Главной квартиры расположились на холмах по обеим сторонам дороги, подобно тому, как, двигаясь на равнине, казачьи разъезды выезжают на курганы для обозрения местности.

Что за неоцененное сокровище имеет Россия в своих многочисленных казачьих населениях, которые служат не только оплотом против нашествий, но и первыми этапами на пути завоеваний к югу, и мы живем спокойно под охраной этих воинов с длинными пиками, сторожащих Россию с кургана на курган от берегов Дуная до Кяхты.

Приказано стать всем на большой привал на 4 часа; солдаты развели костры из принесенных с собой поленьев и поставили на огонь свои котелки.

Контрфорс гор, по которому мы двигались, кончаясь почти острием, вынудил нас стесниться до возможной степени на последнем уступе этого длинного языка. У самых наших ног расстилалась Ичкерия. Это было чудное зрелище необозримых лесов, которое войска приветствовали долгими криками «ура», переходившими от батальона к батальону, по мере того как они достигали места бивака. Для войск это был как бы выход из тюрьмы; они достигли земли, знакомой им с детства, где они найдут кое-какие средства, скрашивающие жизнь на биваке: дрова, сено, солому, изредка фрукты и овощи — и где они могут наконец проститься с пропастями Дагестана, внушавшими им только ужас и отвращение.

* В общем, в составе около 8 500 штыков и шашек, т. е. бойцов.

Для офицеров представлялось тоже нечто новое, а все новое очень ценится в боевой жизни, где столь живо чувствуется потребность возбуждений и ощущений, что составляет поэзию военного ремесла; если бы разнообразие событий не заставляло вибрировать сердце, то явилось бы усыпление, чувство скуки и сожаление посвящения лучших годов своей жизни монотонным занятиям под однообразный бой барабана. Для многих из нас это первоначальное радостное чувство скоро заменилось бы рассуждениями тягостного свойства.

К тяжелым воспоминаниям лесного похода в Чечне в 1842 г. (графа Граббе),[224] к памяти кровавых эпизодов и эпизодов резни этой экспедиции* теперь присоединилось еще и недостаточное доверие в отряде к распоряжениям штаба отряда по обеспечению порядка движения и его охранения, штаба, состоявшего из людей, совершенно чуждых ведению войны на Кавказе;** особенно были подвержены критике распоряжения по нашему отряду на этот день.***

Вообще же находили, что в экспедиционном корпусе недостаточно считались с опытом прошлого, сожалели, что были устранены люди опыта,**** между тем как прибывшие из России новички проводили свою скороспелую науку, применяли на практике свои теории, придуманные в мирное время, и свои правила для боя, составленные вдали от боевой действительности.*****

---

* Исполненной под давлением, руководством и наблюдением самого военного министра графа Чернышева, мнившего из себя знатока военного дела, нарочно прибывшего для этого на линию и лично встречавшего у Герзель-аула ужасное обратное возвращение отряда из этой кровавой и зловреднейшей для нас по результатам и последствиям бедственной экспедиции 1842 г.

** Это совершенно верно. Уже в бывшем штабе генерал-адъютанта Нейдгардта (предшественника гр. Воронцова), присоединенного Воронцовым к своему штабу, было много новых для Кавказа офицеров, гр. Воронцов привез еще своих новых, а штаб Чеченского отряда генерал-адъютанта Лидерса (весь штаб V корпуса) состоял сплошь из офицеров, впервые бывших на Кавказе, и это уже не была вина Воронцова, ибо состав Чеченского отряда и его штаб были указаны распоряжением из Петербурга, попечением графа Чернышева, равно как и план этой экспедиции. Остается только удивляться этому вмешательству Петербурга и этому полному игнорированию знаний и опыта кавказских деятелей. После 1845 г. гр. Воронцов открыл борьбу с этим вмешательством и во многом преуспел. — *Б. К.*

*** Действительно, этот 20-верстный переход прямо в Дарго, с прохождением 5-верстного лесного перешейка являлся необдуманным и опасным предприятием, а незанятие опорных пунктов перешейка погубило всю экспедицию, вызвав чудовищные и невозвратимые потери при троекратном прохождении лесного перешейка. — *Б. К.*

**** Начиная с князя Аргутинского и Фрейтага и других, бывших даже в составе отряда, как — Лабынцев, Ковалевский.

***** Науку, вынесенную преимущественно из Красносельского лагеря, так как тогда упражнения этого лагеря считались верхом военного искусства и с воззрени-

И в этом обвинении была своя доля правды;* досужие люди лагеря подхватывали эти обвинения, чтобы еще более выдвинуть их значение.**

Между старыми кавказскими войсками и вновь прибывшими из России существовало известное чувство соревнования: у одних (кавказцев) было чувство презрения,*** у других (так называемых росийских войск) было грубое осуждение; нас, старых кавказцев, считали недисциплинированными разбойниками.****

К счастью, выше всех этих осуждений и вне общественной немилости, которой подверглись некоторые частные начальники,***** стояла личность графа Воронцова и стояла высоко в общем уважении, и в сердце каждого царило безграничное к нему доверие, и это отношение войск к нему обезоруживало самых необузданных. В войсках, искусившихся в войне, подобно кавказским, как офицеры, так и нижние чины схватывают на лету все качества и недостатки своего предводителя, от них уже ничто не ускользнет, а потому их одобрение, идущее прямо от сердца — наиболее лестно и суть лучшая — какую только можно получить— награда.

Перед нашими взорами расстилалась страна — словно ковер из тысячи красок или словно географическая карта, простирающаяся от холмов Ханкале, что перед крепостью Грозной, до низовьев Терека. На первом плане виднелись густые леса, покрывающие своей темной зеленью высоты Ичкерии и простиравшиеся вдаль, влево, в уже более мягких перегибах уходившие в богатые и прекрасные равнины Чечни и заканчивающиеся вправо у Качкалыковского хребта. Цепь этих гор, начинавшаяся у наших ног, поворачивала к северу и делила равнину на две равные части. Вправо от цепи все носило различный

ями, в нем вырабатывавшимися, считалась даже академия и курсы тактики, хотя все маневры и производились смотровым порядком.

* Даже незлобивый, деликатный и сдержанный Бенкендорф не удержался от критики этого нецелесообразного и бедственного похода.

** В изобилии досужих людей виноват и сам граф Воронцов, грубо нарушивший правило, вернее — закон, чтобы в штабах не было лишних людей и вообще ни одного человека, не имеющего определенных занятий.

*** Это презрение исходило из сознания своего боевого и вообще военного в широком значении слова превосходства, которым были проникнуты одинаково и офицеры и нижние чины Кавказского корпуса.

**** Любопытна в этом отношении повторяемость явлений, и в 1877 г. между кавказскими войсками и пришедшими из России немедленно установились те же отношения, даже применялся по отношению победоносных кавказских войск этот последний эпитет.

***** К таковым следует отнести большую часть бригадных и полковых и чинов штаба частей, пришедших из России, как г.-м. Белявский, полковник Мильковский и др., а из кавказцев — Клюки фон Клюгенау, или генерал Клюха, как называли его солдаты; Клюгенау сильно осуждали в отряде за сухарную оказию 11 и 12 июля.

характер: леса внезапно прекращались у подошвы гор, и страна представляла собой не что иное, как желтоватую и выжженную солнцем равнину, которая, уходя вдаль, сливалась с горизонтом в неопределенных тонах и, наконец, терялась в необозримых покрытых камышами пространствах берегов Каспийского моря, а еще далее и в водах самого моря.

Влево от этой цепи горы прекращались только у р. Сунжи, но вправо от Качкалыковского хребта они вновь начинались у Терека и длинной лентой протягивались до Кизляра. По ту сторону Терека, далее к северу, горизонт представляется безграничным и на всем видимом пространстве раскидываются пустыни, служащие кочевьем ногайцев.

Все взоры были обращены к этой зеленой резко ограниченной полосе лесов, параллельной цепи гор, что были теперь позади нас.

Все сердца стремились туда с надеждой и воспоминаниями, там была Россия, то были приветливые казачьи станицы — Наурская, Щедринская, Червленая, — все те места, к которым с такой любовью взывает кавказский солдат каждый раз, когда поет свои песни по возвращении с похода!! Казачьи станицы — это Эльдорадо, к которому устремляются все мечты о счастье и веселье, Эльдорадо, представляющееся воображению всех тех, кто воюет в Чечне и Дагестане.

Раз кто попал на линию, то он считает себя уже дома, — у себя.

Однако для многих из нас этот взгляд, брошенный на противоположный берег Терека, там, где начинается уже родина, являлся прощанием навеки с Россиею, которую им уже не суждено было более видеть.

Перед нашими глазами, у подножия первых гор, на расстоянии примерно 10 верст находилось Дарго — большое селение — столица Шамиля, представлявшаяся нам в виде разбросанных домиков. Вплоть до Дарго местность от нас представляла столетний лес, покрывающий гребни, седловины и пропасти.

Неприятель сделал большие приготовления к обороне и воздвигал много завалов, которые, в известном расстоянии друг от друга, в виде укреплений, перекрывали дорогу, по которой нам предстояло следовать. Тем не менее, горцы еще не были в значительных силах, так как Фрейтаг, содействуя нашему движению, особой диверсиею, продвинулся к этому времени от крепости Грозной к Маиортупу; чеченцы бросились на защиту своей страны, которой угрожало внезапное появление русского отряда, и у нас были на время развязаны руки для операции против Дарго.

Шамиль был застигнут врасплох, имея для противодействия нашему движению не более 1000 человек бойцов.

Когда было опорожнено содержание котелков, и прошли четыре часа отдыха, граф Воронцов подал сигнал к атаке леса. Куринцам, детям Чечни, как это и подобало, выпала честь открытия дела. В боевом порядке прошли мы перед главнокомандующим с любимой песнью куринцев: «Шамиль вздумал бунтоваться», причем все подхватили хором: «Куринский полк, ура!». Беглым шагом спустились мы затем с горы. Когда мы очутились внизу, на небольшой поляне, полковник Меллер-Закомельский (командир Куринского полка) повел куринцев по дороге, сворачивавшей здесь влево, с целью выбить горцев из первого завала, построенного у входа в лес.

Я развернул свой батальон вправо от дороги и прямо направился для занятия опушки леса, которым решено было овладеть. Быстро и проворно, выдержав лишь один залп, ударили мы беглым шагом на завал, и противник мгновенно его очистил; мы потеряли лишь офицера и 4 нижних чина.

Для отряда это была еще только прелюдия трудностей этого дня, для моего батальона — окончание его участия в деле этого дня, и на остаток дня мы оставались только зрителями. Таким образом, часто бывает, что все происходит противно принятым первоначально предположениям, так и в настоящем случае, когда нам предстояло наибольшее участие в деле.

Едва только заняли мы участок, с которого начинался разбег штурмовых колонн, как атака началась. Во главе шел 1-й батальон Литовского егерского полка, утратившего свое знамя в польской кампании и долженствовавшего здесь и теперь себя реабилитировать; за ним следовали две роты 3-го батальона куринцев, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для восстановления своей утраченной чести мужество.

Литовцы молодцами смыли свое бесчестие, и едва только четвертая часть их уцелела за эту экспедицию, но позор был смыт, и новое знамя, добытое ценою пролитой ими в Ичкерии крови, было им вручено взамен утраченного ими при Вовре.* Близко за литовцами следовали саперы, за ними грузинская дружина, бросившаяся на завалы вслед за литовцами.

Но проворнее всех оказалась молодежь Главной квартиры, которая, в своей жажде славы и успехов и счастливая воспользоваться случаем, стала в голове колонн, и здесь мы увидели нечто совершенно небывалое — группа молодых офицеров, благодаря только одной стремительности и храбрости, одна берет подряд три ряда завалов.

---

* Здесь, во главе литовцев был ранен князь А. М. Дондуков-Корсаков, подполковник Генерального штаба Левиссон и др.

Не успев против подобного порыва, неприятель отошел и уступил нам спуск в лес, но мы понесли здесь довольно тяжелые потери* и в числе таковых наиболее чувствительна была потеря генерального штаба подполковника Левиссона, выдающегося офицера, финляндца по происхождению.

Против сейчас занятого нами склона был другой, на который следовало взбираться, а так как он тоже опоясан укреплениями, то приходилось и его брать штыками. Оба ската горы соединялись узким перешейком, по обе стороны которого рос густой вековой лес.

Наш авангард прошел перешейком и блистательно исполнил свою задачу, заняв противоположный скат и преследуя противника по пятам. Граф Воронцов лично следил вблизи за успехом действия авангарда, не имея другого прикрытия, кроме своего штаба, и будучи уверен, что мы уже полные хозяева этого занятого участка. Никаких войск в распоряжении графа Воронцова не было. По узкой дороге, заваленной стволами громадных деревьев, проходить можно было только по одному, и нечего было и думать о движении сколько-нибудь сомкнутым строем, а потому пока и оставалось следовать вперед только этим способом.

Лишь только главнокомандующий с своей свитой вступил на этот перешеек, бывший вне поля зрения и вообще вне сферы действия авангарда, уже значительно усилившегося от главных сил, все еще находившихся на верху первой высоты,** как он и его свита были встречены градом пуль; противник оказался между ним и авангардом. Лошадь графа была ранена, и сам он должен был обнажить свою шашку; присутствие его сохранило порядок, и чины свиты, теснясь около него, наперебой старались каждый прикрыть его своим телом.

Привели горное орудие, дабы обстрелять занятую противником часть леса.

Едва только стало орудие, как оно было подбито, и вся прислуга его выведена из строя убитыми и ранеными. Саперы также ничего не могли сделать, и только грузинская милиция первая освободила главнокомандующего и заставила противника отступить. С этого времени дорога была очищена.

Как раз в эту минуту я прибыл сюда с двумя ротами моего батальона, так как, услыхав усиленную пальбу, мы не знали, в чем дело, а генерал Клюки фон Клюгенау спустил нас сюда с горы. Граф Воронцов

---

* Кроме убитого Левиссона, здесь ранены: полковник Семенов, майор Степанов, поручики — кн. Дондуков-Корсаков и барон Врангель и юнкер Мельников тяжело (товарищ кн. Дондукова по университету), умер на походе.

** То есть значительно позади.

приказал мне заместить грузин и оставаться здесь до подхода арьергарда, возложив на меня личную ответственность обеспечения прохождения здесь обозов и войск всей колонны.

Я оставался здесь до наступления ночи, и только тогда показался наконец Лабынцев с последними войсками, составлявшими арьергард.

Обоз проходил целых шесть часов, и было очень трудно поддерживать порядок; все торопились, все стремились вперед и кричали и командовали, и никто не хотел слушаться; никогда еще мое терпение не подвергалось более тяжелому испытанию. Наконец, подняли и нас, мы последовали общему движению и, двигаясь всю ночь, исполняли докучливые обязанности, обыкновенно выпадающие на последние двигающиеся войска: на каждом шагу приходилось подбирать отсталых, хоронить брошенные тела, вытаскивать несчастных застрявших лошадей и облегчать движение излишне перегруженных.

Только 4 часа спустя по восходе солнца прибыли мы в Дарго, еще с вечера занятое нашими войсками. Этот день стоил нам 200 человек потери.

Противник оказал особое сопротивление нашему авангарду, оказавшему чудеса мужества под начальством храброго генерала Белявского, взявшего семь завалов. Дарго было объято пламенем, и все созданные Шамилем здания были уничтожены.

Наш лагерь был разбит на высотах, командующих равниной, на которой еще дымились развалины городка.

На следующий день граф, окруженный выстроенными покоем войсками, слушал панихиду по павшим в боях накануне и по тем несчастным русским пленным, которые, в числе 20 человек, были здесь зверски замучены по приказанию Шамиля.*

Место нахождения прежнего Дарго принадлежало теперь нам, в чем и заключался единственный результат нашей победы. В этой стране не существует такого центрального пункта, занятие которого решило бы ее завоевание. Кавказские племена лишь в весьма ничтожной степени находятся в зависимости друг от друга и в политическом, и в материальном отношении. В настоящее время их связывает только власть Шамиля, и его авторитет господствует только там, где он находится лично, не привязываясь, однако, к одному месту более чем к другому.

Так и здесь, как и всюду в наших войсках на Кавказе, мы хозяева только на местах расположения наших войск биваком, и все то, что было вне черты наших лагерей и вне сферы действия наших охраняющих частей, принадлежало уже неприятелю.

---

* Пленных было больше, ибо погибло здесь 16 человек одних офицеров и 21 человек нижних чинов (Кавказский сборник, том VI, с. 418).

В Дарго он нас окружал, как бы блокировал со всех сторон и, чтобы выйти из наших оборонительных линий и выбить неприятеля, нужно было пролить кровь и, чтобы вернуться, очистив временно занятую местность, — то же самое. В таком обыкновенно положении будет армия, воюющая не с подобной же армией, а с целым вооруженным народом, способным и обороняться, и одновременно наступать.

Наше сообщение с нашими тыльными эшелонами стало весьма трудным. К югу от нас Даргинский лес, пройденный нами 6-го, представил страшную преграду, а к северу лесистые ущелья Ичкерии отделяли нас от равнин Чечни и кумыков. Трудность нашего положения увеличивалась еще тем обстоятельством, что население, с которым мы имели дело, было одним из самых воинственных, оно было, так сказать, взрощено и воспитано вечными войнами, что оно было поднято и возбуждено против нас страхом и фанатизмом во имя религии пророка и именно тем, кого теперь все они признали его избранником и его посланным.

В день занятия Дарго силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан* собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник, словно громадный муравейник, окружал нас со всех сторон. Горцев собралось несомненно не менее 30 тысяч человек. 7 июля граф Воронцов приказал генералу Лабынцеву занять командующую нами позицию у Белгатоя (на левом берегу р. Аксай), откуда Шамиль, пользуясь командованием, обстреливал наш лагерь; горцы дрались с большим упорством, и мы потеряли 200 человек.**

Дни 8-го и 9-го прошли в незначительных перестрелках, и каждый раз, когда наши фуражировочные отряды спускались на равнину, отделявшую нас с одной стороны от неприятеля. Что касается до нашего лагеря, то место для него было выбрано настолько удачно, что неприятель не мог нас здесь беспокоить.

Наши продовольственные запасы приходили между тем к концу, и мы надеялись пополнить их 9 июля. Колонна, следовавшая из Чиркея, должна была доставить большой транспорт и остановиться на вершине той высоты, которую отряд наш занимал 6-го, во время привала, перед прохождением Даргинского леса.

---

* Здесь Бенкендорф сильно преувеличивает, забывая, что одновременно шли еще две экспедиции: Самурского отряда кн. Аргутинского в Ю. Дагестан и г.-л. Шварца на Лезгинской кордонной линии, и обе экспедиции оттянули значительные силы Шамиля.

** Этот захват «на время» позиции у Белгатоя, по своей совершенной бесцельности, сильно осуждался в отряде опытными кавказцами, а в войсках вызвал, по свидетельству участника Нечаева (адъютанта Воронцова), «недоверие к начальству, что более всего способствовало упадку духа в войсках». Особенно осуждали это бесцельное дело Лабынцева и Пассек.

Выстрел из орудия должен был известить нас о прибытии транспорта, и по этому сигналу должен был собраться сводный из разных частей отряд под общим начальством генерала Клюки фон Клюгенау и, пройдя через лес навстречу транспорту, доставить предназначенный отряду провиант, частью на людях, частью на вьюках. Я был предназначен вести три роты куринцев.*

Участие в столь опасной экспедиции было плохим ручательством в долговечности жизни. Все это сознавали, а тем более мы, издавна знакомые с лесной войной: в этом отношении кажется никто не заблуждался.**

Во всем отряде нашелся только один добровольный участник этой так прозванной солдатами «сухарной оказии», хотя он и отлично понимал всю ее опасность, ибо был в злополучной экспедиции в Ичкерии в 1842 году, а потому знал, что это за противник чеченцы, укрытые в своих лесных трущобах. Этим добровольцем был храбрый капитан Беклемишев — адъютант графа Ф. И. Паскевича.***

К счастью, он вернулся обратно, блистательно откомандовав батальоном Люблинского полка, а впоследствии закончил эту экспедицию командованием батальоном кабардинцев. В настоящее время он полковник и все еще на Кавказе, где на счету выдающегося офицера, подающего большие надежды.

Лес, который предстояло пройти, тянулся на 10 верст и на всем этом протяжении был пересечен крутыми спусками и подъемами, глубокими оврагами, топкими местами, завалами и новыми, вновь возведенными и сильно занятыми противником укреплениями. С одним батальоном хороших войск можно наверняка задержать здесь целую армию, совершенно парализуя все ее усилия, настолько трудно развернуться в этой крайне неблагоприятной для действия регулярных

---

* Поразительно, с каким легкомыслием была задумана и исполнена эта операция доставки сухарей в лагерь, и эта кровавая сухарная оказия останется навсегда тяжелым упреком на памяти графа Воронцова, совершившего здесь целый ряд ошибок и несообразностей. Во-первых, не следовало идти в Дарго, не обеспечив отряд совершенно, а уже если, будучи в Дарго, продолжать базироваться на Дагестане, то как можно было не занять и не создать в Даргинском лесу опорных пунктов, что было так возможно при обилии леса.

** Самая оказия не была обеспечена, начиная с выбора начальником отряда Клюки фон Клюгенау, совершенно неопытного в лесной войне, а потом предварительно следовало произвести разведку приготовлений противника и заблаговременно обеспечить следование обоза за сухарями; вообще, все делалось как-то торопливо и неискусно.

*** Беклемишев сравнительно недавно и умер, и часть его воспоминаний поступила в сборник Щукина. У Беклемишева было интересное собрание акварелей по Кавказской войне, заключавшее целый альбом, там были рисунки и Дарго — единственное изображение с натуры расположения лагеря, с видом горящего сел. Дарго. — *Б. К.*

войск местности. Горцы отлично знают этот район войны и обнаруживают здесь много смелости. Не говоря уже о численном превосходстве, горцы имели над нами еще и преимущественно активности действий против прикрытия транспорта, который в подобных условиях естественно должен был растянуться до бесконечности.

В ночь с 9-го на 10-е в отряде ждали условной сигнальной ракеты.

Сознаюсь откровенно, что вечером 9-го я думал, что в последний раз в жизни пожимаю руки моих друзьям.

Я не хотел брать на себя ответственность лично назначить роты для участия в этой оказии* и предложил ротным командирам, предоставив это судьбе, метать жребий; «орел» или «решетка» — решало судьбу.

Метание жребия происходило перед фронтом, на глазах у всех, и в эти минуты ожидания и тревоги царило глубокое молчание, ибо куринцы, как офицеры, так и солдаты, знали, что их ожидает впереди. Пасьсет был одним из тех, на кого выпал жребий. Когда, для подтверждения решения судьбы, я громко произнес приказание, Пассьет, спокойно держа под козырек, произнес обычное: «Слушаюсь», а затем вполголоса, так, что только я мог слышать, сказал: «Это мой смертный приговор!» И он не ошибся!

На войне бывают такие торжественные минуты, когда душа воспринимает известные неизгладимые впечатления и когда чувствует будущее.

Только война обнаруживает некоторые особые и высшие добродетели, которые глубоко нас трогают. В солдате, втянутом во все служебные требования, я более всего ценю пассивное послушание и покорность, качества, к выработке которых направлено все наше военное устройство (организация, иерархия, воспитание и т. п.), качества, которых никто не превозносит, но из которых между тем и вытекает и преданность, и самоотвержение. И за все это воздастся нам там наверху, где царство справедливости, и там не будет забыто, что достаточно нам только получить приказание — умереть, как мы идем на смерть, даже и не спрашиваем — зачем?

Я лег отдохнуть, не раздеваясь, дабы быть готовым к выступлению по первому сигналу, но сигнальной ракеты не было и за час до восхода солнца, вместо первоначального поручения мне приказано, приняв в командование 2 батальона и 2 орудия, занять селение, бывшее в 3-х верстах от лагеря. Было известно, что в селении имелся фураж, который я должен был захватить и доставить в лагерь, для чего мне были

---

* Оказиями назывались на Кавказе обыкновенно следования различного рода транспорта в сфере действия противника, а потому и под прикрытием войск, а также и регулярные сообщения между крепостями.

приданы все оставшиеся лошади отряда. В течение же дня я должен был прикрывать табун. Я едва успел попрощаться с бедным Пассьетом, которого я больше уже не увидел.*

При входе в селение у нас было завязалась довольно горячая перестрелка, во время которой Колюбакин, бывший с своей ротой в цепи и верхом, был ранен пулей в грудь, к счастью, не особенно серьезно, и через день он уже вернулся в строй. Затем, у меня уже по всей линии стало тише, так как противник был занят в другом месте.

Сигнальная ракета была пущена, и войска нашей «сухарной оказии» вошли в лес, прошли его, провели ночь на высоте и вернулись обратно 11-го.

Но это были не только жалкие остатки! Они мужественно пробились сквозь тысячи неприятелей и сквозь груды тел. Никакие распоряжения, ни общие, ни частные, не были применимы в этой убийственной местности: укрываясь деревьями, завалами, укреплениями, горцы стреляли с удобствами, не торопясь, и били на выбор наших солдат, охранявших и оборонявших транспорт и остававшихся беззащитными. Потери были громадные, но, по крайней мере, одинаковые для обеих сторон; горцы были изумлены. Для нас потери эти сравнительно были ощутительнее: противник был у себя, его силы удваивались каждый день, между тем как ряды наших бойцов поредели, и только непомерно увеличивалось число раненых, многочисленность которых не переставала создавать нам новые затруднения.**

Только граф Воронцов мог справиться с задачей командования в столь критические минуты.***

Эта кровавая экспедиция дней 10-го и 11-го, названная солдатами «сухарной оказией» или «сухарницей», имя, которое ей и оставалось навеки, была богата подвигами героизма, самоотвержения и муже-

---

* Доблестный Пассьет был ранен, но лишенный ухода и лечения умер от гангрены уже по прибытии в Герзель-аул.

** В дни 10-го и 11-го в этой сухарной оказии мы потеряли: убитыми: 2-х генералов (Викторова и Пассека), 3-х штаб-офицеров, 14 обер-офицеров и 446 нижних чинов; ранеными, преимущественно тяжело и по нескольку раз: обер-офицеров 34 и нижних чинов 715; контуженными: обер-офицеров 4 и нижних чинов 84 и 122 человек нижних чинов без вести пропавших.

Насколько несообразно были велики потери, видно из сравнения сил отряда 6 июля, перед движением в Дарго (350 штаб- и обер-офицеров, 850 унтер-офицеров и 8 825 нижних чинов) и 13 июля при выступлении в Герзель-аул (248 штаб- и обер-офицеров, 627 унтер-офицеров и 5 230 нижних чинов), когда одних больных и раненых при обозе было: офицеров 57 и 1 254 человек нижних чинов.

*** Граф Воронцов показал здесь большое величие духа и удивительную выдержку, что, конечно, много способствовало спасению отряда, хотя все-таки успех этого спасения заключался в доблести и искусстве кавказских войск вообще и их начальников в частности, не говоря уже о заслугах в эти дни движения в Герзель-аул незабвенных Лабынцева и Козловского, особенно первого.

ства. Многие из этих подвигов, как, например, — прохождение леса одним молодым солдатом сквозь тысячи смертей, подробности смерти Пасьсета и старого кавказца и героя полковника Ранжевского — были воспеты солдатскими стихами; между солдатами немало таких стихотворцев, воспевающих на все лады те дела, в которых они участники.

Многие эпизоды этого достопамятного боя были описаны в наших реляциях, передавались из уст в уста по всему Кавказу и долго еще служили темами бесконечных бесед зимой, у огонька в маленьких беленьких домиках полковых штаб-квартир.

Один из этих эпизодов, пользующийся меньшей известностью, относится к грустному событию, о котором тяжело вспомнить, но, будучи менее щепетилен, я не боюсь поместить этот эпизод в моих мемуарах, предназначенных остаться известными лишь тесному кругу моих самых близких друзей.*

Две роты и горное орудие колонны Клюгенау, отражая толпы неприятеля, сделали все то, что честь и долг от них требовали, но расстроенные огнем, истощив все усилия, подались и рассеялись.

Орудие было оставлено, лошади убиты, вывести орудие стало немыслимо, прислуга еле держалась и приготовилась к последнему отпору неприятельских скопищ, которые, покончив с пехотой, бросились теперь на орудие. Командовавший орудием молодой 22-летний юнкер Баумгартен, видя невозможность спасти орудие, закричал прислуге: «Спасайтесь и присоединяйтесь к своим, а мне все равно, мое место здесь», бросился затем к орудию, обхватил его руками и закрыл своим телом; горцы шашками и кинжалами рубили его на части.

Я знал лично Баумгартена и предугадывал, что он всегда выйдет с честью из самых трудных обстоятельств, я был очень к нему расположен и очень был огорчен его смертью, подробности которой узнал много времени спустя по окончании экспедиции.

Нам досталось очень мало продовольствия, а оставаться дольше в Дарго стало невозможно и необходимо было подумать, как пробиться на линию наших укреплений. Путь нашего движения еще не был определен. Граф Воронцов решил идти на Герзель-аул. Это направление и было предрешено планом кампании, составленным в Петербурге, и говорили, что эта дорога лучше той, которая ведет на Маиортуп, потому что на ней всюду можно было иметь воду.

---

* Вскоре по смерти автора мемуары были напечатаны на французском языке, а раз эти мемуары вышли в печати, то уже завещание Бенкендорфа не могло быть исполнено 60 лет спустя, пора вытянуть их из-под спуда, сделав доступными массе, так как они имеют ценность для истории и не только с точки зрения исследования одной экспедиции 1845 года. — *Б. К.*

Пуркей, уроженец Ауха, житель Андреева, взялся быть нашим проводником. Честь и слава ему, что он честно послужил нам в этом случае: верность далеко не всегда составляет преобладающую добродетель горцев.

Сухарная экспедиция произвела тяжелое впечатление. Воображение молодых людей, не побывавших еще на подобных празднествах, было полно дьявольскими и дикими образами чеченцев, как призраки кружившимися перед их глазами. Опыт бывалых людей ничуть не успокаивал их на счет ожидавшей их участи в предстоящем марше. Лучшие люди замыкались в стоическое спокойствие, составляющее обычное их состояние в счастье, как и в несчастье, то спокойствие, которое является результатом их испытанной храбрости, их традиций славы и их постоянства в исполнении долга.

Чтобы уменьшить громадный обоз, затрудняющий наше движение, и чтобы отвести под настоящих и будущих раненых возможно большее число лошадей, мы сожгли какое возможно было имущество, палатки разодрали по полотнищам, и каждый солдат взял достаточное количество полотна для перевязки ран, могущих им быть полученными.

Вечером 12-го я бродил между группами лиц, собравшихся у расцвеченных флагами палаток Главной квартиры; говорили только вполголоса, у многих лица вытянулись и не трудно было заметить, что здесь больше людей не воинственных, больше военных без призвания, чем у бивуачных костров. Большая была разница между серьезной, но холодной и гордой выдержкой наших кавказских войск и теми разговорами, которые велись у палаток Главной квартиры! Сколько раз в этот день мне приходили на память прекрасные стихи Шиллера:[225]

In Felde da ist der Mann noch was werth,
Da wird ihm das Herz noch gewogen,
Da tritt kein anderer für ihn ein,
Auch sich selber steht er ganz allein!

Я пошел засвидетельствовать свое почтение графу Воронцову. Я имел право входить в его палатку во всякое время. Я хотел ему сказать, что мы надеялись, что он вспомнит куринцев, что время наступило, когда мы осмеливались просить его не остаться нам забытыми.

Граф в это время что-то диктовал. Он смерил меня своим проницательным взглядом и улыбнулся мне той улыбкой, которая никогда его не оставляла и которая, казалось, говорила: «Неужели вас все это удивляет? Я не то еще видал в течение моей продолжительной службы». Я устыдился своего рвения и не знал, как уйти незамеченным.

Граф пришел мне на помощь, протянул мне руку, сердечно расцеловал меня, благодарил меня, поручил мне передать его слова войскам и ласково прибавил, что во всех случаях он знал, что может на меня положиться. Я уже собирался уйти, но граф как бы боясь, что слишком много сказал, снова позвал меня: «Кстати, Бенкендорф, прежде чем с вами расстаться, я должен вам сказать, что только что получил письмо от жены. Она вам шлет привет; она очень довольна домом, который занимает в Кисловодске, особенно прелестна гостиная, только погода не благоприятна: дождь льет каждый день; я очень об этом сожалею».

В этот вечер мы роскошно поужинали остатками наших запасов и вслед за другими принялись уничтожать свое имущество.

Я сам сжег свои эполеты и аксельбанты с вензелями Государя, чтобы быть уверенным, что они не попадут в руки неприятеля; свою гербовую печать я передал барону Николаи, так как канцелярия и дела самого графа Воронцова, понятно, имели больше прав на сбережение и сохранение. Затем я положил в карман 4 плитки сухого бульона, а мои слуги оставили, кроме того, кастрюлю и рис; вот и все наши запасы на 8 дней марша.

Мы высчитали, что нам потребуется восемь дней, чтобы пройти 40 верст. Это одно дает понятие, какую трудность представляли местность и дороги, по которым нам нужно было двигаться.

Наше выступление из Дарго состоялось при мрачном молчании войск.

Было необходимо обмануть неприятеля направлением нашего движения, в чем мы хорошо успели и настолько, что выиграли целый переход, не будучи атакованы. Для нас это был большой успех, так как, достигнув бивуака в окрестностях Цонтери, мы оставили за собой два глубоких оврага, прохождение которых нас бы сильно затруднило и повело бы к значительным потерям. Генерал Лабынцев командовал арьергардом, состоявшим главным образом из батальонов Кабардинского полка. Он был великолепен в своем отступлении, произведенном под выстрелами в упор неприятеля и на виду всего отряда. Это отступление было удивительно по тому порядку и уверенности, которые он умел сообщать войскам своего отряда и вообще внушать своим подчиненным. Ему принадлежит всецело слава этого дня и всеобщее одобрение. Потеря в людях у него была ничтожная.

Утро 14-го было туманное. Мы провели ночь на высоте, откуда дорога разделяется: одна идет влево на Манортуп, другая, вправо, параллельно долине Аксая — на Герзель-аул, куда нам предстояло следовать.

Так же, как и накануне, неприятель все еще находился в неизвестности принимаемого направления, что нам было выгодно, так как неприятель не мог заблаговременно приготовиться к обороне.

С восходом солнца мы покинули наш бивак и направились по лесистому плато. Я огибал опушку леса слева, нигде не встретив сопротивление. Неприятель перестреливался только с авангардом. Одна из первых пуль пробила колено полковника графа Стенбока. Рана эта, на которую сначала никто не обратил внимание, впоследствии потребовала ампутации ноги и тем лишила Кавказскую армию талантливого, храброго и достойного офицера.

Не успели мы сделать и пяти верст, как, повернув налево, очутились у входа в деревню Гурдали, которую неприятель только что зажег. Там кончалось высокое плато. Дорога спускалась крутыми склонами в узкую долину, образуемую небольшим ручьем. На противоположном берегу долины подымалась цепь лесистых возвышенностей, вышины около 300 футов. Шамиль занимал их всеми своими силами и преграждал нам здесь дорогу.

Минута была решительная — необходимо было пробиться. Мы все были в ожидании. Я со своими егерями занимал кукурузное поле, покрытое высокой травой, из-за которой нас совсем не было видно; вдруг я услышал свое имя, поспешно произнесенное несколькими голосами зараз. То были адъютанты, которых граф Воронцов прислал ко мне. Главнокомандующий меня требовал к себе! «Бенкендорф, видите, я вас не забываю; возьмите Карталинскую милицию и все, что будет возможно из вашего батальона, не обнажая левой цепи. Авангард спустится в долину и пойдет по дороге, которая сворачивает направо. Вы спуститесь вместе с ним и атакуете высоты, стараясь держаться правее, чтобы выйти во фланге неприятельским партиям. Вам нужно их захватить и на них удержаться».

Приказание отдано было точно, исполнение — трудно, успех — сомнителен.

Льщу себя надеждой, что из тех, кто помнит эту минуту отдачи мне графом Воронцовым этого приказания, никто меня в этом не опровергнет.

Не успел я получить это приказание, как войска авангарда, руководимого генералом Белявским, огласили воздух знакомыми звуками движения в атаку. Я поспешил догнать его с двумя первыми ротами моего батальона, имевшими не более 200 штыков, и с Грузинской милициею, имевшей столько же людей. Чтобы избежать огня, отовсюду вырывавшегося из горевшего селения, мы пробежали его бегом, спустились в овраг, перешли вброд ручей и затем перешли лощину, шириною в 200 шагов. Достигнув входа в лес, у подножия атакуемых мною возвышенностей, я приказал приостановиться для приведения колонны в порядок и для построения. Здесь мы разделились на две части: полковник Меллер-Закомельский, командовавший всей цепью, взялся вести левую часть, а я — правую; нас разделял овраг.

Я всегда имел счастье видеть, что войска, которые я вел в бою, всегда весело шли в огонь; они считали меня удачником, что придавало им особую уверенность. В настоящем случае они хорошо высматривали, но не трудно было убедиться, что они шли в бой не с легким сердцем. На мое обращение к ним они ответили мне хорошим «ура!», но в этом «ура!» не чувствовалось уверенности в победе.

Вступая в подобный темный лес, солдат вынужден рассчитывать только на собственное мужество, он должен пробивать себе дорогу через сваленные деревья и сквозь густую чащу, за которыми он ежеминутно рискует наткнуться на западню; вообще здесь он предоставлен исключительно только своим собственным силам. Он не видит рядом с ним идущего товарища, не видит офицера впереди себя, ни ободряющего его начальника; густого леса такова, что все исчезает из вида.

При подобных условиях единство удара становится невозможным, порыв не поддерживает движения, ничто не электризует, ничто не подымает духа, ничто не влечет вперед, как это обыкновенно бывает, когда идешь в атаку на открытом месте и на виду у всех. Здесь же сознаешь только трудности, которые приходится преодолевать, и только и слышишь, что свист отовсюду летящих пуль, будучи лишен возможности отвечать, так как не видишь противника, который тебя поражает.

Над лесом простирался завал. Солдат наш отлично знает, что значит неудачно атаковать завал, что значит — не взять его, так как это влечет за собой бедственное отступление, преследование противником, чего так следует избегать; это влечет избиение наших раненых, это — верная смерть, смерть без погребения, без того крестного напутствия, с которым товарищи ваши засыпают землей вашу могилу.

Все эти ужасные призраки мною не преувеличены, и в подобные минуты они одинаково представляются воображению как труса, так и храброго: одного они губят, другой их побеждает, но оба поражены ими, а между тем, для того чтобы смело идти в дело, необходимо быть вне всяких впечатлений, нужна только уверенность в успехе, и тогда победа обеспечена.

По данному сигналу мы вошли в чащу с громкими криками «ура», которые то замирали, то снова раздавались всякий раз, когда мы встречали препятствие, которое следовало преодолеть. С самого начала движения нас уже встретили учащенным огнем. Я не достиг еще и полпути подъема, как услышал от князя Захария Эристова, бывшего от боли в полуобморочном состоянии, что он не в силах идти дальше; грузины остались таким образом без начальника, что являлось для меня сущим несчастием, так как теперь я уже не мог с ними объясняться.

Ко всем этим заботам прибавилось еще новое печальное обстоятельство, всю важность которого оценит всякий, кто бывал в бою. Дело в том, что для обеспечения нашей атаки внизу была выставлена батарея конгревовых ракет, управлявший огнем ее плохо рассчитал расстояние и несколько гранат, предназначенных горцам, разорвалось среди нас, убив и ранив несколько человек. Нужно ли объяснять, что за тяжелое впечатление произвело это на войска?!

Не могу вспомнить этого дня, оставившего столь тяжелое в моей жизни воспоминание, без чувства глубокого страдания. Чтобы рассказать события этого дня, со всей строгостью запросив свою совесть и не уклоняясь от истины, я должен собраться с мыслями.

Мне было невозможно вполне ориентироваться в этом дьявольском лесу, в котором я видел только деревья и сучья, преграждавшие движение. Я думал, что шел по направлению, указанному мне графом Воронцовым, в чем меня и уверяли мои проводники, хотя, по правде, следует заметить, что, когда завязалась горячая перестрелка, я их уже более не видел; чеченец очень осторожен, когда дерется в наших рядах.

Мы продолжали подвигаться под огнем. Я уже достигал опушки леса, и от укреплений, где притаились горцы, мы были не более как в 50-ти шагах, и только тогда заметил я, что ошибся!

Вместо того, чтобы выйти этим укреплением во фланг, мы ударяли теперь с фронта, — прямо в лоб. Вся моя кровь застыла в жилах.

Отступать было немыслимо: всякое отступление в подобных случаях обращается в поражение, оставаться на месте было не менее опасно, оставалось только дерзать, т.е. идти прямо вперед.*

Отрог, по которому мы наступали, по мере подъема суживался и наверху заканчивался участком шагов в 20 всего ширины, который и был прегражден укреплениями горцев. Справа и слева уже спускались горцы, которые обхватывали нас с обоих флангов, и мы были отделены от них только оврагами.

Я собрал весь мой отряд и с офицерами во главе повел его вперед. С первым же шагом на открытом, уже обнаженном от деревьев участке местности нас со всех сторон охватил страшный огонь. Все около меня падали. Я удвоил усилия; в течение 10 минут мы боролись со смертью, окружавшей нас со всех сторон.

* Почтенный Бенкендорф, конечно, прав с своей точки зрения, не взяв в расчет, что была еще левая колонна, бравшая эти завалы с другого фланга, а потому, казалось, он мог бы еще обождать успеха удара этой колонны и тогда уже ударить с фронта, но в данном случае и левая колонна могла заблудиться, не говоря уже о трудности поддерживать с ней связь в подобном лесу. — *Б. К.*

Это был ад, изрыгавший на нас огонь. Стоять было невозможно, и мы все лежали на земле, подвигаясь ползком, правда, не скоро, но все-таки подвигались. Я не видел конца этой картине истребления.

Оставалось только дать убить и себя. Но вот и я почувствовал, что опрокинут, и я был тому рад: в этом заключалось для меня единственное средство выйти с честью из этого дела. Мое имя пробежало по рядам; Шеппинг и три карабинера бросились ко мне, и один из них заметил мне: «Ничего, ваше сиятельство Николай Чудотворец спасет вас», и меня поволокли в лес.

Войска не двигались; силы их были истощены; подавленные огнем, они отошли к лесу, служившему им защитой. За исключением только одного, все офицеры были выведены из строя; почти половина куринцев и милиционеров лежали распростертыми на земле и покрытыми кровью, а между тем настоящий бой длился только 10 минут! Бедные грузины окончательно изнемогали: они видели гибель трех из своих князей, из коих два брата умерли в объятиях друг друга.

Молодцы егеря-куринцы одни сумели остаться на своем месте. Без начальников и без малейших указаний они еще удостоились чести и славы окончательного занятия этих завалов, правда, при поддержке трех рот апшеронцев, вышедших к этим завалам с фланга.

Недаром было пролито столько крови; для упрочения победы не пришлось делать новых усилий; противник был смущен, несмотря на нанесенные им нам потери, и не только что не посмел нас преследовать, но даже бросил и самые завалы, за которые мы выдержали столь горячий бой, и несколько минут всего спустя куринцы заняли их без всякого сопротивления.

Штурм высот у Гурдали, подобно таковому горы Анчимеер, произошел на глазах главнокомандующего и на виду всего отряда. Все могли за нами следить и, конечно, все посылали нам свое благословение, так как на этих высотах решалась участь дня.*

Еще ранее, лишь только завязался бой, граф Воронцов послал ко мне своего адъютанта Нечаева** с похвалой и поздравлением взятия неприятельского орудия, бывшего действительно в атакованном нами завале, и это поздравление должно было служить подбадривающим нам средством.

Добрых четверть часа употребил Нечаев, чтобы добраться до нас, но вместо орудия он увидел меня, всего окровавленного, окруженного жалкими остатками моей колонны. Всем было известно душевное рас-

---

* Действительно, заслуга колонны Бенкендорфа в этот день 14 июля, самый трудный за весь марш из Дарго в Герзель-аул, была очень большая и нельзя не воздать должное молодцам куринцам. Что за геройские войска были тогда на Кавказе?!

** Нечаев — автор рукописи, приобретенной нами у антиквара Клочкова, нами напечатанной в «Военном Сборнике» и выпущенной отдельным изданием. — *Б. К.*

положение ко мне графа Воронцова, а потому, не желая огорчать его в ту минуту, когда ему необходима была вся его энергия, Нечаев, по обратном к нему возвращении, не смея доложить ему всю правду, на вопросы его, ответил совершенно хладнокровно, что «Бенкендорф слегка ранен», но свите, не колеблясь, сказал: «Он умирает».

Мне действительно приходилось плохо: пуля пронизала меня насквозь, я потерял много крови, и перевязывавший меня доктор объявил, что мне остается жить лишь несколько часов.

Из нас четверых раненных в этот день штаб-офицеров подобный смертный приговор был произнесен только надо мной, а между тем из нас четверых: один (полковник Бибиков) уже не существует, другой (граф Стейнбок) — без ноги, третий (майор Альбрант) — без руки, и только я один жив и здоров.

Я должен был умереть по стечению обстоятельств, но свыше было предопределено, что я буду жить.

Лишь только меня перевязали, как сейчас же положили на солдатскую шинель, натянутую между двумя ружьями, четыре солдата подняли меня на свои плечи и понесли во главе транспорта раненых.

Горя нетерпением добраться до ночлега, я слишком горячо торопил своих носильщиков, желавших меня послушаться и опередить главные силы. Следуя за несколькими ранеными по узкой дороге, меня понесли через лес, еще недостаточно обеспеченный слева нашими войсками. К нам присоединили еще вьюки, что увеличило непорядок этого следования.

Неприятель, воспользовавшись этим обстоятельством, неожиданно бросился на нас слева и, не встретив, по полному отсутствию здесь наших войск, никакого сопротивления, легко овладел дорогой.* Я достался в руки наших врагов. Чеченцы вырвали у меня мундир, которым я прикрывал себе лицо, и я неизбежно был бы изрублен, как было изрублено несколько человек раненых рядом со мной, если бы не хладнокровие, мужество и благородное самоотвержение Шеппинга, которому одному и всецело обязан я спасением жизни. Он защитил меня от ударов, которые мне предназначались, и, защищая меня, сам получил три раны. Я имел время собраться с последними силами, подняться с земли,** чтоб сделать несколько шагов до края пропасти, куда я и ринулся очертя голову.***

---

* Войск не было, так как авангард запальчивого генерала Белявского зарвался и продрал вперед, не выжидая подхода боковых цепей, а потому, естественно, между главными силами с обозом и авангардом образовался промежуток, а ведь главные силы и авангард должны были равняться на арьергард.

** Куринцы положили его на землю и, обороняя, кажется, были изрублены.

*** Барон Шеппинг еще утром отнял пистолеты у барона Николаи, и они теперь ему пригодились. Князь Дондуков так рассказывает этот случай: «Подле носилок

Только Шеппинг сумел избавить меня от всех ужасов плена или неминуемой смерти, и то и другое было неизбежно и потому только добрейшему Шеппингу — вся честь моего спасения, вечная ему благодарность за эту благородную, братскую и дружескую помощь. Для меня все ограничилось только четырьмя ударами шашками и кинжала. Сильное кровопускание принесло мне пользу, и доктора уверяли, что это меня спасло. На самом деле, так как я сильно ослабел от потери крови, то воспаление правого плеча, начавшееся от первой моей раны, не только что не усилилось, но прекратилось. Слабость, которая меня охватила, она-то и спасла мне жизнь; это странно, но верно.

Никогда не ухаживали за мной с большей добротой, усердием и любовью, и все наперерыв старались выказать мне участие. Хотя в этот день все были в ужасном положении, когда чувство эгоизма неизбежно берет верх, все обо мне подумали.

Александр Барятинский отнесся ко мне с полной добротой и глубоко тронул меня искренней нежностью. Я был лишен всего. Каждый старался обобрать себя, чтобы меня одеть и облегчить мои страдания: поручик Швахейм (раненый офицер куринец) накрыл меня своим сюртуком, другой дал папаху, молодой князь Каплан предложил свою лошадь; Мамуд, чтобы быть всегда у меня под рукой для моей защиты, решил не оставлять меня более, а князь Николай Эристов[226] присоединился ко мне, чтобы пробивать мне дорогу. Отыскался и мой Андрей, и молодчина этот уже не оставлял меня. Цирюльник карабинерной роты перевязал мои раны.

День выдался тяжелый; по всей линии (вернее по всей глубине) дрались до вечера. Мы достигли места ночлега только с наступлением темноты, а арьергард подошел с рассветом следующего дня. Дождь шел

графа Бенкендорфа шел друг его барон Шеппинг, и когда горцы начали резать раненых и их прикрытие, куринцы, положив носилки, обороняли. Шеппинг впереди их защищает своего друга и пистолетом барона Николаи успевает убить горца, занесшего кинжал над Бенкендорфом, сам же получает несколько ран шашками и в упор выстрел из пистолета в живот, но, к счастью, пуля (по недостатку ли пороха) застревает в белье. Бенкендорф же в бессознательном и безотчетном испуге имел достаточно силы, чтобы вскочить и бежать. Несколько чеченцев, догоняя, рубили его беспощадно, и он был найден в овраге, весь облитый кровью и изрезанный шашками. Это немедицинское кровопускание, быть может, спасло ему жизнь, остановив воспаление. Окончательно горцы были разогнаны подоспевшей 11-й ротой Навагинского полка».

А несколько далее горцы атаковали самого Воронцова, едва спасенного несколькими кабардинцами. Не доходя же авангарда были убиты адъютант Воронцова Лонгинов, адъютант Лидерса, граф де Бальмен и Башилов и ранен Генерального штаба капитан барон Дельвиг и майор Альбрант. А рядом с Бенкендорфом убит раненый же полковник Завальевский. Тяжелый был этот день 14 июля. — *Б. К.*

как из ведра, темнота была полная, все валялись как попало в грязи, и положение раненых в эту ночь было ужасное. В подобных обстоятельствах здоровые мало церемонятся с ранеными, видя в них лишь обузу и лишнее горе, но я был счастливее других.

Палатку разбили только для графа Воронцова, и он послал Щербинина меня разыскать, чтобы перенести к себе. Я, должно быть, очень надоел бедному графу моими стонами, вырывавшимися у меня помимо моей воли.

Во всякой другой войне участь раненых обеспечена, здесь же мы подвергалась всем тем ударам, что и наши защитники; мы не могли избавиться ни от одного из результатов той драмы, которая развертывалась перед нами и длилась еще 6 дней.* Хоть я в ней и не принимал участия, но голова моя была свежа, и я могу продолжать свое повествование, так как прекрасно следил за нашими действиями, из которых передам важнейшие, дабы лучше объяснить развязку.

В течение дней 15-го и 16-го мы были в непрерывном движении и все время дрались. После полудня 16-го мы были вынуждены атаковать сильную позицию, обороняемую наибом Литула. Потребовались большие усилия для ее овладения, все части попеременно были введены в дело, и граф Воронцов должен был лично руководить ее атакой.

Дни 17-го и 18-го мы провели в долине Шаухал-Берды. Остановка необходима была для отдыха и для приведения в порядок службы войск и обозов.

Уже несколько дней, как мы не имели продовольствия; рогатый скот был съеден. Жили — несмотря на противника, несмотря на усталость, на общее истощение, жару, голод, жажду; жили потому, что в армии, подобной нашей, жизненную силу армии составляет энергия начальников, дисциплина и мужественная покорность солдата, и все эти факторы были налицо. Солдат выказал чудеса покорности и храбрости, а энергия графа Воронцова была просто изумительна; он проявил ту силу, которая увлекает, воодушевляет, электризует; ту силу, которой обладает только недюжинный начальник и которая внушает массе, покорившейся ей как бы по волшебству. Никогда граф Воронцов не был так прекрасен, как в эти минуты, когда уже многие из нас отчаивались в спасении отряда. Стоило только взглянуть на него, чтобы набраться новых сил и весело идти навстречу опасностям, на которые он смотрел ясно и спокойно.

Палаток оставалось очень мало, только у некоторых начальствующих лиц, и неприятель знал их наперечет. Граф Воронцов велел разбить свою палатку на самом видном месте лагеря, чтобы неприятель

* Это действительно была драма, нигде еще не изложенная во всей силе своей действительности.

легко мог в нее целить. В течение трех дней место около палатки было изрыто ядрами. 17-го утром граф обошел все наше сторожевое охранение, дабы показаться войскам и благодарить их за мужество. Эту опасную штуку он исполнил верхом на белом коне, дабы быть видимым и всем своим, и неприятелю. По мере того, как он проезжал перед частями, они выстраивались, музыканты играли честь, а войска приветствовали тысячекратным «ура», которое временами заглушало канонаду артиллерии неприятеля, не замедлившего провожать графа в течение всего его объезда, длившегося целых два часа. Я редко видел более захватывающее зрелище.

Граф Воронцов заставил нас пройти чудесную школу, и все те, кто с ним служил, сохранил драгоценные о нем воспоминания. Особенно мы, раненые, мы более других должны благословлять его имя в память того, что он сделал для нас в течение этих шести последних и ужасных дней похода. Конечно, и всякий другой начальник отряда заботился бы о нас, как и граф Воронцов, но тут нужна его каждодневная забота и та сила власти над умами, которая была ему присуща и которая заставляла себе подчиняться.

Нас было 1500 человек раненых, и мы требовали такое же число себе провожатых на походе; вся конница была спешена и лошади отданы под раненых, которые образовали особую колонну, вверенную генералу Хрещатицкому, хорошо исполнившему свою задачу. Начальство оказало нам все содействие, и распоряжения по отношению нас генерала Гурко были безукоризненны.

Все это еще не означает, чтобы наш раненый, особенно солдат, почивал на розах. Стоит только представить себе эту массу несчастных, страдающих от страшного зноя, жажды и голода, так как даже вода добывалась с боем. Представим себе страдальцев, лишенных сил и средств самозащиты, все время подверженных действию ядер, гранат и даже пуль неприятеля, несколько раз на волоске от варварского избиения, без возможности тому противодействовать; вспомним, что мы никогда не становились лагерем, что мы проходили через страну, которую самый смелый офицер Генерального штаба признал бы непроходимой, что мы почти всегда шли без дорог, через густые леса, пропасти, глубокие овраги, что весь наш путь состоял из спусков и подъемов, один труднее другого, что мы только изредка шли по ровному и достаточно открытому месту, где мы были обеспечены от внезапных нападений противника.

Я набрасываю покрывало на все эти сцены отчаяния, прошедшие перед моими глазами в течение всех этих тягостных минут. Я не нахожу слов ни для их описания, ни для того, чтобы возблагодарить Бога, что Он дозволил мне достигнуть пристани и конца наших бедствий!!!...

12-го граф Воронцов предупредил генерала Фрейтага, бывшего в Грозной, о принятом им направлении своего движения и приказал ему идти навстречу отряду.

Фрейтаг — человек больших талантов, большой мастер создавать из ничего, увеличивать, по необходимости, силы и средства и придавать крылья своим сотрудникам и соратникам — проявил тогда невероятную деятельность.

Менее чем в три дня он собрал артиллерию, 8 батальонов, казаков и милицию, разбросанных на сто верст и вовсе не готовых к походу. После полудня 18-го он прошел уже 15 верст по неприятельской земле, и его орудия гремели уже в версте от нашего лагеря у Шаухал-Берды.

19-го мы оставили нашу позицию и, выдержав еще кровавый бой, соединились с ним. Что это была за радость! Солдаты бросались в объятия друг друга! Пришедшие нам навстречу опорожняли свои мешки для утоления нашего голода; на каждом шагу — трогательные сцены.

Я никогда не забуду впечатления, произведенного на меня первыми, увиденными мною, солдатами отряда Фрейтага! Только по сравнению с ними мы были поражены собственным видом, к которому привели нас бедствия этой ужасной экспедиции. Но в этот день все трудности были забыты, в наших рядах была только радость, а в рядах пришедших к нам — благородное соревнование. Проезжая по фронту одной роты, пришедшей с генералом Фрейтагом, Воронцов, приветствуя солдат, заметил им: «Какие вы, братцы, чистенькие в сравнении с нами!» — «Нет, — воскликнул один унтер-офицер, — вы белее и чище нас, потому что вы дрались больше нас!»

С великой радостью встретился я с Барановым*[227] и Хасаевым (кумыкский князь). Храбрый Фрейтаг был очень рад видеть меня живым. Помню, как, обнимая меня, он сказал: «Ну, Костя, потрепали тебя, ничего, вылечим, не дадим умереть».

Все наши раненые вышли из леса. Арьергард, которому пришлось выдержать ожесточенный бой, присоединился к нам. Отряд уже собирался двинуться в путь и я тоже — следовать за общим движением, когда граф Воронцов, проезжавший в нескольких шагах от меня, сошел с лошади и присел около меня. Он находился в том состоянии откровенности, которое, казалось, его облегчало, и радовался видеть меня уже вне опасности. Помню, что в ответ на принесение мною благодарности за все, что он нам сделал, достойный граф, со слезами на глазах, сказал мне: «Если бы мой сын находился в отряде, то я не знаю, что стало бы со мной и с моей энергией».**

* Флигель-адъютант Эдуард Трофимович Баранов, находившийся при Фрейтаге.

** Вероятно, еще из Андии сын его был командирован в Петербург с донесением, так как в начале похода он был с отцом.

Генерал Фрейтаг действительно пришел вовремя: ряды защитников сильно поредели и в ротах было не более 20–30 человек в каждой.

Войска покрыли себя славой, особенно кавказцы — старые полки Кабардинский, Куринский, Навагинский и Апшеронский; великолепен был и Лабынцев со своим арьергардом, выдержавший на своих плечах в течение длинных пяти дней все яростные атаки горцев; превосходных помощников нашел он в полковнике Козловском, подполковнике Тиммермане, капитане Беклемишеве и князе Яшвиле. Я счастлив назвать в числе лиц, особенно отличившихся при исполнении марша от Дарго к Герзель-аулу, двоих, к которым я питал особое расположение, это — кн. Лобанова и Колюбакина. В то время, когда многие лица в Главной квартире уже начали отчаиваться в спасении отряда, Лобанов просился в строй и принял командование одной из тех рот, на которую можно было менее всего положиться, стойко выдержал ее под огнем и разделил все опасности службы в арьергарде.

Также и Колюбакин, продолжая командовать 3-й ротой куринских егерей, поступил под начальство Лабынцева и заслужил от него самую блестящую похвалу. Впоследствии он мне неоднократно рассказывал один эпизод, заключающий в себе чисто кавказскую черту, и я не могу удержаться передать здесь этот эпизод, хотя я лично совершенно ему не причастен. 16-го (при переходе в Шаухал-Берды) Колюбакин получил приказание овладеть одной высотой; 50 мулл, распростершись на земле, оглашали воздух именем Аллаха, которого они призывали прежде, чем вступить в бой. Солдаты же, прежде чем броситься в атаку, приостановились и слышно было, как они говорили: «Не хорошо, Богу молятся!» Колюбакин, которому нельзя было терять ни одной минуты, торопил своих: «Что у них за Бог, разве наш не лучше?!» — «Так точно, гораздо лучше!» — ответили солдаты и после нескольких «ура» и короткого сопротивления высота была взята.

Лишь только Колюбакин овладел высотой, с которой были выбиты эти муллы, как они, в свою очередь, напомнили своим пример благочестия, только что ими виденного. Картина изменилась: солдаты обнажили головы, певчие затянули «Со святыми упокой», и рота опустила в могилу тело своего фельдфебеля, пораженного во время атаки пулей в голову.

В этой войне на Кавказе всегда есть что-то и драматическое, и фантастическое, и неожиданное.

Итак, кампания кончилась; она длилась шесть недель. 20-го после обеда мы пришли в Герзель-аул — первую на пути русскую крепость, в которую мы вступили с музыкой и с веселыми солдатскими песнями. Громкие крики отчаяния и горя огласили горы. Четыре наиба погибли в

этой кровавой борьбе; пали лучшие чеченские борцы; потери горцев были громадны, и наше следование оставило по себе длинный кровавый след.

Но и мы также могли скорбеть о многих потерях; наши потери в прекрасных офицерах были громадны, я не имею тому точных данных и могу привести потери только батальона, которым я имел честь командовать. Из 700 человек, выступивших в кампанию, при вступлении в Герзель-аул оставалось под ружьем только 300; из 400 выбывших из строя 150 человек было больных и 250 — убитых и раненых. Из 20 офицеров батальона в начале кампании — осталось только пять не раненых.

Несоразмерно большая потеря офицеров по отношению общей потери в нижних чинах есть обыкновенное явление в войне на Кавказе.*

Из 11 штаб-офицеров, спустившихся во главе своих батальонов в теснины Дарго, к концу кампании только один остался цел и невредим; были батальоны, в которых командиры сменялись по четыре раза, — до такой степени свирепствовала смерть в рядах отряда.

Много крови было пролито с той и другой стороны.** Дарго было в развалинах, Андия была одно время занята, Ичкерия пройдена с одного конца до другого; никогда еще наши знамена не проникали так далеко в горы, никогда еще дух войск не стоял на такой высоте, никогда еще не покрывали себя на Кавказе войска наши большей славой, никогда еще не

---

* Это справедливо лишь отчасти, но в данном случае эта несоразмерность дошла до невозможного, что и объясняется рядом кризисов в походе, вернее, со взятия никому не нужного Дарго, весь поход — сплошной кризис. — *Б.К.*

** Наши потери по отношению к общей численности отряда были беспримерно велики и за время с 14 июня по 20 июля только в Даргинском походе мы потеряли по официальным данным: 3-х генералов, 28 штаб-офицеров, 158 обер-офицеров и 2521 человека нижних чинов, а именно:

	Генералов	Шт.-офиц.	Обер.-офиц.	Нижн. чинов
Убитыми	3	7	27	819
Ранеными	—	18	101	1916
Контуженными	—	3	28	409
Без вести пропавшими	—	—	2	177
	3	28	158	3321

Примечание. К этим потерям следует еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и наших гарнизонов на этапах в Андии, что значительно увеличит еще эти потери, причем мы не считаем еще потерь в Самурском и Лезгинских отрядах.

Любопытны потери отряда только за неделю марша от Дарго к Герзель-аулу, с 13 по 20 июля, а именно, убитыми: 2 штаб-офицеров, 10 обер-офицеров, 295 нижних чинов; ранеными: 12 штаб-офицеров, 43 обер-офицеров и 740 нижних чинов; контуженными: 2 штаб-офицеров, 7 обер-офицеров и 133 нижних чина и 23 нижних чина без вести пропавшими. — *Б.К.*

обладали мы здесь столь значительными силами, и никогда еще не давали мы столько боев, а между тем могущество Шамиля осталось во всей своей силе.

Причина тому — очень ясная. Ошиблись в значении Дарго и Андии, еще раз обманулись в значении в горах наших бесполезных побед и еще раз ошиблись в результатах и последствиях нашего вторжения.*

Главный результат кампании — это большой и основательный урок для будущего. Дай Бог, чтобы урок этот был плодотворен по отношению предпринятия этих более смелых, чем полезных экспедиций, выполнение которых поручается лицам, мало знакомым с условиями ведения войны на Кавказе и слишком занятых своей военной славой.** Перед нами налицо опыт, купленный достаточно дорогой ценой, чтобы служить нам предостережением в будущем и чтобы утвердить среди нас более рациональные принципы, которые мы теперь и прилагаем для умиротворения края.***

Эти принципы всегда во все времена исповедовались мудрыми и мыслящими деятелями, которым был близок край и которые в своих соображениях не увлекались ничем тем, что шло в разрез с общим благом.

В этой кампании Кавказская армия пожала новые лавры и получила новое право на признательность России, а будущие поколения, более нашего поколения счастливые, будут пожинать там, где мы сеяли, и из этих чудных, еще диких и невозделанных ныне земель извлекут всю цену пролитой здесь нами крови.

Войска в эту кампанию к вождю, сумевшему руководить ими, пре-

---

* Главная причина неудач с 1839 года, и особенно 1842 и 1845 гг., — это вмешательство Петербурга, — это составление планов кампании и управление армией из столицы, тогда как успех дела войны, говоря языком Суворова, требует: «единства власти и полной мочи избранному полководцу», что по отношению Кавказа вполне осуществилось только при князе Барятинском.

** Благородный Бенкендорф ведет здесь речь о некоторых деятелях прошлого и ближайшим образом, очевидно, о Граббе (экспедиции 1839 и 1842 гг.), о вмешательстве личном в 1842 г. графа Чернышева, хотя здесь, по-нашему, между строк, обвинение и графу Воронцову, который заслуживает такового в полной мере в 1845 году, когда у Воронцова не нашлось гражданского мужества высказать своему Государю правду о всей бесцельности и вреде этой экспедиции. В крайности граф Воронцов мог ограничиться только Андией и тогда избежал бы подвергать вверенный ему отряд всем этим бедствиям, лишениям и невознаградимым потерям. — *Б.К.*

*** Если это писалось во времена Воронцова, то далеко не вполне и Гергебильская, Салтинская и Чохская экспедиции служат доказательством, что 1845 год не произвел на Воронцова должного впечатления. — *Б.К.*

исполнились еще большим доверием, а Государь в героизме этой армии, для которой не было невозможного и твердость которой преодолела все препятствия, получил новую гарантию своего могущества.

Очевидно, что Шамиль припомнил эти снега и скалы Дагестана, которые не остановили наши войска, припомнил и кровавые бои в Чечне, которые никогда не могли утомить нас, когда, в своей проповеди в горах, весной 1846 года, незадолго до его вторжения в Кабарду, он говорил своим, со свойственной ему смелостью языка: «Я готов всех вас отдать за один из этих русских полков, которых так много у Великого Императора; с русскими войсками весь мир был бы у моих ног и все человечество преклонились бы перед единым Богом, единый пророк которого Магомет, и я единый им избранный имам ваш».[228]

В. А. ГЕЙМАН

1845 год

ВОСПОМИНАНИЯ

I

Производство в прапорщики. Прибытие в Ташкичу. Движение к Евгеньевскому укреплению и сбор там отряда.

Когда я посетил 8 мая прошлого 1873 года Дарго (в Ичкерии, Терской области), у меня невольно возобновились в памяти воспоминания прошлого бурного времени, когда чуть ли не каждый день где-нибудь да раздавался гром пушечных выстрелов, лилась кровь и падали жертвы долголетней, упорной борьбы с воинственными горцами.

Впрочем, все это входило в рамку обыденной жизни; а человек, как известно, по натуре своей скоро ко всему привыкает. Но среди этой жизни выдавались годы, которые останутся для участников памятными до последней минуты, как, например: на восточном Кавказе 1839 г.— Ахульго, Аргуан; 1842 г. — ичкеринский лес; 1843 г. — восстание в Дагестане: Хунзах, Зыряны, Бурная; 1845 г. — экспедиция в Андию и Дарго.

О последней я хочу напомнить моим старым боевым товарищам, которых, к сожалению, уже весьма мало осталось на свете: часть их или пала позже в честном бою, и имена их пропали бесследно; другие — умерли от ран; немногие оставили службу, а еще меньше, ожидая скорой выранжировки, пока продолжают служить.

Конечно, очень естественно, старое поколение должно уступить место новому, и никто не станет оспаривать, что последнее должно во многом опередить первое; но все же и мы сослужили кое-какую службу царю и отечеству. Даже и теперь, когда подчас раны болят и ревматизмы одолевают, заслышав бранную трубу, пойдем, подобно бракованному коню, галопировать с той ноги, с которой прикажут.

Прошу читателя не искать в моем повествовании ни витиеватого слога, ни высших военных соображений; я был в то время молодым прапорщиком и могу только поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями того времени, ручаясь за верность фактов.

В сороковых годах, и даже позже, на Кавказе существовал порядок: всех нижних чинов, удостаиваемых к производству в офицеры, отправлять предварительно на испытание в кавказскую резервную дивизию. Там нас обучали фронту, и, кроме того, в программе (военного) образования немалое место занимали так называемые «пунктики». Они состояли из нескольких вопросов: что есть солдат? Что есть знамя? Какая обязанность часового? и т. д. Все это было очень полезно для солдата того времени и больше чем ничего — для офицера.

Резервные офицеры, наши учителя, ни образованием и ничем другим не вселяли к себе уважения, а о нравственной их стороне нечего было говорить: большинство их состояло из выслужившихся фельдфебелей и каптенармусов, с весьма узким взглядом на военное дело и вдобавок без всякого образования, короче — «ремешки», как тогда было принято называть. Само собою понятно, что при таких условиях они не могли иметь ни малейшего влияния на прибывающую с Кавказа молодежь, развивавшуюся самостоятельно, исключительно при боевой обстановке. С другой стороны, для того времени весьма трудно было сдерживать толпу сорванцов, наезжавших с разных концов Кавказа в г. Таганрог, преимущественно прямо из отрядов, и бредивших военными подвигами.

Располагаясь по квартирам, почти вне всякого контроля, буйный народ этот способен был скорее наводить ужас на жителей, нежели подчиняться требованиям внекавказской почвы, и резервщина, как мы называли наших наставников, никак не могла справиться с нами. В действительности, пребывание в Таганроге служило лишь испытанием — до какой степени молодые люди, попав, после трудов и лишений боевой жизни, в шумный, многолюдный город, могли испортиться? Это был своего рода университет, из которого всякий всеми силами старался уйти как можно скорее.

И вот, выучившись пунктикам, сходив раза три на ординарцы к начальнику дивизии, я, в числе 126 человек, был представлен осенью 1844 года в прапорщики, в Кабардинский полк. Хотя при представлении в офицеры обыкновенно спрашивали нас, в какую часть хотим быть призваны, но желания наши исполнялись весьма редко.

20 февраля 1845 года нас произвели в офицеры, и я попал, вместо Кабардинского полка, в 16-й грузинский линейный батальон, расположенный в то время в укреплении Закаталах. От такого неожиданного сюрприза я был в полном отчаянии, но приходилось покориться судьбе.

Нас как милых молодых людей очень скоро выпроводили на Кавказ; новая команда юнкеров, еще не удостоенная представления, на первое время вела себя довольно сносно, и в это время Таганрог обыкновенно отдыхал; зато весь почтовый тракт до Ставрополя, буквально, трещал. Вновь отпечатанные прапорщики ехали, ради экономии, по два, по три, а иногда и по четыре человека на одной тройке; бывало, нагрянет ватага — всю станцию разнесут. Я думаю, ни одному курьеру так скоро не запрягали лошадей, как нам; станционные смотрители, старосты и ямщики рады-радешеньки были отделаться как можно проворней от подобных гостей, а потому — везде крайне были любезны и предупредительны с нами.

В Ставрополье я на некоторое время остался у родных, и тут же, благодаря вниманию бывшего начальника штаба войск Кавказской линии, генерал-майора Норденстама,[229] был прикомандирован, вперед до перевода, к Кабардинскому полку. Здесь же я узнал, что готовится огромная экспедиция и что сам главнокомандующий принимает в ней участие. Конечно, я ничего не помышлял о том, что, где и как будет. Полон светлых надежд на будущее, молодой, пылкий и беззаботный, без денег в кармане, и никого не зная, полетел на перекладной в Кабардинский полк. Тут считаю нужным несколько оговориться: после перевода моего из России, из Нижегородского полка, дядя мой, не желая брать на себя ответственности перед моей матушкой, не пустил меня в экспедицию, а зачислил в 1-й кавказский линейный батальон, откуда я был отправлен в резервную дивизию, почему дальше Ставрополя до сих пор нигде на Кавказе не был.

За Ставрополем, на придорожных возвышенностях, стали попадаться то там, то сям часовые и казачьи посты; все эти предосторожности напоминали об опасности пути. На расспросы мои на станциях рассказывали, что там-то проезжающего взяли в плен, а тогда-то убили; но все это, как оказалось, было давно.

До Моздока я добрался без всяких приключений, но тут уже, под вечер, никого из города не выпускали, говоря, что опасно. Делать нечего, приходилось заночевать, несмотря на все мое нетерпение добраться скорее до полка. От скуки, я отправился с денщиком покупать шашку и другие принадлежности для похода. Кстати, о денщике: рядовой Максим Тюлентьев, мордвин, кажется, уроженец Пензенской губернии, был зачислен ко мне из линейного батальона; это — чистый тип денщика того времени: добр, честен, привязан до крайности и вместе с этим отчаянный пьяница. Еще в 1832 году он находился в старой крепости Внезапной, когда она была обложена Кази-муллою и затем освобождена генералом Эммануэлем, бывшим тогда командующим войсками на Кавказской линии;[230] в этом же деле он и сам получил рану. Максим Тюлентьев состоял рядовым в бывшем Крымском полку, был ранен в патронную суму, и хотя этим очень гордился, но такой казус до

того сильно на него повлиял, что он нашел более полезным избежать повторения. Тем не менее, не имея ни малейшего понятия о военных делах на Кавказе, рассказы его я слушал с жадностью, хотя и сознавал, что он говорит вздор.

Если не ошибаюсь, 21 мая мы чуть свет выехали из Моздока. Дорога пролегала параллельно Тереку; посты и пикеты попадались чаще; все встречавшиеся по пути были вооружены с головы до ног, и тут же рассказы совсем другие: говорят не о том, что когда-то было, а вчера, с неделю — там порубили в садах, там отбили скот, того-то увели в плен, и уже не называют общим именем, черкесы или татары, а говорят — чеченцы. К вечеру того же дня мы приехали в Амир-Аджи-Юрт.

Амир-Аджи-Юрт — маленькая слободка, на левом берегу р. Терека, огороженная плетнем вместо вала. Карантинный чиновник, соляной магазин, бунты, несколько баб-торговок, с белым хлебом и бубликами, два-три кабака, да базарный из линейных солдат, в качестве блюстителя порядка, с палкой в руках (атрибут власти) и воинский начальник — вот и все. Малочисленная линейная рота, содержавшая также караул в маленьком укреплении, на правом берегу, в виде тет-де-пона, прикрывающем переправу, составляла гарнизон. Обыкновенно скучный Амир-Аджи-Юрт во время моего приезда был необыкновенно оживлен: на правом берегу Терека стоял небольшой отряд из войск 5-го корпуса, с сводным казачьим полком, да, по случаю пребывания главнокомандующего в укр. Ташкичу, в 18 верстах, ежедневно приходили колонны.

Вечерело. На единственной улице слободки становилось людно и оживленно: там раздавалась боевая залихватская песня, тут — взрыв задушевного хохота, вызванный какой-нибудь ловкой шуткой острякабалагура; то слышалось крепкое русское словцо с приправкой или визг гребенской казачки, притворно старавшейся вырваться из объятий какого-нибудь отрядного Дон Жуана; словом, чистый хаос. Но, что особенно бросалось мне в глаза, как новичку, так это — что весь люд двигался бойко, весело, везде и во всем виднелась какая-то особенная энергия и самоуверенность, которая не могла не повлиять заразительно на мою молодую, впечатлительную натуру. Насмотревшись нового для меня зрелища, отправился являться к начальству. Воинский начальник, капитан Флепс[231] — старый, почтенный офицер, принял меня весьма просто, любезно, но с таким тактом, какого мне никогда не случалось встречать в нашем университете — резервной дивизии.

От него я узнал о существовании на противоположной стороне Терека отряда, и что старший брат мой[232] состоит там врачом при кавалерии, а также, что из Ташкичу пришла оказия (колонна), которая завтра с рассветом возвращается обратно, и я могу с нею отправиться. Меня

очень занимало знание совершенно незнакомого слова «оказия», боясь попасть впросак, я сильно хотел узнать, что это такое, но стеснился спросить. Выйдя от капитана Флеиса, я столкнулся с братом, который объяснил мне, что́ такое оказия. Брат уже несколько дней ожидал моего приезда и, забрав Максима с багажом, помещавшимся в двух маленьких вьючных чемоданах, потащил нас к себе. Переправившись на паром, мы очутились в лагере. На первых порах я таки порядочно надоел брату, забросав его разными вопросами, из которых многие вызывали его смех, и мы далеко за полночь не могли уснуть. Наутро, при содействии брата, мне привели под вьюки коня, которого я тут же купил довольно недорого: навьючив свое имущество, я вручил коня попечению денщика, а сам отправился с оказией пешком.

Надо сознаться, что эта лошадь была у меня первою в жизни и составляла предмет моей гордости и особых забот: я то и дело оглядывался назад, отдавая приказание денщику то подтянуть подруги, то поправить вьюки, хотя и в том, и в другом не было никакой надобности. Тут же, в оказии, подошел ко мне какой-то молодой человек, в статском платье, путешествовавший так же, как и я, пешком. Слово за слово, оказалось, что он Шиманский, сын известного актера в Варшаве; провинившись в чем-то, был разжалован в рядовые в Кабардинский полк. Хорошо образованный, он прекрасно говорил по-русски, хотя и слышался слегка польский акцент; впоследствии мы с ним очень подружились. Шиманский был убит в последнюю войну с Турцией, бывши адъютантом в гурийском отряде. Болтая о том о сем, мы незаметно прошли 18 верст до Ташкичу — цели нашего путешествия. Не доходя версты, колонна стянулась и вступила в укрепление в строгом порядке. Ташкичу на р. Аксай (давно уже упраздненное) было в то время маленькое укрепление, с земляным валом, по углам которого, на батареях, красовалось несколько пушек; единственных два здания: дом воинского начальника и казарма заняты были, первое — главнокомандующим, и тут же, на дворе, в палатках, помещался весь его штаб; а последнее — канцелярией и лазаретом; за укреплением — форштат, и около него стояли лагерем 1-й и 2-й батальоны Кабардинского полка. На небольшой площади около укрепления кишмя-кишела бездна народа: казаки, кумыки, кто верхом, кто пешком, сновали в разные стороны; адъютантство покупало бурки, оружие — разумеется, втридорога; несколько гвардейских офицеров толкались тут же, посреди общего говора и суеты; слышались языки: кумыкский, русский, французский и немецкий. Все это слилось в общий говор, и выходила оригинальная картина — нечто вроде столпотворения вавилонского.

Надев шарф и шашку, я отправился являться полковому командиру, полковнику Козловскому (ныне умерший полным генералом — мир

праху его!), но попал, как видно, в недобрый час: он чего-то сердился, и в то время, когда я, подойдя к нему, собирался произнесть обыкновенную в подобных случаях фразу, он крикнул на меня:

— Что вам угодно?

— Честь имею явиться, такой-то.

— Черт знает, зачем в полк посылают всякую ...

Тут он остановился, а я совершенно растерялся; однако, скоро оправившись, возразил:

— Г. полковник, я бы не смел приезжать в полк без вашего на то согласия. Вы писали об этом моему дяде.

— А кто ваш дядя?

Я назвал фамилию.

— Очень хорошо.

Затем, позвав полкового адъютанта, приказал меня тотчас зачислить в 5-ю егерскую роту. Выйдя от командира полка, я отправился к батальонному командиру, полковнику Ранжевскому. Тот принял меня даже не приподнявшись со стула, а только процедил сквозь зубы: «Ну, служите хорошо, молодой человек, и явитесь к ротному командиру», а наклонением головы дал понять, что я могу уходить.

Надо сознаться, что этот второй прием превзошел все мои ожидания и сильно меня сконфузил. Несмотря на годы, я живо припоминаю эту могучую личность, обожаемую солдатами, называвшими его не иначе, как «железный дед». В то время Ранжевскому было лет за пятьдесят, косая сажень в плечах, вершков 12 ростом и слегка сутуловат; честен был, как рыцарь; с подчиненными — строг донельзя; в деле едва ли можно было найти человека храбрее; весь полк питал к нему вполне заслуженное, глубокое уважение. Подобные личности редки в армии. Впоследствии он был убит в Дарго, 11 июля, — вечная память герою!

Ротный командир, штабс-капитан князь Туманов, принял меня вежливо, но как-то сухо, несимпатично, и даже не позаботился спросить, где я помещаюсь — чем окончательно, так сказать, дорезал. Отправляясь отыскивать своего денщика, я был очень озабочен: что же это будет со мной в походе? Где же мне, наконец, ночевать? Ко всему этому, после 18 верст прогулки пешком и любезного приема начальства желудок начинал сильно напоминать о себе. Нерадостные размышления мои были вдруг прерваны вестовым, с запискою от полкового адъютанта, извещавшего, что, в отмену отданного распоряжения, я зачисляюсь во 2-ю егерскую роту; значит, опять надо являться. Командир 1-го батальона, подполковник Гроденфельд,[233] родом из Финляндии, весьма плохо объяснявшийся по-русски, также высокого роста, но уже довольно преклонных лет. Когда я назвал свою фамилию,

первый его вопрос был:

— Шпрехен зи дейтш?

Я отвечал, что не говорю по-немецки.

— Та-та-та, понимаем; ви русский немец, немецкий фамилия, православный исповедании и не говорит по-немецки.

— Отчасти, так точно, но я совсем не немец.

— Ви в карты играишь?

— Не имеют понятия, полковник.

— А водка пьет?

— Пока еще нет.

— Ну, так понимаем; а волочиться любите?

— Почему же, если представится случай.

Этим окончилась наша аудиенция. Подобная, если хотите, любезность на меня хуже подействовала, чем простосердечная грубость Ранжевского и полкового командира. Потом я узнал, что, по выходе моем из палатки, подполковник Гроденфельд потребовал батальонного адъютанта и сказал ему: «К нам прибыл новый офицер; должно быть, дрянной: немецкий фамилия и ничего по-немецки не знайт».

Командир 2-й роты, капитан Дуров,[234] уроженец Оренбургской губернии, на вид казался грубым и суровым, с огромными усами; в сущности же, был вполне хороший человек и отличный офицер. Он первый протянул мне руку; предложил в палатке угол и спросил, есть ли у меня вьюк и денщик. Я с самодовольным видом отвечал, что имею то и другое. В моем новом ротном командире я впервые встретил человека, который, видя мою молодость и неопытность, выказал товарищескую заботливость и участие — что меня очень тронуло. Тут же я застал поручика Гостыминского,[235] он командовал 1-й егерской ротой; товарищи прозвали его «шукач». Еще юнкером, участвуя в одной свалке, ночью, он струхнул, и, когда товарищи, по окончании дела, нашли его под повозкой и спросили, что он тут делает, тот впопыхах отвечал: «щукам»; с тех пор прозвище «щукач» так за ним и осталось. В сущности же, это был донельзя добрый и бравый боевой офицер и любим всеми. Кроме того, там было еще два офицера: один прапорщик Драгомиров, произведенный вместе со мною, уже старик, добряк, был за что-то разжалован и теперь мечтал об отставке; другой — прапорщик Прушинский,[236] совершенный юноша и маменькин сынок; он, кажется, был из пажей; его баловали все, — да и стоил он того. Это, действительно, был славный молодой человек.

Потом оказалось, что все мы трое помещались в одной солдатской палатке, в повалку, на земле: кто спал на бурке, кто на войлоке, но жилось всем весело и дружно. Устроившись кое-как, новые мои товарищи тотчас же позаботились и накормить меня — чем Бог послал. Спу-

стя некоторое время, пришли к нам: командир 1-й карабинерной роты, штабс-капитан Краузе, общий любимец, молодой, бравый, очень толковый и храбрый офицер; командир 3-й егерской роты, поручик Киселев,[237] который держал себя как-то немного странно и слыл скупым — хороший и вполне исправный офицер; о нем говорили: «Илья Абрамович — начальник строгий, но справедливый»; батальонный адъютант прапорщик Квятковский, веселый и острый малый, отлично копировавший полковника Козловского, Ранжевского и Гроденфельда. Еще в батальоне были: подпоручик Мажоров[238] и прапорщики — Чернявский[239] и Натер;[240] к вечеру я уже был со всеми хорошо знаком.*

Разговор между нами шел преимущественно о прошедших походах; о предстоявшем — никто ни слова, что меня крайне удивило. Тут же я узнал, что Краузе, Гостыминский и Квятковский[241] были уже ранены; я смотрел на них с особым уважением, как на героев, и в душе им завидовал. Поздно вечером получено было приказание — послезавтра выступать в отряд; ротные командиры тут же сделали соответствующие приказания. Ночь провел я вполне безмятежно; так спят только счастливые люди, а я тогда был вполне счастлив.

22 мая в войсках не было заметно особенной суеты; оказалось, что все давно уже готовы. Вся забота, как видно, была обращена на большую численность людей в строю. Мне помнится, в обоих батальонах средним числом было в ротах по 207 штыков и 14 или 17 офицеров на оба батальона. В этот день, часов около 11 утра, приехал из кр. Грозной, в коляске, конвоируемый двумя сотнями линейцев, только что возвратившийся из отпуска, генерал-майор Фрейтаг, начальник левого фланга Кавказской линии. Линейцы промчались мимо нас и быстро выстроились около укрепления. Из коляски вышел маленький, плотный генерал; короткие ноги и длинное туловище не придавали красоты его фигуре, но умное, выразительное лицо, приветливость, или скорее — добродушие и простота в обращении, невольно как бы влекли к нему. Возвратясь в палатку, я начал расспрашивать у товарищей, и все единогласно относились о генерале Фрейтаге с глубоким уважением; считали его одним из способнейших начальников; притом, он был добр и доступен каждому. Вечером офицеры толковали между собою, что главнокомандующий принял Фрейтага сухо за то, что он доказывал невозможность успеха в предстоящей экспедиции, а между близкими людьми называл этот поход — просто безрассудством. Ко всему этому примешались интриги в его отсутствие:

---

* Краузе в отставке генерал-майором; Киселев еще несколько лет тому назад был в чине подполковника, плац-майором в Пятигорске; Квятковский умер; остальные, за ранами, давно вышли в отставку. — *Авт.*

упрекали генерала в том, что он не принимает участия в походе и потому относится к нему критически. Во всяком случае, как мы узнали позже, его и отпустили также крайне сухо.

23 мая, чуть свет, мы поднялись; два батальона стали покоем; батюшка отслужил молебен; окропил всех святою водою. Полковник Козловский прошел по фронту, говоря солдатам: «Смотри, братцы, как... быть молодцом»!* Потом вызвал офицеров и сказал: «Господа, будьте, как... теми же кабардинцами, как прежде; люди пойдут, когда вы будете делать свое дело, а то — смотрите! как...»

Мы молча разошлись по своим местам; никому и в голову не пришло обидеться; слова полковника Козловского были сказаны просто, без всякой задней мысли, — это хорошо знали офицеры и питали к нему доверие. Во время молебствия все непритворно молились, особенно солдаты; не одному взгрустнулось по родине, где остались дорогие и близкие сердцу; не могла также не промелькнуть мысль и о том, придется ли вернуться, — по крайней мере, я был в таком настроении.

Глядя на солдат, я невольно проникался к ним чувством глубокого уважения. Да и что это были за молодцы! Загорелые, воинственные лица их дышали отвагою; во взглядах и движениях их читалось — смесь добродушия с самоуверенностью, спокойствие с сознанием собственного достоинства; с такими солдатами не может существовать никаких преград, — им робость незнакома. Батальоны построились в походную колонну, и ваш покорнейший слуга, имея десять монет в кармане да на полтрети маркитанскую книжку, беззаботно пошел шагать перед своею ротою. Пройдя верст 25, ночевали у аула Бамат-Юрта.

24-го переход почти такой же; ночевали у огромного аула Костек.

25-го переход был несколько меньше предыдущего; мы пришли к небольшому укреплению Кази-Юрт, расположенному на правом берегу р. Сулак. Единственный небольшой паром переправил к вечеру только первый батальон, а второй на другой день, утром. Все эти дни приходилось переправляться вброд, через рр. Яман-су, Ярык-су, Акташ и бездну канав, особенно около Костека, где в большом количестве обрабатывались марены и рис, требующие большого орошения. Я, по неопытности, собрался в поход в маленьких сапогах, на высоких каблуках, которые в то время только что входили в моду; переправляясь через первую речку, мне казалось стыдно снимать сапоги, а идти прямо вброд — невыгодно! К счастью, все офицеры были верхом, только я, Натер и Драгомиров[242] были пешие; переправившись на ту сторону, нам присылали лошадей; таким порядком перевозили и юнкеров, и это нисколько не считалось одолжением.

---

* Полковник Козловский имел поговорку: «Как, как бишь»; Ранжевский — «тен, тен», Гроденфельд — «как же, как же, такому-то роду». — *Авт.*

На привалах старшие офицеры заботились накормить молодежь, особенно Краузе и Гостыминский. Укрепление Кази-Юрт маленькое, с крошечным форштатом. Здесь наш командир полка, выпущенный в офицеры в 1815 году, безвыездно прожил 17 лет в линейном батальоне, — признаюсь, испытание немалое. Около Кази-Юрта особенно вредна трава, от которой лошади падают во множестве; мы потеряли двух, поэтому с полудня, отобедав, двинулись дальше к аулу Чантаул, сделав около 20 верст. 27 мая мы ночевали, пройдя Чир-Юрт; переход был с небольшим 20 верст.

До сих пор мы следовали по равнине, и только, пройдя верст шесть вверх по Сулаку, начались горы; впереди нас во всей величавой красоте рисовалось грозное Зубутское ущелье. Я еще в первый раз видел подобную картину. Поэзия присуща молодости, и я невольно увлекался невиданной картиной суровой природы, чему немало содействовало и восхитительное утро 28 мая. После покойного сна и со свежими силами мы двинулись далее: в надежде на перестрелку выдвинули цепи; я был назначен в левую. Когда мы подошли к первому подъему Зубута, покрытому лесом, цепи тотчас вытянулись; шли мы то по скату горы, то прямо карабкались наверх; я, по неопытности, из-за каждого дерева ожидал выстрела, или, что вот-вот выскочит горец и, соблюдая осторожность, напоминал людям быть повнимательнее. Меня не на шутку бесило, что никто не беспокоился, подобно мне, и все себе спокойно лезут вперед, на гору. Наконец, и я уходился: день был жаркий, в лесу — ни малейшего движения воздуха, а в довершение всего, франтовские сапоги, на высоких каблуках — что крайне было неудобно. Наконец, слава Богу! Виден конец горы. Собравшись с духом, я начал ободрять солдат, тогда как они, бедные, согнувшись под тяжестью полного походного снаряжения, медленно подавались вперед. Один из старых кавалеров отозвался мне совершенно покойным голосом, без всякой иронии: «Ваше благородие, я тут не впервые; мы уже ходили по этим местам в 1843 году; за этой горой есть несколько гораздо повыше; надо идти тише, а то совсем не дойдем». Я замолчал, подумав: верно, старина похвастал, ведь вот уже и конец горы; рассуждая таким образом, прибавил шагу. Но какова была моя досада, когда открылось, что за горой — спуск, а дальше еще гора, но только повыше. Я сконфузился и начал уверять солдат, что тут, наверно, будет привал, чего мне очень хотелось; но тот же кавалер возразил: «Привал, ваше благородие, будет совсем на горе, там и вода есть; отдохнем, и до самых Чирков пойдем все вниз, — дорога разработанная». Все сказанное солдатом, к моему сожалению, оказалось справедливо; но распоряжения начальства относительно марша меня удивляли: мне казалось, что людей морят напрасно и не так следовало идти. Я, конечно, всего этого не высказывал, а

рассуждал про себя. Я был прапорщиком, а каждый прапорщик, известно, Наполеона по косточкам разберет. Так мы прошли до 12 часов, остановки заключались в подтягивании вьюков; в это время, минут на пять, иногда на десять, люди без приказания ложились, или, лучше сказать, упираясь ранцами, садились под гору, чтобы тяжесть их не давила на плечи; это сноровка старых солдат. Наконец, взобрались на последнюю гору; вся колонна стянулась постепенно. По мере того как роты подходили, составлялись ружья, люди снимали ранцы; но прежде всего на видных местах подставлены были довольно сильные пикеты. Фурштаты живо сняли вьюки, солдаты почти все лежали; везде молчание; видно было, что все сильно утомились. Спустя полчаса, к офицерским группам начали подносить цирульники и горнисты закуску, а солдаты то и дело посматривали на нашу сторону. В это время неожиданно раздался голос полковника Ранжевского: «Гг. ротные командиры, прикажите дать людям спирта». Во мгновение все встрепенулось; одни побежали к ближайшему роднику по воду, другие — к вьюкам, а некоторые начали умываться. Из бурдюка в ротное ведро налили спирта, и роты стали строиться; я с ужасом смотрел, как это будут пить спирт — чего мне еще ни разу не приходилось видеть, ибо до этого дня переходы считались пустыми, и винные порции берегли, а сам же я не знал еще вкуса вина. Фельдфебель скомандовал роте «направо»; каждый солдат, зачерпнув крышку из ведра, выпьет, крякнет и, передав крышку следующему, отправляется к своему ранцу дожевывать сухари, а некоторые принимались варить в котелке тюрю. Это весьма простое и незатейливое кушанье приготовляется так: в кипящую воду сыплют толченые сухари, соли по вкусу и мешают ложкою; если есть сало, то кладут маленький кусочек, отчего кушанье делается вкуснее. Более зажиточные солдаты варят мамалыгу; это любимое солдатское блюдо приготовляется так же, как и тюря, только вместо сухарей кладут кукурузную муку.

После спирта развязались языки, пошел общий говор, иногда прерываемый дружным взрывом хохота, вызванным какою-нибудь остротой ротного балагура. Любо было смотреть на этих лихих, неприхотливых солдат; особенно бросалось в глаза; что, несмотря на близость тут же офицеров, они, казалось, нисколько не стеснялись: все говорили свободно, лежали, закусывали, но, вместе с тем, не слышно было ни одного грубого слова, никто не сидит, не стоит спиною к стороне начальства. Случалось, офицер позовет кого-нибудь, чтобы отдать приказание или просто спросить что-либо — солдат вскочит живо, подбежит весело, бойко, свободно разговаривает с офицером, но стоит почтительно и на вытяжку. Офицеры, особенно ротные командиры, обращаясь к ним, всегда называют по фамилии; видно, что они своих солдат всех хорошо знали, поэтому выработались отношения солдат к

офицерам не на основании палочной логики, а из постоянного обобщения и полного уважения. Вот что составляет основание разумной дисциплины, которая ведет армию к победе. Это была особенность кавказцев, и дух их парит еще до сих пор — что трудно сохранить в продолжительное время мира. Для подтверждения высказанного мною можно указать на прежние продолжительные войны России, в которых выработалась дисциплина не искусственная, а такая, которая в мирное время, особенно в продолжительное, составляет мечту. Прусская дисциплина, теперь поставляемая нам в пример, положительно искусственная; она составлена не на разумных началах, а на праве сильного, и ею могут увлекаться только теоретики; о дисциплине армии можно судить только после неудач, в минуты тяжелого испытания, а потому последнее слово о прусской дисциплине можно будет сказать впоследствии, когда жребий оружия не поблагоприятствует им. Мы же, кавказцы, терпели подчас достаточно неудач, но до конца сохраняли в святости дисциплину, чем поистине можем справедливо гордиться. Старые мои товарищи согласятся со мною, молодое поколение самонадеянно улыбнется. Господа, вам и карты в руки; мы скромно уступаем вам место, но с условием: покорите России новый Кавказ, а пока — нам принадлежит прошедшее, им может гордиться каждый русский, а ваше — будущее... Исполать вам!

Но я отклонился от своего рассказа. Сознаюсь, начинаю стареть и люблю поболтать; итак, продолжаю.

Офицеры сгруппировались побатальонно, начали закусывать; трапеза была тоже неприхотливая: холодные битки, называемые «тужурки» — у одного, у другого — кусок сала и маркитанского сыра, у третьего — кусок холодного же мяса, чарка водки, а кто желал — и стакан простого чихиря, — вот и все. Разговор тоже оживлялся: кто-то рассказывал, что был при взятии Чиркея[243] в предыдущих годах, кажется, при корпусном командире Головине, который сам участвовал в экспедиции, и в честь его укрепление названо Евгеньевским. В одной из рот грянули песенники, а через несколько минут пели уже во всем отряде, что служило как бы тонким намеком со стороны солдат, что мы-де отдохнули, пора подыматься, идти дальше. Действительно, вскоре ударили подъем, и мы тронулись, только цепи не были выставлены, так как местность того не дозволяла. Отсюда уже шел спуск в котловину, в глубине которой, на расстоянии нескольких верст, очень приветливо виднелось Евгеньевское укрепление. Дорога разработана частью в скале, частью в красной глине, местами то расширялась, то суживалась от частых отсыпей; но вьюки могли идти свободно, при небольшом исправлении идущей впереди рабочей команды. Дорога эта — работа войск, пробита большею частью в крутом обрыве, образующем пра-

вый берег ложбины Сулака, который со страшною быстротою горного потока, шумя, несется где-то внизу. С левой стороны дороги высятся отвесные обрывы в несколько сот футов, а выдающиеся громадные скалы, казалось, готовы раздавить дерзкого, решившегося идти по дороге; справа такой же, ежели не больше, обрыв вниз; стоит поскользнуться, чтобы сорваться в бездну, разбившись вдребезги. Но ни того, ни другого с нами не случилось; мы шли гуськом, местами даже в одного человека. Отряд растянулся версты на две, если не больше, и под гору подвигались чрезвычайно быстро. При постоянных изгибах дороги казалось, что люди и лошади выходили из-за горы, из какой-нибудь трещины. Картина природы и наше движение вместе производили особенное впечатление; вся эта масса народа, с разных концов нашего обширного отечества, отторгнутая от родного очага, от всех привязанностей сердца, стремилась весело, беззаботно, чтобы где-нибудь сложить свою буйную головушку и в цвете лет погибнуть без следа. Эти мысли копошились в моей голове; мне думалось: я тоже, подобно им, иду беззаботно; может быть, и мне суждено, там, в неведомых горах, сложить свои кости, но я иду по доброй воле, я ищу чего-то нового, незнакомого... Солдат — другое дело... Мне помнится, что с той минуты во мне зародилась та духовная связь с солдатом, которая послужила началом той привязанности и глубокого уважения к герою, кавказскому солдату, которые навсегда сохранятся в моем сердце и будут самыми дорогими воспоминаниями. Это не пустая фраза, а чувство, выработанное в общих трудах, в тяжелые минуты, когда приходилось становиться лицом к смерти... Не каждому из нас, старых кавказцев, удалось высказать, что чувствуем; но всякий, кто служил долго в рядах доблестных войск, поймет меня. Мне случалось часто слышать: другой начальник скажет и красно перед фронтом, да не произведет никакого впечатления: много фраз, да сердца нет, и наоборот, простая речь В. М. Козловского с прибавлением «как братцы», или Ранжевского понималась каждым солдатом, — они взаимно уважали и любили друг друга. Отсюда и вытекала та нравственная связь, одушевлявшая войска на величайшие подвиги и самопожертвования; при подобных условиях можно проиграть сражение, но оставаться в полной уверенности, что войска никогда не дойдут до деморализации, так как для них нет ничего невозможного. Здесь то и надо искать причину того, отчего, по-видимому, при одних и тех условиях части пользовались различною репутацией.

Солнце было уже довольно низко, когда мы подошли к Евгеньевскому укреплению, хотя видели его часами двумя раньше; тут мы застали небольшую часть войск, имевших поступить в состав дагестанского отряда. Через час палатки были поставлены, походное хозяйство устроено, — к тому же оно и не затейливо. Самовары имелись только у

батальонных командиров; у нас же отлично служили медные чайники, перловый суп да битки, состряпанные денщиком, елись с аппетитом, достойным удивления. В то время еще не была выдумана модная болезнь — «катаракта желудка». Спали в повалку; совсем раздеваться в походе как-то не входило в обыкновение; говоря вообще, жилось отлично, и никто не мечтал о лучшем.

Лагерь расположен был на берегу р. Сулак, на почве каменистой, изобилующей скорпионами и фалангами в огромном количестве, что сначала казалось весьма неприятно и очень меня озабочивало; но, видя, что никто не обращает на них внимания, я тоже совершенно успокоился. Здесь мы простояли до 2 июня. На первый же день отправились осматривать укрепление, состоявшее из оборонительных каменных казарм, с батареями, вооруженными чугунными, крепостными пушками и двухпудовыми мортирами, которые я видел в первый раз. Гарнизон занимал какой-то линейный батальон, размещавшийся в чистеньких казармах; около десятка домов составляли форштат; несколько баб, с бубликами, маркитанская лавка, пара кабаков — вот и все.

Грустная печать уныния лежала на всем окружающем; что-то щемящее хватало за сердце, глядя на окружающие какого-то серого, неопределенного цвета окрестные горы. Я в душе благодарил Бога, что не попал в такую обстановку. В лагере то и дело сновали тавлинцы, напрашиваясь ковать нам лошадей, что они делали хорошо и очень ловко; например, моя вьючная лошадь, подкованная здесь, делала весь поход по каменистой почве и была отбита, 16 июля, с теми же подковами. Мы уже начинали скучать от продолжительного бездействия. Между тем, ежедневно прибывали войска из Темир-Хан-Шуры, но, кроме апшеронцев, наших кунаков,[244] все незнакомые, чужие; их наши солдаты называли: «Это рассейские войска». К вечеру, 31 мая, собрались все войска дагестанского отряда, кроме кавалерии, в следующем составе: 1-й и 3-й батальоны Минского полка, 1-й и 2-й батальоны Житомирского полка, 1-й, 2-й, 3-й батальоны Апшеронского полка, 1-й и 2-й батальоны Кабардинского полка; саперов и стрелков по две роты; 8 легких и 8 горных орудий и ракетная команда.

1 июня, часа в три пополудни, прибыл к нам начальник отряда, генерал-лейтенант князь Бебутов, в сопровождении трех сотен кавалерии. Мы встретили его на линейке, и князь, не слезая с коня, объехал все войска. Князь Бебутов подъехал к нам на красивой белой лошади; его смуглое лицо, умные глаза, спокойная осанка, несмотря на огромный нос, внушали к нему какое-то особое уважение, особенно, когда он говорил. Речь его к солдатам самая приветливая, простая, дышала задушевностью. Поговорив с солдатами, он прибавил, что очень рад иметь у себя в отряде молодцов кабардинцев; осведомился о больных, о довольствии, а

также о материальной части батальонов. Вечером последовало приказание, что завтра утром отряд выступает; наши два батальона, с четырьмя горными орудиями, назначены в арьергард. Офицерство начало рассуждать:«Видно сейчас, что мы тут чужие; своих апшеронцев, небось, послал вперед». Признаюсь, я не понимал, чего тут обижаться; надо же кому-нибудь идти сзади; потом уже, познакомившись ближе, я убедился, что тут главную роль играла подозрительность. У кабардинцев до того было развито самолюбие, что они готовы были завидовать всему; этот характер до сих пор присущ полку, только несколько в иной форме. Во время самого интересного разговора, основанного на предположениях: куда пойдем и по какой дороге, раздался в ближайшей солдатской палатке, как бы в ответ нам, голос: «На покрошение!», затем — веселый хохот. Меня это очень заинтересовало, и я тут же получил разъяснение. Между солдатами существовал обычай: всякий курильщик-солдат, когда окончит крошить табак, обыкновенно на сапожной доске, и половину скрошенного табаку положит в кисет, то кричит: «На покрошение» — и торопливо начинает прятать остальной туда же; по этому зову каждый из товарищей имеет право захватить щепотку табаку на трубку.

Крошильщик всегда с умыслом оставляет табаку трубки на две, на три; при этом ни толкотни, ни спора никогда не бывает, — солдаты между собою бывали крайне деликатны.

Не знаю, существует ли теперь этот обычай; но прежде, бывало, то и дело слышалось: «На покрошение». Только так называемые «особняки», т. е. необщительные и скряги не придерживались этого обычая.

II

Выступление дагестанского отряда. Переход через Теренгульский овраг. Соединение с чеченским отрядом. Переход через перевал Кырк. Холодная гора. Занятие Андийских ворот.

Второго июня, с рассветом, двинулись на левый берег Сулака, — апшеронцы, в авангарде; за ними — прочие войска, обозы; вьюки наши мы снарядили часов в восемь, двинулись едва только в десять. В ожидании же движения мы занимались невинной забавой — сталкивали огромные камни в Сулак и любовались, как они с страшным грохотом катились в пенящийся поток; над иным камнем возились целые роты, так что в конец все порядочно устали. Трудно себе вообразить, до какой степени в горном походе тяжело идти в арьергарде; что ни шаг — то остановка: то вьюк свалится, то надо подтянуть подпруги. Легкая

артиллерия тоже немало замедляла движение, и таким порядком мы тянулись до вечера и едва в сумерки дотащились до лагерного расположения на высотах Ибрагим-дады. Проходя через развалины аула Чиркей, мы видели остатки огромных садов; вековые ореховые деревья свидетельствовали о былом богатстве разбежавшихся обитателей; каменные сакли представляли одни руины — последствие кровавой борьбы. Аул Чиркей воспет Лермонтовым:

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани...

3 июня была Троица— полковой праздник Апшеронского полка; командовал им полковник Ковалевский, или Ковалинский[245] — хорошо не помню. Апшеронцы — старые кунаки кабардинцев; однако, наши хотя и отправились на праздник, но только старшие, да и то немногие; ожидали прибытия чеченского отряда, при котором находился и главнокомандующий. Мы ожидали также, с третьим батальоном, и нашего полкового командира.

Около 12 часов можно было издали различить движущиеся войска чеченского отряда. Вскоре к нам приехало несколько офицеров 3-го батальона, все мне незнакомые. Вместе с ними приехал молодой, бравый юноша, в толстом мундире с галунами, в верблюжьих шароварах, чевяках и с шашкой через плечо; подобной формы я еще не видел. Это был юнкер князь Дмитрий Святополк-Мирский; тут же мы с ним и познакомились. Приехал также и брат его Владимир, служивший в Апшеронском полку; по его костюму — щегольской тонкой шинели солдатского покроя, шашке через плечо и рассказам о предполагаемых военных действиях легко можно было догадаться, что он состоит при штабе. Офицеры рассказывали штаб-квартирные последние новости, а также, что третьим батальоном будет командовать, или уже командует, адъютант Государя Наследника, князь Барятинский, а к нам, на место подполковника Гроденфельда, назначен майор Тиммерман, недавно переведенный из Грузинского гренадерского полка. Вдруг разнеслась весть, что мы сегодня же выступаем на новую позицию. Действительно, часа через два получилось приказание, и к 5 часам пополудни отряд тронулся, — и на этот раз мы шли впереди всех. Пройдя несколько верст, стали спускаться по крутизне в глубокий овраг, называемый Теренгульским. Начало уже смеркаться, небо быстро заволакивало тучами, и над нами разразилась гроза с проливным дождем. Мы уже впотьмах поднялись с трудом на противоположный берег оврага; пройдя еще версты две, стали на позиции, и пока разбили впотьмах палатки, мы промокли до костей и передрогли от холода. Наш отряд перешел Теренгульский овраг несколь-

ко выше, прямо против лагерного расположения на Ибрагим-дада, арьергард прибыл на позицию едва к 7 часам утра; на долю же чеченского отряда выпало еще хуже: они переправились ниже, и их арьергард едва пришел к 10 часам утра.

К полудню, 4 июня, погода разгулялась, солнце нас обогрело, сушили свой походный багаж. Войска обоих отрядов — чеченского и дагестанского — расположились рядом. Чеченский отряд прибыл в следующем составе: 1-й батальон Литовского полка, 1-й и 3-й — Прагского, 1-й и 3-й — Люблинского, 2-й — Замосцского, 3-й и 4-й — Навагинского, 1-й, 2-й и 3-й — Куринского, 3-й — Кабардинского; две роты саперов, рота стрелков; две дружины грузинской пешей милиции — всего 12 батальонов, три роты, 1000 человек милиции, 12 легковых орудий, 12 горных, четыре мортирки и 13 сотен кавалерии. Всего же за Теренгульским оврагом сосредоточилось войск обоих отрядов: пехоты — 21 батальон, саперов — 1 батальон, стрелков — 3 роты, пешей милиции — 1000 человек, орудий легких — 20, орудий горных — 20, мортир — 4, летучий парк — 1, запасный парк — 1; два черводарских транспорта и полубригада конного подвижного магазина, всего 2380 вьюков.

Весь день адъютанты и офицеры сновали взад и вперед: то развозили приказания, то отыскивали знакомых. Я тоже встретился с некоторыми из своих товарищей одного производства; они мне советовали, пройдя несколько вперед, рапортоваться больным и отправиться в шуринский госпиталь; по их словам, на награду рассчитывать нечего, и они поэтому уезжают обратно. Действительно, в Дарго, я кажется, только один дошел; по крайней мере, никого из товарищей там не встречал; но теперь, можно проверить, кто из нас лучше поступил: одного из них я недавно встретил только майором, хотя он в то время ехал верхом, а я путешествовал пешочком. Весь день мы простояли на месте; мне пришлось сходить за дровами для штаба. В мое отсутствие приезжал командир полка проведать нас. Вечером, к моему несказанному удовольствию, ротный сапожник принес походные сапоги, заказанные ему еще в Евгеньевском: он урывками, во время похода, успел смастерить огромные, походные солдатские сапоги, с подковками и гвоздями. Весили они, каждый, без малого пуд — по крайне мере, мне так казалось, когда я их примерял. Однако, благодаря им, я мог продолжать поход пешком; щегольские сапоги, хотя уже со спиленными каблуками, невыносимо жали мне ноги, особенно на крутых и каменистых спусках, и страх, что придется, пожалуй, продолжать поход босиком, преследовал меня постоянно, подобно кошмару.

5 июня нам приказано было пообедать с рассветом и затем первые батальоны полков: Литовского, Житомирского, Люблинского, Апшеронского, Куринского и наш, пешая дружина, три сотни казаков, шесть

сотен милиции, при 8 горных орудиях под командою генерал-майора Пассека, выступили совсем налегке. Вскоре нас нагнал и главнокомандующий, с многочисленною свитою и конвоем.

Свита главнокомандующего была огромная и блестящая; в экспедиции принимал участие и принц Александр Гессенский. Каждый из генералов или отдельных начальников, для отличия, имел значок; у главнокомандующего, сколько помню, на длинной куртинской пике был флюгель, несколько больше уланского, цветов красного и белого; между острием и флюгером — пук волос из лошадиных хвостов; выходило нечто вроде бунчука. У начальника чеченского отряда, генерал-адъютанта Лидерса — значок имел полосы красную и черную, вроде владимирской ленты; у начальника главного штаба, генерал-лейтенанта Гурко — красный; у генерал Пассека — красный с черным крестом; какие были у других — не помню.

Блестящая свита, щегольской конвой, в котором несколько курдов, в своем национальном костюме, с длинными пиками, обращали на себя особое внимание; разнородные значки — это было не только картинно и эффектно, но и воинственно. В особенности бросалось в глаза и говорило чувству, когда перед таким блестящим эскортом мы видели седовласого краонского героя, с большим Георгием на шее. Тут я в первый раз увидел князя Воронцова, и поэтому не удивительно, что он возбудил во мне чувство благоговения.

Движение наше было сперва хотя и по волнистой местности, но идти было легко и неутомительно. Когда мы прошли верст около десяти, впереди нас, немного правее, видна была неприятельская партия конных, в несколько сот человек; к той стороне держалась и наша кавалерия. Было очень жарко; однако часам к десяти мы прошли верст 15. Куринцы остановились на берегу оврага, за ними — и вся остальная пехота. Совершенно отлогая покатость оканчивалась большою горою, имевшею с нашей стороны покрытый травою крутой скат, а противоположный — обрывистый; этот обрыв, спускаясь круто от самой вершины помянутой горы, составлял вправо и влево как бы отвесную стену очень глубокого и широкого оврага; издали же, противоположную сторону этого оврага составляла гряда огромных гор. Мне и в голову не приходило, что нам придется туда взбираться. Тут мы простояли часа два. Из рассказов офицеров и солдат я уяснил себе следующее: мы остановились на перевале Кырк, с которого крутой спуск вниз, в описанный мною овраг, ведет вправо, в ущелье Мичикале, а налево — к Аргуани. В 1839 году, в Аргуани, кабардинцы покрыли себя славою, и их легло там около шестисот человек.[246] Впереди нас находилась гора, называемая Крюковой, знаменитая тем, что в каком-то году генерал Крюков[247] обморозил на ней немало солдат, вслед-

ствие чего гора и получила наименование «Крюковой». Все это мне рассказывали очевидцы, бывшие в то время в походе.

Для разработки спуска потребовали рабочих с шанцевым инструментом, а между тем, куринцы, за ними апшеронцы, житомирцы, начали поодиночке спрыгивать с довольно большой кручи. Грузинская пешая дружина делала то же самое правее, и все быстрее спускались вниз. Когда спуск несколько разработали, двинулись литовцы, с четырьмя горными орудиями, а за ними и наш батальон, имея тоже два орудия. Для дальнейшей разработки спуска оставлен был батальон Люблинского полка и при нем два горных орудия. Спуск был очень длинен и крут; я совсем бы погиб в маленьких сапогах и мысленно благодарил моего благодетеля, снабдившего меня, хотя тяжелыми, но надежными сапогами. Наконец, слава Богу, спустились и двинулись по дороге к стороне Аргуани. Пройдя с версту, мы увидели, что грузинская дружина, куринцы, апшеронцы и житомирцы полезли прямо на огромную крутую гору, и тогда только заметили на вершине ее многочисленную толпу горцев, казавшихся нам просто муравьями, — такая была страшная высота. Несколько левее, на эту же гору, обходную тропою двигался литовский батальон, с четырьмя горными орудиями, и все патронные вьюки; нам же было приказано ожидать внизу прибытия люблинского батальона. При появлении наших колонн неприятель открыл огонь из орудия, поставленного на краю горы, в особенности по войскам, взбиравшимся на нее; слышен был полет снарядов, но они падали далеко; мы же, стоя под горою, находились вне всякой опасности. С напряженным вниманием все следили за движением наших войск; солдаты казались все меньше и меньше; послышался частый ружейный огонь; выстрелы были громкие, — видно, что неприятель стрелял сильно в наших; потом — отдаленное, едва слышное «ура!» — и все затихло... В это время наше внимание было обращено на следующее обстоятельство: один фурштат, вероятно, по неопытности, увязался с патронным вьюком за войсками, которые пошли прямо на гору. Сначала он подвигался медленно и значительно отстал; поднявшись довольно высоко, остановился в нерешимости, как бы раздумывая, что ему делать; затем лошадь с трудом начала снова подниматься и, потеряв баланс, сорвалась. В первое время она, казалось, силилась удержаться; но потом, кувырком, через голову, быстро покатилась по обрыву и разбилась вдребезги; патронных ящиков не осталось и признаков. Спустя некоторое время принесли куринца, раненного камнем в грудь; он, бедный, очень страдал. Это был первый раненый, которого мне пришлось видеть; у меня сжалось сердце, и я испытывал какое-то очень тяжелое чувство. Его тотчас окружили любопытные. Старым, закаленным в боях, солдатам тоже было тяжело смотреть на страдания товари-

ща, хотя, по-видимому, старались скрыть свои чувства, но под их суровою личиною таилась бездна той сердечной теплоты, которая недоступна многим.

Конечно, любопытство присуще каждому, желающему видеть то, что с ним может случиться завтра или через минуту. Наконец, голос штабс-капитана Краузе нарушил общее грустное настроение: «Пошли отсюда! Чего не видели»? И в голосе его было слышно нечто, напоминающее, что и ему чувство сострадания было не чуждо; он в высшей степени был добрый и мягкий человек — что, однако же, не мешало быть ему лихим боевым офицером. Немного погодя спустился с горы офицер, посланный генералом Пассеком с словесным донесением к главнокомандующему, и он нам наскоро рассказал, что горцев было около 3000 человек, что грузинская дружина князя Меликова и куринцы — первые ударили на неприятеля; что у нас 17 человек раненых и куринцы чуть не отбили орудия. «Ну, чуть не считается», — послышался голос сзади, в толпе, и все расхохотались. Кажется, в этом деле был ранен в плечо командующий куринским батальоном граф Бенкендорф. В это время прибыл ожидаемый нами люблинский батальон, которому было приказано, в случае прибытия офицера с донесением, отделить ему конвой на перевале Кырк; затем, по возвращении его, присоединиться на горе Анчимеер к прочим войскам. Мы сейчас тронулись по тропинке, где поднимался литовский батальон. Тропинка была очень крутая; мы поднимались очень медленно; артиллерийские лошади то и дело останавливались. Солнце было довольно низко, так что опасались не дойти к вечеру на вершину горы. Когда мы поднялись довольно высоко, на одном из поворотов дороги, при солнечном закате, пред нами открылась величественная картина: грозный кавказский хребет, позлаченный лучами заходящего солнца, предстал во всем своем великолепии. Между нами и главным хребтом, параллельно ему, виднелась какая-то страшная продольная пропасть, дна которой не видно и, казалось, солнечные лучи никогда туда не проникают. Над этой бездной лепились, словно орлиные гнезда, небольшие аульчики и отдельные сакли, которые с трудом можно было отличать от сероватых скал.

На исполинских отрогах главного хребта, доходящих до описанной бездны, старые служивые указывали Аргуань; дальше две огромные, круглые скалы, в виде бастионов, называли Ахульго. Это — живые памятники бессмертной славы ширванцев, кабардинцев и куринцев. Много вас там легло, герои русской земли! Вечная вам память и слава!

Подобной величественно-грозной картины мне не удалось больше видеть во всю мою службу; душа невольно просилась преклониться пред величием Бога! Я уверен, что самый закоренелый атеист дол-

жен бы был смириться и, сознав свое ничтожество пред Создателем вселенной, познать истинного Бога. Знаменитый Гумбольдт,[248] говоря в своем «Космосе», что «познание природы есть источник богопознания», высказался также невольно, когда он, с одной из высших точек Кордильеров, обнимал взглядом раскинувшуюся перед ним природу. Рассказы о местности, короткое, но ясное повествование очевидцев о подвигах в этих местах, привели и меня к сознанию, что пока не наступило еще для меня время — когда бы я мог указать на сделанное мною что-либо полезное в жизни. При моей восприимчивой натуре, я был бы готов в эту минуту на всевозможные подвиги. Впоследствии приходилось много испытывать сильных ощущений и увлечений, но такие минуты встречались в жизни только раз. Надо сказать, что не я один, а все, когда открылась пред нами эта волшебная картина, остановились как вкопанные. Из этого оцепенения вывел нас опять все тот же штабс-капитан Краузе, крикнув: «Ну, что стали? Иди!» Дрожащий голос его ясно говорил, что и он поддался общему влечению. Наш командир, подполковник Гроденфельд, тоже бормотал про себя: «Как же, такому-то роду!» но никто не обращал внимания, все шли молча под впечатлением виденного; только произнесенные Гроденфельдом, при последнем крутом подъеме, слова: «Бедный мой кабиль» — вызвали всеобщий смех — впрочем, про себя. Надо знать, что он сам ездил и вьюки возил на кобылицах, и при них же находились жеребята — что составляло его первую и, кажется, единственную заботу. В сумерки, усталые, мы дотащились до вершины, где застали отдыхающими войска, бывшие на штурме Анчимеера.

Мы, как я уже говорил, были совершенно налегке; офицеры, имевшие верховых лошадей, захватили с собой бурки в торока, а другие — даже и переметные сумы; ротным командирам горнисты и цирюльники, составлявшие их главный штаб, несли в руках чайники и закуски. Мы же, прапорщики, в одних сюртуках, на полном сухоядении и к тому же целый летний день на ногах. Сделав верст тридцать, по горам, при скудной закуске на перевале Кырк, еще часов в 11 утра, я чувствовал себя совсем плохо. Холодный горный ветер пронизывал насквозь, аппетит был страшный; спасибо, ротный командир предложил несколько сухарей и стакан чаю — вот и все, что нашлось для восстановления сил. Наши солдаты устроились скоро; поужинав сухариками с водою, они улеглись по нескольку человек вместе, а некоторые вырыли, в стороне от ветра, ямки, вроде ложементов, укрылись шинелями, и через час дружный храп свидетельствовал о сильной усталости. Я тоже улегся, прикрывшись мешком, но сырость не давала возможности уснуть, — так и пришлось всю ночь проплясать. К счастью, летние ночи коротки; выкуривая трубку за трубкой, дождался рассвета. Впрочем, и другим,

как видно, тоже плохо спалось по милости сырого, пронзительного ветра. Еще задолго до зари половина народа была уже на ногах. С тех пор бурка была всегда со мною; ее носил горнист, отданный в мое распоряжение заботливым ротным командиром.

6 июня, с рассветом, пришел люблинский батальон, и мы тронулись дальше. Впереди нас, на далеком расстоянии, виднелась довольно большая конная неприятельская партия, отступавшая перед нами. Шли мы с горы на гору, и около двух часов пополудни начали подниматься на большую гору, называемую, как потом узнали, Зунумеер, или иначе — Соух-Булак. На последней первоначально остановились, полагая, что будет привал. Густой туман, покрывавший нас, превратился в холодный дождь; всякий старался защитить себя чем мог: кто прикрылся буркой, кто — шинелью; я же положительно коченел от холода и был близок к оцепенению. Полковник Гроденфельд, хотя в бурке и в башлыке, но промок и продрог; бедный старик, коченея, обратился к офицерам: «Нет ли у вас, господа, чего-нибудь сухой одеваться»? Но ни у кого ничего не оказалось, только батальонный лекарь Комарецкий, невозмутимый хохол, преспокойно вынул из кармана носовой платок и предложил Гроденфельду. Старик рассердился. «Ви мне этого не скажите!» — крикнул он и отошел в сторону. Дело подвигалось к вечеру; туман становился гуще. Генерал Пассек, выбрав позицию для бивака на вершине горы, приказал войскам двигаться. Все батальоны, как стояли, так и двинулись на гору и как-то сами собой устроились, колоннами, один за другим, в две линии. И так как все передвижение состояло в том, чтобы пройти каких-нибудь шагов тысячу, то и арьергард не был назначен. Едва мы тронулись с места, как снизу посыпались пули: горцы, видимо, ожидали нас и стреляли на шум идущих войск, потому что в десяти шагах нельзя было различить предметов — так был густ туман. Поднялась суматоха, послышались крики: «Кто в арьергарде? Кто в арьергарде?» Но ответа не последовало, только все прибавили шагу. В это время генерал Пассек громко крикнул: «Кабардинцы, в арьергард»! Батальон остановился тотчас, повернулся кругом; два горных орудия снялись с передков, а роты присели, взяв ружья наизготовку. Все это сделалось моментально, как будто все были предупреждены. В арьергарде воцарилось глубокое молчание, а прочие войска продолжали движение. Между тем, горцы, не подозревая близости войск, дали новый залп вверх. Пули перелетели через наши головы. Этот залп раздался так близко от нас, что пороховой дым как бы смешался с туманом и сгустил его. С нашей стороны, в ответ последовал залп целого батальона и картечь обоих орудий, которые, как видно, лучше дошли по назначению. Послышался вблизи страшный крик и как бы стоны, потом — все стихло. Выждав некоторое время, мы тро-

нулись и присоединились к прочим войскам. Через полчаса из главного отряда прибыли вьюки, под прикрытием нашего батальона. Им были слышны выстрелы, но они казались слишком отдаленными. Сбросив вьюки, лошади, с прикрытием, возвратились обратно, так как тут не было для них корма. Палатки привезли только нашему батальону, а остальные войска опять расположились на открытом воздухе. В числе вьюков прибыли два маркитанских, один — специально со спиртом, другой — с предметами первой потребности. Вообще, мы были обязаны этим командиру полка; он один помнил о нас, тогда как другие, повидимому, оставались равнодушными к своим батальонам. Руки у солдат коченели, и они, с большим трудом, ставили палатки; грунт на горе был до того рыхл, что ноги вязли по колено. Мы, офицеры, общими силами натаскали плитного камня, выложили им пол палатки и разостлали бурки. Солдаты набрали кое-каких горных растений и, разложив скудный огонек, с трудом согрели чайник. Хотя чай оказался достаточно мутным, но все-таки с куском сыра и сухарями достаточно подкрепил наши силы. Мы улеглись уже довольно поздно; к нам примкнуло несколько знакомых офицеров, апшеронцев и кабардинцев, так что всех нас в солдатской палатке оказалось пятнадцать человек.

Укрывшись чем попало, хотя все было мокро, мы скоро заснули. Не знаю, долго ли я спал, но сильная боль в боку заставила меня очнуться. Оказалось, что один из камней до того врезался в бок, что боль становилась просто невыносимой. К довершению всего, от нашей тяжести камни засели в рыхлый грунт и из-под них выступила вода. Положение крайне привлекательное: повернуться или подняться нельзя — потревожишь товарищей, и я положительно недоумевал, на что решиться. Вдруг залп ружей по нашему авангарду и вслед затем гик горцев заставили нас быстро вскочить на ноги и броситься к своим ротам. Тут оказалось, что горцы, пользуясь туманом и ночною темнотою, подобрались очень близко к нашим сторожевым постам и завязали перестрелку. Я был выдвинут со взводом вперед, причем у меня выбыло из фронта пять человек ранеными.

Предшествовавшая перестрелка перед вечером, в общей суматохе, не произвела на меня особого впечатления, а тут уже пришлось стать лицом к лицу с опасностью. Слава Богу, что это было ночью. Я не то чтобы совсем струсил, а, признаться, сначала растерялся порядком, особенно, когда около меня ранили несколько человек; но скоро удалось совладать с собой, да и перестрелка продолжалась недолго. В это время я состоял прикомандированным на несколько дней к 3-й егерской роте — не знаю, по какому случаю. Поручик Киселев, когда все успокоилось, предложил мне идти в палатку, говоря, что он все равно останется при роте до утра — что сделали и прочие ротные командиры. Я было начал

возражать, что, мол, и я останусь, но легко уступил настоянию начальства. В палатке было просторно, и мне довелось отлично проспать до утра.

7-го числа, с рассветом, пошел огромными хлопьями снег; к вечеру его выпало выше колен; затем — сильный мороз. Положение наше становилось буквально невыносимым; дров — ни щепки; казачьи пики, древки от носилок были уничтожены еще днем, чтобы сварить в котелках кашицу или согреть чайник. Мы очень терпели от стужи, особенно казаки и пешая дружина; 8-го числа, утром, оказалось много с отмороженными членами. Около одиннадцати часов из главного отряда привезли нам на вьюках много дров, сухарей, спирта и других необходимых припасов. Тогда же мы узнали, что нашим движением обойдено сильно укрепленное Мичикальское ущелье, вследствие чего горцы покинули его и наш главный отряд занял ущелье без боя. В ущелье снега не было, только дождь, и довольно тепло. Вместе с колонною отправили обратно своих обмороженных — грузинскую дружину и казаков. К вечеру все подкрепились горячею пищею, экономничая в дровах так, что их, хотя с трудом, но кое-как достало приготовлять раз в день горячую пищу. 9-го и 10-го числа солнца не было видно; густой туман пронизывал сыростью и еще более усиливал холод; войска страшно зябли, но не было слышно ни одного слова ропота; напротив, иногда даже подшучивали. Мы находились в положении людей, заброшенных на какой-нибудь необитаемый остров Ледовитого моря, отчужденных от всего света. Но всему бывает конец. 11 июня, около 10 часов утра, к нам пришли вьючные лошади. Еще до часа пополудни чего-то ждали. Начало проглядывать сквозь туман солнце, и мы стали спускаться бесконечно долго; в сумерки залезли в какой-то овраг и едва к ночи выбрались на равнину, где оказалось множество огней — как бы признак расположения значительного числа войск. Мы прошли, оставя их в стороне, и стали лагерем. Вокруг нас — густая сочная трава, с ароматом цветов, наполнявших воздух благоуханием, и весенняя теплота. После страданий на Соух-Булаке, или «Холодной горе», как ее прозвали, нам казалось, что мы попали в рай.

12 июня, рано утром, все поднялись с восходом солнца. Прекрасное утро во всей прелести обрисовало великолепную равнину, окаймленную высокими горами, на которых разбит был наш лагерь. Вдали виднелись палатки главного отряда, пройденного нами накануне вечером; словом, восхитительное местоположение заставило нас забыть все прошлые невзгоды.

Отобедав часов в 9, мы двинулись в авангард. Далеко позади нас тянулись войска и обозы главных сил. Не успели отойти с ночлега версты две или три, как опять густой туман начал заволакивать гори-

зонт. Движение через перевал Бурундук-кале сильно затруднялось выпавшим скоро дождем, а когда войска спустились, то из каждого ущелья или котловины обдавала нас струя до того холодного порывистого ветра, что просто трудно было держаться на ногах. Казалось, сам борей разгневался на нас бедных. Прийдя на место, указанное для лагеря, я был тотчас послан с командою за дровами для батальона. С трудом цепляясь за камни, взобрались на огромную гору, где можно было достать горючий материал в видневшихся саклях. Сакли оказались отличные, но каменные; только балки из прекрасного леса, но, на нашу беду, очень прочно построенные. Однако солдатики усердно принялись за разрушение, и толстые балки, несмотря на крутой спуск, живо перетащили в лагерь. Возвратясь к отряду почти в сумерки, застали некоторые палатки уже разбитыми, но с большинством еще возились, и волей-неволей приходилось ежиться от холода и ветра. Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть; то и дело слышались вопросы: «Какого полка лагерь? А где такой-то полк?» Это были отставшие люди и вьюки, блуждавшие наугад, в темную ночь, по незнакомой местности. К рассвету ветер стих. Получено было приказание — к 7 часам изготовиться к выступлению. Утром между нашими палатками оказалось семь человек Люблинского полка умершими. Грустно было смотреть на окоченевшие трупы. Они бедные, вероятно, истомленные, дотащившись на огонек, не в состоянии был издать звука о помощи — в чем им, конечно, не отказали бы. Я сам видел утром солдат полков 5-го корпуса, которые благославляли кабардинцев за спасение жизни. Наш священник, отец Михаил,[249] любивший иногда выпить лишнюю рюмку, потерял от холода сознание и начал было совсем коченеть; но его кое-как привели в чувство, подкрепили спиртом, а потом — чаем.

13-го, утром, войска готовы были к выступлению, как получилось приказание — людям отобедать и обсушиться. Погода стояла ясная, теплая. Живо начали сушить одежду, готовить кушанье, — и опять стало весело.

Однако труды и холод отрезвили меня; поэтическое настроение прошло. Я чувствовал, что стал старее, опытнее и, вместе с тем, мечты о будущем покинули меня: я начал жить настоящим. Я убеждался на каждом шагу, что не легко выполнить и то, что выпадает на мою долю, — так где же тут забегать вперед! Мне стало понятно, почему каждый из моих товарищей и солдат делает только то, что следует, но делает хорошо, сознательно, толково, не ленясь и не высказывая неудовольствия, хотя иногда и через силу. Это была школа, в которой можно было сделаться истым солдатом, честным, закаленным, или никуда негодным человеком. Отсюда становится понятным, почему

редкие из нас выдерживали службу до конца во фронте; а большинство гибло от пьянства или, нажив ревматизмы и всякие болезни, принуждены были покидать службу, не говоря об искалеченных в боях.

Часа в 2 пополудни, кажется, шесть батальонов, с горною артиллерией и частью кавалерии двинулись к Андийским воротам, отделяющим Гумбет от Андии. Это — широкая расщелина в гряде гор, у дороги совершенно суживающаяся, была укреплена каменными завалами с бойницами. Позиция сильная; но завалы эти можно, с большим успехом, атаковать с фланга. Это, вероятно, и послужило причиной, что неприятель не решился оборонять их и ночью отступил — что сделалось известно в отряде только утром. По получении этого известия, предположенное движение отменено до после обеда, дабы дать войскам возможность несколько оправиться. Генерал Клюки фон Клюгенау, которого солдаты называли «клюка», несмотря на полноту, был в полной силе и бодрый человек. В его движениях, словах проглядывало много энергии; добродушие, рисующееся в его глазах, располагало всех в его пользу и, по отзыву близко знавших его, он был вполне рыцарь и человек способный на все доброе, которого он немало сделал в своей жизни. Я с ним никогда не служил, но это отзывы тех, кто его знал, — в чем мне пришлось впоследствии убедиться из рассказов бывшего его адъютанта, графа Евдокимова, способности которого он отличил еще в малых чинах.

До Андийских ворот мы дошли беспрепятственно, лишь издали несколько конных горцев наблюдали за нашим движением. Оставив в воротах всю нашу артиллерию, под прикрытием небольшого числа пехоты, — остальные войска двинулись дальше для рекогносцировки, а также с целью запастись дровами. Только что мы прошли ворота, нашим глазам представилась в глубокой котловине Андия и пылающие в ней аулы, покидаемые жителями. Быстро спустившись вниз, мы в ближайших саклях набрали дров и благополучно взобрались обратно на гору, в сумерки.

Большие неприятельские массы виднелись вдали; но нас никто не тревожил ни во время фуражировки, ни при обратном следовании.

12-го числа на позицию к нам прибыл для командования батальоном майор Тиммерман, ныне умерший генерал-майором в отставке. Уже было выше сказано, он прибыл перед самым выступлением в поход, из грузинского гренадерского полка. Это был хлебосол, хотя и весьма расчетливый человек, но не из числа выдающихся офицеров; любил подчас похвастать прошлыми боевыми отличиями. В первый же вечер он рассказал нам, как с ротою взял Карс в 1828 году, но ему возразили, что в Карс ворвался первый поручик Лабынцев с 7-ю егерскою ротою.[250] Тогда он без запинки отвечал: «Я, братец, взял цитадель»! А когда кто-

то спросил: «Отчего вам не дали георгиевского креста»? Он объяснил: «Интриги, братец»! Любил также пошуметь, но считался вполне безвредным человеком, даже весьма слабым. По складу тогдашнего времени, кабардинцы приняли его довольно сухо, и он никогда не пользовался популярностью в полку.

III

Дело 14 июня на высотах Азал. Движение к Технуцалу. Возвращение. Пребывание в Андии до 6 июля.

14 июня мы все поднялись рано; независимо холодного воздуха, ожидание давно желанного боя лишало нас сна. Час спустя после рассвета войска начали выстраиваться. Наш батальон должен был идти впереди; но едва прошли Андийские ворота, получено было приказание остановиться и, пропустив пешую дружину и третьи батальоны нашего и Люблинского полков, следовать за ними. Это приказание нас огорчило и казалось несправедливым; между солдатами слышалось ворчание: «Да чем мы хуже 3-го батальона! Разве когда-нибудь мы бегали, что ли»? Офицеры решили, что преимущество 3-му батальону дано было потому, что им командует князь Барятинский. Я, как молодой офицер, молчал, но мысленно соглашался с мнением недовольных. Недолго нам пришлось дожидаться. Начали проходить мимо нас пешая и колонная милиции, за ними — наш 3-й и люблинский батальоны, с горною артиллерией; впереди ехал наш командир, полковник Козловский, за ним командующий батальоном, князь Барятинский, молодой, красивый, с полным достоинством; офицеры, проезжая мимо, немного хвастливо перекинулись с нами несколькими словами. Наконец, тронулись и мы, но молча и угрюмые. Когда мы несколько прошли, то на половине подъема высоты Азал показались огромные скопища горцев в несколько тысяч. Лишь только спустились наши передовые войска к аулу Гогатль, неприятель открыл довольно частый огонь из трех орудий. В ауле завязалась ружейная перестрелка, но что там происходило — нам не было видно; потом узнали, что из аула Гогатль конная милиция выгнала неприятеля и преследовала до аула Анди, где за горевшими саклями горцы упорно защищались. К ним начали подходить с высоты Азал подкрепления, и уже нашей конной и пешей милиции, несмотря на то, что они дрались лихо, приходилось плохо; но князь Барятинский, подоспев с 3-м батальоном, направил в аул 3-ю карабинерную и 7-ю роты. Они, вместе с милицией, вытеснили горцев из аула, горячо преследуя до ручья Годор, отделяющего аул Анди от

возвышенности Азал, и, затем, переправившись, начали подыматься на эту высоту. Услышав первые ружейные выстрелы, мы прибавили шагу и почти шли бегом, быстро прошли аулы Гогатль и Анди. Нас остановили на ручье Годор около двух рот люблинского батальона, составивших прикрытие горной артиллерии, которая не могла действовать по дальности расстояния от неприятеля. Тут нам представлялась следующая картина: на половине от нас, все силы неприятеля составляли нестройную толпу от шести до семи тысяч пеших и конных; огонь из трех орудий не умолкал; слышен был полет снарядов, но, кажется, они вреда не делали никакого. На половине расстояния между нами и неприятелем медленно подымались: правее — милиция; наш 3-й батальон, имея впереди 3-ю карабинерную и 7-ю роты, составил как бы центр; левее, по краю оврага, подымались две роты люблинцев. Местность представляла искусственно сделанные террасы для посева хлеба, которые постепенно занимались нашими стрелками, и являлась возможность, под прикрытием крутизны их, несколько перевести дух. Сравнительно со сосредоточенным неприятелем на крепкой позиции наши разбросанные войска казались ничтожными. Все офицеры батальона начали уговаривать батальонного командира — испросить разрешение генерала Клюки фон Клюгенау о поддержании наших товарищей, которым угрожала опасность быть опрокинутыми, но майор Тиммерман не решился подойти к генералу. Тогда мы сами отправились с этою просьбою. Солдаты совершенно нам сочувствовали; неудовольствие их дошло до смешного; я сам слышал, как один солдат, в досаде, уверял другого, что «клюка» из татар, поэтому и бережет своих. Генерал, выслушав нас с полным добродушием, сказал: «Мне особенно досадно, что я не могу, этих* послать в дело такой славный батальон; нельзя оставить без прикрытия, этих, артиллерию, тем более, что можно ожидать движения неприятеля справа, по ущелью, но если подойдут войска, то, этих, тотчас двину вас вперед». Возражение генерала было совершенно верно, но все-таки, понурив головы, мы возвращались к батальону. Наши подошли уже довольно близко к неприятелю; завязалась самая оживленная ружейная перестрелка. Толпы горцев двинулись навстречу и огромною численностью, казалось, были готовы задавить сравнительно горсть храбрецов, которые, хотя медленно, но безостановочно все лезли на гору. С напряженным вниманием следя за каждым шагом, мы переживали целую жизнь; тут я понял впервые, что значит честь полка и как она дорога каждому, кто носит его славное имя. Чувство, которое мы испытывали, было до того тягостно, что я его могу сравнить только с тем чувством, которое мне пришлось

* «Этих» — была поговорка генерала Клюки фон Клюгенау. — *Авт.*

испытать гораздо позже, стоя на берегу моря, когда видел крушение судна, гибель экипажа и не был в состоянии спасти их. Ружейная перестрелка усилилась до невозможности; гик горцев, крик «ура!» наших — все слилось в одно. Наконец, массы неприятеля начали отступать; невольно каждый из нас осенил себя знамением креста. В эту минуту зависть не имела места, и долгое томление заменилось радостью. Главнокомандующий, лично следивший за ходом дела, направился на гору. Бой уже совсем почти прекратился. Наши горячо преследовали шибко отступающего неприятеля; арьергард его хотя и задерживался в устроенных по пути отступления завалах, чтобы дать возможность главным массам по крутой дороге подняться на гору, а главное — увезти артиллерию, но наши егеря их тотчас выбивали, и надо удивляться, как горцы успели увезти свои пушки. Сзади нас показалась голова какого-то батальона, и нам приказано было идти вперед на гору. Поднявшись довольно высоко, мы прошли место боя, на котором валялись трупы убитых горцев, с отрезанными кистями правых рук (обычай тушин, перешедший к другим милиционерам). Стороною несли наших раненых и убитых, но кого именно мы потеряли — пока не могли еще узнать. Через некоторое время нас остановили, и едва только успели стянуться, подъехал главнокомандующий и, поздоровавшись, сказал: «Поздравляю вас с победою». Покорно благодарим вместо «рады стараться» — было ответом. Князь Воронцов продолжал: «Кажется, вы, братцы, опоздали в дело?» — «Мы, ваше сиятельство не опоздали, а нас не пустили в дело», — отвечали старые карабинеры; в голосе слышалось и огорчение, и досада. Такой главнокомандующий, как князь Воронцов, не мог не оценить подобной жалобы и, улыбнувшись, самым мягким голосом сказал: «Я, братцы, разберу, кто вас не пустил в дело, и еще доставлю случай вам отличиться». — «Рады стараться!» — гаркнул весь батальон, и главнокомандующий это помнил и исполнил обещание.

Быстро мы спустились обратно вниз и остановились в ожидании 3-го батальона; тут узнали, что командующий 7-ю егерскою ротою, поручик Маевский, был сперва ранен, но продолжал вести роту вперед — пока не был убит наповал. Полк потерял в нем отличного боевого офицера. Ранен командир 3-й карабинерной роты, штабс-капитан Эдлер фон Нейман — казалось бы, немец, а на деле кровный малоросс, бравый, лихой офицер; пуля попала ему в пах, — рана опасная; он сидел молодцом на носилках, в эриванской папахе набекрень, и когда главнокомандующий лично осведомлялся о здоровье раненых, то Нейман, отвечая ему, добавил: «А что, ваше сиятельство, кто лучше дерется: кабардинцы или куринцы»? Надо полагать, что эта мысль преследовала его и в самом бою. Также были ранены: поручик Алалаев[251] и подпоручик Нем-

цов; ранен был также в ногу и полковник князь Барятинский, до конца боя не оставлявший батальон, продолжая им распоряжаться. Одним словом, в этот день покрыли себя славою кабардинцы, особенно 3-я карабинерная и 7-я роты (теперешние 9-я и 10-я). Я гордился тем, что служил в таком славном полку, и в душе завидовал, что не удалось участвовать в таком блестящем деле. Когда главнокомандующий отправился к своей ставке и мы тронулись тоже, генерал Клюки фон Клюгенау, проезжая мимо нашего батальона, благодарил следующими словами: «Этих, братцы кабардинцы, молодцы! Спасибо; орлы, этих! Вы лететь вперед хотели, только крыльев недоставало, этих». Дружное «рады стараться» было ответом. Я буквально помню эти слова и вижу перед собою фигуру старого, боевого генерала; он умел ценить, как дорого войско, которое рвется в бой. Все, действительно, были рады такой блестящей победе. Этот день нам стоил общей потери убитыми: обер-офицеров 1, нижних чинов 5; ранеными: штаб-офицеры 1, обер-офицеров 9, нижних чинов 54; контуженными: обер-офицеров 5, нижних чинов 57. Надо полагать, что неприятелю этот день тоже обошелся недешево. К вечеру все войска расположились лагерем: чеченский отряд между аулами Анди и Гогатль, а дагестанский — рядом, несколько выше.

До 20 июня мы вполне бездействовали. Как слышно было, черноморские лошади начали сильно падать от бескормицы, плохих горных дорог и непогоды. Доставка затруднилась, нам уменьшили дачу сухарей; зато мяса было вдоволь. В это время, по недостатку крупы, нам отпустили овес, но приказали сперва парить, потом толочь и варить. Это вызвало много острот, что, мол, будет легче, а то, пожалуй, от овса и брыкаться начнем; но никто не роптал, все были веселы и довольны. Офицеры получали сухари натурою и порционные деньги на мясо, поэтому, когда отпускались главнокомандующим войскам мясные и винные порции, то их получали и мы — только вдвое против солдат.

В положении этого времени, ежедневно на высотах Азал виднелись массы горцев, но перестрелок не было, за исключением нескольких выстрелов в прикрытии, назначенном при пастбище лошадей. 20 июня часть войск была оставлена в прикрытии лагеря, под командою генерал-лейтенанта Клюки фон Клюгенау. Наш 3-й батальон был отправлен для сопровождения генерал-лейтенанта князя Бебутова, отправлявшегося в Темир-Хан-Шуру, и прикрытия транспорта, за сухарями; батальон должен был оставаться где-то в вагенбурге, а 7 батальонов пехоты, в том числе и наша рота саперов, рота стрелков, две пешие дружины милиции, 9 сотен кавалерии и 8 горных орудий выступили довольно рано по ущелью, вдоль ручья Годор, параллельно хребту высот Азал. Вскоре нас обогнал главнокомандующий; мы шли за кавалерией и пешими дружинами. Сначала было идти хорошо, но около 11

часов начали подыматься без дороги, по едва заметной горной тропинке, на огромную гору хребта Речел, составляющего продолжение хребта Азал. Мы подымались несколько часов, положительно выбивались из сил, солдаты еще более терпели; имея на себе все походное снаряжение, они шли медленно, мерно, делая маленькие, но ровные шаги и ложились отдыхать гораздо реже меня. Тут я понял, что для ходьбы по горам надо иметь большую сноровку. Когда мы поднялись уже довольно высоко, внимание всех нас было обращено к стороне Андийских ворот, где слышна была оживленная перестрелка. Возвратясь, мы узнали, что из вагенбурга у Андийских ворот, прикрываемого житомирцами, послана была колонна за дровами к аулу Рикуани, на которую напала весьма значительная партия; но житомирцы лихо отбились и, набрав дров, возвратились. Солнце было уже довольно низко, когда мы взобрались наконец на гору; перед нами предстал немного волнистый, отлогий скат, покрытый травою; справа солнечные лучи играли, как в зеркале, на поверхности довольно большого озера; вдали виднелись дымки от выстрелов кавалерии, — звука не было слышно; весь скат был усеян растянувшимися пешими и конными милиционерами. Приятно было вдыхать чистый горный воздух; как-то вдруг легко стало. Здесь нам приказано было прибавить шагу. Уже совсем были сумерки, когда стали на место бивачного расположения. Не прошло и часа — чайники дымились, солдаты в котелках варили кашу; мой Максим, на походе, захватил у какого-то казака штук 20 форели, что улучшило наш незатейливый ужин. Оказалось потом, что солдаты всю ночь, а казаки еще перед вечером, ловили в озере форель, которой там была гибель, и с этих пор это озеро получило название «форельного». Бивак наш был недалеко от границы Технуцала. Не помню, кто рассказывал за ужином, что когда-то, давно, тут проходил донской полк и имел у озера ночлег. Казаки, увлекшись ловлею рыбы, забыли о предосторожности и были все до одного изрублены горцами. Мне казалось, что это — ни более, ни менее — выдумка, хотя рассказчик, по-видимому, говорил утвердительно. Никто из нас не знал, что предстоит на другой день: идти вперед или возвращаться назад в Андию. Тем не менее, по случаю сильной усталости, бивак скоро успокоился. 21-го числа, на рассвете, войска начали обратное движение двумя колоннами: одна — по той же дороге, а другая — по высотам Азал; наш батальон назначен в последнюю. Подъем обратно был отлогий, а затем, по гребню хребта было идти хорошо; справа нам виднелась волнистая покатость, и, после — несколько круче подъем, оканчивающийся вдали цепью огромных гор; слева — ущелье или, лучше сказать, долина, по которой накануне двигались, вся котловина Андии, наш лагерь, красивые Андийские ворота. Идти было как-то легко, и мы шли вообще очень шибко; на спуске с

высоты Азал, на которой подымался, отступая, 14-го числа, неприятель, заготовлено было очень много камня, чтобы угощать штурмующие воска; поэтому можно судить о поспешности, с какою отступали горцы, если эти камни остались на месте. Спускаясь по весьма крутой аробной дороге, мы опять удивлялись, как Шамиль успел 14 июня увезти свои пушки. Еще довольно рано возвратились в лагерь; все наше имущество без нас сдвинули в общий вагенбург; нам указано было новое место лагерного расположения, над самою речкою, которую мы называли Андийка, лицом к Андийским воротам. Этот фас занимали наши два батальона; невдалеке от нас была расположена Главная квартира.

До 6 июля занятия наши были вполне скучные: строилось особое временное укрепление для прикрытия вагенбурга, который здесь оставался; назначались войска для прикрытия пастьбы лошадей и порционного скота. Но все наше внимание было обращено большею частью на Андийские ворота, откуда ожидались сухари; их у нас уже совсем под конец не было, соли — тоже. Одна мясная пища начала скоро влиять на здоровье: в лице явилась какая-то обрюзглость, голова кружилась и, вообще, чувствовалось неприятное состояние; но все это переносилось легко. Недостаток табаку казался самым ощутительным. Мой Максим Тюлентьев поделился со мною махоркою; пришлось ее курить, но всякий раз со мною делалось что-то вроде обморока; мне казалось, что это самое лучшее средство отучить курить, но на деле выходит иначе: не прошло и трех дней, я уже без обмороков отлично курил, как называли солдаты, «сам-кроше», но гораздо меньше обыкновенного табаку. В этот период, до 6 июля, при полном почти бездействии, следующие эпизоды сохранились в моей памяти.

В одну из очередей по прикрытию табуна ротный командир оставался дома; я вел роту, которую, с двумя горными орудиями, расположили со стороны Андии на возвышенности, довольно незначительной; но когда мы на нее поднялись, нам представилась величественная картина: под нашими ногами расстилалась Салатавия, часть Нагорной Чечни, вся Кумыкская плоскость и Терская линия. Терек виднелся в виде узкой ленты, едва заметно; часть Сулака тоже была видна; называли станицы, укрепления и аулы. Я все это видел, но не мог быть судьей, потому что вовсе не был знаком с местностью; однако солдаты, как мне казалось, совершенно верно определяли видимые пункты. Мы стояли на высоте нескольких тысяч футов над расстилающейся под нашими ногами плоскостью. Скат к ней крутой, безлесный, покрыт гравою; внизу, в небольшой ложбине, виднелось несколько сакль; около них ходили домашние животные, но людей не было видно. Над самым спуском, где мы стояли, был огромной величины, в несколько

тысяч пудов, камень, настолько наклоненный, что, казалось, только его толкнуть — и он грохнется вниз; но на деле оказалось, что он далеко врос в землю. Живо солдаты взялись за шанцевый инструмент; кирки, лопатки, топоры, все пошло в ход; едва ли возможно было усерднее работать; вот что значит «охота пуще неволи». И только после шести-семи часов работы наши труды увенчались успехом, — громада пошатнулась и страшно ринулась вниз, сперва как будто медленно, а потом с такою быстротою, что едва возможно было следить за полетом; по линии падения попались две сакли, — их как не бывало; хорошо, если в этих саклях никого не было, а, в противном случае, это непростительная шалость, от которой, впрочем, могли погибнуть только семейства неприятеля.

В 5-й егерской роте был унтер-офицер Бурдыга; это был вполне герой. Казалось, для него не существовало опасности; в самом жарком бою он всегда был спокоен и не без юмора, но при этом вне службы очень любил выпить; весь израненный — что нисколько не влияло на его здоровую натуру. В этой же роте был унтер-офицер Гладков, несколько лучшей нравственности и более счастлив относительно ран, но тоже храбрец; во 2-й карабинерной роте были унтер-офицеры Щепкин и Башкатов[252]; это были те же Бурдыга и Гладков: что это были за богатыри! Вечная вам память, товарищи! Вы были истинные сыны России, о которых было справедливо заключение бессмертного гения войны, кажется, после битвы под Прейсиш-Эйлау[253]: «Русского солдата мало что убить, — его надо еще свалить». Кавказская война выработала столько таких героев, что их и не перечтешь. Редкий из них возвратился на родину нераненый; кости других разбросаны по всему Кавказу, и едва ли новое поколение сумеет оценить их героизм. Бурдыга и Башкатов убиты в этой же экспедиции, при движении от Дарго к Герзель-аулу; Щепкин несколько лет спустя в одном из дел был изрублен, имея на себе прежних 12 ран. Один Гладков, в мое командование 5-ю егерскою ротою, вышел в отставку, женившись на службе, имея 5 ран, и, кажется, умер в укр. Куринском, где остался жить. Я помню еще во 2-й карабинерной роте унтер-офицера Кропа; это был такого же склада солдат, честный и бесстрашный; он уже был стариком и кандидатом, т. е. имел золотой шеврон; обыкновенно перед выступлением в поход он всякий раз рапортовался больным. Ротный командир хорошо знал Кропа и прикажет ему оставаться на ротном дворе, но чуть утром пробил барабанщик «по возам», Кроп живо соберется и первый выйдет к роте. Командир, видя его на фланге роты, обратит на него внимание и спросит: «Ведь ты рапортовался больным, Кроп?» — «Точно так, ваше благородие, раны болят и что-то мочи нет; да как же это рота, на 26-м году, первый раз пойдет без меня в поход? Ужотко, ваше благородие,

последний раз схожу с ротою, а там — и шабаш...» Эти последние разы были до самой его смерти. Рядовые 5-й карабинерной роты: Хомяков, Скворцов, Копалкин, Семенов, выслужив 27 лет во фронте, умерли. Все это были георгиевские кавалеры, чудо-богатыри; я теперь с гордостью вспоминаю о них; это были люди уважаемые и товарищами, и начальниками; подобными солдатами полк гордился; старые кавказские полки много их насчитывали.

Эти-то солдаты составляли основание того героизма, той дисциплины, которыми поистине могла гордиться наша армия; им мы обязаны той милостью нашего обожаемого Царя, которая постоянно высказывалась кавказцам. Он лично их видел в былые годы, и впечатление того времени не изгладилось из Его доброго сердца; отсюда становится понятно, почему мы, протянувшие десятки лет в рядах этих славных боевых товарищей, теперь живем только прошедшим, сохраняя к нему самое теплое чувство. Но я опять увлекся... Обратимся к делу: вот, этот-то Бурдыга и учинил скандал в Андии. Ему надоело бездействие да недостаток сухарей; немного подвыпил и отправился к ставке главнокомандующего. Войдя в столовую палатку, начал осматривать накрытые приборы; на каждом, под салфеткою, было положено по одному сухарю. Он что-то про себя ворчал, когда вошел камердинер князя Воронцова (нахал и дерзкий человек, которых очень много имеется у больших бар) и грубо начал выгонять Бурдыгу. Но каково было его удивление, когда в ответ услыхал: «Ах, ты, дрянь! И ты еще смеешь грубить георгиевскому кавалеру и старому унтер-офицеру? Смотри, брат, худо будет!» Этот господин, видя, что тут не шутки, отправился с жалобою, что в столовой шумит какой-то солдат.

Главнокомандующий, войдя лично, спросил: «Что тебе, братец, надо?» Бурдыга, нисколько не конфузясь и став в почтительную позу, отвечал: «Плохо дело, ваше сиятельство; если у самого главнокомандующего дают по одному сухарику, стало быть, о нашем брате нечего и говорить». Князь Воронцов, позвав ординарца, приказал его арестовать и послал за полковым командиром, которому, по прибытии, сказал: «Любезнейший, ваш какой-то солдат у меня делает бесчинство; что это значит?» Полковник Козловский, не зная в чем дело, смешался; но вдруг увидев у караула Бурдыгу, ответил таким тоном, как будто тут нечего больше и говорить: «Это Бурдыга, как...» В свою очередь, князь Воронцов был этим ответом удивлен. Но когда ему полковник Козловский разъяснил, что это за личность, главнокомандующий, подозвав Бурдыгу, похвалил его за примерную храбрость, приказал ему выдать два золотых, сказав при этом: «Ты себе оставь, любезнейший, немного на расходы; остальные деньги отдай артельщику на сохранение; вернешься из похода — тебе деньги пригодятся». Бурдыга исполнил при-

казание, только несколько иначе: он отдал артельщику на сохранение 40 коп., остальные растратил, и когда был смертельно ранен в шею 15 июля, то, идя в колонне, рассказал юнкеру Жеребцову, шутя: «Вот, теперь Бурдыга умирает; так и пропали бы деньги». Он шел сам, не позволяя себя вести, и затем моментально упал и умер.

В Андийских воротах находился вагенбург, под прикрытием одного батальона Житомирского полка. Из главного отряда, рота Литовского полка была послана туда за спиртом. Когда следовало возвратиться, ротный командир по какой-то надобности задержался в вагенбурге, а роту отправил с субалтерн-офицером, молодым прапорщиком, обещав сейчас догнать роту. От Андийских ворот к лагерю дорога шла сперва как бы вырезанная в крутом скате, но на половине расстояния местность расширяется; тут-то, за камнями, от лагеря с левой стороны дороги, засели несколько десятков горцев и, когда рота с ними поравнялась, открыли частый ружейный огонь. Надо полагать, что рота была ведена без всяких военных предосторожностей. Нечаянность сконфузила людей; молодой офицер не успел найтись, и вместо того чтобы выбить горцев из-за камней или, несколько отступив, занять на высоте позицию и дать возможность присоединиться ротному командиру, все бросились бежать к лагерю. Лишь только послышались выстрелы, наша 2-я карабинерная и 2-я егерская роты бросились на выручку и встретили бегущую роту, которую остановили с трудом; тут мы узнали, в чем дело. Солдаты говорили, что они видели, как капитан скакал к ним, и просили позволения идти навстречу, но прапорщик приказал скорее спешить к лагерю. Кто прав, кто виноват — не наше дело было разбирать; но офицер молчал и был очень сконфужен.

Поднявшись на первую высоту, на дороге нашли только капитана; он был совершенно раздет, только на шее оставался галстук; пуля попала ему в грудь, и было перерезано горло; он был еще теплый. Капитан был красивый мужчина, лет 32-х; тело его передали литовцам. Солдаты очень грустили, говорили, что капитан был для них отцом. Конечно, в этом случае солдат, особенно малоопытных, нельзя винить; они были дурно ведены офицером, и нечаянность их сконфузила. Через несколько дней эти же самые литовцы, при занятии Дарго, покрыли себя славою. После этого происшествия, ежедневно, на половину дороги к Андийским воротам, высылались наши две роты в виде аванпостов; предосторожность нелишняя: спустя дня четыре едва не повторилось то же самое с командою моздокских казаков, возвращавшихся от Андийских ворот, куда конвоировали курьера.

С выездом князя Бебутова в Темир-Хан-Шуру для распоряжения по своевременному снабжению войск всем необходимым довольствием, все свободные от занятия вагенбургов войска обоих отрядов, по пути

сообщения между Андиею и укреплением Евгеньевским, составили в Андии один отряд, под названием главного действующего; начальство над ним было поручено командиру 5 корпуса, генерал-лейтенанту Лидерсу.

Все мы были заняты предстоящим движением в Дарго; никто из нас не знал туда дорог и какая местность, но толков было много; говорили, что туда ведут две дороги: одна безлесная, по которой нельзя везти даже горной артиллерии, другая — лесистая, и можно ожидать большого дела. Для движения ожидали только прибытия колонны с продовольствием. Сухарей, табаку, соли у нас давно уже не было; одно мясо до того надоело, что его даже видеть не хотелось. Наконец, 4 июля ожидаемая колонна прибыла; кроме сухарей и прочего казенного имущества, подвезли и маркитантам много продуктов. Все бросились за покупками, в том числе и я, с своим денщиком. Войдя в одну маркитантскую палатку, я нашел там почти весь главный штаб и застал тот момент, когда князь Паскевич, отсчитывая несколько сторублевых бумажек из большой пачки, говорил: «Следует сдачи десять рублей, так дай мне два фунта еще галет». Я подумал: куда же мне соваться, когда у меня в кармане всего несколько рублей, и потихоньку отретировался; затем ограничился покупкою у какого-то милиционера двух фунтов черных, но пшеничных, сухарей, — что мне стоило рубль, да фунта два табаку.

С этою же колонною получились известия, что во время следования, 21 июня, нашего 3-го батальона, которым командовал майор Майдель (ныне генерал от инфантерии),[254] между перевалом Бурцул и Мичикалом весьма значительные толпы неприятеля напали на колонну, когда она очень растянулась; но наши егеря отделались лихо, причем сам князь Бебутов лично подвергся опасности: на него понесся один лихой наездник; князь, заметив это, выхватил шашку и поскакал навстречу, но тут был вблизи солдат 8-й егерской роты (фамилии не помню): в момент, когда оба противника должны были скрестить оружие, выстрелом сбоку ссадил всадника. С этих пор князь Бебутов до самой смерти каждый год, к 21 июня, присылал этому солдату собственноручное письмо самого теплого содержания и всегда со вложением денег. В этотдень наш 3-й батальон потерял 11 убитых и 30 раненых нижних чинов, неприятель оставил на месте 10 тел, и вообще, как говорили, имел большую потерю.

Пятое июля употреблено на принятие сухарей и вообще на приготовление к давно желанному выступлению в Дарго. Ожидали жаркого боя; было как-то весело; скорее хотелось побывать в резиденции Шамиля; никому и в голову не приходило, что многие там сложат свои кости и многие из нас будут искалечены. В вагенбурге, у аула Гогатль, оставлены были пять рот Пражского полка, три орудия, 20 казаков; здесь же должны были остаться и все больные, которые не могли двигаться с войсками. Все эти команды были подчинены подполковнику Бельгарду.

IV

Дело в лесу, 6 июля, и занятие Дарго. Дело 7 июля близ Цонтери. Так называемое «сухарное дело», 10 и 11 июля.

На рассвете 6 июля все войска были на ногах; приказано было иметь людям с собою по куску мяса, полный комплект патронов; вообще, видно было, что ожидалось серьезное дело. Все ходили бодро, говорили весело, суматоха общая, — снимались палатки, здесь несли котлы, одни — там поили лошадей, другие седлали, иной, усердный, прежде времени навьючивал лошадь. Есть натуры, которые вечно торопятся и боятся опоздать; в начальнике это большой недостаток и ложится тяжестью на подчиненных; у такого начальника всегда больше утомлены солдаты; где много суеты, там всегда мало толку. У солдат этот недостаток проявляется больше у молодых, мало бывалых; другой спозаранку наденет ранец — и доволен. Солдаты, особенно старые, спокойно сидели около своих ранцев и молча курили трубки; трудно было прочитать в их добрых, но серьезных лицах, о чем они размышляли. В половине четвертого ударили «по возам»; затем «сбор», и не прошло пяти минут, — уже все войска на своих местах построили колонны; суета продолжалась только у обозных. Около четырех часов войска тронулись в следующем порядке: авангард, под командою генерал-майора Белявского — 1-й батальон Литовского полка, 2-й батальон Кабардинского, рота саперов, четыре горных орудия № 4 батареи, сотня казаков. За авангардом следовали войска, назначенные в правую цепь,* под командою полковника Меллер-Закомельского; шесть рот куринцев, взвод кавказского стрелкового батальона, вторая дружина грузинской пешей милиции. Дальше войска, назначенные в левую цепь,** под командою полковника Козловского: 1-й батальон Кабардинского полка, взвод стрелков, первая дружина грузинской пешей милиции. Главные силы, под командою генерал-лейтенанта Клюки фон Клюгенау: три роты саперов, две роты стрелков, 3-й батальон Люблинского полка, 3-й и 4-й батальоны Навагинского полка, два легких орудия № 7-й батареи, 20-й артиллерийской бригады, шесть горных №№ 1-й, 3-й и 4- батарей, все вьюки и тяжести отряда. Арьергард, под командою генерал-майора Лабынцева: 2-й батальон Замосцского полка, 3-й батальон Апшеронского, четыре горных орудия № 3-го батареи, три сотни казаков.

Вся остальная кавалерия, в составе девяти сотен, под командою генерал-майора Безобразова, следовала особою колонною, левее отряда.

---

* Правая обходная колонна. — *Авт.*

** Левая обходная колонна. — *Авт.*

Всего выступило из Андии в Дарго: $10^1/_2$ батальонов пехоты, 4 роты саперов, 3 роты стрелков, две дружины пешей милиции, 4 сотни казаков, 9 сотен конной милиции, 2 легких и 14 горных орудий, — числом 9500 человек.*

Войска двигались в вышеозначенном порядке, общею колонною, и следовали батальоны за батальонами. С места начали подыматься на довольно отлогий подъем; идти было хорошо, а ожидание боя, прекрасное утро в горах, общее движение большой массы войск — все это вместе действовало обаятельно, и как-то было весело на душе; почти во всех войсках пели песенники. Около 5-ти часов послышалось издали: «Здравия желаем, ваше сиятельство!» Это здоровался главнокомандующий, объезжая войска. Подъехав к нашему батальону, седовласый вождь, поздоровавшись, добавил: «Я вам, братцы, обещал доставить случай отличиться. Вы будете в левой цепи и, вероятно, будете иметь жаркое дело». Лихое «рады стараться» было ответом, и все еще как-то стали веселее. Пройдя верст пятнадцать, мы остановились на большой возвышенной площадке, чтобы стянуться для отдыха; пред нами предстала великолепная картина.

Мы стояли на высоте перевала; вниз от нас шел крутой спуск, оканчивающийся узким, но не глубоким оврагом, вымытым потоками дождевой воды, через который пролегала дорога; за оврагом — небольшой подъем. Дорога, круто поворачивая налево, проходит по левому скату небольшого безлесного гребня, но с правой стороны подошва его покрыта густым лесом; пройдя около версты вдоль гребня, дорога входит в густой лес, через который нам предстоит идти. Местность, сперва покатистая, оканчивалась огромною долиною, дна которой нам не было видно. На противоположной стороне этой долины, на большой поляне, виден был стан Шамиля. До сих пор мы видели одни голые скалы и горы, а у ног наших расстилалась вся Ичкерия, перерытая по всевозможным направлениям оврагами; все это покрыто вековыми лесами, на которых приятно отдыхал глаз; ландшафт поистине великолепный. Все, молча, с напряженным вниманием, рассматривали предстоящий нам путь. Я смутно понимал, что тут-то, вероятно, начнется кровавая драма, к которой мы, военные, так рвемся и где многие добиваются славы, у многих удовлетворяется в известной степени честолюбие, а большинство находит общий удел всего человечества — могилу, только преждевременную. Собственно я был в неопределенном состоянии: меня влекло и желание испытать сильное ощущение, и, не испытав себя,

* Всего в строю: 7940 человек, конницы 1218 и 342 артиллериста. При отряде находилась 6-дневная пропорция провианта, до 4000 артиллерийских зарядов, 600000 патронов и около 5000 подъемных, казачьих, транспортных и артиллерийских лошадей.

сомнение, что не сумею быть достойным стоять в рядах такого славного полка. Когда прошло первое впечатление, почти все расположились спокойно закусывать. Было около 11 часов. Обыкновенная веселость не оставляла, казалось, никого.

После некоторого отдыха войска правой цепи стали в ружье, затем двинулись вниз; за ними — авангард, а потом и войска левой цепи. Видно было, что предполагалось занять сперва опушку леса, тянувшегося справа, вдоль гребня, прикрывавшего дорогу, а потом, авангардом, опушку леса спереди, и тогда уже двинуться дальше. Куринцы быстро спустились вниз; пройдя овраг, начали рассыпать цепь влево. Но лишь только, устроившись, двинулись вперед, были встречены сильным ружейным огнем с страшным гиком. Цепь на минуту как бы остановилась и с криком «ура!» бросилась в опушку; резервы еще не успели подойти, и цепь была опрокинута; огромный перевес неприятеля дал этому возможность. Но чуть резервы показались из-за гребня, как цепь бросилась опять в опушку леса с такою стремительностью, что и мысли нельзя было допустить о возможности вторично ее опрокинуть. Мы в это время только что начали спускаться вниз, и нам все это было видно до мельчайшей подробности. Куринцы были хороши до увлечения, — подобное войско непобедимо; они действовали и дружно, и смело. Заняв опушку, они прикрыли общее движение. Между прочим, авангард, а за ним и мы тоже переправились через овраг. До сих пор перестрелка весьма живая была только в правой цепи, но лишь авангард втянулся в лес, послышался ожесточенный огонь с обеих сторон. В вековом лесу непрерывная ружейная пальба, частые пушечные выстрелы, гик горцев, «ура» наших как-то страшно повлияли на меня, — это был чистый ад, но мы быстро шли в этот омут, и во всем этом хаосе было что-то увлекательно хорошее. По мере усиления огня мы прибавляли шагу и шли почти бегом; нас остановили с левой стороны дороги, над крутым спуском в лесистый овраг, или, скорее, над обрывом, который отделялся справа от такого же оврага, узким перешейком, через который и проходила дорога в одну повозку. Этот перешеек, в виде перемычки, всего шагов двадцать; за ним следует подъем, на котором был устроен огромный завал, стоивший нам много жертв; из-за него был встречен наш авангард убийственным огнем. Литовский батальон, взявший уже завал, пошел дальше; наш 2-й батальон стоял за завалом, имея вправо цепь: тут же лежал убитый отрядный обер-квартирмейстер, генерального штаба подполковник Левинсон[255] — о нем все отзывались очень лестно; здесь же был ранен поручик князь Дондуков-Корсаков и еще какой-то молодой артиллерийский офицер,[256] раненный в шею; последний сильно страдал, хотя и крепился. С правой стороны огонь неприятеля действовал убийственно: вся артиллерийс-

кая прислуга была перебита. Состоящий при главнокомандующем генерал-майор Фок, собрав кое-как артиллеристов от зарядных вьюков, сам начал наводить орудие и был смертельно ранен. Это был большого роста человек, казалось, очень сильный, но мгновенно до того изменился, что его нельзя было узнать; несколько часов до смерти он перенес страшные страдания. Хотя мы генерала и не знали вовсе, но он возбудил сочувствие всех. Тут же лежало много раненых и убитых солдат. Ружейный огонь стал постепенно от нас удаляться. Наконец все утихло. Главные силы и обоз уже тронулись через перешеек, нам же приказано оставаться на месте до прибытия арьергарда. Здесь со мною случилось следующее происшествие: до прибытия главных сил мы не сделали ни одного выстрела, кроме цепи; под обрывом столпилось много зевак. Отсюда хорошо был виден описанный завал: в нем проделывался проход саперами. Я стоял, подбоченясь левою рукою, и, задумавшись, смотрел в глубину оврага. Внизу, из чащи зелени, показался дымок, последовал выстрел, — пуля пролетела между моим боком и рукою, попала прямо в сердце солдату 1-й егерской роты, стоявшему сзади меня. Нечаянность эта страшно меня озадачила, я несколько побледнел; оправившись, мысленно возблагодарил Бога за спасение жизни. Однако этот случай и впоследствии несколько других, особенно 14 июля, произвели на меня громадное впечатление, и я невольно сделался отчасти фаталистом.

Оставаться на месте, в бездействии, невыносимо скучно. Я, несколько офицеров и юнкеров отправились осматривать завал. Он был сложен из огромных вековых деревьев, и его можно было обойти только с флангов. Завал был расположен поперек дороги, упираясь краями в чащу леса, шагах в ста впереди перешейка, на котором можно было бить каждого на выбор. Посредине был сделан саперами проход для вьюков, по сторонам лежало много убитых и раненых. Рабочие постепенно выносили их. Из числа раненых многие очень страдали: особенное внимание обращал на себя лежавший в стороне и, казалось, забытый всеми, милиционер, которому в голову попало несколько пуль, так что виднелся мозг; он был в беспамятстве, однако, в сумерки еще в нем были признаки жизни. Уже стемнело. Настала прелестная летняя ночь; ясное звездное небо едва виднелось сквозь чащу деревьев; по дороге — черная масса движущихся вьюков; изредка только слышно фырканье усталой лошади или возглас вожатого; все как будто затихло вместе с природою. Несмотря на усталость и бездействие, никого не клонило ко сну; мы молча курили трубки, предаваясь каждый своим думам. Наконец, часов около одиннадцати подошел арьергард, и нам приказано было, обогнав вьюки, двигаться вперед, присоединив два орудия, стоявшие справа на позиции. Но-

чью, в лесу, по узкой дороге, обойти вьюки — нелегкая задача; однако с помощью где слова, где палки мы довольно скоро прошли узкое пространство и вышли на довольно большую площадку, на которой тесно столпились вьюки. Кое-как, с большим трудом, мы добрались до спуска, загроможденного вьюками главного штаба. Тут уже было труднее пробираться: при вьюках народ все чиновный, смотрящий на фронтовую братию с высоты величия своих господ. «Посторонись!» Не тут-то было: и внимания не обращают; и когда никакие убеждения не помогли, пришлось прокладывать дорогу прикладами — чего они терпеть не могут. Послышались возгласы: «Я буду жаловаться князю, графу» и т. д. Но карабинеры молча продолжали крестить прикладами направо и налево. Дорога мигом очистилась; мы начали нисходить по весьма крутому спуску; густая тень от деревьев совершенно закрывала луну, и мы спускались, как в погреб. Вдали послышалась перестрелка, показалась яркая полоса света; когда мы дошли до нее, дорога поворотила круто направо и нам представилась великолепная картина: узкая, длинная поляна, освещенная полною луною, с правой стороны окаймлялась безлесною возвышенностью; вдали виднелся лес; слева, по камням, шумел быстрый Аксай; левый берег его довольно высок, покрыт перелесками, из темноты которых поминутно мелькали огоньки ружейных выстрелов засевших горцев; впереди — зарево пылавших двух аулов, составлявших цель наших стремлений. Это — Дарго. Исходив полтора месяца по горам, увидев совершенно ровную поляну, великолепную живописную местность и перестрелку, в сферу которой мы тотчас же вошли; почувствовать свежий южный воздух перед рассветом — все это вместе наполняло душу чем-то сладостным. Все были бодры, и с трудом верилось, что целые сутки были мы на ногах и ничем особенно не подкреплялись. Даже мой капитан, мастер ругаться, и тот затих под общим обаянием. Выходит, что и нашим грубым натурам доступна поэзия; только для этого нужна подобная обстановка. Горцы из-за Аксая провожали нас довольно частым огнем, но выстрелы их не причиняли нам вреда, хотя пули кругом свистели; мы даже не отвечали. Не доходя пылавшего аула, мы поднялись на небольшую высоту вправо и получили приказание расположиться биваком, с тем, что утром будет показано новое место для лагеря. Раз, что цель достигнута, ничто не возбуждает — бренное тело, как говорится, потребовало отдыха, и откуда вдруг взялась усталость. Заря, предвестница утра, уже показалась; явилось непреодолимое желание уснуть. Но, на беду, оказалось, что опять бурка на вьюке; две солдатские шинели взамен ее, одна — под голову, другая — вместо одеяла, в предохранение от утренней росы, и офицер уснул безмятежным сном. Я думаю, изнеженный столичный франт, отправ-

ляющийся в Швейцарию, чтобы видеть восход солнца, позавидовал бы моему сну, хотя и на скромном ложе; я же этой минуты наслаждения не уступил бы за все его богатства.

Утром солнце уже сильно припекало, когда я проснулся; не хотелось вставать, и первая мысль моя: как бы выпить стакан чаю. Но какова была моя радость, когда я только что открыл шинель, и первое, что увидел, — это моего доброго Максима, с чайником в руках. Вьюки пришли, когда было уже совсем светло; он тотчас же распорядился поставить к огню чайник и явился с готовым чаем. В походе хороший, расторопный денщик — истинный благодетель. Для утреннего туалета потребовалось немного времени, — полманерки воды освежить лицо; усы только что начали пробиваться, а стрижка под гребенку не требует особенной заботы. Перекрестив лоб, спокойно я расположился на бурке пить чай; черные сухари заменяли бисквиты и, через пять минут завтрак окончен. В 8 часов было указано лагерное место здесь же, вблизи. Через час был поставлен лагерь. Мы с капитаном стояли в одной палатке; солдаты живо вбили сошки, притащили из аула какие-то ворота — и кровать готова; охапка травы, покрытой буркою, заменила матрас.

День 6 июля, однако, обошелся нам не дешево; 173 человека выбыло из строя, не считая 32-х контуженых, а именно, убиты: генерал 1, штаб-офицер 1, обер-офицеров 2, нижних чинов 28, милиционеров 4; ранены: штаб- и обер-офицеров 9, нижних чинов 98, милиционеров 30.

Устроившись в лагере, я и несколько офицеров отправились осматривать ближайший аул, где была резиденция Шамиля и жили наши беглые; другой аул был несколько дальше. Сакли Шамиля уже сгорели дотла, но некоторые домики уцелели, и солдаты разобрали их на дрова. Некоторые из домиков имели вид русских изб, не без некоторого щегольства; но больше всего приковала наше внимание яма, в которой содержались наши пленные; она была устроена совершенно наподобие ям, какие делаются в Малороссии и Белоруссии для волков, с тою разницей, что сверху была построена сакля для караула; свет туда не проникал, о воздухе нечего и говорить. Когда мы осматривали, сакля уже сгорела, и яма была открыта, но до того был тяжелый запах, что с трудом можно было простоять несколько минут. Здесь то наши несчастные пленники страдали. Понятно, что один вид этой тюрьмы не только возбудит полное сострадание к ближнему, но и явилось какое-то озлобление к неприятелю. Тут же, по поводу пленных, было несколько рассказов, — всегда являются всезнайки; но рассказы эти скоро выходили из памяти.

На противоположном берегу Аксая, на открытой возвышенности, стояли массы неприятеля, в несколько тысяч. Оттуда был открыт огонь из трех орудий, по правому флангу лагеря; снаряды к нам не

долетали. Около 12 часов некоторые войска начали выстраиваться; оказалось, что генерал-майору Лабынцеву поручено было, с частью войск, отбросить неприятельские толпы дальше. Генерал Лабынцев построил войска в три линии: в первой — 3-й и 4-й батальоны Навагинского и первый Люблинского полков, с 4-мя горными орудиями; во второй — батальон Замосцского, 3-й Апшеронского, две роты Куринского полков, две роты стрелков и рота саперов, при двух орудиях; четыре сотни казаков и две сотни конной милиции под командою генерал-майора Безобразова составляли резерв, или третью линию. Лишь только войска подошли к Аксаю, как завязалась перестрелка, перешедшая в ожесточенный бой. Навагинцы стремительно атаковали лес, защищаемый огромною массою горцев, и последние должны были быстро его очистить. Горцы, заняв аул Белгатой, упорно в нем держались; но опять навагинцы, поддержанные Люблинским батальоном, выбили их оттуда штыками. Вслед за тем последовало общее преследование бегущего неприятеля, до тех пор, пока он не был отброшен в овраги и леса. Но едва наши войска начали обратно отступать эшелонами, как опять горцы собрались со всех сторон и завязали упорный бой, особенно около аула Белгатой и его кладбища, которое несколько раз переходило из рук в руки. Навагинцы и апшеронцы лихо держались и этим облегчили отступление прочих войск. На спуске к реке Аксаю генерал Лабынцев остался с батальонами Навагинским и Апшеронским, и пока все войска не переправились, все упорные натиски неприятеля отбивал штыками, так как почти все патроны были уже выпущены. Только в сумерки войска возвратились в лагерь, покрыв себя славою, особенно навагинцы и апшеронцы. Из лагеря было видно стройное движение войск, особенно при отступлении, что составляло на Кавказе всегда самую трудную задачу; но генерал Лабынцев, старый боевой кавказец, был мастер своего дела.

Это славное дело стоило нам убитыми: 1 штаб-офицера, подполковника Познанского, командира Апшеронского батальона, храбрейшего и дельнейшего офицера армии; 1 обер-офицера, 28 нижних чинов; ранеными: штаб-офицера 1, командира Люблинского батальона, подполковника Корнилова, молодого, дельного офицера, весьма много обещавшего в будущем; он был ранен смертельно; обер-офицеров 8, нижних чинов 178. Надо полагать, что 7 июля и горцы понесли значительную потерю.

8 июля был отслужен благодарственный молебен с коленопреклонением, по случаю занятия Дарго, и потом — панихида по убитым. Восьмого и девятого войскам дан был отдых. Поминутно звуки похоронного марша и залпы на могиле наводили уныние на всех нас; как-то тяжело становилось на душе. Мы все смутно понимали, что многих

еще в будущем не досчитаемся, но каждый таил это про себя; однако музыка и залпы на похоронах были в последующие дни воспрещены.

Часов в 11, 8-го числа, я был послан разбить палатки для главного штаба, т. е. перенести их на другое место, кажется, по причине, что Шамиль, узнав, где ставка главнокомандующего, направил туда артиллерийский огонь. Было бы, конечно, смешно, если бы маститый старец, краонский герой, из одного тщеславия подвергал напрасно свою жизнь опасности; я помню, что тогда мы все так к этому относились. Палатки были перенесены, поставлены; почти все штабные давали солдатам на водку; но тому из них, с синим воротником, что-то вроде обергевальдигера, или что-либо другое поважнее, как-то не угодили: он сперва ругнул солдат, а потом — ударил одного нагайкою. Я спокойно скомандовал: «В ружье!» И когда он спросил: как я смею? — отвечал: что солдаты присланы на работу, а не для того, чтобы их били. Последовала угроза: «Я доложу главнокомандующему»; но я в ответ скомандовал «направо», увел роту и, возвратясь в лагерь, доложил командиру полка. Полковник Козловский сделал мне замечание: «Напрасно, как ... вы погорячились, а впрочем, поступили хорошо». Вечером полковник Ранжевский прислал за мною. Признаюсь, я боялся его и был удивлен, зачем он зовет меня, когда я не его батальона. Когда я вошел в палатку, он принял меня приветливо, пригласил сесть и сказал несколько любезностей по случаю моей службы, причем дал совет — продолжать так же. Я был тронут таким вниманием человека, которого за храбрость и его правила все глубоко уважали; три дня спустя он был убит, а я тяжело ранен.

Вечером 9-го числа мне было так грустно, как никогда в жизни. Было ли это предчувствие? Надо полагать, да. Вспомнились мне мои старики, которых я давно не видел, и другие родные, и сердце мое в то время билось тою юношескою страстью, которая способна подвинуть молодого человека и на великое дело, и на пошлую выходку. Звездное небо, полная тишина в боевом стане еще более разжигали мои думы. Уже за полночь мой Максим, хорошо выспавшись, вспомнил обо мне, сказав, что пора спать, а то, как бы утром куда-нибудь не погнали. Этот совет был кстати; я его исполнил, хотя и жаль было расстаться со сладкими мечтами.

Десятого июля, утром, показалась на высоте, где мы 6-го числа отдыхали перед вступлением в лес, колонна с сухарями. Отдано было приказание, каким войскам идти навстречу, и около трех часов они выстроились в следующем порядке: под командою генерал-майора Пассека — 2-й батальон Кабардинского полка, рота стрелков, две роты саперов и часть милиции, при двух горных орудиях. Правая цепь — сводный батальон, по две роты, Литовского и Замосцского полков. Ле-

вая цепь — три роты куринцев. В голове колонны, за авангардом, казаки, 3-й батальон Люблинского полка; за ним все вьюки, на них раненые, которые могли ехать, и тело генерала Фока. Арьергард, под командою генерал-майора Викторова: сводный батальон Навагинского полка, две роты апшеронцев, полроты стрелков, при двух орудиях, милиция, казаки; артиллерийские команды посланы в половинном числе. Всеми войсками командовал генерал-лейтенант Клюки фон Клюгенау.

Лишь только колонна эта поднялась на возвышенную площадку и начала втягиваться в лес, послышалась ожесточенная перестрелка; нам был виден только дым и слышны выстрелы. Главнокомандующий, с своей свитой, стоял шагах в ста впереди куринского лагеря и смотрел в бинокль по направлению к лесу.

Мало-помалу собралось много офицеров, которые в стороне составили группу, в том числе и я; мы все всматривались в лес и ничего не видели. Уже совсем вечером главнокомандующий обратился к полковнику Козловскому: «Викентий Михайлович, назначьте офицера сюда, на пикет, и пришлите его ко мне». Полковник Козловский подошел к нашей группе и, заметив меня, приказал идти за собою, и тут же подвел к князю Воронцову. Очень ясно, что я сперва совсем сконфузился, но скоро оправился. «Мой любезный, вы останьтесь здесь на всю ночь и прислушайтесь, что там будет делаться в лесу, а завтра утром я приеду, мне скажите; если бы можно было предположить по выстрелам, что колонна двинется ночью — дайте мне тотчас знать, особенно, когда услышите три пушечных выстрела и три ракеты; это условный знак». Командир приказал мне сходить в лагерь и взять себе в прикрытие четыре человека. Через полчаса я возвратился и еще застал главнокомандующего, который уехал тогда только, когда совсем прекратилась перестрелка.

Всю ночь я был в положении любовника, которому назначено свидание: то всматривался, то прислушивался; слышно было, как горцы перекликались со стороны Аксая. В лесу, где было дело, виднелись огни и слышался стук топоров, — ясно, что строили завалы. Ночь казалась нескончаемою; к довершению всего, ветерок из гор пронизывал насквозь; да и не успел я напиться чаю и поужинать, а это тоже не совсем приятное положение. Наконец начало светать. Едва явилась возможность рассмотреть предметы на дальнее расстояние, как открылись вереницы горцев, тянувшихся, один за другим, в лес, через который должна была возвращаться колонна. Еще не всходило солнце, когда приехал главнокомандующий, с одним адъютантом. Я тотчас доложил, что видел и слышал. До прибытия главнокомандующего пришли через лес, прямо в лагерь, несколько солдат Люблинского полка; они были накануне ранены и притворились убитыми; их раздели буквально до-

нага, и в таком виде они возвратились. Хотя их оставили в главном штабе под присмотром, но тотчас по лагерю разнесся слух, что генерал Викторов убит, взяты пушки, большая потеря и т. д. Кроме люблинцев, прибыл Кабардинского полка юнкер Длошовский[257] с запискою от генерала Клюгенау, за что тут же был произведен в прапорщики. Длошовский был баснословный вральман, но бесспорно смелый человек. Горцы продолжали все тянуться группами в лес; казалось, им и конца не будет. Потом стало известным, что это были чеченцы, прибывшие накануне, по требованию Шамиля. Когда взошло солнце, внимание наше было обращено на следующее: на поляне, за Аксаем, где было дело 7 июля, колонна, человек в шестьсот, стройно маршировала под звуки хора горнистов и барабанщиков; это — наши бежавшие разновременно солдаты, и надо полагать, Шамиль хотел нас этим подразнить. Та комедия, однако, продолжалась около часа.

В 8 часов утра явственно послышались три пушечных выстрела и видны были пущенные три ракеты — условный знак, что колонна тронулась обратно. Вскоре послышалась перестрелка, постоянно усиливающаяся, особенно был силен огонь неприятельский: выстрелы горских винтовок резко отличались от наших кремневых самопалов. Главнокомандующий потребовал наш батальон; он быстро прибежал. Поздоровавшись, князь Воронцов сказал: «Вот, братцы, случай вам отличиться: ступайте выручать товарищей». — «Рады стараться!» — был ответ, и мы тронулись. Я был в белой фуражке; Максим меня догнал и, подавая черную, сказал: «Надевайте этот картуз, а то в лесу белый — далеко виден». Признаюсь, я был не прочь переменить, но, посмотрев на солдат, как-то посовестился, хотя батальон имел шапки без чехлов, — и я остался в белой. Лишь только мы спустил с пригорода, где оставили князя Воронцова, по нас открыли с левого берега Аксая, вправо от нас, ружейный огонь. Сначала пули едва долетали; люди шли так быстро и так весело, что можно было бы подумать, что торопятся на пир. Я командовал правою цепью, в которой было несколько стрелков, под командою лейб-гвардии стрелкового батальона подпоручика Адама.[258] Пройти пространство до подъема, взобраться по высокой крутизне на площадку было делом четверти часа, двадцати минут; по крайней мере, время было незаметно. Только что мы остановились, чтобы стянуться и идти вперед, как начали выходить из леса навстречу к нам, в полном беспорядке, пешая милиция, перемешанная с Люблинским батальоном, и впереди их — полковник Беклемишев[259] (он, кажется, был адъютантом у фельдмаршала князя Паскевича). Мы его забросали вопросами: что там делается? Куда идти на помощь? Где наш 2-й батальон? И получили ответ: «Я прошел впереди всех, все завалы» и еще что-то в этом роде; одним словом, мы ничего

не узнали нового. Мы все желали идти вперед, но батальонный командир, майор Тиммерман, сказал: «Нам надо дождаться здесь приказания, и мы примем сами на себя отступление». — «Там, может быть, перебили половину, и мы, вместо того, чтобы помочь, будем здесь стоять? Наконец, наш 2-й батальон, может быть, в опасности!» — «Ничего, придут», — был его ответ. В это время моего ротного командира, капитана Дурова, ранили в руку около локтя. Он чуть ли не первый из нашего батальона был в этом день ранен. Вслед за этим, штабс-капитан Краузе, не слушая возражений майора Тиммерана, крикнул: «Карабинеры, за мною!» Рота быстро побежала за своим храбрым командиром; за ними поручик Гостыминский пошел с своею первою ротой, а затем и я крикнул: «Вторая рота, марш»! Все это сделалось моментально. Мы бежали по узкой дороге гуськом, растянулись; пули, как пчелы, жужжали со всех сторон. Навстречу нам несли раненых; пронесли тело убитого полковника Ранжевского. Ни от кого нельзя было добиться толку, что делается; все как будто бы сконфузились. Наконец, мы встретили лейб-гвардии Измайловского полка поручика Козлянинова, который был прикомандирован к нашему 2-му батальону и, раненый в обе ноги, с трудом пробирался по дороге; он-то и сообщил нам, что страшная бойня, что 2-й батальон нашего полка без патронов и что навагинцы с трудом держатся у завалов и также без патронов. Тут же, между ранеными, пробиралось много целых, невредимых. На площадке, с которой мы тронулись, и особенно на дороге, лежало много убитых и тяжело раненных; все они — совершенно голые, с отрубленными руками; у многих кинжалом выпущены внутренности. Все это не столько грустно влияло на нас, сколько ожесточало. В эту минуту едва ли была бы дана кому-нибудь пощада. На меня особенно тяжело повлиял следующий случай: на краю описанной площадки лежал совершенно раздетый молодой человек, брюнет, красавец в полном значении слова; его нежное, белое тело свидетельствовало о хорошем происхождении; у него была отрублена кисть руки и виднелась рана в груди; он был еще жив; глаза, уже с предсмертным блеском, провожали нас. У меня судорожно сжалось сердце, и хотя я видел его только мимоходом, но и теперь я помню эти глаза, полные грустного выражения, эти прекрасные черты юноши, перед которым так много было впереди, и ранняя смерть не только скосила его после тяжких страданий, но и брошен он был на съедение хищным шакалам. И много там брошено вас, братья-товарищи, вечная вам память!..

Не успел я пробежать с ротою шагов сто, как дорога начинала суживаться обрывами с обеих сторон. Первая рота начала занимать правую цепь; слева от дороги обрыв несколько выдавался полукру-

гом, внутренняя сторона была обращена к дороге, по которой мы бежали. Шагах в десяти от нас, на этом полукруге, лежало несколько бревен: за ними засели горцы и били проходящих на выбор; так и у меня повалили несколько человек. Заметив горцев, я крикнул роте: «Налево!» — и мигом мы сбросили этих господ под кручу. Тут же, рассыпав роту, мы составили левую цепь. Таким образом, дорога был прикрыта с обеих сторон, хотя пули летали все-таки кругом. Горцы преимущественно стреляли с деревьев, на которые взобрались, и за зеленью их не было видно. Рота моя потеряла уже человек 15 раненых; с одного из них я взял ружье и патронташ, начал стрелять, прислонясь к большому чинару, так что вся рота, лежавшая впереди, за бревнами, мне была видна. Кто-то из старых солдат, обратясь ко мне, сказал: «Ваше благородие, станьте за дерево, а то занапрасно вас убьют». Я возразил: «Пустяки! Виноватого пуля найдет». — «Да гляньте на дерево, ведь вам целят в голову; ваша белая фуражка в лесу далеко видна». Я невольно поднял голову вверх и назад, чтобы посмотреть, и, действительно, выше головы все дерево было испещрено пулями, и тут же одна врезалась. Признаюсь, это меня покоробило; но стать за дерево было уже не в моей воле: возможно ли было исполнить совет, когда я первый раз в таком жарком бою, да еще командую ротою и такими лихими солдатами, которых то и дело вытаскивают убитыми или ранеными, а целые или подшучивают друг на другом, или ободряют молодых, и без малейшей суеты совершенно спокойно стреляют, стараясь беречь патрон на критическую минуту. Я остался на месте и, смотря на этих героев, совершенно успокоился. После третьего выстрела я повернулся направо, чтобы выдернуть шомпол. В этот момент пуля попала мне в левое плечо. Сначала сильная боль, а затем чувство, как будто бы чем-то тяжелым ударило по плечу, начало захватывать дыхание; как будто бы мало воздуха: голова кружится и все тянет вниз. Только сила воли заставила меня удержаться на ногах. Тут пришло мне в голову, а что если я легко ранен, то стыдно будет, если разнежусь. Эта мысль заставила меня встрепенуться, и я вышел из цепи сам. Крикнул фельдшера, который усадил меня около дороги для перевязки. На вопрос мой: «Какова рана?» — он сказал: «Ничего, порядочная» — и с этими словами начал ощупывать у меня правый бок. «Что ты, братец, ищешь?» — «Да выхода пули». Тут я подумал: если пуля попала в левое плечо, а ее выхода ищут в правом боку, так где же тут жить; и со мною сделался обморок. Фельдшер, приведя меня в чувство, продолжал перевязку. Меня постоянно не покидала мысль: как бы держаться бодрее и не показать малодушия, и помню хорошо, я был довольно спокоен, хотя и сознавал, что рана опасна. Между прочим, пули кругом жужжали, и я опасался одного:

как бы не ранили опять сидячего. Когда окончилась перевязка и меня хотели везти, мимо пронесли тело генерала Пассека. Надо знать, что в лесу очень много валилось коры для завалов. Вероятно, горцы ночью или на них отдыхали — потому что было мокро, или же лубки составляли навес от дождя. На одном из таких лубков Пассек лежал со сложенными руками, в белой фуражке, с окровавленным, но совершенно спокойным лицом; он был привязан, и его тащили два донских казака волоком, как на санях. Вслед за телом Пассека повели и меня два егеря; один нес ружье, мой сюртук и шашку, а другой вел меня под руку. Я шел с трудом, чувствовал сильную слабость; к довершению всего ноги вязли в грязи. Когда мы вышли на площадку перед спуском — там царствовал полный беспорядок: вьюки, люди, раненые, убитые, все перемешалось; шум, гам страшный; все толпятся. Пришлось остановиться. Один из провожатых моих притащил тоже большой лубок и предложил мне на нем спуститься с горы, убеждая, что на спуске очень грязно и круто и что мне будет удобнее. Я согласился, и пока его приготовляли, т. е. проделывали дыры, чтобы продеть веревку и потом меня привязать, я заметил вправо, шагах в двенадцати, генерала Клюгенау. Он сидел на лошади над самою кручей и смотрел в лес; на нем был какой-то серый костюм, вроде теперешних наших пальто, и оживотворял собою статую командора из «Дон Жуана». Он был один; вся его свита была перебита; его платье кругом было прострелено, но он остался невредим; бледен, но совершенно спокоен. Бог хранил этого достойного, храброго генерала. Ружейный огонь сзади продолжался усиленно, но здесь, на площадке, мало пролетало пуль. Наконец, спуск был прикрыт цепью, и вся эта беспорядочная масса тронулась. Каждый силился скорее пробраться вперед. Тронулись и мы. Меня потащили опять же за телом генерала Пассека. Положение раненых было ужасное: каждый из нас рисковал быть задавленным или лошадью, или вьюком; тут уже ничего и никого не разбирали. На спуске толпа сгустилась еще больше, — места мало; положительная давка. В это время послышался с левой стороны залп, ружей из десяти, и гик горцев; вся масса стремглав бросилась вправо и увлекла все. Я только помню первый момент и чувствовал, что куда-то лечу; когда пришел в себя, я лежал в овраге; около меня несколько разбитых лошадей, разбросанные вьюки; то там, то сям — кто поднимался, как бы после крепкого сна — стоны раненых. Первое время я не мог дать себе отчета, что случилось, но постепенно, приходя в себя, я понял, в чем дело, а когда отыскали меня мои провожатые — объяснилось все. Слева была слабая цепь. Когда сделали горцы залп, вся масса, нестройно движущаяся, по чувству самосохранения, бросилась направо; и тогда люди, вьюки, раненые полетели

с дороги в овраг по весьма большой крутизне. Я летел в своем лубке, как вещь, потому что был привязан, и этот же лубок предохранил меня от камней; я только отделался несколькими лишними синяками.

Оправившись, мы начали пробиваться вдоль опушки леса, и благодаря совершившейся катастрофе, сразу очутились внизу, и нам не предстояло спускаться. Выбравшись на поляну, где пролегала дорога в лагерь, уже для нас видимый, мы встретили прикрытие, высланное оттуда, которое давало возможность свободно всем идти. Но тут силы начали меня оставлять; к довершению всего — проливной дождь. Находясь в одной рубашке, я озяб до того, что не в состоянии был слова вымолвить. Совсем вечерело. Перестрелка вдали еще была слышна, но редкая. К моему счастью, вели мимо меня верховую лошадь одного из офицеров нашего полка, кажется, прапорщика Чернецкого; меня на нее посадили и, поддерживая, довезли в лагерь. Главнокомандующий был на том же месте, где мы его оставили. У начала лагеря меня встретил мой Максим; он уже знал, что я ранен; он плакал. Его сморщенное лицо до того было смешное, что, несмотря на то, что он меня тронул своею привязанностью, я невольно улыбнулся. Скромная, походная постель была уже приготовлена, чай — тоже; так приятно было наконец успокоиться после тяжелых треволнений дня. Капитана своего я застал в постели; он, видимо, страдал, но крепился. Первый его вопрос: «Что рота»? Я ответил: «Молодцы, но теперь там нет ни одного офицера; фельдфебель убит, и вообще, много потери; да обоих нас подстрелили». — «Куда вас хватило»? Я сказал: «В плечо». — «Ну нехорошо», — и на том наш разговор прекратился. Час спустя пришел лекарь Верминский; его все в полку, от мала до велика, любили за доброту и искусство; он одинаково был внимателен и к солдату, и к офицеру; для него — человек страдает, и он готов за него положить душу. Верминский,[260] по политическому преступлению, был сослан на Кавказ рядовым, окончив уже Виленскую академию; постоянно был в походах; за отличие был произведен в унтер-офицеры и прапорщики и, спустя некоторое время после производства, переименован в батальонные лекари. Верминский тоже был с колонною в лесу и, едва возвратившись, тотчас зашел к нам, осмотрел раны и сделал перевязку. Тут же он мне сказал, что рана тяжелая и опасная, но мне отчаиваться не следует, так как я молод, полон нетронутых сил и поэтому я, наверное, выздоровлю, но не скоро. Он говорил таким спокойным голосом, что окончательно меня успокоил. Только что окончилась перевязка, нам дали знать, что идет к нам командир полка. Когда он вошел, то, поцеловав капитана, сказал ему какую-то любезность; потом, подойдя ко мне, тоже после поцелуя: «Поздравляю, как... с первою раною; это хорошо, как... Кто так славно начинает боевую службу, того... как... ожидает в

будущем слава». Я подумал, да с чем же он поздравляет? По-моему, лучше начинать и продолжать боевую службу с целыми боками. Вечером перебывали у нас почти все товарищи, рассказывали подробности дела, и хотя это меня утомляло, но я с жадностью слушал все подробности.

Вот они: 10-го числа колонна поднялась на площадку в лесу совершенно беспрепятственно, но дальше — возобновленные и разбросанные нами 6 июля завалы, и еще усиленные, задержали наше движение. Наш 2-й батальон, однако, брал завалы легко, с небольшою потерею, причем полковник Ранжевский был легко ранен в ногу; но когда вьюки столпились на описанном выше перешейке и произошел беспорядок, горцы бросились на арьергард и отрезали его, часть его изрубили; но наши еще держались у орудий. Смерть генерал Викторова нравственно подействовала на горсть еще державшихся храбрецов. Заметив это, горцы сделали новый сильный натиск. В момент вся артиллерийская прислуга была перебита, орудия брошены под кручу и окончательно рассеян арьергард. В это время авангард, уцелевшие вьюки и прочие войска уже вышли из леса и соединились с колонною, прибывшей из Андии, а с ними и генерал Клюгенау. Никто не знал и не подозревал о случившемся в арьергарде. Генерал распорядился о подании помощи раненым. Перестрелка в лесу прекратилась, и все поджидали: вот покажется из леса арьергард. Прошло много времени. Вдруг начали показываться из леса, по дороге, сначала одиночные раненые, а затем, в беспорядке, остатки арьергарда. Тогда объяснилось все. Клюгенау, собрав начальников частей, спокойно отдавал соответствующие распоряжения об обратном движении, но, видно было, что большая понесенная потеря и страдание раненых на него сильно повлияли.

В ночь все завалы были еще более усилены и прибавлены вновь. Трупы наших убитых, раздетые донага, были уложены ярусами перед завалами, чтобы нравственно действовать на войска; у большинства были распороты животы и выпущены внутренности. При обратном следовании в авангарде шел Люблинский батальон и милиция, до перешейка. Хотя из-за вновь устроенных завалов сильно поражал нас неприятельский огонь, но войска двигались безостановочно, и лишь только подошли к перешейку, с противоположной стороны и с боковых завалов до того был открыт убийственный огонь, что не было возможности допустить и мысли — приступить к разработке огромного завала, возобновленного и усиленного, который расположен поперек дороги, упираясь своими концами с обеих сторон к кручам. Этот завал, убранный нашими убитыми накануне телами, не был защищаем; горцы, по-видимому, с целью его оставили, чтобы с боков бить всех, кто покажется на перешейке, и, затем,

когда начнут разрабатывать описанный большой завал. Генерал Пассек тотчас послал две роты люблинцев, под командою какого-то кирасирского полка гвардии поручика Вальховского, овладеть правым завалом, а другие две роты сам повел на левый. Несмотря на убийственный огонь, люблинцы с Вальховским[261] бросились на завал. Уже Вальховский вскочил на него первый, но тут же был убит. Люблинцы понесли огромную потерю; лишившись начальника, дрогнули и в беспорядке отступили. Тогда и роты, бывшие с генералом Пассеком, тоже отступили назад. Генерал Пассек с трудом восстановил порядок, вторично повел атаку, но сам слишком далеко увлекся вперед; выскочивший из-за куста горец убил его из пистолета в упор. Тогда люблинцы и милиция, несмотря уже на убийственный с боков огонь, бросились на большой завал, чтобы, кто может, пробраться в лагерь. Вот мы-то их и встретили на площадке, бегущих толпой. Саперы, полагая, что завал взят и прикрыт, приступили к прорубке в нем прохода; но, окруженные со всех сторон, мигом были все изрублены. Наконец подошедшие навагинцы взяли завалы и кое-как прикрыли дорогу. В главном завале с трудом был проделан узкий проход, у которого столпились вьюки. Огонь неприятельский не умолкал; поминутно падали убитыми люди, лошади; все пространство перед большим завалом и площадкою было буквально загромождено телами убитых людей и лошадей, вьюками и разными тяжестями, так что пешему невозможно было пробраться. Лошади артиллерийского взвода, вся прислуга — перебиты, а орудия брошены в грязи на дороге. В этот момент наш батальон бросился вперед. Как сказано выше, штабс-капитан Краузе, со своими карабинерами, пошел первый и был тотчас ранен; пуля ударила сбоку в заднюю пуговицу его сюртука, на талии, и вместе с нею пройдя внутрь глубоко, остановилась. Краузе, закрыв рукою рану, чтобы не заметили ее карабинеры, держал до большого завала и занял от него правую цепь; правее стала 1-я егерская рота, а я, со второю, составил левую цепь. Этим распоряжением, сделанным, впрочем, самовольно, прикрылась дорога. Поручик Киселев от проходящих узнал, что наш 2-й батальон, составляя арьергард, находится в критическом положении, отделенный от общей колонны грудою убитых людей, брошенных вьюков, и, к довершению всего, потеряв батальонного командира, остался совсем без патронов. Поручик Киселев, забрав наши патронные вьюки, с трудом начал пробираться ко 2-му батальону, который застал в следующем положении: роты лежали за бревнами, у солдат осталось всего по два, по три патрона на критическую минуту. Когда полковник Ранжевский был убит, старшим остался штабс-капитан Цитовский.[262] Он собрал на совет офицеров, и все решились — стрелять только в критическую минуту и ни в каком случае не отступать, пока не придет

выручка; никто и мысли не допускал, чтобы их не выручили товарищи. Горцы, догадавшись, что патронов у нас нет, тоже перестали стрелять, и ожидая, когда начнется отступление, чтобы броситься в шашки, тем более, что на этом месте, до этого момента, батальон выдержал несколько страшных натисков, которые горцам обошлись весьма дорого. Наши и горцы были так близко, что один из находчивых солдат бросил к неприятелю камень, попавший удачно; это возбудило хохот, и пошло перебрасывание больших и меньших камней с обеих сторон. Все это сопровождалось поговорками, коверканным языком, то по-русски, то по-чеченски, и хохотом, — чистые ребятишки в деревне, за забором. И это — люди, обреченные на смерть! На прибытие 3-й роты горцы не обратили особенного внимания, не зная, что это свежая часть. Когда же незаметно были розданы патроны, батальон начал быстро отступать залогами за 3-ю роту, которая осталась сзади. Но лишь только успел немного отбежать батальон за 3-ю роту, как горцы бросились на нее, в огромной массе, без выстрелов, в шашки. Поручик Киселев это предвидел и, подпустив массу неприятеля на тридцать шагов, дал целою ротою залп. Казалось, ни одна пуля не пропала даром, потому что передние все пали; остальные несколько смешались. Рота успела повторить залп, от которого горцы разбежались во все стороны, оставив на месте груды убитых и раненых. Это единственное удачное распоряжение дало возможность нашему арьергарду отступить через перешеек и спасти кое-как вьюки, причем брошенные орудия с трудом были вытащены из тины, — у одного сломался лафет, его спустили под кручу, а другое притащили в лагерь на себе. Уже совершенно в сумерки наши два батальона прибыли последними в лагерь, отдельно от прочих войск; одно время даже считали их совсем уничтоженными.

Дела 10-го и 11 июля, названные «сухарной экспедицией», обошлись нам весьма дорого. Выбыло из строя убитых: генералов два — Пассек и Викторов, тела которых, равно и тело Фока, брошены в лесу; штаб-офицеров — три; из них полковник Ранжевский 10-го был ранен в ногу, 11-го распоряжался батальоном на носилках, пока не был убит; его тело солдаты вынесли; остальные тела брошены; обер-офицеров 14, нижних чинов 537; раненых: 32 обер-офицера и 738 нижних чинов. Убитые, за немногим исключением, брошены в лесу; там же осталась и часть раненых, но наши были все до одного вынесены. Всех же выбыло из строя: 2 генерала, 49 штаб- и обер-офицеров, 1275 нижних чинов; потеряны три горных орудия, большинство лошадей с вьюками и разным продовольствием.

Вся свита генерала Клюки фон Клюгенау была перебита; он же, находясь постоянно в самом жарком огне, спасся чудом.

V

Движение отряда от Дарго к Герзель-аулу. Дела 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и 19 июля. Прибытие в Герзель-аул и дневка там.

Совершенно спокойное положение в постели и крепкий сон, после напряженной деятельности накануне, поддержали мои силы; только сухость во рту и отсутствие аппетита доказывали болезненное состояние. Боль в ране, если не трогаться, особенно не беспокоила; вся левая половина, начиная от головы, как бы одеревенела; зато малейшее движение вызывало невыносимую боль.

Целый день не было отдаваемо никаких приказаний; делалась проверка людей, патронов, продовольствия, которого оказалось мало. Большая потеря товарищей возбуждала естественную грусть, особенно во 2-м батальоне потеря любимого и вполне достойного командира, полковника Ранжевского, заметно печалила всех; не слышно было песен, веселого хохота; все говорили как бы вполголоса; немало такому настроению помогал и сильный холодный дождь, который шел все 12-е число. Но об унынии или упадке духа не было и мысли, по крайней мере, это видно было по окружающим и по словам посещающих нас товарищей. Утром унтер-офицер, заметивший убитого фельдфебеля, прийдя с обычным рапортом к капитану, докладывал, что ружья промыты, патроны пополнены, провиант роздан и люди отдохнули; передал подробно, кто из солдат убит, тяжело или легко ранен, одним словом — как это обыкновенно и ежедневно бывает, все подробности, начиная от варки пищи. Оказалось, что в нашей роте вчерашнего числа выбыло из строя пятьдесят два нижних чина; не помню, кому была поручена рота для дальнейшего командования.

Перед вечером разнесся слух, что завтра отряд выступает к Герзель-аулу, расположенному на границе Кумыкской плоскости, и что во время движения будем постоянно придерживаться реки Аксай, на которой и расположено это укрепление. Поздно вечером получилось приказание — на рассвете быть готовым к выступлению, ночью отобрав с убитых и тяжело раненных ружья, которые зарыть, палатки порвать на бинты, все лишнее сжечь; одним словом, освободить возможно больше вьючных лошадей для перевозки раненых. Часов в 11 вечера мой денщик сообщил мне, под секретом, что отряд выступает ночью и что, говорят, будто бы раненых, которые не могут ехать, оставят. Конечно, я этому не поверил, но семя сомнения запало; мне вспомнился Наполеон в Египте, воображение постепенно разыгрывалось, и я наконец пришел к тому убеждению, что это возможно. Немало этому со-

действовало и горячечное состояние — обыкновенное явление у раненых. К утру тревожный сон меня еще более расстроил; однако я никого не спрашивал, что будет с нами, но всю ночь прислушивался к малейшему шороху.

13 июля очень рано утром отряд тронулся в следующем порядке: Авангард, под командою генерал-майора Белявского: 3-й батальон Апшеронский, 1-й Люблинский, 5-й саперный, три роты стрелков, при четырех горных орудиях, осетинская, дигорская, кабардинская и грузинская конные милиции. Главные силы, под командою генерал-лейтенанта Клюки фон Клюгенау: 1-й батальон Литовский, 2-й Замосцский и 3-й Люблинский; два полевых и пять горных орудий. Все раненые и тяжести были при этих войсках. Правая цепь, под командою полковника Бибикова: два батальона навагинцев, гурийская и тифлисская пешая дружины. Левая цепь, под командою полковника барона Меллер-Закомельского: шесть рот куринцев и горийская пешая дружина. Арьергард, под командою генерал-майора Лабынцева: два батальона кабардинцев (собственно говоря, 7 рот, потому что одна рота, по очереди, назначалась для несения своих раненых), два горных орудия и все казаки, командуемые полковником Витовским.*

Еще было темно. Тело полковника Ранжевского опустили в могилу. Говорят, солдаты были очень грустны и многие не могли скрыть слез. Чрезмерная строгость, при справедливости, не лишала Ранжевского искренней любви солдат. Не найти теперь уже таких командиров!

Переправа через Аксай и очень крутой подъем много заняли времени; раненые перемещались с вьюками, солдаты с трудом несли носилки по крутой тропинке, то и дело спотыкаясь. Каждое мгновение можно было ожидать, что вот-вот полетим все вниз. Боль в ране — невыносимая; солнце жгло особенно жарко; пришлось переносить страшные страдания; к довершению всего, неприятельские гранаты, когда мы еще были в ложбине реке, то и дело ложились поблизости нас. Кругом перестрелка не особенно сильная; вообще, казалось довольно картинно. Впереди войска подходили к довольно большому оврагу, переправившись через который, мы поднялись на весьма большую высоту Кетечь-Корт, где и была выбрана позиция для ночлега. В этот день горцы больше всего наседали на арьергард, и вся потеря преимущественно была у кабардинцев; она состояла: убитых — обер-офицеров 1, нижних чинов 5; раненых — штаб-офицер 1, обер-офицеров 4, нижних чинов 62.

---

* Иосиф Петрович Витовский, в чине генерал-майора, командуя 2-й бригадою 20-й пехотной дивизии, был командующим войсками на Кумыкской плоскости; умер в 1848 г., в укреплении Ташкичу.

14-го числа, с рассветом, войска двинулись в том же порядке, с тою лишь разницей, что в авангарде Люблинский батальон заменен Литовским. Сначала завязалась незначительная перестрелка, которая, постепенно усиливаясь, дошла до ожесточенного боя; нам, раненым, не было ничего видно, хотя изредка долетали и к нам неприятельские пули; но постоянные остановки, усиленная пальба, крики «ура!» убеждали, что бой жаркий. Раненые перемещались с вьюками; при остановках милиционеры нисколько не стеснялись, переступали через наши головы, не заботясь о том, что может наступить на голову или на рану. С этих пор я возненавидел пешую милицию, которая, большею частью толкаясь по обозу, еще более производила беспорядок. После долгой остановки наконец тронулись. Нас внесли в густой лес; шли мы гуськом, вперемежку с вьюками. Все как-то торопились пройти это пространство. Перестрелка слышалась только впереди и сзади; по сторонам выстрелы раздавались только изредка. Впереди несли флигель-адъютанта графа Бенкендорфа, полковника Завальевского и других; я же, как прапорщик, очутился назади. Цепей в лесу не было видно; казалось, мы двигались одни, без прикрытия. Вдруг слева ворвалось в колонну человек 20 горцев, все отлично одетые, оружие под серебром, так что их сперва приняли за казаков. Но обман продолжался недолго. Горцы, обнажив шашки, бросились рубить раненых; первого убили полковника Завальевского,[263] нанесли несколько ран графу Бенкендорфу; защищавший его, конной гвардии штабс-ротмистр барон Шеппинг получил несколько ран; другим раненым тоже досталось. В Куринском полку служил переведенный из гвардии капитан У.,[264] довольно плотный мужчина. Будучи легко ранен в ногу, он лежал на носилках, хотя очень удобно мог ехать верхом. Когда произошла суматоха в колонне, У., не дождавшись, пока опустят носилки, вскочил на ноги и такого дал стрекача, что и верхом не догонишь. У. любил похвастать иногда и, владея хорошо словом, резко относился к действиям других, за что был нелюбим товарищами; но после этого случая его жало несколько притупилось. Об этом происшествии на другой день много говорили товарищи, конечно, цитируя смешную его сторону. В этот день для несения раненых нашего полка назначена была 8-я егерская рота, которой командовал штабс-капитан Горяинов.*[265] При начале суматохи в обозе все закричали «ура!», но «ура» от страха, жалкое, и бросились в противоположную сторону. Солдаты, которые несли меня, сказав: «Ваше благородие, мы вас бросим», опустили носилки на землю. Я попросил поднять меня на ноги; казалось, легче было быть изрубленным стоя. Солдаты, быстро исполнив мою просьбу, бросились было вперед, к горцам; но, когда передний, не успев еще

* В пятидесятых годах вышел в отставку подполковником.

выстрелить, попал под шашки, остальные тотчас ретировались. Это происходило не более как в пяти шагах от меня; я стоял, облокотившись о вьючную лошадь; вьюки столпились так, что не было возможности пробраться на правую сторону; из числа раненых оставался в живых один я. Два горца дорубали уже лежащего солдата, одного из моих носильщиков, о котором говорил выше; уже я видел, что меня заметили, — положение безвыходное; я живо сохранил все в памяти и до сих пор помню даже лица. Заметивший меня горец был в темно-желтого цвета черкеске, большого роста, с крашеною бородою, в оружии под серебром, папаха за поясом, бритая голова, зверское лицо. Помню хорошо, что безвыходное положение и физическое ослабление дали мне полное самообладание: я перекрестился, мысленно сотворил молитву, попрощался с близкими сердцу; мгновенно в мыслях пробежало все лучшее, прошедшее, сладкие мечты и т. д. Еще мгновение — и конец... Уже крашеная борода сделала шаг вперед и, как бы забавляясь, еще раз черкнула шашкою по лицу изрубленного солдата, павшего под шашечными ударами... В этот момент из-за густого кустарника, в лесу, влево от меня, гаркнули «ура!», да такое «ура», от которого дрогнет самый сильный враг. Куринцы, находясь в левой цепи, услышали сквозь чащу, что в обозе неладно: выстрелов вовсе не было, горцы работали шашками. Муромского полка капитан Перепелицын,*[266] прикомандированный к Куринскому полку для участвования в экспедиции, подхватив бывший с ним в резерве взвод, бросился на шум в колонну. В описанный мною момент они гаркнули «ура!» и тут же подняли на штыки незваных гостей. Перепелицын — 13-ти вершков роста, положительно великан; я еще был мальчуганом, живя у моего дяди, офицера Нижегородского полка, одной бригады с муромцами; помню его, когда он прибыл из Дворянского полка юнкером; огромного роста, в кадетской куртке, он очень был красив. И вот, где нам пришлось встретиться... При огромном росте Перепелицына, куринцы, маленькие егеря, казались около него детьми; но эти дети были чудо-богатыри; поистине можно было сказать: «Егерь мал, но удал». Как жаль, что в армии теперь уничтожено название егерей! С этим именем связано много воспоминаний нашей славной армии. Итак, товарищи-куринцы, вам я обязан спасением жизни! Подобные минуты не забываются до гробовой доски... Когда опасности миновали — возбуждение прошло, упадок сил стал сильнее; и не помню, с помощью кого я перешел на правую сторону обоза. Силы оставили меня, и когда я пришел в себя, то сидел уже под деревом, в полном изнеможе-

---

* Перепелицын в отставке, не знаю, в каком чине; живет в Петербурге, где у него три сына служат в лейб-егерях и один в артиллерии; остальные три еще воспитываются.

нии; только белая фуражка с кокардой свидетельствовала, что я офицер. Все же, что находилось со мною на носилках, как-то: шуба, подушки и т. д. — осталось на месте, куда горцы бросились, и я лишился самого необходимого для покоя раненого. Передо мной, около куста, стояла какая-то лошадь; видно, на ней ехал какой-нибудь раненый солдат, и в общей суматохе, может быть, бедный свалился. Обоз уже двигался. Я рассчитывал, что когда подойдет арьергард, меня подберут свои; но тут проходят мимо какой-то денщик и артиллерийский солдат. Один из них сказал: «Давай, брат, посадим этого офицера на лошадь, а то, пожалуй, так и пропадет». Тут же подошел горнист 2-й роты, в которой я числился, и один из солдат, меня несших; они, вчетвером, буквально навалили меня на лошадь; солдат ее повел, а горнист поддерживал меня сбоку. Дождь шел довольно сильный, я страшно озяб; шагов 20 кое-как сидел, но дальше начал валиться. Тогда меня сняли с лошади и перекинули поперек седла; я не в силах был противоречить и тотчас впал в беспамятство. Когда пришел в себя — мне было так хорошо, я испытывал такое приятное чувство, что трудно описать. Когда открыл глаза — у моего изголовья сидели молодой офицер и юнкер; они тотчас осведомились, как я себя чувствую, и спросили, не хочу ли я немного вина. Я согласился, и глоток вина меня очень подкрепил. Тут я узнал, что они навагинцы и стоят в резерве своей правой цепи. Когда меня привезли, то офицер спросил: «Что, убит?» — «Никак нет; должно быть, еще живет», — отвечали мои вожатые. Тотчас меня сняли с лошади, положили на солдатскую шинель, головою выше, другою укрыли, и я согрелся и пришел в себя. Я не знаю, кто вы, мои благодетели! Но, если вам попадутся эти строки и вы вспомните этот случай, то верьте, что я научу своих детей благославлять вас! Подобное внимание к незнакомому человеку — есть лучшее доказательство той сердечной теплоты, которая не всякому дана.

Подан сигнал — правой цепи движение, и я расстался с своими благодетелями. Опять меня усадили на лошадь. Сперва я ехал довольно бодро. Дождь пошел сильнее; это отчасти уравновешивало жар от горячки; повязки давно все слезли, и я весь был облит кровью. Дело шло к вечеру. Предстояло взбираться на огромную высоту; лошадь скользит; силы начали оставлять меня, и я уже сам просил, чтобы меня перекинули через лошадь поперек — что и было исполнено. Когда взобрались на гору, было уже совсем темно; мои вожаки спустили меня на землю в большую впадину, где лежали все раненые нашего полка, и догадались положить головой выше. Надо полагать, что было уже довольно поздно, когда я пришел в себя. Дождь шел проливной; сверху — вода с грязью стекала во впадину, в которой мы лежали; я не только весь был мокрый, но и в грязи; холод чувствовался страшный; кто-то

из проходящих солдат, по моей просьбе, меня поднял, и я, крича из всей силы, звал моего Максима, — но тщетно: слабый голос, ливень и говор делали совершенно неслышными мои звуки. Делать нечего, с помощью тоже какого-то проходящего я лег на землю и, свернувшись от усталости, крепко уснул.

14 июля нам обошлось очень дорого. Убиты: штаб-офицер 1, обер-офицеров 5, нижних чинов 65; ранены: штаб-офицеров 3; полковник Альбрант, с 11 апшеронцами, бросился на завал и был ранен в руку, которую на другой день ему отняли, и во время операции он курил трубку. Командир Навагинского полка, полковник Бибиков, и командующий Апшеронским батальоном, подполковник граф Стембок, ранены в ногу; через несколько дней Стембоку отняли ногу; обер-офицеров 11, нижних чинов 158; без вести пропало 7 нижних чинов.

Войска сделали переход всего12 верст. Сильный бой и ливень страшно их изнурили, именно потому остановились ночевать. Наши кабардинцы только утром присоединились; полевая артиллерия не могла подняться на последнюю высоту.

Когда утром я проснулся, денщик мой, с вьюком, был уже тут; оказалось, что он всю ночь, не развьючивая лошади, простоял от меня всего в пятнадцати шагах. Вещи хотя у меня были, но переодеваться было некогда; главная беда — нечем было укрыться. К этому прибавился страх, что опять носилок нет. Весь мокрый, с открытой раной, я не знал, как помочь горю. Шагах в пяти от меня лежал на носилках раненый фельдфебель 2-й кабардинской роты, покрытый моей буркою и на моей подушке. Оказалось, что сзади меня несли фельдфебеля и солдаты подобрали мои вещи, брошенные в лесу с носилками. Мы были оба в одном положении, и мой Максим заявил, что вещи следует возвратить, и мне их отдали тотчас. Лекарь Верминский, осматривая с рассвета раненых, отыскал меня и сделал перевязку; затем, по моей просьбе, отправился разыскивать для меня носилки. Жажда и голод страшно меня начали беспокоить, костров не раскладывали — все мокрое; да и, кажется, варить-то нечего было. Вдруг подходит ко мне корнет князь Яшвиль и с полным участием, осведомившись о моем здоровье, куда-то скрылся на минутку, а затем, принес мне стакан чаю и крендель; потом бросился разыскивать носилки. Благодаря ему, я через четверть часа не только лежал на носилках, но и были назначены рабочие для последних. Князь Яшвиль, кажется, обломок Золотой Орды, гвардейский лейб-гусар; за дуэль был разжалован, потом произведен в корнеты по кавалерии и состоял в распоряжении полковника Козловского.[267] Я лично с князем не был знаком, но видел и сам испытывал благотворные последствия его неутомимых забот о раненых. Когда ему был возвращен прежний чин ротмистра, все искренне этому радова-

лись, и уже гораздо позже назначение его командиром лейб-гусарского полка было принято всеми нами очень сочувственно. Князь Яшвиль вообще, по простодушному обращению со всеми, готовности во всякую минуту быть каждому полезным, снискал себе общую любовь.

Около 10 часов отряд тронулся дальше, и, в виду сильного утомления войск, переход был всего верст пять. Войска двигались без особенной задержки, хотя с незначительной перестрелкой; видно, горцы тоже были утомлены. Перед вечером отряд расположился на довольно живописной местности, у аула Аллерой.

Вечером пошел теплый дождик; капитан и я лежали рядом. Денщик покрыл меня буркою, которую я над лицом поддерживал здоровою рукою, чтобы свободнее дышать. Мимо нас сновали вперед и назад проходящие. Вдруг, из числа их, подходит какой-то офицер, кавалерист, сюртук с красным воротником и пуговицы с орлами; до этого я никогда не видел его. Спросив у денщика топор, приказал вырубить колья, затем вбил их по углам носилок и посередине и, соединив тонкими перекладинами, покрыл сверху буркою, так что мне стало совсем удобно. Я на все это смотрел молча, ломая голову, кто это и какого полка? Когда же, по окончании работы, я благодарил моего незнакомца и спросил, кому обязан таким любезным вниманием, он отвечал: «Конно-гренадерского полка поручику барону Вранкину».[268] Больше я его не видел.

Потеря 15-го числа состояла из убитых: нижних чинов 15; раненых: обер-офицеров 3, нижних чинов 44; без вести пропавшего — одного нижнего чина.

16 июля густой туман и дождик задержали движение, пока несколько не разъяснилась погода. В 8-м часов отряд двинулся в том же порядке, но с первым шагом началась перестрелка, не умолкавшая до тех пор, пока к вечеру не расположились биваком у аула Шаухал-Берды. Усиленная перестрелка слышалась особенно в левой цепи и арьергарде; но с носилок не было ничего видно, да и от упадка сил явилась какая-то апатия ко всему. Не раз приходила в голову мысль: хорошо, если бы сразу покончить, чем переносить тяжелые страдания. Лишь только стали на бивак, подходит ко мне мой денщик (его лицо от слез сморщилось) со словами: «Василий Александрович, что мы будем делать! Все наше имение пропало!» Я сначала не понял, в чем дело; но он пояснил, что, не доходя мостика, чеченец у него из рук отобрал лошадь и его чуть не изрубил, но он спасся бегством. «Слава Богу, что ты остался жив», — был мой ответ. Тем не менее, оказалось, что положение мое было очень непривлекательное: ни гроша денег, ни вещей, да вдобавок — еле живой.

Этот день нам обошелся дорого. Убито: обер-офицеров 4, нижних чинов 107; ранено: штаб-офицеров 4, обер-офицеров 10, нижних чинов 306; без вести пропало нижних чинов 15.

Около Шаухал-Берды большая поляна, на которой мы расположились, окаймлялась с трех сторон лесом, а четвертая примыкала к Аксаю, правый возвышенный берег которого представлял высокую крутизну, частью обрывистую, частью покрытую лесом. Кругом поляны, по опушке леса, были раскинуты наши цепи. Скопище же Шамиля было расположено главным образом на крутизне за Аксаем, и кругом весь лес был занят неприятелем.

С восходом солнца, 17-го числа, неприятель из-за Аксая открыл по нас безнаказанный огонь из трех орудий, на который мы не могли отвечать, по малому количеству зарядов. Кругом, из леса, ружейный огонь не умолкал; то и дело с одной стороны падали артиллерийские снаряды, с другой — щелкали пули; к довершению — страшная жара; притом положительно есть нечего. И так целых два дня томиться — пытка невыносимая. Если в таком положении был офицер, то что же испытывали бедные раненые солдаты? Часов в 11 главнокомандующий верхом объехал все войска; тут его положительно осыпали пулями; но он совершенно спокойно, приветливо здоровался с солдатами; мне это хорошо было видно с моих носилок. Солдат очень ободрило спокойствие князя Воронцова; они были положительно в восторге, вполне поняв цель его объезда. Меня в этот день навестил Генерального штаба штабс-капитан барон Сталь*[269] и нашел, что моя позиция очень невыгодна; но мы пришли к тому заключению, что везде скверно, все равно — везде бьют. У нас был полковой маркитант Фавишович;[270] все вьюки его были отбиты, и только осталось немного чаю и сахару; однако он сохранил все офицерские расписки. Должно быть, он готовился тоже к смерти: обходил раненых и поил чаем, сделался добродушным; пожалуй, при некоторой назойливости, да если бы еще поблизости лопнула неприятельская граната, Фавишович с готовностью расстался бы и с расписками. Впрочем, надо правду сказать, что наш маркитант был старый полковой и не без хороших качеств, хотя и не забывал себя.

С утра еще прошла весть по биваку, что ночью посланы к генералу Фрейтагу, в Герзель-аул, охотники с записками одного содержания. Охотники были — два егеря нашего полка, два казака и два милиционера; они должны были пробраться врозь, сквозь неприятельскую позицию. По прибытии отряда в Герзель-аул, мы узнали, что первыми пришли егеря, а последними — милиционеры.

18-го числа, с восходом солнца, опять неприятель открыл огонь со всех сторон; свист пуль и артиллерийских снарядов казался еще неприятнее. Перед закатом солнца, вдали, к стороне аула, показались на высо-

---

* Впоследствии командовал Волынским пехотным полком и, по производстве в генерал-майоры, вышел в отставку.

те войска. Это был генерал Фрейтаг. В отряде все встрепенулось; взоры всех были обращены к стороне Фрейтага. Мне, конечно, ничего не было видно, но много глаз смотрело, и впечатления высказывались вслух.

Потеря 17-го и 18-го чисел выразилась — убитыми: 12 нижних чинов; ранеными: 1 обер-офицер, 24 нижних чина.

19-го числа все поднялись очень рано; но, помнится, мы долго стояли на месте. С восходом солнца, на дальней высоте показались войска генерала Фрейтага; затем была открыта канонада по неприятельским массам, расположенным на высоте за Аксаем, где, после первых выстрелов, сделалась большая суета. Около 10 часов отряд двинулся. Первыми шли раненые, которые могли сами двигаться; затем понесли и носилки. У входа в узкий проход одного перелеска столпилось много носилок, и тут я заметил, что рядом со мною, вместо носилок, держали на древках железную кровать, которая кругом, вроде ящика, была обита досками; на кровати лежал раненный 14-го числа, командир Навагинского полка, полковник Бибиков. Я с ним совершенно не был знаком, но он обратился ко мне со словами: «Господин офицер, напрасно вы не обставили носилки досками, как у меня, а то, пожалуй, могут подстрелить». Пройдя небольшой перелесок, нас остановили на небольшой полянке; по обыкновению, носилки опустили на землю. Случилось так, что со мною лежали рядом: полковник Бибиков и лейб-гвардии Измайловского полка поручик Козлянинов, большой мой приятель. Козлянинов с Бибиковым перекидывались словами по-французски, со мною же — по-русски. Было очень жарко; выстрелы слышались где-то вдали. Вдруг, с небольшого пригорка, левее дороги, осыпали нас пулями. Все вскочили. Открыли и с нашей стороны ружейный огонь; крик, суматоха — общие. Но это продолжалось недолго; горцы скрылись, и на их месте показалась наша цепь. Этими выстрелами убит наповал полковник Бибиков; поручик Козлянинов ранен в нос; я же отделался счастливо: убит один из моих носильщиков и прострелено древко носилок. Не было ли предчувствия со стороны Бибикова? Чему же приписать обшивку носилок досками, когда Бибиков, как говорили, не имел привычки избегать пуль? Смерть его огорчила многих; память о нем сохранилась между офицерами Навагинского полка до сих пор.

Мы двинулись дальше. Перестрелка довольно сильная слышалась только сзади. Пройдя небольшой овраг, мои носильщики положили меня под кустом, немного в стороне от дороги, чтобы самим отдохнуть. В это время 4-я и 5-я карабинерные роты Кабардинского полка, из отряда генерала Фрейтага, быстро пробежали мимо нас; они были посланы в арьергард. 4-ю карабинерною ротою командовал штабс-капитан Кириленко,[271] 5-ю — поручик Берзенадзе[272]; субалтерн-офицеры были: прапор-

щики Беллик[273] и Асланов.* Эти последние два — мои товарищи по таганрогскому университету.[274] Прапорщик Асланов, заметив меня лежащим под кустом, живо соскочил с лошади и с полным участием осведомился о моем здоровье; я у него тотчас попросил хлеба и получил. Не могу пройти молчанием о впечатлении, какое на меня сделали карабинеры: что это были за молодцы, чудо-богатыри! Все мы, черные, исхудалые, голодные, а они — в белых рубахах, синих шароварах, чисто одетые, красавцы, шли с таким одушевлением, что, по-видимому, горе тому, кто им не уступит! И действительно, чуть дошли до арьергарда — штыками вынесли все, что было впереди, и начали медленно отступать, отстаивая твердо каждый шаг. Но уже до прибытия карабинеров наша 1-я карабинернская рота, бывшая в арьергарде, сильно пострадала. Дело, как тогда рассказывали, происходило так: 1-я и 2-я карабинерная роты отступали в арьергарде, так называемым перекатным отступлением, 1-я левее 2-й; последней надо было подняться на горку; а потом на ее место перейти 1-й, потому что на пути ее отступления были тина и густой кустарник, заросший диким виноградом, сквозь который не было возможности пробраться. От генерала Лабынцева послан был с приказанием подпоручик Кудрявцев,**[275] чтобы предупредить роты о порядке отступления; в это время был ожесточенный огонь со стороны неприятеля, почему, надо полагать, Кудрявцев ограничился тем, что с горки помахал платком. По этому сигналу, 1-я карабинерная рота, видя, что уже 2-я отступила, тоже начала отступать прямо, как была расположена, и лишь только вошли в чащу карабинеры, горцы гикнули и окружили роту, требуя сдачи. Командующий ротою, штабс-капитан Тимахович, видя безвыходное положение, обратился к роте: «Что, братцы, делать?» — «Ваше благородие, ляжем все, а не дадим поживы этим оборванцам», — был ответ солдат. И действительно, карабинеры легли почти все, но не даром: в рукопашной схватке досталось порядком горцам. Бой продолжался недолго, но был жестокий бой и шел на смерть. Штабс-капитан Тимахович,[276] тяжело раненный, был взят в плен, и потом уже мы слышали от лазутчиков, что с него живого сняли кожу. Юнкер Жеребцов, молодой юноша, во все время отступления шел в обозе, но в этот день, видя войска генерала Фрейтага, полагал, что уже не будет дела, пошел с ротою и был убит. Из всей роты спаслось, кажется, три человека, пробравшихся кое-как сквозь чащу; они и рассказывали подробности дела. Бог наказал подпоручика Кудрявцева, который последним выстрелом был тяжело ранен в руку.

---

* Кириленко убит по Гергебилем в 1848 г., в чине майора, командуя 4-м батальоном; Берзенадзе — подполковником в отставке, живет в г. Грозном; Беллик — полковник, при кавказской армии; Асланов в отставке, кажется, еще с конца сороковых годов.

** После экспедиции вышел в отставку.

К вечеру пошел проливной дождь, и мы едва дотащились до места ночлега у аула Мискит; полевая же артиллерия, с арьергардом, едва притащилась к рассвету.

19 июля нам обошлось не дешево. Убиты: штаб-офицер 1, обер-офицеров 2, нижних чинов 78; ранены: штаб-офицер 1, обер-офицеров 7, нижних чинов 139; без вести пропало 17 нижних чинов.

С генералом Фрейтагом пришли следующие войска: 2-й батальон Модлинского полка, 2-го батальона Прагского полка 1 рота, 2-го батальона Люблинского полка 2 роты, 1-й батальон Замосцского полка, 2-го батальона Навагинского полка 3 роты, 4-й батальон Кабардинского полка, 5-го батальона того же полка 2 роты, 4-й и 5-й батальоны Куринского полка, кавказский линейный № 15 батальон, всего $7^{1}/_{2}$ батальонов; легкой № 3 батареи, 14 артиллерийской бригады, 1 орудие, батарейной № 2 батареи, 20-й артиллерийской бригады, 3 орудия, донской казачьей конной № 1-го батареи 2 орудия, линейной казачьей № 14 конной батареи 4 орудия, подвижной гарнизонной артиллерии 3 орудия, всего 13 орудий; донского казачьего № 20 полка 1 сотня и № 52 полка 2 сотни, всего 3 сотни кавалерии.

Из вышеозначенного видно, что генерал Фрейтаг взял с собою все, что мог, уменьшив везде гарнизоны, и оставил край почти без подвижных резервов и лишь только почти со всею кавалерией.

Войска генерала Фрейтага 19-го числа имели потерю: убито 14 нижних чинов; ранены: обер-офицер 1, нижних чинов 27; без вести пропало 2 нижних чина.

20 июля отряд снялся с ночлега довольно поздно. Войска генерала Фрейтага занимали боевые цепи и арьергард; наши же, утомленные, составляли авангард и главные силы. После того беспорядка, в каком несли раненых в предыдущие дни, нам казался странным строй, в котором мы тронулись. В голове колонны — два батальона с артиллерией, потом — носилки с ранеными офицерами и батальон, носилки с ранеными солдатами и батальон, раненые верхом и батальон, обоз и т. д. К каждому роду раненых — особый офицер для наблюдения за порядком и доктор; одним словом, все приняло вид строгого порядка и заботливости о раненых. К сожалению, это не могло вознаградить нас за перенесенные страдания.

Отряд тронулся в 10 часов; дорога ровная; выстрелов не слышно; но невыносимая жара страшно нас томила. Около четырех часов пополудни послышались издали, впереди нас, громкие пушечные выстрелы. Это был салют главнокомандующему с батарей укрепления Герзель-аула, которое уже виднелось. Многие из нас перекрестились. Слава Богу, конец мучениям! Все приободрились, но только на время; недостаток пищи и труды до того изнурили силы солдат, что они едва

тащились; то и дело спускали на землю носилки для отдыха. Люди постоянно спотыкались, части растянулись. Тут невольно пришла в голову басня дедушки Крылова «Лисица и виноград». Видя Герзель-аул, мы никак не могли до него дотащиться. Наконец, уже совсем стемнело, когда меня принесли к роте, расположенной внизу, на берегу Аксая. Но тут сказали нам, что раненых офицеров велено нести в крепость. Надо было обратно взбираться на большую гору, где расположено укрепление. Тут носильщики наотрез отказались нести, говоря, что не в силах. Действительно, они, бедные, устали донельзя. Унтер-офицер 2-й роты, в которой я числился, назначил рабочих, и меня потащили на гору. У ворот крепости народ сновал взад и вперед, нельзя было пробраться сквозь толпу, по мостику, через ров. Вдруг какой-то офицер, заметив носилки, давай крестить нагайкою по головам всех, бормоча что-то на неопределенном языке. Живо очистили дорогу и меня свободно пронесли в ворота крепости. Оказалось потом, что это был состоящий по кавалерии и при главном штабе поручик Иедлинский.* Ему было поручено всех раненых офицеров направлять в крепость. Иедлинский, кажется, говорил на 8-ми языках; впоследствии мы часто встречались в походах и всегда были хорошими приятелями. Адальберт Артурович был бравый кавалерист; в беседе, за стаканом, был незаменим: бездна юмора всегда оживляла все общество. Наконец, меня принесли в казарму, опустив носилки, и, подняв на ноги, ввели в большую освещенную половину. Я остановился в дверях, и мне представилось следующее: во всю длину казармы, с обеих сторон, почти вплотную, были поставлены лазаретные кровати, все занятые ранеными офицерами; у дверей, направо, на нескольких кроватях, сподряд лежали и сидели гвардейские офицеры — надо полагать, большею частью легко раненные, потому что очень бойко и громко говорили, нисколько не стесняясь, что тут были страдальцы, которым необходим покой; речь сыпалась по-французски, с русскими вставками, смесь французского с нижегородским. Дальше, за гвардейцами, были слышны только тихие стоны, потому что из армейских были тут одни тяжело раненные; остальные расположились при своих частях. Я с ужасом увидел, что уже все места заняты; но мой денщик отыскал единственную свободную кровать, от противоположного конца влево — четвертую. Меня положили на кровать; все мое имущество, бурка и подушка — со мною, а денщик уселся на полу у моих ног. Устроившись, я начал осматриваться. Слева мой сосед, апшеронец, прапорщик, раненный в ногу, был совершенно спокоен; справа — куринец, штабс-капитан Костырко,[277] раненный в грудь; он тяжело дышал и мутными глазами

* Состоял в распоряжении генерал-фельдмаршала князя Барятинского, в чине генерал-майора.

обводил во все стороны; наискось, в углу, лежал подполковник граф Стембок, тяжело раненный в ногу, и рядом с ним — капитан Люблинского полка, довольно полный мужчина, раненный в грудь; он очень страдал, ему все мало было воздуха. Прочие — кто тяжело дышит, кто стонет, кто молча терпит; одни французы за полночь не давали никому покоя. Спустя час после того, как меня принесли, лазаретный служитель принес в фартуке порции хлеба и начал раздавать. Я спросил: «Не дадите ли нам суп!» — «И суп дамо», — ответил он с полною флегмою. Действительно, немного спустя, тот же служитель принес нам и суп. Я добросовестно разделил свою порцию с моим Максимом; он был здоров, и воображаю, как ему хотелось есть, если я, еле живой, страшно мучился от голода. Поужинав, я улегся так, чтобы ногою можно было разбудить денщика, который расположился под кроватью, потому что я сам ни подымался, ни повернуться без посторонней помощи не мог.

На другой день, т. е. 21 июля, я проснулся рано. Первое, что мне бросилось в глаза — это мой сосед справа, Костырко; он умер, и никто не закрыл ему глаза. Его смерть произвела на меня тяжелое впечатление; мне пришло в голову: ведь и мой конец, может быть, близок, и подумаешь, из-за чего человек бьется. Спустя некоторое время смерть Костырки была замечена служителем, и его вынесли. Графа Стембока, для операции, перенесли в другое помещение, и я приказал переложить себя на его место; но мой новый сосед, люблинский капитан, к вечеру тоже умер; это я встретил уже спокойнее.

Я уже выше сказал, что все мое имущество было отбито, — ни денег, ни белья у меня не было; денщик снял с меня рубаху, чтобы вымыть, я же остался в виде Адама, покрытый буркою. Жажда мучила страшно; за стакан чаю готов был бы отдать полжизни; но и за эту цену трудно достать, а просить незнакомых — лучше томиться. В таком виде, часов около девяти, перевязал мне рану доктор Верминский, в присутствии Эраста Степановича Андреевского, доктора, состоявшего лично при главнокомандующем, по приказанию которого он осматривал всех раненых. Тут же полковник Дружинин, комендант Главной квартиры, громко объявил нам, что главнокомандующий разрешает нам ехать лечиться куда угодно, лишь бы в районе армии; что его сиятельство приказать изволил: прямо обращаться к нему, если кто имеет какую нужду; что нам будет вообще оказано денежное пособие, и добавил, между прочим, что нам к обеду готовится суп и жаркое. Невольно все улыбнулись на последнее добавление, и оно, пожалуй, больше всего обрадовало голодную публику. Вслед затем меня посетил барон Сталь, о котором я уже говорил; у него всего капитала было в кошельке 6 рублей, и он со мною поделился

пополам, так что мы с Максимом вечером уже пили чай с белым хлебом. Около десяти часов к нам пришел начальник главного штаба, генерал-лейтенант Гурко, обошел раненых и, подойдя ко мне, не знаю уже почему, обратился с вопросом: «Может быть, вам что-нибудь нужно?» Надо полагать, что моя молодость обратила его внимание. Я открыл бурку и сказал: «Прошу приказать мне дать солдатскую лазаретную рубаху; я, видите, лежу голый». — «Потерпите, завтра главнокомандующий даст вам по 20 червонцев». У меня кровь бросилась в голову, и дальше не помню, что со мною было, — так меня оскорбил ответ этого генерала, который, между прочим, как сегодня вижу, был одет, как денди с Невского: белые брюки, такой же жилет, сюртук Генерального штаба без эполет, с тросточкой, которую, надо полагать, возил с собою во вьюке, потому что в Герзель-ауле едва ли можно было такую приобрести. И костюм, и манера далеко не шли к генералу, занимающему такой высокий пост.

Лишь только ушел генерал Гурко, все засуетились, и в палату вошел главнокомандующий, в сопровождении доктора Андреевского, полковника Дружинина и адъютанта. Сделав общий поклон наклонением головы, спросил громко полковника Дружинина: передал ли он нам его предложение? Дружинин живо ответил: «Как же, ваше сиятельство, я передал обо всем, что вы жертвуете». Князь Воронцов вдруг вытянулся, побледнел; как-то борода у него затряслась и, возвысив голос, сказал: «Как вы смели сказать, что я жертвую? Какое я имею право жертвовать офицерам? Это жалует Государь»! Заметим, повернувшись спиною к Дружинину, совершенно спокойно, с добродушною улыбкою, начал осведомляться о здоровье каждого, при чем Андреевский по-французски объяснял состояние здоровья тяжело раненных. Очередь дошла до меня. Надо сказать, что у меня нагноение раны до того было сильное, что еще издали был слышен тяжелый запах, противный мне самому; но князь Воронцов подошел ко мне близко, выслушал с полною подробностью по-французски доклад о состоянии раны и потом сказал: «Мужайтесь, молодой человек! Бог милостив, вы молоды еще; не только оправитесь, но успеете за себя отомстить; кто начинает так доблестно военное поприще, у того много хорошего в перспективе». У меня вообще были нервы расстроены, внимание и теплые слова старого вождя вызвали невольно слезы; так приветливо может говорить и производить впечатление только личность, подобная князю Воронцову, — он видел не одну смерть в своей жизни. Мир праху твоему, доблестный вождь! Где ты был — везде оставил по себе память, а твоя деятельность принадлежит истории.

День казался бесконечно длинным; жара, мухи и французская неумолкаемая речь гвардейцев страшно надоели, особенно слово ecoutez.[278] Казалось, без этого они не умели ничего начинать.

Вся потеря наша в описываемую экспедицию состояла: убито — генералов 3, штаб-офицеров 7, обер-офицеров 28, нижних чинов 909; ранено — штаб-офицеров 11, обер-офицеров 96, нижних чинов 1951; без вести пропало — нижних чинов 42; контужено — штаб-офицеров 2, обер-офицеров 22, нижних чинов 248.

Из этого числа собственно в Кабардинском полку убиты: полковник Ранжевский, штабс-капитан Тимахович, поручик Маевский, прапорщики — Войнелович[279] и Невинский[280]; ранены: штабс-капитаны — Дуров, Краузе, Кириленко, фон Нейман; поручики — Алалаев и Ежов[281]; подпоручики — Гаркушевский,[282] Немцов, Мажоров и Кудрявцев; прапорщики — Чернецкий,[283] Прушинский и Гейман; прикомандированные — адъютант Государя Наследника, ныне благополучно царствующего Государя, гвардии полковник князь Барятинский и лейб-гвардии Измайловского полка поручик Козлянинов.

VI

Переезд раненых в кр. Внезапную. Пребывание в госпитале. Штабс-квартирная жизнь. Полковой бал. Переезд в Ставрополь. На пути бал в ст. Червленой.

22 июля, ранним утром, всем раненым было отпущено денежное пособие: штаб-офицерам по 40, а обер-офицерам по 20 голландских червонцев. Такого золота и так много денег у меня еще никогда не было. Здесь же нам также объявили, что желающие ехать в кр. Внезапную могут отправиться в 10 часов; мы и отправились, в числе 26-ти офицеров и 600 нижних чинов, на кумыкских арбах. Ни одна пытка инквизиции не может сравниться с теми мучениями, какие пришлось испытывать при этом переезде. Надо полагать, что арбы нарочно выдуманы правоверными, чтобы православным, ехавшим на них, вытрясли всю душу. Каждый толчок сопровождался мучительною болью; я лежал, сидел, и все напрасно. Пришлось терпеть...

В конвой транспорта с ранеными были назначены 1-й и 2-й батальоны Кабардинского полка. Эти грозные, пред выступлением в походе, батальоны представляли собою какие-то клочки, составленные из загорелых, исхудалых солдат, в весьма поношенном костюме, но все же бодрых, могущих за себя постоять. Я помню, на вопрос мой: сколько штыков? — мне ответили, что средним числом в роте по 32 штыка. Это все, что осталось; следовательно, в каждой роте выбыло из строя, убитыми, ранеными и заболевшими с лишком 170 человек, — и это в какие-нибудь два месяца! Из офицеров остались целыми: май-

ор Тиммерман (он командовал нашей колонной), штабс-капитаны — Цитовский, Горяинов, поручики — Гостыминский и Киселев.

Огромный обоз шел медленно, для облегчения страданий тяжело раненных; постоянные остановки, — так что уже почти садилось солнце, когда мы добрались до теперешнего Хасав-Юрта. Тут был продолжительный привал; уже очень поздно кое-как дотащились до кр. Внезапной. Это, кажется, единственная крепость, которая вполне соответствовала своему назначению; она расположена была на правом возвышенном берегу реки Акташ и, при проезде по дороге со стороны линии, открывалась вдруг, в расстоянии пушечного выстрела.* Госпиталь в кр. Внезапной имел всего 300 мест для нижних чинов и десять офицерских, поэтому, можно себе вообразить, какая давка и как мало могло быть удобств для помещения такого огромного количества больных. Все казармы и офицерские флигеля были очищены. Нас поместили в офицерскую палату. Я чувствовал полное изнеможение. Пришло несколько врачей — делать нам перевязки. Я попал на долю лекаря Пряннишникова; от него так несло водкою, что не было возможности терпеть; притом он уж очень бесцеремонно взялся за перевязку и от невольного толчка ногою не успел опомниться, как очутился под кроватью. Тут же был молодой врач Костимиревский; он меня успокоил и перевязал рану. Хотя в госпитале нас содержали относительно не совсем хорошо, но делали все возможное.

Через несколько дней, проездом в Темир-Хан-Шуру, посетил нас главнокомандующий, очень подробно осведомился о здоровье каждого из нас, а также о содержании, и с полною заботливостью приказал оказывать нам совершенное внимание.

По прибытии нашем в госпиталь, первое время заведывал нашею палатою лекарь Душанский[284]; но дня через два мы настоятельно просили о назначении другого, и нам дали молодого врача Костимиревского.[2] Много мы ему обязаны, особенно я; положительно, он спас мне жизнь. Костимиревский кровный руссапет; Москву и все русское обожал; весьма развитой и хорошо владевший словом; он, не говоря уже о том, что всегда делал нам перевязку собственноручно, просиживал у нас до поздней ночи, говоря без умолку; это немало развлекало нас, при скучной госпитальной обстановке. Первоначально мы были очень тесно размещены; поэтому восьмерых из нас перевели в два офицерские флигеля, и в одном из них, в двух комнатах, мы разместились вчетвером: в первой комнате помещался гвардейской артиллерии поручик Форселлес;**[285] он был ранен в кисть руки. Рана хотя не очень опасная, но он, бедный,

---

* Крепость Внезапная ныне упразднена.

** Кажется, ныне в отставке, проживает в Темир-Хан-Шуре.

очень страдал и проводил бессонные ночи; малейшее сотрясение производило страшную боль, а тут, на беду, доски на полу ходили, как клавиши. Во второй комнате расположились: я, лейб-гвардии Измайловского полка поручик Козлянинов, раненный в обе ноги и в нос, и лейб-гвардии Литовского полка поручик Лапа,* раненный довольно легко в руку. Нам было просторно и удобно, но с каждым днем я все более и более слабел; отделение костей, нарывы и сильное нагноение окончательно меня изнурили; открылся сильный кашель, кровь и материя, вместо истечения из раны, которая почти была сухая, шли горлом. Дни мои были сочтены; я уже еле дышал. Потом уже мне сказали, что Костимиревский назначил мне жизни один день, но он же и спас меня, ухитрившись приладить иначе перевязку: из мокрой газетной бумаги сделал валик, умудрился его очень туго прикрепить бинтом с левой стороны груди, чтобы не допускать материю просачиваться из раны в грудную полость. Кашель тотчас начал уменьшаться, образовался ниже плеча, на груди, нарыв — его вскрыли; потом силы поддерживали хересом, крепкими бульонами, и я начал быстро поправляться, так что в конце сентября, при посторонней помощи, мог прохаживаться по комнате. Все это время Козлянинов меня не оставлял и нравственно поддерживал; письма от родных, знакомых, полные сочувствия, доставляли истинную отраду. Во время самого кризиса я просил Козлянинова прочитывать их по нескольку раз; он же был моим секретарем, отвечая за меня. Козлянинов был человек с отличным сердцем, способен на все честное, храбрый офицер; он всею душой любил своих измайловцев и был вполне достойным представителем этого славного полка. Ранняя смерть Константина Яковлевича лишила нашу армию полезного, деятельного человека.**

Старшим врачом в госпитале был статский советник М., уже порядочная развалина, но предобрый и вместе с тем препотешный старик. Он очень часто с нами беседовал и один раз, с полным простодушием, рассказал про свою женитьбу в Петербурге. Ему предложило одно высокопоставленное лицо жениться, само изволило сватать; но он, подобно мусульманину, невесты не видел, и после свадебного пира тут же подкатила почтовая тройка, вручили ему подорожную, прогоны, и покатил молодой супруг, вместо спальни новобрачной, на погибельный Кавказ. Отъезд мотивировали тем, что он молод, а положение жены требует, чтобы он заслужил некоторые регалии. Спустя несколько лет, М. получил орден на шею и отправился в Петербург, чтобы порадовать жену и с твердым намерением во что бы ни стало или взять ее с собою,

---

* Лапа, кажется, был впоследствии полицмейстером в Нижнем Новгороде.

** Командуя, кажется, Прагским полком, убит в последнее восстание в Польше, в 1863 г.; говорят, что повстанец рассек ему топором голову.

или жить с нею в Петербурге. Является утром, его принимают очень любезно, тотчас ему представили его детей, которые, хотя все значились по формуляру, но он их видел в первый раз; отвели ему комнату на другом конце обширной квартиры, под видом того, чтобы не беспокоили дети. Надо знать, что в то время на Кавказе была мода носить бешметы; и вот, почтенный М., когда его позвали вечером пить чай, полагая произвести известный эффект, нарядился в новый бешмет и явился с длинным чубуком в руках, пуская ароматный дым. Но каково было его удивление, когда супруга, назвав его невежею, просто выгнала вон, и утром он получил строжайшее предписание от начальства — немедленно отправиться к месту служения. Судя по интонации голоса, казалось, больше всего оскорбило М. последнее событие, и он с тех пор в Петербург больше не ездил.

В числе раненых, лечившихся в Внезапной, был и полковник Альбрант.[286] После операции 14 июля, по прибытии отряда в Герзель-ауле, он тотчас отправился во Внезапную и жил в доме полкового командира. Когда Лев Львович начал выходить, часто нас посещал, а потом и мы к нему ходили. Это была личность недюжинная: среднего роста, брюнет, глаза искрились огнем; владея вполне словом, он говорил увлекательно. Трудно допустить человека более энергичного и симпатичного; при этом он был экзальтирован. Из наших частых бесед вот два эпизода, сохранившихся у меня в памяти, частью из рассказов самого Л. Л. Альбранта, а частью, касательно его женитьбы, из слов родного его племянника, в то время прапорщика Богдановича.*[287]

Л. Л. Альбрант был молодым еще человеком. Не умею сказать, где он служил — в военной или в гражданской службе. Живя в Петербурге, он полюбил одну девушку с полным увлечением молодой страстной натуры; но, когда сделал предложение, чтобы связать себя узами Гименея, ему отвечали, что его тоже любят, но до тех пор не состоится его свадьба, пока он не сделает военного отличия, которое составляло бы ее гордость. Понятно, что искреннюю любовь со стороны девицы подозревать трудно, но довольно было одного слова — и Альбрант полетел на Кавказ. Молодой Альбрант попал в адъютанты или состоял при бывшем командире Отдельного Кавказского корпуса, бароне Розене — хорошо не помню; но был в экспедиции, окончившейся взятием Гимр и смертью знаменитого Кази-муллы, предшественника Гамзат-бека, а потом Шамиля.[288] Альбрант был послан, с двумя ротами тифлисского полка, на штурм башни; левее шли эриванцы на укрепленные завалы. Со стороны атакующих тифлисцев башня стояла довольно высоко, одно

* Смертельно ранен при отступлении от аула Гурдали, 11 августа 1852 г.; в тот же день умер в чине капитана.

лишь окно, в которое можно было влезть, и по сторонам несколько бойниц. Тифлисцы подбежали к башне; предстояло лезть в окно на верную смерть, по крайней мере, первым смельчакам. Альбрант обратился к солдатам: «Братцы! Кто честный русский солдат, тот за мною, — подсадите!» С этими словами он полез первый. Когда Альбрант поднялся в окно, его осыпали пулями, и одна пробила ему грудь навылет. Единственной мыслью у него было — упасть вперед, а не назад, что он и успел сделать. За ним влез фельдфебель, затем, поодиночке, и остальные. Конечно, первые герои пали, но остальные перекололи всех, бывших в башне горцев, в том числе пал и Кази-мулла. Когда окончилось дело и начали вытаскивать из башни тела убитых горцев и своих, последним вытащили, без признаков жизни, Альбранта. Он пал первым, и все, влезшие в окно, прыгали на него. Тут случился молодой врач, который заметил в нем признаки жизни; оказано было пособие, а молодость и энергия поставили его на ноги, хотя и не скоро. Лев Львович, когда несколько оправился, поехал в Петербург. Мысли о женитьбе уже не было. Прошло несколько лет, можно было успокоиться и убедиться, что кого любят, того не подвергают случайностям войны. Он не был в доме своей возлюбленной. Уже довольно долго прожил в Петербурге. Как-то раз, возвращаясь после веселого завтрака у Дюссо,[289] он вдруг встречает ее брата, который, по-видимому, ужасно обрадовался встрече. Тут ловко было вставлено, что сестра только что узнала о его приезде и с нетерпением желает его видеть. Альбрант вспыхнул; вся прежняя страсть воскресла живее; берут извозчика, едут. На лестнице он слышит звуки пьесы, которая его некогда сводила с ума; вбегает, падает на колена — и все кончено. Через месяц была свадьба, а после первых родов, которые дали ему двух близнецов-сыновей, он потерял жену. В разговоре с нами Лев Львович, вспоминая о жене с глубоким чувством, говорил, что его жизнь с женою была коротким сном, единственное, лучшее, светлое в его жизни…

Не знаю, до женитьбы или после, Лев Львович, по предварительному согласию нашего и персидского правительства, был послан в Тегеран, чтобы вывезти оттуда, если пожелают, несколько сотен наших беглых и пленных. Очень понятно, приезд Альбранта не мог понравиться шаху и персидским властям. Первый не дал ему даже аудиенции. Наши составляли особую стражу, нечто вроде гвардии при властителе Персии, помещались в особой казарме, и жилось им относительно не дурно. Лев Львович, представившись властям и получив разрешение, отправился в казарму и, с свойственным ему увлечением, сказал беглецам речь, напомнив им о родине, о церкви, о присяге в верности Царю, и заключил, что им будет дано полное прощение, за что он отвечает, и что он нарочно прислан, чтобы им все это объявить

и вывезти из Персии. Ораторствовал он, забравшись на нары, и, окончив речь, предложил желающим отделиться в одну сторону. Постепенно почти все согласились возвратиться, но тут один из слушателей отозвался: «Что, братцы, он балы-то точит; небось, говорит красно, теперь все обещает, а потом, как придем, нас всех расстреляют или разошлют по арестантским ротам». В мгновение ока Альбрант подскочил к оратору, отпустив полновесную пощечину, и крикнул: «Как ты смеешь так говорить при офицере? Молчать, каналья!» Тотчас невольно опустились руки у дерзкого. «Виноват, ваше высокоблагородие, больше не буду, это по глупости». Эта находчивость Альбранта окончательно дала толчок, и все без исключения изъявили согласие идти из Персии. Чтобы еще более увлечь этот сброд, Лев Львович, ничего не пивший, три дня с ними пировал; на четвертый день разделил всю команду на роты и капральства, назначил старших и в строгом порядке выступил из Тегерана. Но перед выступлением роздал каждому по одному патрону, с тем, что они могут его убить, если не будут все поголовно прощены.

Независимо рассказа об этом самого Альбранта, все подтвердил и дополнил хорунжий, кажется, Моздокского полка, который в то время был казаком, ездил с ним в Персию и, по случаю болезни Льва Львовича, по старой памяти, ухаживал за ним во Внезапной.

Эти только что рассказанные два эпизода из жизни и деятельности Льва Львовича Альбранта отчасти его характеризуют; притом он был до крайности добр и очень мягкого характера. Умер впоследствии в чине генерал-майора, начальником одного из отделений бывшей Черноморской береговой линии.

С начала октября здоровье мое начало поправляться; много костей уже отделилось и вынуто; было решено, что пулю извлечь нельзя. Я делал уже легкие прогулки по крепости, но в халате. В конце октября приехал во Внезапную начальник левого фланга генерал Фрейтаг. Командир полка, потребовав полкового адъютанта, штабс-капитана Козинцова,*[290] отдал приказание: «Позвать, как... наших дам сегодня на бал». А их-то всех было четыре, да госпитальных три, итого — семь. Впрочем, у аптекарши было чуть ли не пять дочерей — старшей десять, младшей пять лет; они тоже считались дамами, и прапорщики с ними упражнялись в танцах. В то время были у нас еще короткие мундиры, и они далеко были не у всех; поэтому многих из офицеров не было на балу; я же, как раненый, был в сюртуке, который с большим трудом надел первый раз. Тут же, на балу, полковым командиром я был представлен генералу Фрейтагу, при нескольких лестных отзывах. Роберт Карлович протянул мне руку и сказал несколько простых, ласковых слов, спросил,

* Убит в чине капитана, в 1847 г., в набеге к аулу Зондак.

между прочим, о состоянии здоровья. Квартира полкового командира была довольно тесная, танцевали в маленькой зале; музыка помещалась в сенях, и что она там играла — трудно было разобрать; но шуму было много. В антрактах, между кадрилями, ставили для дам варенье, маркитанские конфеты; но чуть повестка кадрили — все уносилось, чтобы прапорщики не поели. Надо полагать, что распоряжение было не от хозяина, а изобрел его мажордом. Закуска в особой комнате для офицеров, правда, далеко не изысканная, зато обильная, то и дело подновлялась. Часов в 12 — ужин, в этой же зале, где танцевали; бесконечное накрывание стола, за ужином тост за здоровье виновника торжества, потом желе — официальное пирожное в то время во всех торжественных случаях; одним словом, бал, как следует.

В те времена штаб-квартирная жизнь была далеко не привлекательная: полковых собраний не было, библиотеки заключались в нескольких периодических журналах — и то, они читались немногими; квартиры отвратительные, общества никакого, все жили на походную ногу. Вся форма заключалась в сюртуке с контр-погончиками; широчайшие верблюжьи шаровары, непременно с шелковым очкуром, дополняли костюм, да азиатская шашка под серебром, неразлучная спутница каждого; зимою — шубка из мерлушек азиатского покроя. Вот костюмы, в которых ходили офицеры и дома, и на службе, и представлялись начальству. Считалось у нас еще большим шиком иметь под сюртуком шелковый бешмет и на поясе кинжал, — тогда уже сюртук расстегнутый. Я помню, как сегодня, в описываемую экспедицию у В. М. Козловского был зеленый бешмет, на поясе большой кинжал под серебром; в этаком костюме, для начальства, и то — большого, застегивались верхние три пуговицы на сюртуке; но дисциплина, однако, от этого не страдала; напротив, она была образцовая.

Как видит читатель, скарб у офицеров был небольшой; зато, редкий из них не имел хорошей верховой лошади, с приличным азиатским седлом, и все лихо ездили верхом. Большинство офицеров было занято ежедневно службою, а свободные сходились, как говорилось, «заводить толковище»; обыкновенно являлась водочка, закусочка и зачастую требовались песенники — утро ли это, вечер, или ночь, все равно — как прийдет вдохновение; это считалось делом обыкновенным. Сказать, что мы в то время не читали, будет не совсем верно; напротив того, в большой моде тогда были три журнала: «Современник», «Отечественные записки» и «Сын отечества»; но они читались при различных условиях, например: в походе читали всегда «Современник», это — спирт; в штаб-квартире всегда «Отечественные записки» — очищенная; ну, а «Сын отечества» — полугарь, только при неимении других журналов.[291] Публика соберется в несколько человек; немного почита-

ют — ну и весело. Маркитантская лавка представляла собою нечто вроде клуба: там пили портер, привилегированное аристократическое питье, и всегда мы его имели отличного качества; сардинки, сыр и колбаса, единственные привилегированные закуски, отвратительного качества. Вообще, жили очень неприхотливо. По вечерам обыкновенно человек десять, иногда больше, собирались в полковую канцелярию — узнать новости и сплетни. Так проходили дни за днями. Одни тревоги чуть ли не каждый день несколько нарушали монотонность, но и к ним так привыкли, что если кого-нибудь притащат на носилках, то это не нарушало обыденных привычек: никто не был застрахован от смерти или раны. Много надо было иметь силы воли, чтобы так долго прожить; однако до того свыклись, что и под старость грустили об этой жизни: видно, привычка — другая натура.

Приходила оказия* с линии; она привозила почту и все новости. Это событие нарушало на несколько часов обыденную жизнь. Оказия посылалась раз в неделю в укр. Ташкичу, с небольшим 30 верст; на другой день свежая рота шла в Амир-Аджи-Юрт; к вечеру — назад, и на третий день колонна возвращалась во Внезапную. В оказию назначалась рота с орудием, иногда две и больше, последнее зависело от сбора поблизости горцев. Обыкновенно несколько человек молодежи отпросятся в Ташкичу, под видом покупок. Всегда отпускали; но чуть оказия скроется из вида крепости, нагайка щелкнула — и были таковы! К вечеру — в Червленой или в Щедрине; это верст 80. Там дневка, и на третий день, не доходя Внезапной, догонялась оказия и возвращались как ни в чем не бывало. Конечно, никто никаких покупок не делал, и все это знали.

Станица Червленая была своего рода Андалузия; все мечты стремились туда. Недаром и песня была сложена:

В Ташкичу я не хочу,
В Грозную не надо;
А в Червленую пойдем —
Там все радости найдем.

В те времена женитьба считалась роскошью, и это право принадлежало денежному люду, например: казначею, квартермистру, которым и подобало вступать в законный брак; прочие, вообще, не торопились расставаться с свободою. Впрочем, сказать правду, и приманки не было, и, конечно, невесты не засиживались, если судьба их забрасывала в штаб-квартиру. Тут не разбиралось, есть ли зубы, или нет, — все равно. Не то, что теперь, когда все, очертя голову, женятся — впрочем, и не без причины, если присмотреться ближе.

---

* Колонна.

Около половины ноября мы с Козляниновым решили вместе выехать из Внезапной; я — в Ставрополь, чтобы лечиться у родных, а он намеревался пробраться в Новгородскую губернию, тоже к родным. Купили повозку, что-то вроде брички. 20 ноября, с оказией, выехали, и только 23-го добрались до Червленой. Каждое сотрясение производило страшную боль. Я было решил совсем возвратиться обратно, но товарищ уговорил ехать дальше; я согласился, и мы условились делать две-три станции в день, а иногда и дневку; первую сделали 24-го ноября, в ст. Червленой.

Утром мы находились еще в постели, когда к нам зашел барон Франк,[292] поручик нашего полка;* в сущности, он был хороший малый, но службы не любил; пристал к нам, как с ножом к горлу, чтобы вечером быть на балу у князя Гагарина, по случаю именин его сестры, и что ему поручили нас пригласить. Нам было не до бала, и мы отказали наотрез, что больны, не можем одеться, да и незнакомы. Через час опять является барон, опять настойчиво упрашивает быть на балу, говоря, что мы можем быть в каком угодно костюме; нас, как раненых, просили не стесняться, что за нами пришлют экипаж и, наконец, сама княжна собирается нас навестить. Не знаю, может быть, Франк последнее от себя прибавил, но это меня до того напугало, что я согласился быть, лишь бы княжна не приезжала. Как ее принять в казачьей избе? Да и одеваться — была своего рода пытка. Однако, когда барон ушел, мы решили все-таки не быть на балу, если за нами не пришлют; но через час является казак от князя с вопросом: в котором часу прислать экипаж? Пешком, мол, прийдем — был ответ.

Вечером опять является, как злой дух, барон Франк и с ним два казака с фонарями. Делать нечего, надо идти — и мы отправились. С трудом мы пробирались, обходя страшную грязь. Выйдя на площадь, мы увидели залитый огнями двухэтажный дом командира Гребенского полка, полковника Суслова,** который большую часть своей квартиры уступил семейству князя Гагарина.

Прикомандированный к Гребенскому полку, кажется, в то время ротмистр по кавалерии, князь Гагарин, с целым семейством, жил в Червленой; надо полагать, что ему некуда было деваться, если он не нашел лучшего места. При нем жила и его сестра, княжна Екатерина, виновница торжества. Впоследствии князю Гагарину, под Гергебилем или Салтами, оторвало ногу, и он слыл под названием безногого Гагарина; куда же потом девался — не знаю.

Наконец, добрались. У дверей освещенной залы любезно нас встретил хозяин, представил капитану, молодой, весьма красивой женщине, с прекрасного цвета пепельными волосами; потом — швейцарке, гу-

---

* Перешел в казаки и, кажется, умер.

** Ныне генерал-лейтенант, состоит по кавалерии.

вернантке; наконец, из боковых дверей выходит княжна. Нас представили, и я тут растерялся по следующим причинам: во-первых, я воображал княжну идеальною красавицей; тут — наоборот: довольно полная и не первой молодости девушка, у которой оспа оставила на лице страшные следы; во-вторых, не успели мы поклониться, княжна посыпала мелким бисером по-французски, да так безостановочно, что я никак не мог выбрать момента, чтобы сказать, что не говорю по-французски. Княжна имела, по-видимому, привычку всегда близко стоять, с кем разговаривает, так что даже дыхание ее слышно; я начал тихонько пятиться; она наступает; наконец, сзади — диван, и отступление отрезано. Речь княжны была без перерыва, и сначала я, должно быть, был пресмешной, выпучив глаза и не зная, что мне делать; я первый раз в жизни был на княжеском балу и чистосердечно в уме каялся, что не говорю по-французски. Потом постепенно возвратилось самосознание; я рассудил, что все равно ничего не понимаю, и начал рассматривать публику. Кругом стен, на стульях, восседали мамуки и нянюки.* Между ними было очень много красавиц. Своеобразный азиатский костюм, который я видел в первый раз, поразил меня оригинальностью; было несколько дам и в европейских костюмах. Наконец, все рассмотрел; оставалось пересчитать только разве свечи, а княжна все продолжает. Но вдруг, по голосу я догадался, что мне предложили вопрос; я скромно ответил, что не говорю по-французски. Княжна была очень любезна, нисколько не изменяясь, повторила то же по-русски, только покороче. Дело в том, что лейб-гусар князь Мещерский,[293] большой ее друг, был тяжело ранен, и его повез в Москву мой родной брат, доктор, которого княжна считала очень любезным и острым.

Заиграла музыка — уж, право, не помню, какая. Начались танцы: кадриль, вальс и очень часто лезгинка, которую танцевали одни станичные дамы. Лезгинку я тоже видел в первый раз. Этот грациозный танец не лишен прелести, если его танцует хорошенькая женщина. Мне кажется, ни в одном танце женщина не имеет возможности так выказывать свою грацию и кокетство, как в лезгинке; но для этого, действительно, надо иметь и то, и другое.

В половине вечера опять княжна подсела ко мне. Ей, по-видимому, нравилось неожиданными оборотами речи конфузить молодого, неопытного юношу. Может быть, это напоминало ей прошедшую юность? Но надо отдать полную справедливость и уму, и любезности княжны Екатерины, хотя мне было и не под силу поддерживать разговор, — что она не могла не заметить.

---

* Гребенские казаки — старообрядцы — говорят особым русским наречием; замужние женщины называются мамуками, а девушки — нянюками.

Гостеприимство чисто барское и любезное внимание хозяев ко всем гостям бросалось вместе в глаза, хотя незаметно по их лицам и скользила иногда улыбка, при неловкости некоторых гостей. Ужинали на маленьких столиках. Меня, Козлянинова и сотника Федюшкина* княжна пригласила к своему столу. Федюшкин был в полном значении слова красавец и, по-видимому, очень нравился ей.

Возвратясь поздно домой, я, хотя чувствовал себя очень усталым, но далеко не раскаивался, что воспользовался любезным приглашением на бал. Нельзя было не оценить того внимания и любезности, которые выказало нам семейство князя Гагарина. Год спустя я встретился с ними на водах в Кисловодске. Я был опытнее и, несмотря на все любезные приглашения, ограничился одним визитом: это общество — не моей сферы, так незачем туда и стремиться.

На другой день мы тронулись дальше. Ехали шагом, с дневками. Дорогою, где были военные врачи, они осматривали нас с полною предупредительностью, и наконец только в первых числах декабря дотащились до Ставрополя, где я остался, а мой добрый товарищ, погостив у моих родных дня три, потащился в свои Боровичи.

VII

Несколько слов о походе 1845 года в Андию и Дарго.

Поход в Андию и Дарго принадлежал к тому периоду военных действий на Кавказе, когда еще не была выработана строго обдуманная система ведения войны, — говорим, система, потому что горная война против воинственного населения, прикрытого недоступною или трудно доступною местностью, независимо плана, требует еще и системы. Движение в горы, разорение аулов наносили неприятелю сравнительно незначительный вред; имущество обыкновенно успевали жители уносить в леса и трущобы, где скрывались и семейства; аулы жгли, но ничего не стоило их опять возобновлять на прежних местах, особенно, если они вдали от наших укреплений. Горцы, сравнительно, несли потери гораздо меньше нас, потому что они были вооружены нарезными винтовками, которые стреляли и дальше, и вернее наших весьма плохих кремневых самопалов. К тому же горцы был искусные стрелки, приучаясь к стрельбе чуть ли не с детства; нашим же солдатам некогда было учиться стрелять, и искусство заменялось огромным количеством выпускаемых патронов на каждый горский выстрел. Затем, горцы ис-

* Ныне генерал-лейтенант.

кусно умели пользоваться местностью и действовали врассыпную; мы же должны были двигаться массами. Горец легко одет, без всякой ноши, быстро мог переменять место; наши же солдаты, с тяжелым боевым снаряжением, зачастую с шестидневным сухарным запасом, шанцевым инструментом, должны были двигаться медленно. Вот и главная причина, почему мы, сравнительно, несли громадные потери.

Плохое оружие было главною причиною принятого строя при движениях в Чечне: это был так называемый *ящик*, т. е. по всем четырем сторонам цепи, потом — поддержки, резервы и в средине обоз. Введение нарезного оружия, вместе с которым впервые обращено было внимание на обучение стрельбе, сразу дало нам перевес в бою; и с этого лишь времени ящик начал терять свою форму: выдвигались отдельные боковые колонны, и неприятель уже не рисковал подходить близко, а должен был держаться на таком расстоянии, что его выстрелы были или совсем недействительны, или пули, на излете, приносили незначительный вред. Вместе с введением нарезного оружия совпадает отчасти и принятая последняя система ведения войны, что и ускорило падение Кавказа.

Теперь перейдем к краткому очерку ведения военных действий.

В командование генералом Ермоловым кавказским корпусом, мюридизм еще не был в силе, хотя к этому времени надо отнести его начало. В Чечне один-два батальона ходили свободно; от пушечного выстрела разбегалось все; а в Дагестане каких-нибудь четыре батальона держали в страхе всю страну. В то время горцы были еще совершенно неопытны в деле войны, не были сплочены под одною властью и не были связаны одним интересом; оттого еще не выказались способные военные люди. Общее восстание Чечни в 1840 году,[294] присоединение к мюридизму, признание Шамиля имамом и подчинение его власти были началом кровопролитной борьбы последних 20 лет, которая потребовала страшных усилий России. Предприимчивые и смелые люди Чечни, как, например: Ахверды-Магома, Шуаиб-мулла, и позднее, в Дагестане, Хаджи-Мурат, не считая многих второстепенных, не только содействовали упорной войне с нами, но не раз имели и перевес. Постепенное напряженное состояние наших войск, которые должны были прикрывать и нашу казачью линию, и покорные нам аулы; дерзкие набеги горцев в наши пределы вызвали и с нашей стороны такие же набеги, которые немало стоили русской крови, не принося никакой пользы. Этими набегами многие начальники подчас и злоупотребляли. Конечно, войска делали свое дело, дрались отлично, но в общем — это было без всякой цели. Всякий набег (а они по всей занятой нами линии были не редки) стоил нам подчас сотни раненых и убитых; писались реляции, прославлялась потеря наша, а неприятельская всегда больше, — ведь ее прове-

рить было невозможно, и всегда обозначалось: «неприятель потерял самых лучших людей». Сложился по этому поводу даже следующий анекдот: адъютант, докладывая начальнику реляцию, спрашивает: «Ваше превосходительство, сколько прикажете показать потери у неприятеля?» — «Да что их жалеть! Покажите столько-то». Если по всем реляция сосчитать показанную потерю неприятеля, то надо удивляться плодовитости горцев, когда еще их так много осталось после покорения Кавказа. Неудачная экспедиция в Ичкерию генерала Граббе в 1842 году имела ту же цель и тот же характер, как и в 1845 году экспедиция в Дарго, с тою разницею, что последняя велась с другого конца;[295] но обе стоили огромных потерь и не принесли никаких результатов. Впрочем, последняя положила начало систематическому движению вперед, посредством проведения просек, устройства укреплений на более важных пунктах, а также целого ряда казачьих станиц и т. д. Мысль делать просеки принадлежит, кажется, генералу Ермолову, который, в двадцатых годах построив на реке Сунже кр. Грозную, сделал просеку в Ханкальское ущелье; потом просеки были оставлены, и уже при главнокомандующем князе Воронцове были сделаны просеки: гойтинская, гехинская, на Валерике и дальше к Ачхою. Но рядом с этим набеги получили большее развитие. Князь Барятинский окончательно развил и настойчиво преследовал систему просек. Набеги совсем почти прекратились; раз занятый пункт уже не оставлялся. Круглый год медленно, но прочно подвигающиеся вперед отряды, уже не без цели, а по строго обдуманному плану, решили судьбу Кавказа. Воинственная Чечня, разоренная, скученная в горах, истомленная долгою борьбою, должна была покориться, а с нею пал и Дагестан, который без Чечни не мог держаться, потому что доступ к нему уже был открыт со всех сторон. В составлении метода, хотя медленного, но настойчивого движения вперед, немало было в основании — знание характера горцев. Насколько горцы воинственны, настолько, если не больше, легковерны: малейший их успех или оставление на время нами пункта давало идею о нашей несостоятельности — чем ловкие люди успевали пользоваться и подымали нравственный дух до невозможности. Система набегов, и в них жаркие схватки, постоянные тревоги, делали войска закаленными в боях и трудах: для солдата того времени не было невозможного; наша пехота поистине была идеалом, о котором в настоящее время можно лишь мечтать. В параллель с этим офицеры тоже были отличные, правда — не паркетные, и многие частенько читали «Современник», но на них всегда можно было положиться, как бы трудно предприятие ни было. Между ними и солдатами была тесная связь, потому что одинаково все подвергались опасностям и равно несли труды. Солдаты уважали своих офицеров и искренне их любили.

Рассматривая затем собственно экспедицию 1845 года в Андию и Дарго, нельзя не прийти к заключению, что началом неудачи служит огромный падеж транспортных лошадей. Страшные непогоды, имеющие особенный характер в горах, бездорожье или вместо дорог крутые каменистые тропинки, недостаток корма для такого огромного количества лошадей, независимо тяжестей на вьюках, на большое расстояние — вот главные причины падежа лошадей. Все это отчасти трудно было предвидеть, хотя и много было опытных служивых. От медленной доставки провианта мы еще в Андии ощущали в нем недостаток и бесполезно стояли на месте в ожидании подвоза припасов.

Главную неудачу мы потерпели в так называемой «сухарной экспедиции» 10-го и 11 июля, давшей нам большую массу раненых, которых надо было нести и везти. Большая потеря продовольственных припасов и боевых снарядов, брошенных в лесу, выразилась в значительном во всем недостатке; брошенные в лесу три горных единорога, а также брошенные там же убитые и раненые подняли до того нравственный дух горцев, что, когда мы были расположены у Шаухал-Берды, женщины из окрестных деревень собрались с мешками, чтобы делить добычу.

Нам кажется, что можно было бы избегнуть катастрофы в «сухарной экспедиции», если бы при прохождении леса 6 июля между Андией и Дарго в нем мимоходом устроить две сильные засеки и в каждой оставить по батальону, с двумя единорогами; тогда, конечно, неприятель не мог бы устроить вновь завалов и не пришлось бы в этом лесу иметь отчаянный бой. Могут возразить, что в лесу не было воды; да ведь Аксай всего в двух верстах, и лагерь — в трех: можно бы было, при смене, приносить с собою воду в манерках, в котелках, даже в ротных котлах; ведь не раз приходилось воду носить и дальше. Главную неудачу боя 10-го и 11 июля надо приписать наряду в колонну сборных частей. Подобный наряд никогда не приносил пользы и не должен был быть допускаем. Нам тогда же было известно, что генерал Клюгенау против этого протестовал, но на это не было обращено особенного внимания, а это именно и было началом неудачи. Потом, выбор людей для исполнения всякого дела — есть главная задача; по нашему разумению, в данном случае, не было обращено должного внимания. Например: Клюки фон Клюгенау, беспорно, был храбрый и дельный генерал, но большая часть его деятельности была в Дагестане, где был особый метод боевого порядка, и наоборот, генерал Лабынцев всю свою службу был в лесных походах, требующих особого навыка. Казалось бы, дело 7 июля следовало поручить генералу Клюгенау, а 10-го и 11 июля — генералу Лабынцеву. Потом, генералу Клюгенау были назначены помощниками генералы: Пассек и Викторов. Первый — пылкий, способный, любимый войсками; последнего никто не знал, — да

и бывал ли он еще в делах? Не лучше ли было вместо Викторова назначить одного из полковых командиров, Козловского или Бибикова, которые бесполезно оставались в лагере без всякого дела. Весьма важно во всяком деле, особенно в военном, уметь выбрать человека для исполнения известной операции, и весьма ошибаются те военачальники, которые думают: кого бы не назначить для исполнения их предначертаний — лишь бы соответствовал чину. Войска дисциплинированные пойдут за всяким, но пойдут иначе за тем, кого знают, кому доверяют. Ведь тут дело идет о жизни, которая каждому дорога, а войско далеко не есть безжизненное бревно, которым можно ворочать как угодно; наоборот, это живая машина, которою должен управлять привычный механик, знающий хорошо малейший винтик ее и умеющий один из них подвинтить, другой — ослабить, там подмазать и т. д. Великий Суворов это очень хорошо понимал, всегда умел сделать выбор, что кому поручить, и его армия не знала поражений. Почему, например, все бывшие корпуса имели один состав, однако 3-й, 4-й и 5-й были лучшими боевыми и считались самыми надежными? Очень ясно — к корпусным командирам войска имели полное доверие, и за ними везде шли безусловно, веря в победу.

При всей неудаче в делах 10-го и 11 июля движение из Дарго к Герзель-аулу могло бы быть исполнено с меньшими потерями, если бы было более обращено внимания на порядок в обозе. Что там творилось — одному Богу известно. При выступлении из Андии на какие-нибудь без малого десять тысяч войск, не считая главнокомандующего, начальника главного штаба и начальника главного действующего отряда, было семь генералов, огромный главный штаб, потом — отрядный, независимо штаба 5-го корпуса, который был тут же; адъютантов — целый легион, все это люди комфорта; масса вьюков, а при них прислуга избалованная, не подчиняющаяся каким бы то ни было распоряжениям, упираясь на значение господ в штабе; в соединении с пешею милицией они производили полнейший беспорядок в обозе, что немало содействовало увеличению потери, так как требовалось не по силам растягивать боковые цепи, прорываемые неприятелем, как это случилось 14-го и 16 июля.

Нам кажется, что движение в Дарго было бы удобнее от Герзель-аула, если бы у этой крепости собрать ту же массу войск, которая сосредоточилась за теренгульским оврагом, придав пехоте, не считая саперного и стрелкового батальонов, по 300 топоров на каждый, что составило бы 6300 топоров. В десять дней, много в две недели, не только была бы сделана просека до Дарго, но и колесная дорога до Кетечь-Корта. Тогда потери, в общей сложности, были бы гораздо меньше; доставка провианта на колесах обошлась бы гораздо дешевле, и тогда,

конечно, нанесен был бы Чечне удар и ускорено бы ее падение, так как от Кетечь-Корта до Ведено всего верст 15, и занятием Харачаевского ущелья главные пути в Дагестане были бы в наших руках, не говоря уже о том, что из Дарго и Ведено мы господствовали бы над всею Чечнею, с которой управиться было бы уже не так трудно.

Когда факт совершится, его легко подвергнуть критическому разбору. Теперь прошло много уже лет, и об экспедиции 1845 года легко трактовать. Никто не знал, кроме главнокомандующего, причин, по которым было поступлено так или иначе, поэтому можно рассуждать об его действиях только по совершившимся фактам. Во всяком случае, по трудности экспедиции, громадности жертв, 1845 год есть знаменательный в шестидесятилетней борьбе России с дикими горцами. С этого года выработался более верный взгляд на ведение кавказской войны, которая увенчалась покорением всего Кавказа.

Природа Алжира, с которою так долго боролась Франция, не может сравниться с Кавказом, изрытым громадными горами, непроходимыми дебрями, покрытым вековыми лесами. Исполать вам, богатыри земли русской! Вы доказали, что перед вашей мощной силой все должно пасть. Вечна память павшим героям! Ваши кости разбросаны по всему Кавказу. Слава оставшимся в живых! Вас уже осталось не так много. Теперь взоры России обращены на новые интересы, а при всякой новинке старое забывается скоро. Но поздняя история, чуждая всякой зависти, беспристрастно вас оценит, и ваша доблесть и достойное удивления терпение, при перенесении трудов, для славы Государя и отечества, будет прекрасным примером для грядущего поколения.

VIII

Посещение Дарго через 28 лет.

В начале моего рассказа было упомянуто о посещении Дарго 8 мая 1873 года. Я прибыл в укр. Ведень для инспекторского смотра Куринского полка и, расспрашивая о Дарго, о дороге туда, выразил желание когда-нибудь побывать еще там. Командир названного полка, полковник Ломновский,[296] после окончания смотра, обязательно предложил мне прогулку в Дарго.

Утром, 8 мая, несколько офицеров полка, окружной начальник, в сопровождении нескольких чеченцев, отправились все вместе в Дарго; в этой поездке приняла участие и жена полкового командира. Дорогою моему воображению живо представилась вся местность Дарго

и экспедиция 1845 года, так что, до спуска в Кетечь-Корт, откуда открывается верхняя долина Аксая, в которой расположен аул Дарго, я с полною уверенностью говорил, между прочим, что найду даже дерево, около которого ранен, описывая его вид. Издали долина Аксая показалась как будто меньше, чем я ее помнил. Приехав в аул, мы наскоро позавтракали и отправились на гору, где было дело 10-го и 11 июля. В 1845 году с этой горы я спустился ночью, 6 июля, с перестрелкою; 11-го поднялся, и мне казалась не так высока гора, как в этот раз. Подымаясь верхом, поневоле пришлось сознаться, что тогда был молод, а теперь уже начинаю стареть, поэтому и верхом ехать кажется и долго, и круто. Площадка на горе не изменилась, только вырублена часть леса на стороне, где я с ротою занимал левую цепь. Поехали мы сперва к перешейку, где был главный завал. Конечно, его и признаков не было: по сторонам, в густой траве, еще местами валялись кости наших убитых; чеченцы мне их подносили. Грустно мне было вспомнить о павших братьях, и я благодарил Бога, что мои кости, подобно этим, не валяются; еще живее представилась картина былого. Возвращаясь, я без особенного труда отыскал дерево, около которого был ранен; оно уцелело от топора, потому что это был довольно толстый чинар; он сильно был испещрен пулями, несколько выше головы, по моему росту, и только знаки от пули приняли коричневый вид. Не скрою, я был очень доволен, что память мне не изменила.

Возвратясь в Дарго, после краткого отдыха, вся компания расположилась обедать на коврах, в саду аульного старшины. Чистый горный воздух, прогулка и любезное гостеприимство хозяев подзадоривали аппетит, и мы вполне сделали честь прекрасному обеду. Постепенно начали собираться глазеть на нас чеченцы; потом пришли девушки и начались танцы. Чеченцы совершенно дружелюбно с нами разговаривали. Я заметил: как же они танцуют лезгинку без выстрела из пистолета. Тотчас явился пистолет; танцевал чеченец лет сорока, и когда надо было выстрелить, то не только он отвернулся, но даже после выстрела вздрогнул, что заметно было и в большинстве окружающих. Я подумал, что это уже не те грозные ичкеринцы! Их прежде выстрел одушевлял, и приемы с оружием были другие; еще десять, двадцать лет спокойной жизни, и эта грозная некогда Чечня, с улучшением своего быта, будет все более и более благодушествовать, а вместе с этим и обленится. И будет время, когда они будут тем же, что и казанские татары; положим, не скоро, а все же будет...

Уже поздно вечером, довольно усталые, мы возвратились. Я не мог всю ночь уснуть — так на меня подействовало впечатление дня, и уже утром пришел к следующему заключению: молодости не воротишь; это уже пропащее дело! А раз, что это решено — лучше под старость,

в чине генерала, видеть места, некогда обагренные собственною кровью, чем быть каким-нибудь, положим, усть-сысольским городничим, о чем я мечтал, когда томился, раненый, в госпителе. И возблагодарил я Господа, что предпочел всему строевую службу и что мне пришлось еще раз посетить эти места через 28 лет, в настоящем служебном положении.

31 августа, 1876 г.
г. Грозный

Н. И. ДЕЛЬВИГ

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В ДАРГО

В 1845 году наместник кавказский граф Воронцов вознамерился предпринять сильную экспедицию, которая бы устрашила и потрясла горы. Подобные экспедиции делались и прежде, но не доставляли нам никакой существенной выгоды. Войска двигались большими массами, по местностям гористым, пересеченным, в трущобах, беспрерывно сражаясь с горцами, несли большую потерю, занимали с бою какой-нибудь пункт, но тем и ограничивался успех: лишь только войска двигались вперед, как на занятой с трудом и потерями местности снова появлялись горцы.

Экспедиции такого рода имели даже вредное влияние на край, возвышая нравственный дух горцев, видевших, что большие массы войск, испытанной храбрости, хорошо вооруженных, отлично обученных, снабженных всем необходимым, одерживавшие так часто славные победы в Европе, почти ничего не могут сделать против их беспорядочных скопищ.[297]

На этот раз в экспедицию назначены были многие отряды, в состав одного из них поступил и я. В отряде этом, называвшемся *чеченским* и состоявшем под командою генерала Лидерса, находились по два батальона Прагского и Люблинского и по одному батальону Литовского и Замосцского полков. Эти шесть батальонов составляли собственно «русские войска», т. е. пришедшие из внутренней России, которые так назывались в отличие от войск, постоянно находившихся на Кавказе.

Кавказцы смотрели на нас, вновь прибывших, как старшие братья на меньших, неопытных; мы же, напротив того, взирали на них со всем почтением, которое внушали нам рассказы о геройских подвигах куринцев и кабардинцев.

В состав нашего отряда входили также и эти закаленные в боях воины: три первых батальона Куринского и первый и третий батальоны Кабардинского полков. Сверх того, были два батальона навагинцев, также храбрые, но к которым, впрочем, мы почему-то не питали такого уважения, как к кабардинцам и куринцам.

Вся же сила отряда состояла из 12 батальонов пехоты, 10 сотен казаков, более 1000 человек милиции и 30 орудий.[298]

Отряд собрался в крепости Грозной, где некоторое время мы простояли, ожидая, пока соберутся прочие отряды, и оттуда двинулись далее, через крепость Внезапную.

От Внезапной авангардом нашим командовал Сергей Дмитриевич Безобразов, на которого возложено было, миновав Чир-Юрт, заняться исправлением мостов, разрушенных неприятелем. В течение ночи, при порывистом ветре и сильном дожде, усердием офицеров и нижних чинов 5-го саперного батальона, все мосты были исправлены, и 1 июня мы двинулись через Миятлы в Зура-Макенд. 2-го числа мы пришли на Хубарские высоты, где, проходя лесом, услышали первых три выстрела. По странному случаю, все три нанесли вред: у нас было трое раненых, что, однако, не следует относить к особенной меткости стрельбы горцев, а единственно к тому, что они стреляли в колонну.

3 июня мы соединились в Гертме с дагестанским отрядом из 11-ти батальонов и с ним вместе перешли страшный Теренгульский овраг. Овраг этот составлял в прошлом году цель особой экспедиции, кончившейся неудачно: войска наши, не перейдя оврага, возвратились.[299] (Я не участвовал при ее окончании, будучи ранен на ахатлынской переправе.)

Вечером 3 июня мы заняли авангардом Буртунай, приготавливаясь к переходу в Гумбет. Из Салатавии в Гумбет ведут две дороги: одна, более удобная, через Мичикальское ущелье, а другая через перевал же Кирки. Первое было сильно занято горцами, ожидавшими, что мы направимся через это ущелье; перевал же Кирки считался до того непроходимым, что на него обращено было неприятелем весьма мало внимания. (Ошибка, в которую весьма часто впадают.)

Граф Воронцов открыл действия рекогносцировкою на Кирки, составив для сего отряд, под командою генерала Пассека из первых батальонов всех полков. Такой состав отряду был дан для того, чтобы, не обижая других генералов, можно было дать командование им Пассеку, молодому генералу, недавно прибывшему на этот фланг из Темир-Хан-Шуры, но которому предшествовала приобретенная уже им громкая известность. Я присоединился также к свите, отправлявшейся на рекогносцировку. Пока шли к перевалу, местность возвышалась незаметно в гору: дойдя к самому обрыву перевала, мы увидали пред собой крутой, как стена, обрыв, сажени в две глубиной; дальше местность шла несколько положе. Далеко, в самом низу, извивалась довольно узкая долина, на которой виднелось, как бы начерченное на плане, укрепление: это было укрепление Удачное, построенное, генералом Граббе в 1838 году, но впоследствии оставленное.[300] За долиной подыма-

лась опять гора Анчимеер, с покатостью градусов в 45 и длиною около полуторы версты, занятая неприятелем, впрочем, сначала в весьма незначительных силах.

Граф Воронцов и прежде предполагал, что рекогносцировка Кирки может легко обратиться в действительную атаку. Подъехав к спуску и видя, как слабо занята гора неприятелем, он тотчас же послал войскам приказание прибавить шагу. Крутизна обрыва была несколько разработана, и войска, принимая друг друга на руки, быстро начали спускаться в долину.

В это время подъехал к нам Пассек. Это была не первая моя с ним встреча. Вместе с ним я слушал курс в Военной академии, куда он вступил прямо в практическое отделение, и хорошо знал его. Отличительной чертой Пассека было то, что он не мог идти наравне с другими, а непременно хотел быть впереди. Способности у него были необыкновенные, память изумительная, сила нравственная и физическая, молодцеватость и, наконец, дар слова, которым он часто даже злоупотреблял, очень любя спорить. Находясь в академии, он был в дружеских отношениях с Вранкеном,[301] который тоже был охотник поспорить. Однажды я был свидетелем одного из часто повторявшихся между ними споров. После долгих прений Вранкен, не отличавшийся здоровьем, обратился к Пассеку и сказал: «Я хотя не согласен с тобой, но не могу продолжать спорить, потому что у меня слаба грудь». — «А если у тебя слаба грудь, так не спорь», — отвечал Пассек. Впрочем, мы с ним и на Кавказе уже не в первый раз встречались: в Темир-Хан-Шуре я оказал ему раз услугу, указав место на разводе, так как он был не силен в уставе.

Я подъехал к Пассеку, смотревшему нетерпеливо на спуск войск в долину.

— Желаю вам успеха, — сказал я ему, — вы столько их имели, что в исполнении моего желания нет причин сомневаться.

— Всегда вам одно скажу, — отвечал он, — отчего не приехали раньше на Кавказ? Везде своего рода успехи: в Крыму свои, на Кавказе свои.

Говоря об успехах в Крыму, он не думал о пророческом смысле своих слов, а намекал на успехи другого рода.[302]

Между тем, войска окончательно спустились в долину. Пока они устраивались, мы разместились на двух скамейках, образованных странной игрой природы на площадке, где мы стояли, вынули бинокли и приготовились смотреть на драму, которая должна была разыграться внизу. В эту минуту мы были похожи на римлян, смотрящих на бой гладиаторов; к тому же скамейки расположены были амфитеатром, что еще более довершало сходство.

Спустившиеся в долину войска начинали выстраиваться и приготовляться к атаке. Впереди шли куринцы, принадлежавшие к бригаде Пассека, которой он почти еще не видал, только что приехав из Темир-Хан-Шуры, где командовал Апшеронским полком: это было его первое ближайшее знакомство с бригадой, когда она выстроилась внизу. Он подскакал к куринцам, окруженный блестящей свитой; сзади его развивался значок его, белый с серебряным крестом. «За счастье сочту быть куринцем. Примите меня в свой полк», — обратился он к ним. В ответ раздалось громкое «ура!» и полетели на воздух шапки. Воодушевленные приветом, стройно пошли куринцы в атаку на высоту; впереди их рассыпалась грузинская милиция. Сначала куринцы двинулись сомкнутым строем, но потом разомкнулись, так как покатость горы была весьма крута. Третьим батальоном куринцев командовал граф Бенкендорф, получивший за это дело Георгиевский крест.[303] Между тем, пока войска наши спускались и устраивались, горцы, поздно поняв свою оплошность, поспешили передвинуться с Мичикала и занять высоту. На ней они поставили три орудия, не наносившие, впрочем, вреда атакующим колоннам, по причине крутого склона высоты, и стрелявшие все время через головы. Когда войска дошли до вершины покатости, горцы пытались остановить наступление ударом в шашки; но дружный натиск в штыки куринцев и обходное движение с флангов апшеронцев и житомирцев решили дело: горцы поспешно отступили, боясь быть отрезанными.

Между зрителями, смотревшими на бой с нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дело bataille Anchimer (en chimére)[304] намекая на то, что победа досталась нам без большого труда.

Предоставляя судить кому как угодно о достоинстве каламбура, нельзя не сказать, что дело было вовсе не так легко, как казалось. Войска наши шли в гору почти на протяжении полуторы версты, под сильным огнем неприятеля, а в момент самой схватки на стороне неприятеля было преимущество удара сверху вниз; притом же к концу боя горцы успели стянуть на этот пункт до 2000 человек.

Поднявшись на гору Анчимеер, Пассек дал отряду немного только вздохнуть и собраться и сейчас же продолжал движение вперед. Места, где он теперь двигался, были совершенно незнакомы русским, которые до сих пор никогда здесь не бывали; планов и карт этой местности у Пассека также не было, и потому от его предусмотрительности вполне зависел весь успех экспедиции. С свойственным ему военным тактом, Пассек тотчас занял самую высшую точку местности, позицию, которая обеспечивала переход остальных войск, обезопасивала наш авангард от обхода горцев, отлично умеющих ориентироваться в горах и пользоваться местностью, и давала нам полную возможность

наблюдать всю окрестность и все движения неприятеля. Но избранная, на основании таких стратегических соображений, позиция представляла одну важную невыгоду: гора, на которой она находилась, была столь возвышена, что на ней уже не росло лесу, и войска ночью не имели возможности раскладывать костры.

В этой позиции горцы снова пытались атаковать Пассека, но были отбиты с уроном. Между тем, в ночь на 8-е число температура вдруг чрезвычайно понизилась, пошел сильный дождь, который развел землю; потом дождь превратился в снег, а к утру — сильный мороз.

От столь внезапной перемены температуры, которой никак нельзя было ожидать в июне месяце, в особенности пострадал отряд Пассека, который должен был оставаться в занятой им, с тылу Мичикала, позиции до 12-го числа, пока прочие войска отряда, по причине обозов и артиллерии не могшие подняться в том месте, где поднялся передовой отряд, достигнуть Мичикальского ущелья, уже очищенного горцами. Таким образом, отряд оставался на возвышенной безлесной местности почти пять дней, страдая от холода и отчасти от голода: солдатам уже раздавалось только по полупорции сухарей в день.

Люди, измученные днем устройством завалов из камней, всю ночь стояли в ружье, ожидая нападения неприятеля и не имея возможности раскладывать костры, чтоб согреться, они вырывали ямы, в которые ложились по три человека один на другого. Результатом всего этого, к несчастию, было то, что у 200 человек в отряде были отморожены ноги. Солдаты, со свойственною им меткостью выражений, назвали позицию Пассека *Холодной* горою.

Большая убыль от холода, понесенная Пассеком, была причиною многих порицаний его действий. Завистники, которых непременно имеет всякий талантливый человек, говорили, что «Пассек занесся»; но его нельзя признать виноватым: по зрелом обсуждении и соображении всех тех обстоятельств, в которые был поставлен Пассек, трудно не согласиться, что избрать другую позицию он не имел возможности.

Между тем, под прикрытием отряда Пассека, прочие войска отряда 7-го числа спустились в долину, в укрепление Удачное. Раскинули палатки те, кто имел их; но, проснувшись на другое утро, с трудом могли отдернуть полы: так много в течение ночи выпало снегу.

В Удачном оставлены были небольшой отряд, для обеспечения пути наших сообщений, и вся полевая артиллерия, кроме 4 или 6 орудий, так как она много затрудняла отряд в его движениях. 10-го числа мы выступили из Удачного и по адской дороге тронулись на Мичикале. Дорога шла по полугоре; справа была пропасть, слева гора; углубленная дорога до того была наполнена грязью, что лошади вязли по брюхо. Тут мы увидели, как трудно было бы пройти через горы, если бы

избран был путь на Мичикале. Горцы, приготовляясь защищать этот путь, везде по дороге поделали завалы, что еще больше затрудняло теперь наше движение. При таком состоянии дороги отряд мог двигаться только в один конь и должен был употребить целых два дня, чтоб достигнуть Мичикала.

От мичикальской позиции мы двинулись по направлению к Андии. Всем казалось, что это цель нашего похода. Говорили, что Андия — очень изобильный край, и полагали, что его весьма выгодно будет отнять у Шамиля и присоединить к России; солдаты же говорили, что мы идем в Индию, и украшали свои рассказы всеми чудесами «Тысячи и одной ночи». Перед входом в Андию мы провели ночь на горе, которую солдаты назвали *Ветряною*. Она имела форму конуса и стояла посреди многих ущелий, из которых непременно откуда-нибудь вырывался ветер во все время нашей стоянки, и до того сильный, что мы всю ночь едва могли удерживать палатки.

Мы слышали до этих пор, что в Андию нельзя войти иначе, как через Андийские ворота, но не могли себе составить точной идеи, что значат эти ворота. Сделана была по направлению к ним рекогносцировка: оказалось, что Шамиль думал их защищать, но оставил; они были завалены камнями.

Андийскими воротами называется узкий и неглубокий разрыв в горах, окружающих Андию. Когда мы подошли к ним, было туманно; когда же туман рассеялся, Андия вдруг вся открылась перед нашими глазами. Это огромная котловина, окруженная со всех сторон зубчатыми, утесистыми, величественными горами, которые спускаются в долине крутыми террасами.

Можно предполагать с большой вероятностью, что террасы эти были сделаны искусственно, с целью обработки на них полей. С возвышенной точки, где мы находились, были ясно видны семь пылающих деревень, что привело к заключению, что Шамиль оставил Андию, не пытаясь защищаться, и что деревни зажжены по его приказанию.

Отряд быстро двинулся вниз, по направлению к деревням Гогатль и Анди. На этот день я был назначен в авангарде чеченского отряда и находился при генерале Фоке. Главным авангардом командовал генерал Клюки. Слышим впереди перестрелку — скачем на возвышение и видим противоположную гору Азал, чернеющуюся от неприятеля. «Завязалось дело», — сказал я Фоку. — «Где?» — И пока он слезал с лошади и вынимал зрительную трубу, я дал лошади нагайку и очутился в ауле Анди, у самых последних саклей, построенных на обрыве речки Годор. За саклями стояли роты куринцев, а между ними батарея из крепостных ружей, которая производила огонь на противоположную сторону. Но когда я вгляделся туда, то увидел на скате горы весьма

небольшую черную линию наших войск: это были наши две роты кабардинцев, которые, выбив неприятеля из с. Анди, пробежали, преследуя его, на другую сторону речки и засели за скалы. Позиция Шамиля господствовала над кабардинцами. Массы неприятеля приближались к небольшой горсти храбрецов, в том порядке, каким горцы двигаются обыкновенно, когда намерены сделать решительный натиск. Для этого храбрейший из толпы схватывает значок, отбегает с ним на сотню шагов вперед и втыкает его в землю; тотчас все принадлежащие к отряду этого значка бегут к нему и окружают его. Другой горец повторяет тот же маневр, и таким образом передвигается вся масса неприятельского отряда.

Я отыскал командира Кабардинского полка, полковника Козловского, и явился в его распоряжение. Видя офицера генерального штаба, он сказал мне: «Такому гостю очень рад».

Несмотря на то, что все внимание его было устремлено на другую сторону речки, где разыгрывалась кровавая драма, уже близкая к развязке, он, однако, успел мне рассказать, что полковник князь Барятинский, выбив горцев из аула, преследовал их в гору и теперь находится в незавидном положении.

— Или в завидном, — возразил я.

— Как хотите. Чему тут завидовать!

— Вы не полагаете, полковник, идти к нему на помощь?

— Скор вы очень, молодой человек! Надо видеть, выдержат ли они натиск; если не выдержат да мы пойдем в это время, они и нас опрокинут. Видите, как напирают.

— Позвольте мне переехать к этим ротам.

— Нет уж, братец, отправимся вместе. (С той минуты он начал мне говорить *ты*.)

Он велел идти за нами двум ротам; между тем, роты князя Барятинского выдержали отчаянный натиск. Горцы несколько раз бросались в шашки; но роты встречали и отбивали их штыками без выстрела. На правом фланге князя Барятинского находилась грузинская милиция и дралась в рукопашную. Знамя переходило из рук в руки, однако окончательно осталось у грузинов. На левом же крыле перестрелку вели спешенные казаки. Эти две части много содействовали успеху дела.

Под сильным огнем неприятеля мы поднялись вслед за князем Барятинским на гору; в то же время подымались на гору: справа—милиция, а слева — две роты люблинцев, посланные генералом Лидерсом поддерживать линейных казаков. Шамиль, не дождавшись натиска, бежал. И как было ему не бежать: против него были три славы: одна уже историческая — граф Воронцов, другая настоящая — Лидерс, а третья — при самом начале своего полета — князь Барятинский!

Между тем, мимо нас пронесли тело поручика Маевского, командовавшего одною из двух рот князя Барятинского: он был прислан на Кавказ по какой-то истории и подавал большие надежды. Раненный пулею, он продолжал идти вперед; вторая пуля положила его на месте.

Князь Барятинский также был ранен, но не хотел оставить дела, и только настоятельные подтверждения начальника штаба заставили его согласиться отправиться на перевязку.

Когда проносили мимо графа Воронцова раненых кабардинцев и когда он, по своему обыкновению, снимал перед ними фуражку, они спрашивали: «Что, ваше сиятельство, стоим куринцев?» — намекая на атаку Мичикале.

В это время подошел весь отряд. Многие бросились без дорог в гору, чтобы выбить горцев, бросавших сверху камни, одним из которых был ушибен Лидерс. Мы же с Козловским гнались по дороге за ехавшим впереди неприятельским орудием, как теперь помню, на шести серых лошадях; но и горцы и мы одинаково утомились крутым подъемом: они не могли, несмотря на все усилия, скакать, мы же никак не могли догнать их, хотя были от них в весьма близком расстоянии. Когда же наконец достигли мы площадки, на которой легче было нагнать и взять орудие, вдруг спустилось облако, и горцы, пользуясь густым туманом, успели скрыться.

— Я позабыл спросить фамилию, — обратился ко мне Козловский.

Я ему сказал.

— Немецкая?

— Немецкая.

Этот вопрос он повторял несколько раз, и, казалось, по рассеянности, но в сущности изучая фамилию.

Въезжает к нам граф Воронцов, благодарить Козловского. Тот ему отвечает: «А вот офицер Генерального штаба — фамилии его не упомню — явился сам в авангард и был мне очень полезен».

Граф кивнул головой, с улыбкой, которая его никогда не оставляла, когда он был перед войсками.

За ним взъехал начальник штаба, генерал Гурко — та же речь и то же забвение фамилии; за ним генерал** — то же самое, и тот же поклон; за ними полковник М*,[305] начальник штаба чеченского отряда: этот не нашел ничего лучшего мне сказать, как: «А зачем вы были в главном авангарде, когда вам следовало быть в авангарде чеченского отряда?» Наконец показался Лидерс. «Ваше высокопревосходительство, — опять начал Козловский, — вот офицер генерального штаба, фамилии которого не упомню, явился ко мне во время дела и был мне черезвычайно полезен». Генерал Лидерс подал мне руку и сказал Козловскому: «Я помню фамилию и знаю этого офицера. Ваш отзыв меня

нимало не удивляет. Если вы находите достойным, то прошу вас представить его к награде». Без сомнения, эти слова были самою лестною для меня наградою.

— Что ты хочешь? — сказал мне Козловский по уходе Лидерса.

— Я имею Анну 3-й степени с бантом.

— Тогда следует Владимира. Офицер генерального штаба написать реляцию сумеет. Наше такое кавказское правило: сделай хорошо, а напиши еще лучше.

Я попросил написать реляцию Михаила Ивановича Дарагана и вследствие ее получил 1 июля орден святого Владимира.

Спустившись с горы в Гогатль, где мы расположились лагерем, я пошел осведомиться о здоровье генерала Лидерса. Он не хотел и говорить об ушибе, просил, чтобы об этом и не писали, а между прочим велел подать шампанского. Когда бокалы наполнились, Аммосов запел:

Наш храбрый генерал,
Прогнав черкес к шайтану,
Шампанского нам дал
По полному стакану.

Ура, ура!
Чеченский наш отряд
Ура!

Все, что происходило более замечательного в отряде, рисовалось графом Бальменом и воспевалось Аммосовым, который имел неоспоримый талант писать стихами piéces des circonstances.[306] Он постоянно отличался отвагою и неподдельною веселостью, при самых критических положениях отряда.

Прогнав горцев, отряд расположился лагерем между селениями Анди и Гогатлем: штаб генерала Лидерса на верху горы, штаб графа Воронцова у подошвы. Это распоряжение памятно в отношении продовольствия. По трудности дорог и недостаточности подножного корма, транспорты неминуемо ослабевали и привозили весьма ограниченное число припасов. Некоторые полки не имели по два дня, а другие и по четыре дня сухарей, несмотря на то, что, по предусмотрительности с некоторого времени, дача была уже уменьшена.

Начали делать овсянку. Само по себе разумеется, что солдаты и ели и голодали безропотно. Я жил в одной палатки с А. А. Непокойчицким. Мы не терпели нужды: чаю было еще довольно; с нами были и самовар, и чайник, и чашки — редкость, на которую приходили глядеть: обыкновенно все приготовляли чай, вскипятив воду в медном чайнике, необходимом спутнике походного офицера.

Зато запас сахара истощался. Придет бывало транспорт, остановится у наших ног в главном штабе, и мы слышим возглас: «Сахар на четыре части: одну графу Воронцову, другую принцу Гессенскому, третью генералу Лидерсу, четвертую генералу Гурко». Впрочем, можно было купить сахар по 3 р. сер. за фунт. Хотя и дорого, а покупали.

В ожидании прибытия транспорта, который позволил бы нам продолжать движение к настоящей цели действий, к овладению столицей Шамиля — Дарго, мы поневоле оставались на месте.

Для распоряжения о скорейшей высылке продовольствия был отправлен начальник войск в Дагестане, князь Бебутов. Дагестанский отряд, которым он командовал, присоединен к чеченскому и поступил под команду генерала Лидерса, под названием *главного действующего отряда.*

В продолжение нашего пребывания в Андии, мы видели часто неприятельские партии; особенно в большом числе они показались 18-го июня.[307] Они тянулись по вершине горы Азал с большим количеством значков, причем были видны залпы из ружей. Это показывало, что горцы собираются: залпы знаменовали приход и встречу. Чтобы не позволять им подходить близко к лагерю, главнокомандующий, оставив небольшое прикрытие на месте нашего расположения, двинулся в горы правее Азала. Кавалерия, под начальством генерала Безобразова, не могла быстро атаковать неприятельские толпы, потому что лошади их были сыты и свежи, наши же, от недостатка подножного корма, доведены до крайнего изнурения. По этой причине движение не имело и не могло иметь предполагаемого успеха. Дойдя до границ Технуцала, мы переночевали на весьма высоких горах, покрытых большим числом озер, прозрачных как стекло. Озера называются Форельными, потому что, как говорят, они изобилуют этой рыбой; но нам не удалось ее отведать. Однако слышно было, что ею лакомился штаб князя Воронцова и что остряки прозвали это неудачное движение: l'expedition des truites (détruite).[308]

30 июня и 2 июля мы двигались по направлению к Дарго, чтобы познакомиться с ведущими туда дорогами. Этими движениями мы как бы подтвердили неприятелю намерение наше идти в Дарго. В продолжение 22 дней, которые мы оставались на позиции, я почти каждый день был назначаем с отрядом на фуражировки. В них я участвовал и 1 июля, когда граф Воронцов раздавал Георгиевские кресты, после молебна по случаю рождения государыни императрицы Александры Федоровны.[309] Говорят, что молебен, акомпанируемый нашей перестрелкой, был черезвычайно оригинален.

Раз, выехав рано на фуражировку, я нашел две бритые головы с привязанными к ним ярлыками, с надписью на татарском языке: «Так наказываются приверженцы русского правительства».

Ночью горцы стреляли по нашим палаткам, не причиняя, впрочем, вреда, а только пугая нашу прислугу. Однажды вечером, когда Непокойчицкий велел своему слуге вынесть свечку, раздался залп и слуга упал между наших кроватей.

— Что ты убит?

— Нет.

— Ранен?

— Нет.

— Что же ты лежишь?

— Испужался....

5-го числа, по прибытии ожидаемого транспорта, было решено, что 6-го, рано поутру, отряд двинется в Дарго. Не заботясь о завтрашнем дне, мы проводили 5-е число как и все дни. Я играл с полковником Левисоном в преферанс. Подле, в палатке, балагурил Аммосов, предсказывая Петидобисону,[310] личному адъютанту кого-то из генералов, что его убьют. Все пророчества свои о завтрашнем дне он оканчивал приговоркой: «А завтра Петидобисона убьют».

Тогда Левисон всякий раз мне говорил: «Я знаю, что Аммосов говорит: Петидобисона убьют; но мне так и слышится, что Левисона убьют!» Счастье ему необыкновенно благоприятствовало, так что копейка в копейку он отыграл все, что проиграл мне во все время похода. «Дурной знак», — заметил он.

Оставив в Гогатле пять рот Прагского пехотного полка, с 3 орудиями, под командою подполковника Бельгарда, весь отряд, 6 июля, в 4 часа утра, двинулся к Дарго, а в 3 часа один из мирных горцев, находившийся при графе Воронцове, украв у него любимую лошадь, ускакал, чтобы дать знать Шамилю о нашем движении.

Мы прошли часа четыре по дороге, с которою уже познакомились на рекогносцировке, и в 9 часов утра достигли леса, где начинался спуск и дефиле по гребню горы Речель.

Мы оставляли места, где бывали часто выше облаков и видели под ногами своими грозу, а теперь спускались в долины Ичкерии, и местность, как панорама, расстилалась перед глазами до Терека; далее была видна Россия. Многие из нас смотрели на нее в последний раз.

Здесь отряду велено было отдохнуть, сварить кашу и через четыре часа атаковать. Отряд, готовый вступить в Дарго, был распределен: авангард под начальством генерала Белявского, правая цепь под начальством полковника Меллер-Закомельского, левая цепь — полковника Козловского, главные силы — генерала Клюки фон Клюгенау, арьергард — генерала Лабынцева, кавалерия — под начальством генерала Безобразова. Всего в отряде было: 8000 человек пехоты, 1200 человек конницы и 350 человек артиллеристов, при 2 легких и 14 горных орудиях. Честь идти в

голове всего отряда, брать завалы, которые, как мы слышали, были на каждой полуверсте, по особой просьбе генерала Лидерса, была предоставлена первому батальону Литовского полка. Причиною этого назначения было следующее обстоятельство: когда отряд стоял в лагере при Гогатле, то всякий день очередная рота ходила за получением спирта, который был оставлен в отряде, прикрывавшем Андийские ворота (житомирцы), в шести или семи верстах от лагеря. Дорога к Андийским воротам подымалась в гору, между огромными камнями. Горцы залегали за эти камни и беспокоили идущих. Так и 21-го числа, одна рота 1-го батальона Литовского полка, возвращаясь со спиртом, была встречена сильным ружейным огнем из-за камней, где засели человек 50 горцев. Ротный командир остался у ворот, чтобы расписаться в квитанции. При роте находился один молодой прапорщик. Он велел роте идти скорее. Фельдфебель решился ему заметить, что следовало бы сначала выбить горцев из-за камней, а скорая ходьба к добру не поведет. Слово за слово, прапорщик ударил фельдфебеля за возражение и приказал роте прибавить шагу. От нас дорога была видна вся как на ладони: мы с ужасом увидели, что наша рота бежит. Пока мы приказали седлать лошадей, рота уже прибежала. Правда, полковник Левисон успел приостановить ее. Он еще более других принял это к сердцу, так как был дивизионным квартирмейстером 13-й дивизии. Ротный командир, который, услыхав перестрелку, поскакал догонять роту, был убит, а в роте человек 5 или 6 — переранены. Прапорщик был отдан под военный суд и приговорен за трусость к расстрелянию; но граф Воронцов, при конфирмации дела, судил иначе: «Как я, — говорил он, — не виноват, что я храбр, так и он не виноват, что он трус; это чувство врожденное: он не успел еще себя попробовать», а потому присудил: уволить от службы, с тем, чтобы в военную службу не определять и выслать из армии, с лишением права приезжать на Кавказ.[311] Литовский батальон должен был смыть это невольное пятно и, сверх того, приобрести знамя, которое он потерял в польскую кампанию.

В час пополудни приказано было вставать и начать атаку. Генерал Лидерс подошел к Литовскому батальону и сказал ему несколько кратких слов, которые нашли дорогу в душу солдата. Литовцы подняли ружья, потрясли их над головами и обещались доказать, что, по исключении вышеупомянутого прапорщика, между ними нет уже более трусов.

Чтобы помочь фронтальной атаке, надо было занять выдавшуюся к нам правую опушку леса, что исполнил 3-й батальон куринцев, под командой графа Бенкендорфа и генерала Лидерса.

Это была прелюдия боя.

Литовский батальон ожидал с нетерпением приказания двинуться вперед. По данному приказанию, он быстро бросился в лес, имея впереди себя в три шеренги офицеров и юнкеров, как своих, так и штабных, и

овладел первым завалом без выстрела. Недолго думая, литовцы бросились на второй завал. Тут был убит храбрый полковник генерального штаба Левисон, ведший голову колонны. Предчувствие его не обмануло! Он умер на руках состоявшего при принце Гессенском князя Витгенштейна и, по его рассказам, говорил ему что-то по-русски, чего он не понял.

Тут же был ранен юнкер Аммосов в щеку пулею, часть которой и теперь у него находится под глазом.

Как теперь его помню: все лицо в крови и весело представляющего пьяного (что он умел в совершенстве), говоря: «В охотники больше не жжелаю!» Вскоре были ранены: полковник Семенов, командовавший пехотою авангарда, адъютант главнокомандующего поручик князь Дондуков-Корсаков (бывший начальник штаба войска Донского) и командир батальона литовцев майор Степанов. Генерал Лидерс посылал несколько раз приказания, чтобы авангард остановился и дал время втянуться в дефиле прочим частям, чего генерал Белявский достиг только на пятом завале: так велики были пылкость и быстрота атаки литовцев. Но и здесь, теряя людей от выстрелов из следующего завала, он овладел и шестым завалом. Сзади литовцев шли саперы 5-го саперного батальона и, раскидывая завалы, расчищали дорогу.

По случаю молодецкого движения, но по быстроте своей оставившего далеко за собой боковые цепи, с правой стороны на высоте второго завала образовался большой промежуток, не занятый нашими стрелками. Горцы этим воспользовались и открыли огонь в то самое время, как показался на гребне граф Воронцов со штабом. Чтобы обеспечить следование главных сил, генерал Безобразов спешил линейных казаков и занял ими прилегающий с правой стороны глубокий овраг, который и удержан был казаками до прибытия боковой цепи.

Теперь время бросить взгляд на местность, на которой мы дрались. Речельский хребет, отделяющий Андию от Ичкерии, отбрасывает несколько отрогов, которые идут, то значительно поднимаясь, то немного повышаясь, до окончательного спуска в долину Аксая. По гребню одного из этих хребтов шла дорога в селение Дарго. Покатости гребня в обе стороны были чрезвычайно круты и тем доставляли нашим войскам ту выгоду, что пули засевших по обеим сторонам горцев летали через головы, отбивая только сучья от деревьев, но между спусками и подъемами были перешейки, которые удобно могли обстреливаться из леса; сверх того, дорога была укреплена 20 завалами из больших деревьев, с переплетенными сучьями. По самому свойству местности, т. е. крутизне боков дороги, боковые цепи не могли двигаться по общепринятому на Кавказе правилу; быстрое же движение авангарда неминуемо оставило промежуток между ним и главными силами. Горцы воспользовались этим, ворвались в промежуток, и между вторым и треть-

ним завалами главнокомандующий, ехавший спокойно с принцем Гессенским и генералом Лидерсом, был встречен градом пуль. Движение через перешеек между вторым и третьим завалами сделалось невозможным: все остановились. У плотины столпилось до 40 офицеров. Выстрелы в особенности были сильны с правой стороны. Потребовали из авангарда горное орудие, поставили его боком, и после двух выстрелов, сделанных в лес наудачу, вся прислуга лежала или убитою, или тяжело раненною. Потребовали другой комплект артиллеристов — и через несколько минут то же ужасное последствие. Те, которые не были убиты, лежали и, вероятно, от боли, жевали листья; почти все ранены были в живот.

Минута была торжественная. Никто не решался переходить через плотину. Орудие стояло осиротелое, окруженное умирающими. В это время на плотину взошел юнкер, остановился на средине ее, повернулся к нам лицом, стукнул ружьем и, сказав: «Как оставлять орудие!» — прошел невредимо. Из числа офицеров, окружавших графа Воронцова, полковник Дружинин переходил несколько раз по этому месту и также остался невредим. Вдруг из среды нас вышел генерал Фок, взошел на плотину, схватил заряд, подобрал валявшийся банник и начал заряжать орудие. Не успел он дослать заряда, как пуля ударила его в живот так сильно, что он, перевернувшись несколько раз, чуть-чуть не упал на противоположный обрыв, но был подхвачен.

Когда его проносили мимо меня, я взял его руку и утешал в счастливом исходе раны. Рука его была горяча; он посмотрел на меня потухающими глазами и сказал: «Non, je sens, — c'est la mort».[312]

В это время граф, оглянувшись, увидал за собой в конвое полсотни казаков и грузинскую милицию. Он велел им оставить лошадей и броситься вправо в лес против перешейка. Через четверть часа по нему можно было ходить как дома. Тогда граф Воронцов потребовал 1-й батальон куринцев и возложил на особенную ответственность графа Бенкендорфа охранение этого пункта.

Когда батальон кабардинцев, бывший в авангарде и следовавший за литовцами, дошел до шестого завала, тогда литовцы бросились вперед с прежнею стремительностью и овладели остальными завалами и возвышенною поляною, находившеюся перед самым спуском в Дарго, в расстоянии от него полуторы версты.

Главнокомандующий, доехав до шестого завала, дошел оттуда до поляны со 2-м батальоном кабардинцев, подвергаясь всем опасностям наравне с простым солдатом. Помню взгляд, брошенный им на генерала Гурко, когда тот ему сказал: «Не ездите туда, граф: там опасно». Генерал Гурко отговаривал только главнокомандующего, а сам был везде, где только угрожала опасность. Таким образом, 2-й батальон кабардинцев образовал как бы второй авангард.

Главнокомандующий, прибыв на поляну, приказал генералу Белявскому спуститься с авангардом и овладеть Дарго. Спуск на протяжении полуторы версты был черезвычайно крутой. Приказание было исполнено; но Дарго уже пылал, зажженный собственными руками Шамиля.

Граф Воронцов прибыл туда с кавалериею и расположился с авангардом на бивуаках. Это было в одиннадцать часов вечера. Генерал Лидерс приостановил прочие войска на поляне, чтобы стянуть силы и собрать раненых, поручив мне занять цепью опушку леса. Исполнив приказание, я возвратился к нему и спросил: что теперь мы будем делать? Он отвечал, что, по его мнению, следовало бы, не останавливаясь в Дарго, идти сейчас же к Герзель-аулу. Последующие происшествия показали, как верен был его взгляд.

Месяц ударил на поляну. Она была покрыта отдыхающими войсками, вьюками и ранеными, которых исповедывали священники. Когда нас уведомили о приближении арьергарда, мы, в свою очередь, начали спускаться и в два часа ночи были в Дарго.

Силы мои истощились. Я завернулся в бурку и заснул под ропот генерала Гротенгельма, что офицеры генерального штаба ничего не делают, не выставили цепи, которая бы препятствовала неприятелю стрелять по лагерю. Генерал Гротенгельм был прав; но природа взяла свое, и офицеры генерального штаба, по мере прибытия в Дарго, следовали моему примеру.[313]

Главные силы и арьергард шли все время без большой потери. Обоз тянулся по лесу целых шесть часов; наконец за ним последовал и арьергард, притянув к себе 1-й батальон куринцев, прибывший в Дарго только к восьми часам утра.*

В этом деле мы потеряли: 1 генерала, 1 штаб-офицера, 2 обер-офицеров и 30 нижних чинов убитыми; 10 офицеров, 130 нижних чинов и 30 милиционеров ранеными.**

---

* Один из участников экспедиции замечает: «Имея в виду, что войскам нашим снова придется проходить лес между Дарго и Анди, для конвоирования ожидаемого транспорта следовало бы оставить в лесу, на сообщении, один или два батальона с орудиями, усилив позицию этого отряда засеками. Тогда сообщение между Дарго и Анди было бы обеспечено и транспорт прошел бы почти беспрепятственно, чего не случилось, как увидим ниже. Кроме того, мера эта, быть может, дозволила бы исполнить предположение графа Воронцова: построить около Дарго укрепление и проложить сообщение на Маиортуп в Грозную».

** Потеря по официальным источникам была: убитых — 1 генерал, 1 штаб- и 1 обер-офицер, 28 нижних чинов и 4 милиционера; всего 36 человек. Раненых — 9 штаб- и обер-офицеров, 98 нижних чинов и 30 милиционеров; всего 137 человек. Контужено 32 человека. См. «Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году», с. 45.

Упрекают генерала Белявского, что он слишком быстро шел вперед. В этом упреке есть своя доля правды; но быстрота всегда изумляет и приводит в смущение неприятеля. Генерал Белявский думал исполнить тем лучше свою задачу. Он был храбр, но слишком пылок и увлекался.

К утру, когда я проснулся, дом Шамиля и мечеть догорали. Мы рассматривали слободу, где жили русские беглые. Стены были исписаны самыми глупыми надписями, вроде таких: «Цейхауз короля прусского», «Швальня короля саксонского...» и проч.

В ожидании подвоза съестных припасов, в которых ощущался уже значительный недостаток, войска расположились лагерем на возвышении близ Дарго, имея перед собой долину Аксая, в версте расстояния — возвышенный правый берег реки, а левый фланг — по направлению к дороге, по которой пришли.

Вот этого-то возвышенного берега неприятель не переставал занимать с самого нашего прихода. 7-го числа, вечером, он принял от нас повестку и зорю, пробитые у него нашими беглыми барабанщиками и горнистами весьма порядочно. 8-го, утром, неприятель поставил на это возвышение четыре орудия: ядра попадали к нам в лагерь, не нанося, к счастью, никакого вреда. Чтобы не позволить так безнаказанно стрелять в нас, граф Воронцов составил отряд из 6 батальонов пехоты,* с 6 сотнями кавалерии и 6 горными орудиями, приказав сбить неприятеля с этих высот. Командование отрядом поручено было генералу Лабынцеву, а кавалериею отряда — генералу Безобразову.

Местность была открытая, до самого подъема на противоположный берег. Войска двинулись в боевом порядке, в две линии, по три батальона в каждой, артиллерия между батальонами, кавалерия в резерве.

С жадным любопытством следили мы, оставшиеся в лагере, за движением отряда и видели, как пехота бросилась на лесистый подъем левого берега Аксая, как неприятель отступал, как выскакала кавалерия и его преследовала. Всем этим смелым и быстрым движениям мы аплодировали в лагере.

Неприятель отступал, чтобы завлечь отряд на более пересеченную местность.

По заранее данному приказанию, отряд, прогнав неприятеля, должен был возвратиться в Дарго. Лишь только он предпринял обратное движение, как неприятель начал вырастать из-за каждого камня, отделяться от каждого дерева, становился дерзким, навязчивым, и скоро

---

* 1-й бат. Люблинского, 2-й бат. Замосцкого, 3-й бат. Апшеронского, 3-й и 4-й бат. Навагинского, 2 роты кабардинцев, 2 роты кавказских стрелков и 1 рота саперов.

долина покрылась ранеными и убитыми, которых относили в лагерь. Между ними, к сожалению, мы увидели храброго командира 3-го батальона Апшеронского полка, подполковника Познанского, и смертельно раненного командира 1-го батальона Люблинского полка, бывшего адъютанта Лидерса, подполковника Корнилова, двоюродного брата славного севастопольского героя. Кроме того, в числе раненых был генерального штаба штабс-капитан Леонтьев.

Трудно было соблюсти порядок при отступлении. Батальоны двигались в обширных полях, покрытых высокою кукурузой, так что невозможно было ни дать направление частям, ни сохранить должное единство в их движении. Каждая часть тонула в кукурузе, брошенная, так сказать, на произвол судьбы.

Минута, когда отряд, так славно прогнавший скопище горцев, начал отступать, была как будто поворотной точкой нашей экспедиции. Мы инстинктивно это почувствовали, и какое-то необъяснимое уныние распространилось в отряде.

Надо было видеть, как лица, которые за несколько минут были радостны, вдруг сделались серьезными и грустными.

Не вид 200 человек убитых и раненых навел это уныние — мы все более или менее уже привыкли к подобного рода зрелищам — но, без сомнения, убеждение в бесполезности этой потери.

Когда отряд воротился в лагерь, горцы опять уже занимали левый берег Аксая и до самого выступления всякий день били повестку и зорю.

Граф Воронцов смотрел на дело по понятиям, которые он приобрел в европейской войне; он не знал ни кавказской войны, ни образа действий горцев. В европейской войне, конечно, когда неприятельский отряд будет сбит с позиции, прогнан и рассеян при преследовании, ему трудно вновь занять ту же позицию; но горцам, которые исчезают при наступлении и вырастают из земли, когда наши войска отступают, их натура присуще было опять занять вслед за нами ту же позицию. Это рой мух, которых вы согнали: они разлетелись, скрылись из виду, но минуту спустя снова на том же месте.

Прогнать неприятеля следовало. Нельзя было допустить его стрелять по лагерю; но не менее того следовало, заняв раз высоты, оставаться там: мы, так сказать, оседлали бы долину Аксая, могли бы спокойно в ней фуражировать, не теряя по десяти чедовек и более каждый день в продолжение недели, чему я был свидетелем, участвуя каждый день в фуражировке.

9-го числа, вечером, несколько пущенных ракет с того самого места, где войска отдыхали 5-го числа, перед вступлением в лес, дали знать о прибытии самого большого транспорта. Спуститься ему к нам без нашей помощи нечего было и думать. Граф Воронцов при-

казал составить отряд, в который бы вошла половина всех частей войск, говоря: «Пусть каждый товарищ принесет продовольствие своему товарищу».

Отряд был составлен из следующих частей: 2 роты литовцев образовали сводный батальон с 2 ротами замосцев; 3-й батальон люблинцев, 2 роты апшеронцев, 1 батальон навагинцев, 1 батальон кабардинцев, 3 роты куринцев, 2 роты саперов, $1^1/_2$ роты стрелков, команда от артиллерийского парка, половина от разных сотен казаков и половина от всех милиций. По моему мнению, подобный состав отряда не соответствовал предстоящему опасному предприятию. Только в мирное время можно послать такой отряд из лагеря за дровами или провиантом. А нам известно было, что неприятель, зная о приближении транспорта, собрался в лесу в значительных силах и не только возобновил завалы, но и увеличил число их.

Отряд был вверен генералу Клюки фон Клюгенау. Авангард составили кабардинцы, под командою Пассека; арьергард — навагинцы и апшеронцы, под начальством генерала Викторова; в главных силах люблинцы, в правой цепи литовцы и замосцы, в левой куринцы.

Когда составлялся отряд, я разговаривал с генерального штаба капитаном Корсаковым.[314] Мы увидели, что к нам идет М*, который обоих нас не жаловал. Корсаков сказал мне: «Кого из нас назначат, тот не вернется». — «Капитан Корсаков, вы пойдете с войсками за продовольствием», — как бы в ответ на то произнес М*. Корсаков пожал мне руку. Это было наше последнее прощание.

У Клюгенау было суворовское правило: «Голова хвоста не ждет», и, следуя ему, он тронулся с головой колонны, не ожидая сбора всего отряда. И правду сказать: сколько ни дожидайся, всегда будут опоздавшие.

Отряд наш втягивался в лесное дефиле, подвигаясь вперед с различною скоростью, смотря по встречаемым препятствиям. Пороховой дым ясно обрисовывал направление дороги. В сравнении с 6-м числом, количество завалов было увеличено и они были сделаны прочнее; к тому же для защиты их накануне явились к Шамилю чеченцы, которые 6-го числа против нас не находились, быв оттянуты движением генерала Фрейтага из Воздвиженска[315] в Большую Чечню.

Авангард брал завалы, но движение следующего за ним отряда было затруднено расчисткою дороги, ибо даже два дерева, срубленные и переброшенные с различных сторон на дорогу, производили значительную задержку.

Это обстоятельство произвело беспорядок в движении колонны, который в особенности проявился при переходе через знакомый нам перешеек.

Со смертью генерала Викторова беспорядок усилился. Неприятель, воспользовавшись им, бросился на арьергард, отрезал часть его и совершенно истребил как прикрытие, так и артиллеристов. Лошади двух горных орудий были убиты, а самые орудия сброшены горцами в овраг. Здесь потеряли тело генерала Фока. Рота навагинцев, посланная назад генералом Клюки фон Клюгенау, отбросила неприятеля, но достать орудия не было никакой возможности; притом же наступила ночь. Тут были ранены командир 2-го батальона кабардинцев, полковник Ранжевский и адъютант генерала Клюгенау, капитан Ключарев. По выходе из леса, войска, собравшись на высотах, на которых отдыхали 6-го числа, расположились бивуаком. Возник чрезвычайно серьезный вопрос: предстоит ли возможность возвратиться в Дарго и пройти в третий раз это страшное дефиле, где войска уже понесли значительную потерю и где неприятель, ободренный успехом, будет нападать с новою дерзостью? Удастся ли доставить продовольствие, сохранив его во время движения, так как войска стало меньше, а колонна будет длиннее? Не благоразумнее ли будет, не отягощая отряда графа Воронцова ранеными, идти обратным путем через Андию, предоставив даргинскому отряду двигаться особенно на Герзель-аул?

Такого рода мнения были присланы графу Воронцову через лазутчика. Клюгенау сообщал, что, по мнению его, все выгоды будут на нашей стороне, если мы двинемся по двум различным дорогам, оставя неприятеля в лесу, где слышен стук, который показывал, что он приготовляет новые завалы; но — «la nuit porte conseil»[316] — ночью пробрался через лес юнкер и уведомил графа Воронцова, что Клюгенау решился присоединиться к даргинскому отряду во что бы то ни стало. Юнкер был сейчас же произведен в офицеры.[317]

Ознакомясь коротко, в два пути, со всеми препятствиями, ни Клюки, ни Пассек не могли обманывать себя ложной надеждой благополучно присоединиться к главному отряду; но они не хотели дать горцам права сказать, что русский отряд, где был Клюки и сам Пассек, ходил за транспортом и не посмел вернуться назад. Скажем смело: они предвидели последствия, решившись на движение, но рассчитали, что в нравственном отношении лучше погибнуть, нежели, из страха, отказаться от исполнения предприятия, вполовину уже сделанного.

Три пушечных выстрела, с тремя ракетами, возвестили нам об обратном следовании колонны. С стесненным сердцем и напряженным вниманием вперили мы глаза на дорогу. Опять дорога начала обозначаться дымом, по которому мы судили о приближении отряда и о жестокой борьбе, которую он выдерживал. Ясно было, что неприятель противопоставил наибольшее сопротивление авангарду, чтобы стараться не допустить соединения отрядов. Начальствование авангардом было

поручено генералу Пассеку: он состоял из батальонов Люблинского и Навагинского, с ротою саперов. В правой цепи три роты куринцев, в третий раз в одной и той же цепи совершавшие этот исполненный опасности путь; в левой цепи рота литовцев и замосцев; в арьергарде батальон кабардинцев, две роты апшеронцев и рота саперов, под командою раненого полковника Ранжевского; полторы роты кавказских стрелков были распределены в обеих цепях. При входе в лес повторилось то же, что и 6-го числа, но в других размерах. Люблинцы, бросаясь с завала на завал, выбивали горцев штыками; саперы, расчищая дорогу и встречая деревья, еще искуснее скрепленные между собою, необходимо отстали от люблинцев.

Горцы, которые в этот раз были еще сильнее, так как к ним прибыли чеченцы, бросились на саперов, изрубили их и заняли вновь завал. Пассек бросился с навагинцами выбивать горцев, сам пошел впереди роты и был убит. «Прощайте, друзья!» — были последние слова его.

Так погиб, в голове роты, генерал, которому все предсказывало предводить армиями.

Генерал Клюки прибыл на место и сам распоряжался двумя ротами навагинцев. Платье его было прострелено пулями; но до него ни одна не коснулась. Солдаты говорили, что он заговорен. Подле него убили адъютанта его, Ключарева, командира Навагинского батальона, подполковника Сервирога и генерального штаба капитана Корсакова; наконец ему удалось отбить неприятеля. Тогда потянулись по обыкновению следовавшие в средине главной колонны вьюки с продовольствием, порционный скот, конные грузины, денщики, погонщики. Неприятель продолжал по ним сильный огонь, и из трупов людей и лошадей составились новые завалы, что затруднило чрезвычайно движение арьергарда, на который горцы бросались с ожесточением. Тут полковник Ранжевский был убит.

Горное орудие, затрудняясь в движении через завалы, осталось без прикрытия. Командовавший им поручик Баумгартен строго приказал артиллеристам бежать к пехоте, сказав, что его одного место здесь, лег на орудие и был совершенно изрублен в куски.[318]

Это мне напоминает рассказ об артиллерийском поручике Потемкине. Шамиль велел ему наводить орудия на русские войска. Ядра летели через головы. Шамиль обещал его сжечь, если он не попадет. Он выстрелил нарочно в другую сторону. Его привязали к дереву и сожгли. Перед вступлением нашим в Дарго Шамиль казнил десять человек наших пленных.

По получении в Дарго известия о жаркой схватке в лесу, из лагеря послан был батальон кабардинцев, который дошел до главной площадки; туда же двинулись генерал Лидерс с двумя ротами и вслед за ним начальник штаба генерал Гурко с одной ротой.

Перед вечером, когда раненые и авангард стянулись на большую площадку, отряд начал спускаться в Дарго. Мы потеряли: убитыми: 2 генералов, 3 штаб-офицеров, 14 обер-офицеров и 540 нижних чинов; ранеными: 32 обер-офицера и 740 нижних чинов.* Всего выбыло из строя: 2 генерала, 49 офицеров и 1280 человек нижних чинов — потеря и всегда огромная, но особенно чувствительная для такого небольшого отряда, не могшего получить ниоткуда подкрепления. Сверх того мы потеряли три горных орудия. Не было вынесено и тело Пассека. Это движение и двухдневный бой солдаты окрестили названием *сухарной экспедиции*.

Рассматривая событие последних дней, невольно задаешь себе вопрос: граф Воронцов знал, что большой транспорт с продовольственными припасами должен был прийти 9-го или 10-го числа: для чего же он не дождался его и пошел 6-го, поставив между собою и им такую преграду, как горы и лесистое дефиле? Зная, что транспорт должен будет проходить через лес, казалось, не следовало оставлять площадки, но укрепиться на ней, сделав кругом в лесу завалы. На это, может быть, заметят: зачем оставаться в лесу, выгодном для действий горцев? Отвечу словами кавказских солдат: «Тебе гора — и ему гора, тебе лес — и ему лес». При обратном движении отряда с транспортом надобно было заранее послать войска ему навстречу.

Состав отряда не выдерживает критики: при назначении отряда с целью пройти дремучий лес на пространстве 10 верст и вернуться по той же дороге не следовало в состав его назначать ни кавалерии, ни артиллерии.

По теории, каждый солдат должен был принести сухари своему товарищу; на деле вышло, что к нам принесли очень мало сухарей или не принесли вовсе ничего, но зато принесли много раненых. Чтобы показать всю ошибочность соображений, надо иметь в виду, что великолепный отряд, пришедший в Дарго и смело могший продолжать движение к Герзель-аулу, остановился только в ожидании продовольствия — продовольствия не получил и мог бы поколебаться духом после дела, 7-го числа и в особенности после «сухарной экспедиции», если бы русский солдат не с таким трудом приходил в уныние. Лишившись бесполезно стольких храбрых офицеров и нижних чинов, мы имели еще на руках до 1000 человек раненых.

Оставаться долее в Дарго было не только бесполезно, но и неблагоразумно: неимение продовольствия делало наше положение с каждым часом затруднительнее. Был составлен военный совет, который

---

* В «Обзоре военных действий на Кавказе в 1845 году» потеря эта показана: убитых — 2 офицера и 28 нижних чинов, всего 30 человек; раненых — 9 офицеров и 178 нижних чинов, всего 187 человек.

решил, что самое выгодное направление — на Герзель-аул, как ближайшее (до него оставалось 40 верст), имеющее на всем пространстве воду и сохранявшее вид наступления, в то время, когда возвращение тем путем, которым мы пришли, хотя и имело бы выгоду, что, пройдя лесное дефиле, мы были бы сейчас на открытых местах, собрали бы наши отряды, оставшиеся на пути, нашли бы у них продовольствие и стали бы сильнее, но это движение имело вид отступления, да и не желали рисковать со всем отрядом идти по лесу, которого затруднения были так жестоко испытаны нами.

Вместе с тем генералу Фрейтагу было послано несколько лазутчиков, чтобы он поспешил собрать войска и шел к нам навстречу. Лазутчикам за это заплатили горстями золота. В ночь с 11-го на 12-е велено было изрубить все палатки и отдать солдатам на портянки. Прежде чем приступить к этой операции, я пригласил к себе Гордеева[319] и Аммосова ужинать. У меня были гречневая каша и портер — последняя провизия.

Многие из офицеров истребили или роздали имевшееся у них лишнее белье, платье, столовые и чайные сервизы, вообще все, без чего можно было обойтись. Все лошади, освободившиеся из-под палаток и из-под лишних вещей, отданы были под раненых. Более всего мне жаль было шкатулку с сервизом, только что в Москве купленным. Слуга мой восстал против уничтожения шкатулки и отдания лошади. «Много лошадей вам дали, — ворчал он, — когда прошлого года были ранены. Небось на своей раненой поехали!..»

Сожаление о вещах и особенно настойчивость слуги помешали мне, к стыду моему, дать свою лошадь под раненых. Я уже знал, что я назначен в авангард. Генерал Белявский спрашивал меня, доволен ли я буду, если он попросит у Лидерса позволения состоять мне при авангарде во все время движения к Герзель-аулу. Я не находил слов достаточно благодарить его за внимание. Меня призвал Лидерс, говорил о моем назначении и предупреждал, что настоящее движение наше выйдет из ряда тех, где авангард идет спокойно и дерутся только в арьергарде. Теперь неприятель, зная нашу малочисленность, верно, будет употреблять все усилия, чтобы пересечь нам дорогу в Герзель-аул.

В два часа утра, взяв проводника, я нашел 3-й батальон Апшеронского полка и передал ему приказание вытягиваться. Он был в голове авангарда, состоявшего кроме него из 1-го батальона люблинцев, 5-го саперного батальона и трех рот кавказских стрелков, при четырех горных орудиях и конной милиции.

Главные силы, под начальством генерала Клюки фон Клюгенау, состояли из 1-го батальона Литовского полка, 2-го Замосцского, 3-го Люблинского, при 2 полевых и 5 горных орудиях, всех раненых и ос-

тавшихся тяжестей. Человек 60 по свойству их ран были несены на руках, что взяло из фронта более 300 человек.

Арьергард под начальством генерала Лабынцева, два батальона кабардинцев, при двух горных орудиях, и все конные казаки.

Правая цепь — навагинцы, под начальством полковника Бибикова, а левая — куринцы, под начальством Меллер-Закомельского.*

Неприятель не ожидал, что мы пойдем на Белгатой, а потому авангард, не встретив никакого сопротивления, занял позицию при этом селении, расположив с одной стороны кладбища Апшеронский, а с другой Люблинский батальоны.

При переходе через овраг главных сил отряда неприятель открыл по ним огонь из двух орудий, которые замолчали однако от действия наших полевых орудий.

Когда весь отряд стянулся к авангарду, тогда авангард перешел, также без потери, через крутой и лесистый овраг, и занял аул Цонтери, где весь отряд и расположился на ночлег.

Неприятель, видя, что мы решительно избрали другое направление, нежели он предполагал, потянулся из леса густыми массами, казавшимися от черкесок желтыми пятнами, по одному направлению с нами. 14 июля горцы были еще не уверены, какое мы примем направление. В некотором расстоянии от Цонтери дорога разделяется: одна идет на Маиортуп, другая на Герзелъ-аул. Это заставило их растянуть свои силы.

В четыре часа утра мы выступили из Цонтери. Накануне еще генерал Лидерс просил, чтобы в авангарде был опять 1-й батальон Литовского полка, который и сменил Люблинский батальон, поступивший в главные силы. Генерал Лидерс черезвычайно любил Литовский полк, и солдаты это знали: бывало, когда он приедет на северную сторону Севастополя, в литовские казармы, солдаты бегут за его коляской до изнеможения сил.

Сначала апшеронцы вытеснили неприятеля из опушки леса, при чем ранен был их батальонный командир граф Стенбок; потом местность сделалась более открытою, и на левом фланге нашем мы увидели неприятельскую кавалерию с конною артиллериею.

Вскоре мы встретили глубокий и крутой овраг, противоположный, возвышенный и лесистый берег которого горцы сильно заняли, укрепив завалами.

Не взяв этой возвышенности, нельзя было продолжать движения; но взять ее было нелегко. Эту задачу велено было разрешить курин-

---

* В правой цепи, кроме двух батальонов навагинцев, была гурийская милиция и тифлисская дружина пешей грузинской милиции; в левой цепи, кроме сводного батальона Куринского полка — горийская дружина пешей грузинской милиции. См. «Обзор», с. 59.

цам. Граф Бенкендорф смело повел батальон. Весь отряд мог следить за его черезвычайно трудным предприятием.

Он подымался на лесистую, весьма крутую гору, предполагал атаковать завал во фланг, а попал с фронта. Несмотря однако на все трудности, завал был взят; но граф Бенкендорф был тяжело ранен. Атаке помогали полевые орудия и конгревовы ракеты, которые были направлены так неудачно, что убили нескольких куринцев.

Когда завалы были взяты, генерал Белявский пошел вправо с Апшеронским, Литовскими и Люблинским батальонами. Нас встретил жестокий огонь из завалов, на правом нашем фланге. У моего казака ранили лошадь, и он исчез.

Необходимо было взять и эти завалы. Это было возложено на навагинцев. Обойдя завал справа, они подвигались медленно. Лидерс посылал им приказание за приказанием идти скорее. Командир полка, полковник Бибиков, поскакал сам вперед и был ранен. Между тем, главнокомандующий приказал милиции спешиться и вместе с двумя ротами саперов атаковать завалы с фронта: неприятель был прогнан. Здесь были ранены командир саперного батальона полковник Завальевский и дежурный штаб-офицер отряда полковник Альбрант.

Овладев высотами с неприятельскими завалами, мы воспользовались возможностью двинуться вперед, чего отнюдь не следовало делать: здесь авангард должен бы был обождать колонну; но урок 6-го числа не послужил в пользу. Пройдя версты две по лесу, мы очутились опять на открытом месте, и перед нами показались лесистые высоты, расположенные дугою и столь сильно занятые неприятелем, что опушка белелась от дыма. Шамиль взял с своих наибов слово не пропустить в этот день русских, а мы как будто дали слово помочь ему в этом деле, подвергая отряд истреблению нарушением самых коренных правил горной войны.

Часть авангарда, вышедшая на поляну и состоявшая не более как человек из 400 апшеронцев, люблинцев, литовцев и саперов, построенных в одну сплошную колонну, без разделения войск, в нерешительности остановилась. Лидерс подъехал и, обращаясь к солдатам 5-го корпуса, спросил: «Ребята, что вы пели под Вознесенском?»[320] Выскочил из рядов один старый солдат, повернулся лицом к авангарду и, затянув:

Мы герои, дети славы,
Дети белаго царя!..

пустился плясать. Прочие дружно подхватили песню и двинулись вперед.

Но огонь неприятеля был так силен, что перед входом в лес авангард опять остановился и залег за местным прикрытием. Видя смущение войск, генерал Белявский вскричал: «Неужели между вами не най-

дется ни одного честного человека, чтобы умереть с своим генералом?» Одиннадцать апшеронцев встали и бросились за ним вперед. Пример их увлек и остальных.

Между тем, к авангарду, двинувшемуся вперед, присоединился генерал Лидерс, приехавший от правой цепи по лесной тропинке.

В это время меня ранили пулей в ногу. Когда я сказал Белявскому, что я ранен, он не обратил ни малейшего внимания, может быть, даже и не слыхал.

Остановясь и желая осмотреть рану, я имел неосторожность слезть с лошади. Нога моя болталась, и я не мог идти. Вижу саперного унтерофицера, говорю:

— Помоги, любезный, идти.

— Извольте, ваше благородие? Да куда же мы пойдем? Авангард уже скрылся в лесу.

Я ему объяснил, что по дороге не дойдем, а надо идти лесом. Было жарко: он устал меня поддерживать; взяли было еще прохожего солдатика, да тот убежал. На гору взошел я на коленях, при следующем разговоре:

— Как твоя фамилия

— Могилевцев.

— В настоящую минуту нехорошая фамилия.

— Да это ведь, ваше благородие, не от могилы, а от Могилева!..

Взойдя на гору, мы попали на торную дорогу; но куда идти? «Пойдем, — говорю, — на выстрелы, а то можем, пожалуй, зайти в неприятельский аул». Могилевцев подсадил меня на лошадь и повел ее в поводу. Дорогу прорезывали пули. Вдруг видим навстречу нам Лидерс со штабом: он отъехал от авангарда с целью привести в возможный порядок войска, оставшиеся назади, и двинуть левую цепь. Впереди ехал начальник его конвоя, Каз-Булат Ясенов.[321] Я пристроился к штабу и совершенно успокоился. Так, после большой опасности меньшие уже кажутся ничтожными. Едем по дороге, вдруг на нас залп.

Упал адъютант Лидерса, граф де Бальмен. Никто не обратил внимания.

— Ваше высокопревосходительство, — сказал Ясенов, — надо опять повернуть назад и ехать лесом.

Повернули в лес и поехали рысью.

Для меня было трудно такое движение: я отстал, запутался было между деревьями и вспомнил об Авессаломе.[322] Двое черкесов, у которых ружья были выстрелены, бросились на меня с шашками; однако я кое-как выпутался и догнал штаб, находившийся уже при выходе из леса, между двумя завалами, занятыми передовой частью авангарда.*

---

* Тут провезли перекинутого через седло убитого адъютанта Лонгинова.

Слезли с лошадей. Генерал Лидерс прилег на мою раненую ногу, большой сапог которой весь наполнился кровью. Подле него лежал генерального штаба штабс-капитан граф Гейден (нынешний дежурный генерал); напротив Меллер-Закомельский. Подполковник Непокойчицкий один ходил и расставлял войска в цепи.

Положение было отчаянное. Мы были окружены со всех сторон и ожидали каждую минуту нападения на нас горцев в числе гораздо превосходном. Хотя горцам обошлась бы дорого наша жизнь, но мы, конечно, были бы истреблены: нас было не более ста. Генерал Лидерс, видя безвыходное положение, обратился к окружающим и сказал: «Стыдно так умирать; пойдем вперед и умрем как следует». — «К сожалению, кроме меня, — прошептал я, — потому что я не могу встать». Тут только он заметил, что я ранен. После нескольких минут колебания решились остаться на месте и ожидать прихода главных сил.

В это время один казак, ходивший под гору напиться, увидал трех горцев, подползавших к нам, убил одного и, сняв с него шашку и ружье, возвратился с неудовольствием, найдя, что на них нет ни на монету серебра.

Между тем, Каз-Булат Ясенов, чрезвычайно меня любивший, держал мне такую речь: «Ты не бойся, если тебя убьют: я тебя глубоко зарою, а на тебя положу солдата, землю, и опять солдата, так что тебя не найдут». Тщетно я разуверял его, что для меня будет все равно, когда меня убьют, найдут ли меня или не найдут.

В таком положении мы оставались около часу и провели что называется un manvais quart d'heure.[323] Неприятель не смел атаковать горсти храбрых открытой силой, вызывал нас в поле и в особенности по дороге влево, где в 1842 году потерпел генерал Граббе; но наша дорога была вправо. Все это происходило около деревни Шуани.*

---

* Помещаем здесь рассказ одного из участников Даргинской экспедиции, Г***,[324] о наступлении наших войск от с. Урдали к с. Шуани: «Завалы еще не были взяты куринцами, когда генерал-майор Белявский, с тремя батальонами: Апшеронским, Литовским и Люблинским, спустился с высокого берега притока Аксая, около дер. Урдали, и направился вправо на поляну, чтобы атаковать впереди лежавший лес; здесь же он отделил влево три роты Апшеронского полка и одну Литовского, чтобы атаковать с фланга завалы, против которых куринцы шли с фронта. Затем у генерала Белявского остались: один батальон Люблинского полка, три роты Литовского и одна рота Апшеронского. С этим аванвангардом ему предстояло пройти довольно широкую поляну, совершенно открытую, которая обстреливалась с фронта из опушки леса, а справа из огромного завала, устроенного на хребте горы, перпендикулярной к притоку Аксая. Дорога сначала шла почти параллельно к притоку Аксая и потом поворачивала влево через ручеек, на котором был мостик и за которым начиналась поляна; посреди этой поляны шла дорога вверх, в густой лес; справа

«Идут! идут!» — чуть не все закричали вдруг. Прибывшее орудие стало за передним завалом, и после трех выстрелов горцы скрылись.

За ними двинулась пехота.

Я сел верхом. От потери крови мне было тошно. Увидав какого-то доктора, я ему сказал о своем положении. Он меня спросил:

— Вы пьете водку?

— Никогда.

находился вышепомянутый большой завал, против оконечности которого была направлена особая колонна (правая цепь) из рот Навагинского полка, под начальством полковника Бибикова. Навагинцы замешкались, а, между тем, генерал-майор Белявский, с своими двумя батальонами, пробежал поляну и взял опушку леса, при чем потерял очень много людей от флангового огня с завала. Главнокомандующий, граф Воронцов, при котором я находился, оставался в это время на правом берегу притока Аксая, при батарее у дер. Урдали, обстреливавшей противолежащую высоту, на которую поднимались куринцы. Не получая долго никакого донесения из авангарда, с которым он для этой цели отправил своего адъютанта Лонгинова, граф Воронцов послал меня в авангард с приказанием дойти с ним до поляны и, остановив там войска, вернуться немедленно с донесением. Согласно приказанию, я спустился с горы и поскакал по дороге, пройденной авангардом. На ручейке, у мостика, я увидел невдалеке генерала Лидерса с саперами. Генерал Лидерс закричал мне: «Господин офицер, пожалуйте сюда». Я свернул с дороги вправо и подъехал к нему. Генерал Лидерс спросил, куда я скачу; я доложил о данном мне поручении. Генерал Лидерс, осыпаемый градом пуль с правого завала, сидел спокойно на лошади и приказывал горнисту играть сигнал «правая цепь впереди», для того, чтоб навагинцы скорее заняли завал. Я поехал далее по полянс, на которой лежало множество убитых, раненых, въехал в лес и вскоре догнал генерала Белинского. Ожидая найти весь авангард, я увидел только горсть люблинцев, впереди которых ехал сам Белявский, а рядом с ним адъютант графа Воронцова Лонгинов. Я знал Белявского еще с детства, когда он служил в л.-гв. Волынском полку и бывал в доме моего отца. Я подъехал к нему и, доложив о поручении, сказал: «Константин Яковлевич, где ваш авангард?» Он мне в ответ: «За мною». — Я заметил, что проезжая к нему, я не видал ни одной роты и что только раненые да убитые лежат вдоль дороги. «Вы, вероятно, ехали по другой дороге и не видали моих рот: они находятся правее». Я подумал, что действительно ошибся, и, присоединившись к охотникам Белявского, следовал с ними далее. С удовольствием слушал я пение их: «Мы, герои, дети славы, дети белого царя!» Белявский обратился ко мне и сказал: «Вся бригада моя так поет; это заставляет их ходить в ногу». — Таким порядком весело подвигались мы вперед. Пули свистали кругом. Лонгинов, не видя конца лесу, хотел воротиться к главнокомандующему; но я посоветовал ему доехать до ожидаемой поляны и отправиться к графу Воронцову вместе. Он последовал моему совету и затянул песню, вместе с охотниками. Вдруг раздался сильный залп: я очутился пешком. Мне показалось, что меня ударили палкою в правую руку. Вскоре я опомнился. На дороге лежали убитые и раненые; сам я был ранен в правую руку, а лошадь моя лежала с разбитою ногой. Я бросил ее и последовал вперед за войсками, которые уже успели занять опушку леса и завал. Тут увидел я наконец поляну, которая спускалась к притоку Аксая, где

— Так выпейте, — сказал он мне, подавая свою фляжку, и вылечил. Когда, через оставленный нами лес потянулись вьюки и раненые, горцы, бросившись на дорогу, убили некоторых раненых, в том числе подполковника Завальевского. Конногвардеец, штабс-ротмистр барон Шепинг бросился защищать графа Бенкендорфа, с которого горцы успели стащить платье и дать четыре раны шашкой и одну кинжалом. Барон Шепинг[325] рассказывал, что он сам не помнит, как махал шашкой, и не чувствовал полученных им трех ран; но ему удалось спасти Бенкендорфа. Замечательно, что этот случай и оригинальное кровопускание спасли жизнь графа: у него начиналось воспаление, потеря же крови уменьшила его.

Чтобы иметь хороший ночлег близ воды, надо было пройти еще два оврага. Неприятель отвсюду бежал, и мы заняли высоты беспрепятственно. Солдаты, всходя на них, бросали кверху фуражки.

Мы сделали в этот день только 12 верст, а пришли на ночлег поздно вечером и расположились у Исса-Юрта. Полевые орудия пришли только утром.

Шамиль упрекал наибов, что они не исполнили обещания: пропустили русских.

Поздно вечером мне сделали перевязку. Слуга мой возвратился с поникшей головой: у него в лесу отбили и лошадь, и шкатулку.

лежала дер. Шуани. Впереди, на том же хребте, по которому мы шли, в 200 шагах был другой огромный завал, занятый горцами. Оттуда нас сильно обстреливали; слева из леса также стреляли; наконец, дорога, по которой мы следовали, в тылу у нас также была занята горцами. Положение наше было самое критическое; горцы били наповал. Я думал было вернуться к главнокомандующему и донести о том, что авангард Белявского или, лучше сказать, горсть людей дошла до поляны, но пешком идти было далеко; к тому же сообщение было прервано. В это время подъехал к нам генерал Лидерс, слез с лошади, подошел к генералу Белявскому и сказал, что надо во что бы то ни стало взять большой завал. Белявский что-то возразил. Произошел горячий спор. Генерал Лидерс, убедившись, что с такою горстью людей нельзя было идти дальше, а можно было только держаться в завале, сел на коня и поехал в лес обратно, чтобы собрать рассеянные части авангарда. Я воспользовался этим случаем, чтобы вместе с конвоем генерала Лидерса пробраться назад и донести главнокомандующему о положении дела. Добыв себе лошадь, я поехал вслед за свитою; но едва успели мы отъехать шагов тридцать от завала, как были встречены градом пуль. Граф де Бальмен был убит; Лонгинов и многие другие ранены. Лес был сильно занят горцами; они в ярости бросались на нас и хватали лошадей за уздцы. Мы вернулись назад и снова слезли с лошадей. Окруженные со всех сторон, мы ждали нападения горцев. Положение генерала Лидерса было самое отчаянное. Он желал смерти. Обратясь к своей свите, он сказал по-французски: «Allons, messieurs, mourrons!»[326] Ординарец его, молодой грузин, встал впереди его, поднял руки и не пустил; флигель-адъютант граф Александр Сергеевич Строганов и я уговаривали генерала Лидерса остаться на месте. Такое безвыходное положение продолжалось

Потеря 13-го числа, при выступлении из Дарго, была невелика, вместе же с 14-м она составляла: убитыми: 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров и 77 нижних чинов; ранеными: 4 штаб-офицера, 15 обер-офицеров и 220 нижних чинов. Всего выбыло из строя: 26 офицеров и 297 нижних чинов.*

В следующие дни я уже был вольный казак и ехал где мне вздумается. Одно только было неприятно: я был в постоянной зависимости, не будучи в состоянии без посторонней помощи ни сесть на лошадь, ни слезть.

15-го числа мы следовали по довольно открытой местности; только влево находились лесистые возвышенности, с которых стрелял неприятель, но вскоре был оттуда прогнан цепью пехоты с милицией.

Грузины, при малейшем крике, скакали как сумасшедшие и бередили мне ногу Полковник Дружинин, ехавший со мной, совсем уже был готов стрелять в них, чтобы спасти меня от натиска.

Граф Воронцов, находя, что раненым трудно было двигаться и что войска устали после вчерашнего трудного перехода с боем, приказал через 5 верст остановиться на ночлег у аула Аллерой.

Когда у Лабынцева спрашивали на военном совете в Дарго, по которой дороге лучше будет идти отряду, он отвечал: «Дойдем по всякой, если только пойдем не торопясь». Некоторые из наибов клялись Шамилю, что 16-го числа они не выпустят русских.

долго. В это время граф Строганов, увидев, что из руки моей течет кровь, взял платок и перевязал мне рану поверх сюртука; о настоящей перевязке и думать было нечего.

После долгих ожиданий граф Воронцов, не получая никакого донесения в авангарде, двинулся сам с войсками в лес. Рота Апшеронского полка очистила дорогу от горцев и пришла к нам на помощь с горными орудиями. Как только я увидел, что войска идут к нам в подкрепление, я пошел пешком к ним навстречу и, пропустив апшеронцев, направился далее. В лесу были кучки наших и горцев, вьюки, раненые и денщики. Все это перемешалось. Вдали шел пешком граф Воронцов, спокойный, невозмутимый, окруженный большою свитою. Не дойдя еще до него, я услышал снова крик горцев, которые бросились на свиту главнокомандующего. К счастью, подоспела рота и отразила горцев. Я встретил графа Воронцова с обнаженною шпагою в самую критическую минуту. Нельзя было налюбоваться величественною фигурою этого героя. Его хладнокровие, его спокойствие внушали столько доверия, что никто не думал об опасности. Я доложил ему обо всем происходившем. Когда мы вышли на поляну, то верхний завал уже был взят и на поляне столпилась масса людей всех полков. Граф Воронцов приказал привести все в порядок, и после некоторого отдыха мы двинулись далее вправо через Шуанский ручеек, на малую высоту у кладбища, где вновь остановились. Здесь доктор перевязал мне рану...»

* Авангард или часть его была сворочена с дороги без ведома Белявского и направлена на первый завал со стороны леса. Этот завал, в котором было сказано выше, был атакован с одной оконечности навагинцами, с фронта саперами, а с другой оконечности люблинцами и литовцами из авангарда.

На этом довольно большом переходе было всего довольно: и густых лесов с завалами поперек дороги, и оврагов с завалами сбоку и на противоположном берегу. Опять авангард брал завалы и, переходя овраги, отдалялся от главных сил; опять досталось саперам, которые должны были чинить испорченный мостик. Было одно время, что отряд приостановился. Послали в арьергард за ротой Кабардинского полка. Граф Воронцов взял несколько рот, находившихся под рукой, чтобы восстановить сообщение с авангардом, но не восстановил его, а только догнал с ними авангард, подвергаясь большой опасности, при чем были ранены его адъютанты Глебов и князь Васильчиков.

Наконец, усиленным натиском пришедшей роты кабардинцев и других левый завал был взят и свободное движение восстановлено. Арьергард, отступая в большом порядке, выдерживал отчаянные натиски Шуаиба-муллы. Отступление производилось перекатною цепью. Раз, когда одна рота оставлена была для прикрытия мостика, Шуаиб-мулла, с прочими знатными горцами, впереди огромной толпы, бросился на роту, чтобы истребить ее. Но за ротой скрытно был поставлен резерв: с помощью его рота выдержала нападение, и Шуаиб-мулла с прочими знатными горцами погибли на штыках храбрых кабардинцев.

Дойдя до Шамхал-Берды (Шаухал-Берды), отряд расположился на бивуаках. Здесь мы нашли на полях много неснятой кукурузы и пшеницы, что было весьма кстати, ибо солдаты давно уже не видали хлеба.

После того, как меня ранили, я по какому-то праву посылал за супом на кухню графа Воронцова; кроме того, мне подарили несколько патронов с хлебными крошками, которые я по одному высыпал в тарелку.

15-го числа, в продолжение нашего пятиверстного перехода, мы почти не имели потери,* 16-го же понесли довольно значительную. В оба дня было убитых: обер-офицера 2, нижних чинов 120, раненых: штаб-офицеров 4, обер-офицеров 13, нижних чинов 350; а всего выбыло из строя: офицеров 19, нижних чинов 470.**

Граф Воронцов, видя большую потерю и утомление раненых, решился при Шамхал-Берде ожидать прибытия генерала Фрейтага, к которому было послано несколько записок приказанием следовать к Шамхал-Берде.

---

* При атаке сильной позиции, занятой горцами впереди аула *Аллерой*, мы потерпели *убитыми*: 13 нижних чинов; *ранеными*: 3 обер-офицера и 44 нижних чина; 19 нижних чинов контуженными и одного пропавшего без вести.

** Потеря обоих дней была: *убитых*: 2 офицера и 122 нижних чина; *раненых*: 17 штаб- и обер-офицеров и 350 нижних чинов; *контужены*: 2 офицера и 60 нижних чинов; *без вести пропавших*: 16 нижних чинов. См. «Обзор», с. 66, 67 и 70.

Сначала мне разбили палатку близ палатки графа Воронцова; но Шамиль, поставив на горе три орудия, преимущественно стрелял по нашим палаткам. Тогда Артур Адамович Непокойчицкий предложил мне переменить место. «Я сам велю разбить палатку подле палатки начальника артиллерии, генерала Козлянинова. Он, как артиллерист, должен знать, куда ядра не попадают». Но и там нас беспокоили, особенно когда сзади того места, где мы расположились, поставили музыку. Песенники пели во всем отряде. Эта мелодия чрезвычайно сердила Шамиля. «Не знают, будут ли завтра живы, а поют», — говорил он. Шамиль, постепенно сворачивая орудия, обстреливал весь лагерь. Майор К** этого не заметил и, когда ядро упало подле него, отошел. Опять ядро падает на том месте, где он стоит; он снова отходит, а ядра все за ним. Совершив таким порядком три раза путешествие вокруг лагеря, он в изнеможении бросился на землю и произнес: «Уф, устал! Да почему же это Шамиль все в меня целит?..»

Около моей постели всегда собиралось большое общество из разных штабов; часто бывал и Щербинин (ныне сенатор), статский, который никак не мог себе простить своего желания посмотреть на экспедицию и всегда прибавлял: «Вас убьют, вам так и следует, а про меня скажут: дурак».

От Фрейтага не было никакого известия; между тем, у солдат не стало уже сухарей; патронов в запасе было весьма мало. Решено было прождать еще 18-е число и, если Фрейтаг не придет, то на следующий день двинуться вперед. Неприятель сильно занимал фронтальный и боковые завалы. Предстояло атаковать их или, правильнее выразиться, пробиться сквозь массы горцев. Главной целью было спасти главнокомандующего. Но к вечеру 18-го числа показался отряд: это были войска Фрейтага. Так как они шли без мундиров, в рубашках, то настроенное воображение некоторых хотело в них видеть белых мюридов. Фрейтаг вел к нам 8 батальонов с 12 орудиями и пришел чрезвычайно быстро.*

19-го, утром, мы услышали сильную канонаду: генерал Фрейтаг обстреливал правый берег Аксая и неприятельские завалы, остановясь от нас верстах в трех, за большим лесистым оврагом.

Войска из Шамхал-Берды двинулись навстречу, имея впереди авангарда раненых. Хотя эта команда, достигшая 1500 человек, а с несущими и более, была вверена походному атаману, который заботился о них весьма добросовестно и выказал при этом истинно-христианское человеколюбие, но как, по самому составу ее, в ней невозможно было

* Фрейтаг привел с собою 7 ½ батальонов пехоты, 3 казачьих сотни и 13 орудий. См. «Обзор», с. 71 и 72.

водворить дисциплину, то близость отряда Фрейтага побудила ее поскорей броситься вперед, так что удержать не было никакой возможности. Но за это очень ловко взялся Шамиль.

Слева был огромный завал, который открыл вдруг по раненым сильный огонь, что заставило поскорее слезть с лошадей тех, кто ехал верхом, и вообще всех остановиться и спрятаться за деревья. С правого берега Аксая нас тоже не щадили.

Себя я дефилировал со всех сторон; но бедная лошадь моя только фыркала от свиста пуль и стука их в деревья.

Она была на виду и, по словам осетинов, обязана своим спасением амулету, который имела на шее.

Раненый командир Навагинского полка, Бибиков, был прикрыт от солнца белым балдахином. Это послужило горцам целью, и он был убит.

Между тем, генерал Белявский, расточая нам упреки за беспорядок, обогнал нас с 1-м батальоном Литовского полка, саперами, стрелками и милицией.

Взаимным действием нашим и отряда Фрейтага завалы были взяты, причем тяжело ранены: генерального штаба капитан Прушановский, заменивший меня в авангарде, и гвардии поручик Козлянинов.*

Отряды соединились с криком «ура!». Воронцов подал Фрейтагу руку и, обратясь к войскам, сказал: «Кричите «ура» вашему избавителю!»

Пришедшие войска были в белых рубашках, с здоровыми лицами, с блестящим оружием; наши же худые, бледные, больные, грязные, оборванные и с заржавленными ружьями. Отряд генерала Фрейтага расположился таким образом, чтобы наши войска могли пройти через него.

В авангарде у Фрейтага были нашего 5-го корпуса: два модлинских и два прагских батальона. Пред каждым из батальонных командиров была разложена обильная закуска: они знали о нашем голоде. Сначала мы искоса на нее поглядывали, но когда нас пригласили, то мы так прилежно занялись ею, что нас спрашивали: «А вы давно не ели?» — «Да уж давно, — отвечали мы жалобно, — дней шесть!» — «Пожалуйста, больше не кушайте: нам не жаль, а вы себе вред сделаете».

Мы ночевали у Миската. С неприятелем распрощались; но нас тревожил сильный дождь. У меня замокли на перевязке бинты, и я был в печальном положении. Михаил Иванович Дараган достал мне где-то стакан чаю.

На другой день, 20-го числа, на правах раненых, мы ушли вперед в Герзель-аул. Комендант накормил нас обедом, который показался нам таким вкусным, что, конечно, ни прежде, ни после такого мы не видали.

---

* Убит в Царстве Польском в январе 1863 г.

В продолжение всего движения в Герзель-аул из Дарго (с 13 по 23 июля) мы потеряли: убитыми: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 10, нижних чинов 280; ранеными: штаб-офицеров 9, обер-офицеров 36, рядовых 740.* Всего же выбыло из строя: офицеров 57 и нижних чинов 1020.

Так кончилась знаменитая Даргинская экспедиция. Она оставила по себе славные воспоминания, несмотря на неудачный исход, на который, при оценке ее, надо обращать наименее внимания, ибо будучи, по существу своему, огромной ошибкой, она другого исхода и не могла иметь. Громкая слава ее зависит от непреодолимых трудностей, побежденных войсками, поставленными всеми обстоятельствами в положение, которое, не преувеличивая, можно назвать отчаянным: без пищи, без патронов и снарядов, обремененные ранеными, окруженные со всех сторон многочисленным неприятелем, они не потеряли бодрости и вышли из него с честью.

Врожденная доблесть русского солдата: не падать духом при неудаче — много помогла столь счастливому исходу; но неоспоримо способствовали тому высокие достоинства и опытность начальников, во главе которых стоял князь Воронцов.

Даргинская экспедиция имеет обаяние славы, и теперь, двадцать лет спустя, даже после Севастополя, всякий участвовавший в ней произнесет с некоторою гордостью: и я был в Дарго!

Примечание. Выражая мою искреннюю признательность его высокопревосходительству Сергию Дмитриевичу Безобразову за многие замечания, сделанные им при прочтении моих воспоминаний и введенные мною в текст, прошу великодушного извинения, что я не воспользовался следующею заметкою по поводу сухарной экспедиции: *«Справедливо но я оставил бы в покое тень доблестного начальника».* Мне казалось, что военное значение князя Воронцова, еще в молодости своей выходившего с торжеством из столкновения с лучшими войсками в мире, столь прочно и громко, что некоторые ошибки, по крайней мере нам казавшиеся таковыми, не могут затемнить его славы и что, несмотря на них, Дарго прибавило новый луч к ее ореолу.

Радзивилов. 19 марта 1864 года.

---

* Потеря эта в «Обзоре» показана: убитыми: 2 штаб- и 10 обер-офицеров и 283 нижних чина; ранеными: 9 штаб- и 30 обер-офицеров и 733 нижних чиа; пропавших без вести: 40 человек; контуженых: 2 штаб- и 9 обер-офицеров и 132 нижних чина.

Н. И. ГОРЧАКОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ В ДАРГО (1845 г.)

(Из дневника офицера Куринского полка)

В последних числах мая 1845 года отряд кавказских войск, равный числительностью небольшой армии, выступил из кр. Внезапной, под личным начальством главнокомандующего князя Воронцова. Войска, хотя медленно, но весело двигались по равнине у подножия хребта, отделяющего Кумыкскую плоскость от Ичкерии. День был ясный, погода тихая; направо переливающеюся зеленью стлалась цепь одевшихся заново гор; там и сям пар из минеральных источников густым облаком поднимался к небесам.

До 3 июня движение отряда происходило без особых, боевых предосторожностей, как бы во время обыкновенного, мирного похода. В этот день войска ночевали на берегу р. Аксай, у высот Буртуная.*

4 июня, в полдень, началась переправа через овраг, за которым движение наше должно было получить иной характер. Я был послан с жолнерною[327] командою занять в общем лагере место для трех батальонов Куринского полка. В этот день полк не мог переправиться по случаю дождя, крутизны спуска, топкой дороги и многочисленности войск; он остался ночевать по сю сторону оврага.

Я, между тем, прибыл к своему месту, — явился к подполковнику генерального штаба Левинсону,[328] который указал мне позицию для полка; разбил, где следовало, колышки, и с командою из десяти человек нижних чинов, в свою очередь, расположился на ночлег. Наступила темная ночь и скрыла в себе и горы, и отряд; на землю спустился

---

* 3 июня, не встречая нигде сопротивления, кроме незначительной перестрелки на Хубарских высотах (перед аулом Черкей), чеченский отряд прибыл на Герме, где нашел дагестанский отряд; в этот же день знаменитая буртунайская позиция, за Теренгульским оврагом, служившая оплотом Салатавии и сильно укрепленная, была оставлена неприятелем, и 3 июня, войска наши без боя заняли Старый Буртунай. (Из официальных данных.)

густой туман. Но все еще долго слышалось движение подходивших войск: шум, говор, стук оружия и ржание усталых вьючных коней. Измученный дневным утомительным переходом, я прилег на землю, положил под голову седло, завернулся в бурку и скоро заснул безмятежным сном юности. Далеко внизу, у ног моих, шумя и пенясь по каменистому дну, мчалась быстрая речка.

Наутро, лишь только загорелась заря и затем выглянуло из-за хребта теплое майское солнце, — густой пар быстро умчался в пространство и обнажил голые скалы Дагестана. Несколько батальонов, в том числе и 1-й батальон нашего полка, выступил на рекогносцировку. К одинадцати часам мы уже перешагнули хребет по отвесным тропам, кое-как приспособленным для горных орудий, которые, однако, все-таки подвигались на лямках. Отсюда началась Салатавия.

После привала в глубоком ущелье наш 1-й батальон, в три часа пополудни, пошел на приступ горы Анчимеер,* под градом пуль, ядер и камней. Подъем на вершину, на которую мы ползли, был чрезвычайно крут; день жаркий, воды нет. Все это до крайности нас утомляло. Вершина горы была защищаема мюридами, которые держались на ней до тех пор, пока убедились, что сопротивление бесполезно; тогда они стали понемногу отступать. Поручик Мерклин[329] занял гору, сбил мюридов, — и они бежали. За Мерклиным вступили на высоты и прочие войска. Маркитанты бойко подвигались вслед за батальонами, будучи вполне уверены, что если уцелеют, то получат с избытком золото в обмен на шампанское, которым наполнены были их саквы, и на прочую живность, висевшую у них в сумах через плечо. Князь Воронцов следил за движением войск с противоположной высоты. Картина была своеобразная, но в горах Кавказа не исключительная.

Когда при дружном и неумолкаемом «ура!» мы прошли полосу смерти и вступили на вершину, — нам отрадно было сознать наш подвиг, которого мы достигли не только без страха, но и с удовольствием. Губы наши запеклись кровью от зноя и жажды; лица и платье были в грязи; видимое изнеможение лучше всяких других доказательств свидетельствовало о понесенном труде.

Холодная дагестанская ночь доставила нам сон — но лихорадочный, тем более что мы были в летнем платье.

6 июня, в командование нашими войсками вступил генерал Пассек.** Приняв отряд, он двинул его по высотам, отделяющим Салатавию от

---

* Гора Анчимеер служила ключом мичикальской позиции, которую горцы намеревались защищать, привезя туда для этого одно орудие.

** Желание привести в ясность получаемые сбивчивые сведения побудило Воронцова лично удостовериться, в какой степени возможен переход через пере-

Гумбета. Здесь и далее природа Нагорного Дагестана представляет местность скалистую, обнаженную, лишенную ровных пространств, пересеченную множеством ущелий, почти всегда закутанных в густые и мокрые облака. Едва выбившаяся растительность замирает; самые лучи солнца как бы холодеют от прикосновения с каменистой и сырой почвой, словно земля, на которую они падают, носит печать наказания. Лишь только попадешь в этот мир — какая-то безотчетная тоска охватывает душу и невольно вспоминаются «иные места и лица», которым по необходимости завидуешь.

Мы прошли до десяти верст — все поднимаясь к облакам и изредка пересекая их на снежных вершинах, то спускаясь вниз в ущелья и узкие долины, где струились холодные и быстрые потоки, то вновь поднимаясь еще выше. К вечеру отряд остановился на вершине Зунумеер, на пути из ущелья Мичикале в Андию.

Одиннадцатое июня застало нас на снежной горе, под сумрачным небом и открытым холодным ветром. Облака, одно за другим, неслись над нашим бивуаком, как бы испытывая наше терпение и мужество в борьбе с природой и ее стихиями.

Наши вьюки остались в главном отряде. В течение пяти суток, терпя недостаток в необходимом, мы перебивались хуже цыган. Отсутствие топлива вынудило нас обратить на дрова половинки кольев, которыми прикрепляются палатки; но, к сожалению, эта мера пригодилась на один раз; да и каша, сваренная на кольях, оказалась наполовину сырою. Затем, у нас не осталось даже и круп: нечего было варить. На пятый день ночью приехал к нам, под прикрытием сотни милиционеров, юнкер Нижегородского полка, граф Чапский, который, зная наше бедственное положение, привез для нас манерку спирта и фунта три колбасы. Рано утром мы собрались у кургана, где стояло наше горное орудие, и Чапский, откупорив манерку, отпускал каждому, по желанию, спирт, впрочем, не свыше одной чарки. Пьющий и непьющий глотали этот спирт, не разводя его даже водою, которой, впрочем, и не было; воду заменял нам снег.

В этот же день, 11 июня, прибыли наши вьюки; что доказывало близость главного отряда. Мы переоделись, хорошо поели и несколько оправились; хотя ноги наши, опухшие от сырости и холода, давали себя чувствовать очень больно.

Ненастная погода все-таки продолжалась; люди стали болеть — чему много способствовало отсутствие теплой одежды. Лошади нада-

---

вал Кырк. С этою целью главнокомандующий выступил 5 июня в том направлении, взял с собою налегке первые батальоны полков, часть кавалерии и артиллерии; командование отрядом поручено было генералу Пассеку, который и занял Анчимеер. (Из официальных данных.)

ли от голода и стужи. Хотя генерал Пассек уверял всех, что мы скоро оставим эту позицию и сойдем на долину, но сам не знал, когда постигнет нас это счастье.

12 июня мы увидели главный отряд,* который, двигаясь по плоскогорью и обойдя, таким образом, наш лагерь, остановился на ночлег при входе в Андию, невдали от так называемых Андийских ворот. Генерал Пассек получил приказание присоединиться к главному отряду. Ударили сбор. Но пришлось очень долго собирать солдат, которые, зная, что есть нечего и что никакой службы нет, лежали молча под снегом в своих ямах, по два в каждой. Палатки у нас хотя и водились, но их недоставало даже для офицеров.

Лишь только мы спустились с горы, нас пригрело солнышко — и мы ожили. Но все же из головы не выходила неотвязная мысль: к чему все эти жертвы, эта погибель людей и денег в борьбе с врагом и природою, бесполезная трата времени для прочного покорения Кавказа, неподдающегося ложной системе войны, затягиваемой, под разными предлогами, целые десятки лет?

13 июня нашему 1-му батальону, под командою полковника графа Бенкендорфа, приказано было отступить назад и занять вагенбург в ущелье Мичикале, для охранения сообщения с Темир-Хан-Шурою.

До 26 июня главные силы отряда стояли в Андии без всякого дела; ту же участь испытывал и наш батальон. Мы стояли на высоте, с которой за сто верст, сквозь нежный воздух юга, виднелся, как тонкая лента, Терек с долиною, по которой бежал, с станицами и городами на ней. До нас доходили сведения, что мы должны будем любоваться этою картиною еще до тех пор, пока отряд будет снабжен довольствием на две недели, и оставим наш лагерь только с последним транспортом из Шуры... К счастью, этого пришлось ожидать недолго, — через несколько дней мы присоединились к главным силам, расположенным в Андии.

Заранее можно было видеть всю нерасчетливость нашей экспедиции, в результате которой должны будут оказаться наши невозвратимые потери, — может быть, даже неудача. И если она явится, то усилит в горцах самоуверенность и надежды, могущие губительно отозваться для нас на всем крае (что, действительно, и произошло потом, в 1846 г., в Кабарде).[330]

От сырости и холода у нас в Мичикале переболел весь батальон, не исключая и офицеров; от недостатка зимней обуви многие на горе Соух-

---

* Главный отряд выступил 11 числа с Мичикале к Горольгоху, где соединился с войсками Пассека, а 12-го расположился в виду Андийских ворот, которые были укреплены горцами. (Из официальных данных.)

Булак поотмораживали себе ноги. Но к тому времени, когда получено было приказание об отступлении, мы все — более или менее — оправились.

Мы присоединились к главному отряду. Положение его было сравнительно хорошее, так как он вдоволь пользовался всяким довольствием. Но и это довольствие через неделю заметно иссякло; даже явилась нужда в необходимых продуктах. А войска все-таки стояли в совершенном бездействии и праздности; медлительность была невероятная. При этом условии горцам предоставлялась возможность со всех трущоб собраться в ичкеринские леса и вполне окружить нас. За столетними чинарами Ичкерии, хорошо памятными куринцам,[331] следовало ожидать новой катастрофы; судя по неопытности распорядителей, его ожидание стояло вне всякого сомнения. 6 июля отряд, наконец, снялся и отдельными колоннами, прикрывая усердно обоз и артиллерию, тронулся в Дарго. Движение происходило сперва у подножия скал, по тропам, пробитым саперами, потом по уступам гор.

Вскоре мы увидели знаменитые ичкеринские леса. В Дарго мы шли около двух суток.

7 июля. Лагерь в Дарго

Столица Шамиля, к которой направлены были тысячи желаний, которую каждый домогался видеть с нетерпением, предполагая, что со взятием ее прекратятся все томительные труды, эта столица — Дарго, наконец, у наших ног. Отряд занял ближайшие к аулу высоты, у подножия которых лепились обгорелые сакли и виднелся плетень, огораживавший дворец Шамиля. Вид на долину Аксая восхитительный. По ней разбросаны группами многолетние деревья, струятся холодные и чистые, как кристалл, источники, — и все это стянуто вокруг горами и темными ущельями, где, благодаря густой тени и отсутствию солнечных лучей, царят как бы вечные сумерки. По ту сторону долины, прямо против нас, на высотах, в виде отдельных дач, раскинулась так называемая «артилерийская» слободка, и среди нее — лагерь Шамиля.

Занятие Дарго передовыми войсками отряда стоило нам до 70 нижних чинов убитыми, не считая раненых.[332] Кроме того, убиты: генерал Фок, колонновожатый — генерального штаба подполковник Левинсон, многие штаб- и обер-офицеры, которых, впрочем, я не знал, — да и распрашивать об них было некогда.

Дорога из Андии в Дарго, на протяжении нескольких верст, идет по откосам обнаженных скал, потом направляется по опушке вековых чинар, поднимается вверх и вновь, около четырех верст, спускается по лесистому хребту в долину Дарго. Это — последний и самый трудный переход, которому горцы противодействовали с большим упорством,

так что приходилось штурмовать каждый перелесок. Когда 7 июля колонна в полдень вступила в Дарго — аул уже был сожжен по приказанию Шамиля. Нашей военной добычей могли бы быть два орудия, зарытые неприятелем в земле; но их, так сказать, из-под носа у нас утащили горцы ночью, и мы об этом узнали от солдат только на следующий день, когда ими были найдены две свежевскрытые ямы.

К вечеру стянулся весь отряд.* Но что в этом пользы! Мы им не могли устрашить неприятеля сколько потому, что он, видимо, чувствовал себя сильным нравственно и количественно, столько же и потому, что густой туман препятствовал ему рассмотреть наш обширный лагерь.

10 июля выстрелы из орудий и сигнальные ракеты нам дали знать, что давно жданный транспорт с провиантом подошел уже к опушке того векового леса, который не раз встречал нас так неприветливо. Согласно в свое время сделанным распоряжениям, командир транспортной колонны, состоявшей из шести рот Куринского полка, полковник Юлинг,[333] достигнув указанного места, должен был известить о своем прибытии, выждать выхода к нему навстречу войск из главного отряда, — и сдать им провиант. Для выполнения этого приказания была назначена половина людей от каждой части войск, т. е. половина всех наличных сил отряда. Встречное же движение войск впоследствии получило название «сухарной оказии». Этим встречным отрядом командовал генерал Клюгенау, авангардом — генерал Пассек, а арьергардом — генерал Викторов. Войска выступили из лагеря в должном порядке, забрав с собою все, какие было возможно, вьюки. Впереди шел батальон Кабардинского полка; генерал Клюгенау повел его вдоль хребта по ужасной лесной дороге, а остальные войска оставил на произвол судьбы. На долю их выпала дорога также дурная; а тут еще, как на беду, пошел дождь и размыл глинистую почву. От этого крутые подъемы сделались до того скользкие, что войска поневоле должны были идти враздробь, — вследствие чего утратили строй, растянулись до невероятности и пришли в беспорядок. Горцы воспользовались этими обстоятельствами и открыли самое отчаянное и жестокое нападение. Милиционеры, составлявшие левую цепь, были почти все перерезаны; рота Куринского полка, находившаяся в правой цепи, растянулась, растеряла своих людей и растерялась вообще; в обозе произошел страшный хаос: горцы врывались в середину его, хватали солдат за перевязи, убивали их, грабили все, что попадалось под руку. Из сакв, изрезанных шашками и кинжалами, сыпались по дороге золотые и серебряные монеты; из бурдюков, пробитых пулями, лился спирт; по земле, в бутылках, валялось дорогое вино

* Арьергард прибыл в Дарго в восемь часов утра 7 июля.

и множество съестных припасов, везенных маркитантами для отряда! Солдаты с жадностью кидались на добычу — и тут же погибали от метких выстрелов неприятеля; узкие места дороги были буквально загромождены их телами. Арьергард выдержал первый натиск неприятеля довольно стойко и мужественно, но потом дрогнул и отступил, оставив в руках его, между прочим, два орудия и гроб генерала Фока. Галуны на этом гробе более всего привлекли внимание горцев; они тотчас оборвали их, а тело выбросили на съедение зверям. Пассек и Викторов были убиты. Их тела, подобно телу Фока, также не пощажены неумолимою судьбою. Один из батальонов войск пятого корпуса, находившийся в арьергарде, был отброшен в обоз, оставил тела убитых и раненых и еще более усилил и без того крайний беспорядок отряда. Всем этим горцы, конечно, пользовались с успехом.

Вот последствия непростительной ошибки Клюгенау.

Не то было бы, если бы отряд подвигался неспешно, стягиваясь там, где это было необходимо. Тогда одна часть войска могла бы помогать другой. Это не утомляло бы людей, а горцы не осмеливались бы быть так дерзки; нам же нечего было спешить. Важная еще ошибка заключалась в том, что князь Воронцов вверил отряд тому генералу, который двенадцать лет воевал исключительно в Дагестане и не имел никакой практики для ведения войны в лесах Ичкерии и вообще Чечни. В первом случае орудийная стрельба по открытым местам, каковы скалистые горы, всегда оставляла победу за нами; во втором — она к делу неприложима, так как в Чечне и Ичкерии каждая естественная преграда, вроде оврага, уступа и т. п., составляет своего рода завал, поддающийся скорее штыку и шашке, чем гранате и даже картечи; каждое дерево, скрывая за собою человека, есть другого рода завал и надежнейшая защита для врага. Что же касается до самого генерала Клюгенау, то личная его ошибка состояла в том, что легкие войска он увел вперед, до самой опушки леса, где находился Юлинг, а отягченные вьюками оставил позади. Горцы же отлично рассчитали свой маневр: они пропустили батальон кабардинцев вместе с их военачальником, генералом Клюгенау, и тотчас отрезали его от остальных войск, загромоздив в то же время дорогу наскоро устроенными завалами. Генерал Клюгенау, пройдя лес, остановился в ожидании колонны; между тем, она в то самое время была уже разбита, потеряла своего начальника и лучших офицеров. Только в полночь прибыли к нему остатки ее — в самом жалком виде, в раздробленном и расстроенном состоянии. Рождается вопрос: почему генерал Клюгенау, видя медленность прибытия отряда, слыша сильную и непрерывную пальбу, не повернул обратно на выручку батальонов? Он, вероятно, не предполагал, что, по уходе его, колонна была остановлена и что головной батальон, объятый па-

ническим страхом, отказался идти на завалы. Генерал Пассек не мог уговорить растерявшихся солдат, ни воскресить в них мужество. Батальон, о котором идет речь, принадлежал к 5-му корпусу. Каждый шаг нашего движения доставался нам ценою десятков наших воинов — убитых и раненых. Солдаты, потеряв своих храбрых и лучших офицеров, никого и слушать не хотели, — они бежали толпою или поодиночке; но при этом в каждом из них замечалось стремление подвигаться вперед, по направлению к цели. Горцы же старались каждому из них преградить дорогу: врезывались в середину, били, убивали, сбрасывали в пропасть. Когда головной батальон дрогнул и остановился перед завалом, — мы лишились последней надежды поддержать в войсках порядок. Генерал Пассек, как говорили, изрубил знаменного унтерофицера, бросил батальон, один побежал вперед, вскочил на завал — и тут же поплатился жизнью за свою отвагу и геройство. В это время подоспели к завалу около двух взводов нашей роты, выбили горцев — и чуть живого Пассека подняли на руки. Едва успев проговорить: «Прощай, моя храбрая бригада!»* — он скончался; и с последними словами его кавказские войска лишились наилучшего и храбрейшего генерала. А, бывало, мы летали за ним, как за орлом, в теснинах Дагестана, в лесах Ичкерии и везде побивали неприятеля. Везде и всегда храбрый, находчивый перед врагом, ласковый и справедливый перед подчиненными, он всех заставил ценить свой ум, любить его, как дорогого товарища боевой жизни. Никто из нас не позабудет его доблестей; каждый до кончины будет вспоминать об нем, как о благороднейшем и добрейшем из начальников. Враги его боялись, а мы любили. Мир праху его!

Труп генерала Пассека был нами передан головному батальону все того же 5-го корпуса; но куда он потом девал эти драгоценные останки — Бог его знает. Вследствие помощи, поданной нашею ротою, часть обоза уцелела, — что нужно отнести к чести и храбрости ротного командира, капитана Посьета, поплатившегося за это сперва своею ногою, а затем и жизнью. Все эти несчастья опять-таки произошли от нераспорядительности генерала Клюгенау: колонна шла туда и обратно, на протяжении 8 верст, двое суток. И это произошло не от медленности марша, а от беспорядка. Беспорядок царствовал до самого возвращения колонны в Дарго, куда она явилась толпою. Убитые и раненые в батальонах, кроме Кабардинского, находившегося в арьергарде, были брошены, исключая убитых и раненых куринцев и кабардинцев, которые были взяты своими товарищами и с горем пополам доставлены в лагерь. Вообще, поражение операционной колонны было полное и совершенное.

---

* Бригаду эту составляли Куринский и Кабардинский полки.

Нет слов для описания тех раздирающих душу сцен и картин, которые происходили среди этой роковой бойни между неприятелем и нами, при превосходстве наших сил. Когда беспорядочная толпа наших разбитых войск подходила к лагерю, — на помощь ей была выслана вторая половина Кабардинского батальона. Она отстояла нам несколько вьюков, штук сорок скота, несколько раненых офицеров, два чемодана с почтою и клочки изнуренного и окровавленного войска, на которые невозможно было смотреть без сожаления.

Зачем было стоять целую неделю в Дарго? Имелась ли тут в виду какая-либо цель, или это была простая и бесцельная медлительность, стратегическая ошибка, ничем неисправимая и неизгладимая? Вот вопросы, на которые трудно ответить. При вступлении нашем в Дарго у нас было раненых немного в сравнении с тем прикрытием, которое мы им могли доставить; кроме того, войска наши были воинственного духа, в особенности после сражения в Дагестане. Коль скоро горцы сами уничтожили Дарго — и тем упредили нашу собственную цель, то что нас обязывало: 1) не отретироваться в Герзель-аул, а оставаться на месте целую неделю; 2) давать .возможность скопищам неприятеля собраться, усилиться и укротиться; 3), предпринять какую-то бесполезную рекогносцировку на противоположные высоты, в артиллерийскую слободку, где, как видно, мы соблазнились несколькими домишками и палатками Шамиля; 4) уничтожить в течение этого времени запасы провианта и, наконец, послать колонну за сухарями, тогда как в свое время с наличными сухарями мы во всяком случае могли добраться до Герзель-аула, имели бы мало раненых, сохранили бы дух в наших войсках?..

Говорят, что, по взятии Дарго, имелось в виду: устроить временные укрепления, производить из них набеги и, таким образом, теснить горцев. Но об этом нельзя было и думать, во-первых потому, что мы уже испытали трудность сообщения посредством вагенбургов с Шурою, откуда довольствовался отряд; во-вторых, эти места весьма населены, и, кроме того, горцы, даже в минуты наших боевых движений, постоянно прибывали из мирных наших аулов, усиливая этим средства неприятеля и будучи привлекаемы приманкою добычи и грабежа. Естественно, что прилив их в более бестревожное время, когда они могли бы достигать цели безнаказаннее, был бы еще более. В-третьих, местность не позволяла производить открытые набеги; и если бы нам пришлось посылать для этой надобности легкие отряды, то они бы, по всей вероятности, гибли безвозвратно в лесах и на узких дорогах под кинжалами горцев. Затем, если предполагали, что горцы, устрашась нашего отряда и потеряв свою плетневую столицу, пришлют к нам депутатов с просьбою о пощаде и мире, то такое

предположение вполне было достойно смеха. После всего этого еще раз спрашивается: какая цель была стоять так долго и бесполезно в Дарго?

Горцы дрались с нами отчаянно, потому что, раз померяв свои силы и увидев какую-то несвязность наших действий, неимевших положительной идеи, одушевились геройством; кроме того, мужество их усиливалось алчностью добычи; наконец, они боялись Шамиля. Последний, радея о своей личной свободе и о своем господстве, а также боясь утратить это господство над народом, которого сумел убедить в фанатизме, действовал страхом жестокого наказания над виновными за неповиновение его власти, карал мюридов за побеги, и вообще, — или казнил ослушников его воли, или бросал их в яму, где они от темноты теряли зрение, а от сырости и голода — силы и, конечно, умирали. Все эти меры и это деспотическое влияние на народ, по необходимости, заставляло последний драться и быть героем даже тогда, когда вовсе того не хотелось.

Была и еще одна причина нашего поражения: среди нас были военачальники, которым уже не раз доставалось от горцев; за князем же Воронцовым пока не водилось этих неудач. Вот и нужно было его поравнять с собою, иначе — если ему сойдет благополучно — старым кавказским воинам было бы совестно. Последние, действительно, достигли цели; разница между ними и кн. Воронцовым обнаружилась только в том, что каждый из них сгубил по семи тысяч солдат в течение нескольких лет, а князь Воронцов сумел уходить семь тысяч своих же людей в один прием.

14 июля* отдан был приказ снять лагерь и сжечь его. Нам предстояло постыдное бегство из Дарго, которое в эту же ночь совершилось при сильной буре. Она будто самим провидением была нам послана для того, чтобы оказать пособие в уничтожения лагеря и тем, быть может, избавиться от новой, еще худшей беды. Горцы, сплотившись тысячами, ожидали нас на двух дорогах, которые переборождили завалами. Но мы случайно попали на третью, совершенно противоположную дорогу, которая горцами почему-то была упущена из виду. Поздно ночью** отряд наш тихо двинулся и к рассвету без выстрела достиг высоты, где

---

* В четыре часа утра, 13 июля, действующий отряд, забрав всех раненых и больных, двинулся из лагеря при селении Дарго к позиции, занимаемой Шамилем у Цонтери, на урочище Кетечь-корт (курган совещания), где и имел ночлег. 14 июля, в 4 часа утра, отряд продолжал следование в направлении к сел. Шуани. (Из официальных данных.)

** В этот день войска прошли около 12 верст по трудной местности, беспрерывно сражаясь — и расположились на ночлег на высоте неподалеку селения Иссa-Юрт. (Из официальных данных.)

была расположена артиллерийская слободка. Горцы спохватились, но было поздно; свои орудия они боялись подвезти на близкую дистанцию, и хотя стреляли издалека, но без вреда для нас.

Говорят, что нашим счастливым отступлением мы обязаны следующему обстоятельству, за достоверность которого, впрочем, не ручаюсь: накануне нашего выступления явился к князю Воронцову какой-то наш беглый артиллерист и объявил, что так как дороги неприятелем заняты, а он жалеет своих земляков и прежних сослуживцев, то хотел бы провести отряд по особой дороге без урона. Князь Воронцов будто бы принял это предложение, обещая исходатайствовать дезертиру высочайшее помилование. Затем, когда дезертир исполнил свое обещание, то, говорят, скрылся за день до прибытия генерала Фрейтага, убежав снова в горы к своей жене.

С 14 по 18 июля отряд наш, среди постоянных битв с горцами, подвигался к ур. Шаухал-Берды, чтобы отдохнуть от чрезмерных трудов. Затем, через три дня он уже двигаться не мог столько же по случаю болезней, сколько и потому, что был окружен тысячами горцев.

От Шаухал-Берды до Герзель-аула оставался один переход. У Шаухал-Берды мы простояли два с половиною дня* под канонадой двух** неприятельских орудий, направленных на нас со скалы на правом берегу р. Аксай. Сперва гранаты летели к нам часто, потом реже. Вероятно, горцы берегли их для другого случая. Что касается до нас, то мы из котловины могли отстреливаться только конгревовыми ракетами; да и те не приносили горцам никакого вреда. Уже двенадцать дней не было у нас сухарей; но куринцы не унывали. Солдаты и милиционеры ползком забирались за целую версту к опушке леса, где была посеяна пшеница, и приносили оттуда снопы, которые продавали по 20 к. за штуку. Нет сомнения, что многие платили жизнью за подобную решимость и за столь скудную добычу. Мы обмолачивали эти снопы и из зерен варили кашу. Хотя каша оставалась все-таки полусырою, но мы съедали ее несколько ложек в день, и тем поддерживали если не силы, то, по крайней мере, наше существование.

Трудно верить, что в течение 13 дней мы сделали всего около сорока верст и, кроме того, с утра до позднего вечера были в схватках с неприятелем. На каждом шагу для нас стояла смерть. На протяжении нашего пути мы взяли с боя около двадцати завалов, наскоро сделанных горцами, и до укрепления Герзель-аула, так сказать, на штыках вынесли славное имя куринцев. Стояли же мы в Шаухал-Берды поневоле, именно потому, что не имели возможности прикрыть обоз и ране-

* 17 и 18 июля.

** Трех орудий.

ных. Я слышал от дежурного штаб-офицера П. Л., когда перевязывал ему отбитую в этом походе руку, что было сделано секретное распоряжение: если Фрейтаг не придет на выручку к ожидаемому сроку, то отряд из людей, находящихся в строю и способных сражаться, должен был ночью выйти тихо из лагеря, бросив все, что могло затруднять его отступление и что само по себе не могло следовать, при нем — обоз, раненых и т. п. Нам же было известно, что горцы решили продлить наше положение дня на четыре, потом со всех сторон атаковать нас и разом порешить дело шашками и кинжалами. Положим, что в этом случае мы бы постояли за себя; но они могли нас заставить или умереть на месте, или — что еще хуже — отступить, оставив им в добычу наших больных, раненых и все тяжести. Кровавая была бы картина для наших взоров, когда эти тысячи несчастных собратий наших, не имея силы защищаться, умирали бы под ударами разбойничьего кинжала. Три пары охотников, в каждой по казаку и по одному кабардинцу, были посланы от нас к генералу Фрейтагу дать знать о нашем бедственном положении и поторопить его идти к нам на выручку. Срок прибытия Фрейтага сближался; роковое распоряжение еще не было объявляемо; оно таилось в благородных сердцах наших начальников, которые думали убраться поскорее в добром здоровье. Таким образом, беда была над головою, а мы ее и не подозревали. Благодарение Господу, что Он, по великому милосердию своему, пощадил нас и не допустил до такой постыдной погибели, еще небывалой на Кавказе. Да надо было подумать и о том, как принял бы отряд подобное распоряжение и бросили ли бы солдаты своих товарищей добровольно на истязание и глумление врагу. Мне кажется, что это секретное распоряжение могло наделать много шуму в войске, непривыкшем к постыдному поступку — бросить в беде товарища или оставить на поругание — своих отцов, братьев, друзей, детей. Мы все согласились бы лучше или умереть голодною смертью, или драться до последнего издыхания, но не посрамить славы русского оружия. Я это говорю на том основании, что видел и знал дух отряда, хотя недовольного, разочарованного в своих ожиданиях, измученного голодом и лишениями, но бодрого нравственно, терпеливого и нимало не добивавшегося орденов и отличий, когда дело касалось спасения людей, наполовину уже погибших от ран, невзгод, болезней! «Бог с ними, с наградами-то, — поговаривали солдаты, — лишь бы благополучно выбраться отсюда». Вот почему было опасно приводить в исполнение задуманное распоряжение, обещавшее столь гибельные последствия. Лежа в своем балагане, я прислушивался ко всему этому и записывал случаи дня и прочие новости, которые дают нам ныне понятие о том, что происходило в среде наших отрядных великих людей.

Весь штаб князя Воронцова, вытесненный гранатами и ядрами из роскошной шаухальской котловины, переселился к нашему батальону в левой цепи. Шагах в тридцати от меня, под бурьянным навесом от солнца, сидел кн. Воронцов, исхудалый, печальный, и дрожащими руками наводил зрительную трубку к невидимому Герзель-аулу, откуда должен был явиться наш всегдашний спаситель — Фрейтаг. До рокового приказа, как я узнал впоследствии, оставались еще сутки. Князь Воронцов, видимо, болел душою, страдал самолюбием. Он был один, и вокруг — никого. Он долго смотрел в густую даль лесов, не заблестит ли оттуда луч надежды и штык спасения. А между тем, с другой стороны горцы осыпали нас ядрами и гранатами.

Запоздалое отступление из Дарго, рекогносцировки и сухарная оказия донельзя ослабили наши силы. Войск было слишком мало для того, чтобы прикрыть до 9 тысяч вьюков, тысячи раненых и артиллерию. Многие батальоны, входившие в состав нашего отряда, были рассыпаны по Дагестану в вагенбургах, устроенных для охранения сообщений с Шурою, и их невозможно было присоединить к нам при отступлении из Дарго. Во всем отряде оставалось лишь два надежных батальона, на которые князь Воронцов мог положиться — Куринский и Кабардинский; но они были очень малочисленны. Надежность этих батальонов оправдалась на деле, когда отряд отступал к Шаухал-Берды: двигаясь по левому берегу Аксая и имея защитою обрывистый берег, а также глубокую и широкую реку, он опирался, в левой цепи, на 1-й батальон Куринского полка, который шел цепью и сбивал все боковые завалы, а в арьергарде был прикрыт первым батальоном Кабардинского полка. От этих двух батальонов зависела участь всего отряда, и если он уцелел до Шаухал-Берды, то только потому, что куринцы и кабардинцы с честью исполнили свой долг и оправдали общее доверие, как доблестные кавказцы. Батальоны же пятого корпуса, шедшие в той же цепи и в авангарде, не раз останавливались перед завалами до тех пор, пока куринские офицеры вызывали из них охотников и, бросаясь с ними на приступ, овладевали теми завалами.

Между тем, когда наш 1-й Куринский батальон выступил в поход из кр. Внезапной, он был в следующем составе: 700 человек нижних чинов и до 30 офицеров. В Андии к нему присоединено было еще 2 роты 3-го батальона Куринского же полка, — итого: 850 нижних чинов. В Шаухал-Берды оказалось: в карабинерной роте 38 нижних чинов и из шести офицеров — один; во второй — 70 нижних чинов и 2 офицера, в третьей — то же число нижних чинов и три офицера. Таким образом, недоставало 603 человека нижних чинов и 23 офицера убитыми и ранеными. Кабардинский батальон был составлен точно так же и понес такую же потерю. По этим двум батальонам, где ни один из

солдат не допустил себя быть изрубленным шашкою или кинжалом, можно судить о других частях войск, которые постоянно штурмовали завалы и падали в рукопашной схватке. В общем, мы все-таки, несмотря на свои потери, доказали горцам, что для русских не было неприступных мест.

В одной сухарной оказии у нас ранено и убито до двух тысяч нижних чинов,[334] да, кроме того, рекогносцировка стоила нам до ста человек; наконец, из фронта очень много выбыло больных солдат, не говоря о тех, что были употреблены на несение раненых офицеров. Причиною наших потерь, в особенности при отступлении из Дарго, было отчасти и то, что за смертью Пассека, павшего так молодецки, у нас хотя и оставались немногие способные вожди, но они были крайне неопытны, не умели руководить войсками и не заботились о них; в необходимых случаях их невозможно было даже разыскать, чтобы испросить нужное приказание.

17 июля. Лагерь у Шаухал-Берды

Лагерь раскинут на правом берегу Аксая, протекающего в котловине под скалистыми утесами. Далее местность окаймлена горами и холмами, поросшими лесом. Роскошно украшена она природою во благо человека, обагрившего теперь ее кровью, огласившего стонами по случаю смертедьных ран, полученных в бессильной и бесполезной даргинской прогулке.

Один случай доказывает, насколько горцы сумели повлиять на упадок храбрости в нашем войске и насколько могли ожидать дальнейших удач, если бы привели в исполнение задуманное предположение «напасть и покончить разом». Вот этот случай: когда музыканты Прагского полка играли мазурку, одно из неприятельских ядер влетело в их сторону. Моментально все бросились врассыпную — кто куда попало: одного, словно импетом,[335] приплюснуло к земле, другой уходит ползком, третий на четвереньках и т. д.

Вдруг разнесся слух, что завтра выступаем к Герзель-аулу, — и мазурку сменило надоевшее хриплое «ура!». Затем, опять разорвало гранату, осколки полетели в разные стороны.... Я был в пятнадцати шагах от этой смерти, но, признаться, смотрел на нее равнодушно, так как собирался умереть каждую минуту.

18 июля. Мы все стоим на месте; распоряжений о дальнейшем отступлении нет. А между тем, все знают, что уходить надо. Отряд наш в эти минуты похож на израненную волками лошадь, которую они не успели закусать насмерть, хотя она и плохо отбивалась. Затем, у нее каждый день, при удобном случае, отгрызали новые куски мяса.

В отряде уныние; чувствуется голод. Трудно определить, что ели солдаты, когда офицерам нечего было есть. Ужасное положение и неизвестность будущего были для нас хуже всего на свете. Только мужество Куринского и Кабардинского батальонов до сих пор спасало и выручало отряд, поддерживало его в столь критические минуты и удерживало горцев от дальнейших решительных нападений. Убеждаешься в этом вполне, когда, оглядываясь назад, вспоминаешь, как не раз горцы останавливали кабардинцев в арьергарде; как не раз на жертву, за спасение всех, оставляема была рота кабардинцев, и как они, истые герои, повинуясь своему долгу и видя, что некому им помочь, смыкались в плотное каре в виду всего отряда, грудью своею укрывали отступавших собратий — и отражали нападение с тем, чтобы через десять шагов вновь выдержать такое же другое. В этих схватках они гибли один за другим, — но ни разу не позволили врагу разорвать свое каре, ни разу не покинули своих раненых и убитых офицеров. Отрадно было смотреть на это мужество, хотя и грустно было сознавать, что всего подобного можно было бы избежать, если бы удалить в свое время крайнюю медленность в распоряжениях и движениях отряда.

День прошел. Ночь набросила на печальную картину свое темное покрывало. Все видели и знали свое безвыходное положение, но успокаивались надеждою на гений военачальников: придумают, мол, как вылезти из беды, коль скоро ее накликали. Кроме людей, наряженных в цепи и залоги, все заснули беспечно, не зная, что будет завтра. Только те ложились со вздохом и биением сердца, кто знал хорошо, что от Фрейтага зависит спасение отряда. Но что будет тогда, если Фрейтаг не явится к сроку?..*

19 июля. Едва занялась заря и предметы стали обозначаться — отряд зашевелился. Кое-где огоньки загорались ярче, и солдаты обступили их, отогреваясь после сырой и холодной ночи. Веселых рассказов и острот уже не было. В штабах закурились самоварчики, на которые мы, строевые офицеры, посматривали с завистью, подумывая, что, значит, дела не окончательно плохи, коль скоро осталось еще это удобство.

Туман рассеялся; лагерь и окрестности вскрылись вполне. Со стороны неприятеля началось поздравление с добрым утром: полетели гранаты. Наконец, взошло и солнце, осветив собою великолепную картину шаухальской ямы.

Вид, не шутя, был превосходный; но он не веселил сердца, не мог разогнать уныния и однообразия, царивших в лагере....

---

* В 7 часов вечера, 18 числа, по дороге от Мискита, показались войска генерал-майора Фрейтага. (Из официальных данных.)

Вдруг, в 9 часов утра* отряд преобразился: уныние и тишина исчезли, уступив место говору, радости и шуму; лица оживились; все выразительными жестами стали указывать по направлению к Герзель-аулу — и громкое «ура!», с восторгом и благоговением, полетело навстречу Фрейтагу. Яркими лучами горело солнце на штыках летучего отряда. Еще раз — «ура!». Он, дорогой Фрейтаг, один у нас поправляет чужие беды; он один — надежда и выручка. За всем тем, он и догадливый, разумный человек: горцы не надуют его, а свои генералы не заставят стоять по неделям там, где польза далеко, а беда близко.

Генерал Фрейтаг получал от лазутчиков постоянно лишь одни хорошие сведения, а от князя Воронцова не получал никаких.** Как дальновидный и опытный кавказский генерал, он был, вследствие этого, поставлен в некоторого рода сомнение и подозрение относительно благополучия нашего отряда, — и затем отдал приказ, чтобы все войска, находившиеся в его распоряжении, выступили бы в Герзель-аул; сам же лично, подхватив в Грозной и Воздвиженской два батальона Куринского полка, оставил крепости под защитою линейных батальонов и полетел к Герзель-аулу. Сто двадцать верст он сделал в двое суток. Всех лазутчиков, приезжавших к нему на походе, он сажал под караул, чтобы они не могли перенести сведений к Шамилю о его движении. Эта разумная предосторожность имела свою причину, состоявшую в том, чтобы неожиданно напасть на горцев с тыла и уничтожить их завалы, — что и было исполнено. Даже, по приходе в Герзель-аулъ, он не знал о состоянии отряда; печальные вести были доставлены ему одним из особо посланных им нарочных. Лишь только генерал Фрейтаг получил сведения о положении отряда, он тотчас велел опрокинуть котлы с варившеюся в них кашею и повел батальоны в Шаухал-Берды, назначив там сборный пункт и для остальных следовавших за ним войск. Эти войска точно также без замедления поспешили на помощь к своим товарищам.

20 июля. Прежде чем увидеть отряд Фрейтага, мы заметили суету и движение среди горцев. Конные и пешие, они торопливо перебегали на высоты правого берега Аксая. Тогда генерал Фрейтаг открыл по ним

---

* К 9 часам утра, 19 июля, войска генерала Фрейтага, за исключением двух батальонов и 4 орудий, оставленных в виде резерва неподалеку от Мискита, прибыли на поляну, отделяемую большим лесистым оврагом от позиции, занятой главным отрядом, и, поставив сильную батарею на удобной возвышенности, открыли огонь по занятому горцами правому берегу Аксая и по орудию их, продолжавшему действовать в колонны наши, выступавшие из Шаухал-Берды. (Из официальных данных.)

** К генералу Фрейтагу приказание о движении к Мискиту было послано от главнокомандующего с пятью лазутчиками. Все они благополучно исполнили свое поручение, но первое известие получено было в Грозной только в полночь с 15 на 16 июля. (Из официальных данных.)

огонь, подбил у них орудие и заставил отступить далее. Когда на склоне гор показалась спасительная колонна, — в нашем лагере заиграли «по возам» и стали готовиться в путь. Часам к двенадцати авангард тронулся по узкой лесной дороге; голову левой цепи составляла карабинерная рота под моим начальством. Когда мы отошли полверсты, отряду приказано было остановиться. Выстроив моих людей и облокотясь на винтовку, я ждал, что будет далее. Я взглянул вокруг и увидел, что в чаще темного леса нас трудно было отличить от древесных пней и стволов, — так все были грязны, черны, неподвижны. Я призадумался. С трудом верилось в те лишения и нечеловеческие труды, которые мужественно, без ропота, перенесли несчастные солдаты, находясь ежеминутно между жизнью и смертью. Закопченные от пороха и дыма, стояли они теперь молча; на лицах — ни страха, ни горя; все как-то бесчувственны, безжизненны. Никогда не изгладится из памяти моей эта тихая, торжественная минута, которую мы провели в ожидании, как думали, сигнала. Но сигнала пока не последовало, а взамен его вдруг показались из чащи наши однополчане — куринцы. Все они были в чистеньких, в сравнении с нами, мундирах, в белых брюках, с блестящим в руках оружием. Воинственный дух, отвага, составлявшие грозу для горцев, отпечатлевались на их спокойных лицах, готовых всегда и всякую минуту смело встретить врага. Любуясь этими молодцами, я гордился честью принадлежать к их мундиру и носить их славное имя. В их рядах раздавались обращенные к нам слова: «Идите, товарищи, с Богом, — а мы здесь постоим за вас». Сколько тут было расспросов о земляках, о родственниках; и почти на каждый вопрос слышались однообразные, глухие и отрывистые ответы: убит, ранен, пропал без вести! Мы тринадцать дней не видели крохи хлеба. Предвидя подобное наше положение из личного опыта, товарищи наши, хотя и опрокинули котлы с кашею, но захватили для нас по куску хлеба, который тотчас же перешел в наши руки.

Отряд генерала Фрейтага занял все наши позиции, а мы, толпою, без всяких начальств, поплелись к Герзель-аулу.*

21 июля. Наш батальон получил приказание конвоировать до амираджиюртовской переправы, на Тереке, нашего любимца Фрейтага. Оттуда генерал поехал в Грозную, а нам велено было идти через станицы линейных казаков на кантонир-квартиры. Выйдя на берег и построившись поротно, солдаты запели песню и весело направились к старым кунакам — гребенским казакам.

Так кончилась достославная, в своем роде, Даргинская экспедиция.

---

* Все войска продолжали движение к Герзель-аулу, выступив из лагеря 20 числа в 10 часов утра, и в 4 часа пополудни прибыли в укрепление Герзель-аул. (Из официальных данных.)

А. П. НИКОЛАИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Даргинский поход. 1845

6 мая 1845 года, вечером, главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом и войсками, на Кавказе находившимися, граф Михаил Семенович Воронцов прибыл со свитою, в составе которой и я находился, в станицу Червленую. Здесь ожидали его для участвования в предстоявшем походе: принц Александр Гессенский, брат цесаревны Марии Александровны, адъютант наследника цесаревича князь Александр Иванович Барятинский, флигель-адъютанты: князь Федор Иванович Паскевич, граф Александр Строганов и князь Эмилий Витген-штейн; при принце Александре Гессенском состоял, в качестве ментора, гвардии капитан Самсонов.[336] Прибытие всех этих представителей высшей военной аристократии объяснялось важностью предполагавшегося похода и серьезностью ожидавшихся военных действий.

Имею основание думать, что первое известие о разрешении Императором Николаем принцу Гессенскому участвовать в экспедиции, предметом которой было взятие аула Дарго (местопребывание Шамиля), не произвело на графа Воронцова приятного впечатления: предвидя опасности, которым мог подвергаться любимый брат цесаревны (тогда пылкий юноша), граф Воронцов весьма естественно оценивал ответственность, которую возлагало на него присутствие принца в отряде. Но к чести молодого принца должно сказать, что он своим поведением вполне примирил главнокомандующего со своим присутствием; держал он себя скромно и почтительно к начальству; лично храбрый, он не раз порывался искать опасности в передовых рядах, но всегда безусловно подчинялся требованию оставаться в ближайшем к главному начальнику расстоянии. Опасностей он не миновал, ибо никто из участвовавших в походе их не избегнул; но, оставив о себе память храброго юноши, он вышел невредим из похода, по справедливости награжденный орденом Св. Георгия 4-го класса. Из других столичных гостей князь Барятинский был, при окончательном выступлении в поход, назначен к

командованию 3-м батальоном Кабардинского полка, а прибывший ранее этого в распоряжение главнокомандующего флигель-адъютант, граф Константин Константинович Бенкендорф, получил подобное назначение в Куринском полку.

Из станицы Червленой граф Воронцов выехал 8 мая, с небольшою свитою, в Кизляр, а оттуда в Темир-Хан-Шуру, для свидания с командовавшим войсками в Северном Дагестане, князем Василием Осиповичем Бебутовым; большая же часть штаба, в том числе и я, осталась в Червленой до 14 мая. В продолжение этого обязательного досуга имел я случай познакомиться с червленскою станичною жизнью. Отличалась она в то время порядочным разгулом. Бахусу и Афродите приносились почти ежедневные жертвы; жрецами обоих божеств была блестящая военная молодежь, а красивые казачки охотно платили дань на алтарях богини.

14 мая оставшееся в ст. Червленой общество тронулось, через ст. Щедринскую, к переправе через Терек у Амир-Аджи-Юрта. Здесь угостил нас обедом командир Люблинского полка (принадлежавшего к составу 5-го корпуса) полковник Липский; совершил он с полком своим и весь поход, оставив по себе память не столько военного деятеля, сколько гостеприимного хлебосола. Переправа через Терек в то время совершалась на паромах, ибо мостов не существовало (крайнее это неудобство было устранено в следующем же году постройкою двух мостов, одного у станицы Николаевской выше Червленой, другого тут же у Амир-Аджи-Юрта). На правом берегу Терека был расположен временно лагерь одной бригады 5-го корпуса, под начальством генерал-майора Константина Яковлевича Белявского; приветливо приняв и угостив наше штабное общество, он охотно повторял сочиненную им на скучной стоянке поговорку: «Не отрадно быть отрядным». Генерал Белявский оказался блистательным авангардным начальником; личная его храбрость увлекала вперед вверенные ему войска и преодолевала всякие препятствия; но не умел он умирять свои порывы и, идя все вперед, легко забывал, что за ним следует колонна, которая быстро двигаться не может, но связь с которою сохранять необходимо.

На следующий день прибыли мы к кумыкскому аулу Таш-Кичу, при котором существовало небольшое укрепление; здесь назначено было ожидать прибытия главнокомандующего, которое состоялось 18 мая.

В Таш-Кичу пребывание наше продлилось до 28 мая; время это употреблено было военным начальством для окончательных распоряжений к открытию похода, а многочисленно собравшеюся штабною молодежью — для ближайшего друг с другом знакомства, на вечеринках, вокруг дымящейся джонки.[337]

Наконец, 28 мая, мы, под прикрытием кавалерийского конвоя, отправились к крепости Внезапной, где был собран действующий отряд, под начальством командира 5-го корпуса, генерала Лидерса; на полпути, у речки Ярык-Су мы застали прибывшую туда бригаду генерала Белявского.

31 мая утром, по отслужении молебствия, действующий отряд выступил в поход. Прошли мы в этот день 18 верст до реки Сулак, на берегу которой были остатки разоренного тогда селения Чир-Юрт. Местность эта в то время была совершенно пустынная и, за отсутствием моста через быстрый Сулак, составлявшие границу между землями, входившими в состав Северного Дагестана и левого фланга Кавказской линии, сообщение между этими двумя отделами было крайне затруднительно. Неудобство это было устранено в следующем же, если не ошибаюсь, 1846 году устройством постоянного моста, для защиты которого, независимо от двух башен на его оконечностях, выстроено на правом берегу укрепление; несколько позже была переведена туда же штаб-квартира Нижегородского драгунского полка.

1 июня отряд сделал весьма незначительный переход, вверх по Сулаку, по левому его берегу до места, где были развалины бывшего Мятлинского укрепления и существовавшего тут же довольно большого аула. О благосостоянии жителей этого бывшего поселения можно было судить по остаткам обширных фруктовых и виноградных садов. Около Мятлы существовал брод через Сулак; для защиты этого брода и было воздвигнуто укрепление, следы которого мы застали.

2 июня отряд поднялся на так называемые Хубарские высоты; проходили мы по роскошным лесам и пастбищам, не встречая ни одной человеческой души. По мере того как мы поднимались, раскрывались перед глазами нашими прекрасные виды, а когда мы дошли до места ночлега, около развалин разоренного аула Хубары, то взор обнимал всю Кумыкскую плоскость, на оконечности которой виднелось Каспийское море.

3 июня, в 5 верстах от Хубары, встретили мы отряд, под начальством командующего войсками в Северном Дагестане, князя Бебутова, прибывший из Темир-Хан-Шуры на присоединение с главным отрядом и для совокупного с ним действия. Отряд этот располагался, в ожидании прибытия нашего, лагерем на том самом месте, на котором в прошедшем 1844 году стоял лагерем с действовавшим отрядом генерал-адъютант Нейдгардт. Экспедиция 1844 года, как известно, не имела практических результатов; подробности оной и причины ее неуспешности известны людям военным; о них судить не дело гражданского походного туриста.[338] С места расположения лагеря Дагестанского отряда было ясно видно урочище Буртунай, где в прошлом году стоял

лагерем Шамиль, которого в этой позиции, прикрытой глубоким Теренгульским оврагом, генерала Нейдгардт с фронта атаковать не решился. Теперь на этом месте никакой неприятельской силы не показывалось, хотя заметны были следы недавней тут стоянки. Теренгульский овраг, глубокий, с обеих сторон заросший густым лесом, очевидно, представлял чрезвычайно выгодную для обороны местность, и хотя на противоположном его берегу неприятель отсутствовал, но нельзя было быть уверенным, что какая-нибудь партия горцев не засела в лесном овраге, чтобы воспрепятствовать, по возможности, безопасному переходу наших войск. Во всяком случае, тут всякая потеря времени представлялась неудобною, а потому, хотя уже была вторая половина дня, решено немедленно приступить к переходу через Теренгул. В виде передовой цепи была направлена Грузинская пешая дружина; за нею последовали апшеронцы, принадлежавшие к составу Дагестанского отряда. К счастью, овраг оказался незанятым и переход мог совершиться беспрепятственно, насколько это касалось неприятеля, но естественные трудности, которые пришлось побороть, вследствие крайней крутизны спуска, а потом подъема, увеличившиеся еще от разразившейся в это время грозы с проливным дождем, были настолько велики, в особенности при переправке артиллерии и тяжестей, что только с величайшим трудом весь соединенный отряд мог до ночи окончить переход через овраг и стать лагерем на том же месте, где незадолго находился стан Шамиля.

4 июня дан был войскам отдых.

5 июня — день памятный, ибо произошла первая встреча с неприятелем. Главнокомандующий с отрядом из 5 бат. пехоты и 500 чел. Грузинской милиции, при четырех горных орудиях предпринял рекогносцировку по направленно к высотам Соух-Булак и к урочищу Кирки; присоединился и я к свите. День был ясный; шли мы по местности открытой, безлесной, пересеченной небольшими оврагами. Пройдя, быть может, верст 7 или 8, мы очутились на краю глубокой впадины, на дне которой виднелось урочище Кирки; против нас по ту сторону впадины возвышалась крутая гора Анчимеер; господствовала она над довольно узким ущельем, по которому проходила дорога из Кирки в Мичикале и в Андию. Была эта именно та дорога, по которой приходилось нам впоследствии проходить. По донесениям лазутчиков дорога эта к Мичикале была укреплена завалами, гора же Анчимеер была занята неприятельским отрядом. Осмотрев местность, главнокомандующий решился немедленно сбить неприятеля с Анчимеерской горы. Исполнение этой, на вид весьма нелегкой задачи было возложено на известного своею отвагою и решимостью генерала Пассека; в его распоряжение были назначены: батальон Куринского полка, под коман-

дою графа Бенкендорфа, и часть пешей Грузинской милиции, под начальством князя Левана Ивановича Меликова; впоследствии части эти были подкреплены из бывшего с нами отряда. Быстро спустились куринцы и милиционеры к Кирке и затем, недолго отдохнувши, стали смело карабкаться на крутую Анчимеерскую гору. Сидели мы все, кто на траве, кто на камнях, точно зрители в амфитеатре, с сердечным трепетом и участием следя за движениями наших молодцев; соперничали куринцы и грузины, кто скорее достигнет вершины горы, а начальники их и офицеры старались держаться во главе своих частей. Неприятель, очевидно, был застигнут врасплох и не ожидал столь внезапного нападения; видно было с нашего бельведера, как он на горе засуетился, как выходили скрытые вершиною группы, дабы воспротивиться нашим войскам. Стали они стрелять в поднимавшихся; но, при крутизне горы, выстрелы эти были безвредны. Когда же передовые наши люди начали всходить на верхнюю часть горы, то неприятель не выдержал натиска и обратился в бегство; гора была занята при крике «ура», которому вторили мы все из нашего обсервационного пункта.* Не остановился однако храбрый Пассек на этом простом выполнении возложенной на него задачи: со свойственною ему пылкостью, преследуя бегущего неприятеля и заставив его тут же очистить все завалы, устроенные им на дороге к Мичикале, он дошел до вершины довольно высокой горы, где и расположился бивуаком. Но это увлечение не обошлось даром; в по-следующие дни на этой горе застигла отряд такая стужа, что, к сожалению, не обошлось без отмороженных ног и рук. Поэтому солдаты гору эту прозвали «холодною». Пришлось отряду пять дней простоять на этой возвышенности, без палаток и с крайним трудом добывая в безлесной этой местности скудные дрова для варки пищи. Пересолил тут, кажется, храбрый Пассек, превысив данное ему наставление; но отступать не приходилось; выдержали это испытание войска с обычною своею стойкостью, не пали духом и грузинские милиционеры.

Подкрепив отряд генерала Пассека всеми свободными наличными силами, главнокомандующий, после окончательного занятия горы Анчимеер, в сопровождении своей свиты, возвратился в лагерь под Буртунаем.

6 июня, утром, весь отряд тронулся и, идя по тому же направлению, по которому накануне производилась рекогносцировка, спустился в котловину, около урочища Кирки; вблизи оного были остатки укрепления Удачного, выстроенного генералом Граббе, если не ошибаюсь, в 1839 году, во время похода на Ахульго.[339] Около Кирки отряд

* За Анчимеерское дело граф Бенкендорф и князь Меликов были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени.

простоял три дня, отделив от себя войска из Дагестанского отряда, под начальством князя Бебутова, для занятия Мичикале и для очистки туда пути от брошенных неприятелем, 5 июня, завалов; а также для установления сношений с отрядом генерала Пассека. Трехдневная стоянка в Кирки оправдывалась преимущественно тем, что тут устраивался главный вагенбург или опорный пункт на коммуникационной линии действующего отряда с Темир-Хан-Шурою. Хотя календарь указывал начало лета, мы, в продолжение трех дней, испытывали все неудобства зимнего похода: шел снег, смешанный с дождем; в палатках, не только солдатских, но и офицерских, было холодно и сыро; приходилось прибегать к искусственным средствам согревания, преимущественно внутренним, для чего штабною молодежью варилась джонка чуть ли не целый день.

10 июня был совершен 8-верстный переход до урочища Мичикале; дорога, по весьма от природы живописному ущелью, была до того испорчена как бывшими сильными дождями, так и неприятельскими приготовлениями в обороне, что часто и одиночному взводу нелегко было бы по ней пробираться. Как тут удалось провести артиллерию и тяжести, казалось непонятным; что было бы, если бы эту дорогу пришлось брать с бою! Достаточно было по ней проехать, чтоб убедиться в пользе, которую принесло дело 5 июня. От Мичикале двинулись далее соединенные отряды, Дагестанский и главный.[340] В Кирки было оставлено несколько батальонов, под начальством генерал-майора князя Кудашева, для охранения вагенбурга.

11, 12 и 13 июня продолжалось движение вперед, по направлению к Анди, через Гумбет. Погода стояла переменчивая, часто ненастная; неприятель нигде не показывался, и населения никакого не встречалось. 13 июня отряд стоял лагерем в виду высокого хребта, отделяющего земли Гумбетовские от Андийских; горный кряж этот перерезывался одним узким проходом, который носил название Андийских ворот. Издали было видно, что он был укреплен каменным завалом; но никаких защитников его замечаемо не было. Лазутчики предупреждали, что не только этот завал был оставлен, но что и все андийское население выведено Шамилем из своих жилищ, которые преданы пламени. Шамиль, по-видимому, все отступал, оставляя за собою одну пустыню и пожарища.

14 июня, утром, весь отряд двинулся к Андийским воротам; показание лазутчиков подтвердилось: завал, крепко устроенный, оказался незанятым. С этого места открывался обширный вид на просторную, изрезанную второстепенными отрогами, котловину, где до того, в нескольких аулах, спокойно проживало андийское общество, занимаясь преимущественно овцеводством, пользуясь благосостоя-

нием и снабжая Дагестан и даже Тифлисский рынок известными андийскими бурками, которые доныне почитаются лучшими. Насколько достигал глаз, не было видно ни одной человеческой души; царила мертвая тишина. Спустившись в котловину, мы дошли до большого селения Гогатль; представляло оно груду развалин от недавно сожженных каменных домов; немалое число их были двухэтажные; сожжена была и большая мечеть, стены которой были украшены довольно изящною резьбою. Все свидетельствовало о богатстве населения, здесь проживавшего.

Близ деревни главная колонна остановилась на привал, пока авангард, под начальством генерала Клюки фон Клюгенау, подвигался вперед для занятия другой деревни Анди. Горизонт впереди нас замыкался хребтом, который запирал Андийскую котловину с противоположной, от прихода нашего, стороны; на вершине этого хребта смутно виднелась двигавшаяся толпа. Недолго пришлось отдыхать нам на привале; послышались ружейные выстрелы, скоро участившиеся; очевидно было, что завязалось дело. Главнокомандующий немедля сел на лошадь и усиленною рысью поехал по направлению, откуда слышались выстрелы. Вся свита последовала за ним. Обстоятельства скоро разъяснились: оказалось, что в главе авангарда шел 3-й батальон Кабардинского полка, под командою князя Барятинского, и часть Грузинской милиции, под начальством князя Александра Эристова. Дойдя до ручья, который протекал у подошвы выше упомянутого хребта, и увидев на вершине оного неприятельский отряд, при нескольких значках, князь Барятинский, увлекаемый одною юношескою смелостью, не ожидая никаких приказаний, повел часть своего батальона и за ней и Грузинскую милицию на приступ этого хребта. Предприятие это можно было назвать более нежели рискованным, если принять во внимание сравнительную малочисленность атаковавшей силы, на первое время никем не поддержанной (ибо остальная часть авангарда еще не подходила), равным образом топографическую трудность местности и совершенную неизвестность о числительности атакуемого неприятеля. Оказалось впоследствии, что тут стоял сам Шамиль с отрядом около 6000 человек, наблюдая за движениями нашего главного отряда. Но недаром говорит пословица «смелым Бог владеет». Атака, поведённая со смелостью, которую теория военного искусства назвала бы опрометчивостью, увенчалась полным неожиданным успехом; пользуясь крутизною горы и тем еще обстоятельством, что на ней жителями были устроены искусственные террасы, на которых производились посевы, храбрые кабардинцы и грузины под прикрытием этих террас, ограждавших их от неприятельских выстрелов, карабкались на высоту. Неприятель, не имея возможности, по условиям местности, с выгодою

пользоваться против наступающих огнестрельным оружием, кидал в них камнями, которые он заблаговременно подготовил, но, хотя и было несколько ушибленных ими солдат и милиционеров, большая часть камней перелетала через головы наступающих. Один только раз мюриды Шамиля попытались в рукопашном бою сбросить горсть смельчаков. Атаковали они в шашки шедшую спереди 7-ю роту; но кабардинцы не оплошали: они выдержали натиск и отбросили мюридов, которые уже не повторяли атаки. Неприятель очистил хребет и довольно поспешно отступил. Трудно предположить, чтобы такой быстрый и решительный успех был бы достигнут, если бы Шамиль знал, что имеет дело с горстью людей, которую батальонный командир самопроизвольно и без ведома даже начальника авангарда повел на приступ горы, защищенной несколькими тысячами людей. Озадачила его, вероятно, смелость нападения, и, видя подходившие к месту боя главные силы, он предположил, что веденная атака была только началом более важного предприятия. Потеря наша была незначительна по числительности раненых и убитых, но общее сожаление вызвала смерть храброго командира 7-й роты Кабардинского полка Маевского: он пал во главе своей части, во время рукопашного боя, который она выдержала. Сам князь Барятинский был легко ранен в ногу. Когда мы подъехали к подошве горы, где стоял генерал Клюгенау с главною частью авангарда, дело было уже окончено; встретил он главнокомандующего словами: «Победителя не судят». День окончился радостно; главные виновники успеха, князья Барятинский и Эристов, удостоились за это дело награждения орденами Св. Георгия 4-й степени.

Лагерь главного отряда был разбит между селениями Гогатль и Анди. При совершенном безлесье этого края приходилось для варки пищи выбирать из домов весь оставшийся в оных лесной материал; когда таковой истощился в двух названных селениях, то отправлялись команды для сбора его в других более или менее отдаленных аулах, также разоренных самими жителями.

Пребывание наше в Анди продлилось от 14 июня до 6 июля. Причиною такой продолжительной стоянки была необходимость прочного установления коммуникационной линии с главным базисом, который был в Темир-Хан-Шуре и затем в Кирки. Из этих мест отряд снабжался провиантом и артиллерийскими снарядами; по этому же пути отправлялись курьеры и содержалось сообщение с остальными миром. Ввиду предстоявшего движения вперед, к Дарго, признано было нужным в некоторых пунктах иметь небольшие полевые укрепления, как опорные пункты для команд, конвоирующих транспорты. Таких укреплений было устроено: одно вблизи нашей лагерной стоянки, другое за Андийскими воротами в Гумбете и, если память мне не изменяет, еще

третье в Мичикале. Необходимость прочного охранения коммуникационной линии наглядно выказалась, когда, через несколько дней после нашего прихода в Анди, начальник Дагестанского отряда, князь Бебутов, отправляясь под сильным конвоем обратно в Темир-Хан-Шуру (где он должен был руководить распоряжениями, по снабжению главного отряда всем необходимым), был недалеко от Мичикале атакован неприятельскою партиею, которая, пользуясь густым туманом, так неожиданно совершила нападение, что князь Бебутов подвергнулся личной опасности.

В продолжение трехнедельного пребывания из Анди однообразность лагерной жизни была прерываема некоторыми военными прогулками. Так, 16 и 30-го были произведены рекогносцировки по пути к Дарго; вторая из них довела нас до перевала, от которого начинался спуск в Ичкерию. Открывался от этого места обширный, великолепный вид: у ног наших расстилалась вся Ичкерия и Чечня. На первом плане виднелся лес, за которым, на небольшой поляне, дома аула Дарго; далее Ичкеринский лес, печально памятный экспедицею генерала Граббе в 1842 году, и долина Аксая; еще в большем отдалении Качкалыковский хребет, за ним Кумыкская плоскость, а влево оттуда взор доходил до Ханкальского ущелья, даже до Терека. Пока, во время двухчасового привала, военачальники наши были, по всей вероятности, заняты иными думами, нежели созерцанием прелестей природы, я, не посвящаемый в стратегические и тактические тайны, имел полный досуг налюбоваться столько же величественною, сколько очаровательною картиною. Другого рода военная прогулка была совершена 20 и 21 июня с отрядом в 8 батальонов пехоты при кавалерии и милиции, по направлению к соседнему с Анди обществу Чарбили. Прогулка эта имела целью ознакомиться с характером местности, до того неизведанной, а также очистить ближайшее наше соседство от неприятельских партий, тут появлявшихся. Прогулка началась с небольшого авангардного кавалерийского дела. Авангард, состоявший преимущественно из казаков, под начальством давно известного на Кавказе генерала Безобразова, встретил при подъеме на гору небольшую неприятельскую партию, которая, завязав довольно безвредную перестрелку, очень скоро обратилась в бегство и, слабо преследуемая, исчезла из глаз. После этого эпизода шествие наше по весьма живописной местности никем не было тревожимо; к вечеру 20 числа мы дошли до небольшого озера: явление редкое в бедном озерами Дагестане. Тут ночь была проведена на бивуаке, а на следующий день отряд возвратился в Анди, по тому спуску, который князь Барятинский атаковал 14 июня; на хребте лежало еще много камней, подготовленных тут неприятелем для метания в наши войска.

Несмотря на совершенное отсутствие в окрестностях расположения нашего лагеря какого-нибудь неприятельского отряда, мелкие воровские шайки не оставляли нас в полном покое; так 23 июня перед рассветом 30 лошадей из отрядного табуна были угнаны такою смелою шайкою. Но в ночь с 5-го на 6 июля было совершено единичное воровство, которое по дерзости своей выходило из ряда обыкновенных. Какой-то чеченец явился в наш лагерь, выдавая себя за перебежчика и предлагая свои услуги в качестве лазутчика; он так ловко и удачно разыграл свою роль и такое внушил к себе доверие, что был помещен при конвое главнокомандующего. Перед рассветом 6 июля, т. е. дня нашего выступления в Дарго, пользуясь тем, что около коновязи, где стояли собственные лошади главнокомандующего, вся прислуга спала, чеченец отвязал заранее высмотренную им лучшую лошадь графа Воронцова и на ней успешно ускакал, конечно, для того, чтобы дать знать Шамилю о выступлении нашем; его смелости мы без сомнения были обязаны тем, что застали неприятеля в полной готовности для встречи отряда на пути в Дарго. Любопытно и то, что лошадь эта по прозвищу «Мальчик» через несколько лет возвратилась к первому своему владельцу: она была выкуплена у одного из наибов шамилевских, который ее приобрел от ловкого вора.

К 5 июля полевые укрепления в Анди и Гумбете были возведены. В каждом из них было, сколько мне помнится, оставлено по одной роте; начальником в Андийском укреплении был назначен храбрый и распорядительный полковник Бельгард; ему поручено направление транспортов, которые имели прибывать для снабжения отряда в Дарго, где тогда предполагалось пробыть некоторое время.

Судьба однако решила иначе.

6 июля, в 5 часов утра, действующий отряд выступил из Анди; около 9 часов он достиг перевала, до которого доходила рекогносцировка, произведенная 30 июня. Отсюда начинался спуск к Дарго. В расстоянии не более примерно полуверсты, на первом уступе начинался лес, окаймлявший с обеих сторон довольно узкий горный отрог; за ним, ниже, виднелась поляна на берегу реки Аксай; далее в ауле Дарго горели дома. После небольшого привала двинулся авангард под начальством генерала Белявского; состоял он из войск 5-го корпуса, имея во главе батальон Литовского полка; за авангардом следовала главная колонна под командою генерала Клюки фон Клюгенау; арьергардом начальствовал испытанный в кавказских боях генерал Лабынцев. По бокам главной колонны, имея назначением содержать связь между авангардом и арьергардом, шли цепи правая и левая; первую вел командир Кабардинского полка, полковник Козловскиий, вторую командир Куринского полка, барон Меллер-Закомельский. До того молчаливый лес скоро

огласился ружейными выстрелами и криками «ура» наступавшего авангарда. Вскоре двинулась и главная колонна, прикрывая артиллерию и обоз; во главе ее следовал главнокомандующий во своим штабом и свитою. Подъезжая к лесу, мы уже встретили выходящих и выносимых легко и тяжело раненных; в числе первых был адъютант главнокомандующего, князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, раненный в ногу; ехал он верхом. Дорога в лесу оказалась крайне узкая, не шире нескольких саженей; по обе стороны крутые обрывы, заросшие лесом. Скоро пришлось убедиться, что связь между авангардом и цепями была прервана и что первый, выбивая неприятеля из устроенных поперек дороги, один за другим, завалов, увлекся вперед, не соразмеряя своего шага с движением колонны. Наглядным тому доказательством послужило то, что, дошедши до узкого перешейка через перерезывавший дорогу овраг, мы нашли, что он защищен завалом, занятым неприятелем; пропустив авангард, он в тылу его опять возвратился к чрезвычайно выгодному для обороны месту. Приходилось вторично вытеснять его; он же, пользуясь густотою леса по обе стороны дороги, скрывался в нем и выпускал град пуль на подходивших; голова колонны должна была остановиться, а напиравший сзади обоз мешал свободному движению. Простояли мы тут добрый час, если не более, пока не удалось посланной в чащу леса Грузинской милиции, под начальством князя Ильи Дмитриевича Орбелиани, очистить ее от засевшего в ней неприятеля. Невольная стоянка эта не обошлась даром: были тут убиты, между прочими, генерал-майор Фок, шурин корпусного командира Лидерса, и полковник Левисон; тяжело ранены полковник Семенов и Мельников. Сам главнокомандующий, принц Гессенский, начальник главного штаба и вся их свита все время находились под ружейными выстрелами.

Припоминаются мне при этом два частных эпизода. Адъютант графа Воронцова, Глебов, заметив, что сей последний подвергался опасности от неприятельских выстрелов, производившихся с правой стороны, стал, как бы случайно, перед ним так, чтобы собою прикрыть своего начальника. Граф Михаил Семенович, со своей стороны, увидев такое намерение своего адъютанта, но не желая, по-видимому, дать это понять, сказал: «Любезный Глебов, ты мешаешь мне смотреть». Несколько изменив свое положение, храбрый Глебов продолжал, по возможности, становиться между выстрелами и своим начальником; к счастью, оба они остались невредимы. Другой случай был лично со мною. Стоял я неподалеку за главнокомандующим, держа под узцы свою лошадь; рядом со мною стоял англичанин, по имени Джим, грум (groom) графа Воронцова, держа лошадь своего господина. Пролетали и мимо нас пули. «Вам бы следовало сесть, — говорит мне англичанин: — стоя

вы напрасно себя более подвергаете выстрелам». — «А вы зачем поэтому не садитесь? — отвечал я. «Обо мне нечего заботиться», — возразил мне Джим. Очень меня тронула эта заботливость и это британское хладнокровие. Благодаря Богу, и нас обоих пули миновали.

Когда завал был расчищен, мы двинулись вперед. На этом месте неприятель сосредоточил главное сопротивление, ибо столь упорного мы уже не встречали; но движение было крайне медленное и приходилось, в особенности для провоза орудий и зарядных ящиков, перерубать и скидывать в сторону огромные деревья, наброшенные поперек дороги, дабы служить завалами. Таковых на пути, не более как двухверстном, по лесу оказалось 23; авангард брал их натиском, но не расчищая, все летел вперед. Была ли это с его стороны ошибка или вызванная обстоятельствами необходимость, судить не берусь; во всяком случае она послужила в пользу неприятелю, который успел прорвать связь между авангардом и главною колонною и нанести сей последней чувствительные потери. Когда около 7 часов вечера мы наконец достигли небольшой поляны, где заканчивался узкий хребет, на котором мы подвигались, то застали тут торжествующего взятие приступом 23 завалов генерала Белявского, который с авангардом уже более трех часов ожидал нас. Несмотря на позднее время дня, было решено двинуть вперед авангард для занятая аула Дарго. Вслед за тем, в самые уже сумерки, главнокомандующий, в сопровождении принца Гессенского со штабом и свитою, отправился по тому же направлению. Спуск от поляны оказался до такой степени крутой, что приходилось идти пешком, ведя лошадей под уздцы; густота леса усиливала темноту наступавшей ночи. У подошвы спуска был пригорок, от которого второй, менее крутой спуск, вел в долину Аксая. За главнокомандующим имела следовать часть колонны с некоторыми орудиями;. но, при ночной темноте и крутизне горы, спуск орудий оказался настолько трудным, что пришлось ограничиться двумя горными орудиями, под прикрытьем одной роты, которую повел майор Альбрант; вся остальная колонна должна была отложить свое движение до рассвета. Но и в ожидании этого небольшого прикрытия прошло немало времени, не менее 1 $^{1}/_{2}$ до 2 часов. Все это время наша группа, состоявшая из каких-нибудь 200 человек, по большей части генералов, штаб- и обер-офицеров, сопровождавших главнокомандующего, и•из его конвойной команды, просидела на пригорке, отделенная от авангарда, который безостановочно подвигался к Дарго, и от главных сил. Слышались, более и. более удаляясь, ружейные выстрелы, которые батальонным огнем выпускали батальоны генерала Белявского, что давало повод предполагать, что они встречены неприятелем; между тем, окруженные со всех сторон лесом, мы не знали, занят ли он и не подвергнемся ли мы внезапному нападению какой-

нибудь бродячей неприятельской шайки. Положение довольно странное! Посылали адъютантов в колонну для получения сведений и передачи приказаний, но им приходилось с трудом карабкаться на гору и спускаться в темноте, а потому на эти сношения уходило много времени. Наконец, когда было доложено, что рота с двумя орудиями спустилась, мы тронулись и при лунном свете пошли далее к Дарго. На пути нашем, по неширокой поляне, окаймленной с левой стороны крутым ущельем, на дне которого текла река Аксай, мы не встретили никакого неприятеля, но в двух местах, засев, на противоположном берегу оврага, неприятельские партии угостили нас ружейными залпами, к счастью, вполне безвредными.

Около 11 часов вечера мы присоединились к авангарду, который расположился на бивак поблизости селения Дарго. Порядочно проголодавшись, мы все рады были найти варившийся в котле над разведенным огнем суп, расположились около него и приступили к удовлетворению голода; однако не долго оставались в покое: несколько неприятельских пуль, пущенных по направлению огня, попали в самый котел. Вся остальная ночь была тревожная. Зная, что главный отряд остался в лесу и что только немногочисленный авангард находится перед ним, неприятель несколько раз бросался в шашки на цепь, охранявшую бивак, но, к счастью, всегда был успешно отбрасываем. Генерал Белявский всю ночь провел на ногах. Не думаю, чтоб и граф Воронцов много успел отдохнуть, я же, благодаря моим 24 годам и отсутствию нравственной ответственности, после дневных тревог заснул таким крепким сном, что только утром узнал о ночных событиях. С 4 часов утра стали подходить передовые части главной колонны, а к 9 часам весь отряд был в сборе в Дарго. Лагерь был разбит на небольшой возвышенности вправо от аула.

Итак главная цель, указанная столичными кабинетными стратегами, по-видимому, была достигнута: мнимая столица Шамиля была занята. Но после опыта вчерашнего дня невольно у многих надвигался вопрос: «А затем что будет?» Шамиль не замедлил выразить, насколько занятие его столицы потрясло его дух: только что лагерь был разбит, как вслед одно за другим неприятельские ядра стали в нем ложиться и заставили изменить его расположение, т. е. отодвинуть его вне выстрелов. Ядра эти были пущены из орудий, скрытно поставленных на возвышенности на левом берегу Аксая, господствовавшей над долиною, в которой был расположен Дарго. Признано было необходимым, не медля, согнать неприятеля с этой позиции, и того же 7 июля была направлена туда колонна из семи батальонов и пехоты, под начальством генерала Лабынцева. Колонна переправилась через Аксай, поднялась на гору без сопротивления и не застала на горе неприятельских орудий, забла-

говременно увезенных; но когда войска наши начали свое обратное движение, неприятель ожесточенно стал наседать и неоднократно вступал в рукопашный бой. Потеря при отступлении была чувствительная, до 200 человек убитых и раненых — в числе первых храбрый полковник Апшеронского полка Познанский; вторых, т. е. тяжело раненных, — полковник Корнилов. Не успела наша колонна возвратиться в лагерь, как шамилевские орудия заняли свое прежнее место и возобновили стрельбу. Трудно и вероятно невозможно было сбить их нашей артиллерией; сделанные попытки не имели успеха по причине, конечно, слишком невыгодного положения наших орудий. Если бы присутствие Шамиля со сборищем и даже с артиллерией на господствующей над нашим лагерем позиции был единственный предмет, вызывавший заботливость начальства нашего, то с ним, вероятно, довольно скоро бы примирились, ибо оно в сущности было безвредное; гораздо, без сомнения, более озабочивал вопрос о возможности продовольствовать отряд, в случае несколько продолжительного пребывания в Дарго. Путь, пройденный накануне, был единственный, по которому могли подходить транспорты; между тем он представил столько трудностей и причинил столько потерь, что служить надежною коммуникационною линиею он, очевидно, не мог. Опыт, вскоре по необходимости сделанный, слишком наглядно должен был в этом убедить.

8 и 9 июля были проведены без особых приключений; в первый из этих дней отслужена панихида по всем павшим в делах 6-го и 7-го числа воинам. В оба дня войска занимались изготовлением рогаток, предназначавшихся, как объясняли, для предполагавшегося к постройке форта. Несколько сомневаюсь в существовании действительного намерения основать тут укрепление и полагаю, что работа эта имела целью вводить неприятеля в заблуждение относительно дальнейших наших намерений, а быть может, и занимать нижних чинов ручным трудом, отвлекающим от праздных дум.

Пока начальство озабочивалось событиями последних дней, а солдаты строили рогатки, мы, праздные чины отряда, развлекались осмотром достопримечательностей завоеванной столицы. К сожалению, лучшие ее памятники, дом имама, мечеть, арсенал и пороховой магазин, представляли одни погоревшие развалины. Сохранилась, печальной памяти для бывших в плену русских офицеров, тюрьма, известная под именем «Ямы». Была она вполне достойна этого названия, представляя собой темный подвал, под караульным домом, без света и какой-либо вентиляции, сообщавшийся с наружным миром лишь посредством отверстия в полу караульни, снабженного дверью. В этом душном и смрадном помещении запирались на ночь, а иногда и днем, наши пленные офицеры, переносили всякие страдания и нуждались во всем. На-

глядное описание таких печальных дней мог нам, тут же на месте, дать испытавший лично их тягость князь Илья Дмитриевич Орбелиани: он несколько лет тому назад был в плену у Шамиля, из которого, сколько помнится, спасся удачным бегством.[341] Сохранилась еще почти в целости так называемая в Дарго Русская слобода; в ней проживало около 200 человек русских дезертиров; они заведывали артиллерией, под командою какого-то Никитина, также дезертира, который был шамилевским фельдцейхмейстером. Пользовалась эта команда особенным доверием Шамиля: он мог рассчитывать на верность людей, которые, покинув путь долга, не могли на него возвратиться из опасения понести заслуженное наказание; хорошее же с дезертирами обращение поощряло дезертирство. Дома в Русской слободе были выстроены на русский образец, были при них огороды и фруктовые деревья, а также мастерские. Местность, на которой находился аул Дарго, была весьма живописная; неширокая равнина между двух рядов лесистых гор была занята отчасти полями с кукурузой, отчасти аулом с садами; были кое-где и цветники.

9 июля шел целый день дождь; он имел весьма прискорбные последствия для двух последующих дней.

10 июля, в час пополудни, послышался сигнальный пушечный выстрел с перевала, по дороге в Анди. Это был условленный знак для извещения, что прибыл туда транспорт с провиантом для нашего отряда; нужно было отправить туда колонну для принятия оного. Опыт 6 июля указывал на необходимость назначить колонну в сильном составе; вошла в оный чуть ли не половина наличного отряда. Главное начальство над колонною было возложено на генерала Клюки фон Клюгенау, авангардом командовал генерал Пассек, арьергардом — генерал Викторов; сей последний, очень почтенная личность, был начальником жандармского управления в Тифлисе и участвовал в походе из одной любви к искусству. Адъютант главнокомандующего, граф Галатери,[342] отправлялся курьером к Государю Императору с донесением о занятии Дарго. По распоряжению генерала Лидерса (который и в бытность главнокомандующего при отряде сохранял главное над ним начальствование) с этою колонною, кроме всех наличных вьючных лошадей и катеров,[343] долженствовавших поднять провиант и снаряды, следовал на двух катерах гроб покойного генерала Фока, для дальнейшего затем его отправления в Россию. Думаю, что граф Воронцов не возражал против такого распоряжения начальника отряда из одного лишь уважения к родственному чувству, его вызвавшему; но уверен, что он впоследствии очень сожалел, что не воспротивился отправлению гроба с покойником: независимо неблагоприятного впечатления, которое присутствие гроба могло производить на солдат, цель генерала Лидерса не была достигнута, и у гроба этого легло еще несколько жертв. Гроб был

прикреплен к двум катерам, одному спереди, другому сзади; когда в лесу эти два катера были отбиты неприятелем, они, упавши, составили искусственный завал, у которого было убито несколько человек, а тело генерала Фока пришлось бросить на поругание.

С напряженным вниманием и, должно сознаться, с трепетным сердцем, следили мы за слышавшимися из знакомого леса, учащенными выстрелами; испытав все трудности этой местности, очевидно, увеличившиеся от грязной дороги, и мы все были не без серьёзных опасений за участь колонны. Опасения эти на следующее утро, к сожалению, оправдались. Явился к главнокомандующему молодец унтер-офицер Кабардинского, полка в сопровождении одного товарища и принес записку от генерала Клюгенау.[344] Храбрецы эти вызвались добровольно на такой подвиг, вооруженные одними штыками, пробрались они ночью через занятый неприятелем лес и, с Божьей помощью, благополучно дошли до лагеря. Очень сожалею, что не сохранились у меня имена этих молодцов; главнокомандующий хотел унтер-офицера тут же произвести в прапорщики, но кабардинец предпочел Георгиевский крест. Из очень краткой записки генерала Клюгенау и из рассказа его посланца выяснилось, что колонна с чрезвычайным трудом дошла, к 10 часам вечера, до перевала, выдержав в лесу сильный бой, причем убит генерал Викторов и пришлось бросить два горных орудия, которые завязли в грязи, а лошади были убиты. В 12 часов дня генерал Клюгенау предполагал выступить обратно с транспортом. На обратном этом пути ожидали его еще большие трудности: неприятель, для которого важнее было, чтобы колонна не возвратилась в лагерь, нежели препятствовать ей дойти до перевала, сосредоточил все свои усилия, дабы достигнуть этой цели. Положение же самой колонны было в этот день гораздо труднее, нежели накануне: ослабленная в числительности от потерь, понесенных убитыми и ранеными, она, независимо от вереницы навьюченных провиантов и снарядами лошадей, и катеров, должна была гнать целое стадо рогатого скота, предназначенное на мясную порцию для отряда; приходилось так растягиваться на узкой размытой дождем дороге, что недоставало войск для прикрытия обоза на всем его протяжении; присоединились к этому встречавшиеся на каждом шагу возобновленные завалы, из-за которых скрытый лесною чащею неприятель в упор мог выбирать свои жертвы.

11 июля авангардом опять командовал генерал Пассек. Вел он свои войска с особенною, едва ли вполне оправдываемою, стремительностью; идя впереди и воодушевляя солдат своим примером, он, при взятии одного из завалов, пал геройскою смертью. Рядом с ним был убит состоявший •при нем молодой поручик Кирасирского полка, Ольшевский, пресимпатичный юноша, который прибыл на Кавказ для участво-

вания в Даргинской экспедиции.[345] За авангардом следовала колонна, положение которой с каждым шагом делалось труднее. Неприятель сначала направлял свои выстрелы преимущественно против вьючных лошадей и катеров; падали они десятками, а навьюченный на них провиант оставался в грязи; запружала вместе с тем дорогу павшая скотина. Убиты были также артиллерийские лошади от двух оставшихся горных орудий. При невозможности тащить их на руках приходилось их бросить; но не допустил того шедший в арьергарде Кабардинский батальон, под начальством полковника Ранжевского: одно из этих орудий солдаты вынесли на руках, а другое заклепали. Во время этого побоища людей и животных оказал особенное отличие один батальон Литовского полка, благодаря хладнокровию и мужеству командовавшего им временно, во время экспедиции, полковника Беклемишева.*[346] Из лагеря нашего навстречу возвращавшейся колонне было выслано подкрепление; один батальон Кабардинского полка присоединился к товарищам своим, бывшим в арьергарде, и встретил их на поляне, на которой ночевала 6-го числа главная колонна. В то самое время, когда оба батальона соединились, пал от неприятельской пули храбрый полковник Ранжевский, и командование обоими батальонами перешло к командиру вновь прибывшего, майору Тиммерману. Авангард и колонна уже спустились в долину Аксая и приближались к лагерю, когда кабардинцы выдерживали еще последний усиленный натиск неприятеля, который неоднократно вступал в рукопашный бой; но старые кавказские войска и в этот раз не помрачили своей славы: они не только успешно отражали нападения неприятельские, но даже отвоевали у него часть забранного им рогатого скота и отбитых вьюков; вынесли они не только всех своих раненых, но немалое число таких, которых предшествовавшие им войска не подобрали. Возвратились они перед вечером в лагерь, гоня перед собою отбитый скот и с песенниками во главе.

Так кончилась эта двухдневная экспедиция, получившая печально-памятное название «Сухарной».

Нетрудно себе представить тяжелое впечатление, которое производила на всех в лагере нашем эта первая неудача в походе, до того ознаменованном одними успехами. Генерал Клюгенау, который во все время ожесточенного боя выказывал обычную свою личную храбрость (хотя, судя по рассказам, будто он не обладал спокойствием и хладнокровием, которые одни предотвращают замешательство), был нравственно потрясен; встречались и личности, которые не умели воздержаться от гласного выражения своих опасений за участь целого отряда.

---

* Ныне генерал-лейтенант, состоящий при командующем Кавказским военным округом, князе Дондукове-Корсакове.

Но во главе войск стоял человек, испытанный в боях еще более серьезных, умевший во всех случаях сохранять невозмутимое наружное спокойствие, которое, вселяя доверие, особенно драгоценно в трудные минуты. Спокойствие это не мешало ему оценить всю важность событий двух предшествующих дней и прийти к заключению, что, под влиянием их, существовавшие до того предположения более продолжительного пребывания в Дарго должны коренным образом измениться. Сухарная экспедиция доказала невозможность правильного снабжения отряда необходимыми припасами; повторять неудачный опыт было немыслимо. Между тем, наличного запаса продовольствия могло, даже при сокращенных дачах, хватить не более как на несколько дней; артиллерийские снаряды имелись также в ограниченном количестве; госпитальных запасов, при 800 приблизительно наличных раненых, оставалось уже так мало, что на заготовление корта пришлось употреблять часть палаток. Ввиду всего этого неудивительным становится, что 12-го же июля было решено уходить из Дарго, и уходить немедля, т. е. на следующий же день. Оставалось определить, какой для этого избрать путь? Ближайший и знакомый для выхода из лесной полосы был обратный путь на Анди; но он представлял двоякое неудобство: он прямо давал движению отряда вид отступления и, следовательно, открытого признания неудачи не только частной, но и общей для всего похода. Кроме того, этот путь был крепко занят неприятелем, который, предполагая, что он будет избран, сосредоточил свои усилия, чтоб увеличить средства сопротивления на оном. Провезти по этой, тяжелыми для солдат воспоминаниями, столь обильной дороге, кроме сравнительно многочисленной артиллерии и отрядного обоза, несколько сот раненых, было признано неудобным. Другой путь был путь, имевший вид наступательного, ведущий на Кумыкскую плоскость или в Чечню; он шел на Герзель-аул, или Грозную, через Маиортуп. По собранным от лазутчиков и от бывших при отряде нескольких мирных чеченцев сведениям путь на Герзель-аул оказывался более удобным; следуя по левому берегу Аксая, расстояние определялось приблизительно в 40 верст.

Этот путь и был избран. Но дабы лучше, по возможности, обеспечить следование отряда по пути, до того неизведанному, и по местности, без сомнения, лесистой и пересеченной, было признано желательным, чтобы другой отряд, из Герзель-аула, двинулся навстречу нашему. Для этого надобно было послать соответствующие приказания начальнику левого фланга, генералу Фрейтагу; но выполнение такого поручения представляло очевидную опасность для посланца, которому приходилось идти на крепость Грозную через местности, занятые враждебными населениями. Нашелся чеченец (имя его, к сожалению,

я запамятовал), который взялся доставить записку, для большей осторожности, сколько помнится, писанную на английском языке; в ней предписывалось, немедленно по получении, с сподручными войсками идти в Герзель-аул и оттуда подняться по долине Аксая. Независимо этого необходимо было уведомить полковника Бельгарда в Анди о выступлении главного отряда, дабы он одновременно снялся с своей позиции и отступал к Кирки, присоединяя к себе на пути гарнизоны укрепленных постов, охранявших коммуникационную линию. Нашелся и тут храбрец, который взялся доставить записку. Оба посланца благополучно исполнили свои поручения.

В этих совещаниях и приготовлениях прошел день 12 июля. Дабы скрыть от неприятеля предстоявшее наше движение, продолжалось и в этот день изготовление рогаток, для имевшего будто бы строиться укрепления. Наибольшая часть вьючных лошадей и катеров была предназначена под менее тяжело раненных, способных ехать верхом; легко раненные должны были идти пешком, а для тяжело раненных изготовлялись носилки. Но чтобы приобрести достаточное количество свободных лошадей и катеров, необходимо было отказаться от перевозки палаток, и все они, за исключением уже обращенных в корпию, одной солдатской для главнокомандующего и некоторого числа для наиболее тяжело раненных, были сожжены в ночь с 12-го на 13 июля.

13 июля, в 6 часов утра, отряд выступил из Дарго. Приходилось, прежде всего, перейти довольно глубокий и с крутыми берегами овраг, составлявший ложе реки Аксай, по левому берегу которой должен был идти наш путь; затем подняться на высоты, на которые 7 июля направлялся генерал Лабынцев. Имевшиеся сведения, что неприятель ожидал нас на пути в Анди и на нем сосредоточил все свои силы, вполне подтвердились; переход через Аксай и подъем на гору совершились без затруднения и почти без выстрела; равным образом был затем перейден довольно глубокий овраг, встретившийся на дальнейшем пути.

Когда неприятель заметил направление, которое приняло наше движение, он стал поспешно возвращаться на прежнюю свою позицию, которую мы уже оставили за собою, и подвез несколько орудий, из которых стал нас обстреливать, но безвредно. Один только наш арьергард, состоявший из двух батальонов Кабардинского полка, под начальством генерала Лабынцева, вступал в дело с неприятелем, блистательно совершая отступление как бы на учебном поле, несмотря на упорные нападения, которым он подвергался. На пути нашем встречались отдельные хутора, которые предавались пламени; дома в них были большею частью похожи на русские избы, вероятно, выстроенные нашими дезертирами. Отряд ночевал близ аула Цонтери, пройдя примерно 8 верст.

14 июля был тяжелый день. В Цонтери расходились две дороги: одна, по долине Аксая, вела в Герзель-аул, другая направлялась на Маиортуп и Большую Чечню. Неприятель не мог знать, по которой из двух дорог мы направимся; вероятно, благодаря этому выступление наше, в 6 часов утра, совершилось довольно спокойно. Порядок движения отряда установился следующий: авангард под начальством генерала Белявского, состоял из двух батальонов, одного Люблинского, другого Апшеронского полка; этим последним, на время экспедиции, командовал полковник граф Стейнбок[347]: но командование его в это самое утро прекратилось, ибо он был ранен пулей в колено, настолько тяжело, что пришлось произвести ампутацию. Правая цепь была сформирована из двух батальонов Навагинского полка, под командой полкового командира, полковника Бибикова; левую цепь содержал батальон Куринского полка, при полковнике своем командире бароне Меллер-Закомельском. Арьергард, как выше было указано, составляли два Кабардинских батальона; непосредственное начальствование над ними под руководством генерала Лабынцева, принадлежало полковому командиру, полковнику Козловскому. Остальные войска составляли колонну под начальством генерала Клюгенау. Отрядный начальник, генерал Лидерс, и главнокомандующий с их штабами и свитою шли во главе колонны. Нетрудно себе представить, какое протяжение должна была на узкой арбяной дороге, с обеих сторон окаймленной лесом, преимущественно кустарным, занимать колонна, в состав которой входили более 800 раненых, частью на носилках, частью верхом или пешком, отрядная артиллерия с зарядными ящиками и сохранившийся еще обоз. Развернуться было невозможно, и, растянутая длинною вереницею, колонна могла быть достаточно прикрываема имевшимися для охранения ее войсками.

Пройдя несколько верст, по местности сравнительно открытой, и не будучи в это время серьезно тревожимы неприятелем, мы дошли до глубокого оврага, составлявшего ложе речки, притока Аксая. На противоположном берегу возвышалась крутая гора, большею частью покрытая лесом: на вершине этой горы, от леса свободной, виднелись неприятельские завалы. Вправо от нас была другая возвышенность, тоже укрепленная завалами; между этими двумя лесистыми отрогами была поляна. Прежде нежели перевести колонну на ту сторону оврага, было признано необходимым сбить неприятеля с его завалов. Для выполнения этого были направлены: на левые завалы Куринский батальон под начальством графа Бенкендорфа, на правый — войска правой цепи. Но взятие завалов с фронта оказалось не по силам, и пришлось послать войска в обход. Атака Куринского батальона производилась как раз напротив места, где мы остановились. Пока наступающие на-

ходились под прикрытием леса (тут строевого), они поднимались беспрепятственно; но как скоро они выходили на оголенную от леса верхнюю часть горы, на них сыпался из завала град пуль, и видно было, как падали раненые офицеры и солдаты. Несколько раз храбрые куринцы, водимые своими офицерами, пытались пройти это открытое место и броситься на неприятельский завал; но каждый раз они принуждены были отступать, унося своих раненых. Только когда войска подошли в обход завала, он был оставлен неприятелем. Приблизительно то же самое повторилось и с правой нашей стороны. В числе раненых оказались между прочими — полковники граф Бенкендорф и Бибиков и, командовавший одним из наступавших с правой стороны батальонов, храбрый майор Альбрант; ему пришлось отрезать руку. По очищении завалов, отряд перешел овраг и стянулся на поляне. Здесь, по-видимому, начальство некоторое время было в неуверенности о дальнейшем направлении дороги, по которой приходилось следовать отряду. Поляна, на которой мы находились, была с трех сторон окружена высотами, покрытыми густым лесом; никакой сколько-нибудь широкой дороги не было видно. Были при отряде вожаки, но насколько они заслуживали доверия, определить не берусь; местность же, через которую мы проходили, не была изведана, ибо сюда отряды наши никогда не проникали. Начальник главного штаба, генерал-лейтенант Гурко, отправился на осмотр; возвратившись, он подъехал к главнокомандующему, и близко стоявшие слышали его мало утешительный доклад: «Un océan de bois».* Наконец, неизвестно мне по чьему указанию, была избрана узкая дорога, которая вела в лес на левую от нас сторону. Направился туда авангард, послышались вскоре ружейные выстрелы; затем, в некотором уже отдалении, крики «ура», после которых все стихло. Отправился затем генерал Лидерс под небольшим прикрытием пехоты, с намерением присоединиться к авангарду. Оказалось впоследствии, что он в это время не достиг его, а был задержан завалом, который неприятель вторично занял в тылу авангарда; пришлось генералу Лидерсу, прикрывшись бугром, ожидать в таком положении прихода колонны. Сия последняя двинулась, не зная, что ее ожидает на пути; ибо посланные с обеих сторон, для установления сношений и для разведания, адъютанты главнокомандующего Лонгинов и генерала Лидерса граф Бальмен и Башилов были убиты на пути. Потянулась колонна по узкой дороге, более походившей на тропу через чащу леса иногда до того густую, что приходилось отодвигать нависшие сучья, и вывела нас эта тропа на более широкую дорогу, которая венчала хребет, где был завал, атакованный перед тем куринцами. Дорога эта вела на поляну, вход на

* Океан леса *(фр.)*.

которую был защищен завалом, где еще находился неприятель. Пока вереница раненых и вьюков пробиралась через чащу, шайка неприятельская, под прикрытием леса, успела ворваться в колонну и проникнуть до раненых, из которых некоторые были изрублены. Такая же участь могла постигнуть раненого графа Бенкендорфа, которого несли на носилках, если бы сопровождавший его, прикомандированный к Куринскому батальону поручик, барон Шепинг, не защитил его, убив на месте из пистолета одного из чеченцев, напавших на беззащитного раненого. Граф Бенкендорф отделался кинжальными ранами неопасными, а защитник его был ранен пулею в живот, к счастью, неопасно. Переполох, произведенный этим нападением, был непродолжительный и нанесенный вред — незначительный. Ворвавшиеся были частью убиты, частью бежали; но в голове колонны, где были слышны шум и крики, причина которых сначала не была известна, впечатление, произведенное на лиц начальствующих, в том числе и на главнокомандующего, выразилось в том, что все обнажили свои сабли или шашки, ожидая нападения; на шедших же с обеих сторон солдат чем-то весьма похожим на панику; но она на этот раз принесла пользу. Находясь вблизи графа Воронцова, видел я пробегавших солдат, которые кричали «ура», но с выражением на лицах, не соответствовавшим этому возгласу. Засевший еще в завале при выходе на поляну неприятель, услышав приближавшиеся крики, но, к счастью, не видя довольно беспорядочной беготни, вообразил себе, что на него делается решительный натиск, очистил завал и тем дал возможность колонне беспрепятственно выйти на поляну и, освободив генерала Лидерса из временной блокады, восстановить связь с авангардом.

После короткого привала, во время которого весь отряд стянулся, мы пошли далее по пересеченной местности, и, оставив в стороне аул Шуани (до которого в 1842 году доходил генерал Граббе в неудачную свою экспедицию), мы, под начавшимся дождем, переправились через глубокий овраг и остановились на ночь близ аула Гвалдари. Прошли мы в этот день примерно от 8 до 10 верст.

15 июля выступление не могло совершиться рано по той причине, что, вследствие проливного дождя, который шел всю ночь, арьергард и часть артиллерии не успели с вечера перейти через глубокий овраг, находившийся впереди нашей стоянки, и пришлось ожидать их прибытия. Тут же был похоронен убитый накануне адъютант главнокомандующего Лонгинов. Особенно горестное чувство испытывал я, когда предавали враждебной земле тело доброго товарища детства, любимого сына родителей. В этот день генерал Лидерс, который подвергался хроническому недугу, по временам усиливавшемуся, был настолько болен, что, с трудом сидя на лошади, не мог исполнять обязанности

начальника отряда. По этому поводу граф Воронцов принял лично непосредственное начальствование. День обошелся мирно. Подвигались медленно, прошли не более 4—5 верст по местности пересеченной, но открытой; встреча с неприятелем ограничилась незначительною перестрелкой в цепях и в арьергарде. Ночевали на бивуаках близ аула Аллерой.

16 июля был опять день трудный. Дорога наша пролегала не в дальнем от реки Аксай расстоянии, по лесу, преимущественно орешнику, местами перерезанному полянами. Пришлось, между прочим, проходить под невысоким лесистым хребтом; вершина его была занята неприятельским завалом, из которого проходившие войска обстреливались на весьма близком расстоянии; оказалось необходимым этот завал очистить, на что потребовалось немало времени. Куринский батальон, занимавший левую цепь, это исполнил. Но и впереди нас путь оказался, в некоторых удобных для того местах, загражденным завалами, которые авангард должен был брать приступом, причем прерывалась неоднократно связь между ним и колонною, что давало повод неприятелю иногда прорываться. Обстоятельство это заставило для ограждения безопасности главнокомандующего, который ехал вслед за авангардом, вытребовать из арьергарда роту кабардинцев, которая составила личную охрану графа Воронцова и лиц, непосредственно его сопровождавших. С правой нашей стороны, в местах, где густота леса тому благоприятствовала, неприятельские шайки несколько раз пытались ворваться в средину колонны; но попытки эти были безуспешны и производили только минутный переполох. При большой растянутости, обусловленной узостью дороги, в лесной чаще, охранение всей линии было весьма трудно; слышны были, в более или менее близком расстоянии, крики чеченцев, свист пуль, на который наши солдаты отвечали наудачу батальным огнем, вероятно, для противника безвредным, ибо он не был виден. При подобных условиях и при необходимости частых остановок для очищения дороги движение отряда в этот день было очень медленное. Прошли мы не более как от 4 до 5 верст и только перед вечером вышли на довольно обширную поляну при урочище Шаухал-Берды.

Здесь решено было остановиться в ожидании известий от генерала Фрейтага. Шаухал-Бердинская поляна опускалась отлого к реке Аксай; более близкая к реке часть была обнажена от леса. Тут расположились штаб и часть отряда; более отдаленная, возвышенная часть была осенена деревьями. Здесь, насколько возможно удобнее, были помещены раненые, число которых в продолжении последних четырех дней почти постоянного боя, естественно, увеличилось и, сколько помнится,

превышало 1200 человек; вокруг всего расположения разместились разные части войск. Правый берег Аксая, более возвышенный, командовал всею местностью, нами занятою.

Устроив себе, вместе с Щербининым, небольшой шалаш, неподалеку от места, где была разбита единственная у нас солдатская палатка, в которой помещался главнокомандующий, я, утром 17 июля, был пробужден от сладкого сна шумом пролетавшего невдалеке и в землю ударившегося ядра: оказалось, что Шамиль ночью занял возвышенную позицию напротив нашего расположения, на правом берегу Аксая и, поставив там три орудия, обстреливал наш лагерь. Главною целью своих выстрелов горцы избрали палатку главнокомандующего. К счастью, их артиллеристы не оказывались искусными в стрельбе, ибо, выпустив в продолжение дня до ста снарядов, они причинили потерю убитыми только двух рядовых и несколько лошадей. Сделанная с нашей стороны попытка отвечать на неприятельский артиллерийский огонь не имела успеха, ввиду невыгодности места; необходимость же сберегать, для могущих еще впереди встретиться нужд, уже значительно оскудевший запас артиллерийских снарядов, побудила отказаться от попыток сбить неприятельскую батарею. Таким образом, Шамиль сохранил за собою монополию пушечного огня, он, впрочем, ею не злоупотребил, ибо на второй день нашей стоянки число выстрелов значительно уменьшилось. К счастью, та местность, где были помещены раненые, была вне выстрелов. Сильно убеждали окружавшие графа Воронцова, чтоб он, не подвергая себя напрасной опасности, приказал перенести свою палатку в более спокойную местность; но он на это не согласился, дабы этим не произвести неблагоприятного нравственного впечатления на те части войска, которые, по необходимости, должны были оставаться под неприятельскими выстрелами; ограничился он тем, что приказал неподалеку от своей палатки устроить себе шалаш, в котором проводил день.

Так прошли 17 и 18 июля; развлекались мы посещением знакомых и раненых и собирались в наши артели. К счастью, в эти два дня погода была ясная, только несколько жаркая.

От генерала Фрейтага не имелось сведений; неизвестно было, дошел ли до него посланец, отправленный из Дарго. Хотя стоянка наша имела преимущественной целью выждать известий, но продлиться долго она не могла уже потому, что провиант, который и без того раздавался в сокращенных размерах, был на исходе; то же самое относилось и до снарядов. Поэтому было решено, во всяком случае на следующий день, двинуться, хотя нужно было предвидеть, что переход через прилегавший к нашей стоянке, на пути к Герзель-аулу, глубокий и широкий лесистый овраг не обойдется без серьезного боя и

что неприятель сосредоточит все свои усилия, чтобы воспрепятствовать нашему переходу через оный. Был это, как оказалось, последний пункт на пути нашем, на котором все выгоды местности были не в нашу пользу.

Перед вечером, 18-го числа, на позиции, которую занимал Шамиль, было замечено необычное движение, ясно указывавшее на какое-нибудь особенное событие; общее внимание наше было возбуждено. Не прошло много времени, как послышались в лагере радостные крики: «Наши идут». Все взоры обратились по направленно к Герзель-аулу, и вскоре освещенные вечерним солнцем заблистали штыки: генерал Фрейтаг шел с отрядом. Подошед к противоположному берегу оврага, отделявшего его от нас, он поставил несколько легких орудий, из которых стал обстреливать позицию Шамиля, и она вскоре очистилась.

Излишне было бы распространяться о радостном чувстве, которое приход Чеченского отряда произвел в нашем лагере; все лица рассветлели. Как ни заманчива военная слава, как ни упоительны геройские подвиги, не верю я, чтобы когда-либо, кто-либо, будь он Баярд, предпочитал опасность лишиться жизни надежде ее сохранить. А потому естественно, что радость, произведенная приходом генерала Фрейтага, — была всеобщая, от рядового до главнокомандующего. Для сего последнего она имела значение освобождения от тяжелого бремени заботы о жизни многих, которое он, в продолжение последней недели, нес с такою не-обыкновенною стойкостью и наружным невозмутимым спокойствием.

Быв безучастным свидетелем всего происходившего, со времени нашего выступления из Дарго, находясь постоянно вблизи главных действовавших лиц, с уверенностью смею утверждать что графу Воронцову отряд был обязан тем, что он выдержал испытание этих шести дней похода. Своею личностью, своим никогда не покидавшим его хладнокровием, своим личным примером и умением поддержать дух солдата граф Михаил Семенович успел предотвратить гораздо большие потери, а быть может, в некоторые минуты, и погибель отряда. Достаточно бы было в критические дни 14–16 июля одного момента паники, иногда так внезапно овладевающей самыми лучшими войсками, там, где смерть настигает от руки невидимого врага, чтобы мы все оставили свои кости в Ичкеринских трущобах.

19 июля, утром, отряд наш тронулся на соединение с отрядом генерала Фрейтага, который ожидал нас на своей позиции. Пришлось с боя проходить отделявший обе позиции глубокий, густым мелким лесом наполненный овраг; неприятель успел занять лесистый хребет с левой нашей стороны, командовавший над оврагом, и оттуда поддерживал

частый ружейный огонь. Узкая дорога, извивавшаяся в овраге, производила на каждом шагу остановки, во время которых мы подвергались неприятельским выстрелам; одним из них был убит на носилках раненный 14 июля полковник Бибиков. Наконец, мы вышли на противоположную сторону оврага, и тут встретили нас храбрые куринцы, составлявшие авангард Чеченского отряда.[348] Были они одеты в чистые белые рубашки, резко отличавшиеся от загрязненной одежды выходивших из шестидневного боя солдат главного отряда. Главнокомандующий, приветствуя первых встретившихся ему куринцев, улыбаясь, сказал им: «Какие вы, братцы, чистенькие!» — «Вы чище нас, ваше сиятельство», — отвечал ему куринский унтер-офицер. Помню, с какою жадностью мы, на привале, насладились огурцами, принесенными из Герзель-аула; показались они нам редким лакомством.

Тут мы распростились с Шамилем и с его горцами. Сознаюсь, что об этой разлуке не сожалел я и благодарил Бога, что вышел невредимым из опасностей, которых никто не избегал; но до сего дня с удовольствием вспоминаю, что имел случай быть участником в этом знаменательном походе.

19 июля мы совершили переход небольшой, от 7 до 8 верст, до урочища Мискит, а 20 июля, к 6 часам вечера, соединенные отряды прибыли к крепости Герзель-аул, расположенной на левом берегу Аксая. Ожидал нас радушный и гостеприимный прием коменданта крепости, полковника Ктитарева[349]; заставил он молодежь скоро позабыть лишения прошлых дней.

Даргинская экспедиция была окончена. Не отвечала она ожиданиям столичной кабинетной стратегии. Одна она, предписывая этот поход, могла предположить, чтоб экспедиция, предпринятая в июне и в июле месяцах в глубь Ичкерии, могла иметь блистательный успех, способный произвести переворот в военном нашем положении на Кавказе, или чтобы разорение аула Дарго, мнимой столицы Шамиля, могло потрясти его значение в Дагестане и Чечне. Вступая в командование кавказскими войсками, граф Воронцов не мог уклониться от выполнения задачи, которая была предначертана ему наперед и на которую возлагались неосуществимые надежды. Но если, в общем итоге, нужно признать Даргинскую экспедицию неудавшеюся и вынужденный «сухарною экспедициею» скорый уход из Дарго потерянным сражением: то, с другой стороны, крайне прискорбно и досадно в отзывах об этой экспедиции встречать даваемое ей название: «*злосчастной*». Не всякое вынужденное отступление заслуживает такое наименование; доказал это, уже в древности, Ксенофонт.[350]

Быв лично свидетелем тех трудностей, которыми, в глухой дотоле неизведанной местности, сопровождалось шестидневное движе-

ние отряда, до соединения с генералом Фрейтагом, тех многочисленных случаев, при которых и спокойствие духа военачальника, и стойкость солдат подвергались тяжелому испытанию, я, хотя и непризванный судья в деле военном, остаюсь убежденным, что движение из Дарго в Герзель-аул, при сбережении 1200 раненых и неоставлении в руках неприятеля ни одного даже малозначащего трофея, — это подвиг, достойный и бородинского ветерана, и славной в боях Кавказской армии.

Тифлис.
Март 1890

Э. С. АНДРЕЕВСКИЙ

ДАРГИНСКИЙ ПОХОД 1845 г.

Мы выступили из крепости Внезапной 31 мая, присоединившись на марш из Ташкичу с так называемым Чеченским отрядом, который находился под командою генерала от инфантерии Лидерса.

В крепости Внезапной, которая была уже известна по прежнему нашему объезду разных мест, мы оставались два дня в доме полковника Викентия Михайловича Козловского, командира Кабардинского Егерского полка (говорю Кабардинского потому, что хотя этот славный полк с 1842 года переименован и называется Егерским ген.-адъют. князя Чернышева, однако ж по старой привычке его называют Кабардинским). Во Внезапной была жизнь a gogo,[351] и петербургская молодежь, к которой между прочим принадлежал Его Высочество принц Гессенский, предавалась веселости и самым блистательным надеждам. Князь Барятинский, князь Паскевич, флигель-адъютант граф Бенкендорф, князь Витгенштейн и многие другие вели жизнь беззаботную, собирались часто и веселились, как в столице, хотя некоторые из них, в особенности Барятинский и Бенкендорф, всегда сохраняли серьезность, свойственную их характеру. Флигель-адъютант Вольф[352] был по обыкновению невидимкою. Он показывался редко, и физиономия его всегда и везде выражала какой-то особенный отпечаток зловещия. Он все видел в черных красках. Щербинин и Николай были весьма веселы; первый из них пел: «...j'aime la guerre et je m'en flatte».[353] Веселость характера первого из них разливалась и на других. После обеда он всегда находил средства забавить гостей какою-нибудь фарсою и между прочим танцевал несколько раз лезгинку с графом Гейденом и бароном Минквицем, которая надолго остается в памяти каждого. Нельзя себе представить что нибудь более комическое.

31-го мая, около 8 часов утра, мы выступили из крепости; перешли через деревню Эндерей, населенную мирными горцами, и стянулись на плоской, довольно обширной возвышенности, где отслужили молебствие. Чеченский отряд состоял большею частью из войск 5-го корпуса, к ним,

однако ж, были присоединены некоторые батальоны старых Кавказских войск, а так же довольно значительное количество разнородной милиции. Последняя состояла из: 1) грузинской сотни князей и дворян под начальством князя Эристова,[354] Горийского предводителя дворянства, 2) из грузинской конницы около 400 лошадей под начальством князя Илико Орбелиани, 3) из Тифлисской пешей дружины под начальством князя Меликова. Вся эта милиция вверена была главному начальству губернского предводителя дворянства полковнику князю Орбелиани Джамба-Курьяну (Дмитрию Фомичу).[355] Кроме Грузинской милиции, была еще осетинская конная под начальством штаб-ротмистра Данилова,[356] адъютанта князя Владимира Сергеевича Голицына.[357] Линейные казаки находились тоже в довольно значительном количестве, но регулярной кавалерии вовсе не было.

Граф М. С. Воронцов здоровался со всеми войсками, и все отвечали радостными кликами, в особенности же Грузинская милиция, которая тотчас начала петь свою народную песню по слуху, однако ж, для нас, европейцев, не слишком веселую. Мы шли в большом порядке и продвигались с быстротою, к которой здесь не привыкли и которая при прежних движениях, особливо в последние годы, считалась невозможною. Дорога была впрочем хорошая и ровная и перелески ни мало не мешали общему движению войск. Уже начинало смеркаться, когда мы прибыли на позицию и стали лагерем у урочища Буртунай, вблизи разоренного аула Чир-Юрт. Граф тотчас осмотрел ближайшие окрестности, имея, быть может, тогда уже намерение основать здесь укрепление, которое могло бы господствовать над переправою через Сулак и этим препятствовать набегам горских хищников на плоскость. Покамест главная колонна располагалась лагерем, авангард переправился в брод через Сулак и, заняв противоположный берег, служил прикрытием для саперов, которые в ту же ночь устроили мост для переправы орудий и других тяжестей.

Могу сказать, что свист чеченских пуль менее нас донимал во время нашего похода, чем этот ливень. Потоки дождя, которые иногда продолжались по нескольку часов и даже целые сутки, проникали в наши палатки; лично меня, как и многих участников похода, неприятное ощущение холода и нервное содрогание лишало сна, что при постоянном умственном напряжении усиливало общую усталость. Нередко, промокши до костей в своей палатке, я целыми ночами бредил о тех, которые находились в цепи, на секретах, в караулах и при других служебных занятиях. 31-го числа мы прошли с лишком 30 верст, 1 же июня наш переход был не более 5 или 6-ти.

Выступив рано, спустившись по довольно значительной крутизне и переправившись через Сулак, мы очутились среди лесной опушки и близ большой скалы, у подошвы которой красуются остатки бывшего

аула и бывших садов. Влево по течению Сулака находятся горячие серные ключи, при которых в прежние времена были устроены теплицы. Разорение этого аула совершилось не далее как в 1840 г. По распоряжению Шамиля жители выведены в горы, где среди лесов с трудом добывали насущный хлеб. Тогда как прежде жили здесь в изобилии, имели даже некоторые коммерческие для них выгодные обороты с кизлярскими армянами. После короткого привала в этом ауле, в скалистых окрестностях которого растет много дикого каперца, мы двигались еще две или три версты вперед и стали в прекрасной Мятлинской долине, славившейся еще недавно своими садами и своим Тавлинским вином. Земля здесь весьма плодородна и растительность сильна. Прежние жители разоренных деревень теперь еще навещают от времени до времени свое имущество, и в надежде, что при перемене обстоятельств, быть может, возвратятся обрабатывать с весны виноградные сады.

Мы прибыли в Мятлинскую долину около 11 часов утра, но колонна и арьергард стянулись на место не прежде 2-х или 3-х часов по полудни. Устроившись по обыкновению, мы провели остальную часть дня довольно весело, навещали знакомых и обошли почти все сады вдоль по течению реки. До тех пор мы еще не слышали неприятельских выстрелов, — зато угощали нас ими беспрерывно грузинские милиционеры, которые уже успели переранить двух или трех из своих. Комендант главной квартиры, полковник Дружинин, то и делал, что бросался влево и вправо по направлению выстрелов, чтобы по приказанию графа удержать милицию, но это удавалось ему редко. Они утверждали, что охотятся. Действительно, князь Орбелиани с дружиною нагнал в первый день нашего марша чудного, прекрасного оленя с рогами о 16-ти оконечностей, и этот олень долго еще служил милиционерам предлогом к своевольничеству.

2-го июня предстоял нам длинный марш, около 20 верст. Мы шли промеж прекрасных холмогор, покрытых лесом, то по узким дорогам, то по богатым лугам с душистою роскошною травою. Около полудня после довольно длинного привала, в продолжение которого мы поджидали правую цепь (ее вел Бенкендорф), колонна начала подниматься на высоты, известные под названием Хубарских. Они круты, но не скалисты, и дорога, ведущая, к ним и по ним, особенно в хорошую погоду, не представляет больших затруднений. Зелень была, как бывает в мае в Стирии и Карпатских горах, свежая, роскошная, и солнце грело, но не жарило, в чащах деревьев пели весенние птицы, между травой красовались цветы (anemone) и багровые ягоды земляники.

Наш поход был не что иное, как прелестная прогулка, оживленная толпою веселых радушных лиц, из которых мало кто подумывал о предстоящей опасности. Несколько выстрелов в арьергард переранили четы-

рех человек, но почти никто на это не обращал внимания, и полковник Козловский не велел отвечать неприятелю. Выбравшись на самую значительную и уже безлесную возвышенность, граф осмотрел позицию, бывшую в прошедшем году под лагерем генерала Нейдгардта, нашел ее неудобною и велел подвинуться отряду еще на версту с лишком вперед. Здесь стали мы вправо от разоренного, весьма значительного аула, жители которого начали селиться в недалеком расстоянии в лесах. На месте, на котором должен был стать наш лагерь, находились богатые нивы пшеницы, проса и, кажется, кукурузы. Так как жители не вступили с нами ни в какие сношения, то граф не имел причины удержать кавалерию от фуражировки по хлебным полям. Не прошло часу, и надежда на богатую жатву исчезла. С нашей позиции мы могли различать свободно, посредством подзорной трубы, не только толпы горцев, но даже их лица. Мужчины и женщины смотрели с унынием на разорение их полей, но они оставались в совершенном бездействии. Мирные горцы, следующие с нами при отряде, говорили нам столько о намерениях салатавцев сделаться покорными русскому правительству, что мы начали верить им и их словам и полагали, что можем кое-где надеяться на доброе к нам расположение. Когда, однако, дошло дело до того, чтобы запастись водою и напоить наших лошадей и рогатый скот, то мы удостоверились, что обыватели Хубарских высот также желают нам вредить, как и все прочие приверженцы таригата. Несмотря на то, что пред нами и весьма близко был большой овраг с явными признаками водного протока, который даже мог приводить в действие две мельницы, мы бились несколько часов, чтобы набрать немного воды для самых необходимейших потребностей. Уже было темно, когда я отправился с 10 человеками саперов попытаться, не найду ли где-нибудь источника. Не прошло получаса, как под мостом, ведущим в овраг, мы открыли довольно большой ключ. Отверстие его было забито буркою, сверх которой навалено множество булыжника. Вода пошла в порядочном количестве, и к утру можно было напоить по крайней мере, артиллерийских и верховых лошадей. Арьергард занимал между тем другую позицию на противоположном покате воды. Стоявший там генерал Лидерс сначала тоже затруднялся при искании воды, но и он открыл забитые источники. На другой день 3-го июня, в праздник Св. Троицы, наш лагерь представлял действительно праздничный вид. Солдаты постарались еще с вечера, и когда мы проснулись, то перед каждой палаткой, в особенности же главнокомандующего и его начальника штаба, были устроены как бы маленькие рощи. Жаль, что они оставались ненадолго. Пробила повестка, ударили «по возам», и опять мы двинулись вперед по направлению к знаменитому Буртунаю, где в прошедшем году Шамиль с большим количеством горцев выжидал отряд генерала Нейдгардта. Первый переход

наш был невелик, и около 11-ти часов мы стояли уже над огромным оврагом, заросшим лесом. Тут назначена была дневка, чтобы ожидать продовольственного транспорта из Евгеньевского укрепления, но граф раздумал и вдруг переменил свой план. Ущелье, которое открылось перед нами, могло служить неприятелю выгодной позицией и тем более, что противоположный берег его господствовал над позицией, которую мы занимали. Верст за 10 от нас мы могли, кроме того, заметить несколько сотен неприятельской конницы, которая, кажется, только ожидала нашей нерешительности, чтобы поспешить нам навстречу. Если до сих пор она оставила овраг не занятым, то единственное потому, что граф двигался гораздо быстрее, чем Нейдгардт, и в день делал два нейдгардтских перехода.

Желая воспользоваться медленностью неприятеля, граф здесь же распорядился, чтобы тотчас приступить к занятию оврага и перевозке через оный как тяжестей, так и орудия. Посылая Грузинскую милицию вперед для очистки леса, граф повел ее сам до половины спуска. Грузины, восхищенные от ласкового с ними обхождения, затянули свою унылую боевую песню и быстро, как шарики, скатились в крутизну, чтобы исполнить приказание графа. Нельзя не сознаться, что грузины, особливо их дворянство, народ храбрый, который с большим успехом может быть употребляем в горных, открытых, а быть может, даже и лесистых местах, но надобно, 1) чтобы компания длилась не слишком долго, 2) чтобы грузины всегда действовали в виду главного начальства, умеющего их ценить не только по их достоинству, но и по природным способностям, и 3) чтобы они никогда не шли в дело голодными. Азиатские натуры не имеют той стойкости, как наши, и переход у них от вспышки до совершенно апатического состояния совершается в самое непродолжительное время. Отдано приказание к общему движению. Вьюки между тем уже подвинулись к месту, на котором был лагерь в 1844 г. и которое, как все лагерные места Нейдгардта, обозначались еще до нашего прихода множеством торчащих кольев. Известие, что мы идем дальше, весьма мало обрадовало корпусного гевальтигера князя Тарханова[358] и привело в отчаяние адъютанта принца Гессенского, Самсонова. Последний никогда не хотел признавать законности тех распоряжений, о которых не было сообщено с вечера, заблаговременно, в словесных приказах. Узнав, что все имущество должно быть переложено на вьюки и все повозки оставлены в вагенбурге, Самсонов решился, несмотря ни на какие приказания, оставить при себе хоть одну повозку и выбрать для легкости троичную, с огромными крыльями, кибитку. Можно себе представить, какой эффект произвел этот неуклюжий экипаж, когда он начал спускаться по узенькой горной дорожке. Все прочие экипажи оставлены и отправлены на Кирки. Многие решили рас-

статься с ними только тогда, когда увидели, что граф не берет с собой даже своих дрожек. Мы отобедали по сию сторону Теренгульского оврага. Обед был бивачный на земле и на клеенке, вместо скатерти. Между тем мы все были чрезвычайно веселы, видя, что так скоро и так легко преодолеваем природное препятствие, которым мог бы было воспользоваться неприятель, чтобы причинить нам много зла. В прошедшем 1844 году, позиция, которую мы занимали, сделалась известной прибытием здесь генерала Нейдгардта с отрядом 20-ти с лишком батальонов. Его В. Превосходительство имел в виду Шамиля со скопищем 15 тыс. горцев и изволил распорядиться, чтобы Клюге фон Клюгенау пошел неприятелю в обиход и стал на высотах вблизи разоренной деревни Буртунай. Этот обход удался чрезвычайно хорошо, но когда дело дошло до единовременного с обоих сторон наступления, оба полководца призадумались. Этой нерешительностью воспользовался Шамиль и тайком убрался из позиции, в которой должен был при малейшем сопротивлении потерять орудия и много народу. Нейдгардт двинулся тогда через Евгеньевское укрепление в Темир-Хан-Шуру, где провел около 2-х месяцев в бездействии.

Спуск в Теренгульский овраг довольно сносен, но подъем на противоположный стороне, как и переправа через самое корыто оврага, чрезвычайно затруднителен. Орудия останавливались на каждом шагу, вьюки падали, верховые лошади приставали, даже пешие, если имели какую-нибудь ношу при себе, должны были отдыхать поминутно. За всем тем переход совершился благополучно.

Авангард выдвинулся из лесной опушки около 4-х часов пополудни, а прочие войска следовали за ним постепенно. Тяжести и арьергард пришли только ночью, к рассвету. Возвышенная плоскость, которую мы заняли под лагерь, окружена с двух сторон лесами. Она изобилует водою и отличным кормом. Жаль, что в ту самую минуту, как мы пришли, начался проливной дождь, который мучил нас и на другой день. Палатки стояли почти в лужах. Эта стоянка приготовляла нас к киркинской и мишкильской позициям. Дождь захватил нас так неожиданно, что почти ни у кого не было ни плаща, ни бурки. Владимир Осипович Гурко пригласил нас в свою, как-то раньше других поспевшую, палатку и напоил всех чаем. Лежа вокруг его кровати, на которой, кроме хозяина, сидели еще граф и принц Гессенский, мы провели около двух часов времени весьма весело; между тем поспели наши вьюки, и каждый думал об том, как приютиться.

С буртунайской позиции граф начал лично распоряжаться в качестве главнокомандующего, до тех пор мы шли как будто в «оказии» с генералом Лидерсом и все распоряжения делались через него, хотя бы и были от имени графа. По случаю же присоединения к Чеченскому отря-

ду отряда Дагестанского, состоящего под командою князя Бебутова, который пришел по другой дороге через Евгеньевское укрепление и Ибрагим-Даду, граф принял главное начальство над обоими отрядами.

4-го июля[359] прошло в рекогносцировке. Главнокомандующий, начальник штаба, несколько генералов, между которыми Пассек и многочисленная свита, отправились рано, около 9-ти часов, через лагерь князя Бебутова в разоренный аул Буртунай, где стоял лагерем авангард под начальством генерала Безобразова. Со всеми предосторожностями мы двинулись вперед по непроходимой, хотя довольно ровной, дороге к огромному оврагу. По левую сторону были у нас горы, по правую немного вдали лесная балка, в которой виднелись свеженькие здания нового Буртуная. Лазутчики описали графу эту местность весьма удобной для перехода к Мишкилю, где, по дошедшим слухам, ожидало нас скопище горцев в сильно укрепленной позиции. Доехав в проливной дождь к огромному оврагу и осмотрев его сколько возможно, граф возвратился в лагерь. Неприятеля видели мы не более 300 или 400 человек, он скрывался, однако же, в лесу и держал на виду только один пикет в три или четыре человека. Включая обратный путь, мы сделали с лишком 20 верст и промокли до костей.

К вечеру погода поправилась, а на другой день, т. е. 5-го июля,[360] небо прояснилось совершенно и опять показалось солнце. Граф назначил рекогносцировку, в состав которой должны были войти 6 батальонов, идущих налегке, но имевших при себе на два дня сухарей. Мы пошли от нашего лагеря влево и минуя аул Буртунай, который оставался от нас по правую сторону, двинулись вперед по отлогой покатости, которая длилась около 10 верст. Подъем был не трудный, но утомительный и тем более, что весь отряд шел без дороги прямо по полю. Несколько раз граф останавливался и осматривал окрестные горы, которые торчали перед нами, как огромные истуканы, и которых дикая и бесплодная голизна невольно наводила уныние. Кое-где в рытвинах лежал снег, между тем терпели нестерпимую жажду. По дороге от Буртуная до Кирок находился только один, и то не слишком богатый, родник. Можно себе представить, с какой жадностью бросились все на его, сначала чистую и прозрачную, а вскоре потом мутную и грязную воду.

С половины дороги мы первый раз увидели значительную гору, которую потом нам назвали Анчимеером. На ее самом возвышенном холме виднелись три земляные насыпи, как будто кирпич, нарочно сложенный в кубические сажени. По словам горцев, это были балтареи неприятеля. Мы дошли без выстрела до горы Соук-Булак, где остановился главнокомандующий для надлежащего осмотра местности. Мы находились на весьма значительной высоте и как раз напротив Анчимеера, от которого отделял нас огромный Киркинский овраг. В этом овраге

видны были очерки укрепленного вагенбурга генерала Граббе, который через Кирки шел на Ахульго. В некотором расстоянии от вагенбурга огромный Киркинский овраг дробится на несколько частей, заросших лесом. Тут заметны дома и хутора жителей деревень Артлух и Данух, находящихся вблизи.

Вскоре после нашего приезда, из маленького оврага выехали четыре всадника и начали «джигитовать» по Киркинской площадке. В ту самую минуту спустился с Соук-Булака один милиционер из шушин и, засев за маленькую насыпь, взвел курок. Невероятно сказать, что из четырех молодцев никто не посмел подъехать к пешему человеку единственно потому, что у него курок был на взводе. Всадники повертелись, постреляли и исчезли; но через несколько времени после того начал тянуться из того же оврага целый ряд конных. Все в башлыках, в бурках, на бойких горских конях, они шли медленно, гуськом, один за другим, как будто похоронным, церемониальным маршем. Пройдя мимо нас, они начали стягиваться за пригорком по дороге к Мичикале. Этот пригорок скрыл их совершенно от наших глаз. Граф Михаил Семенович послал кн. Дмитрия Орбелиани и всю милицию, чтобы начать с неприятелем перестрелку и между тем прикрыть движение регулярного войска, которое начало спускаться по неимоверной крутизне с Соук-Булака в Киркинский овраг. Князь Дмитрий поспешил исполнить данное ему приказание, но неприятель, удаляясь далее и далее, не допустил его на ружейный выстрел. Между тем все кипело в Соук-Булаке, узкая стезя в некоторых местах была совершенно прервана, так что без починки невозможно было спустить орудия. Захлопотали куринцы и апшеронцы — первых из них вел гр. Константин Бенкендорф, а вторых — полковник Ковалевский. Пассек, который начальствовал над целым летучим отрядом, хлопотал с обычною ему запальчивостью. Бросая камни в рытвины, чтобы их выровнять, помогая людям спускаться, он перекликивался с главнокомандующим и требовал его приказаний. Я сам слышал это из уст графа, но в это же самое время заметил, что Пассек слушал инструкции только для одной формы. Так как Пассек не умел скрывать своих мыслей, то можно было с уверенностью сказать, что план операции в его голове уже составлен был. Его тянуло к воротам Андии. Молодые люди, как Ольховский, Новощенков, Башилов и пр., окружали Пассека — народ храбрый, но бестолковый, они, кажется, уже знали кое-что о намерении Пассека и не могли скрыть радости своей перед товарищами. Слышите, говорили они, спешите, мы удерем, и, авось, все дело без вас обойдется. — Спустились куринцы и апшеронцы — пришла очередь Замосцскому батальону, который вел сам Семенов. Все были пешком, но он, по обыкновению своему, не слазил с своего вороного коня и ехал в глубокой задумчивости. Зная Семенова с давнего времени, тогда, когда под названием

светлейшего, он в Ананьеве забавлял половину уезда своей музыкой, своей отличной псовой охотой, своими обедами и балами, я не мог не приветствовать его и не пожелать ему хорошего успеха. Он поблагодарил меня и сказал, горько улыбаясь: «Хорош успех, теперь уже без палатки, без чая, без сахара, без вина и без Сашки (повара). — С этаким молодцом придется неминуемо голодать; ему-то хорошо — он врет разную чепуху и оттого сыт бывает, а нам, брат, которому стукнул пятый десяток, уже посолиднее и все разбирает, как следует: слава сама по себе, а сухарь сам по себе».

Киркинская площадка еще недавно лежала под нами, как ладони голые; вдруг она начала наполняться народом, который как будто бы падал с неба. В горах и в лесу это мгновенное наполнение площадок представляет странное зрелище. Так как часть отряда всегда скрыта в каких-нибудь захолустьях, то это появление внезапностью своею имеет всегда что-то магическое.

Стягивались толпы вокруг Пассека, он уже шел вперед. Как змея огромного размера, вился его летучий отряд в Киркинской долине, чтобы отыскать дорогу на Анчимеер. Он бросился влево, но непроходимый овраг крикнул ему: «Стой!» Завернув вправо, он обошел этот овраг и сделал уже поворот у самой подошвы горы, которую, так сказать, срезал, пока начал подниматься вверх. Мы оставались с графом на возвышенной точке Соук-Булака и следили оттуда за каждым движением отряда. Грузинская милиция пешая, под предводительством кн. Меликова, рвалась вперед; за ним следовали Бенкендорф и куринцы. Горцы страшною толпою растянулись гуськом, занимали хребет вершин и по-видимому готовились к упорному бою. Они все были верхом и числом не менее 3 000. У половины горы, на довольно выгодной местности, Пассек старался сколько можно стянуться и потом приступить к штурму горы и батарей. Куринцы бросили мешки и пошли бегом вместе с грузинами. Пассек шел по кавказскому обыкновению с батальным огнем. Горцы отвечали ему расчетливыми своими выстрелами, громом орудий и градом камней. После двух часов работы и трудов выскочило несколько грузин, между ними Меликов, на самую вершину Анчимеера. Почти что вплоть за ними следовал Бенкендорф с куринцами, которые пошли на ура и кричали горцам: «Здорово, братцы! Не бойтесь, мы ваши кунаки, куринцы». Но горцам было что-то не до соли. Наши еще взбирались на Анчимеер, как они уже захлопотали у орудия и начали убирать его. Когда же наши вползли на гору, то без горечи сделали налево кругом и, что называется, удрали. Сначала они шли, хотя довольно поспешно, но в весьма изрядном порядке, а потом пустились бежать во все лопатки, куда кто попал. Во время дела Машут, сын Абдулаха, из Казы-Кумыка, выбежавший из Дарго, имел пе-

реговор с главным наибом неприятельской партии Лабазаном, переговор, который, по здешнему обычаю, заключался в обоюдных ругательствах, разумеется, отнюдь не останавливал перестрелки. Граф Михаил Семенович следил за каждым движением отряда и, несмотря на нестерпимую жару, все время выдержал под солнечными лучами. Он обрадовался нашему успеху, молодеческому подвигу Пассека, Бенкендорфа и Меликова, радовался занятию важной позиции, которая была ключом Мичикале, но между тем он заметил, что горцы плохо дрались и что наиб-командир Лабазан не заслужил в этом деле даже и коллежского ассесора.

Между тем наши, выбравшись на Анчимеерские высоты и будучи уже не в силах преследовать неприятеля, который удалялся весьма скоро со своим орудием, начали стягиваться и, стянувшись, громко и шумно поздравили Пассека с победой. Раненые, которых было весьма немного, оставались на дороге, и Ковалевский с апшеронцами распорядился об их призрении. Граф Михаил Семенович послал адъютанта Лисаневича[361] с приказаниями к Пассеку, а мы сели на коней и пошли назад к Буртунаю. Жара стала меньше. Под прикрытием одной лишь кавалерии, мы шли довольно скоро, и тем более, что постоянно спускались вниз, да при том, что все были в веселом расположении духа. Начало действий графа Воронцова, к которому и без того войска имели неограниченную доверенность, было увенчано самым блистательным успехом. Хубарские высоты, Теренгул и Буртунай мы заняли без боя и при первой встрече с неприятелем, несмотря на его крепкую позицию, на его орудия и каменные батареи, приготовленные в большом количестве, мы прогнали его с весьма незначительным уроном, потому что никто не был убит, а раненых оказалось всего 17 человек.

Каждый предавался впечатлениям дня или разговаривал с соседом. Как вдруг послышался выстрел с орудия по направлению нового Буртуная, где стоял Безобразов. Выстрелы повторились, и мы их сосчитали в скором времени до одиннадцати. Казалось, что горцы, видя совершенную неудачу и поражение на Анчимеере, бросились на авангард, чтобы воспользоваться отсутствием графа и раздроблением войска через отделение летучего отряда под командою Пассека. Не знаю почему, но мне казалась эта комбинация самою естественною, и когда мы еще стояли на Соук-Булаке, предаваясь, как это бывает, разным мечтаниям и стараясь умственно войти в положение Шамиля (которого хвалят военные соображения), я думал, что его план завязать дело у Анчимеера для того, чтобы безопаснее напасть на Безобразова.

Не прошло четверти часа и все объяснилось. Мы узнали, что показался на неприятельской стороне один только усиленный пикет, который вздумал пустить несколько шальных пуль в наши аванпосты. Партия,

человек в 300 или 400, которую мы заметили во время рекогносцировки графа, вероятно, сходила с позиции (которую занимала в лесу) и затеяла, быть может, перестрелку только для того, чтобы скрыть движение.

Мы прибыли в лагерь князя Бебутова еще засветло. Первый встретил нас генерал-майор князь Кудашев, который поздравил графа с славным делом. Огонь Анчимеера был слышен в нашем лагере, и можно себе представить, с каким нетерпением каждый ожидал возвращения нашего, положительных сведений об окончательной развязке дела. Граф поехал по лагерю, здоровался с солдатами и с видимым удовольствием принимал их поздравления. Между тем Его Сиятельство распорядился, чтобы кн. Бебутов тотчас шел в Кирки, где в бывшем вагенбурге генерала Граббе оставался только один батальон. Генерал Лидерс с Чеченским отрядом должен был двинуться с рассвета и образовать колонну. В арьергарде оставались, таким образом, Безобразов и Козловский с кабардинцами.

Последние лучи солнца 5-го числа застали каждого в прекрасном расположении духа. Кишела молодежь в ожидании подобных дней. Солдаты сидели за поздравительным кубком, и «поэты» их команд клеили кое-как рифмы в честь старика, юного духом и делами. В этих твореньях, признаться по правде, слишком часто встречалась седина да белизна, но главная мысль заключалась всегда в том, что он, дескать, солдат, да русский вельможа, выдержит на коне более чем немец в креслах и т. п. Чрезвычайно поразил меня часто возвращающийся какой-то напыщенный припев опять с сединой, с белизной. Вероятно, дело не обошлось без какого-нибудь «всеконечного семинариста», который, убоясь бездны премудрости, надел ранец. Эти люди вместе с кантонистами, питая постоянную страсть к высокопарным и затейливым выражениям, весьма часто портят простую, народную поэзию солдата.

На другой день пошла ломка палаток. Мы построились с прекрасною нашею стоянкою у Буртуная. Кони наши не вытоптали всех лугов, котлы не выжгли всего леса; когда мы сошли, прелестная картина оставалась в том же виде, в каком мы его застали. Нигде не валялась корпия с запачканными бинтами, нигде не было свежевзрыхленной земли, — могильной насыпи, — все улыбалось, птицы пели весеннюю любовную песнь, и воздух, ароматный от цветов, расширял грудь и крепил ее на новые труды и подвиги.

Скоро свершили мы наш переход до Соук-Булака, но не так скоро сошли в Киркинский овраг. По узенькой стезе спускался каждый вьюк, каждый человек поодиночке. Граф со штабом съехал около часу по полудни, а колонна тащилась до ночи. Безобразов занял позицию на самой горе.

В Киркинском овраге мы нашли князя Бебутова, к которому присоединилось из отряда Пассека только 17 человек раненых. Где был Пассек? Никому не было известно. Он имел ночью незначительную перестрелку и двигался все вперед, — куда, зачем? — была неразгаданная задача. Лазутчики знали приблизительно направление, которое он взял с вечера, но они знали также, что он не стоял у Мичикале. Можно себе представить, в какое затруднительное положение ввел Пассек главнокомандующего своевольным изменением операционного плана. Несмотря на усталость авангарда, часть его тотчас должна была отделиться, чтобы занять важную позицию у Мичикале, где по сведениям, полученным еще в Буртунае, горцы укрепились было весьма значительным завалом. Вследствие занятия Анчимеера завал остался для них бесполезным, то все-таки мы шли, начиная с Кирок, в местах, уже совершенно нам неизвестных, и кто мог ручаться за то, что было впереди нас. Начальник штаба поехал сам с колонновожатым на рекогносцировку. Адъютанты летали во всех направлениях, а лазутчики из горцев, по свойственному им удальству, через горы, через долины, через камни, аулы и рощи, невидимкою пробирались в летучий отряд. Наконец, получены записки от Пассека, и мало-помалу в продолжении нескольких дней, мы имели возможность удостовериться, что он, — как говорят, — затесался. Из всего было видно, что несмотря на блистательное Анчимеерское дело и на удачные после него перестрелки, окончательный результат действий летучего отряда заключался в занятии какой-то исполинской горы, покрытой снегами, на которой лошади пропадали с голоду, а люди стояли без дров и без воды, — не говоря уже о сухарях, которых вовсе не было.

Никто не говорил о Пассеке так беспощадно, как генерал Фок, но, впрочем, нельзя было не заметить большого сходства в их характере. У обоих был большой недостаток, но такой, от которого честно и славно страдать, хотя рано или поздно надо за него поплатиться. Оба они были до безумия храбры и у обоих кипела кровь в ретивом сердце, но Пассек был молод, лет не более 36-ти, а Фок уже давным-давно перешагнул за четвертый десяток. То, что у Пассека, холостого и беззаботного, казалось порывом молодости и вдохновением необузданного воображения, то было у Фока, оставившего жену и большое семейство, как будто искусственным воображением всех нравственных сил, чтобы возвратить какую-то потерю, невозвратную, как прошедшие лета.

Молодежь восхищалась Пассеком и подшучивала над Фоком. Пассек и Фок не были дружны и не могли быть дружными. Их примирила даргинская дубрава, и что особенно в этой катастрофе есть странного, это то, что если в этой нашей богатой драме нужна была бы трагическая развязка смертью кого-нибудь из главных действующих лиц, она пре-

имущественно пала бы на Пассека и Фока. Пассека и Фока вынесли бы со сцены смертельно раненными или же наповал убитыми не только у нас, но и у Софокла, Сенеки, Расина, Шекспира и Шиллера. Sunt talia ingenia quibus abire... но со мною здесь, в Азии, нет римского автора, который так отчетливо определил бы характеры, которые должны отойти, потому что жизненная их струна донельзя натянута, которым душно и тошно и нет простора на белом свете. Еще 6-го числа генерал Гурко сделал рекогносцировку к Мичикале. Он нашел вдоль по оврагу и его покатости, хотя и не дорогу, но место для нее довольно удобное. За всем тем нужны были усиленные работы, чтобы можно было пройти с легким полевым орудием. Граф Михаил Семенович, во время стоянки нашей в Кирках, ездил тоже два раза к Мичикале, где мало-помалу стянулся отряд Бебутова, и открыл сообщение с Пассеком. Слухи подтвердились: летучий отряд стоял на возвышенности, в снегах и вечном тумане, без всяких средств к существованию, так что надо было прежде всего подать ему руку помощи. Крайность доходила до такой степени, что князь Бебутов, при посещении Пассека, чтобы напиться чаю после длинного и трудного перехода, должен был за большую цену купить казачий дротик и изрубить его на щепки для чайника. Граф Воронцов поручил генералу Лабинцеву отправиться к Пассеку с сухарями и остаться там с двумя своими батальонами вперед до присоединения к главному действующему отряду. С прибытием Лабинцева на так называемую «холодную гору» командование Пассека должно было, по правилам военной иерархии, тотчас прекратиться. Рассказав предварительно все, что делалось вокруг нас, я имел намерение тем свободнее возвратиться к собственному нашему лагерю. Мы прибыли в Кирки 6-го и выступили оттуда 10 июня. Все это время мы находились, каждый отдельно, в каком-то омуте. В день нашего прибытия вьюки еще весьма долго оставались позади, а когда пришли, то оказалось, что незначительный запас дров, взятый в Буртунае, большею частью истратился в дороге.

Мы прибегнули к арбам, появившимся в довольно большом количестве на Соук-Булаке, куда прибыл вагенбург, оставленный нами у Теренгула. Можно было кое-как накормить раненых и удовлетворить самые необходимые их потребности, хотя нижние чины большею частью оставались на одних сухарях и водке. Надо пояснить, что такое называется водкою. Это спирт, привезенный в бурдюках, пропитанных нефтью, и смешанный пополам с водою, с которой образует белую, как молоко, жидкость. Она может нравиться только потому, что русский человек вообще любит крепенькое. Сухари были весьма хорошо выпечены, весьма вкусны, но, при транспорте их, они часто обращались в слишком дробный порошок или же подмокали от дождей. В говядине не было недостатка, но, за неимением дров, нельзя было воспользоваться этим

добром. Маркитанты, прибывшие в Кирки с вагенбургом, имели множество разной разности, но все это пришло в каком-то странном агломерате потому, что они должны были оставить арбы на Соук-Булаке, где навьючились на скорую руку, но ввиду сильной стужи и снегов. — Стужи и снегов!!

Да это было зрелище в своем роде единственное. После жарких, предыдущих дней, 7 июня облекло всю окрестность горы и долины в белый саван зимы. Снег выпал на несколько вершков и держался довольно туго на всех немного возвышенных местах, т. е. именно там, где были наши пастбища, в самом же лагере, от беспрерывной ходьбы, снег не мог долго удержаться; он образовал гнусную, вязкую грязь, которая мучила нас во все время нашего пребывания в Кирках. Лошади и рогатый скот бродили с места на место и старались кое-как из-под снегу добыть себе несколько щепоток засырелого корма. Многие из них, особенно черводарские лошади, бродящие без всякого присмотра и всегда вне цепи, падали в кручи, заваленные снегом, и убивались насмерть.

Касательно продовольствия, то с 7-го числа отряд находился совершенно обеспеченным. Запасов было довольно, а дрова начали доставлять из соседних хуторов, называемых в горах Канутами. Граф, еще не зная положительно намерения жителей селений Артуха и Дануха, приказал им объявить через лазутчиков, что постройки будут разбираемы правильно и без грабежа и что, в случае примирения, за испорченное будут уплачены деньги по оценке. Нельзя сказать, чтобы жители нас слишком беспокоили. Они ограничились незначительными перестрелками, в которых убит один азиат и ранено несколько человек солдат. Не горцы, а местность и погода были нашими врагами.

Все терпели, но все были веселы. Весьма часто слышны были песенники и весьма часто виднелись меж туманов карикатурные движения плясунов, покрытых грязью с ног до головы. Офицеры нагревали палатку спиртом, пили жженку, бушевали и играли в карты, а потом шли в секреты, на караул, в цепи, на работу.

Граф Воронцов, при всей своей зябкости, одним напряжением нравственных сил переносил все труды весьма легко. Он диктовал утром Щербинину, потом занимался с генералом Гурко и Герасимовым,[362] потом садился на коня и, наконец, обедал; а после обеда играл в преферанс. Партию его составляли: атаман Хрещатицкий,[363] Герасимов и статский советник Земский,[364] который так страдал от биения сердца, что, несмотря на все свое желание, решился оставить отряд и поспешил в Пятигорск на минеральные воды. Должность Земского, бывшего старшим доктором главного действующего отряда, возложена была на меня.

Более всех страдала молодая знать, привыкшая к столичной неге и роскоши, но никто не умел так шумно и казарменно проводить свою

лагерную жизнь. Бесконечные рассказы и отрывистый хохот, песни и жженка, завтраки, обеды и ужины, карты и даже одна дуэль, которая, впрочем, к счастью, кончилась после первого выстрела. Молодой принц часто мешался меж своих сверстников и не отставал от их забав точно так, как потом среди града пуль и обломков скал разделял все их опасности. Замечательно, что иностранцы бушевали гораздо более чем русские; ужасные немецкие арии князя Витгенштейна и персидская песня кликушки Едлинского запечатлелись в памяти всех и остались у всякого, кто их слышал, странным отголоском из Дагестана. Даже барон Николаи, несмотря на свою флегму, иногда был навеселе и исподтишка закатывал маленькие, робкие, но всегда серьезные мыслети.[365]

В случае движения главного действующего отряда к Андии и Дарго Киркинский овраг делался важным пунктом сообщения с Евгеньевским укреплением и Темир-Хан-Шурою. Все продовольствие зависело от этой местности, а потому граф распорядился, чтобы этот эшелон, как ключ всех прочих, был защищаем значительными силами, и оставил здесь 5 батальонов, начальство над которыми вверил генерал-майору князю Кудашеву. Все тяжести и повозки, а также все больные оставлены были в Кирках. Мы двинулись 9-го числа с утра. Холод был довольно ощутительный, но погода изменилась в том, что сделалась весьма сырой. Снегу же не было, но его заменила топкая грязь, препятствующая всякому движению. Затруднение увеличивал густой туман, который в немногих шагах все скрывал под нами. Дорога испортилась до неимоверного, и новая ее разработка, разрыхлив землю, сделала ее еще более трудною, особенно для орудия, которое погружалось колесами по самую ось. Впрочем, несмотря на все это, мы имели некоторое утешение, потому что воздух минута от минуты становился теплее. Хотя нужно было то подниматься, то спускаться, однако ж, все-таки в общем итоге, — мы спускались. Никто не ощущал этого счастья в большей степени, как наши азиаты, в особенности черводары, которые потеряли в Кирках в одну ночь около 50 лошадей от стужи. Их тощие кони, почти все азиатской крови, с жадностью бросались на открывшуюся из-под снега траву, чтобы утолить голод, который претерпевали в продолжении нескольких суток.

Чем ближе к Мичикале, тем гнуснее становилась дорога. Пред небольшою рощей, которая еще отделяла нас от лагеря князя Бебутова, находится ручей, довольно богатый водой. Он было разгулялся бесчисленными струями по поверхности небольшой глинистой горы и изрыл ее в разных направлениях так, что пресек бы путь самому исправному, даже горному обозу, но он не мог нас остановить. Чем более лошадей падало в кручу, тем отважнее становились ездоки; чем труднее было вытащить вьюк, тем более старались его не бросить; было как бы повет-

рие на стойкость и храбрость. Да и не могло быть иначе! Всякий, от первого до последнего, был одушевлен примером вождя, который переносил все тяжести похода не только без ропота, но со свойственным ему равнодушием.

В отряде не было имени громче его, не было состояния, которое могло бы равняться его состоянию, не было семьянина, оставившего дома более его, не было солдата, которому по летам он не мог бы быть отцом. Он шел и шел, и все шло за ним безостановочно. Отряд, сжатый самой местностью, вился над зеленеющими высотами, как огромный змей, угрожающий Дагестану своим объятием.

Не без труда, но, впрочем, довольно скоро, мы совершили наш переход через прекрасную рощу, которая находится у самого Мичикале и которая, не будь быстрого движения на Анчимеер, сделалась бы гробом многих храбрых воинов. Поперечный земляной вал вроде бруствера, вырытый у самой опушки леса на протяжении двух верст и даже более того, защищал эту, уже от природы, довольно крепкую позицию. От Кирок до Мичикале не было 9 верст, но мы прибыли на место не раньше двух часов пополудни, а колонна и арьергард стягивались до самого вечера. Граф Воронцов с генералитетом и свитою обедал у князя Бебутова, дагестанского сибарита, у которого подавали за столом, и это считалось величайшею роскошью, пирожки и хлеб, а не сухари.

Капитан Прушановский, отводивший лагерное место, согласно сделанным распоряжениям, поставил палатку графа над прелестнейшим оврагом, представляющим очаровательный вид. Влево от главнокомандующего стал, по заведенному порядку, принц Гессен-Дармштадский, а вправо — генерал Гурко. Из расположения лагеря видно было, что Бебутов пойдет в арьергард. В Мичикале, между тем, случились значительные перемены: генерал-майор Иван Михайлович Лабинцев, пошедший к Пассеку с двумя батальонами, чтобы доставить ему немного провианту, по старшинству своего производства и, кажется, не без умысла главнокомандующего, очутился начальником летучего отряда на «холодной горе». Иван Михайлович тотчас приступил к сортировке больных и отправил неспособных к продолжению похода в Мичикале. Раненых вовсе не было, но оказалось изнеможенных и с отмороженными частями тела за четыре сотни, при всем том, что многие скрывали свой недуг, дабы не попасть в число тех, которые должны были идти обратно. Это рвение к царской службе и славным делам в последнее время стоило жизни не одному храброму куринцу. В Мичикале мы видели 9-го числа людей, высланных Лабинцевым с «холодной горы». Большею частью они принадлежали 5-му корпусу и милиции. Эти несчастные еле-еле двигались с места, глаза у них были мутные, щеки впадшие, губы обгоревшие от внутреннего жару, да притом все почти страдали нога-

ми, на которых уже появилась рожево-багровая опухоль, предшествующая антонову огню. Дорого обошлась нам Пассекова победа, и юный вождь, остепенившись с годами, быть может, не вспоминал бы без уныния и укоризны совести о днях своей славы... Но он молодцом поквитался. Про то знает таинственное ущелье! В сени вековых чинаров, в одну мрачную ночь, совершились странные похороны. Отпевал чекалка,[366] а вместо нагробных свечей сверкали кое-где из-под куста глаза лютого барса.

Первою заботою графа было успокоить больных, и это поручение возложено на полковника Альбранта и на меня. Мы старались, как можно скорее, накормить людей. Они с жадностью бросились на все, им предлагаемое и не предлагаемое, и потом предавались тяжелому сну. Некоторых из них уже не разбудили ни зори, ни повестки к сбору и по возам. 9-го числа с самого утра была погода мрачная. Тучи, висящие над нами, часу в третьем пополудни начали разрешаться тонким дождем, который, усиливаясь мало-помалу, сделался к ночи почти проливным. Это было трудно для тех, которые пришли днем, но оно было нестерпимо и жестоко для запоздавших, хотя они и нашли кое-какие запасы приготовленными. Дров было много, но фуражу недоставало, так что почти всех лошадей должны были распустить на пастбище табуном. 11-го числа все поднялось опять. Больные отправлены в Кирки для дальнейшего следования, а отряд спешил, чтобы соединиться с Лабинцевым. Мы разбились на несколько тропинок, ведущих к одному и тому же месту, чтобы не мешать друг другу. Дорога, хотя немного легче, чем прежняя от Кирок, была все-таки чрезвычайно затруднительна. Сыпучий округленный хрящ делал ее несносною; при том же подъемы и спуски были гораздо труднее, чем прошедшего дня. К счастью, появилось солнце и, по мере того как оно начало сушить промокшую одежду, все становилось веселее. Лазутчики не соглашались насчет мер, которые следовало нам принять, и возникли прения между Муссою Андисским и Маклигом, нашим офицером из горцев. Кажется, разрешил вопрос капитан Иван Дибеков, уроженец черкевский, человек с необыкновенным умом и сметливостью и, без всякого сомнения, самый лучший и решительный из наших вожаков. Безобразов, зарвавшийся немного вперед, возвратился назад, и весь отряд повернул влево. Не прошло часу времени, как мы могли убедиться, что шли хорошо, потому что вдали, на весьма значительной высоте, похожей образованием на сахарную голову, открыли лагерь летучего отряда, под командою генерала Лабинцева. Он был расположен на скате горы, если не среди снегов, то в самом близком от них расстоянии. Унылая, мертвая чернота ярко отбеливалась от белого савана, который его окружал, а трупы лошадей, нагромоздившиеся в большом количестве, издали казались как будто бы

неуклюжим завалом, устроенным для его защиты. Не соединяясь с Лабинцевым, мы спустились по узкой крутой тропинке в низменную котловину, где стали лагерем на месте, совершенно не известном и нам, и лазутчикам нашим. Из ущелья дул сильный холодный ветер, который мешал нам разбивать палатки и разводить огни. У воды была перестрелка, которая, однако, скоро прекратилась. Как только мы заняли котловину, отряд Лабинцева начал спускаться и расположился в некотором расстоянии от нас, на немного возвышенном месте. К вечеру погода поправилась и появились везде огни, которые весело горели до глубокой ночи.

На другой день утром, но, впрочем, не слишком рано, соединенный отряд двинулся по направлению к Андийским воротам. До выступления граф Михаил Семенович сделал смотр летучему отряду. Он благодарил людей, почти что повзводно, за оказанную ими храбрость и стойкость и радостно приветствовал Пассека, Бенкендорфа, князя Меликова и многих других офицеров. Дума собралась еще в Кирках, под председательством генерала Гурко, и удостоила Бенкендорфа и Меликова награждения военным орденом Св. Георгия 4-й степени. Утвердив по Высочайше предоставленной ему власти положение Думы, граф тут же поздравил новых кавалеров. Кроме этого, было еще назначено много других наград, как гг. штаб- и обер-офицерам, так и нижним чинам, отличившимся более других в славном анчимеерском деле. Никто не сомневался в том, что они истинно были заслужены, а потому всякий от души поздравлял своих храбрых товарищей. Минута была слишком трогательная и происшествие — награждение на месте, — слишком новое, чтобы зависть, эта мерзейшая из страстей высшего разряда, успела вкрасться и развиться.

Дорога, которой мы шли 11-го числа, была не хуже, но отнюдь и не лучше, чем дорога 10-го, те же скаты и подъемы, те же извилины и уступы. Отряд двигался весьма медленно и должен был растянуться на несколько верст; много мешал обоз, в особенности вьюки грузинской милиции и азиатских всадников. Мы то шли, то стягивались, и на первом привале граф провел более двух часов.

Погода была непостоянная, и хотя солнечные лучи время от времени пробивались через туман, однако ж, нельзя было ожидать хорошего дня, потому что сырость проникала до костей и воздух оставался холодным. Едва отдав казакам наших коней, мы расположились завтракать, граф выпил полрюмки кизлярки и съел сухарь величиной в квадратный дюйм; у генерала Гурко появилась прекрасная тминная водка и зеленый сыр, перемешанный с коровьим маслом — изобретение знаменитого Лебедева; у свиты главнокомандующего была заветная баранина и бурдючное кахетинское. Столичная молодежь лакомилась рижскими сардинками, икоркою, разными сырами и котлетками и орошала их шампанским, портером и лафитом, воспоминание о которых стоило впос-

ледствии столько тяжких вздохов! М. П. Щербинин, по обыкновению, поспевал во все артели, везде принимали его радушно и везде умел он радушно отплатить за прием. Его фарсы и неистовые визги возбуждали общий хохот, как вдруг он очутился с кровью на руках и салфетке. Мы узнали, что место, на котором мы завтракали, утром рано было поприщем маленькой перестрелки. Тут стоял неприятельский пост, который был сбит нашим авангардом. По следам, утоптанным в траве, и по кровавым пятнам можно было заключить, что горцы тащили тело, которое тяжело налегало на землю.

Граф оставался до тех пор, пока полковник Ковалевский приехал с ожидаемыми известиями. Переговорив с ним, он сел на коня, и все мы двинулись вперед. Нечего говорить о дороге, которая мало отличалась от предыдущей. Вскоре мы прибыли на большую и весьма обрывистую гору, с которой открылась наша картина, вполне характерная для дагестанской природы. Мы стояли не над долиной, но над огромным оврагом; он не был утесист, но его дикие, нагие стенки подымались легкими уступами вверх, за облака. Только в ущельях виднелись кое-где скудные леса. Внизу, на покатости горы, красовалось селение Сивух с многочисленными своими отлично обработанными и разбитыми на самые мелкие участки полями, которые ярко зеленели. Немного далее, во мраке туманном, можно было различить очерки другого селения, называемого Целитли. Прямо перед нами находилась возвышенная плоскость, образовавшаяся от деления оврага на две части и имеющая сходство с островом. На этой плоскости появились горские всадники, довольно значительной толпой. Они то скакали вперед, то вдруг бросались назад, потом опять возвращались к самому обрыву, как будто вызывая наш авангард к бою. Цель их была явная: не имея намерения противоборствовать нашим многочисленным силам, они только хотели отвлечь наше внимание, чтобы оберегать бегство жителей Сивуха и Целитли, которые с женами и детьми и со всем имуществом уходили вверх по горе, чтобы скрыться в ущельях и лесистых рытвинах. Торопливость, с которою они приступали к этому делу, доказывала ясно, что они здесь ожидали русского отряда. Вообще весь поход мы имели славную участь удальцов; везде, где появлялись, производили впечатление неожиданного явления. Кроме Анди и Гогатля, я не помню ни одного селения, которое успело бы убраться до нашего прибытия. Стало быть, повсюду полагали, что мы должны были быть или уничтожены скопищами Шамиля, или задержаны препятствиями, которыми так щедро унизан был наш путь. Но мы шли, шли, как наше время, безостановочно и не признавали никаких препятствий.

Граф приказал грузинской конной милиции сбить неприятеля с места, которое он занимал; чтобы добраться к нему, можно было идти по

двум дорогам. Одна из них, так называемая арбенная, вела значительным кругом, по ущелью, а другая заключалась в огромном обрывистом скате, на котором едва что приметны были следы козьих и пастушьих ног. Эта дорога гораздо короче, вела прямо к цели, но она представляла все ужасы дагестанской природы. Грузины, спешившись в один миг, погнали перед собой коней, и сами, с обычной им ловкостью и пользуясь выгодным устройством своей обуви, начали спускаться. Вместе с грузинами пошли казаки и несколько офицеров, а вслед за ними потянулась часть вьюков и порционного скота. Нельзя себе представить, какой беды наделали последние: вьюки заваливали тропинки, по которым еще кое-как можно было бы пробраться, а рогатый скот, бродя с места на место, сталкивал большие камни, которые начали падать сперва тихо, как будто скользя, а потом более и более усиленными рикошетами, сбивавшими встречного и поперечного. Случилось даже, что несколько волов, раненых и опрокинутых, катились вниз кувырком до тех пор, пока какая-нибудь рытвина не остановила их изувеченных тел. Такие массы, при своем падении, разметывали пешеходов и без того уже достаточно обессиленных. Я находился между ними и никогда не забуду этого перехода. При всей поспешности, с которой мы старались дойти до подошвы горы, постороннее обстоятельство остановило нас на несколько секунд одним своим нравственным влиянием. Маленькая лошадка одного линейного казака спускалась сначала вместе с прочими, потом, когда земля под ней стала уже слишком рыхлой, она вдруг остановилась, всхрапнула и пустилась во всю прыть прямо в кручу. Надобно было предполагать, что она очутилась в овраге неуклюжим комком безжизненного и изможденного вещества, но ничуть не бывало, ее вынесли железные ноги; с распущенной гривой, с вздернутым хвостом, малою щегольской рысью, она пробежала на противоположный берег, где была поймана молодым князем Паскевичем. Решимость этой лошадки и дивное ее спасение заняло нас до такой степени, что мы едва заметили огромного буйвола, который в то же самое время был опрокинут и зашиблен насмерть обломком скалы.

Между тем, густые облака, висящие кое-где у гор, спустились холодным туманом, перешедшим мало-помалу в проливной дождь, который падал с такой силой, что, ударяя по лицу, причинял весьма ощутимую боль. Грузины и казаки уже ждали горцев, когда мы начали собираться на возвышенной плоскости. Граф Михаил Семенович, избравший арбенную дорогу, был уже давным-давно на месте. Отряд тянулся медленно и мимоходом запасался дровами в большом Кануте, который разорен до основания, но без злобы и с единственным намерением иметь запас топлива, дабы после перехода просушиться и погреться у огня.

Погода прояснилась, но кратковременный туман стоил нам не од-

ной жертвы. Артиллерии капитан Неелов,[367] сбившись с дороги, попал в плен и увезен неприятелем в Михельту, а несколько молодых солдат, еще не привыкши к трудам горных экспедиций, отстали и найдены потом замерзшими. Мы расположились лагерем около 5 часов пополудни, но арьергард пришел поздно ночью, которая была темная и холодная. Трудность перехода обозначали верховые лошади, прибывающие в лагерь со всей сбруей, но без седоков.

Мы находились на покатой горе, которая начиналась у самых ворот Андии, известных здесь под названьем Буцуркала. Утром погода поправилась и 12-го числа вокруг нас открылась вся картина этой дикой бесплодной страны. Ее оживляли только селения Сивух и Целитли со своими крошечными, но ярко зеленеющими полями; эти поля более имеют сходство с русскими огородами, нежели нивами. Они дробились на бесчисленные участки или грядки, принадлежащие, по-видимому, разным владельцам; не было ни одного вершка густого чернозема. Все обработано, все засеяно, все доказывало, что жители в кровавом поту добывают насущный кусок хлеба. Если подумать, что тягость полевых работ, по здешнему обычаю, падает преимущество на прекрасный пол, то нечего удивляться его уродливости и отвратительной нечистоте. То ли дело стройная обитательница Казы-Кумыка или пришуринских мест с своим кувшином на голове, с приветливой улыбкой на розовых устах, с томным взором, преисполненным неги и сладострастия. И червленские бабы хороши — удивительно хороши, но они каркают, а не говорят, и в их обращении заметна чрезмерная, топорная грубость.

Мы потянулись по гористому скату, чтобы стать ближе к Буцуркалу. Весь переход 12-го числа был не более 3 или 4-х верст. Отряд готовился к бою, ужасная местность, которая была впереди, представляла столько удобств к упорной защите, что надо было ожидать завалов каменных батарей и большого скопища. Кабардинцы чистили ружья и пировали, граф Воронцов сделал им честь подарить им ворота Андии. Они горели нетерпением показать полководцу, что они, дескать, не хуже куринцев. Вокруг Барятинского толпились охотники, и званые и незваные, и низшие чины, и офицеры. Между тем граф, дожидаясь донесения лазутчиков, велел воспользоваться свободным временем, чтобы отправить людей после трудных переходов. Винные и мясные порции розданы, и приложено все старание, дабы, по мере возможности, призреть слабых и больных. Число последних значительным образом увеличилось, преимущественно потому, что из бывшего летучего отряда пришло много таких людей, которых следовало еще прежде отправить в Кирки и оттуда в Темир-Хан-Шуру. Их выбрали из команды и приготовили к отправлению с двумя батальонами Апшеронского и Куринского полков. Начальство над этой «оказией» поручено полковнику Ковалевскому, с кото-

рым пошел также граф Бенкендорф. Фуражировка на дрова и прочее, посланная в деревню Сивух, оказалась довольно удачной, хотя и не обошлось без перестрелки. Натаскали разной разности, в особенности милиционеры, которые всегда в этом случае поспевали прежде регулярных войск и вообще были в выборе вещей гораздо умнее. Русские солдаты, по обыкновению, сумели нагрузить себя любимою и бесполезною дрянью, как то: лохмотьями, столиками, кадушками, пустыми ульями и даже расписанными люльками. Чрезвычайно тешила их пшеница в зерне, которую, разумеется, бросили, не имея ни надобности, ни досуга, чтобы истереть ее между камнями. Форпосты наши доходили почти что до самых ворот, а лазутчики и даже некоторые офицеры, между прочим Лобанов-Ростовский, добирались с слабым прикрытием до таких мест, с которых можно было видеть Андию, наш обетованный край. В азиатской свите графа находилось несколько андийцев, между прочим известный Мусса. Все они заверяли нас в ненависти их соотечественников к Шамилю и в преданности их России. Андийцы, племя промышленное, но не воинственное, имевшее в прежние времена торговые сношения с нами, переносили иго Шамиля поневоле и ожидали первой возможности, чтобы освободиться от порабощения. Так, по крайней мере, говорили наши андийцы, которые имели постоянные сношения с родным краем и даже часто ходили туда лазутчиками. Кажется, Шамиль сам сомневался в преданности андийцев, и вот как рассказывают его решительные действия за несколько дней до нашего прибытия.

После анчимеерского дела, которое не могло внушить большого доверия к его силам, Шамиль приехал из Дарго в деревню Анди, где удалось ему схватить двух человек наших лазутчиков. Суд не длился долго: Шамиль бил их прутьями, а потом велел отсечь им головы. Говорят, будто бы в то же время он решился казнить одного из старшин, по подозрению в сношениях с нами. Начав с того, что внушил страх, а страх дело великое у азиатцев, которые спрягают с ним понятие о власти, Шамиль сказал, что как только придут войска, которых он ожидает, он ни под каким видом не выпустит русских через Буцуркал; между тем, он предложил, в виде совета, вывести из селений жен и детей и на всякий случай упрятать имущество в недоступные места, потому что русские, одушевленные успехом Анчимеера и Сардар, если вздумают идти по-прежнему, могут очутиться среди них еще, пока поспеет Чечня на помощь. Из малодушия или же по убеждению, но Андия согласилась на предложение Шамиля. Жители Рикуани, Гогатля, Гогосали и самого Анди оставили дома, сооруженные в течение столетий с непомерными трудами, увели жен и детей и припрятали имущество, из которого большую и громоздкую часть зарыли на месте. Только что андийцы успели отойти, как мюриды, не опасаясь уже никакого сопротивления, начали хозяйни-

чать по домам, ломать стены, сносить крыши и превращать все сгораемое в пепел. Долго тлела искра, пока пламя сообщилось дубовым балкам, твердым, как железо, но, наконец, приверженцы лжеимама успели в трудном деле опустошения, и обиталища нескольких поколений, обращаясь мало-помалу в громаду развалин, связали руки андийцам и отдали их участь на произвол Шамиля. Последний и не думал о защите Андийских ворот, избегая выказать все свое ничтожество пред русскими штыками; он обеспечивал себе залоги в верности Андии; жителей он разбил частью по своим партиям, частью же он разослал в дальние приверженные ему общества. Так рассказывали у нас о делах Андии, и, повидимому, это была правда, потому что нигде не примечали приготовлений к защите Буцуркала, а между тем не только лазутчики, но и наши офицеры приносили нам вести о пожаре в деревнях.

13-е число было назначено для отдыха, а 14-го утром мы оставили наше лагерное место и начали подыматься вверх, к Андийским воротам, погруженным в густой туман. Не зная еще положительно намерений неприятеля, отряд шел в большом порядке и был каждую минуту готов драться. На самом возвышенном месте, где дорога наиболее сужена между скал, горцы пустили по проходящим вьюкам несколько выстрелов, но не сделали никакого вреда. Одна шальная пуля пробила большой барабан музыки Прагского пехотного полка, и все дело окончилось на этом происшествии, которое возбудило веселость солдата и подало повод к разным замысловатым примечаниям. Во время нашего движения граф Михаил Семенович избрал пункт для продовольственного лагеря 8 батальонного эшелона, который состоял из житомирцев и должен был обеспечить наши транспорты в Андии. Наши силы раздробились: в Кирках стояло 5 батальонов, в Мичикале 2, в Буцуркале тоже два — итого 9 батальонов вышли из состава отряда, подвигающегося вперед.

Прошедши шилом через ворота, отряд развернулся уже на Андийском покате гор. В это время блеснуло солнце и сквозь рассеянный туман мы могли различить пылающие дома Анди и Гогатля, которые, по-видимому, наиболее пострадали от опустошений Шамиля. Деревня Рикуани и еще другой аул горели туго, и так как они лежат в стороне, то можно было предполагать, что жители, не опасаясь взыскательного строгого начальника, успели было потушить пожар. По дороге, которая имела кое-где следы колес и, как говорят, в старину была значительным торговым трактом для промышляющих андийцев, отряд начал спускаться в долину; в авангарде находился Кабардинский батальон, под командой Барятинского, грузинская конница и сотни князей и дворян, к которым присоединилась дигорская милиция. Чутье ли, желание ли быть одним при занятии аулов, авангард пустился почти что бегом и в скором времени совершенно отделился от колонны, которая с орудием и тяжестями

не могла за ним следовать с такою же скоростью.[368] Граф Михаил Семенович остановился на довольно большой горе, с которой можно бы было хорошо обозреть всю местность, если бы тому не препятствовал большой туман. Мы были на этой горе около часу времени, как в стороне над нами ударили с орудия, потом началась ружейная перестрелка, которая то увеличивалась, то уменьшалась, но вообще казалась довольно незначительной, потому что слух в горах, особливо в сырую и туманную погоду, производит обманчивое впечатление. Главный штаб еще оставался на горе, когда я отправился с полковником Альбрантом по следам авангарда. Мы крутились по извилистым дорожкам, пока добрались до берега оврага, на противоположной стороне которого находится деревня Гогатль. Эта деревня состояла из огромнейшей груды камней: везде были видны следы недавнего, но жестокого опустошения, затем многие постройки оставались почти что невредимыми, потому что они были чрезвычайно хорошей, прочной кладки. Дома в Гогатле, между которыми встречалось много двухэтажных и даже один трехэтажный, доказывали, что обитатели их пользовались некоторым достатком и жили безбедно. Поля, окружающие деревню, разбитые на мелкие участки и поднимающиеся вверх террасами, были весьма хорошо обработаны и находились в таком большом количестве, что, быть может, урожаи трудолюбивых андийцев не только удовлетворяли их потребностям, но и давали возможность сбывать хлеб в ближайшие общества.

Въехав в Гогатль, я очутился здесь один с полковником Альбрантом; мы стояли среди узенькой улицы, заваленной камнями, и находились в совершенной нерешимости, взять ли вправо или влево, вверх или вниз, чтобы пробраться через аул, который во всю свою длину лежал между нами и дорогою, ведущею к авангарду. Отрывистая перестрелка между тем перешла в большой батальонный огонь, и орудие гремело безостановочно. Я разъехался с Альбрантом, но, как будто окутанный какою-то невидимою нечистою силою, покрутившись несколько времени между развалинами и побывав верхом не только в погребах, но и на крышах, я опять с ним сошелся; это повторялось несколько раз к моему немалому бешенству. Наконец, каждый из нас выбрался порознь и поспешил по направлению к деревне Анди, лежащей ниже Гогатля на самом берегу Койсу. По этой дороге мы встретили уже казаков из линейцев, много дигорских милиционеров, которых лошади преспокойно паслись на полях, и человека два-три усталых солдат. Оставив деревушку Гогатль по левую руку, я старался как можно скорее добраться к Анди, но должен был идти пешком, потому что имел чужую ненадежную лошадь, которая еле-еле тащила ноги. Наконец, толпа наших стала гуще, и ядра неприятеля начали долетать. Теперь можно было обнять то, что сделала часть нашего авангарда. Видя скопище Шамиля, состоящее примерно из

10 000 человек,[369] при многочисленных значках и трех орудиях, собравшееся на огромной возвышенности, которая, как стена, подымается на противолежащем берегу Койсу, Барятинский с одной, а Илья Орбелиани с другой стороны, решились перейти через реку и сбить неприятеля с занятой им местности. Полковник Козловский велел своим кабардинцам бросить мешки с сухарями и вообще освободиться от всего, что могло им препятствовать при столь затруднительном подъеме. В то самое время пошел кн. Эристов с сотней князей и дворян на деревню Анди,[370] где, по-видимому, ему не предстояла никакая опасность; но едва он успел вторгнуться в одну из маленьких улиц аула, как посыпались пули на него градом, вместе с этим поднялся гик горцев, которые, оставляя деревню, старались еще принести сколько возможно более вреда. Сотня князей и дворян не удержали первого натиска, который из 80-ти человек выбил до 16-ти одними ранеными, но вскоре сотня ободрилась, бросилась с яростью и остервенением вперед, и горцы взяли направление к горе, чтобы присоединиться к большому скопищу. Между тем, здесь началось жаркое дело. Илья Орбелиани спешился с своею дружиной, а Барятинский, не имея более двух рот кабардинцев, рвался к орудиям. Горцы защищали позицию с упорством и не уступали ни одного шага без боя. Ружейная перестрелка была сильная, и ее однообразие прерывал только гул орудия. Первый раненый, которого я встретил, был Николай Эристов, окровавленный с головы до ног. Пуля ударила ему в висок и разорвала ему жилу. Другие раненые, большею частью от сотни князей и дворян, собирались к одному месту, но место это было неудобно потому, что находилось под ядрами. Бросив лошадь мою в овраге Койсу, я забрался по ложу маленького ручейка и по неимоверной крутизне вверх, как вдруг все утихло, и даже имел время улечься. Невольно дух спирался в груди, и было что-то страшное в этой тишине, но она продолжалась весьма недолго. Как в бурное время волна, ударяя об утесистый берег, потом сообщает движение целому пространству разъяренной стихии; но тут уже не гик дерзкой самонадеянности, а вопль отчаяния раздался от первых рядов лезгин вверх по горе до самого хребта. Унылым напевом неприятель послал воззвание к Аллаху и бросился в шашки, но шашку его встретил неугомонный штык кабардинца. Эта суета повторилась несколько раз, но, наконец, горцы убедились, что им не устоять против русских, к которым, впрочем, начали прибывать войска, а именно из Тифлисской милиции, предводительствуемые Захарием Эристовым.[371] Шамиль первый оставил бранное поле; несколько мюридов подхватили его и оттащили поспешно на гору. В это самое время начали убирать орудие, чтобы оно нам не досталось. Видя невозможность утащить его, горцы, как мы впоследствии узнали, сшибли его в недоступную кручу.

Окончив это, они обратились в совершенное бегство и были сильно преследуемы их победоносными противниками. Русский солдат и грузинский милиционер, ободренные примером храбрых начальников, не знали меры в своем рвении, несмотря на то, что Барятинский и фон Нейман были ранены, а поручик Маевский убит на месте (пулей в голову). Офицеров оставалось мало, кабардинцы шли молодцами вперед и молодцами удерживали натиск неприятеля, когда он пытался действовать холодным оружием. Убитых было с нашей стороны не более 9 человек, а раненых и контуженых до 120-ти.[372] У горцев выбыло, как утверждали лазутчики, до 300 человек, но на месте они оставили только 8 тел, тут же обезглавленных грузинами, которые любят этого рода трофеи. Барятинский, уже раненный, продолжал командовать своею частью, а Илья Орбелиани метался, как бешеный, чтобы отбить хотя один неприятельский значок. Рвение было неимоверное, но и успех соответствовал мужеству и трудам наших славных солдат. Горсть православных разметала, разгромила 10-тысячное скопище мусульман, занимающих местность, которую на первый взгляд надобно было считать просто недоступною.

По мере того как дело завязалось, за исключением Клюге фон Клюгенау и Белявского, почти все генералы въехали на гору и участвовали или присутствовали в оном. Гурко в продолжении некоторого времени стоял под близкими оружейными выстрелами, и его значок пробит двумя пулями. Лидерс со своим штабом занял позицию, с которой мог делать свои распоряжения. По прибытии графа Воронцова, вся эта военная знать присоединилась к нему и вместе с ним пустилась в погоню за неприятелем. Из соединенных штабов образовался как будто эскадрон доброй конницы, который, можно сказать, имел и материальную долю в успехе этого дня. Принц Александр Гессен-Дармштадтский находился в продолжении некоторого времени постоянно под неприятельскими выстрелами, но чем большая грозила ему опасность, тем больше обнаруживал он хладнокровия и мужества.

Когда граф Михаил Семенович въезжал на гору, он приветствовал каждого с обычною ему ласкою и в особенности обращал внимание на раненых. Меня застал он при штабс-капитане фон Неймане, отчаянно храбром кабардинце, у которого была пробита значительная ветвь бедровой боевой жилы и который исходил кровью, но и тут не мог остаться без некоторой степени ему свойственного удалого фанфаронства. Он держал в зубах короткую трубку самой чудной формы, и на голове его была шапка, какую и на Кавказе скоро не отыщешь. Когда граф проезжал мимо нас, он остановился и начал меня о чем-то расспрашивать.

Нейман воспользовался этим случаем, чтобы непременно спросить у графа его мнения насчет кабардинцев: «Авось, — сказал он, — авось,

Ваше Сиятельство, наши кабардинцы не хуже куринцев». Граф отвечал: «Вы шли молодцами, но я не пустил бы вас туда, куда полезли, если бы в ту минуту сюда навернулся». Впрочем, граф не оставил Неймана без одобрительных слов и потешил ими храброго офицера, который так славно переживал сбывшееся и так хладнокровно встречал будущее. Нейман был весь в мертвом поту, все члены его дрожали от потери крови и безжалостный холодный нож мой рылся по горячим следам лезгинской пули, когда его посиневшие губы лепетали приветствие Воронцову. Это было что-то вроде: Ave Caesar, morituri te salutant![373]

Фанфаронство в день жаркого боя не только простительный недостаток, но и великое качество души. Гора Барятинского мало-помалу очистилась от раненых, которых убрали и вместе с убитыми доставили в деревню Анди.

Неприятель, сбитый между тем из всех позиций, на которых хотел было держаться, взобрался, наконец, на самую вершину хребта и рассеялся в величайшем беспорядке.

Шамиль сидел у своих тусклых огней, и, как говорили лазутчики, плакал от досады. Нашлись люди, которые говорили, будто бы отступление неприятеля был расчет хитрого их начальника.

Э. фон ШВАРЦЕНБЕРГ

О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА КАВКАЗЕ В 1844 И 1845 гг.

(Из воспоминаний офицера)

В январе 1844 года 5-й саперный батальон, к которому я принадлежал в качестве только что произведенного в офицеры, получил приказание отправиться на Кавказ для участия в военных действиях против горцев. В конце мая батальон прибыл в назначенное ему место, в крепость Темир-Хан-Шуру. В составе 20 офицеров и 900 низших чинов, батальон отлично перенес 4-месячный беспрерывный и утомительный поход. Едва успев отдохнуть, он в июне уже частью назначен был для крепостных работ, частью с другими войсками действовал против горцев. На меня возложено было поручение доставить к месту действия материал для устройства временного моста через р. Сулак. По этому мосту, под неприятельскими выстрелами, и совершена была переправа войск. В августе того же года мне вторично довелось участвовать с одной ротой саперов в экспедиции против горцев, предпринятой под начальством генерала Пассека. На этот раз поход продолжался целый месяц; мы имели несколько стычек с неприятелем, и в одной из них я был контужен в плечо.

В 1845 году назначен был наместником и главнокомандующим Кавказской армией князь Михаил Семенович Воронцов.[374] Новый главнокомандующий составил отряд до 20 тысяч человек, имея целью направить его на Дарго. В этот отряд вошел и 5-й саперный батальон. В конце мая, по соединении всех частей, отряд начал поход по едва проходимым горным дорогам. Приходилось побеждать невероятные трудности, отнимать упорным боем защищаемые горцами высоты и ущелья, и каждый шаг вперед окупать потерями в убитых и раненых. Некоторые вершины, по которым приходилось двигаться отряду, в июле месяце были покрыты снегом. Наиболее возвышенное место достигало 9 тысяч футов. Здесь отряду нужно было остановиться на ночлег, хотя земля была покрыта снегом на пол-аршина глубины. Несколько солдат замерзло, 6 тысяч лошадей остались без корма.

Наконец, 6 июля, мы подошли к большому Ичкеринскому лесу, за которым в 18 верстах находилась резиденция Шамиля Дарго. После двухчасового отдыха войска были введены в лес. Едва авангард подошел к его опушке, как был встречен выстрелами горцев из-за завалов т. е. прикрытий из земли и деревьев, а за неимением последних, и из убитых лошадей, сложенных в два ряда. Каждый завал был от 3-х до 40 и более аршин и шириною около 2-х аршин. Так как чеченцы, бывшие под предводительством Шамиля, упорно защищали лес, сделав в нем 22 завала, не считая засек и волчьих ям, то для взятия этих прикрытий были посылаемы по очереди батальоны и роты. Приступ или штурм подготовлялся ружейною или пушечною пальбой, иногда пусканием конгревовых ракет в местность, занятую горцами. Конгревовы ракеты извивались по лесистым горам, как огненные змеи, и неприятель более всего их страшился. Чеченцев насчитывалось в бою до 45 тысяч человек,[375] вооруженных меткими винтовками, шашками и кинжалами; кроме того, они имели 4 пушки. Зная, что при потере Ичкеринского леса с резиденцией Дарго они лишатся важного стратегического пункта, горцы защищали упорно каждый шаг 18-верстного леса. От беспрерывного ружейного боя, длившегося до утра, во многих местах лежали грудами раненые и убитые люди и лошади, как свои, так и неприятельские. Но препятствия не могли остановить наших героев-солдат, и все 22 завала были взяты. К рассвету следующего дня, 7 июля, был наконец занят считавшийся неприступным Ичкеринский лес, вместе с Дарго, который пред оставлением был подожжен горцами. Конечно, победа эта не легко обошлась воронцовскому отряду: убитых и раненых генералов, штаб- и обер-офицеров было до 25; в том числе убит генерал Викторов; нижних же чинов выбыло до 600 человек.[376] Но вскоре нашим войскам суждено было понести несравненно большие потери.

На другой день, 8 июля, довелось и мне с одной из саперных рот участвовать, в составе 4-тысячного отряда, в выбитии неприятеля из занятой им горной позиции, находившейся в виду нашего лагеря.

При наступлении нашем на эту позицию горцы немедленно открыли пушечный огонь: несмотря на это, отряд двигался беспрерывно и с помощью артиллерии и казаков, после 4-часового боя, чеченцы были сбиты со своей позиции, и преследование их продолжалось до ночи.

10 июля был послан отряд войск до 9 тысяч человек,[377] в том числе несколько сотен казаков и грузинской дружины, под командою генерал-лейтенанта Клюки фон Клюгенау, для принятия большого запаса продовольствия, фуража и снарядов в тот же Ичкеринский лес, на позицию, с которой весь отряд выступил 6 числа. Отряду этому довелось вновь выбивать горцев из засад, что, конечно, снова не обошлось без потерь, как в офицерах, так и в нижних чинах.

11 июля, по принятии 10-дневного запаса провианта и фуража от войск, прибывших для сдачи продовольствия, отряд Клюки фон Клюгенау двинулся обратно через тот же дремучий лес с навьюченным на лошадях продовольствием; и в этот день ему довелось испытать одну из самых больших потерь в течение этой кампании. Неприятель, воспользовавшись тем, что с отрядом следовал значительный запас продовольствия и снарядов, беспрерывно нападал на наши войска, отбивал вьюки с провиантом и проч. Так как лошадей с вьюками было очень много, то в лесу невозможно было их охранять должным образом, и потому ко времени приближения войск обратно к даргинскому лагерю почти весь отряд, вместе с лошадьми, был отбит горцами; причем 2 генерала были убиты, штаб- и обер-офицеров убитых и раненых было до 45-ти и солдат до 1200.[378] Почти все убитые остались в лесу, в том числе и храбрый Пассек, пораженный при штурме завалов несколькими пулями.

Целью Даргинской кампании было: по завладении Дарго и Чечней укрепить Дарго возведением земляных батарей, учредить в нем вагенбург (наблюдательный пост) и тем обеспечить надежное сообщение между крепостями. Но вследствие больших потерь в людях, и особенно в продовольствии, в продолжение двух последних дней, 10 и 11 июля, намерения эти пришлось отложить. Поэтому 13 июля все войска с несколькими тысячами раненых и больных направлены.были в обход горцев, в ближайшую крепость Герзель-аул через лес, несравненно больший Ичкеринского. Так как перед выступлением войск оказался большой недостаток в лошадях, то все палатки, ими возимые на вьюках, были сожжены, а на лошадей были посажены раненые, почему войскам довелось на ночлегах располагаться бивуаком. Горцы, пополнив свои ряды свежими силами, заграждали всякими способами движение русских войск. При этом обходном движении для выбития горцев из преград мы вынуждены были вновь штурмовать их позиции, причем убывало все более и более офицеров и нижних чинов. Тяжести увеличивались вследствие трудностей похода по пересеченным и гористым местностям и по недостатку пищи и даже воды. За неимением пищи ели несозревшую кукурузу, срываемую по дороге. Нижние чины ели даже убитых лошадей, предварительно жаря мясо их на шомполах над кострами. В довершение всего, так как горцы 11-го же числа отбили вместе с продовольствием и значительный запас патронов и снарядов, почти нечем было отстреливаться. Генералы и офицеры, для предохранения себя от неприятельских выстрелов, спешивались.

14 июля борьба с горцами дошла до крайнего ожесточения. Солдаты и офицеры от продолжительных военных действий до того были изнурены, что временно был утерян военно-уставный порядок для проти-

водействия неприятелю. Враги, видимо, этим пользовались и во время натисков почти беспрепятственно поражали ослабевший отряд, как шашками, так и кинжалами. В одной из схваток с горцами князь Воронцов едва спасся: если бы не два адъютанта, поддержавшие убеленного сединой вождя, да не подоспевшие в это время несколько солдат для его защиты, он мог бы быть убитым.

На отряд генерал-адъютанта Лидерса, корпусного командира, состоявший из 4-х батальонов пехоты, при 3-х орудиях и 2-х ротах саперов, в числе которых был и пишущий эти строки, возложено было поручение вытеснить горцев из занятой ими возвышенной местности по пути следования войск. Генерал Лидерс повел свой отряд на приступ под неприятельскими выстрелами; после 2-часового боя горцы, укрывшись за большими завалами и завидя наступление нашего отряда, двигавшегося на гору, открыли пальбу. Когда же мы подошли к их прикрытиям, они начали против нас пальбу залпами и с тем вместе часть горцев, бросившись в атаку, поражала нас штыками и кинжалами. Произошло кровавое побоище, причем перемешались офицеры, солдаты, казаки и горцы. Такая ожесточенная борьба могла бы окончиться гибелью всех; но в это время генерал Лидерс проявил необыкновенную неустрашимость. Пробравшись через толпу сражавшихся, он скомандовал: «Ребята, за мной!» Тогда из отряда выбежало 11 солдат, которые устремились на завалы;[379] за ними последовали и все остальные и штыками выбили горцев из засады. Как скоро горцы обратились в бегство, их укрепленная позиция была занята нашим отрядом. Вслед за отчаянными защитниками главного завала и остальные горцы, находившиеся на тех же горах, должны были искать спасение в бегстве. В этом деле около 1/3 отряда было убито или ранено. Вообще сражения в лесу бывают весьма гибельны, потому что за теснотою местности невозможно в должном порядке руководить войсками, на Кавказе тем более, так как горцы, защищаясь за преградами, влезают и на деревья, с которых выстрелами из своих метких винтовок поражают в упор неприятелей. Во время упомянутого ожесточенного рукопашного боя часть горцев, находившаяся на деревьях, также метко поражала наши столпившиеся колонны. Таким образом, неудивительно, что, подвергаясь спереди выстрелам из завалов, а справа и слева с деревьев, солдаты наши временно оцепенели и приостановились. Не помню действий других офицеров в эту критическую минуту, но, видя наше безвыходное положение, пишущий эти строки, для ободрения солдат неодно-кратно с шашкой над головой громогласно возвал: «Ребята, вперед», что вместе с командой генерала Лидерса побудило солдат броситься вперед, на штыки, на окончательный штурм. Упомянутые 11 храбрецов на другой день в приказе по войскам главнокомандующего поименованы были и награждены Георгиевски-

ми крестами. Благодаря Богу, в числе очень немногих, уцелевших в этот день отчаянного лесного боя, был и я: меня не коснулась ни пуля, ни шашка, ни кинжал.

Заняв вражескую укрепленную позицию, отряд ждал около 2-х часов, в соседстве со своими убитыми товарищами, пока подошло остальное войско. Тогда, снявшись с этой позиции, войска двинулись далее и к ночи весь отряд собрался на бивуаки.

Почти такая же ожесточенная борьба, как 14 июля, продолжалась и 15-го с рассвета и до ночи, и только по прибытии на ночлежную позицию, в ночь на 16 число,[380] князь Воронцов решил на 'военном совете приостановить военные действия, чтобы дать отдохнуть войскам и восстановить в них боевой порядок. Между прочим, были немедленно снаряжены двое из числа более опытных и храбрейших солдат Кабардинского полка, коим приказано было отнести записку от князя Воронцова генерал-майору Фрейтагу, чтобы он по получении ее двинулся со своим 6000-ным отрядом, стоявшим близ крепости Герзель-аул, на выручку отряда Воронцова, занявшего позицию Шаухал-Берды. Упомянутые солдаты для предохранения от горцев были переодеты в неприятельскую одежду; и они прошли в течение ночи 30-верстное расстояние лесом, через неприятельский стан, и добрались до генерала Фрейтага. Этим было положено начало спасения наших войск.

С 16-го по 19 июля отряд Воронцова стоял на поляне совершенно открытым, на виду у большого скопища горцев, расположившихся на лесистых горах вокруг занятой отрядом позиции. Кавказский наместник находился сперва в маленькой палатке, единственно для него одного сохраненной. Но так как горцы с прибытием нашим на позицию беспрерывно стреляли из орудий и снаряды их ложились подле палатки, то Воронцов вынужден был выехать в близлежащий аул, где собраны были все раненые. Принимавший участие в этом походе принц Гессен-Дармштадтский, ныне великий герцог, расположился было под большим деревом; но так как и сюда долетали выстрелы, то и он удалился с этого места. За неимением достаточного количества снарядов наш отряд не мог отвечать на неприятельскую пальбу. Два дня и две ночи войска стояли на поляне, будучи очевидцами того, как беспрестанно были убиваемы и ранены их товарищи от неприятельских ядер и разрывных гранат.

Генерал Фрейтаг, получив через посланных солдат приказание идти на выручку, поспешно в тот же день собрал с ближайших местностей 6000 штыков, 13 орудий и несколько сотен казаков и к следующему дню форсированным маршем прошел до 50 верст. Приближаясь к отряду кавказского наместника, он был встречен почти всеми полчищами Шамиля, желавшего не допустить соединения войск его и Воронцова. Но Шамиль не мог устоять против смелого натиска неутомимого войска,

бывшего под начальством дельного и храброго генерала Фрейтага. Утром, 19 июля, в отряде наместника услышан был грохот пушечных и ружейных выстрелов, из чего войска убедились в приближении на выручку генерала Фрейтага. Отряд ожил и после раздачи последних патронов немедленно двинулся навстречу Фрейтагу. Тогда чеченцы, очутившись между двух огней, бежали и тем дали возможность обоим отрядам беспрепятственно соединиться. Во время отдыха на общем привале сошедшиеся войска радостно приветствовали друг друга. Наместник и генерал Фрейтаг, находясь на лошадях, обнялись; принесенным отрядом генерала Фрейтага продовольствием солдаты радушно поделились с товарищами, бывшими в течение шести дней почти без всякой пищи.

Итак, после неимоверных усилий и невзгод воронцовскому отряду суждено было единственно с помощью генерала Фрейтага и его славного войска окончить экспедицию. Будучи в авангарде, Фрейтаг открывал Даргинскому отряду, с его бесчисленными ранеными и больными, дорогу к беспрепятственному возвращению в крепость Герзель-аул. Горцы в этот последний день кампании преимущественно налегали на арьергард; но солдаты, под начальством энергичного боевого генерала Лабынцева, и здесь отчаянно отбивались. К вечеру того же дня войска пришли на ночлег в село Мискит и на другой день уже без боя прибыли, наконец, в вышеназванную крепость и расположились на открытой местности. Этим и прекратились военные действия; но долго еще после кампании отзывался в ушах гул от пушечной и ружейной стрельбы, продолжавшейся 14 дней с рассвета и до ночи.

По прибытии в Герзель-аул немедленно было приготовлено до 10 тысяч чуреков для раздачи по одному как офицерам, так и солдатам. Чуреки пекутся в виде лепешек, величиной с тарелку. Хотя они неквашенные, но на голодный желудок показались весьма вкусными. На другой день явились маркитанты с провизией, хотя и продававшейся по непомерно дорогой цене; например, чурек по одному рублю за штуку в миг раскупался. В этот самый день кавказский наместник объезжал с Фрейтагом верхами все части войск; когда он останавливался и здоровался с ними, то войска приветствовали его криками «ура!»; но он, снимая фуражку и обращаясь к Фрейтагу, говорил войскам: «Не мне, а генералу Фрейтагу — ура!».

Так окончилась эта знаменательная кампания, во время которой войска понесли громадные потери и в генералах, и в офицерах, и в нижних чинах. В саперном батальоне, в котором с 1843 по 1853 год пишущий имел честь состоять на службе, при начале кампании было в строю 22 офицера и до 750 солдат; по окончании же военных действий осталось 5 офицеров и около 170 солдат. Все остальные были убиты, между ними

командир батальона[381] и почти все ротные командиры. Почти в таком же размере пострадали и прочие части войск, так что из 20 тысяч человек отряда осталось не более 5 тысяч.

Все, что было рассказано мною о военных действиях и лишениях, перенесенных войском во время кампании 1845 года, далеко недостаточно для получения полного о ней понятия. В истории кавказских военных действий, в продолжении почти 70-летней борьбы русских войск с кавказскими народами, не видано ничего подобного тому, что происходило в 1845 году, чему достаточным подтверждением служит неимоверное число убитых и раненых. Убито было 3 генерала, и несмотря на сильный неприятельский натиск, тела обер-офицеров и нижних чинов хотя и удалось поднять, но они были похоронены в общих могилах, которые были заделаны в уровень с землей, чтобы горцы, приметив могилы, не извлекали тела умерших, что ими обычно делалось с целью надругания.

Князь Воронцов за кампанию удостоился титула Светлейшего;[382] генералы Фрейтаг и Лабынцев были пожалованы в генерал-лейтенанты, причем первый «за особое отличие». Остальные же генералы и офицеры получили по две и по три награды. Нижние чины, более отличившиеся, были награждены Георгиевскими крестами. Пишущий эти строки, хотя был младшим прапорщиком, получил помимо Анны 4-й степени, Станислава 3-й степени с мечами и полугодовое содержание. Два кабардинских солдата, вручивших генералу Фрейтагу записку, были произведены в унтер-офицеры и, кроме того, удостоились Георгиевских крестов. Всем батальонам и прочим частям были пожалованы Георгиевские знамена. Участвуя в достославных подвигах 5-го саперного батальона, который был удостоен таковым же знаменем, считаю для себя это отличие даже выше изжалованного лично мне креста. Немалой наградой было мне еще и то, что в 1847 году покойный император Николай I, по окончании смотров, произведенных им в Киеве в числе прочих войск, и 5-му саперному батальону, вернувшемуся в 1846 году в г. Киев, потребовал к себе саперных офицеров, оставшихся после Даргинской кампании и в лестных для нас выражениях благодарил каждого.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АВГУСТА-ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН МЕРКЛИНА О ДАРГИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1845 г.

Настали кровавые дни 10-го и 11-го июля 1845 года; солдаты в своих о них рассказах прозвали их «сухарною экспедицией», вследствие того, что в эти два гибельных дня колонна из аула Дарго шла через Даргинский лес навстречу оказии, следовавшей от Андийского вагенбурга с провиантом, скотом и снарядами для передачи их в главный Даргинский отряд, сильно в них нуждавшийся.

В Дарго мы вошли окончательно 6 июля после кровопролитного, но удачного для нас накануне боя; неприятеля тогда не было в большом сборе, говорили, всего 600 мюридов. Действовал он преимущественно из сооруженных им по дороге в лесу завалов, устроенных из срубленных поперек дороги вековых чинар, которые, преграждая ее и замедляя наше наступление, служили ему верною и почти безопасною защитой против пуль наступающих, давая в то же время неприятелю возможность стрелять из-за них в нас на выбор, почти в упор, и по занятию (завалов. — *Сост.*) нами ретироваться в следующий завал для повторения такого же действия.

Завалы эти взяли один за другим штурмом, причем, однако, потеряли немало людей, тем более, что, не зная местности и сооруженных на ней преград, сначала наступали весьма ошибочно, кавалериею, которую после нескольких неудач заменила пехота, вытеснившая, несмотря на сыпавшиеся на нее пули, на «ура» неприятеля быстро из завалов, после чего передовые войска, двигаясь уже удобно вперед, заняли оставленный Шамилем за несколько дней Дарго без боя.

Дорога через лес в Дарго тянулась без малого на семь верст и, помимо этих завалов, была поистине адская, она то спускалась с горы вниз и, приподымаясь потом, часто скривляясь и сгибаясь, имела топкие места, то шла уступами в аршин и более вышины по камням. На большом протяжении дорога эта была окаймлена с одного бока нешироким, но весьма глубоким оврагом, до дна которого брошенный туда камень долетал спустя лишь некоторое время, а с другой — отвесною почти стеною гор, покрытых густыми, вековыми чинарами, которые покрывали

всю также местность за оврагом, имевшим по большей части только несколько саженей ширины. Сама дорога местами была не шире двух аршин и по всему вероятию служила горцам только для езды верхом и на вьюках и не разрабатывалась ими как представляющая сама по себе уже природную защиту аула Дарго с этой стороны от всякого внезапного нападения.

По этой дороге с вечера 5 июля после взятия штурмом завалов и вступления затем тогда же передового летучего отряда в Дарго до обеда 6 июля тянулся эшелонами весь отряд со всеми тяжестями, с продолжительными остановками, шаг за шагом, что при лунной тогда ночи внимательному наблюдателю дало возможность вполне ознакомиться со всеми неудобствами этого пути для наступления регулярными войсками, и это невольно клонило к соображению, почему неприятель, опытный в применении всякой местности в свою пользу, так слабо воспользовался преимуществами в данном случае.

Шесть верст по этой дороге вниз была изрядная, густым также лесом обрамленная поляна, где 6 июля, во время прохода через нее, на заре наш отряд похоронил в наскоро вырытых могилах наших накануне убитых.

За этою поляною, спустившись еще около версты по густому лесу, в плодородной долине, прорезанной горным ручьем, был раскинут на значительной поляне аул Дарго, расположенный со всеми своими маисовыми посевами в продолговатой котловине, окруженной со всех сторон высокими горными лесистыми хребтами, которые, то тут, то там приближаясь и отдаляясь от засеянных полей аула, также растянутого в длину, представляли отлогие места для спуска, скаты, зеленевшие роскошною травою. Все это в совокупности дало всей этой местности весьма живописный вид и могло очаровать туриста, но мы поневоле занялись другими размышлениями: мы зашли в эту западню, вековать в ней не приходилось, а предстояло когда-нибудь выбраться, и чем скорее, тем лучше. Но каким образом? По только что пройденному пути, если неприятель как следует займет его более значительными силами, почти нет возможности; по другому направлению, густо населенному, к тому же также лесистому и, вдобавок, нам вовсе незнакомому, пришлось бы делать 6-7 больших переходов, а между тем провиант и снаряды на исходе, и куда девать раненых и больных, неизвестно, а их было уже много и предвиделось еще больше.

С 6-го по 10-е июля неприятель постоянно прибывал; его конница тянулась длинными вереницами, со значками во главе,[383] вне наших орудийных выстрелов, по окрестным горам, то останавливаясь и слезая с лошадей, собиралась около одного места, где на разостланной бурке, под большим белым зонтиком сидел какой-то человек, — все это вид-

но было в трубу,— то опять, сев на коней, продолжала путь, скрываясь под конец в лесу; а в стороне пройденного нами 5-го числа пути слышны были без умолку день и ночь удары топоров и падающие с треском и грохотом чинары — стало быть, и тут неприятель усердно занялся нам отрезать дорогу устройством завалов.

Каждое наше за аул движение за фуражом или для пастьбы, в самом близком от лагеря расстоянии, под сильным прикрытием, сопровождалось с прибытием в Дарго значительною потерею убитыми и ранеными, причем неприятель не раз обнаруживал намерение броситься на прикрытие на чистом месте, в шашки, и лишь постоянно на него направленные залпы удерживали его от этого; вообще он стал небывало дерзок и самоуверен, даже ночью пальба с обеих сторон не умолкала.

К всему этому горная вода и жадность, с которой солдаты набросились на незрелую еще кукурузу, действовали пагубно на здоровье, вследствие чего лазарет уже был донельзя набит, кроме раненых, еще и больными.

В отряде, занявшем Дарго, хотя и числилось 12 батальонов,[384] но они уже были слабы численностью, а кавалерия: казаки и конная милиция, хотя и находилась в лучшем составе, но здесь по местности почти была лишнею и обременяла отчасти своим присутствием отряд, не принося никакой существенной пользы.

Подобная невыгодная обстановка заметным образом и весьма естественно легла тяжелым гнетом на душу всех и должна была, пошатнув нравственную силу отряда, возвысить таковую неприятеля, который понял превосходство своего над нашим положения.

Лазутчики тоже с этой поры прекратили нам доставлять сведения о намерениях неприятеля, что немало увеличивало наше критическое положение.

Еще на 9-е число последовало по отряду приказание, что коль скоро последуют со стороны пройденного нами 5-го числа пути 3 пушечных выстрела и 3 ракеты, то войска, находящиеся в прикрытии пастьбы или на фуражировке, немедленно возвращаются в лагерь, а затем такие-то и такие-то части строятся за лагерем к дороге в лес, откуда 5-го числа пришли с горными орудиями и казаками, принимают всех раненых и больных, размещенных по одному и два на вьючных лошадях, и следуют под командою генерал-лейтенанта Клюки фон Клюгенау до чистого, по ту сторону леса места, где принимают от Андийского вагенбурга небольшого отряда сухари, снаряды и скот и, сдав ему раненых и больных, следуют на другое утро обратно: один на Дарго, другой в Андию.

В числе назначенных на 9-е число частей был и наш батальон, лагерь которого был расположен именно в сторону того леса.

Однако 9-е число прошло без сигнальных 3-х выстрелов и ракет. Приказание одинаковое отдавалось и накануне 10-го числа.

С раннего вечера 9-го до самого раннего рассвета 10-го неприятельские выстрелы не умолкали на левом фасу нашего лагеря и, сливаясь в залпы, произведенные в недальнем расстоянии, имели вид, что неприятель, пользуясь темнотою, намерен перейти в более еще серьезное наступление, почему все войска в эту ночь, конечно, проведенную без всякого сна, неоднократно становились под ружье.

На рассвете наконец все умолкло, и наш батальон, в числе других, выступил за фуражом на ближайшие кукурузные посевы; скоро неприятель и тут оказался, и, прибывая с гор все более и более, с необыкновенной смелостью дерзко наступал; стреляя, скрываясь, сколь возможно, за плетнями полей и каждою другою защитою на данной местности, заставил нас, во избежание слишком больших потерь в людях, отступить с недостаточным запасом фуража, преследуя нас с замечательной запальчивостью до самого лагеря по пятам.

Позавтракав наскоро черствым, намоченным в соленой воде сухарем и небольшим кусочком свиного сала, наш батальон, приняв скот и лошадей, прикрывал их пастьбу возле самого лагеря, но несмотря на это, неприятель и тут до обеда наскучал своими выстрелами, с обеда же отстал, оставив нас почему-то вдруг в совершенном покое.

Было три часа, вдруг слышатся отчетливо повторяющиеся в горах эхом три пушечных выстрела, а за ними три лопнувшие в горах, за лесом ракеты — условленная весть о приходе на указанное место отряда с запасами из Андии.[385]

Душа каждого мыслившего вздрогнула, она перед межою от жизни к вечности, завеса еще опущена, но недолго уже ждать, и она подымется — решится судьба каждого, долго размышлять некогда — суженого конем не объедешь — с Богом вперед!

Немедленно пастьба с прикрытием отступает в лагерь, куда войдя, каждый спешит к назначенному ему месту.

Нашему батальону пришлось пройти через весь аул, так как сборный пункт назначен по ту сторону его, где находилось лагерное расположение нашего батальона; пользуясь этим, каждый мимоходом забегает к себе, чтобы еще то или другое прихватить с собою или закусить на дорогу.

Медный чайник кипит на огне, сахар совсем на исходе, давно уже пьем вприкуску, кто-то предлагает на скорую руку перехватить по стаканчику и на этот раз внакладку, ибо Бог весть кто живым возвратится, а потому скряжничать незачем, жаль будет на том свете, что отказал себе и в этом в последнюю минуту; но юнкер Карл Карлович Юнгерсон,[386] избранный распорядителем нашего скромного хозяйства, отка-

зывает нам в этом со словами: «А с чем те станут пить, которые, пережив, возвратятся, застанут один чай без сахара и на меня тогда будут претендовать — нет, господа», — и раздает каждому свой обычный к чаю кусок. Стаканы наливаются и с жадностью опорожняются, толковать и спорить тут не время, да и напрасно, добрый, честный К. К. Ю[нгерсон] в этом отношении кремень, и золотника лишнего не вымолишь.

Пора было отправиться к своим частям: они уже заняли указанные им в колонне места; четыре роты нашего полка при двух горных орудиях стали в самом авангарде,[387] прочие войска следовали эшелонами, имев в интервалах между собой вьюки с ранеными и больными; тут же на привязанных к двум вьюкам шестах везли гроб с убитым накануне генералом Фоком.[388] Арьергард составлял батальон при двух горных орудиях под командованием генерала Викторова, за арьергардом следовали 2 сотни линейных казаков; цепей не высылалось за невозможностью на предстоящей, нам уже знакомой местности это сделать, и, таким образом, вся эта колонна, хотя и тесно сбитая на узкой местной дороге, но вследствие массы вьюков все-таки растянувшаяся на значительное пространство, не имела с боков надлежащего прикрытия и представляла поэтому неприятелю удобные к нападению места, где единственным отпором он встречал, смотря по большим или меньшим удобствам пройденного нами по этой дороге пути, то густую ленту вьючных лошадей, то опять таковых же, растянувшихся одна за другою, чем весьма понятно прямая связь между эшелонами отчасти должна была прерываться, замедляя в то же время их и общее всей колонны движение и подставляя ее поэтому и более продолжительному, без того уже убийственному огню из-за неприятельских завалов с обеих сторон дороги.

Только что перечисленные неудобства в стратегической постройке этой колонны, имевшей в виду, быстро наступая вперед, одновременно отбивать весьма вероятные нападения неприятеля с боков и сзади, увеличивались, видимо, еще тем, что казаки, следовавшие по дороге с арьергардом, в случае неприятельского оттуда натиска отнимали от орудий и их прикрытия возможность стрелять, чем последние, теряя всякое значение для общей нашей с этой стороны защиты, ставились в прямую зависимость от большей или меньшей стойкости казаков сзади.

Генерал подъехал и поздоровался с войсками,[389] затем горнисты сыграли сигнал «движение», после чего вся колонна тронулась по знакомой дороге и скоро вошла в лес. В это время впереди нас, в лесу, послышалось несколько неприятельских, будто сигнальных выстрелов, а потом все опять смолкло.

Мы подаемся сколь возможно быстро вперед, темный лес немного спустя просвечивается, и, пройдя еще небольшое расстояние, авангард выходит на первую полянку, где на противоположной стороне, под опушкою леса, ненадолго останавливается, дабы остальная колонна, уже растянувшаяся, могла подойти поближе.

На полянке, правее дороги, возле разрытых могил валяются совершенно нагие и изуродованные трупы наших, 6-го числа там похороненных, солдат, они сине-багрового цвета, с них вся верхняя кожа уже слущилась, но, придерживаемая еще в нескольких местах, мотается по ветру, как паутина, волосы тоже осыпались с головы и лежат на траве возле нее, глаза выклеваны птицею, и смрад кругом невыносимый; высылаются люди с шанцевым инструментом для зарытия их вновь, и когда неглубокие ямы готовы и трупы трогали с места, чтобы опускать, то оказывается, что спина уже съедена и торчит один оголенный спинной хребет, а все место, где трупы лежали, кишит разнородными червями и букашками — вид поистине отвратительный, раздирающий душу и глубоко врезавшийся в память, и кто знает, не постигнет ли нас та же участь сегодня же.

Тут же подошел ко мне саперный капитан[390] со словами: «Ну, слава Богу, мы дошли до поляны, теперь уже ничего не может случиться, местность мне хорошо знакома, я ее 5-го и 6-го числа во время нашего тогда похода снимал». Я, покачав головою, ответил: «Дай-то Бог, но мне сдается совсем иное».

В это время арьергард стал выходить на поляну, горнисты вновь заиграли движение, раскланявшись с капитаном и пожав друг другу руки, мы расстались навсегда, ибо его, как я впоследствии узнал, на следующий же день убили.

Мы прошли еще с полверсты по темному дремучему лесу, везде царствовала безмолвная тишина, неприятель будто сквозь землю провалился.

Далее дорога, еще суживаясь, делает крутой поворот, за которым глазам представляется топкое, сажени в три место, а за ним, шагах во сто, срубленные поперек дороги громадной толщины чинары, и еще момент — и все это место засветилось от губительного, в нас посылаемого залпа ружей из 300 — такие залпы одновременно открываются из боковых завалов по всей колонне; залпы эти сопровождает неистовый, дикий крик неприятеля, и вся местность ненадолго окутывается густым пороховым дымом, а по горам многократное от выстрелов эхо все дальше и дальше переливается, как будто дикая сама по себе природа приняла участие в диких страстях здесь человека.

Одно спасение — взять лежавший перед авангардом завал, не дав неприятелю вновь зарядить ружья.

Загремело из тысячи голосов знакомое кавказское, не знающее удержа «ура» и слилося с «ура» всей остальной колонны, так как нападение общее вдоль всей дороги с обоих боков.

Авангард несется через топь к завалу, разбрасывает мгновенно лежавшие перед ним, загромождающие дорогу ветви срубленных чинаров и занимает самый завал, из которого неприятель частью уже перебежал в устроенный дальше в некотором расстоянии такой же другой завал.

Засев во взятом завале, положение наше, хотя пули попадали и с боков, стало под защитою его сноснее, чем и восстановилась потрясенная в первый момент нападения бодрость солдат и уверенность в дружное на штыки «ура» возвратилась, несмотря на беспрерывные выстрелы засевшего впереди в завале неприятеля, которого недолго думая новым дружным «ура», хотя и с потерею, выгнали и оттуда в следующий такой же завал. Таких завалов было на протяжении 2-3-х верст по дороге 15 — на большем или меньшем пространстве один от другого и всегда наступление затруднялось, кроме [того], прямым еще фланговым огнем из боковых за оврагом и на отвесной горной стене завалов и ставило нас под выстрелы с 3-х сторон. Но, невзирая на это, завалы эти были пройдены авангардом в течение с небольшим часа, не обращая никакого внимания на потери ранеными и убитыми, так как их оставляли за собою на попечение следовавшей за нами колонны, орудия и снарядные ящики с их лошадьми перетаскивали с большими усилиями через завалы, которых разбросать или сдвинуть с дороги в овраг не было ни времени, ни физической возможности.

По взятии последнего завала выгнанный из него неприятель скрылся за крутым поворотом, который тут образует дорога. Между тем позади нас по дороге слышна была неумолкаемая перестрелка, а еще далее позади, где арьергард, выстрелы доказывали, что и там закипел жаркий бой; однако верных вестей о том, что за нами происходило, до нас не доходило, хотя вьюки с ранеными к нам понемногу прибывали и, столпившись в густую массу, загромоздив таким образом собою всю дорогу, отняли возможность получать сведения о положении прочего сзади отряда.

Просидев в занятом нами завале еще недолго, в такой же безызвестности о прочем, следовавшем за нами отряде, мы по сигналу «движение» вновь двинулись вперед и скоро зашли за поворот. Тут вся местность, покрытая густым лесом, образует довольно крутой спуск, по которому дорога, еще более суживаясь у подошвы, до того тесна, что дозволяет только проход поодиночке, затем дорога, вновь подымаясь в гору, имела с правой стороны над оврагом незначительную открытую площадку, а далее шагах в 150 была преграждена поперек высоким из чинаров завалом. Казалось, что здесь неприятель применил все свое

фортификационное искусство, чтобы нас, не выпустив из леса, тем вернее уничтожить, и можно было предвидеть, что он употребит здесь все свое усилие к решительному отпору нас, пользуясь очевидными для него местными к тому преимуществами.

Но авангард на этот раз был уже в ударе — не ожидая сигнала и команды «вперед», под сильным беглым и убийственным огнем спереди и с боков, из завалов, с криком «ура», бегом спустился он по дороге, перебегая поодиночке самое тесное ее место и собираясь моментально на упомянутой выше площадке. Отсюда авангард понесся неудержимым потоком к самому завалу, перелезая его в мгновение, и прогнал густо засевшего за ним неприятеля — без выстрела— штыками.

Таким образом, отважным, дружным «ура» на штыки последняя на этот день преграда авангардом была устранена. Нельзя не упомянуть здесь, что в момент нашего наступления в тылу завала, на горе, в колонне, пришедшей там из Андии, горнисты почему-то заиграли сигнал «движение вперед», и случайно это обстоятельство нам оказало большую услугу тем, что горцы в завале, вероятно, полагали, что им наступают также в тыл, да еще свежими войсками, что потрясло их стойкость.

Но немало легло тут наших; по всему протяжению дороги и в самых завалах валяются солдаты: одни убиты, другие ранены, а еще другие при перебеге через самое узкое место, застигнутые пулею, свалились в овраг — батальон наш теперь уже оказывается налицо не более как в половинном своем составе. В числе пострадавших и я находился. Еще на бегу с горы к узкому месту я почувствовал что-то твердое, пролетевшее через голень левой ноги, а за ним горячую струю, сочившуюся по ноге; я понял, что ранен, но, видимо, без повреждения кости, рассмотреть тогда рану было некогда; добежав до площадки и остановясь на ней на несколько секунд, я запустил руку с обоих боков в длинное голенище и, вынув ее в крови, убедился, что ранен навылет, но тут последовал новый удар мне в воротник сбоку, и будто что-то острое кольнуло насквозь; опять засунув руку за воротник с одной и с другой стороны и вынув ее не в крови, я сообразил, что это лишь контузия, от которой, впрочем, через несколько дней вся шея опухла и я чуть не погиб.

За взятым завалом дорога, уже расширяясь, но все еще подымаясь в гору, видимо, приближалась к опушке все более редевшего здесь леса, а за ним, на чистом уже месте, когда застилавший всю местность пороховой дым рассеялся, уже можно было различить фигуры наших солдат в передней цепи, выставленной Андийским отрядом, с которым авангард наш, подобрав насколько возможно своих раненых, соединился наконец пред закатом уже солнца.

Тогда, сев на камень и стащив сапог, я дал перевязать мне ногу, но, просидев немного, я уже не мог встать; нога одеревенела и лишилась движения, каковою и осталась до полного после 6 недель излечения.

Между тем из пройденного нами леса все еще доносились выстрелы, крики «ура» и более еще отдаленно изредка залпы, и в то же время из леса, по дороге, стали появляться то вьюки, то войска, таща с собою то тут, то там тяжело раненных — все это, однако, выходило без строя, смешанно, в разброде.

Солнце стало совсем садиться, и тогда показался наконец и самый арьергард; он шел, однако, не правильным строем, а какою-то немногочисленною толпою вперемежку со вьюками и все еще отстреливаясь от провожавшего его сзади своими выстрелами неприятеля. Орудий и казаков при нем не было; первые, за невозможностью их перетащить при сильных натисках неприятеля через завалы, и еще более потому, что все лошади были перебиты, достались в добычу горцам, последние же, находясь при начале общего на колонну нападения неприятеля еще на поляне, когда и по ним из опушки леса стали открывать убийственный огонь, причем они никуда не могли двигаться и собою заполняли арьергардные орудия, по приказанию ли генерала Викторова или по собственному почину, потеряв сперва немало людей и лошадей, проскакали обратно в Дарго, и это было самое благоразумное, что они в данном случае могли делать. Сам же генерал Викторов за сим был убит и тело его брошено; та же участь постигла и гроб генерала Фока.[391]

Положение наше после всего этого и ввиду того, что те же войска завтра же на рассвете должны будут возвращаться по той же дороге обратно, да еще отягощенные разными продовольственными и артиллерийскими запасами, становилось крайне критическим и не предвещающим ничего хорошего.

Во избежание могущего случиться с нами еще худшего следовало бы тогда же, немедленно, каким бы то ни было способом, послать весть о нашем положении в Дарго с тем, чтобы оставшиеся там главные силы безотлагательно выступили для соединения с нами и следования потом через Андию к линии наших крепостей, однако ничего подобного не было сделано, с одной стороны, может быть, потому, что не было лица для доставления этой вести в Дарго, а с другой — вследствие того, что раз отданное приказание старшего исполняется свято, хотя бы оно грозило гибелью всем — такова уж военная дисциплина.

Звездная ночь, наступившая после кратких сумерек, разостлалась над разбросанными, без привычного порядка, бивуаками обоих отрядов, для охранения которых выставлялась, также против обыкновенного, сегодня, и то лишь к опушке, слабая цепь с секретом впереди ея, и

к последним еще неоднократно во время ночи из глубокой глуши леса тащились с напряжением последних сил своих тяжело раненные и изрубленные из наших солдат, причем изредка обменивались выстрелами с неприятелем, подкравшимся по темному лесу в иных местах к секрету.

Ночь я провел, сидя на том же камне, где мне была сделана перевязка, сна не было, все мысли сосредоточены на только что пережитом и на предстоявшем завтрашнем дне. Как раненый, я должен был следовать с отрядом, пришедшим из Андии по линии наших вагенбургов в темирхан-шуринский госпиталь. Андийский отряд в составе 4-х рот при 2-х орудиях имел не более 400 штыков, и как ему предстояло прикрывать во время следования большое количество вьючных лошадей, доставивших провиант и снаряды, то отряд этот поневоле должен был на пути растянуться, каковое обстоятельство ввиду массы этими днями стекавшихся в Дарго горцев невольно возбуждало разные опасения. Настроение это немало еще поддерживалось тем, что кругом меня, вблизи умирали тяжело раненные, им тут же выкапывали неглубокие ямы, куда опускали. Вообще стон и оханье и обещание раненых вслух, что буде Бог вынесет, то водки более во рту никогда не будет — все это, конечно, производило свою долю впечатления на потрясенную уже и без того душу.

После полуночи было отдано приказание, что с рассветом по сигналу 3-х пушечных выстрелов и 3-х ракет Андийский отряд, разместив раненых и больных на вьюках и носилках, трогается в обратный путь; когда же он перейдет через балку, откуда местность до Андийского вагенбурга, хотя гористая, но открытая уже, не представляет серьезных опасностей, тогда пришедшая из Дарго колонна, разобрав предварительно провиант и снаряды на вьюки и на себя, начнет обратное движение в Дарго. Таким образом, даргинская колонна имела прикрывать первоначальное движение андийской, и лишь за безопасным проходом последней через упомянутую балку начать свое возвращение в Дарго.

Наконец темь этой незабвенной ночи стала отделяться и рассвело, что дало возможность разглядеть окружающую к Андии местность.[392] Эта местность за нашими бивуаками была перерезана не широкою, но довольно глубокою, с крутым по дороге спуском балкою, которая делая вдруг крутой поворот и скрывая этим на некоторое расстояние дорогу, представляла затем глазам таковую же опять балку с крутым на противоположной стороне горы подъемом; по балке этой, куда предстоял путь Андийскому отряду, правее дороги, находилась в версте или более конусообразная высокая гора, вершина которой вся была покрыта горцами с их значками. Гора эта, прилегая в то же время к пройденному вчера лесу, командовала, так сказать, всею местностью и давала горцам

возможность, смотря по надобности, поспевать то в лес, по направлению к Дарго, то на путь Андийского отряда. С этой горы, когда рассвело, доносились к нам многотысячные молитвенные слова «ля аллах».

Утро было ясное, и первые лучи восходящего солнца уже стали опять согревать остывшую за ночь атмосферу. Андийская колонна стояла уже под ружьем, и все было готово к движению, ждали лишь условленный сигнал, но его пока почему-то не давали. Между тем передовая часть Даргинского отряда уже втягивалась в лес к Дарго, а за ними и прочие части этой же колонны направились к лесу, и один лишь ее арьергард стоял еще на месте бивуаков, тогда лишь дан был жданный всеми сигнал, по которому наша колонна начала свое движение. В это самое время горцы спустились замечательно быстро вниз по горе густою лентою через балку к лесу наперерез только что вошедшей туда даргинской колонне, и за сим, немного спустя, в лесу началась перестрелка, которая, чем далее, все учащалась и под конец слилась в непрерывные залпы, прерываемые криками «ура».

Мы же, против всякого ожидания, прошли балку без выстрела, поднялись затем по дороге и продолжали свой путь к Андийскому вагенбургу, сколь возможно быстрее, беспрепятственно до заката солнца. Причем, однако, к нам доносились еще долго из леса перекаты залпов вперемежку с пушечными выстрелами, что доказывало, что бой не хуже вчерашнего возобновился и сегодня по дороге к Дарго.

В виду уже видневшегося перед нашими глазами вагенбурга, верстах в 2-х от него, нас догнали человек 200 конных горцев, затеяли перестрелку, сопровождая выстрелы диким криком и бранью, однако картечь, пущенная в них, удержала их на приличное от нас расстояние, а перед вагенбургом они совсем отстали, свернув в сторону, мы же расположились бивуаком под защитою вагенбурга, занимаемого полком под командованием полковника Бельгарда.

Весь этот день я не слезал с вьючной лошади, рана стала болеть, и нога лишилась всякого движения; меня сняли с лошади, и я должен был опять неподвижно оставаться на одном и том же месте. Хотя мы были крайне утомлены, однако нам не было суждено провести эту ночь спокойно. Вагенбург лежал в котловине, окруженный со всех сторон на хороший ружейный выстрел горами. В полночь всех поднял на ноги залп из нескольких сот ружей кругом с гор, а затем в брани по-русски отчетливо различались слова: «Гаур, гаур, есть генерал, давай его сюда, шкура на барабан», и за повторением этих слов несколько раз следовали опять выстрелы, продолжавшиеся до ранней зари.

Наутро 12 июля мы продолжали путь через Андию, хороня ежедневно умиравших дорогою от ран. И дней через пять мы прибыли наконец в переполненный в Темир-Хан-Шуре госпиталь.

Последний переход меня везли на воловьей подводе, нога сильно разболелась, шея стала опухать от контузии, кровь ударялась, будто столбом, в голову, я не мог глотать и был в сильном бреду. С подводы меня снесли на госпитальную койку, и я слышал, как кто-то говорил, указывая на меня: «Ведь он не проживет до утра»; за сим я помню только, как доктор с фельдшером приставили мне к шее большое количество пиявок и я под этим ожерельем заснул крепким сном.

Докончив этим свой рассказ о событиях 10 и 11 июля, как очевидец, я посвящу еще несколько строк незабвенной памяти моего, в эти дни погибшего, доброго и храброго командира Пасьета, перешедшего за год перед тем из гвардии в наш полк.

Капитан Пасьет, смело, отважно несясь 10 июля впереди своей 1-й карабинерной роты на штурм всех по дороге завалов, ободрял своим примером солдат и тем много способствовал тому, что вообще завалы были взяты и очистился путь вперед. На самом узком месте дороги, перед последним завалом, быв ранен пулей в коленную чашку, капитан Пасьет свалился, но, подхваченный тут же двумя карабинерами, был доволочен до упомянутой выше площадки, откуда за взятием завала был вынесен, истекавший кровью, на руках к Андийскому отряду, где и была ему сделана первая перевязка. При этом, однако, оказалось, что коленная чашка раздроблена и без ампутации нет надежд на излечение, но сделать ее тут не было времени и необходимых удобств, а потому отложили операцию до госпиталя, куда капитан Пасьет должен был быть доставлен назавтра с прочими ранеными на носилках, для чего потребовалось 8 человек из его роты и одного за старшего. Трогательно было видеть, как каждый из солдат при этом желал оказать какую-нибудь услугу своему любимому начальнику: одни предлагали свои шинели для устройства мягкой на носилках постели и балдахина от солнечного зноя, другие с опасностью жизни доставали в лесу несколько капель воды для утоления жажды своего командира, и, наконец, со слезами на глазах прощались на рассвете 11 июля с ним навеки, сами идя навстречу весьма сомнительной будущности. Поистине в такие минуты проявляется красота души нашего солдата в полном своем величии. Капитан Пасьет, донесенный потом, но уже весьма слабый и с гангреною, в ночь в госпиталь, скончался там через несколько дней, будучи накануне смерти поздравлен посетившим госпиталь главнокомандующим с чином майора.

На темир-хан-шуринском кладбище под простым деревянным крестом покоятся бренные останки этого в те дни во славу нашего оружия погибшего воина. Не могу здесь обойти молчанием и того обстоятельства, что когда раненый капитан Пасьет изъявил желание, чтобы его за старшего сопровождал до госпиталя юнкер К. К. Юнгерсон, близко ему знакомый, то тот, подумав немного, отклонил это желание тем, что ста-

нут говорить, будто он, желая избегнуть предстоящих опасностей, напросился в проводники к своему начальнику, и за сим предоставил обязанность другому юнкеру, который с заметною радостью ее принял. К чести К. К. Юнгерсона, ныне генерал-лейтенанта, будь сказано, что он долг прямой службы ставил выше всех других отношений — я его видел во многих серьезных делах и всегда впереди. Это был храбрый из храбрых, не потому, что не знал страха, а потому, что хотя и знал страх, но нравственная сила всегда преобладала над этим страхом.

За сим я возвращаюсь для полноты настоящего моего рассказа к постигшим 11 июля даргинскую колонну событиям, насколько они мне стали впоследствии уже известны из бесед с пережившими это побоище товарищами.

Колонна, разобрав до рассвета второпях, насколько успела, снаряды и сухари, тронулась, как сказано выше, ранее условленного сигнала в лес, а неприятель, заметив это движение с горы и полагая, что обе колонны пойдут по одному пути, бросился со своей горы всей массою в лес, заняв там немедленно поправленные им за ночь знакомые нам завалы, и вслед за тем завязался самый ожесточенный бой, так как вновь приходилось брать штурмом завал за завалом. Неприятель, стащив за ночь тела наших, накануне убитых и брошенных, устлал ими местами дорогу так, что в некоторых местах приходилось идти по трупам; при этом из боковых завалов горцы громили беспощадно в следовавшую по дороге колонну, а когда она по местным препятствиям слишком растянулась, то неприятель, бросаясь в шашки, раза два даже прорывал ее, но напором в штыки, на «ура» сзади следовавших войск каждый раз, хотя и большою потерею, связь была опять восстановляема. К сожалению, однако, надо сказать, что по дороге в Дарго колонна наша лишилась большей части следовавших с нею вьюков и 300 черкасских волов, предназначенных на порцию войскам, а в топи по дороге был брошен загрузший в ней мул с казною — с бочонком червонцев, а еще далее, в подобной же топи — орудие за перебитием всех лошадей и прислуги, и, наконец, у одного из завалов было брошено тело убитого генерала Пассека.

В этот день легло наших еще более накануне, рассвирепевшие страсти не знали пощады и удовольствовались лишь смертью.

В такой обстановке колонна под вечер дотянулась до поляны, где были 10-го числа усмотрены вырытыми тела наших похороненных там солдат. Здесь ее встретили войска, высланные из Дарго на помощь, которые затем уже прикрывали окончательное до лагеря отступление.

Так окончились эти в летописях Кавказской войны два достопамятные дня, результатом которых оказалось, что в Дарго почти что вовсе не было доставлено сухарей и снарядов, причем наличное число последних многим уменьшилось, а из строя выбыло около 3-х т[ысяч] человек.[393]

Н. П. БЕКЛЕМИШЕВ

ПОХОД ГРАФА ВОРОНЦОВА В ДАРГО И «СУХАРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ» В 1845 г.

(Из записок участника)

В конце тридцатых и начале сороковых годов вследствие успехов Шамиля война с кавказскими горцами все более и более разгоралась и принимала большие размеры. В 1844 г. наместником Кавказа был назначен граф (впоследствии светлейший князь) Михаил Семенович Воронцов. При этом назначении вся петербургская военная молодежь (la jeunesse doree) наперебой рванулась на Кавказ. Громкая слава и высокое положение графа М.С., заманчивость блестящих подвигов и самый характер Кавказской войны всех увлекали. К числу многих представителей самого цвета русского дворянства, собравшихся под знамены графа М.С., присоединился принц Александр Гессен-Дармштадтский (брат императрицы Марии Александровны).[394] В то время я был тоже молод и вполне увлекался поэзиею боевой веселой и приятной жизни, и в этом чаду не приходило мне на мысль писать свои записки. После сороколетнего отсутствия с Кавказа меня судьба опять занесла в этот чудный край.[395] Я застал еще в живых некоторых старых сослуживцев, много новых приобрел знакомых, и многие с любопытством требуют от меня как от очевидца рассказов о знаменитой экспедиции Воронцова в Дарго, осуждая меня за то, что я никогда не вел записок. Это поселило во мне охоту рассказать по крайней мере те эпизоды этой экспедиции, которые разыгрались у меня перед глазами или в которых мне пришлось принимать личное участие. События, подобные тем, не могут вовсе изгладиться из памяти. Постараюсь припомнить, что смогу по старости лет и давно прошедшему времени.

По прибытии в Тифлис я при графе исполнял должность адъютанта и имел несколько командировок в дальние места края, которые, дали мне возможность ближе узнать замечательную личность графа М. С., скоро сделали из меня одного из самых горячих поклонников этого историчес-

кого человека. Раннею весною на Тереке, в Гребенском полку собрался большой отряд. Назначение его было идти в Чечню и за-владеть местопребыванием Шамиля в глубине Ичкеринского леса, известного своей густотой и громадными размерами своих чинаровых деревьев. План похода был составлен так, чтобы к Дарго подойти с гор, и с этою целью отряд направился сперва в Анди, в скалистую обнаженную часть Кавказского хребта выше полосы лесов.

Вступили в Андию, взяли почти без боя с. Анди, бывшее резиденциею Шамиля до избрания им Дарго. (Шамиль сам сжег Анди. При нашем приближении у входа в селение лежал уже почерневший труп необыкновенно большого роста мужчины, бывшего старшины с. Анди, забитого палками за то, что подал голос о сдаче этого селения без боя русским.) Зной был страшный. Как известно, тесная скалистая котловина Андии обильно орошается горными речками. Неприятель почти во всех вершинах этих потоков набросал падали. От этого во всем отряде скоро открылась дизентерия, к тому же по прибытии в Андию уже стал ощущаться недостаток в съестных припасах; мы знали, что по распоряжению главноначальствующего в Дарго к нам должен был прибыть транспорт с продовольствием. Флигель-адъютанту князю Барятинскому[396] дан был в командование на время экспедиции батальон Кабардинского полка; флигель-адъютанту графу Бенкендорфу на таком же основании — батальон Куринского полка. На долю обоих выпала доля штурмовать две отдельные горы: Азал и Анчимеер. На молодецких этих штурмах оба заслужили Георгиевские кресты. Барятинский был ранен в ногу. В штурме Барятинского я участвовал в качестве охотника. Простояв несколько дней в Анди, отряд двинулся в Дарго. Перед самым выездом моим из Петербурга я познакомился с сыном Шамиля Джамалом,[397] который был отдан отцом в манаты[398] генералу Граббе перед штурмом Ахульго. Он воспитывался в первом кадетском корпусе и дал мне письмо к отцу, которое я представил главнокомандующему. Граф Воронцов послал это письмо к Шамилю. Получив письмо, Шамиль в предупреждение неблагоприятных для него толков между своими, чтоб показать, что он далек от всякого намерения вступить в переговоры с русскими, счел нужным, как говорили, вывести из ямы, где содержались несколько человек пленных офицеров, и расстрелять их картечтю. Отряд подошел к грозному Ичкеринскому лесу. Опушка оживлялась массами горцев. Можно было различить завалы. У нас строились к бою. В авангарде войска корпуса Лидерса под начальством генерала Белявского. Первые два пушечных выстрела очень удачно попали в завал и произвели там заметно сильное поражение. Тогда, не дождавшись сигнала для общего движения, как стая птиц, поднялась горсть всадников и понеслась в лес к завалу. Это блестящая молодежь, окружающая графа Воронцова, жаждущая близ-

кого столкновения с неприятелем, лучшая кровь русского дворянства закипела в этой лихой группе, во главе которой понесся брат императрицы юный принц Гессенский. Встреченные сильным огнем, они на лошадях налетели на завал, которым моментально овладели. Этот молодецкий эпизод воодушевил всех в отряде. Немедленно пошел Белявский; весело и шумно вошли в лес, густой, темный, величественный; закипела пальба, неумолкавшая весь день. Завал брали за завалом, причем приходилось все круто спускаться, что придавало этому движению какую-то поэтическую таинственность. Наконец перед нами раскрылась прекрасная долина Аргуна, освещенная в наступавшем сумраке пожаром Дарго, которое зажег Шамиль при отступлении, начав с собственного дома. В мою память врезались две сцены начала этого вторжения в Ичкеринский лес. С двух сторон крутые лесистые балки сходились своими вершинами в узком перешейке. Впереди был завал. Князь Барятинский его взял лихим штурмом, потеряв однако много людей. Тут был смертельно ранен генерал Фок. Ему не дали скатиться с кручи, оттащили с трудом в сторону, и он на другой день умер. Молодой адъютант главнокомандующего, князь Александр Михайлович Дондуков был ранен в ногу. Когда граф Михаил Семенович подошел к нему, он с торжествующим лицом показал ему пулю, которую сам из ноги вынул до прибытия доктора для перевязки. Широко раскинулся наш лагерь по природным террасам окрестностей Дарго. Все соседние вершины были заняты скопищами Шамиля.

С любопытством направляли мы наши подзорные трубки на то место, где можно было видеть Шамиля, сидящего под большим зеленым зонтом. У него по вечерам били зорю. Бодрость и веселое настроение у нас в войсках и во всем отряде были замечательные, хотя недостаток в продовольствии становился крайне ощутительным. Дизентерия распространялась; больных и раненых в отряде было уже много. Недостаток снарядов стал очень ощутителен после двух наступательных движений генералов Лабынцева и Безобразова, вблизи лагеря встреченных неприятелем упорным сопротивлением. За крайним недостатком корма лошади дошли до такого изнурения, что казаки отряда Безобразова могли повести атаку лишь небольшой рысью. После этих двух дел число раненых было уже более 500. В таком положении отряд простоял несколько дней в ожидании транспорта из Дагестана с провиантом и боевыми припасами под начальством кн. Василия О. Бебутова.[399] Недостаток пищи и дизентерия до того были сильны в войсках и до того ослабили людей, что однажды граф Воронцов потребовал пред свою ставку хор музыки, приказав музыкантам раздать по чарке водки. Несколько минут было достаточно, чтобы люди до того опьянели, что их пришлось немедленно отослать. В частях милиции и между черводарами уже были случаи смерти

от голода. Сформирована была колонна под начальством генерала Клюки фон Клюгенау из сборных мелких частей от войск всего отряда, для принятия от ожидаемого из Дагестана отряда кн. Бебутова провианта, боевых снарядов и прочих припасов. В прикрытие этих мелких частей назначены были батальон Кабардинского полка полковника Ранжевского, батальон Литовского полка полковника Кривошеина[400] и 4 горных орудия. С этой колонной на 200 вьюках отправлялись трудно раненные и больные. Передав их князю Бебутову для доставления в Темир-Хан-Шуру, генерал Клюки должен был на тех же вьюках доставить в Дарго привезенный князем Бебутовым провиант и боевые припасы. Командовать авангардом у генерала Клюки назначен был генерал Пассек, арьергардом генерал Викторов. Генерал Пассек, с которым я подружился в Военной академии, прославившийся своей личной храбростью, говорил мне, что в нем какое-то тяжелое предчувствие перед ожидаемым боем, заставившее его тогда же написать духовную. Мне дозволено было в качестве охотника идти в эту экспедицию, получившую впоследствии название «сухарной». Князь Бебутов должен был появиться со стороны обнаженных скалистых вершин гор выше лесной полосы верст в семь, преграждающей сообщение с даргинским лагерем. В нашем отряде знали, что неприятель эту лесную полосу, и по природе труднопроходимую, сильно укрепил завалами и готовился решительно воспрепятствовать нашему соединению с князем Бебутовым. Массы чеченцев и других горцев, собранные Шамилем, были чрезвычайно велики. Носились слухи, что число неприятеля значительно превышает 10000 человек. Шамиль знал о стесненном положении отряда графа Воронцова и потому вполне понимал важность, которую для главнокомандующего имеет прибытие ожидаемых из Дагестана запасов. Было очевидно, что генералу Клюки предстоял бой упорный. Уже проходил день, в который ожидался князь Бебутов. Наконец в ночь три взвившиеся ракеты возвестили о его прибытии. У нас забили утреннюю зорю, послышалась молитва. Начали седлать, размещать раненых и устраивать колонну. В горах уже послышались моезины[401] и напев молитвы, предшествующей бою. С рассветом отряд Клюгенау двинулся. Едва миновали мы передовую цепь лагеря, как вступили в лес и началась перестрелка, хотя и весьма слабая, уже не умолкавшая во весь день.

Головной батальон наш, встречая кучки неприятеля, в небольшом числе ожидавшие его в выгодных местах, обменявшись несколькими выстрелами, без затруднения подвигался вперед. Подошли к небольшому узкому перешейку между двумя оврагами. Пассек ожидал наткнуться на завал, закрытый чрезвычайно густой в этой части леса растительностью, и притаившуюся за этим закрытием кучку неприятеля, которая встретит нас залпом. Пассек шел впереди с шашкою в руках. Все за ним

с криком «ура!» перебежали перешеек и заняли противоположный берег благополучно. К общему удивлению, залпа со стороны неприятеля не было. Пролетело только несколько пуль. Пассек как будто тревожимый каким-то злым предчувствием, сказал мне: «Странно, я видел осыпающиеся листья и сучья, но пуль не слышу». Скоро для нас разъяснилось, отчего в таком удобном для обороны месте чеченцы, которые столь искусно обыкновенно пользовались местностью, тут так легко нас пропустили. Оказалось, что в то самое время Шамиль всею силою своею обрушился на наш арьергард, отделенный от нас почти на целую версту вереницею вьюков с ранеными и другими предметами обоза. В том числе везлись два гроба с телами генерала Фока и поручика Маевского.[402] Огромные массы неприятеля в глубокой тишине, совершенно укрытые густотой леса, дали всей колонне вьюков вытянуться, а арьергарду войти в небольшую топкую лощину, и тогда со всех сторон выскочив из своей засады, устремились на этот арьергард в шашки и кинжалы. Рукопашный закипел ужасный. Чеченцы рубили и кололи с ожесточением фанатизма. Русские защищались отчаянно. Но непомерный перевес в числе в тесной болотистой площадке должен был одолеть злополучный арьергард. Генерал Викторов, полковник Кривошеин, почти все офицеры и большая часть нижних чинов батальона были убиты. Артиллеристы все изрублены, два орудия взяты. Пока часть чеченцев уничтожала арьергард, другая бросилась на вьюки. Раненые и больные все были перебиты; почти все лошади достались неприятелю. Услышав учащенную пальбу и шум битвы, авангард остановился. Скоро стали подходить к нам уцелевшие от погрома арьергарда и обоза. Удостоверившись в совершенной погибели арьергарда, Пассек двинулся вперед и уже вечером пришел к отряду князя Бебутова. Теперь я не помню названия того места, где произошла эта встреча. Наступила ночь. Странное представлялось зрелище на биваке, освещаемом кострами. Подтягивались уцелевшие от вечерней резни люди, воспользовавшиеся непроглядной темнотой ночи, густотой леса и суматохой опьяневшего от кровавой победы неприятеля; там добивали раненых, глумились над трупами. В течение всей ночи на большое пространство слышны были радостные залпы, пенье молитв, неумолкаемый стук топоров, устраивающих новые завалы, чтоб нам отрезать дорогу в Дарго. У нас же люди, сзывавшие впотьмах блуждающих товарищей, кричали: «Навагинцы сюда! апшеронцы сюда! куринцы сюда!» К утру из уцелевших вьюков придачею оных от дагестанского отряда сформирован был транспорт с продовольствием и боевыми припасами. Сюда же присоединились и вьюки многих маркитантов. Сформировали новую колонну. Авангард поручен Пассеку. Во главе авангарда приказано было мне принять остаток батальона Литовского полка, много менее 100 человек. К этому при-

дано мне было человек 10 милиционеров.[403] Пассеку дано одно горное орудие; другое назначено в арьергард, который поручен командованию полковника Ранжевского с Кабардинским батальоном.

Было уже за полдень, когда мы тронулись. До половины всего леса приходилось спускаться довольно круто. Поэтому Пассек, оставаясь на горе выше меня, отдал мне такое приказание: подвигаться с пальбой. Дойдя до завала, залечь и ожидать от него сигнала. По первому выстрелу его орудия бросаться смело в штыки. Таким образом были счастливо взяты три завала. Неприятель встречал нас залпом и тотчас же очищал завал, не допуская до рукопашной схватки. Пассек непосредственно следовал за мной. Дождавшись его и немного дав людям отдохнуть, я подступал к следующему, четвертому завалу. Все шло благополучно, пока не подошли к берегу того болота, где происходила страшная катастрофа с арьергардом. Перед людьми, каким-то чудом уцелевшими от вчерашнего побоища и у которых после того еще нервы не успокоились, представилась потрясающая картина. Все пространство по край лощины было завалено трупами людей и лошадей. Все эти жертвы носили следы дикого разгула неприятеля. Распоротые животы, отсеченные руки, ноги, головы, везде еще не засохшая кровь, при сильном зловонии быстро разлагающихся трупов, все это наводило ужас и могло поколебать стойкость солдат, еще мало обстрелянных, только что прибывших из внутренних губерний России, для которых подобное зрелище было еще ново. Спуск в лощину начинался узким проходом между двумя близко стоявшими глинистыми стенами. Здесь перекинулось свалившееся большое дерево, под которым приходилось проходить. На противоположном берегу за свежим завалом виднелись стволы чеченских ружей. Вдоль мокрой лощины по самой середине между трупами лежало свалившееся огромных размеров ветвистое старое чинаровое дерево, замедлявшее переход через топкое болото и увеличивавшее трудность подступа к завалу. Огонь неприятельский совсем умолк. По сторонам было совершенно тихо. Отдохнув и собравшись с духом, двинулись мы к спуску. Предвидя залп с завала, я видел надежду на малую потерю в возможно быстром перебеге через овраг, что и объяснив людям, я закричал: «Молись Богу! ура!» перекрестился и бросился вперед. Все закричали «ура!», но никто не двинулся с места, кроме одного офицера, совершенно юного, по-видимому, только что выпущенного из корпуса. Он машинально молча исполнял долг службы и с шашкою в руках бросился со мной, но был, видимо, сильно нравственно потрясен. Отбежав с размаху несколько шагов, с горы я увидел, что за нами никто не следует. Я понял, что у этих людей, уже ослабевших физически, за несколько лишь часов до того выскочивших из такой бойни, нервы отказывались преодолеть панический страх, внушаемый им этой местностью. Я возвратился и, не обнару-

живая негодования , указал на малочисленность видимых стволов из-за завала и на полную тишину по сторонам, вторично бросился вперед. Повторилась та же сцена: кричат «ура!», но никто ни с места. Я понял, что не мог внушить людям никакого доверия. Я был молод; никто меня не знал; люди видели меня в первый раз. Признаюсь, я растерялся. Я чувствовал, что готов разрыдаться. Около меня был в эту отчаянную минуту, к изумлению моему, неизвестный мне унтер-офицер Апшеронского полка, высокий, седой, с густыми усами, на рукаве несколько шевронов, вся грудь в крестах и медалях. Выдвинулся он из всех, как будто из земли вырос, и стал лицом к нам, спиною к неприятелю. Он показался мне необыкновенно величественным и красивым и моментально всей душой к нему я потянулся с непостижимым доверием. Я чувствовал, что он понял мое беспомощное положение, и старый воин сжалился надо мной. С лицом не только спокойным, но даже веселым обратился он ко мне: «Ваше высокоблагородие, какие это солдаты! это московские бабы. Бросьте их! Они нам не нужны! пожалуйте за мной» (Люблинский полк был 6-го корпуса,[404] только что пришедшего из Москвы). И, повернувшись от люблинцев, закричал «ура!» и побежал вперед. С чувством безотчетной радости последовал я за ним. До того впечатлительна была эта сцена, вид этого необыкновенного человека, простая его речь и уверенность, с которой он говорил, что как будто по какому-то волшебству в одно мгновение из нас составилась порядочная кучка. Все мои солдаты вдруг как будто переродились, воскресли духом и с удивительным воодушевлением дружно ринулись за апшеронским унтер-офицером. Кроме них оказались с нами неожиданно появившиеся несколько человек азият милиционеров и еще какие-то незнакомые личности. Все это закричало «ура!» и побежало вниз по болоту. Здесь множество обезображенных окровавленных трупов лежали грудами. С трудом перебрались мы через них и через ветвистые сучья свалившегося чинара. В это время с противоположного берега по нам открыли учащенную пальбу. Сколько из нас тут погибло — не могу определить, потому что не знаю даже, сколько у меня было людей при выступлении. Но когда я перелез благополучно через болото и страшные жертвы, его покрывающие, я, пользуясь небольшим обрывом берега у подножия завала, приостановился, чтоб собрать перебирающихся через препятствия товарищей и, немного отдохнув, устремиться на завал. В несколько минут мы поднялись, влезли на берег и беспрепятственно заняли место, покинутое неприятелем, который засел в густом валежнике, служившем ему завалом. Но пока мы перебирались через овраг, все кругом нас внезапно приняло новый вид. Густой лес, в котором царила мертвая тишина, вдруг оживился и оказался занятым бесчисленным неприятелем, притаившимся в непроглядном лесу. Со всех сторон бегут толпы

чеченцев и горцев с оглушающим криком, на многих в виде трофеев накинуты русские мундиры от убитых. В неистовстве рубят трупы, распарывают животы даже у лошадей, доканчивают еще живых. Одни бросаются на нас, другие навстречу Пассеку, появившемуся на берегу оврага. Его окружают, одновременно врываются в колонну вьюков. Везде рубят, режут, стреляют, повсюду крик, стоны, и в несколько минут все превращается в неописуемый хаос.

Длинная колонна вьюков, служившая лакомой добычей, скоро перешла в руки неприятеля. Погонщики перебиты или переранены. Скоро мимо нас потянулись вереницы людей всякого звания, солдаты, маркитанты, денщики, почти все изувеченные, окровавленные, обезумевшие от ужаса. Я вспомнил, что немного выше по горе была небольшая поляна. Я двинулся туда. Там застал я нестройную толпу большею частью раненых людей, которые безотчетно тянулись по направлению к лагерю. Густая опушка была усеяна горцами, которые, взобравшись на деревья, потешались расстреливанием полумертвых проходящих. На площадке удалось остановиться и устроиться. Составил я каре, два фаса — один лицом к пройденному болоту и другой — вдоль дороги из литовцев; третий поручил спасителю моему апшеронскому унтер-офицеру составить из людей, проходящих мимо разных полков в красных воротниках. Он принялся так энергично хватать за шиворот и раздавать полновесные тумаки, что растерянные, ошалевшие и озадаченные его тоном люди чужих полков безотчетно ему повиновались, и очень скоро составилась плотная третья стена нашего каре.

В это время я встретил юнкера саперного батальона Абрамовича. Совсем юноша, стройный, красивый, с веселым и совершенно хладнокровным выражением лица. В такую минуту общего смятения и одурения, когда никто не понимает, что ему говоришь, я так обрадовался такой встрече, что чуть не бросился к Абрамовичу на шею. «Где ваши люди?» — я у него спросил. «Я один, со мною бывшие люди — не знаю живы ли. Я их не вижу». «Ну, все равно становитесь сюда и всех проходящих с ученым кантом останавливайте и составьте четвертую стену каре». Очень скоро Абрамович это исполнил. Между тем молодой офицер Литовского полка установил цепь и очистил опушку леса. На площадке водворился порядок. Умолкли выстрелы. Лишь изредка просвистывала пуля. Мой каре стоял как живая цитадель, мимо которой проходили, как чудовищные окровавленные тени, раненые и отбившиеся от своих частей одиночные люди. От площадки начинался спуск в Дарго. Узкая дорога тянулась версты три. На всем этом расстоянии падали беззащитные жертвы фанатизма неприятеля, который добивал с трудом бредущих раненых. В нашей колонне слышан был шум битвы. Генерала Клюки мы не видели. От проходящих узнали мы, что Пассек убит на том месте, где

его видели на краю оврага. В него выстрелил чеченец в упор из пистолета. Падая, Пассек бросил бумажник близ него случившимся солдатам Навагинского полка, которые тут же были изрублены. Полковник Ранжевский убит; большая часть его батальона истреблена; почти все офицеры убиты, вьюки почти все отбиты. К вечеру пошел проливной дождь, положивший конец бою, продолжавшемуся почти без перерыва целые сутки. К концу дня мой каре усилился многими добровольно приставшими к нам людьми. Видимо, во время подобного общего погрома горсть людей, не упавших духом, внушала доверие и многие поняли, что безопаснее остановиться возле нас, нежели спешить в лагерь. Поздно вечером к нам на выручку пришел капитан князь Орбелиани, убитый под Севастополем,[405] с ротою не припомню какого полка. Расспросив меня о положении дел, он поспешил к арьергарду. Чувствуя, что я добросовестно исполнил свой долг, видя уже безопасность дальнейшего пребывания на этом месте, я снялся с позиции и пошел в Дарго. Теперь не припомню, удалось ли остаткам храброго батальона Ранжевского отстоять орудия, но помню, что капитан князь Орбелиани застал остатки этого геройского батальона, отчаянно отстаивавшего тело своего начальника, которое и было на другой день с надлежащею почестью предано земле в селении Дарго. Для этого выбрана была полууцелевшая сакля, в которой закопали покойника и саклю зажгли, чтобы скрыть место могилы. Не помню, вынесли ли тела Пассека, Викторова, Маевского и орудие. Когда я подошел к аванпостам лагеря, была ночь. Мне объявили приказание главнокомандующего, чтобы я явился прямо к нему, что я и сделал. Граф Воронцов сидел в ставке, окруженный всеми генералами отряда. Когда я вошел, граф встал и подал мне руку. Не посмел я принять ее, сказав: «Ваше сиятельство, я весь мокрый, в крови и грязи» (я не был ранен, кровь на мне была не моя, это я вымазался, перелезая через груды убитых людей и лошадей, еще не застывших). «Это такая грязь, которая не марает», — ответил граф и обнял меня. Я был тронут до слез таким приемом. Никогда не забуду этой минуты. Граф продолжал: «Я знаю, как вы себя вели; нам рассказывали приходящие оттуда. Нам предстоит трудное дело. Сквозь Ичкеринский лес, занятый большими массами неприятеля, воодушевленного успехами последних дней, надо пробиться до нашей границы на протяжении более 80 верст. Раненых у нас более 1000 человек; патронов и зарядов мало. Главная тяжесть обрушится на арьергард. Лучшей награды я не могу вам дать, как назначение вас на все время этого отступления бессменно в арьергард. Завтра из остатков 3-го и 2-го батальонов составится один, над которым вы примете начальство. Теперь рассказывайте подробно, что у вас происходило сегодня».

Услышав мой рассказ про апшеронского унтер-офицера, про юнкера Абрамовича, про донского казака Попова, который во все время от

меня не отходил и у которого убили лошадь, граф приказал мне их себе представить. Граф благодарил их за службу и выказанную храбрость, подарил унтер-офицеру золотые часы и 10 полуимпериалов, так как на нем уже были два Георгиевских креста. Юнкеру пожаловал Георгиевский крест и высказал много лестного. Юноша был, видимо, тронут и счастлив. Заметив, что у казака шинель прострелена, граф дал ему Георгиевский крест и сказал: «Сосчитаем, сколько у тебя окажется дыр в шинели, столько тебе золотых». Оказалось 11. При выходе от главнокомандующего меня ожидали товарищи, которые наперебой зазывали к себе, осыпали расспросами, кормили и поили. Я был так доволен и счастлив, что не чувствовал устали и уже на рассвете, стащив с себя мокрое белье, заснул как убитый. Так кончилась эта злополучная экспедиция, прозванная «сухарной».

Весь следующий день во всех частях лагеря шли деятельные приготовления к дальнейшему походу. 13 июля отряд снялся, перешел через Аксай и поднялся на левый высокий берег реки. Арьергард оставался долго на той площади, где стоял лагерь. В этот день выпросился в арьергард состоявший при графе Воронцове флигель-адъютант сын фельдмаршала Паскевича. Его обожгла пуля, но он никогда не хотел в том сознаться из скромности, находя такую рану слишком незначительной. По нас, то есть в арьергард, стрелял Шамиль из трех орудий, к счастью нашему, не картечью. Когда я стал отступать, неприятель стал надвигаться ближе. Брод был глубок, выше пояса. При быстроте горной реки невозможно было отстреливаться, чем воспользовались смельчаки из чеченцев, и, войдя в воду с моей цепью, залегли под обрывами противоположного берега и тем укрылись от огня войск, стоявших наверху. Эти джигиты ловко воспользовались временем, пока мы взбирались на гору. Я отделался необыкновенно счастливо. Моя лошадь пропала в «сухарной экспедиции». Казак сказывал, что она убита вместе с его лошадью. Мне дал лошадь князь Виктор Васильчиков.[406] Я подымался зигзагами на берег, когда один из прилегших под кручей в меня выстрелил, но мне в спину не попал; пуля, пройдя через всю заднюю лопатку под хребтом, выскочила выше пахвей[407] у самого седла. Бедное животное еще имело довольно силы, чтобы меня вынести на гору, потом зашаталось и задрожало; заметя это, я соскочил; лошадь повалилась. Тут застал я следующую сцену: командир Кабардинского полка полковник Козловский (Викентий Михайлович) не был одарен словом, но любил держать солдатам речь. Он имел привычку между слов говорить «так!», «как!»; он стоял на самом краю высокого берега, совершенно равнодушный к тому, что выставлял себя мишенью для неприятеля. Держал он речь солдатам о том, что ежели кому суждено быть убитым, то следует товарищам перекреститься и на-

крыть покойника ветками. Несколько раз повторял он: «Так братцы! как! накрыть, как!» Только что подошел я к нему, как пуля ударила его в ногу, но не ранила, только громко щелкнула. Он даже не вздрогнул, только как бы досадуя на то, что перебивают его речь, выговорил; «Фу ты пропасть!» и продолжал: «Как! покрыть ветками, так!» Невольно даже мы все засмеялись; до такой степени этот человек был обстрелян и на его нервы мало имели влияния опасность и близость смерти.

Отряду предстояло следовать вдоль левого берега р. Аргуни до крепости Герзель-аул 80 верст. Местность на всем этом пути не изменяла своего характера. За исключением немногих прогалин и оврагов, по которым сбегали горные притоки реки, везде шел густой лес, преимущественно громадных чинар и орехов, переплетенных диким виноградом и другими вьющимися растениями. Во весь путь мы имели слева непроглядный лес высокого гористого берега реки. Дорога шла не везде аробная. Встречались места, доступные только всаднику, и то на местной лошади. Справа — р. Аргунь; противоположный берег был тоже лесист, но встречалось более открытых мест. Применяясь к однообразию такой местности, боевой порядок на все время до Герзель-аула был неизменно тот же. Поперек дороги — авангард, по бокам — цепи и арьергард, замыкающий колонну. Таким образом отряд находился как бы в ящике. Но главное затруднение составляло непомерное число раненых, носимых на носилках. На носилки раненых необходимо было не более[408] как по 6-ти человек, а раненых при выступлении из Дарго было более 1200 человек. Вообще дорога была узка. Колонна растянулась версты на три. Недоставало войск для образования на таком протяжении боковых цепей, взамен которых по всей колонне были размещены небольшие команды солдат. Отряд представлял печальную массу людей всех видов и сословий. К обыкновенным полковым и штабным обозам прибавлялись расстроенные вьюки многочисленных маркитантов, прислуга погибших генералов и офицеров, черводары, оставшиеся без своих начальников, милиционеры расстроенных дружин. Немалое бремя составляли более десяти орудий, остающиеся без зарядов. Такое трудное и слабо прикрываемое следование отряда не могло ускользнуть от зоркости неприятеля; часто небольшая кучка удальцов, врывалась в середину раненых и почти безоруженных людей; они производили страшное опустошение и беспорядок, пока на помощь погибающим не подоспевали ближайшие конвойные.Таким образом чуть не погиб флигель-адъютант граф Бенкендорф. Его несли раненого. В трудном месте выскочило несколько чеченцев. Носильщики мгновенно были изрублены, и раненый сброшен с носилками с горы. Его спас крутой наклон места, по которому он покатился. Чеченцы начали его рубить, но быстрота, с которой он катился, не дала им возможности наносить полновес-

ных ударов. В числе других бросившихся его спасать был его товарищ по полку конногвардеец по фамилии, кажется, Шепинг (хорошо не упомню), которому тогда сильно порубили обе руки. С переходом через Аргунь при выходе из Дарго трудный момент для моего арьергарда миновался благополучно; под сильным огнем открытое пространство, где стоял лагерь, пройдено, переправились через реку, взобрались на высокий берег; присоединились к главным силам отряда. Началось дальнейшее отступление. В течение этого дня и следующего ничего особенно замечательного у меня не происходило. Перестрелка не умолкала, выбывали люди из рядов, но до шашек и штыков ни разу не доходило. Шамиль останавливал движение отрядов множеством завалов, которые приходилось один за другим штурмовать. Против авангарда генерала Белявского, состоящего из войск 6-го корпуса генерала Лидерса, у неприятеля было два орудия, через реку три орудия били в бок колонны по мере ее прохождения. Арьергард преследовало два орудия.

Около полудня на вторые сутки отступления арьергард находился на возвышении, с которого видна была колонна на большое расстояние. Мы видели, как из левой цепи слабый батальон Куринского полка пошел в штыки против густого скопища неприятеля; он был встречен страшным залпом и опрокинут. Нам было видно, как от этого завала попадали люди, как чеченцы кинулись в шашки. Это и была атака, в которой ранен граф Бенкендорф. В этот же день, увидав близко проносимого раненого полковника Бибикова (командира Навагинского полка) в носилке, обтыканной ветками от жары заботливостью его солдат, я подошел спросить, как он себя чувствует? Раненый сидел полулежа. В руке держал портрет жены. Я со слезами на глазах на него посмотрел. Не успел он мне сказать слово, как из-за меня раздался сильный залп. Листья посыпались, несколько пуль щелкнуло в носилку; я видел, как несколько других ударили в него. Он слабо вскрикнул, опустил голову, махнул рукой безнадежно, показал мне, что пули пронизали ему желудок, и упал на бок мертвый. Я, к изумлению моему, остался нетронут.[409]

15-го числа отряд продвигался с теми же затруднениями. В лазаретах недоставало перевязочных средств. Раненые терпели страшно. Уже давно перенося голод, большая часть людей в обозе и без того ослабленных от дизентерии, доходила до крайнего изнурения. Граф Воронцов постоянно ходил по колонне, разговаривая с ранеными, ободряя упавших духом. Он подходил к нам в арьергард, когда к нему подошел один из его адъютантов и доложил следующее: «Войска авангарда, находясь третий день в непрерывном бою, вырывая у неприятеля завал за завалом дошли до такого изнурения, что упали духом. Подошли к холму, на котором видно за завалом сильную партию чеченцев и два орудия. Расслабление телесное и нравственное так велико, что люди легли, готовые без сопро-

тивления дать себя зарезать чеченцам. Тщетно пытались генералы Белявский, Гурко, сам корпусной командир Лидерс ободрить их к последнему напряжению сил. Все убеждения их остались тщетными. Все генералы порешили просить его сиятельство, окружив себя небольшой толпой людей, еще оставшихся здоровыми, пользуясь темнотой наступающей ночи, пробраться на нашу линию и тем сохранить для края и дальнейшего ведения войны жизнь главнокомандующего. Их же со всеми остающимися в отряде предоставить неминуемому истреблению, как на то судьба войны». Выслушав адъютанта, граф, в которого с лихорадочным любопытством впились сотни глаз окружавшей его толпы, не изменяя спокойного лица, громко сказал: «Еще далеко до беды, у меня есть кабардинцы»; и, обратясь ко мне, приказал вызвать трех охотников себе в телохранители. Рванулись многие. Я пустил только трех, в том числе одного юнкера. Бодро и быстро пробирается граф сквозь нестройную массу обоза. Дойдя до головы колонны, он увидел собравшихся на совещание начальников. Батальоны, большая толпа раненых и всякого звания люди лежали. При появлении графа все начали вставать. «Лежать! Лежать!» — крикнул он. Немного поговорив с генералами, обратился он к войску. Тут произошла сцена, которую не суждено мне было видеть, но передававшие мне ее очевидцы говорили, что передать впечатление этой минуты невозможно никаким описанием. Говорят, что тут Воронцов был истинно великолепен. Все соединилось, чтобы придать ему чарующее величие. Высокая благородная наружность, седина волос, большой белый крест на груди, спокойное полуулыбающееся лицо, боевая слава его имени, торжественность минуты: все соединилось, чтоб потрясти самого равнодушного человека. Солдаты встали. «Ну что, — сказал граф. — Отдохнули! Молись Богу! Ура! За мной!» И выхватив турецкую саблю, которую носил в походе, побежал к завалу. Мгновенно встрепенулось все. Не только батальоны, раненые, маркитанты, денщики, черводары, все, кто только тут был, все в каком-то опьянении закричали — «ура!», и как поток прорвавшейся плотины, ринулись вперед, опередили Воронцова. Загремели барабаны, холм обнялся дымом, грянули залпом два неприятельских орудия, затрещала сильная стрельба. Завал был взят. Неприятель со своими пушками ушел. Все смолкло.

Взятие этого пункта доказало, однако, невозможность продолжать наступление. Очевидно было, что войска сверхъестественным напряжением последних сил взяли гору, но более уже ничего дать не могут. Было решено остановиться и потребовать помощь с линии. Между тем слух о предложении, сделанном графу Воронцову, чтобы, пользуясь темнотой ночи, уйти на линию, предоставив отряд лютости торжествующего неприятеля, успел облететь по всему отряду и мог , конечно, всех встрево-

жить. В предупреждение общей паники пред вечером издан был от главнокомандующего приказ. К сожалению, он у меня не сохранился, но содержание его было следующее: «Всем видно положение нашего отряда. Мы окружены громадным числом неприятеля, воодушевленного успехом. Раненых у нас более 1500 человек. Продовольствия нет. Зарядов почти не остается. Идти далее невозможно. Небольшому числу из нас, еще здоровых, собравшихся в смелую кучку, может быть, и удалось бы прорваться к нашим границам, пользуясь темнотой ночи, но для этого пришлось бы бросить раненых товарищей. Конечно, никто такого греха на свою душу не возьмет, а менее всех я. Все еще не потеряно. Я послал известить о нашем положении генерала Фрейтага. Всем известна распорядительность этого генерала. Я уверен, что он нас выручит. Но ежели же нам суждено, умрем здесь, как подобает русским воинам, и дорого продадим свою жизнь. А дабы в таком случае ничего не досталось неприятелю, порежем наши палатки и белье на бинты для раненых; остальное истребим». Приказ этот возымел ожидаемое действие. Все ободрились, исполнились геройским духом, которым дышали слова главнокомандующего. Весь следующий день прошел в истреблении имущества и в приготовлении к отчаянному бою. Твердая решимость умереть, геройский и воинственный энтузиазм, охвативший всех, был поразителен. Во всем отряде закипела работа. Резали палатки, вьюки, жгли и истребляли все, что не могло служить для перевязки раненых и неудобно было нести на себе. Надевали чистое белье. Остальное раздавали раненым. Чистили и исправляли оружие. Костры поддерживали, бросая со смехом в огонь вещи, до тех пор казавшиеся необходимыми. Вообще оживление сделалось поразительное. Между тем к генералу Фрейтагу были посланы трое молодцов, вызвавшихся ему доставить депешу. В таких случаях депеша пишется на бумажке, опускаемой в ствол ружья. Ежели бы случилось наткнуться на опасную встречу, посланный выстреливает, чтоб записка не попалась неприятелю. так было с первым посланным. Чеченец, уничтоживший депешу выстрелом, явившись к Фрейтагу, который был на фуражировке, верст за 20 от кр. Грозной, передал ему на словах о бедственном положении отряда. Делая нужные распоряжения к немедленному выступлению в Ичкерию, Фрейтаг приказал чеченца арестовать, объявив ему, что ежели через несколько часов его показания не подтвердятся, он будет повешен. Второй посланный без вести пропал. Третий благополучно доставил приказание спешить на выручку. Фрейтаг взвалил на пушки сколько было можно хлеба. С замечательной быстротой, возможной только таким войскам, как кавказские, прошел более 100 верст и на второй день пришел к большому аулу Шаухал-Берды, где мы его ожидали как спасителя. Отряд наш занимал на отлогой покатости площадку, менее версты вдоль реки Аргунь. В тес-

ном пространстве столпился лагерь. Ставка главнокомандующего стояла на самом краю высокого берега. Около него поместились палатки штаба. Шамиль подвез три орудия и стал стрелять по лагерю. Граф приказал на том месте оставить свою палатку, а прочим стать вдали и по возможности врозь, дабы представлять меньше цели неприятелю. По необходимости арьергард был расположен у самой опушки леса. Цепь, вдвинутая в лес, берегла небольшое число оставшихся патронов, и потому нам пули чеченцев причиняли много вреда. Мы избегали собираться в большие кучки. Для обедов ложились по два и по три человека. Обеды эти состояли из неспелой кукурузы и разных трав, которые солдаты собирали, и еще из не совсем израсходованного чая; сахаря уже не было.

Я полюбопытствовал взглянуть на графа Воронцова и срисовать его ставку на этом историческом месте; я долго горевал о том, что довольно удачный этот набросок в наступивших передрягах затерялся. Но помню, как стояла эта палатка, на которую к концу дня упросили графа дозволить накинуть бурку, чтоб белый цвет ее представлял менее цели для неприятеля, обе полы этой палатки были развернуты. У входа стоял значок графа. Ружья караула в козлах. У внутренней стены граф лежал на складной кровати и читал английские газеты, несмотря на то, что Шамиль не переставал в эту столь заметную цель посылать гранаты и ядра.

Не могу не упомянуть о следующем эпизоде, тут произошедшем. Один из кавказских героев, известный своею храбростью генерал Лабынцев, был закален опасностями кавказской войны, на которой он провел безотлучно десять лет и любил рассказывать, что в течение этого времени он почти ежедневно видит только смерть, кровь и опять кровь и смерть. Такая жизнь притупила его нервы, и нрав выработался мрачный и недовольный. Опыт внушал ему мало доверия к военным способностям других, в особенности приезжих из Петербурга. Он не стеснялся в выражениях при высказывании своего мнения. В графе Воронцове он видел вельможу, аристократа и, как будто забывая прежнее служение Михаила Семеновича на полях битвы, отзывался о нем хотя без брани, но как будто говорил: «Где ему?» Для каких-то распоряжений генерал Лабынцев был потребован к главнокомандующему. Пока граф передавал приказание, упала в самом близком от них расстоянии граната, которая долго шипела и не лопалась. Граф с полным спокойствием продолжал говорить, и, когда граната лопнула и осколки пролетели мимо, не задев их, на лице его не дрогнула ни одна жилка; он глазом не моргнул. Лабынцев, все время зорко за Воронцовым наблюдавший, обнял его и расцеловал. С этой минуты он стал его большим поклонником и про него говорил: «Однако он солдат!»

Наконец 18 июля к вечеру показался отряд Фрейтага. Не все могли разобрать даже в подзорные трубки, что на горизонте видно войско, но солдаты простыми глазами различали дым перестрелки в цепи. Перед самой ночью Фрейтаг заявил о своем прибытии сигнальными ракетами и пушечными вытрелами. Радость во всем отряде была неописанная. На следующий день последовала следующая диспозиция. С рассветом отряд выступает. Мне с арьергардом оставаться на своем месте, пока не будет из главных сил подан сигнал к отступлению. При моем батальоне остаются два горных орудия и два полевых гренадерской бригады; им в прикрытие одна рота Литовского полка.[410] Но части эти были крайне слабы. В батальоне было 350 человек. Не помню, в роте насчитывалось ли более 80-ти человек. Мне сказано было, что по известной у горцев тактике, как только я стану сниматься с позиции, они на меня непременно насядут всей массой, и потому недалеко за аулом при впадении ручья в р. Аргунь, в густо заросшем месте будет поставлена рота Кабардинского полка, в виде резерва, которая должна нас принять. Согласно диспозиции отряд двинулся на соединение с Фрейтагом. Как надо было ожидать, в арьергарде тогда же началась усиленная перестрелка. Скоро строй стал заметно редеть. Раненые стали уходить, провожавшие их не возвращались. Убитые лежали там, где их заставала смерть. Из батальона выбыло уже три офицера. Один убит. Гвардейский поручик Лапа, раненный в руку, после перевязки оставался в фронте. Сообщение друг с другом возможно было только ползком. Опушка леса была занята большим числом неприятеля: человек, вставая на ноги или показываясь из травы или бурьяна, представлял слишком видную цель на близком расстоянии. Горная артиллерия стояла у меня на правом фланге линии фронта. Полевые орудия — в центре. При горных орудиях уже ранены и убиты были три лошади. Если выбудет еще, не на чем будет поднять орудия. Люди продолжали выбывать. Офицер, командующий взводом полевых пушек, подошел ко мне и, показывая пулю, засевшую у него в грудную кость, просил позволения оставить орудия, он едва держался на ногах от боли. При этом обратил мое внимание на большую убыль в прислуге при орудиях. Было уже около трех часов дня. Сигнала отступать не подавали; я понимал, что неприятель ожидал начала нашего отступления, чтобы ударить в шашки. Тогда при большом его численном перевесе, при сильном изнурении у нас людей, остающихся от все выбывающих из строя, при дурном состоянии кремневых ружей, у которых после нескольких дней беспрерывного боя кремни оббились, полки отсырели, мы не отстоим орудий. Кроме того, меня затрудняла неизвестность местности за аулом. Сходить посмотреть я не смел, опасаясь, чтоб не подумали, что ухожу. Минута была крайне трудная. Если отправить всю артиллерию в отряд, немыслимо дать ей прикрытия. Открыть учащенную

пальбу последними зарядами по опушке леса, чтоб хотя на короткое время оттеснить чеченцев? Это принесло бы лишь весьма кратковременное облегчение, после которого неприятель с большою яростью мог броситься на орудия. Я, мысленно призвав Бога на помощь, решился отослать сперва два горных орудия, а немного позже два других без прикрытия, к главным силам отряда. Самим же после оставалось свято исполнить приказание не сходить с места до сигнала, а если так нам суждено — то умереть на этом месте. Отослав орудия, я дал приказание, как только услышится сигнал, всем подняться и перебежать площадь, где стоял лагерь. Там нас примет с этой целью поставленная рота кабардинцев. Было уже около 6-ти часов вечера, когда раздался столь жадно ожидаемый сигнал. Все вскочили и побежали. В ту же минуту оживилась вся опушка леса. Со всех сторон с гиком устремились на нас массы чеченцев, стараясь окружить нас. Миновав аул, я, к изумлению моему, не увидел роты. Но перед нами предстал густой лес, в котором вправо к реке кипел ожесточенный рукопашный бой. Мы остановились в опушке и начали отстреливаться. Осмотревшись, мне сделалось понятно, что мы находимся у впадения горного притока в реку. В глубине густо обросших берегов шумел горный ручей, при стоке коего была поставлена кабардинская рота, долженствовавшая прикрыть наше отступление. Сильная партия неприятеля, видимо, в надежде тут завладеть пушками, когда будут переходить через это место, полагая их еще при арьергарде, переправилась вброд через Аргунь и, притаившись в чаще леса, выжидала появления арьергарда. Как только раздался сигнал, партия эта набросилась на слабую роту, которая в несколько минут почти вся легла. Покончив с нею, рассвирепевшие чеченцы лезли к нам слева от реки. Наши ружья не стреляли: полки отсырели. Отбивались штыками и прикладами. В это время с правой стороны послышался неистовый крик и гикание; с горы спускалась другая толпа неприятеля. Впереди с шашкою в руке, бешено крича, бежал гигантского роста тучный мужчина, которого первого и прикололи штыками. Незаметно в этой свалке мы сбились на дно топкого ручья. Пули летали со всех сторон. Дым от густоты растений не расходился, падающие люди причиняли замешательство. Я крикнул: «Вперед, обратно наверх!» С криком: «наверх! ура!» все бросились обратно наверх. Можно было осмотреться. Нельзя было не удивляться и не благоговеть перед солдатами, которые в разгар такой суматохи настолько сохраняют присутствие духа, что в состоянии понимать все делающееся вокруг них и могут исполнять команду начальника. В то самое время грянули пушечные выстрелы и прошипела в листьях картечь. Вспомнив, что на другом берегу реки у Шамиля три пушки, я понял, что настал для нас конец и вот он час смерти. Но в ту же минуту из леса вышли свежие люди в чистых рубахах и стрельба замолкла. Это

был пришедший с Фрейтагом батальон Кабардинского полка. Нельзя описать чувство внезапной радости моей и какого-то душевного успокоения моего при такой волшебной перемене всей картины. Генерал Фрейтаг, увидав во рву кипящий бой как в котле и со всех сторон теснящих нас неприятелей, пустил через наши головы несколько картечных выстрелов. Атака, поведенная на наш правый фланг с горы, выяснилась впоследствии следующими сведениями: отряд Фрейтага подвигался. По мере продвижения перестрелка у него становилась сильнее и сильнее. Наконец подошел он к высокому холму, стоявшему последней преградой между ним и отрядом Воронцова. На холме стоял известный своей отвагой Эльдар, один из любимых мюридов Шамиля. У него два орудия и большое скопище чеченцев, тавлинцев и других горцев. К нему на совещание приехали другие мюриды. Они обсуждали вопрос, допустить ли соединение отрядов или до последней крайности сопротивляться этому. Эльдар сказал, что в трудные минуты войны Фрейтаг всегда бывает непонятно счастлив, и поэтому решил удерживать наступление Фрейтага до тех пор, пока он не сделает последние приготовления к штурму. Тогда очистить ему дорогу и орудия увести в горы. Так и было исполнено. Уже барабаны были готовы забить наступление, как, к общему удивлению, неприятель ушел и Фрейтаг, заняв гору, построил свои войска большим четырехугольником. Эльдар со своим скопищем стал в лесу выше русских отрядов. Там кто-то сказал: в первый раз Эльдар струсил. Вскипела азиатская кровь от такого оскорбления. «Эльдар струсил? — вскричал он в бешенстве. — Так пусть же, кто не трус, идет за мной». И бросив ружье, выхватил шашку и как сумасшедший побежал с горы прямо на наш арьергард и нанеся в толпе несколько ударов, на наших штыках пал героем. За ним поднялась целая электрически его примером возбужденная толпа, нахлынувшая на нас, и которая, поддержанная с двух других сторон, скоро бы с нами покончила, когда бы не подоспевшая картечь Фрейтага и прибежавшие к нам на выручку его кабардинцы. Не помню, кто командовал пришедшим батальоном. Сдав ему свой пост и немного оправившись, подобрав раненых и тело убитого офицера, потянулся я к соединенным отрядам. Уже было темно, когда мы пришли на бивак. Устроив своих раненых, я отыскал остатки своих вьюков. Чрезвычайное напряжение во время событий дня меня поддерживало, но когда моя деятельность кончилась, я почувствовал такую усталость и так ослабел, что с трудом мог ходить. К тому же я был страшно голоден. В моем хозяйстве решительно ничего съестного не осталось. Я отыскал Фрейтага и спросил чего-нибудь поесть. «Я, — говорит, — так и думал и нарочно для тебя спрятал под подушкой кусок хлеба». Хлеба не оказалось. Общий голод был так велик, что кто-то у генерала из палатки этот кусок украл.[411] Тогда увидав огонек на кухне главнокомандующего,

я туда направился. Граф помещался в солдатской палатке, привезенной Фрейтагом. В серебряной кастрюле готовил ему повар манную кашицу на бульоне. В последние дни все в отряде понимали, что ежели не устроить арьергард и неприятель массой ворвется в колонну, то уже пощады не будет никому. Поэтому я сделался популярен, в особенности у всех нестроевых. Узнав меня, повар низко мне поклонился и с чистосердечием сказал: «Ну уже дай вам Бог здоровья, послужили всем нам. От мала до велика каждый из-за своей шкуры молил Бога сохранить вас. Уж я как не голоден, а не позволю себе взять, ежели от его сиятельства что останется. Вот я им готовлю кашицу. Только и есть, вот какое время подошло! Извольте пока тут присесть». Тут подошел капитан генерального штаба Гейден (что ныне финляндский генерал-губернатор) и тоже голодный, как я. Сели мы и жадными глазами смотрели на кастрюльку. Понесли ее графу. Когда вынесли, повар вылил кашицу в тарелку и мы принялись ее уничтожать, граф как-то узнал об этом и приказал сказать нам, чтобы мы к нему вошли, но с своей тарелкой. Он обнял меня, с любопытством расспрашивал о подробностях дня; веселый и как будто беззаботный: «Садитесь и доканчивайте вашу кашицу, более ничего не имею предложить вам; разве вот изюм и кахетинское, которого Фрейтаг мне привез несколько бутылок, а вместо стаканов, которых у меня нет, вот мой озарпеш».[412] В походе при нем всегда казак за поясом носил серебряный азарпеш на случай, если бы ему захотелось напиться воды из попадавшегося на дороге родника; этот азарпеш княгиня Елизавета Ксаверьевна[413] впоследствии у него для меня выпросила в память нашего незабвенного исторического ужина. Я его, конечно, храню как святыню. На другой день граф объезжал и благодарил войска. Из всего моего батальона в строю осталось 120 человек. Мы снялись после полудня и без боя дошли до крепости Герзель-аул, откуда уже войска пошли на свои квартиры. Так кончился этот поход, известный под названием Даргинской экспедиции, замечательный по большому составу войск, принимавших в нем участие, по большим потерям, в этом походе понесенным, и по большому влиянию, которое он имел на дальнейший ход войны. Не помню, сколько тогда потеряли нижних чинов, но знаю, что штаб- и обер-офицеров из строя выбыло 800 человек. Генералов убито 3: Пассек, Викторов и Фок, и ранен корпусной командир Лидерс камнем в лицо. Все уцелевшие от оружия неприятеля долго болели общим расстройством организма.

За этот поход графу Воронцову пожалован был титул светлейшего князя.[414]

КОММЕНТАРИИ

Предлагаемые комментарии, безусловно, не претендуют на статус всеобъемлющего исследования корпуса мемуаров, посвященных Даргинской экспедиции. Написание такой работы — дело будущего. Мы комментировали прежде всего те места текста мемуаров и прежних комментариев, в которых допущены фактические ошибки и неточности. Комментируются также упоминаемые в текстах военные и политические события, происходившие как до, так и после 1845 г. Приводятся сведения об исторических реалиях, имеющих значение для понимания специфики Кавказской войны. Большое внимание в комментариях уделено вопросам установления авторства текстов. Значительный объем комментариев составляют биографические справки на лиц, упоминаемых в текстах, прежде всего на участников Даргинской экспедиции. В процессе поиска биографических данных наряду с опубликованными материалами привлекались и документы архивов. Это послужные и формулярные списки, алфавиты (ФФ. 395, 400, 489 Российского государственного военно-исторического архива), а также дела о дворянстве и списки кавалеров различных орденов, в которых указаны имена и отчества офицеров, а часто и даты смерти (Российский государственный исторический архив, ФФ. 1343 и 496). В комментариях указаны чины на момент начала экспедиции и особо отмечается производство в следующие чины за участие в ней. При этом следует иметь в виду, что многие участники были произведены в следующие чины главнокомандующим (с последующим утверждением императором) в ходе самой экспедиции — с этим связаны разночтения в чинах, когда разные мемуаристы пишут об одном и том же лице. Фамилии лиц, упоминаемых мемуаристами, оставлены в авторском написании; разночтения и исправления приведены в комментариях.

НОРОВ В. Н.

Б.М. Колюбакин считал, что воспоминания принадлежат Василию Николаевичу Норову, служившему в 1845 г., как он предполагал, в Куринском полку и при одном из штабов. Удалось выяснить, что в Даргинской экспедиции участвовал некий Норов — капитан 3-го саперного батальона. За взятие Дарго он

был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом (приказ № 87 от 14 августа 1845 // Приказы по Отдельному Кавказскому и 5-му пехотным корпусам за 1845 г. Тифлис. 1846; далее указываются только номер приказа и дата) и за участие в боях на пути от Дарго к Герзель-аулу произведен в чин майора (РГВИА, ф. 14719, оп.2, д.924, л.47). В материалах капитула ордена Св. Анны за 1845 г. указано, что к 1855 г. он стал полковником 2-го резервного саперного батальона и был награжден орденом Св. Анны 2 степени (РГИА, ф. 496, оп.3 д.198, л.60 об-61). А в материалах капитула того же ордена за 1855 г. названы его имя и отчество — Владимир Николаевич. Там же указано, что в 1853 г. он был награжден орденом Св. Георгия 4 ст., в 1854 — орденом Св. Владимира 4 степени, и на основании высочайшего приказа от 3 сентября 1860 г. уволен от службы генерал-майором с пенсионом полного оклада. В 1889 г. он проживал в селе Ключи Чембарского уезда Пензенской губернии (РГИА, ф. 496, оп. 3, д. 167, лл. 309, об-310). Эти данные позволяют с большой долей вероятности утверждать, что автором мемуаров был В.Н. Норов. Позднее Б.М. Колюбакин изменил свое мнение, решив, что эти мемуары принадлежат адъютанту М.С. Воронцова В. Н. Нечаеву (см. об этом вступительную статью к настоящему изданию).

1. В 1717 по приказу Петра I в Хиву отправился 5-тысячный отряд под командованием кн. А. Бековича-Черкасского, который должен был склонить хивинского хана перейти в подданство России. Конечной целью экспедиции была Индия. Однако Петр I не оставил на этом попыток закрепиться на Каспии. В 1722 — 1723 был предпринят Каспийский поход, в результате которого Россия получила, хотя и ненадолго, западное побережье Каспия.

2. Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) — генерал от инфантерии, в 1816–1827 был командиром Отдельного Грузинского (с 1820 — Кавказского) корпуса и одновременно управлял гражданской частью на Кавказе; с 1827 в отставке, с 1831 член Государственного совета, в 1855 избран начальником Московского ополчения.

3. Шамиль (1797 или 1799–1871) — 3-й имам Чечни и Дагестана (1834–1859), в 1859 взят русскими войсками в плен.

4. 1840 — нападение на укрепления Черноморской береговой линии и восстание в Чечне; 1841 — нападение Шамиля на Аварию; 1842 — неудачная экспедиция П.Х. Граббе в Ичкерию; 1843 — захват Шамилем Аварии, разгром русских войск в Северном Дагестане, восстания в шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве. В 1844 на сторону Шамиля перешел генерал-майор русской службы, султан Елисуйского княжества Даниэль-бек. Правительство считало, что покончить с сопротивлением горцев можно одним ударом, в декабре 1844 Николай I утвердил план захвата Дарго.

5. Нейдгарт Александр Иванович (1784–1845) — генерал-адъютант (с 1825), генерал от инфантерии (с 1841), был начальником штаба Гвардейского корпуса, генерал-квартирмейстером Главного штаба, в 1842–1844 командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Закавказском крае, с 1845 член Военного совета.

6. Головин Евгений Александрович (1782–1858) — генерал от инфантерии (с 1839), в 1837–1842 главноуправляющий Закавказским краем и Кавказской областью и командир Отдельного Кавказского корпуса, в 1845–1848 — генерал-губернатор Прибалтийского края, с 1848 член Государственного совета.

7. После Даргинской экспедиции было принято решение отказаться от масштабных наступательных действий. Ставка была сделана на медленное продвижение в горы, сооружение постоянных укреплений, постройку дорог, мостов, вырубку лесов. В 1847 кн. М.С. Воронцов наметил взять в Дагестане сразу три укрепленных пункта: Гергебель, Салты и Ириб. Штурм Гергебиля дорого обошелся русскому командованию. Воронцов дважды штурмовал укрепление, но обе попытки закончились неудачно, он вынужден был отступить. Русское командование списывало свою неудачу на холеру, распространившуюся тогда в лагере Воронцова. Но причина поражения была в том, что Воронцов недооценил противника и пришел штурмовать Гергебиль с «крайне недостаточными осадными средствами». «Поражение под Гергебилем, — по мнению Н.И. Покровского, — показало Кавказскому командованию его ошибки: они были учтены в следующей осаде. К Салтам русские войска подошли уже... хорошо снаряженными, имея все, что требовалось для серьезной продолжительной осады», но взять это укрепление удалось только спустя 2 месяца. В результате обеих экспедиций русские войска понесли большие потери: «...число жертв, поглощенных этой осадой, и безрадостная перспектива еще больших потерь в будущем уже говорили о бессмысленности всего плана прорыва в горы...» (Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000, с. 419). Гергебиль был взят только в 1848. Предпринятая в 1849 кн. Аргутинским-Долгоруковым осада аула Чох стоила русским войскам больших жертв, но успеха не имела.

В начале 1850-х годов «империя» Шамиля переживала период кризиса, «процесс распада, ярко выраженный в 1851–1852, несколько затормозился» (там же, с. 452). Продолжавшаяся с 1853 по1855 Восточная война не способствовала активным действиям против Шамиля, они возобновились только после ее окончания.

8. Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — граф, за Даргинскую экспедицию получил титул князя, с 1852 светлейший князь; генерал от инфантерии (с 1825), генерал фельдмаршал (с 1856); в 1823–1854 новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1844–1854 главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказский.

Согласно указу Николая I от 31 января 1845 гр. М.С. Воронцов получил права главнокомандующего армией. Права эти были сформулированы в приложенной к указу «Высочайше утвержденной выписке из проекта устава о правах и власти главнокомандующего армией». По этим правилам главнокомандующий в военное время «представляет лицо императора и облекается властью его величества». В военное время он может без всякого различия звания и чина отрешать от должности, высылать из армии и предавать военному суду. В

мирное и военное время он имел право на окончательное утверждение смертных приговоров, лишение чинов и гражданскую смерть по военным судам (это касалось всех чинов до полковника включительно, дела, касавшиеся генералов, отправлялись военному министру). В военное время главнокомандующему было предоставлено право давать нижним чинам знаки отличия Военного ордена и право производить на поле сражения унтер-офицеров в офицеры, производить офицеров в чины до капитана армии (или соответствующего ему чина) включительно, награждать орденами Св. Георгия 4 ст., Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 ст., Св. Анны 3 ст. с бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» Св. Станислава 2 и 3 ст., золотыми шпагами, саблями и полусаблями с надписью «за храбрость» (АКАК, Т. 10, с. 310).

Битва при Краоне — Краон небольшой город во Франции. 23 февраля (7 марта)1814 там состоялось сражение между русской пехотой, которая прикрывала отступление армии Блюхера, с превосходящими вдвое силами Наполеона. Русские войска под командованием Воронцова в течение нескольких часов мужественно выдерживали атаки французов и отступили с поля сражения в полном порядке, нанеся противнику большой урон. Обе стороны считали себя победителями. За сражение под Краоном Воронцов был награжден орденом св. Георгия 2-й степени. В этом сражении участвовал и генерал-майор А.Х. Бенкендорф, дядя К. К. Бенкендорфа.

9. Лидерс Александр Николаевич (1790–1874) — граф (с 1862), генерал-адъютант (с 1849), генерал от инфантерии (с 1843), с 1837 командовал 5–м пехотным корпусом; позднее командующий Южной армией (1855), в 1861–1862 исправляющий должность наместника в Царстве Польском и временный главнокомандующий 1-й армией, с 1862 член Государственного совета.

10. В связи с резким обострением обстановки на Кавказе в конце 1843 было принято решение о переводе 13-й и 15-й пехотных дивизий 5-го корпуса, а именно 24 батальонов пехоты по 700 штыков и 5-го саперного батальона, на Кавказ (высочайший рескрипт Нейдгардту от 18 декабря 1843). Войска эти прибыли на Кавказ к маю 1844. Помимо этого с 1841 на Кавказе находилась 14 пехотная дивизия из состава того же 5-го пехотного корпуса. После Даргинской экспедиции было принято решение о выводе войск 5-го пехотного корпуса на свои постоянные квартиры в Новороссийский край. Одновременно на основе вторых и третьих батальонов 13-й и 15-й пехотных дивизий и 14 батальонов 14-й пехотной дивизии были сформированы новые полки — два пехотных (Дагестанский и Самурский) и два егерских (Ставропольский и Кубанский). (Подробнее об этом см. Гизетти. Хроника кавказских войск, СПб., 1896, с. 94–96.)

11. Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович (1797–1855) — князь, представитель древнего грузинско-армянского рода, генерал-лейтенант (с 1845), в 1845 командующий войсками в Южном Дагестане и в уездах Кубинском и Дербентском (с 1844), командовал Самурским отрядом; позднее генерал-адъютант (с 1848), с 1847 командующий войсками в Прикаспийском крае и управляющий в нем гражданской частью.

12. Фрейтаг Роберт Карлович (1802–1851) — генерал-майор (с 1842); в 1840–1842 командир Куринского егерского полка, в 1842–1848 начальник левого фланга Кавказской линии, одновременно в 1844–1848 командовал 20-й пехотной дивизией; за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-лейтенанты; с 1848 генерал-квартирмейстер Действующей армии.

13. Евдокимов Николай Иванович (1804–1873) — граф (с 1859), генерал-адъютант (с 1859), генерал от инфантерии (с 1861), одна из ключевых фигур завершающего этапа Кавказской войны; в конце 1830-х — начале 1840-х был адъютантом у генерала Клюге фон Клюгенау; в 1845 полковник, командир Волгского казачьего полка, не принимал участия в Даргинской экспедиции; в 1855–1860 начальник левого фланга Кавказской линии, в 1860–1865 начальник Кубанской области и командующий войсками Западного Кавказа.

14. Клюге фон Клюгенау Франц Карлович (1791–1751) — генерал-лейтенант (с 1844), в 1839–1844 командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане, с 1841 командир 1-й бригады 19 пехотной дивизии, в 1845–1846 командир 19-й пехотной дивизии, в 1846–1849 командир 21-й пехотной дивизии.

15. Пассек Диамид Васильевич (1808–1845) — генерал-майор (с 1844), в 1844 командир Апшеронского полка, с ноября 1844 командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии; убит 11 июля.

16. Лабынцев Иван Михайлович (1802–1883) — в 1845 генерал-майор (с 1839), начальник 14-й пехотной дивизии, за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-лейтенанты и назначен в 1846 начальником 19-й пехотной дивизии; в 1838–1842 командир Кабардинского егерского полка; после Даргинской экспедиции командовал несколькими дивизиями, с 1856 командовал 1-м армейским корпусом, генерал от инфантерии (с 1859).

17. Козловский Викентий Михайлович (1797–1873) — в 1845 полковник, командир Кабардинского егерского полка (1842–1847), за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры; позднее генерал от инфантерии (с 1866), в 1853–1856 командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, в 1856–1858 начальник правого крыла Кавказской линии, с 1858 член генерал-аудиториата Военного министерства.

Кабардинский полк на момент Даргинской экспедиции официально назывался Егерским генерал-адъютанта князя Чернышева полком.

18. Ксеркс — персидский царь из династии Ахеменидов (486–465 г. до н.э.), обладавший огромной армией. А.М. Дондуков-Корсаков в своих мемуарах пишет, что «армией Ксеркса» называли отряд «старые кавказцы». По его словам, они видели в огромной свите графа и сопровождавшем ее обозе важное препятствие для движения в труднопроходимых лесах Ичкерии (А.М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания, 1845–1846 // Осада Кавказа. СПб., 2000, с.459–460).

19. Русская Старина, 1910, № 4, с. 187.

20. В 1836 состоялось высочайшее повеление о ежегодном командировании от расположенных в Европейской России войск строевых офицеров для изучения «малой» войны в горах. Офицеры назначались по жребию и на год прико-

мандировывались к частям Отдельного Кавказского корпуса (Павлюк К. История 51-го пехотного Литовского полка, 1809–1909. Т. I. Одесса, 1909, с. 293). А.М. Дондуков-Корсаков неодобрительно отзывался об этой практике в своих мемуарах. Он полагал, что командированные офицеры, в первую очередь гвардейские, получали награды, чины и командные должности в ущерб «старым кавказцам». После Даргинской экспедиции Воронцов испросил высочайшее повеление об отмене таких командировок. Желавшие служить на Кавказе должны были переводиться в кавказские полки. Мерой этой, с одной стороны, кавказские войска освежились новым прочным элементом офицеров, «... а, с другой, мера эта приобрела главнокомандующему огромную популярность между кавказцами» (А.М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания, 1845–1846 // Осада Кавказа, СПб., 2000, с. 409).

21. Барятинский Александр Иванович (1814–1879) — князь, в 1845 полковник лейб-гвардии Гусарского полка, адъютант наследника цесаревича, во время Даргинской экспедиции был прикомандирован к Кабардинскому егерскому полку и командовал его 3-м батальоном, ранен 14 июня; позднее генерал-адъютант (с 1853), генерал-фельдмаршал (с 1859); в 1847–1850 командир Кабардинского егерского полка, в 1856–1862 наместник Кавказский и главнокомандующий Кавказской армией, с 1860 член Государственного совета.

22. Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) — князь, в 1845 поручик, состоящий по кавалерии, был чиновником по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом (с августа 1844); позднее — генерал от кавалерии (с 1878), генерал-адъютант (с 1869), в 1846–1852 адъютант главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, в 1859–1863 начальник штаба Донского казачьего войска, в 1882–1890 командующий Кавказским военным округом и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

23. Бебутов Василий Осипович (1791–1858) — в 1845 генерал-лейтенант (с 1843), командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане (с февраля 1844), командир Дагестанского отряда; позднее генерал от инфантерии (с 1856); с 1847 начальник гражданского управления Закавказского края, с 1853 командующий действующим корпусом на кавказско-турецкой границе, с 1855 управляющий гражданской частью на Кавказе и за Кавказом и командующий войсками Отдельного Кавказского корпуса, не входившими в состав действующего корпуса, с 1858 член Государственного совета.

24. Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794 — 1866) — генерал от инфантерии (с 1853), декабрист, с 1817 служил на Кавказе, командир 5-го пехотного корпуса с 1835, в 1837–1847 в отставке, командир Гренадерского корпуса с 1848, в 1854–1856 — наместник на Кавказе и командующий Отдельным Кавказским корпусом, в период Крымской войны руководил взятием крепости Карс, за что и получил титул Карского, член Государственного совета с 1856.

25. Меликов Леван Иванович (1817–1892) — князь, в 1845 капитан, состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе, начальник Тифлисской пешей дружины, за участие в Даргинской экспедиции произведен в майоры;

позднее генерал-адъютант (с 1861), генерал от кавалерии (с 1869), в разные годы командовал войсками Лезгинской кордонной линии, войсками в Прикаспийском крае и в Дагестанской области, с 1880 помощник главнокомандующего Кавказской армией, с 1882 член Государственного совета.

26. Колюбакин имеет в виду, по-видимому, Григория Дмитриевича Орбелиани. Орбелиани Григорий Дмитриевич (1800–1883) — князь, в 1845 подполковник, затем полковник Грузинского гренадерского полка, данных об участии в Даргинской экспедиции нет (Акты Кавказской Археографической комиссии, Т. X, и некролог в «Русском инвалиде», 1883, №75); позднее генерал от инфантерии (с 1861), генерал-адъютант (с 1857), в 1847–1850 командир Апшеронского полка, в 1852–1857 командующий войсками в Прикаспийском крае, в 1857–1860 председатель Совета кавказского наместника, затем тифлисский генерал-губернатор, член Государственного совета. Участниками этой экспедиции были несколько представителей княжеской фамилии Орбелиани, в том числе Д.Ф. Орбелиани, И.Д. Орбелиани, Н. Д. Орбелиани.

27. Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899) — князь, в 1845 юнкер Кабардинского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в прапорщики; позднее генерал-адъютант (с 1864), генерал от инфантерии (с 1873), в 1857–1859 командир Кабардинского полка, в 1863–1867 кутаисский генерал-губернатор, в 1875–1880 помощник наместника Кавказского, с 1880 член Государственного совета, в 1881–1882 командующий войсками Харьковского военного округа.

28. Николаи Александр Павлович (1821–1899) — барон, в 1845 младший чиновник особых поручений при Воронцове (с 1844), за Даргинскую экспедицию получил чин надворного советника; в 1863–1874 начальник Главного управления наместника Кавказского, в 1881–1882 министр народного просвещения, член Государственного совета (с 1875); автор мемуаров.

29. Гейден Федор Логгинович (1821–1900) — граф, в 1845 штабс-капитан генерального штаба, состоял при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом, за Даргинскую экспедицию получил чин капитана; позднее генерал-адъютант (с 1862), генерал от инфантерии (с 1870), в 1866–1881 начальник Главного штаба, в 1881–1897 финляндский генерал-губернатор, с 1881 член Государственного совета.

30. Леонтьев Яков Леонтьевич — в 1845 штабс-капитан генерального штаба, состоял при Отдельном Кавказском корпусе, ранен 7 июля, за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны; позднее дивизионный квартирмейстер 21-й пехотной дивизии. Колюбакин путает его с начальником Николаевской Академии Генерального штаба Александром Николаевичем Леонтьевым.

31. Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881) — в 1845 подполковник генерального штаба, старший адъютант 5-го пехотного корпуса; позднее генерал-адъютант (с 1874), генерал от инфантерии (с 1868), с 1859 председатель Военно-кодификационной комиссии, начальник штаба армии, действовавшей в 1877–1878 на Дунае, с 1878 член Государственного совета.

32. Вревский Ипполит Александрович (1813–1858) — в 1845 подполковник, во время Даргинской экспедиции получил в командование Навагинский пехотный полк, в том же году произведен в полковники; позднее генерал-лейтенант; в 1845–1850 командир Навагинского полка, с 1852 начальник Владикавказского военного округа, с 1856 командующий войсками Лезгинской кордонной линии.

33. Гейман Василий Александрович (1823–1878) — в 1845 прапорщик 16-го Грузинского линейного батальона, прикомандированный к Кабардинскому полку, за Даргинскую экспедицию произведен в подпоручики; позднее генерал-лейтенант (с 1872), начальник 20-й пехотной дивизии; герой войны 1877–1878.

34. Орбелиани Илья Джамбакурьянович (Дмитриевич) (1818–1853) — князь, в 1845 штабс-капитан, состоял по армии и при Отдельном Кавказском корпусе, командир грузинской конной милиции, за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны, позднее генерал-майор (с 1852), с 1851 командир Грузинского гренадерского полка.

Колюбакин ошибается в дате смерти И.Д. Орбелиани.

35. Яшвиль Владимир Владимирович (1815 —1864) — князь, в 1842 за дуэль разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ, в 1845 корнет, состоял по кавалерии и при Отдельном Кавказском корпусе, за Даргинскую экспедицию переведен прежним чином штабс-ротмистра в лейб-гвардии Гусарский полк; позднее генерал-майор (с 1858), командир лейб-гвардии Гусарского полка, в 1863–1864 военный губернатор в Вильно.

36. Колюбакин Николай Петрович (1810–1868) — в 1845 капитан Нижегородского драгунского полка, адъютант начальника Черноморской береговой линии, во время Даргинской экспедиции был прикомандирован к Куринскому полку, за Даргинскую экспедицию произведен в майоры с состоянием по кавалерии и при Отдельном Кавказском корпусе; позднее генерал-лейтенант (с 1861), в разные годы был кутаисским и эриванским губернатором, управляющим Мингрелией, с 1863 сенатор.

37. Гагарин Александр Иванович (1801–1857) — в 1845 полковник, адъютант Воронцова (с 1833); позднее генерал-лейтенант (с 1854); в 1847–1850 военный губернатор Дербента и управляющий Дербентской губернией, в 1850–1854 кутаисский военный губернатор и управляющий гражданской частью, 17 сентября 1855 во время неудачного штурма Карса командовал одной из колонн и был тяжело ранен; в 1856 назначен кутаисским генерал-губернатором, смертельно ранен сванетским князем Константином Дадешкилиани 22 октября 1857.

38. Васильчиков Сергей Илларионович (1822–1860) — князь, в 1845 поручик лейб-гвардии Конного полка, адъютант Воронцова (с 1845), ранен 16 июля; за Даргинскую экспедицию произведен в штабс-ротмистры; позднее генерал от кавалерии.

39. Бенкендорф Константин Константинович (1817–1858) — граф, в 1845 флигель-адъютант (с 1839), полковник (с 1844) лейб-гвардии Конного полка, командирован для участия в Даргинской экспедиции, в ходе нее командовал 1-м

батальоном Куринского егерского полка; позднее генерал-адъютант, генерал-майор (с 1849); с 1847 военный агент в Берлине, в 1856–1858 чрезвычайный посланник при Вюртембергском дворе.

40. Гессенский Александр (1823–1888) — принц, брат великой княгини, впоследствии императрицы Марии Александровны, жены Александра II; с 1840 по 1851 находился на русской службе, в 1845 генерал-майор, состоял при 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии, в Даргинской экспедиции находился при штабе Воронцова; в 1852 перешел на австрийскую службу.

41. Воронцов Семен Михайлович (1823–1882) — сын М.С. Воронцова; до 1847 служил по гражданскому ведомству, затем перешел на военную службу, участник экспедиции в Дарго; позднее генерал-майор (с 1852), в 1851–1852 командир Куринского егерского полка.

42. Строганов Александр Сергеевич — граф, в 1845 флигель-адъютант, состоял при штабе Воронцова.

43. Паскевич Иван Федорович (1782–1856) — граф Эриванский (с 1828), светлейший князь Варшавский (с 1831), генерал-фельдмаршал (с 1829), в 1827–1831 командир Отдельного Кавказского корпуса, с 1832 наместник в Царстве Польском.

44. Паскевич Федор Иванович (1823–1903) — светлейший князь Варшавский, сын И.Ф. Паскевича, в 1845 поручик лейб-гвардии Преображенского полка, флигель-адъютант, состоял при штабе Воронцова; позднее генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

45. Голицын Александр Сергеевич (? — 1885) — князь, в 1845 полковник, состоящий по артиллерии, с 1840 был чиновником для особых поручений при Воронцове; позднее генерал-майор (с 1851), состоял при Отдельном Кавказском корпусе, с 1853 состоял при Министерстве внутренних дел.

46. Ираклий Грузинский — князь, по сведениям Б.М. Колюбакина состоял при штабе Воронцова, вероятно Ираклий Александрович (1827–1882) — князь, затем светлейший князь Грузинский, внук Ираклия II.

47. Сколков Иван Григорьевич (1814–1879) — в 1845 капитан-лейтенант Гвардейского экипажа, адъютант начальника Главного морского штаба, состоял при штабе Воронцова; позднее генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

48. Витгенштейн (Зейн- Витгенштейн- Берлебург) Эмилий Карл Людвиг (1724 — 1878) — князь, в 1845 капитан гессенской службы, сопровождал принца Александра Гессенского на Кавказ; позднее генерал-майор (с 1856); с 1849 на русской службе, с 1849 по 1852 адъютант Воронцова, с 1856 до 1863 жил за границей. В 1866 вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта — в русско-турецкую войну 1877–1878 находился в составе Императорской главной квартиры.

49. Иедлинский Альберт (Адальберт) Артурович (ок.1813 —1878) — родом из Галиции, сводный брат гр. Е.К. Воронцовой (урожд. Браницкой); начал службу в австрийской армии, в 1845 перешел на русскую службу, в чине поручика состоял по кавалерии и был прикомандирован к Отдельному Кавказскому корпусу; позднее генерал-лейтенант, вся его служба проходила

на Кавказе, в 1861–1863 начальник Владикавказского военного округа, затем старший помощник начальника Кавказской кавалерийской дивизии, с 1876 состоял при главнокомандующем Кавказской армией

Мемуаристы часто называют его Едлинским.

50. Беклемишев Николай Петрович (1814 — 1894) — в 1845 ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, адъютант кн. И.Ф. Паскевича, командированный для участия в экспедиции против горцев, за Даргинскую экспедицию получил чин полковника; позднее генерал-лейтенант (с 1866), в 1847–1848 исправляющий должность начальника центра Кавказской линии, в 1849–1857 командир Башкиро-Мещерякского войска, в 1858–1862 наказной атаман Астраханского казачьего войска, с 1887 назначен состоять при войсках Кавказского военного округа.

51. Бальмен, де, Яков Петрович (1813–1845) — граф, ротмистр Гусарского наследника цесаревича полка, адъютант генерала Лидерса; хороший рисовальщик; убит 14 июля.

52. Аммосов Александр Николаевич (1823–1866) — выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1845 юнкер Люблинского егерского полка, ординарец генерала Лидерса, ранен 6 июля; позднее полковник, в 1849 был адъютантом А.Н. Лидерса, с 1861 состоял по особым поручениям при временном главнокомандующем 1-й армией (Лидерсе), в 1863–1866 управляющий Волынской палатой государственных имуществ; поэт, автор стихотворения «Хас-Булат удалой», ставшего позднее песней. Б. М. Колюбакин ошибается в дате смерти Аммосова.

53. Мильковский Евгений Петрович — в 1845 полковник генерального штаба, обер-квартирмейстер 5-го пехотного корпуса, исправляющий должность начальника штаба этого корпуса, в Даргинской экспедиции — начальник штаба Чеченского отряда; позднее обер-квартирмейстер 5-го и 1-го пехотных корпусов; вышел в отставку в 1861 в чине генерал-лейтенанта.

54. Левисон Роберт Петрович — офицер с 1824, в 1845 подполковник генерального штаба, квартирмейстер 13-й пехотной дивизии, обер-квартирмейстер Чеченского, затем Главного действующего отряда, убит 6 июля.

Некоторые мемуаристы ошибочно называют его Левиссоном или Левинсоном.

55. Дельвиг Николай Иванович (1814–1870) — в 1845 штабс-капитан генерального штаба, за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны; позднее генерал-лейтенант (с 1863), в 1854–1855 командир Владимирского пехотного полка, затем начальник штаба корпусов, начальник дивизий.

56. Колюбакин Борис Михайлович (1853 — не ранее 1917) — генерал-лейтенант, военный историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба, начальник архива Николаевской академии Генерального штаба.

57. Мюридизм — идеология движения горцев Кавказа, главными элементами которой является объявление войны неверным и утверждение шариата.

Мюрид — дословно означает «искатель правильной дороги» или «ученик, желающий учиться». Существовали две группы мюридов: 1) мюриды по тари-

кату, посвящавшие себя целиком служению религии, были скорее монахами. 2) мюриды наибские — то есть верные наибам и имаму лица, выполнявшие административные и военные поручения. Они находились на содержании у наибов или имама. Русские использовали иногда этот термин для обозначения всех горцев, боровшихся под знаменами имамов.

Тарикат (от арабского «таррика» — дорога, путь) означает метод мистического познания и религиозно-нравственного совершенствования суфия (мусульманского мистика). Особое значенне в тарикате имеют отношения учителя и ученика (шейха и мюрида). Изначально форма тариката, проникшая на Кавказ, не носила агрессивного характера, это было скорее учение монахов, чем воинов. Однако в интерпретации Шамиля и его сторонников тарикат приобрел агрессивный характер, путь человека к богу в кавказском тарикате связывался с религиозной войной.

58. В середине XVI в. под покровительство России был принят кабардинский князь Темрюк, этот акт был закреплен в 1561 женитьбой русского царя Ивана IV на его дочери, получившей при крещении имя Мария. Русское присутствие в Предкавказье и поддержка его со стороны местных владетелей могли серьезно противодействовать распространению турецко-татарской экспансии на Северном Кавказе и до некоторой степени сдерживать натиск со стороны Турции в Закавказье. Долгое время это событие расценивалось как начало присоединения Кабарды и Кавказа в целом к России. В настоящее время подобная трактовка пересматривается, прежде всего историками Кабардино-Балкарии. Автор мемуаров считает началом русско-кавказских отношений поход воеводы князя Андрея Хворостинина в Дагестан 1594 года. Поход этот был предпринят в целях защиты от набегов шамхала Тарковского Иверии (части Грузии), которая по соглашению с Ираном входила в сферу интересов России (царь Федор Иоаннович титуловал себя «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей»). Поход этот удивительно напоминает Даргинскую экспедицию. Князь Хворостинин взял столицу шамхала — Тарки, но обещанной помощи со стороны иверийского царя Александра не дождался. Между тем русские войска сильно страдали от голода, болезней и нападений горцев. Закономерным итогом этого стало отступление, во время которого погибло три четверти отряда.

59. Ираклий II (1720–1798) — царь Кахетии (с 1844) и Картлинско-Кахетинского царства (с 1762), в 1783 заключил Георгиевский трактат о покровительстве Грузии со стороны России.

60. Речь идет о Георгиевском трактате, заключенном между Россией и Грузией 24 июня (4 июля) 1783 г. Согласно этому договору Грузия разрывала свои вассальные отношения с Персией и становилась вассалом России.

61. После убийства в 1747 Надир-шаха Иран вступил в полосу острого политического кризиса, страна фактически распалась на части. Ага-Мухаммед-хану из племени каджаров, жившему на севере Ирана, удалось с помощью жестокого террора восстановить единство страны. В 1795 Ага- Мухаммед-хан

совершил опустошительный набег на Грузию. В 1796 он провозгласил себя шахом. Но через год во время очередного похода в Закавказье в результате заговора он был убит.

Ага-Мухамед-хан Каджар (1742–1797) — шах Ирана с 1796, основатель династии Каджаров.

62. Дария (Дареджан) (1734–1807) — грузинская царица, третья жена Ираклия II.

63. Георгий XII (1746–1800) — царь Картлинско-Кахетинского царства с 1798, сын грузинского царя Ираклия II.

Автор ошибочно называет его Георгием XIII.

64. Речь идет о манифесте Александра I от 12 сентября 1801 г. «Об учреждении внутреннего в Грузии управления». Согласно этому манифесту грузинская династия Багратидов лишалась престола и в Грузии вводилась русская администрация.

65. Надир-шах (1688–1747) — шах Ирана с 1736.

66. Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806) — князь, генерал-лейтенант (с 1801), генерал от инфантерии (с 1804), с 1802 Астраханский военный губернатор и главнокомандующий в Грузии.

67. Гюлистанский мирный договор, подписанный с Ираном 12 (24) октября 1813, закрепил завоевания России на Кавказе. Иран признал вхождение в состав России Дагестана, Восточной Грузии, а также Карабахского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышинского ханств.

68. Адрианопольский мирный договор, подписанный 2 сентября 1829 г., завершил русско-турецкую войну 1828–1829. По этому договору Россия получала дельту Дуная и побережье Черного моря от устья Кубани до Поти, а также Ахалцыхский пашлык с крепостями Ахалцых и Ахалкалаки. Согласно четвертой статье этого договора Турция отказывалась от претензий на все земли в Закавказье, ранее отошедшие к России. По условиям Туркманчайского мирного договора, подписанного 10 февраля 1828 г., завершившего русско-персидскую войну 1826–1828, Россия получила Эриванскую и Нахичеванскую провинции.

69. Кази-Мулла (Кази-Магамад, Гази-Магамед) (1792– 1832) — 1-й имам Чечни и Дагестана (с 1830).

70. Розен Григорий Владимирович (1782–1841) — барон, генерал-адъютант (с 1818), генерал от инфантерии (с 1826); в 1831–1837 командир Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданской частью и иностранными делами в Грузии, Армянской области, в губернии Астраханской и Кавказской области.

71. Гамзат-бек (1789–1834) — второй имам Чечни и Дагестана (с 1832).

72. Хаджи-Мурат (Хаджи Мурад ал-Авари ал-Хунзахи) (конец 1790-х — 1852). В 1834 участвовал в заговоре против имама Гамзат-бека, в 1837 перешел на сторону Шамиля, был его наибом. С 1851 на русской службе, в 1852 вернулся к Шамилю и через некоторое время был убит в перестрелке.

73. Гурко Владимир Осипович (1795–1852) — генерал-лейтенант (с 1837), в 1842–1845 командующий войсками Кавказской линии и Черномории, в 1845 начальник главного штаба войск, на Кавказе находящихся; позднее генерал от инфантерии (с 1851), начальник главного штаба всех резервных и запасных войск гвардии и армии. Сын его — Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901) — во время Русско-турецкой войны 1877–1878 командовал отрядом, с 1894 генерал-фельдмаршал.

74. Шварц Григорий Ефимович (1791 — не ранее 1850) — с 1844 генерал-лейтенант, начальник Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии, в 1845 командовал Лезгинским отрядом; в 1847 за жестокое обращение с солдатами отдан под суд, в 1850 исключен из службы без права въезда в столицы.

75. Нестеров Петр Петрович (ок.1805 —1854) — генерал-майор (с 1845), в 1842–1846 комендант крепости Владикавказ; позднее генерал-лейтенант (с 1850), в 1846–1848 начальник Владикавказского военного округа, в 1848–1850 командующий 20-й пехотной дивизии и начальник левого фланга Кавказской линии.

76. Имеется в виду поход отряда П.Х. Граббе на резиденцию Шамиля Ахульго в 1839.

77. Белявский Константин Яковлевич (1802–1857) — генерал-майор (с 1840), с 1841 командир 2-й бригады 15-й пехотной дивизии, 1845 после Даргинской экспедиции назначен состоять по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом; позднее генерал-лейтенант (с 1849), с 1847 кутаисский военный губернатор и управляющий гражданской частью, в 1850–1854 начальник 2-й, а затем 18-й пехотных дивизий, с 1854 сенатор.

78. Даниель-бек (? —1870) — Елисуйский султан (с 1830), один из кавказских владетелей, генерал-майор русской службы (с 1843), в 1844 перешел на сторону Шамиля, в 1859 вновь перешел на сторону России.

Даниель-бек был наследственным владетелем султанства Елисуйского, управляя им с 1830. Он находился на русской службе, имел чин генерал-майора и, оставаясь в основном независимым во внутренних делах своего владения, формально подчинялся начальнику Джаро-Белаканской области, куда входило султанство. Ситуация вокруг султанства, как и вообще на Кавказе, серьезно обострилась после реформы сенатора П.В. Гана. В ходе этой реформы в 1840 была предпринята попытка ввести на Кавказе гражданское управление, идентичное управлению российских губерний. Султанство было превращено в участок, а сам Даниель-бек — в участкового заседателя. Резкий протест султана вынудил отменить реформу, однако султан стал требовать подтверждения своих наследственных прав, что русские власти сделать категорически отказывались. Ситуацию обостряла и личная неприязнь Даниель-бек и начальника Джаро-Белаканского округа Г.Е. Шварца, который (как и его брат, спровоцировавший в 1820 бунт Семеновского полка) вовсе не отличался ни тактом, ни дипломатическими способностями (Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.VII. Тифлис, 1872). Итогом конфликта стал переход Даниель-бека на сторону Шамиля. В.А. Бельгард, сам участвовавший в экспедиции 1845 г., пишет о командире Отдельного

Кавказского корпуса Нейдгардте, что «в отношении туземного населения он отличался полным незнанием быта и обычаев, а потому делал бестактности, приводившие к прискорбным последствиям. Так, например, на своих балах он для увеселения гостей заставлял молодого султана Елисуйского танцевать лезгинку, не зная того, что по их правилам высший не должен танцевать перед низшими. Султан лезгинку танцевал, но, считая это за унижение своего достоинства, полагал, что главный начальник края умышленно его оскорбляет и подготовляет этим к лишению его звания. Это повело к тому, что он завел отношения с Шамилем. Когда измена султана обнаружилась, пришлось покорный дотоле Елису брать штурмом, а султан бежал в горы и сделался нашим непримиримым врагом» (Бельгард В.А. Автобиография, воспоминания. СПб., 1899, с. 44).

79. Ронжевский (Ранжевский) Иосиф Антонович — в 1845 полковник (с 1844), командир 2-го батальона Кабардинского егерского полка, убит 11 июля.

80. Суслов Александр Алексеевич (1807–1887) — в 1845 майор, командующий Гребенским линейным казачьим полком (с 1842), за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники; позднее генерал-лейтенант (с 1858), с 1849 начальник Сунженской линии, в 1850–1852 командир 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, затем начальник Эриванского отряда.

81. Гасфорд Густав Христианович (1794–1874) — генерал-лейтенант (с 1840), с 1840 командовал 15-й пехотной дивизией, с декабря 1844 по май 1845 временный командующий левым флангом Кавказской линии; позднее генерал от инфантерии (с 1853), в 1851–1861 генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса.

82. Банк — низкий укрепленный парапет или вал без амбразур, поэтому стрельба осуществляется поверх него.

83. Постройка укрепления Герзель-аул была начата в 1840. Норов в воспоминаниях писал, что Герзель-аул существовал не более 4 лет. На этом основании Колюбакин датировал рукопись 1845–46 годами, это видно в том числе из примечания Колюбакина о времени перехода Хаджи-Мурата на службу к Шамилю (см. с. 58 наст. издания). Но, вместе с тем, в воспоминаниях содержатся упоминания о событиях конца 50-х годов (с. 176 наст. издания). Это дает основание предполагать, что работа над текстом мемуаров продолжалась в течение длительного времени.

84. Безобразов Сергей Дмитриевич (1801–1879) — в 1845 генерал-майор (с 1842), состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе (с 1843), во время Даргинской экспедиции был начальником кавалерии Чеченского отряда; позднее генерал-адъютант (с 1860), генерал от кавалерии (с 1861); в 1847–1851 командир Кавалергардского ее величества полка, с 1854 начальник 7-й кавалерийской дивизии, с 1861 командир 4-го армейского корпуса.

85. Фок Борис Борисович (ок. 1796–1845) — в 1845 генерал-майор, состоял для особых поручений при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом, убит 6 июля.

86. Шлиттер Александр Федорович — капитан 5-го саперного батальона, убит в «сухарной экспедиции».

87. Вагенбург — оборонительное сооружение из повозок или обозного транспорта в форме каре, полукруга или круга, использовавшееся как опорный пункт.

88. Дебу Александр Осипович (1802–1862) — в 1845 полковник, командир 2-го батальона Эриванского карабинерного полка; позднее генерал-лейтенант, в 1850-х начальник 1-го отдела Черноморской береговой линии.

89. Граббе Павел Христофорович (1787–1875) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант (с 1839), в 1838–1842 в чине генерал-лейтенанта командующий войсками Кавказской линии и Черномории; с 1856 исправляющий должность военного губернатора Ревеля и командующего войсками в Эстляндии, с 1865 войсковой атаман Донского казачьего войска, с 1866 член Государственного совета.

90. Кудашев Михаил Федорович (? — 1847) — князь, офицер с 1823, генерал-майор (с 1841), с 1842 командовал 2-й бригадой 14-й пехотной дивизии, в ходе Даргинской экспедиции командовал отрядом, находившимся у Кыркинского перевала; после Даргинской экспедиции командовал 2-й бригадой 21 пехотной дивизии, с 1846 — 1-й бригадой 20 пехотной дивизии.

91. Вероятно, автор имеет в виду подполковника Григория Дмитриевича Орбелиани, однако известно, что в 1845 он «находился в Акуше при усмирении жителей этого общества и при разбитии лезгин у селения Хаджал-Махи», о его пребывании в Темир-Хан-Шуре сведений обнаружить не удалось (Акты Кавказской Археографической комиссии, Т. X, и некролог в «Русском инвалиде», 1883, №75). Другого кн. Орбелиани в чине подполковника на Кавказе в это время не было. Можно предполагать также, что речь идет о полковнике Захарии Дмитриевиче Орбелиани, который состоял по артиллерии и по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом.

92. Ковалевский Михаил Константинович (ок. 1803–1847) — полковник, в 1845 назначен командиром Апшеронского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии.

93. Имеется в виду Александр Эристов — князь, в 1845 отставной поручик, начальник сотни грузинских князей и дворян.

94. Грузинской конной милицией командовал штабс-капитан И.Д. Орбелиани (именно он за дело 14 июня был награжден орденом Св. Георгия 4 ст.), однако он состоял по армии и при Отдельном Кавказском корпусе, в Нижегородском драгунском полку служил другой штабс-капитан Орбелиани — Михаил Кайхосрович, который был адъютантом В.О. Бебутова. Колюбакин в примечаниях делает ошибку. И. Д. Орбелиани был убит не в 1854 под Кюрюк-Дара, а в 1853 под Баш-Кадыкларом.

95. Нейман, фон (Эдлер фон Нейман) Дмитрий Осипович (? — 1865) — в 1845 штабс-капитан, командир 3-й карабинерной роты Кабардинского полка, ранен 14 июня; позднее полковник, в 1856 командир 12-го кавказского линейного батальона.

96. Маевский Александр Сергеевич— поручик Кабардинского егерского полка, командир 7-й егерской роты, убит 14 июня.

97. Немцов Александр Николаевич (? — ок.1847) — в 1845 подпоручик Кабардинского егерского полка, ранен 14 июня; позднее сотник 1-го Сунженского линейного казачьего полка.

98. См. примечание 94.

99. Адлерберг Густав Яковлевич (ок. 1800–1857) — в 1845 полковник, командир Житомирского егерского полка; позднее генерал-майор (с 1847), в 1849–1855 командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии; с 1856 в отставке.

100. Гротенгельм Максим Максимович (1789–1867) — в 1845 генерал-майор (с 1834), состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе, во время Даргинской экспедиции был начальником кавалерии Чеченского и Дагестанского отрядов; позднее генерал-лейтенант (с 1847), командовал несколькими кавалерийскими дивизиями, с 1856 в отставке.

101. Капгер Александр Христианович (1812–1876) — в 1845 подполковник генерального штаба, состоял при Отдельном Кавказском корпусе; позднее генерал-лейтенант, в 1852–1858 начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории, затем Тифлисский военный губернатор и управляющий гражданской частью.

102. Постельс Карл Филиппович (ок.1802 — ок.1855) — в 1845 генерал-майор, начальник инженеров Отдельного Кавказского корпуса, командир Грузинского инженерного округа; позднее командир Санкт-Петербургского инженерного округа, член Комитета по устройству Кронштадта.

103. Кесслер Эдуард Федорович (1814–1878) — на Кавказе с 1842, в 1845 инженер-капитан; позднее генерал-лейтенант (с 1859), в 1856 начальник инженеров действующего корпуса на кавказско-турецкой границе, с 1857 начальник инженеров Отдельного Кавказского корпуса и командир Грузинского инженерного округа, с 1865 в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией.

104. Викторов Владимир Михайлович (?–1845) — офицер с 1805, в 1845 генерал-майор (с 1841), начальник 6-го округа корпуса жандармов (Кавказская область, Закавказская область и Астраханская губерния), в Даргинской экспедиции состоял при штабе Воронцова, убит 10 июля.

105. В приказе №61 от 3 июля, изданном в лагере при селении Анди, Воронцов писал: «...По рапорту о сем генерала от инфантерии Лидерса от 29 июня №378 подпоручик Гоствицкий был немедленно предан военному суду по полевому уголовному уложению, и суд заключил разжаловать его в рядовые до выслуги. Генерал от инфантерии Лидерс, представляя дело и применяясь к заключению 598 ст. части V книги I Свода военных постановлений, в мнении своем положил: офицера этого , трусость оказавшего, из службы исключить. Находя в поступке подпоручика Гоствицкого не личную трусость, а неопытность, малодушие и недостаток присутствия духа и хладнокровия и соглашаясь с мнением генерала от инфантерии Лидерса, определяю: подпоручика

Гоствицкого выключить из службы и выслать из круга расположенных здесь войск. Сентенцию сию прочесть в его присутствии и при командах с офицерами от каждого полка и каждой отдельной части отряда в нововыстроенном редуте».

106. Скиндер Владимир Антонович (ок.1813–1845) — командир 1-й егерской роты Литовского пехотного полка, убит 28 июня.

107. Пассьет (Поссиет, Посьет) Петр Александрович (? — 1845) — капитан, командир 1-й карабинерной роты Куринского егерского полка; за участие в Даргинской экспедиции произведен в майоры; умер от ран, полученных 11 июля 1845.

108. Канищев Александр — в 1845 юнкер Куринского егерского полка, произведен в прапорщики, убит 1 июля.

109. Бельгард Валериан Александрович (1810–1897) — в 1845 подполковник, командующий Прагским пехотным полком (с 1844), за Даргинскую экспедицию произведен в полковники; позднее генерал от инфантерии (с 1871), в 1845–1849 командир Кубанского егерского полка, затем командовал несколькими бригадами и дивизиями, с 1872 член Александровского комитета о раненых.

110. Кого из князей Орбелиани имел в виду автор, установить трудно. В приказе Воронцова №63 от 7 июля, посвященном взятию Дарго, упоминаются как командующий грузинской конной милицией И.Д. Орбелиани, так и полковник Д.Ф. Орбелиани, под командованием которого грузинская пешая милиция поддерживала батальон Литовского полка, следовавший в авангарде. В чине подполковника в 1845 был только Г.Д. Орбелиани, но данных об его участии в Даргинской экспедиции не обнаружено.

111. В 1845 командир Куринского полка полковник Иван Антонович Витторт (? — ок.1860) лечился от ран, и его обязанности фактически выполнял П.П. Меллер-Закомельский.

Меллер-Закомельский Петр Петрович (ок.1804 —1869) — барон, в 1845 полковник Куринского егерского полка; позднее генерал-майор (с 1848), в 1846–1851 командир Куринского егерского полка; в 1852–1853 командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, с 1853 в отставке.

112. Семенов Степан Евдокимович (? — ок. 1854) — в 1845 полковник, командир Замосцского егерского полка, ранен 6 июля, за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры; позднее состоял при 5мм пехотном корпусе.

113. Степанов Федор Макарьсвич (ок.1807 —?) — майор, командир 1-го батальона Литовского полка, ранен 6 июля.

114. Врангель Владимир Ермолаевич (? — 1859) — барон, в 1845 поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, ранен 6 июля; позднее подполковник Гусарского генерал-адъютанта графа фон дер Палена полка.

115. Имеется в виду Д.Ф. Орбелиани, см. примечание 355.

116. Познанский Франц Григорьевич — в 1845 подполковник, командир 3-го батальона Апшеронского полка, убит 7 июля.

117. Корнилов Аркадий Петрович — офицер с 1830, в 1845 подполковник (с 1843), командир 1-го батальона Люблинского егерского полка, двоюродный брат вице-адмирала В.А. Корнилова; смертельно ранен 7 июля.

118. Зиссерман (Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка. Т. III, СПб., 1881, с. 466 ; далее — Зиссерман) приводит другую версию событий . «В апреле месяце находившийся в Дарго в плену наш офицер Ломидзе переслал в Грозную записку, что у Шамиля ожидают прихода русских и опасаются за Дарго. Шамиль по этому [поводу] не разделял опасений чеченцев; но чтобы их и вообще горцев разуверить в истинности распущенного слуха, будто он намерен войти в сношение с русскими властями, этот варвар прибег к средству, только и возможному со стороны дикого фанатика: он приказал вывести 37 человек, томившихся с 1843 года в ужасном плену (16 офицеров и 21 нижних чинов) на площадку, и расстрелять картечью». Третью версию этих же событий см. в мемуарах Беклемишева, опубликованных в настоящем сборнике.

119. Имеется в виду Д.Ф. Орбелиани.

120. Гюллинг (Юлинг) Густав Иванович (? — ок. 1856) — в 1845 подполковник, командир 2-го батальона Куринского егерского полка; позднее командир Кавказского линейного № 10 батальона.

121. Ключарев — в 1845 капитан Апшеронского пехотного полка, адъютант 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, убит в «сухарной экспедиции». У Ржевуского и в Обзоре — Ключеров, в примечаниях Колюбакина — Ключерев (с.162).

122. Известие о бедственном положении отряда доставил юнкер Длотовский, произведенный за это в офицеры.

123. Автор ошибается, в «сухарной экспедиции» участвовал 3-й батальон Люблинского полка.

124. Ольховский — поручик лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка, исполнял обязанности адъютанта при Д.В. Пассеке; погиб в «сухарной экспедиции».

125. Тиммерман Николай Антонович (? — ок. 1878) — в 1845 майор, в июне сменил Гротенфельда в должности командира 1-го батальона Кабардинского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники; позднее командир 10-го кавказского линейного батальона; позднее генерал-майор.

126. Фохт Вильгельм Вильгельмович — в 1845 штабс-капитан, командир роты 5-го саперного батальона, убит в Даргинской экспедиции.

127. Сервирог Август Людвигович — в 1845 подполковник, командир батальона Навагинского полка, убит в «сухарной экспедиции».

128. В Даргинской экспедиции участвовали два Баумгартена. Оба они служили в 3-й батарейной батарее 20-й артиллерийской бригады. Один из них — юнкер Михаил Баумгартен (приказ № 141 от 30 октября 1845 об утвержденни императором наград, данных Воронцовым за бой 14 июня; М. Баумгартен производился в прапорщики). Другой — поручик П.Е. Баумгартен, за движение от Дарго к Герзель-аулу награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом (приказ № 99 от 24 августа). П. Е. Баумгартен умер после 1859 (РГИА, ф. 496, оп.1, д. 197,

л.107). Ржевуский (здесь и далее имеется в виду работа «1845 год на Кавказе», КС. 1882, Т. VI, приложение В, с. 13–16) также не называет в числе убитых в 1845 офицера с фамилией Баумгартен, Дондуков-Корсаков также говорит, что погиб юнкер Баумгартен (А.М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания 1845–1846 // Осада Кавказа, СПб., 2000, с. 473). Так что погиб в «сухарной экспедиции», по-видимому, М. Баумгартен. Путает двух этих однофамильцев в своих мемуарах и Дельвиг. Возможно, у него Колюбакин и заимствовал эту ошибку.

129. Дуров Иван Ефремович (? — после 1853) — штабс-капитан, командир 2-й роты Кабардинского егерского полка; ранен в «сухарной экспедиции»; позднее майор, жил в г. Верхнеуральске Оренбургской губернии.

Краузе Адольф (Альдар) Роберт Фердинандович (1817 —?) — в 1845 штабс-капитан, командир 1-й карабинерной роты Кабардинского полка, ранен в «сухарной экспедиции», произведен в чин капитана; позднее генерал-майор (с 1868), с 1858 командир Рязанского пехотного полка, с 1872 в отставке.

130. Козлянинов Константин Яковлевич (? —1863) — в 1845 поручик л.-гв. Измайловского полка, прикомандирован ко 2-му батальону Кабардинского полка, ранен по пути от Шаухал-Берды к Герзель-аулу; позднее командовал Прагским полком. Колюбакин ошибается, утверждая, что он служил в лейб-гвардии Гренадерском полку.

131. Кащиевым он назван и в истории Апшеронского полка (с. 147); Ржевуский называет его Кациевым.

132. Будберг Александр Иванович (1798–1876) — генерал-майор (с 1836), генерал-адъютант (с 1844); позднее генерал от кавалерии.

133. В примечании допущена ошибка: имеется в виду Швахгейм Егор Константинович (? — ок. 1854) — поручик Куринского егерского полка, ранен в «сухарной экспедиции».

134. Мерклин Август-Вильгельм Евгеньевич, фон (1823–после 1882) — в 1845 прапорщик Куринского егерского полка, ранен в «сухарной экспедиции», позднее генерал-майор, начальник Эстляндского губернского жандармского управления, начальник Омского жандармского управления. Автор воспоминаний, опубликованных в настоящем сборнике.

135. Лабезников — прапорщик Куринского полка, ранен в «сухарной экспедиции»; за участие в Даргинской экспедиции произведен в подпоручики.

136. Новицкий — подпоручик Кавказского стрелкового батальона, ранен в «сухарной экспедиции»; возможно, Георгий Иванович Новицкий, позднее подполковник.

У Ржевуского среди раненых он не упоминается. Колюбакин называет его поручиком, согласно приказу Новицкий был подпоручиком, за участие в «сухарной экспедиции» он был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом (приказ №125 от 30 сентября 1845).

137. Колюбакин ссылается на первую публикацию мемуаров А. М. Дондукова-Корсакова: Старина и Новизна, 1902, № 5, с. 19–234, 1903, №6, с.41–215, 1904, №7, с. 1–16.

138. Бибиков Михаил Николаевич (ок.1809–1845) — в 1845 полковник, командир Навагинского пехотного полка, убит 19 июля.

139. Витовский Иосиф Петрович (ок. 1796–1848) — в 1845 полковник, состоял по кавалерии и при Кавказском линейном войске, командовал сводным казачьим полком; за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригадой 20-й пехотной дивизии.

В. Н. Норов ошибочно называет его Витковским, путая, вероятно, с александропольским комендантом полковником Францем Матвеевичем Витковским.

140. Стенбок (Штейнбок) Максим Иванович (? — 1857) — граф, в 1845 подполковник, после смерти Познанского командующий 3-м батальоном Апшеронского полка, ранен 14 июля, за Даргинскую экспедицию произведен в полковники; позднее генерал-майор (с 1854), с 1850 член Совета Главного управления Закавказского края.

141. Эристов Захарий — князь, капитан Навагинского пехотного полка, начальник Горийской пешей дружины; за Даргинскую экспедицию произведен в майоры.

142. 11 апшеронцев — унтер-офицеры Лаврентий Юзьяк, Стефан Владимиров, Иосиф Стрелковский, рядовые: Иван Жернов, Игнатий Наштенко, Марцелл Врублевский, Яков Хорошев, Андрей Мотрохов, Степан Перцов, Иван Гаврилов, Антон Вильчинский. В приказе по Отдельному Кавказскому и 5-му пехотному корпусам от 15 августа Воронцов писал: «...наградив всех этих храбрецов знаками отличия военного ордена, я священным долгом поставляю особенно благодарить каждого из них за столь доблестный подвиг, о чем и объявляю по войскам Отдельного Кавказского и 5 пехотного корпусов, приказываю приказ сей прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и сотнях при собрании всех воинских чинов» (Богуславский Л. История Апшеронского полка, Т. II. СПб., 1892, с. 149–150).

143. Вельяминов Алексей Александрович (1785–1838) — генерал-лейтенант, при Ермолове начальник штаба Отдельного Грузинского (затем Кавказского) корпуса, в 1831–1838 командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории.

144. Башилов — юнкер, ординарец генерала Лидерса, убит 14 июля.

145. Лонгинов Александр Николаевич — в 1845 поручик гусарского Короля Нидерландского полка, адъютант Воронцова, убит 14 июля.

146. Шепинг Эрнст Георг Алексиус (Алексей Федорович) (? — 1862) — барон, в 1845 поручик лейб-гвардии Конного полка, ранен 14 июля; получил за Даргинскую экспедицию чин штабс-ротмистра; с 1848 в отставке.

147. Так в тексте; это опечатка или описка, должно быть «иного».

148. Липский Казимир Яковлевич (? — ок.1877) — в 1845 полковник (с 1841), командир Люблинского егерского полка; позднее генерал-майор, командующий 15-й пехотной дивизией.

149. Глебов Михаил Павлович (1819–1847) — в 1845 поручик лейб-гвардии Конного полка, с 1842 был адъютантом Нейдгарта (с 1842), затем

Воронцова, ранен 16 июля 1845; за Даргинскую экспедицию произведен в штабс-ротмистры; секундант Лермонтова на последней дуэли в 1841, за что был предан военному суду, но высочайше прощен ввиду тяжелого ранения, полученного в 1840.

150. Эполемент — земляное закрытое, преимущественно боковое укрепление, не приспособленное к стрельбе, прикрывает фланговое орудие батареи.

151. Преображенский Василий Агафонович (1809–1874) — в 1845 майор Навагинского пехотного полка, контужен 7 июля; позднее генерал-лейтенант, служил на Кавказе с 1829 по 1862.

152. Прушановский Казимир Игнатьевич (? — 1845) — с 1840 служил на Кавказе. В 1845 — капитан генерального штаба, ранен в Даргинской экспедиции, после ранения умер. Известный исследователь Дагестана, автор многочисленных опубликованных и неопубликованных работ по истории мюридизма и Кавказской войны.

153. Ховен Роман Романович — в 1845 капитан лейб-гвардии Гренадерского полка, старший адъютант штаба Отдельного Кавказского корпуса; позднее генерал-майор, с 1861 в отставке.

154. Голиков Михаил Иванович (? — ок.1853) — в 1845 подполковник Житомирского егерского полка; позднее полковник, командир Замосцского егерского полка.

155. Ракуса Николай Викентьевич (? — 1862) — в 1845 капитан Минского пехотного полка, адъютант 1-й бригады 14 пехотной дивизии, прикомандированный к Житомирскому егерскому полку; позднее генерал-майор.

156. Бублик Яким Петрович (? — 1845) — в 1845 полковник, командир Подольского егерского полка; убит 23 июля 1845.

БЕНКЕНДОРФ К.К.

Мемуары Бенкендорфа были написаны по-французски и впервые опубликованы в Париже. На русском языке мемуары К.К. Бенкендорфа были опубликованы в «Русской старине» за 1910 (№№4–5, 10–12) и 1911 гг. №№ 1–3). Введение и подстрочные примечания принадлежат Б. М. Колюбакину. Текст воспоминаний публикуется по этому изданию, с сохранением примечаний и введения Колюбакина.

157. В 1843 русские полностью потеряли Аварию. В ноябре отряд Д.В. Пассека был вынужден покинуть столицу Аварии Хунзах и отойти к укреплению Зыряны. Там его осадил Хаджи-Мурат. Лишь вовремя пришедшая помощь спасла отряд и позволила ему пробиться в Темир-Хан-Шуру. Шамиль подчинил себе также шамхальские и кайтагские земли. К концу 1843 Шамилю подчинялся почти весь горный Дагестан, горная Чечня, значительная часть чеченской плоскости. На территории, подконтрольной Шамилю, проживало более 230 тыс. семейств. Русское командование сохранило за собой только Приморский Дагестан, ряд мелких

укреплений по рекам Сулак и Казикумыкское Койсу, а также часть равнинной Чечни (Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994, с. 381).

158. Чернышев Александр Иванович (1786–1857) — светлейший князь, генерал-адъютант (с 1812), генерал от кавалерии (с 1827), военный министр (1832–1852), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1848), председатель Кавказского комитета и его предшественников (с 1640 по 1856).

159. Мария Александровна (1824–1880) — императрица, жена Александра II, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария.

160. Самсонов Александр Петрович (? — 1882) — в 1845 ротмистр Кавалергардского ее императорского величества полка, адъютант Александра Гессенского; позднее генерал-майор Свиты его императорского величества, владимирский военный губернатор.

Колюбакин ошибочно называет его полковником.

161. Беклемишев служил в кавалерии и был ротмистром.

162. Минквиц Юлий Федорович (1807–1870) — в 1845 ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, адъютант Воронцова, за Даргинскую экспедицию произведен в полковники; позднее генерал-лейтенант (с 1858), с 1857 начальник 6-го (Кавказского) округа корпуса жандармов.

163. Щербинин Михаил Павлович (1807–1881) — с 1827 состоял чиновником по особым поручениям при Воронцове, с 1845 на Кавказе, за участие в Даргинской экспедиции получил чин действительного статского советника; в 1851–1856 директор канцелярии наместника Кавказского, в 1865–1866 начальник Главного управления по делам печати; сенатор (с 1856), автор биографии Воронцова.

164. Дружинин Николай Яковлевич — в 1845 полковник, состоял по кавалерии и при Отдельном Кавказском корпусе, во время Даргинской экспедиции был комендантом главной квартиры; в 1850 был членом полевого комиссионерства 5-го пехотного корпуса.

165. Яшвиль служил в кавалерии.

166. Лобанов-Ростовский Михаил Борисович (1819–1858) — князь, в 1845 прапорщик лейб-гвардии Драгунского полка, состоял в должности адъютанта при Воронцове; позднее флигель-адъютант.

167. Трубецкой Петр Петрович (1822–1892) — князь, в 1845 поручик по кавалерии, состоял по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом.

168. Всревкин Александр Николаевич (? — ок. 1854) — в 1845 капитан генерального штаба, на Кавказе с 1840; за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники, во время Даргинской экспедиции был капитаном над вожатыми главной квартиры; позднее генерал-майор (с 1852), с 1850 командир Тенгинского полка.

169. Андроников Ревас Иванович (ок.1818 — ок. 1878) — князь, в 1845 штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка, адъютант Воронцова, отправлен с донесением о Даргинской экспедиции в Петербург, за Даргинскую экспе-

дицию произведен в капитаны; позднее генерал-лейтенант (с 1860), с 1859 начальник Лезгинской кордонной линии, с 1860 состоял по особым поручениям при главнокомандующем Кавказской армией и одновременно с 1870 тифлисский губернский предводитель дворянства.

170. Качени (Кач(ч)они) Ликург Ламброви́ч (? — 1863) — в 1845 подполковник Балаклавского греческого батальона, во время Даргинской экспедиции был исправляющим должность дежурного штаб-офицера при начальнике всей кавалерии генерале Гротенгельме; ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; позднее полковник, инспектор Керченского карантина.

171. Лабезников Лука Григорьевич (? — 1876) — в 1845 ротмистр, состоял по кавалерии, старший адъютант штаба Отдельного Кавказского корпуса; ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; за Даргинскую экспедицию произведен в майоры.

172. Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882) — в 1845 штабс-капитан, старший адъютант штаба Отдельного Кавказского корпуса по ведомству начальника инженеров (с 1843); за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны; позднее генерал-адъютант (с 1864), инженер-генерал (с 1874); с 1861 директор канцелярии Военного министерства, в 1865–1866 генерал-губернатор Северо-Западного края, в 1867–1882 генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа.

173. Колюбакин в примечаниях к мемуарам Бенкендорфа называет в качестве участника экспедиции офицера генерального штаба Ковалевского, убитого по его словам в 1854 под Карсом. Однако в мемуарах Бенкендорфа речь идет о другом лице. На Кавказе в это время служили два Ковалевских — Петр Петрович и Михаил Константинович. Петр Петрович Ковалевский (1808–1855) командовал в 1845 20-й артилерийской бригадой, во время Даргинской экспедиции был начальником артиллерии Чеченского отряда, произведен в генерал-майоры (см. приказ №140 от 30 ноября 1845) и назначен (в том же 1845) начальником правого фланга Кавказской линии; позднее генерал-лейтенант, участник Крымской войны. Офицером генерального штаба, тем более опытным, как пишет Бенкендорф, он не был. Этот Ковалевский действительно погиб под Карсом, но не в 1854 (когда военных действий там не велось), а в 1855. В мемуарах же Бенкендорфа речь идет о Михаиле Константиновиче Ковалевском, который в 1845 был командиром Апшеронского полка. Он действительно был опытным офицером генерального штаба — с 1822 служил в свите его императорского величества по квартирмейстерской части, преобразованной потом в генеральный штаб.

Ковалевский Петр Петрович — в 1845 полковник, командир 20-й артиллерийской бригады, начальник артиллерии Чеченского отряда, за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры.

О М. К. Ковалевском см. примечание 92.

174. См. примечание 30.

175. Дараган Михаил Иванович (? — ок. 1860) — в 1845 капитан генерального штаба, за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники; позднее генерал-майор, состоял в распоряжении военного министра.

176. Козлянинов Григорий Федорович — генерал-лейтенант (с 1842), в 1834–1848 начальник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса.

177. Ритц Эдуард Иванович (? — 1866) — в 1845 майор, состоял по кавалерии и при Кавказском линейном казачьем войске; ранен на пути от Шаухал-Берды к Герзель-аулу; позднее подполковник Дагестанского пехотного полка.

Колюбакин в примечаниях к мемуарам Бенкендорфа ошибочно пишет, что майор Ритц был убит; однако в списках убитых в Даргинской экспедиции его нет, Ржевуский называет его в числе раненых.

178. Авдеев Иван Федорович — в 1845 подполковник 5-го саперного батальона, ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; позднее плац-майор Ивановской крепости.

179. Левашев Степан Никифорович (? — ок.1874) — в 1845 подполковник Кавказского линейного казачьего полка, ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; с 1857 в отставке.

180. Вероятно, Сенюхаев Григорий Ефимович — войсковой старшина Гребенского казачьего линейного полка, раненный на пути из Дарго в Шаухал-Берды.

181. Семенов был полковником, см. примечание 112.

182. Лаппа Павел Вильгельмович — в 1845 поручик лейб-гвардии Литовского полка, ранен на пути от Шаухал-Берды к Герзель-аулу; в 1866 уволен от службы генерал-майором.

183. И.Д. Орбелиани был смертельно ранен в сражении под Баш-Кадыкларом 19 ноября (1 декабря) 1853.

184. См. примечание 93.

185. Гербель — в 1845 поручик лейб-гвардии Уланского полка, служил в штабе Чеченского отряда, ранен 6 июля; возможно, Даниил Карлович Гербель, в 1857 командир лейб-гвардии Уланского Курляндского его императорского величества полка, позднее генерал-майор.

186. Блум (Блюм) Федор Ермолаевич (? — ок. 1871) — поручик лейб-гвардии Драгунского полка, ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; позднее подполковник.

187. Бенкендорф Константин Христофорович (1785–1828) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант; участник войны 1812, Заграничных походов, русско-иранской 1826–1828 и русско-турецкой 1828–1829 гг.

188. Бенкендорф Александр Христофорович (1783 или 1781–1844) — граф (с 1832), генерал от кавалерии (с 1829); с 1826 главный начальник III отделения, шеф жандармов и командующий Императорской главной квартирой; дядя К.К. Бенкендорфа.

189. Гагарин Григорий Григорьевич (1810–1893) — обер-гофмейстер, генерал-майор, затем тайный советник; в 1840-х участвовал в боевых действиях на Кавказе; художник, в 1859–1862 вице-президент Академии Художеств.

Парижское издание: Benkendorf Constantin. Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de l'annee 1845. Paris. 1858.

190. Нечаев Владимир Николаевич (1817–1846) — в 1845 штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, адъютант Воронцова (с 1845); за Даргинскую экспедицию произведен в ротмистры, умер за границей; Б.М. Колюбакин считал его автором воспоминаний, подписанных инициалами В.Н. Н-в.

191. Горчаков Николай Ильич (ок.1819 — ?) — в 1845 прапорщик Куринского егерского полка, автор мемуаров.

192. В 1812 Воронцов во главе 2-й сводно-гренадерской дивизии принимал участие в сражениях под Салтановкой, Смоленском и Бородином, затем участвовал в Заграничных походах, в 1815–1818 возглавлял русский оккупационный корпус во Франции. См. также примечание 8.

193. Отдельный Кавказский корпус преобразован в Кавказскую армию в 1856.

194. Вревский Павел Александрович (1809–1855) — барон, в 1830-х адъютант военного министра Чернышева, в 1845 полковник, флигель-адъютант, начальник 1-го отделения канцелярии Военного министерства; позднее генерал-лейтенант, генерал-адъютант, директор канцелярии Военного министерства.

195. В 1842 Чернышев приезжал на Кавказ. Одним из результатов этой поездки стало смещение Е.А. Головина и назначение командиром Отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгардта.

196. Анреп Иосиф Романович (1798–1860) — граф, в 1845 генерал-лейтенант, генерал-адъютант; позднее генерал от кавалерии; с 1839 назначен управлять Джаро-Белоканским округом, в 1841–1848 начальник Черноморской береговой линии.

197. Характерной является история, произошедшая с Н. Н. Раевским младшим, сыном героя войны 1812 года Н.Н. Раевского старшего. Он привлекался к следствию по делу декабристов, однако был отпущен за недоказанностью причастности к тайным обществам. Служа позднее на Кавказе, он оказывал покровительство сосланным туда декабристам. Н.А. Бутурлин, адъютант графа А.И.Чернышева, написал донос, по которому было возбуждено дело «О следствии, произведенном над генерал-майором Раевским 3-м, бывшим командиром Нижегородского полка, за проезд его в Тифлис в обществе государственных преступников... из отряда, бывшего в Бейбурте в 1829 г.». Николай I ограничился лишь обвинением Раевского в нарушении порядка службы и приказал посадить его под домашний арест, а затем перевести на службу в Россию.

198. Белосельский-Белозерский Эспер Александрович (1802–1846) — князь, генерал-майор (с 1843), привлекался к следствию по делу декабристов, затем служил на Кавказе, с 1843 назначен состоять при главноуправляющем путей сообщения и публичных зданий.

199. Колюбакин ошибается. Шепинг в Даргинской экспедиции был только ранен. См. примечание 146.

200. Елизаветполь (Гянджа) был взят русскими войсками 13 сентября 1826. Паскевич, прибывший к крепости 10 сентября, был поражен неприглядным обмундированием и отсутствием фронтовой выправки кавказских войск. В успех сражения Паскевич не верил. «Не знаю, как я пойду с такими первобытны-

ми», — писал он Николаю I. Штурм Елизаветполя был предпринят по настоянию А.А. Вельяминова и кн. В.Г. Мадатова.

201. Торнау Федор Федорович (1810–1890) — барон, генерал-лейтенант, писатель, мемуарист; в 1830-х — 1840-х служил на Кавказе офицером генерального штаба, был в плену у горцев, в 1856–1861 на дипломатической службе, с 1873 член Военно-Ученого комитета Главного штаба.

Его мемуары: Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. М., 2000.

202. Филипсон Григорий Иванович (1809-1883) — генерал от инфантерии (с 1880); на Кавказе с 1835, в 1845–1849 начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории, в 1855–1858 наказной атаман войска Черноморского, в 1860 начальник штаба Кавказской армии, в 1861–1862 попечитель Петербургского учебного округа, с 1861 член Военного совета; известный мемуарист.

Его мемуары: Филипсон Г.И. Воспоминания (Кавказ 1837–1847) // Русский архив, 1883, №5, 6; 1884, №№ 1,2,3. (Отрывки см: Осада Кавказа. СПб., 2000, с.76-197.)

203. Тет-де-пон — предмостное укрепление; могло представлять собой крепость или временную укрепленную позицию.

204. Андреевский Эраст Степанович (1809–1872) — доктор медицины (с 1831), с 1830-х состоял при Воронцове в качестве врача; в 1845 коллежский советник, с июня 1845 старший доктор главного действующего отряда, за Даргинскую экспедицию произведен в статские советники; в 1847 был назначен временно управляющим медицинской частью на Кавказе; с 1854 член Медицинского совета, покинул Кавказ вместе с Воронцовым, а после его смерти был деятелем общественного самоуправления в Одессе.

205. См. примечание 157.

206. Bataille Anchimer (en chimere) — игра фр. слов: en chimere — дословно « в химере», «как химера».

207. Надир-шах — шах Ирана с 1736; в 1737–1739 совершил поход в Индию и захватил Дели.

208. Горшельт Теодор (1829–1871) — немецкий художник, автор работ на тему Кавказской войны, был на Кавказе в 1850-х.

209. Возможно, Казбек Михаил Григорьевич (? — ок. 1866) — ротмистр лейб-гвардии Казачьего полка, состоявший в 1845 при Отдельном Кавказском корпусе и за Даргинскую экспедицию произведенный в полковники; позднее генерал-майор, главный начальник народов Тифлисской губернии. Возможно, речь идет о прапорщике Осетинской милиции Николае Казбеке, произведенном за дело 14 июня 1845 в подпоручики.

210. Турецкая крепость Карс — один из ключевых пунктов на кавказском театре военных действий. Она была взята русскими войсками 23 июня 1828, но после заключения Адрианопольского мирного договора была возвращена туркам. Поручик И.М. Лабынцев с вверенной ему ротой захватил три неприятельских знамени, а затем овладел укреплением и двухорудийной батареей, за что и был награжден орденом Св. Георгия 4 ст.

211. Гуляков Василий Семенович (1751–1804) — с 1800 генерал-майор и командир Кабардинского полка.

212. В 1803 М.С. Воронцов был прикомандирован к кавказским войскам и состоял лично при П.В. Цицианове, он участвовал во многих экспедициях, в том числе в экспедиции в Закатальское ущелье в 1804, затем был отозван с Кавказа. См. также примечания 8 и 192.

213. Возможно, Григорий Петрович Волконский (1808–1882) — светлейший князь, гофмейстер, в 1842–1845 попечитель Петербургского учебного округа.

214. Турецкая крепость Ахалцых взята штурмом русскими войсками 15 августа 1828.

215. Чиляев (Челяев) Михаил Егорович (? — 1876) — деятель административного управления на Кавказе; в 1845 титулярный советник, служил в канцелярии наместника Кавказского; позднее чиновник особых поручений при начальнике гражданского управления Закавказского края, управляющий Мингрелией, действительный статский советник.

216. Вероятно, Колюбакин имеет в виду известного позднее генерала Георгия Романовича Эристова, однако у нас нет сведений о том, что он принимал участие в Даргинской экспедиции, кн. Григорий Эристов был всего лишь помощником командира 4-й сотни Горийской пешей дружины. (Эристов Георгий Романович (1812–1891) — князь, генерал от кавалерии (с 1881); в 1845 в чине майора командовал Горским линейным полком, 1848–1852 начальник центра Кавказской линии, в 1852–1855 наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска, в 1858–1860 Кутаисский генерал-губернатор, с 1861 состоял при наместнике кавказском и главнокомандующем Кавказской армии.

217. Беранже Жан Пьер (1780–1857) — французский поэт.

218. Колюбакин путает М.К. Ковалевского с П.П. Ковалевским. Под Карсом погиб П.П. Ковалевский. См. примечание 173.

219. Евдокимов Александр Иванович (? —1848) — в 1845 капитан Апшеронского пехотного полка, за Даргинскую экспедицию произведен в майоры; брат Н.И. Евдокимова.

220. Отношения между различными частями и подразделениями кавказских войск представляли собой довольно сложную систему. С одной стороны, существовала конкуренция между полками. А.М. Дондуков-Корсаков в своих воспоминаниях приводит следующую сцену, разыгравшуюся в лазарете крепости Внезапной, где автор лежал после окончания экспедиции. «Входит офицер Навагинского полка, застегнутый на все пуговицы, и просит места. (Навагинский полк не пользовался хорошей боевой репутацией, особенно между кабардинцами и куринцами.) В ответ на просьбу офицера кто-то закричал: «Навагинцам между нами нет места!» Навагинскому офицеру пришлось оправдываться и приводить доказательства своих боевых заслуг, лишь после этого конфликт был исчерпан» (Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845–1846 // Осада

Кавказа, с. 503). С другой стороны, существовал институт куначества, который был заимствован у горцев. По их понятиям каждая услуга должна быть отплачена, а каждое оскорбление отмщено. Если горцам довелось оказать друг другу более или менее значительные услуги, то они становились кунаками. Этот обычай перешел и в кавказские полки русской армии. Куначество между двумя ротами одного или разных полков приобреталось также взаимными услугами и одновременно обязывало эти услуги друг другу оказывать. Покуначившись, роты могли разойтись на несколько лет, однако отношения эти сохранялись, несмотря на то, что состав рот мог меняться. Некоторые роты имели до десяти куначеских рот на разных участках театра военных действий. Эти отношения устанавливались снизу, по инициативе солдат, и офицеры покуначившихся рот также стремились поддерживать добрые отношения. Куначество было важным инструментом в экономике кавказских войск, так как при частом перемещении войск по театру военных действий покуначившиеся роты должны были делиться друг с другом продовольствием, фуражом и другим ротным имуществом (Н. Волконский. О куначестве рот в Кавказской армии // «Кавказ», 1860, №68).

221. Мельников Павел — юнкер, умер от ран, полученных 6 июля. Козловский Николай Владимирович — князь, в 1845 капитан лейб-гвардии Драгунского полка, состоял по особым поручениям при главнокомандующем Особым Кавказским корпусом.

222. Андийские ворота
Похожи на ворота
Наверху написано
Вы выйдете без боя
(Подстрочный перевод)

223. Генерал Клюха
В сухарной экспедиции
Не принес нам ничего
Кроме раненых и самого себя
(Подстрочный перевод)

224. В 1842 отряд во главе с генералом Граббе отправился из Герзель-аула через леса Ичкерии для захвата резиденции Шамиля Дарго. Дойдя до середины дороги и понеся большие потери, отряд вынужден был вернуться обратно.

225. Бенкендорф цитирует «Солдатскую песню» («Reiterlied») из драмы Ф. Шиллера «Лагерь Валленштейна». В оригинале строфа полностью звучит так:

Wohlauf, Komeraden, aufs Pferd, aufs Pferd!
Ins Feld, in die Freihet gezogen.
Im Felde, da ist der Mann noch was wert.
Da wird das Herz noch gewogen.
Da tritt kein anderer füer ihn ein,
Auf sich selber steht er da ganz allein.

Живей, друзья! На коня, на коня!
На поле! На волю честную!
На поле, на воле ждет доля меня —
И сердце под грудью я чую!
Мне в поле защитником нет никого:
Один я стою за себя одного.

Перевод Л. Мея

226. Эристов Николай Дмитриевич (1820 или 1823–1856) — князь, подпоручик сотни грузинских князей и дворян, участник Даргинской экспедиции, был ранен, после экспедиции принят прапорщиком в Грузинский гренадерский полк; позднее полковник (с 1854), флигель-адъютант (с 1854), с 1849 адъютант Воронцова, с 1855 командовал Смоленским пехотным, а затем лейб-гвардии Екатеринославским его величества полком.

227. Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884) — граф, в 1845 полковник лейб-гвардии Измайловского полка, флигель-адъютант, находился при генерале Фрейтаге; позднее генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1855 начальник штаба Гвардейского и Гренадерского корпусов, в 1866–1868 виленский генерал-губернатор; член Государственного совета, председатель совета Главного общества российских железных дорог.

228. В «Русской старине» (1911, №3, с. 604) было опубликовано письмо дочери И.М. Лабынцева: По поводу статьи «Воспоминания гр. К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г.»:

«В ноябрьской книжке «Русской Старины» за 1910 г. помещены воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г., где, между прочим, упоминается о генерале Лабынцеве, с указанием, что он был сын бедного священника, солдат с ранних годов своей жизни и проч.

В видах восстановления истины, считаю необходимым исправить эту неточность. Род Лабынцевых, к которому принадлежал упоминаемый гр. Бенкендорфом Иван Михайлович Лабынцев, мой отец, происходит из детей боярских и записан в 6-й части родословной дворянской книги по Тульской губернии. На это имеются доказательства в дворянских грамотах и в послужном списке, при сем прилагаемых. *Екатерина Ивановна Клингенберг, рожденная Лабынцева».*

ГЕЙМАН В. А.

Воспоминания Геймана впервые были опубликованы в №3 «Кавказского сборника» за 1879 г. Публикуются по этому изданию.

229. Норденстам Иван Иванович (1802–1882) — барон (с 1860), генерал-майор генерального штаба (с 1843), в 1844 занимал должность начальника штаба войск на Кавказской линии и в Черномории, в 1845 помощник начальника штаба войск на Кавказе; позднее генерал от инфантерии (с 1870), генерал-

адъютант (с 1876), с 1846 ставропольский губернатор, затем нюландский губернатор, вице-председатель Финляндского сената.

230. Гейман ошибся в дате — речь идет о событиях 1831 г. В этом году Кази-Мулла предпринял нападения на крепости Бурная и Внезапная. Лишь появление под Внезапной войск под командованием генерала Г.А. Эммануэля спасло блокированный и страдавший от недостатка воды русский гарнизон. Эммануэль был тяжело ранен и на посту командующего войсками Кавказской линии его сменил А.А. Вельяминов.

Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775–1837) — генерал от кавалерии (с 1828), в 1826—1831 командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области.

231. Флепс (? — ок. 1855) — в 1845 капитан, воинский начальник укрепления Амир-Аджи-Юрт; позднее майор, управляющий полицией в Редут-Кале.

232. Гейман Михаил Александрович (? — 1866) — старший брат В.А. Геймана; врач, в 1845 служил на Кавказе; позднее полковой штаб-лекарь Кабардинского полка.

233. Гротенфельд был немец, плохо объяснявшийся по-русски, но хороший офицер, педантично исполнявший свои обязанности. В связи с болезнью он сдал командование батальоном Николаю Антоновичу Тиммерману (Зиссерман, с. 399, 429).

Гротенфельд (Гроденфельд) Адольф Карлович (? — ок. 1857) — в 1845 подполковник (с 1842), командир 1-го батальона Кабардинского егерского полка до середины июня 1845; в 1846 вышел в отставку в чине полковника.

234. Здесь и на с. 370 Гейман ошибочно называет Дурова капитаном, на самом деле он — штабс-капитан, см. примечание 129.

235. Гостыминский — поручик, командир 1-й егерской роты Кабардинского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в штабс-капитаны.

236. Прапорщик Прушинский среди раненых офицеров Кабардинского полка не значится, возможно, речь идет о прапорщике Грушинском, раненном на пути из Дарго в Шаухал-Берды (Зиссерман, с. 454).

237. Киселев Илья Абрамович — в 1845 поручик, командир 3-й егерской роты Кабардинского полка, за экспедицию произведен в штабс-капитаны; позднее подполковник и плац-майор в Пятигорске.

238. Мажаров (Можаров) Степан Степанович (? — не ранее 1881) — подпоручик Кабардинского егерского полка, ранен на пути от Дарго в Шаухал-Берды.

Гейман ошибочно называет его Мажоровым.

239. Чернявский — в 1845 прапорщик Кабардинского егерского полка, ранен в «сухарной экспедиции», за участие в Даргинской экспедиции произведен в подпоручики.

240. Гейман ошибается в чине. В Кабардинском полку действительно служил офицер Николай Иванович Наттер, однако уже в 1844 г. он был штабс-капитаном (РГИА, ф. 496, оп. 1, д. 197, л. 321). В «Кавказском календаре» на 1848 (состояние чинов на конец 1847) он показан майором. Следует отметить,

что свидетельство Геймана об участии Наттера в Даргинской экспедиции — единственное. Ни в приказах Воронцова за 1845, ни в материалах Капитула орденов за тот же год (РГИА, ф. 496, оп.1, дд. 94, 95) нами не обнаружено сведений о том, что Наттер был чем-либо награжден. Не упоминается этот офицер среди участников Даргинской экспедиции и в истории Кабардинского полка.

241. Квятковский Владимир Иванович (? — ок.1853) — прапорщик, батальонный адъютант 1-го батальона Кабардинского полка.

242. Драгомиров — прапорщик Кабардинского полка, ранен в «сухарной экспедиции».

243. Аул Черкей находился на левом берегу реки Сулак. Весной 1840 этот аул перешел на сторону Шамиля, это открывало путь Шамилю в Северный Дагестан. 15 мая 1841 горцы потерпели поражение на Хубарских высотах, 16 мая Черкей был занят русскими войсками. В этой операции участвовали два русских отряда — Дагестанский (под командованием корпусного командира Е.А. Головина) и Чеченский (под командованием ген. П.Х. Граббе). Под Черкеем было основано укрепление, названное по имени Е.А. Головина Евгеньевским. Оно прикрывало владения шамхала Тарковского и служило опорным пунктом для действий в Андии и Гумбете.

244. См. примечание 220.

245. М. К. Ковалевский, см. примечание 92.

246. Селение Аргуани было укрепленным пунктом горцев на пути отряда П.Х. Граббе в резиденцию Шамиля Ахульго в 1839. Сражение происходило 30 мая — 1 июня (ст. ст.) 1839.

247. Крюков Александр Павлович — офицер с 1812, генерал-майор (с 1831), в 1830-х служил на Кавказе, в 1837—1838 командующий 20-й пехотной дивизией; в 1840 уволен от службы.

248. Александр Гумбольт (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. В пятитомном труде «Космос» (1845—1862) он попытался обобщить все научные знания о природе Земли и Вселенной.

249. о. Михаил (Смольянский) — священник Кабардинского егерского полка.

250. См. примечание 210.

251. Алалаев Александр Кондратьевич (? — ок.1847) — подпоручик Кабардинского егерского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в поручики.

252. Возможно, Гейман ошибается, и речь идет о юнкере Кабардинского егерского полка Герасиме Башкатове.

253. Имеется в виду сражение с армией Наполеона под Прейсиш-Эйлау 27 января (8 февраля) 1807; исход сражения остался нерешенным.

254. Майдель Егор Иванович, фон (1817—1881) — в 1845 майор, за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники, командир 3-го батальона Кабардинского полка после ранения кн. А.И. Барятинского; позднее генерал от инфантерии (с 1861), генерал-адъютант (с 1876), в 1850—1852 командир Кабардинского полка, с 1853 состоял при Отдельном Кавказском корпусе, в 1876—1881 комендант Петербургской крепости.

255. Здесь и далее речь идет о Р.П. Левисоне; см. примечание 54.

256. По данным Ржевуского, 6 июля был ранен прапорщик горной №4 батареи Транковский.

257. Правильно — Длотовский (или Длотковский).

258. Адам Вильгельм Самойлович — в 1845 подпоручик лейб-гвардии Финского стрелкового батальона; позднее полковник.

259. Беклемишев был тогда ротмистром.

260. Вермінский Александр Иванович — батальонный лекарь Кабардинского полка.

261. Правильно —Ольховский; см. примечание 124.

262. Цытовский Василий Акимовіч (Иванович) — в 1845 штабс-капитан Кабардинского егерского полка; позднее подполковник, с 1860 в отставке.

263. Завалиевский (Завальевский) Федор Яковлевич (? — 1845) — офицер с 1816, в 1845 полковник, командир 5-го саперного батальона (с 1836), убит 14 июля.

264. Имеется в виду Ушаков Сергей Михайлович — в 1845 капитан Куринского егерского полка, ранен в «сухарной экспедиции»; за Даргинскую экспедицию произведен в майоры.

265. Горяинов Иван Иванович — в 1845 поручик, командир 8-й егерской роты Кабардинского полка, в 1850-х вышел в отставку в чине подполковника. Гейман ошибается в чине.

266. Перепелицын — поручик Муромского пехотного полка, прикомандированный к Куринскому полку, ранен на пути от Дарго к Шаухал-Берды. Гейман ошибается в чине.

267. В 1842 В.В. Яшвиль убил на дуэли кн. Александра Николаевича Долгорукова, был разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ.

268. Возможно, Гейман имеет в виду поручика лейб-гвардии Конно-гренадерского полка барона Владимира Врангеля. А.М. Дондуков-Корсаков, знавший Врангеля лично, пишет, что поручик лейб-гвардии Гренадерского полка Владимир Врангель 6 июля был ранен (с. 468); приказом Воронцова №96 от 21 августа 1845 г. поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Врангель был награжден за взятие Дарго орденом Св. Анны 3 ст. с бантом. Эпизод, описываемый Гейманом, относится к 15 июля, но о том, что его Вранкин был ранен, автор не говорит. Однако приказом №97 от 24 августа поручик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Врангель за отличия в боях 13-20 июля награжден орденом Владимира 4 ст. с бантом, что свидетельствует о том, что он после 6 июля оставался в строю. Ржевуский вообще не упоминает о Врангеле в числе раненых 6 июля, что может свидетельствовать либо о том, что Дондуков-Корсаков ошибается, либо о легкости ранения. Кроме того, в Даргинской экспедиции участвовал подпрапорщик Апшеронского полка барон Эдуард Вранкен, произведенный за участие в сражении 7 июля в прапорщики (приказ № 95 от 21 августа 1845). Окончательно решить вопрос, кого имел в виду Гейман, сложно, так как имеет место путаница не только в фамилиях, но и в названиях полков.

269. Сталь Карл Александр Альберт Федорович (1816—?) — барон, в 1845 поручик генерального штаба, за Даргинскую экспедицию произведен в штабс-капитаны; позднее генерал-майор (с 1866), в 1863—1866 командир Волынского пехотного полка.

270. Фавишевич Осип — купец 3-й гильдии, полковой маркитант Кабардинского егерского полка, за Даргинскую экспедицию награжден серебряной медалью с надпись «за усердие» для ношения на аннинской ленте. Гейман называет его Фавишовичем.

271. Кириленко Георгий Лукич (?—1848) — в 1845 штабс-капитан, командир 4-й карабинерной роты Кабардинского егерского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны; позднее майор.

272. Берзенадзе(в) Дмитрий Иванович (? — ок. 1888) — в 1845 подпоручик, командир 5-й карабинерной роты Кабардинского егерского полка; за Даргинскую экспедицию произведен в поручики; позднее подполковник, с 1875 в отставке.

273. Белик Петр Гаврилович — в 1845 прапорщик Кабардинского егерского полка, контужен; впоследствии полковник, начальник Чеченского округа, с 1867 в отставке.

274. Имеется в виду их совместное пребывание в Таганроге при Кавказской резервной дивизии, куда направлялись для обучения нижние чины, удостоившиеся производства в офицеры.

275. Кудрявцев — в 1845 прапорщик Кабардинского егерского полка, ранен 19 июля; за Даргинскую экспедицию произведен в подпоручики; после нее вышел в отставку.

276. Тимахович Василий — в 1845 штабс-капитан, командир 1-й карабинерной роты Кабардинского полка (видимо, после ранения Краузе), погиб в 1845 в плену.

277. Костырко Иван Макарович — поручик Куринского егерского полка, умер от ран. Вероятно, Гейман ошибается в чине; у Дондукова-Корсакова, Ржевуского и в истории Куринского полка — поручик.

278. ecoutez — послушайте *(фр.)*.

279. Зиссерман и Ржевуский приводят иное написание фамилии — Войнилович.

Войнилович Антон — прапорщик Кабардинского полка, убит на пути от Шаухал-Берды к Герзель-аулу.

280. В числе убитых в истории Кабардинского полка и у Ржевуского офицер с такой фамилией не значится, вероятно, Гейман неточно приводит фамилию — в числе убитых Зиссерман называет прапорщика Владимира Ильинского.

281. Ежов Павел Никитич (? — ок. 1888) — в 1845 поручик Кабардинского егерского полка, ранен на пути из Дарго в Шаухал-Берды; позднее майор в г. Перми.

282. В истории Кабардинского полка в числе раненых Гаркушевский не упоминается, среди раненых там упомянут подпоручик Горбачевский, не названный у Геймана; подпоручик Гаркушевский Осип Прокопьевич был награжден за участие в экспедиции орденом Св. Анны 3 ст.

283. Чернецкий — вероятно, Гейман имеет в виду прапорщика Кабардинского полка Чернявского.

284. Душанский Иван Васильевич (? — ок. 1882) — лекарь в госпитале крепости Внезапная.

285. Форселес Эдуард Федорович (1817–1891) — барон (с 1874), в 1845 поручик лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, за Даргинскую экспедицию произведен в штабс-капитаны; позднее генерал от артиллерии (с 1882), командующий санкт-петербургским арсеналом, директор Финляндского кадетского корпуса, с 1882 вице-председатель экономического департамента Императорского финляндского сената, с 1885 помощник генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и командующего войсками Финляндского военного округа.

286. Альбрант Лев Львович (? — 1849) — в 1845 полковник, дежурный штаб-офицер отряда, ранен 14 июля 1845; позднее (с 1847) генерал-майор; с 1847 начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии, затем комендант Шлиссельбургской крепости, эриванский военный губернатор.

287. Богданович Николай Андреевич (ок. 1821–1852) — в 1845 подпрапорщик Навагинского пехотного полка, с декабря 1845 прапорщик, племянник Л Л. Альбранта; позднее капитан.

288. Гимры были взяты в 1832.

289. Дюссо — владелец ресторана в Петербурге на Большой Морской ул.

290. Козинцов Николай Осипович (? — 1847) — в 1845 штабс-капитан, полковой адъютант Кабардинского егерского полка; позднее капитан.

291. «Современник» — литературный и общественно-политический журнал, основан Пушкиным в 1836. После смерти Пушкина журнал издавали П.А. Вяземский, В.А Жуковский, П.А. Плетнев, с 1847 журнал перешел к Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву.

«Отечественные записки» (1839—1884) — до 1858 учено-литературный журнал, до 1860 редактором и издателем был А.А. Краевский. Наряду с «Современником» один из наиболее богатых по содержанию и прогрессивных русских журналов; в первой половине 1840-х журнал переживал подъем, в нем сотрудничали А.И. Герцен, В.Г. Белинский, К.Д. Кавелин.

«Сын отечества» — исторический, политический и литературный журнал (1812—1844 и 1847—1852). Основан Н.И. Гречем. В первые годы своего существования журнал был либеральным, в 1840-х он придерживался консервативно-монархического направления.

292. Франк (Перейлицер-Франк) Евгений Ульянович — барон, в 1845 поручик Кабардинского егерского полка; позднее есаул Сунженского полка.

293. Мещерский Александр Владимирович — князь, офицер с 1839, в 1845 корнет лейб-гвардии Гусарского полка, позднее генерал-майор, предводитель дворянства Верейского уезда Московской губернии.

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка кн. Мещерский был ранен 23 мая 1845 г. (приказ №66 от 10 июля 1845).

294. После разрушения Ахульго Чечней управляли поставленные русской администрацией приставы, которые подчинялись генералу А.П. Пулло; попыткой изъятия оружия у чеченцев, жестоким обращением с заложниками и прочими злоупотреблениями, которым попустительствовал Пулло, они спровоцировали восстание; этому же способствовал и слух о введении рекрутской повинности среди горцев.

295. В 1842 отряд во главе с генералом П.Х. Граббе отправился из Герзель-аула через леса Ичкерии для захвата резиденции Шамиля Дарго. Дойдя до середины дороги и понеся большие потери, отряд вынужден был вернуться обратно.

296. Ломновский Николай Петрович — в 1873 полковник, командир Куринского егерского полка.

ДЕЛЬВИГ Н. И.

Воспоминания Н. И. Дельвига впервые опубликованы в «Военном сборнике» за 1864 г., №7. Текст публикуется по этому изданию.

297. Например, экспедиция генерала Галафеева в Чечню в 1840, неудачный поход Граббе в Дарго в 1842.

298. 1-й батальон Кабардинского полка входил в Дагестанский отряд, казаков в Чеченском отряде было 13 сотен, а орудий 28 (Обзор, с. 11–12,14).

299. См. об этом в мемуарах Э.С. Андреевского в настоящем издании, с. 489–491.

300. Укрепление Удачное было заложено отрядом П.Х. Граббе 28 мая 1839 во время похода на Ахульго, но в связи с необходимостью концентрации войск и из-за угрозы нападений со стороны горцев 24 июня оно было оставлено (Д.А. Милютин. Воспоминания 1816–1843. М., 1997, с. 220, 240).

301. Вранкен Агафон Карлович (1815–1870) — в конце 1845 подполковник, дивизионный квартирмейстер 19-й пехотной дивизии; позднее генерал-майор (с 1849), начальник штаба 2-го пехотного корпуса.

302. Пассек, вероятно, намекал на беззаботную жизнь в Крыму, так как 5-й пехотный корпус прибыл из Новороссии. Однако, когда писались мемуары, эта фраза вызывала в памяти автора события Крымской войны.

303. Дельвиг ошибается — Бенкендорф командовал 1-м батальоном Куринского полка.

304. См. примечание 206.

305. М* — полковник генерального штаба Е.П. Мильковский.

306. Pieces des circonstances — окружающая действительность, проза жизни *(фр.)*.

307. Согласно официальному отчету о Даргинской экспедиции движение в сторону Технуцала было предпринято не 18, а 20 июня (Обзор, с.33).

На публикацию мемуаров Дельвига откликнулся один из старейших участников Даргинской экспедиции генерал Гротенгельм. Он счел необходимым сде-

лать несколько замечаний по поводу этих мемуаров. В частности, относительно движения в сторону Технуцала он дает следующий комментарий: «18 июня (Гротенгельм пользуется хронологией Дельвига. — *Б.М.*), когда отряд шел в Технуцал, генерал Безобразов командовал авангардом, где, конечно, была часть и кавалерии; но с большей массой кавалерии я остался при главных силах. Граф Воронцов, долго не получая известий из авангарда, послал меня со всей кавалерией кроме грузинской поддержать авангард и преследовать неприятеля. Я нашел авангард на поляне, покрытой озерами. Генерал Безобразов оставил здесь свои войска, потому что люди большим переходом через горы были сильно утомлены. Я миновал авангард и преследовал неприятеля по этой поляне до самых гор, где он скрылся. Вслед за этим прибыл граф Воронцов и лично удостоверился в невозможности преследовать далее по недоступности местоположения для кавалерии» (М. Гротенгельм. Заметка на статью «Воспоминания об экспедиции в Дарго» // Военный сборник, 1864, №10, ч. 3, с. 2).

308. l' expedition des truites (détruite) — игра фр. слов: des truites — за форелью и détruite — неудачный, провальный.

309. Александра Федоровна (1798—1860) — императрица, урожденная прусская принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, жена Николая I.

310. Пети де Обюссон Франц Августович (Огюстович) — прапорщик Модлинского пехотного полка, состоял в должности адъютанта при начальнике штаба Чеченского отряда; позднее адъютант начальника 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гасфорта.

311. Речь идет о подпоручике Гоствицком; см. примечание 105.

312. Non, je sens — c'est la mort. — Нет, я чувствую, это смерть *(фр.)*.

313. По поводу описания Дельвигом событий 6 июля Гротенгельм делает следующие замечания: «6 июля я командовал всей кавалерией, а генерал Безобразов кавалерией Чеченского отряда. На одной из полян, недалеко от Дарго граф Воронцов оставался с главными силами. Генерал Гурко приказал мне с частью кавалерии идти в Дарго. Я спустился с гор, у подошвы их оставил сотню казаков, а с остальной кавалерией пошел в Дарго, занятый уже нашими войсками. Я прибыл туда около девяти часов вечера, а граф Воронцов около двенадцати. Я застал весь авангард спящим, а горцы с правой стороны изредка стреляли в лагерь, хотя на Кавказе на это обыкновенно не обращают внимание, но я послал состоящего при мне в должности адъютанта ротмистра Неттеля (Генрих Карлович, старший адъютант штаба войск Кавказской линии, ротмистр Гусарского его высочества принца Максимилиана Лейхтенбергского полка, за Даргинскую экспедицию произведен в майоры. — *Б.М.*) взять нескольких казаков и занять небольшие возвышения с правой стороны, откуда производились выстрелы: тогда стрельба горцев прекратилась. Это и дало, вероятно, повод барону Дельвигу упомянуть обо мне, что я роптал на офицеров генерального штаба, что они не выставили цепи. Но мои слова не могли относиться до барона Дельвига, так как он в то время состоял при генерале Лидерсе» (М. Гротенгельм. Заметка на статью «Воспоминания об экспедиции в Дарго» // Военный сборник, 1864, №10, ч. 3, с.2).

314. Ржевуский называет его капитаном, Гизетти — штабс-капитаном.

315. Правильно — Воздвиженской.

316. la nuit porte conseil — французская поговорка, дословно «ночь приносит совет», аналог русской пословицы «утро вечера мудренее».

317. Унтер-офицер Кабардинского полка Николай Длотовский (Длотковский), произведен за это в прапорщики (приказ №87 от 14 августа 1845).

318. Речь идет о юнкере Михаиле Баумгартене. Дельвиг, вероятно, путает его с поручиком П.Е. Баумгартеном; см. примечание 128.

319. Гордеев Николай Яковлевич (?—1878) — в 1845 штабс-капитан Люблинского егерского полка, адъютант генерала А.Н. Лидерса, за Даргинскую экспедицию произведен в капитаны; позднее генерал-майор, командир Тарутинского егерского полка.

320. Имеется в виду крупный смотр войск, который проводил император под г. Вознесенском в 1837.

321. Каз-Булат-Ясенов — начальник конвоя генерала Лидерса, возможно, поручик лейб-гвардии Казачьего полка Влас Кубатьевич Есенов.

322. Автор имеет в виду эпизод, произошедший с библейским Авессаломом. «Он был на муле; когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то Авессалом запутался волосами своими в ветвях дуба и повис между небом и землею — а мул бывший под ним убежал» (Вторая книга царств 18:9).

323. un manvais quart d'heure — скверную четверть часа *(фр.)*.

324. Автор приведенного отрывка — Ф.Л. Гейден, состоявший в 1845 при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом. А.М. Дондуков-Корсаков пишет в своих воспоминаниях, что именно Гейдена Воронцов послал 14 июля вслед за своим адъютантом Лонгиновым к авангарду Белявского. Подтверждает Дондуков-Корсаков и факт ранения Гейдена в этот день (А.М. Дондуков-Корсаков. Мои воспоминания 1845-1846 // Осада Кавказа. СПб., 2000, с.485–486).

325. Шепинг в 1845 был поручиком, чин штабс-ротмистра получил за Даргинскую экспедицию.

326. allons, messieurs, mourrons — пойдемте, господа, погибнем *(фр.)*.

ГОРЧАКОВ Н. И.

Мемуары Н. И. Горчакова опубликованы впервые в «Кавказском сборнике» за 1877 г., №2. Текст публикуется по этому изданию.

Автор воспоминаний Николай Ильич Горчаков (ок. 1819—?) (РГИА, ф. 496, оп. 3, д. 2200, л. 139 об.). 28 ноября и 3 декабря 1843 прапорщик Черноморского линейного № 2 батальона Николай Горчаков вместе с несколькими нижними чинами участвовал в спасении команд судов, потерпевших крушение у берегов Черного моря (там же, л. 129). Указом от 25 апреля 1845 г. Горчаков (к тому времени уже прапорщик Куринского егерского полка) за эти «подви-

ги человеколюбия» был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (РГИА, ф. 496, оп. 1, д. 94, л. 1000а). Вместе со своим полком он участвовал в Даргинской экспедиции и «за дело с горцами» 5 июня 1845 г. Воронцов, не зная о предыдущем указе, наградил его тем же орденом. Император принял решение оставить в силе приказ Воронцова, а за «подвиги человеколюбия» наградить Н.И. Горчакова медалью «За спасение погибавших» (РГИА, ф. 496, оп. 1, д. 94, л. 1229).

327. Жалонеры (*фр.* jaloneur, от jalon — веха, шест) — нижние чины, носящие на штыке цветной флажок (жалонерский значок), служащий для указания места батальона или роты и для обозначения линии построения войск.

328. Здесь и далее Дельвиг неверно называет фамилию, речь идет о Р.П. Левисоне.

329. Мерклин был прапорщиком.

330. Весной 1846 Шамиль перешел Терек, вторгся в Большую Кабарду и прекратил сообщение по Военно-Грузинской дороге.

331. Имеется в виду неудачная экспедиция П.Х. Граббе 1842. Куринский полк понес тогда большие потери. Эти события нашли отражение в одной из песен Куринского полка:

В лесах темных ичкеринских
Русский раненый лежал,
То солдат был наш куринский,
Храбрый воин помирал.

332. По официальным данным, 6 июля были убиты 1 генерал, 1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 28 нижних чинов и 4 милиционера.

333. Имеется в виду полковник Г.И. Гюллинг.

334. По официальным данным, в «сухарной экспедиции» были убиты 2 генерала, 3 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 537 нижних чинов; ранены 32 обер-офицера и 738 нижних чинов (Обзор, с 56).

335. Импет — удар, напор, стремление; напорная, ударная сила *(лат.)*.

НИКОЛАИ А.П.

Мемуары А.П. Николаи опубликованы в «Русском Архиве» за 1890 г., №2. Текст публикуется по этому изданию.

336. Самсонов был ротмистром Кавалергардского ее императорского величества полка.

337. Джонка — жженка, напиток из вина, рома, сахара, иногда с пряностями, ананасами и пр.

338. Неудачная экспедиция Нейдгардта 1844 — см. мемуары Э.С. Андреевского, с. 489—491.

339. См. примечание 301.

340. Николаи называет главным Чеченский отряд, что не совсем точно. Главный действующий отряд был образован слиянием Чеченского и части войск Дагестанского только после взятия Андии (Обзор, с. 32).

341. Воспоминания И.Д. Орбелиани о его пребывании в плену у горцев в 1842 — см. «Литературная газета», 1969, №9/10.

342. Галате (Галатерси, Галатери) Иосиф Гаврилович — граф, в 1845 подполковник, адъютант Воронцова, прибывший с ним на Кавказ, 10 июля отправлен с донесением к императору о взятии Дарго; позднее чиновник по особым поручениям при Кавказском наместнике, в 1862 вышел в отставку в чине генерал-майора.

343. Катер — помесь осла и кобылы.

344. См. примечание 318.

345. В «сухарной экспедиции» были убиты поручики Ольшевский и Ольховский. Николаи перепутал их, обязанности адъютанта при Пассеке исполнял не Ольшевский, а Ольховский. Ольшевский был поручиком Одесского егерского (по Гизетти) или Навагинского (по Ржевускому), Ольховский — лейб-гвардии Кирасирского полка.

346. Беклемишев был тогда ротмистром.

347. Стенбок был тогда подполковником.

348. Чеченский отряд — имеется в виду отряд Фрейтага.

349. Возможно, Николаи ошибается в чине и речь идет об Иване Леонтьевиче Ктитараве — майоре, командире 15-го линейного кавказского батальона (Кавказский календарь на 1846, 1-е изд., с. 205).

350. Ксенофонт (ок. 430—355/354 до н.э.) — древнегреческий писатель, автор трудов по истории, философии, хозяйственным и военным вопросам.

АНДРЕЕВСКИЙ Э.С.

Мемуары Э.С. Андреевского впервые опубликованы в кн. «Архив К.Э. Андреевского», т. I, Одесса, 1913, со вступительной статьей и комментариями С.Л. Авалиани. Текст публикуется по этому изданию

351. a gogo — ключом.

352. Вольф Николай Иванович (1811—1881) — в 1845 полковник генерального штаба, флигель-адъютант (с 1844), состоял при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом, отвез донесение о Даргинской экспедиции в Петербург; за Даргинскую экспедицию получил чин генерал-майора; позднее генерал-лейтенант (с 1856); в 1846—1854 обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса, с 1856 член Военного совета.

353. j'aime la guerre et je m'en flatte — я люблю войну и ею наслаждаюсь *(фр.)*.

354. Имеется в виду Александр Эристов.

355. Орбелиани Дмитрий (Джамбакурьян) Фомич (1797—1868) — князь, в 1845 губернский предводитель грузинского дворянства (с 1839), полковник

(с 1842), начальник Грузинской милиции, за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-майоры; позднее генерал-лейтенант (с 1856), с 1857 состоял для особых поручений при Отдельном Кавказском корпусе.

356. Данилов Михаил (Николай) Иванович (? — не позднее 1885) — в 1845 штабс-капитан Кабардинского егерского полка, адъютант кн. В.С. Голицына, начальник Кабардинской и Дигорской милиции. В Кавказском календаре на 1846 назван Николаем Ивановичем (1-е изд. с. 206), по спискам кавалеров орденов Св. Владимира и Св. Станислава — Михаил Иванович (РГИА, ф. 496, оп. 3, д.1493, л. 576 об.; д. 2110, л.746 об.).

Андреевский ошибается, по данным Ржевуского, а также по приказам (см. например, Приказ Воронцова № 60 от 1 июля) Данилов был начальником кабардинской и дигорской милиции.

357. Голицын Владимир Сергеевич (1794–1861) — князь, генерал-майор (с 1843), в 1843—1846 начальник центра Кавказской линии, с 1847 состоял при Отдельном Кавказском корпусе, с 1849 в отставке.

358. Тарханов Роман Дмитриевич — князь, майор (с 1841), в 1845 состоял по армии, гевальдигер Отдельного Кавказского корпуса; за Даргинскую экспедицию произведен в подполковники.

359. Правильно — 4 июня.

360. Правильно — 5 июня.

361. Лисаневич Семен Дмитриевич — в 1845 прапорщик лейб-гвардии Финляндского полка, состоял в должности адъютанта при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом; за Даргинскую экспедицию произведен в подпоручики; с 1874 в отставке в чине генерал-майора.

362. Герасимов Егор Семенович (ок. 1804 — 1852) — в 1845 генерал-майор, в 1843—1846 обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса, в 1850—1852 начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории.

363. Хрещатицкий Павел Степанович (?—1864) — начал службу в 1801; в 1845 генерал-майор (с 1834), походный атаман донских полков, находящихся при Отдельном Кавказском корпусе (с 1843); позднее генерал-лейтенант (с 1847).

364. Земский Николай Федорович — врач, в 1830-х был старшим доктором войск на Кавказской линии и в Черномории; в 1845 статский советник, старший доктор главного действующего отряда на начальном этапе Даргинской экспедиции; вышел в отставку в чине действительного статского советника.

365. Так в тексте.

366. Чекалка — как пишет В.И. Даль, «зверь песьего роду», шакал.

367. Ржевуский указывает Неелова в числе пропавших без вести.

368. Так в тексте.

369. Как видно из приказа Воронцова, горцев было около 6 тыс. (приказ №54 от 17 июня).

370. Имеется в виду Александр Эристов.

371. Во главе Тифлисской пешей милиции был кн. Л.И. Меликов.

372. Потери 14 июня по официальным данным составили убитыми: 1 обер-офицер и 5 нижних чинов, ранеными — 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров, 54 нижних чина, контуженными 5 обер-офицеров и 57 нижних чинов (Обзор, с.30).

373. Ave Caesar, morituri te salutant! — Здравствуй Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя *(лат.)*.

ФОН ШВАРЦЕНБЕРГ Э.

Под мемуарами стоит подпись: генерал-майор Эйзен фон Шварценберг. По всей видимости, это Карл Карлович Эйзен фон Шварценберг. В РГИА нам удалось обнаружить родословную семейства Эйзен фон Шварценбергов. Согласно документам генерал-майор артиллерии Карл Федорович Эйзен фон Шварценберг происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии (РГИА, ф. 1343, оп. 33, д. 696, л.2). Он имел двух сыновей: Карла Готфрида (родился 20 февраля 1830) и Николая Фабиана (родился 12 июля 1830) (там же, лл. 18 об. — 19). Карл был определен в число казеннокоштных кадетов Института корпуса инженеров путей сообщения и покинул его в 1840 (там же, лл. 16, 20).

Карл Карлович Эйзен фон Шварценберг был произведен в офицеры 16 августа 1843 г. (список полковников по старшинству на 1867 г. СПб., 1867, с. 447). Причем в приказе от 16 августа 1843 г. сказано, что Эйзен фон Шварценберг (имя и отчество не названы) произведен из юнкеров 5-го саперного батальона в прапорщики того же батальона (Высочайшие приказы о чинах военных за 1843 г., с. 619). Таким образом, биографические данные К.К. Эйзен фон Шварценберга согласуются с текстом мемуаров: их автор служил в 5-м саперном батальоне, что вполне логично после учебы в Институте корпуса инженеров путей сообщения, и судя по тексту, незадолго до января 1844 г. был произведен в офицеры. За участие во взятии Дарго 6 июля прапорщик 5-го саперного батальона «Энзель фон Шварценберг» (ошибка или опечатка в фамилии, что не так уж редко встречается в приказах) был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. (приказ № 87 от 14 августа 1845). К. К. Эйзен фон Шварценберг служил затем во 2-м резервном саперном батальоне (там же служил и В.Н. Норов), а в 1853 переведен поручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1864 К.К. Эйзен фон Шварценберг стал полковником, а в 1866 назначен командиром 46-го резервного пехотного батальона (Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. II. СПб. 1883. Приложения, с. 183). К сожалению, нам не удалось установить, когда он стал генерал-майором. Младший его брат, Николай, стал генерал-майором в 1870, но участником Даргинской экспедиции он быть не мог по возрасту и потому, что офицером он стал только в 1849 (Список генералам по старшинству на 1871 г. СПб., 1870).

Впервые мемуары были опубликованы в «Южном сборнике в пользу пострадавших от неурожая, изданном Одесским обществом вспомоществования литераторам и ученым» (Одесса. 1892, с. 101–110). Текст публикуется по это-

му изданию. Автор был прапорщиком 5-го саперного батальона, за взятие Дарго 6 июля он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени (приказ Воронцова № 87 от 14 августа 1845).

374. Воронцов был назначен на Кавказ в конце 1844, Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию только в 1856 г.

375. Цифра маловероятная, хотя точных сведений о числе горцев нам обнаружить не удалось. Беклемишев пишет, что на момент «сухарной экспедиции» численность чеченцев по слухам «значительно превышала 10 тыс. чел.». Бенкендорф пишет, что 6 июля «Шамиль был застигнут врасплох, имея для противодействия нашему движению не более 1000 человек» (Осада Кавказа, с. 384). В приказе Воронцова №54 от 17 июня говорится, что 14 июня численность горцев составляла более 6000 чел.

376. По официальным данным 6 июля были убиты 1 генерал, 1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 28 нижних чинов и 4 милиционера; ранено 9 офицеров, 98 нижних чинов и 30 милиционеров, контужено 32 человека (Обзор, с. 45).

377. Цифра преувеличена, так как при наступлении на Дарго в строю всего было 7940 чел. пехоты, 1218 чел. конницы и 342 артиллериста (Обзор, с. 40).

378. См. примечание 335.

379. См. примечание 142.

380. Шварценберг неточен: 16 июля отряд выступил около 8 часов утра и продолжал движение, отражая атаки горцев. Итогом дня стало расположение войск лагерем у аула Шаухал-Берды.

381. Полковник Федор Яковлевич Завалиевский.

382. Воронцов был графом, за Даргинскую экспедицию ему был пожалован титул князя, титул светлейшего князя он получил лишь в 1852.

ФОН МЕРКЛИН А.-В.

Мемуары Августа-Вильгельма фон Мерклина впервые опубликованы в журнале «Звезда», № 6, за 1996 г. В личном фонде А.М. Дондукова-Корсакова (РГИА, ф. 932, оп.1, д. 10) была обнаружена небольшая рукопись, скорее всего это была копия, без какого-либо указания на авторство. В архивной описи рукопись значилась как воспоминания неизвестного автора о «сухарной экспедиции» 1845 г. При подготовке первой публикации установить авторство воспоминаний не удалось («Звезда», №6, 1996, с. 177–191. Вступительная статья и публикация Г.Г. Лисицыной). Дальнейшие поиски автора воспоминаний и участника этой экспедиции были более успешными, произошло это благодаря небольшой по объему книжке, предназначенной для нижних чинов 79 пехотного Куринского полка (Брюховецкий. «100 лет боевой и мирной жизни 79 пехотного Куринского полка. 1802–1902». СПб., 1902), в которой, в отличие от других, более подробных изданий истории этого полка упоминались четверо куринцев, раненных во время «сухарной экспедиции». Среди них должен был находиться

будущий автор воспоминаний. В Российском государственном военно-историческом архиве среди послужных списков куринцев были выявлены те, которые принадлежали раненым 10 и 11 июля. Среди них был и послужной список Августа-Вильгельма фон Мерклина, ранение которого в точности совпадало с описанным в воспоминаниях неизвестного участника Даргинской экспедиции. Во время боевых действий на Кавказе в 1845 г. фон Мерклин был прапорщиком, 11 июля был ранен и контужен, много лет спустя, в 1882 г., будучи уже генерал-майором, написал свои воспоминания. Они увидели свет под фамилией автора только в 2000 г., когда были опубликованы в качестве приложения к книге Я.А. Гордина «Кавказ. Земля и кровь». СПб., 2000.

383. Значки — опознавательные знаки отдельных частей.

384. По официальным данным отряд, занявший Дарго, состоял из 10 батальонов,4 рот саперов, 3 рот стрелков, 2 дружин грузинской пешей милиции, 4 сотен казаков, 9 сотен конной милиции, 2 легких и 14 горных орудий (Обзор, с. 40).

385. Отряд Гюллинга прибыл утром 10 июля (Обзор, с.50), а отряд Клюгенау выступил в 3 часа пополудни. Норов приводит несколько иные данные — транспорт прибыл немного за полдень, Клюгенау выступил в 4 часа.

386. Юнгерсон Карл Карлович (1820–1882) — в 1845 унтер-офицер Куринского егерского полка; позднее генерал-лейтенант (с 1882).

387. По официальным данным отряд Клюгенау состоял из 6 батальонов, 4 горных орудий и команд казаков и милиции (сводный батальон из двух рот Литовского и 2 рот Замосцского егерских полков, 3-й батальон Люблинского егерского полка, две роты Апшеронского пехотного полка, батальон Навагинского пехотного полка под командованием подполковника Сервирога, 2-й батальон ген.-адъютанта кн. Чернышева (Кабардинского егерского) полка, три роты ген.-адъютанта кн. Воронцова (Куринского егерского) полка, две роты 5-го саперного батальона, полроты Кавказского стрелкового батальона, половина казаков от сотен Кавказского, Кубанского, Моздокского и Гребенского линейных полков, два орудия горной №3 батареи и два орудия горной №4 батареи, половина милиций — Грузинской пешей и конной, Осетинской, Дигорской и Кабардинской, команды от запасного артиллерийского парка и других подобных частей, а также раненые и больные, которые не в состоянии были ехать). В авангарде шли кабардинцы, а не куринцы; три (а не 4 роты) куринцев шли в левой цепи (Обзор, с.51). Мерклин пишет, что цепей не выставляли по условиям местности, что расходится с данными Обзора.

388. Фок был убит 6 июля.

389. Вероятно, Клюге фон Клюгенау.

390. Имеется в виду капитан 5-го саперного батальона Шлиттер.

391. «... Бывший начальник настоящего Ичкерийского округа полковник Головачев, объезжая в 1864 г. этот округ, увидел множество человеческих костей, белевших по сторонам узкой дороги в лесу; на вопрос его, чьи это кости? — окружавшие его почетные чеченцы скромно отвечали, что они не знают. Это были кости павших в двухдневном кровопролитном сражении

с горцами в 1845 г. По распоряжению начальника округа они были собраны и перевезены на арбах в Ведено, зарыты на кладбище укрепления, где была [когда-то] резиденция Шамиля...» (К. Белевич. Воспоминания о Слепцове и Пассеке // Нива, 1872, № 32, с. 508).

392. Так в тексте.

393. По официальным данным потеря русских войск 10 и 11 июля составила убитыми: 2 генерала, 3 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 537 нижних чинов, ранеными: 32 обер-офицера и 738 нижних чинов. Всего же в Даргинской экспедиции погибли 3631 человек (Обзор, с.56).

БЕКЛЕМИШЕВ Н.П.

Мемуары Н.П. Беклемишева впервые были опубликованы за подписью «Кавказский ветеран» в газете «Кавказ», №№ 92-93 за 1892. Эта публикация положена в основу настоящего издания. Несколько фактов неоспоримо указывают на авторство Н. П. Беклемишева. Во-первых, совпадает чин: мемуарист говорит, что он был ротмистром гвардии, Н.П. Беклемишев был действительно в чине ротмистра лейб-гвардии Уланского полка. Во-вторых, 11 июля автору мемуаров было поручено командовать батальоном убитого накануне полковника Кривошеина, т. е. 3-м батальоном Люблинского полка (в мемуарах он ошибочно назван батальоном Литовского полка — это скорее всего опечатка или описка, так как своих солдат он называет люблинцами, о Люблинском полку говорится и в редакционном примечании, Литовский полк в «сухарной экспедиции» был представлен только двумя ротами). Норов в своих мемуарах также сообщает, что батальоном Кривошеина был назначен командовать Н. П. Беклемишев. В-третьих, Бенкендорф пишет, что единственным добровольцем, участвовавшим в «сухарной экспедиции», был адъютант И.Ф. Паскевича Беклемишев (правда, К.К. Бенкендорф называет его капитаном, то есть соответствующим пехотным чином). О том, что его участие в экспедиции было добровольным, пишет и автор письма неизвестному адресату, которое было опубликовано в журнале «Заря», № 9 за 1870 (с. 324). Автором письма является также офицер, командовавший 11 июля 3-м батальоном Люблинского полка, т. е. Н. П. Беклемишев. Наконец, в-четвертых, описание разговора Воронцова и Беклемишева после окончания «сухарной экспедиции», приведенное со слов последнего Дондуковым-Корсаковым, совпадает с разговором главнокомандующего и «Кавказского ветерана».

394. Мария Александровна стала императрицей только в 1855 г.

395. Беклемишев покинул Кавказ в 1848, а вернулся туда только в 1887, когда в чине генерал-лейтенанта был назначен состоять при войсках Кавказского военного округа.

396. Барятинский не был в 1845 г. флигель-адъютантом, он был адъютантом наследника вел. кн. Александра Николаевича.

397. Имеются в виду события августа 1839 под Ахульго; во время переговоров с русскими Шамиль в качестве заложника отправил в лагерь правительственных войск своего малолетнего сына Джемал-ад-дина. Однако переговоры успехом не увенчались и Ахульго было взято штурмом.

398. Манат — имеется в виду аманат — заложник.

399. Транспортом с продовольствием командовал не сам Бебутов, а подполковник Гюллинг.

400. Кривошеин Федор Иванович — в 1845 подполковник Люблинского полка, командовал 3-м батальоном; убит в «сухарной экспедиции».

Беклемишев ошибочно называет полк Литовским.

401. Так в тексте.

402. Беклемишев ошибается, Маевский был убит 14 июня при взятии Анди, всех погибших похоронили на следующий день, невероятно, чтобы гроб в течение месяца войска возили с собой. Интересно, что эпизод с гробами неверно описан и в письме: «...две лошади везли гроб с телом генерала Фока, две другие — нашего родственника Михаила Николаевича Бибикова...В одно мгновение лошади под гробами и орудием были убиты и перешеек сделался почти непроходимым» (журнал «Заря», 1870, № 9, с. 324). На самом же деле командир Навагинского полка М.Н. Бибиков был убит только 19 июля.

403. Речь идет о батальоне Люблинского полка, дальше по тексту полк назван правильно. В письме, написанном по горячим следам событий, Беклемишев приводит иную цифру — 300 пеших милиционеров (журнал «Заря», 1870 № 9, с. 324).

404. Правильно — 5-го корпуса.

405. Вероятно, имеется в виду командир конной грузинской милиции штабс-капитан Илья Дмитриевич Орбелиани (за Даргинскую экспедицию он произведен в капитаны (приказ №76 за 1845). И. Д. Орбелиани был убит в 1853 под Баш-Кадыкларом.

406. Васильчиков Виктор Илларионович (1820–1878) — князь, генерал-адъютант (с 1855), генерал-лейтенант (с 1857), в 1842–1843 участвовал в военных действиях на Кавказе, в годы Крымской войны был начальником штаба Севастопольского гарнизона, в 1858–1861 товарищ военного министра.

Виктор Васильчиков в Даргинской экспедиции не участвовал, хотя в 1840-х он служил на Кавказе, Беклемишев, вероятно, имел в виду его брата Сергея Илларионовича Васильчикова, который был адъютантом Воронцова.

407. Пахва — один из седельных ремней с очком, в которое продевается хвост лошади, чтобы седло не съезжало ей на шею.

408. Так в тексте.

409. Беклемишев путает события — Бенкендорф был ранен шашками 14 июля, тогда же ранен и Бибиков (Обзор, с.63, 64), убит же Бибиков 19 июля (Обзор, с. 74).

410. С 12 июля Беклемишев командовал батальоном убитого Ронжевского, то есть 2-м батальоном Кабардинского полка (см. его письмо, с. 327), из мемуа-

ров же следует, что Воронцов хотел объединить два батальона Кабардинского полка, в истории Кабардинского полка Зиссерман об этом не упоминает.

Рота Литовского полка не упоминается в «Обзоре» в числе войск арьергарда. Согласно Обзору (с. 73), 1-й батальон Литовского полка следовал в авангарде, арьергард же состоял из 3-го батальона Апшеронского полка, 1 и 2-го батальонов Кабардинского полка, двух горных орудий, кроме того, 1-му батальону Люблинского егерского полка было приказано остаться на занимаемой им позиции и присоединиться к арьергарду, когда вытянется весь отряд.

411. Забота Фрейтага о Беклемишеве объясняется тем, что Фрейтаг был женат на родственнице Беклемишева.

412. Так в тексте.

413. Воронцова Елизавета Ксаверьевна (1792—1881) — урожденная гр. Браницкая, фрейлина, статс-дама, жена М.С. Воронцова.

414. См. примечание 382.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович 540, 542
Авдеев И. Ф. 223, пр. 178
Ага-Магамед-хан 54, пр. 61
Адам В.С. 369, пр. 258
Адлерберг Г. Я. 12, 114, 130, 290, пр. 99
Алалаев А. К.352, 391, пр. 251
Александра Федоровна 418, пр. 309
Альбрант Л. Л. 172, 175, 222, 315, 382, 394–396, 432, 470, 479, 502, 509, пр. 286
Аммосов А. Н. 52, 223, 292, 417, 419, 421, 430, пр. 52
Андрей 239, 240
Андреевский Э. С. 29, 39, 40, 389, 390, пр. 204
Андроников Р. И. 222, 292, пр. 169
Анреп И. Р. 236, пр. 196
Анучин Д. Г. 26, 27
Аргутинский-Долгоруков М. З. 3, 5–7, 9, 38, 50, 51, 61, 65, 95, 96, 204, 205, 221, 304, пр. 11
Асланов 386
Астафьев 162
Атавай 72
Ахверды-Магома 402
Ахмет-хан 227

Бальмен, де Я. П. 52, 136, 173, 175, 223, 292, 417, 433, 479, пр. 51
Баранов Э. Т. 319, пр. 227
Бардаченский 162
Барятинский А. И. 12, 26, 27, 51, 108–111, 222, 241, 276, 278, 279, 316, 339, 350, 353, 388, 391, 403, 415, 416, 459, 466, 467, 486, 506, 509–512, 534, 535, пр. 21
Баумгартен М. 162, 308, 428, пр. 128
Башилов 173, 175,223, 479, 493, пр. 144
Башкатов 356
Бебутов В. О. 8, 12, 14, 17, 20, 51, 63, 89, 100, 104, 114–116, 121, 122, 162, 203, 221, 249, 269, 287, 337, 358, 359, 418, 460, 461, 464, 467, 492, 496, 498, 500, 501, 535, пр. 23
Безобразов С. Д. 8, 83, 84,93, 116, 134, 141, 222, 239, 241, 292, 360, 366, 410, 418, 419, 421, 424, 441, 467, 492, 495, 496, 502, 535, пр. 84
Беклемишев Н. П. 7, 29, 40, 41, 52, 155, 157–159, 222, 305, 320, 475, пр. 50
Белик П. Г. 386, пр. 273
Белосельский-Белозерский Э. А. 240, пр. 198
Бельгард В. А. 14, 38, 130, 163, 197, 203, 297, 359, 419, 468, 477, 530, пр. 109
Белявский К. Я. 14, 15, 20, 63, 76, 78, 80, 107, 120, 133, 135, 136, 139, 140, 166, 168, 171, 172, 179, 180, 183, 189, 190, 193, 194, 222, 360,

378, 421, 423, 424, 430, 432, 433,440, 460, 468, 470, 471, 478, 511, 534, 535, 545, пр. 77
Бенкендорф А. Х. 224, 233, пр. 188
Бенкендорф К. К. 20, 29, 30, 38, 39, 52, 91, 171. 175, 223–226, 231, 343, 379, 412, 420, 432, 436, 445, 460, 463, 478, 480–480, 486, 493–495, 503, 507, 534, 544, пр. 39
Бенкендорф К. Х. 223, пр. 187
Беранже Ж. П. 282, пр. 217
Берзенадзе(в) Д. И. 385, пр. 272
Бибиков М. Н. 41, 167, 170–172, 174–176, 190, 191, 222, 279, 315, 376, 382, 385, 405, 431, 440, 478, 479, 484, 544, пр. 138
Блиев М. М. 3
Блум (Блюм) Ф. Е. 223, пр. 186
Богданович Н. А. 394, пр. 287
Бруссе (Броссе) М. 242, 243
Брюховецкий 27
Бублик Я. П. 204, пр. 156
Будберг А. И. 162, пр. 132
Булгарчик 162
Бурдыга 356

Васильчиков В. И. 542, пр. 406
Васильчиков С. И. 52, 183, 222, 292, 434, пр. 38
Вельяминов А. А. 24, 172, 224, 225, 233, 243–247, пр. 143
Веревкин А. Н. 222, 292, пр. 168
Верминский А. И. 373, 382, пр. 260
Викторов В. М. 17, 18, 124, 130, 148, 153, 154, 161, 222, 295, 307, 368, 374, 404, 426, 447, 448, 473, 474, 514, 524, 528, 537, 541, 552, пр. 104
Витгенштейн (Зейн-Витгенштейн-Берлебург) Э. К. Л. 52, 222, 250, 421, 459, 486, 500, пр. 48
Витовский И. П. 223, 378, пр. 139
Войнилович А. 391, пр. 279
Волконский Г. 274, пр. 213
Вольховский – см. Ольховский
Вольф Н. И. 486, пр. 352
Воронцов М. С. 3, 5–10, 12, 14–17, 19–22, 24–27, 29, 30, 32–34, 36–43, 50, 51, 60, 65, 67, 112, 113, 116, 124,125, 147, 151, 152, 161, 163, 169, 173, 174, 207, 208, 220–222, 225, 228–231, 233, 234, 239, 248, 251, 254, 256, 260, 266, 273, 276, 279, 290, 292, 295, 299, 301, 302, 304, 307–310, 131, 316–318, 341, 352, 357, 368, 384, 390, 403, 409–411, 415, 417, 419–425, 427, 429, 437–443, 448, 451–453, 457, 459, 460, 471, 473, 480–483, 487, 493, 495, 498, 499, 501, 503, 505–506, 508, 509, 511–513, 516, 517, 519, 533–536, 541, 542, 545–548, 551, пр. 8
Воронцов С. М. 52, 222, пр. 41
Воронцова Е. К. 551, пр. 413
Врангель В. Е. 136, 222, 383, пр. 114,268
Вранкен А. К. 411, пр. 301
Вранкин 383, пр. 268
Вревский И. А. 34, 51, 176, 222, пр. 32
Вревский П. А. 233, пр. 194

Гагарин А. И. 51, 222, пр. 37
Гагарин Г. Г. 39, 225, 226, пр. 189
Гагарин ("безногий") 399
Гагарина Е. 399
Гаджи-Али 43
Галате И. Г. 473, пр. 342
Гамзат-бек 57, 58, 394, пр. 71
Гаркушевский О. П. 391, пр. 282
Гасфорт Г. Х. 68, пр. 81
Гейден Ф. Л. 1, 30, 51, 175, 222, 434, 486, 551, пр. 29, 324
Гейман В. А. 29, 31, 32, 51, 162, 226, 391, пр. 33
Георгий XII 54, пр. 63
Герасимов Е. С. 499, пр. 362

Гербель 223, пр. 185
Герштенцвейг В. А. 6
Гессенский А. 7, 34, 52, 71, 81, 90, 105, 111, 123, 128, 195, 222, 242, 278, 341, 421, 422, 459, 469, 470, 486, 491, 501, 511, 717, 533, 535, пр. 40
Гладков 356
Глебов М. П. 183, 222, 438, 469, пр. 149
Голиков М. И. 200, пр. 154
Голицын А. С. 52, 222, пр. 45
Голицын В. С. 487, пр. 357
Головин Е. А. 3, 4, 49, 335, пр. 6
Гордеев Н. Я. 430, пр. 319
Горчаков Н. И. 29, 30, 31, 226, пр. 191
Горшельт Т. 258, пр. 208
Горяинов И. И. 379, 393, пр. 265
Гоствицкий 126
Гостыминский 330, 331, 333, 370, 393
Граббе П. Х. 3,4, 25, 29, 40, 97, 227, 298, 322, 403, 434, 463, 467, 480, 493, 496, 534, пр. 89
Гротенгельм М. М. 116, 117, 423, пр. 100
Гротенфельд А. К. 329, 330, 331, 339, 344, 345, пр. 233
Грузинский И. 52, 222, пр. 46
Гуляков В. С. 273, пр. 211
Гумбольдт А. 344, пр. 248
Гурко В. О. 19, 59, 90, 105, 106, 111, 129, 139, 147, 177, 181, 222, 248, 318, 341, 390, 416, 422, 428, 479, 491, 498, 499, 501, 503, 511, 545, пр. 73
Гюллинг Г. И. 18, 41, 150, 153, 156, 197, 198, 447, 448, 536, пр. 120

Даниель-бек 9, 67, 94, 95, 227, пр. 78
Данилов Н. (М.) И. 487, пр. 356
Дараган М. И. 222, 417, 440, пр. 175
Дария (Дареджан) 54, пр. 62
Дебу А. О. 94, пр. 88
Дегоев В.В. 3
Дельвиг Н. И. 29, 30, 52, 146, 175, 222, 226, 256, 292, пр. 55
Деменский 95
Джамал 534
Джим 469
Дибеков И. 502
Длотовский (Длотковский) Н. 369, пр. 317
Доманский 148
Домбровский 175
Дондуков-Корсаков А. М. 15, 29,40, 42, 51, 136, 166, 169, 222, 225, 226, 231, 250, 286, 292, 301, 362, 421, 469, 475, 535, пр. 22
Донейко 162
Драгомиров 332
Дружинин Н. Я. 222, 292, 389, 390, 422, 437, 488, пр. 164
Дуба 72, 146
Дуров И. Е. 162, 330, 370, 391, пр. 129
Дущанский И. В. 392, пр. 284
Дымовский 162

Евдокимов А. И. 283, 349, пр. 219
Евдокимов Н. И. 50, 283, пр. 13
Ежов П. Н. 391, пр. 281
Екатерина II 246
Ермолов А.П. 7, 6, 17, 19, 24, 49, 72, 220, 225, 229, 231, 244, 245, 264, 284, 402, 403, пр. 2

Жеребцов 358, 386

Завалиевский Ф. Я. 20, 35, 85, 138, 172, 222, 279, 379, 432, 436, пр. 263
Земский Н. Ф. 499, пр. 364
Зиссерман А.Л. 18, 23, 29, 42

Игумнов 240, 257, 269
Иедлинский А. А. 52, 222, 241, 388, 500, пр. 49
Ираклий II 53, 54, пр. 59

Каз-Булат-Ясенов 433, 434, пр. 321
Казбек 269, пр. 209
Кази-Мулла 25, 37, 56, 57, 245, 257, 326, 394, 395, пр. 69

Канищев А. 129, 291, пр. 108
Капгер А. Х. 122, пр. 101
Каплан 316
Кауфман К. П. 222, пр. 172
Качени Л. Л. 222, пр. 170
Кащиев 162
Квитницкий 181, 182
Квятковский В. И. 331, пр. 241
Кесслер Э. Ф. 123, 150, пр. 103
Кибит-Магома 9, 96, 204, 205
Кириленко Г. Л. 385, 391, пр. 271
Киселев И. А. 331, 346, 375, 376, 393, пр. 237
Клименко 162
Клингенберг Е. И. 584
Клочков 33, 314
Клюге фон Клюгенау Ф. К. 8, 14, 17–20, 37, 40, 50, 74, 83, 106, 107, 116, 134, 141, 148, 151–155, 158, 160–163, 167, 182, 183, 189, 192, 221, 302, 305, 308, 349, 351, 353, 360, 368, 369, 374, 376, 378, 404, 414, 419, 426, 427–430, 447–449, 465, 466, 468, 473–475, 478, 511, 514, 515, 522, 536, 541, пр. 14
Ключарев 153, 162, 223, 427, пр. 121
Ковалевский М. К. 106, 107, 113, 122, 203, 222, 226, 231, 280, 283, 493, 495, 504, 507, пр. 92
Ковалевский П. П. 222, пр. 173
Кованько 223
Козинцов Н. О. 396, пр. 290
Козловский В. М. 14, 50, 80, 81, 108, 134, 169, 196, 222, 307, 320, 328, 331, 332, 336, 360, 367, 368, 397, 405, 415–417, 419, 468, 478, 486, 496, 510, 543, пр. 17
Козловский Н. В. 292, пр. 221
Козлянинов Г. Ф., 222, 439, пр. 176
Козлянинов К. Я. 162, 191, 222, 370, 385, 391, 393, 399, 401, 440, пр. 130
Колюбакин Б. М. 5, 33, 34, 37–39, 52, пр. 56
Колюбакин Н. П. 51, 162, 222, 236, 265, 296, 307, 320, 321, пр. 36
Комарецкий 345
Константин 240
Копалкин 356
Корнилов А. П. 144, 146, 223, 366, 425, 472, пр. 117
Корсаков 162, 222, 426, 428
Корф А.М. 6
Костимиревский 392, 393
Костырко И. М. 388, 389, пр. 277
Краузе А. Р. Ф. 162, 331, 333, 344, 370, 375, 391, пр. 129
Кривошеин Ф. И. 155, 223, 536, пр. 400
Кроп 356
Крюков А. П. 341, пр. 247
Ксенофонт 484
Ктитарев 484
Кудашев М. Ф. 99, 107, 197, 464, 496, 500, пр. 90
Кудрявцев 386, 391, пр. 275

Лабезников Л. Г. 222, пр. 171
Лазебников 162, пр. 135
Лабынцев И. М. 7, 14, 16, 20, 50, 93, 102, 104, 134, 139, 142–146, 152, 167, 169, 174, 177, 181, 183, 184, 189, 191, 221, 222, 226, 231, 270–272, 303, 304, 307, 310, 320, 341, 439, 360, 366, 376, 386, 404, 419, 424, 431, 437, 468, 471, 477, 478, 498, 501–503, 518, 519, 535, 547, 548, пр. 16
Лаппа П. В. 223, 393, 548, пр. 183
Лебедев 504
Левашев С. Н. 223, пр. 179
Левисон Р. П. 15, 52, 127, 222, 301, 302, 362, 419–421, 442, 446, 469, пр. 54
Леонтьев Я. Л. 51, 146, 222, 425, пр. 30

Лидерс А. Н. 8, 14, 19, 29, 35–37, 50, 52, 60, 63, 69–72, 74, 75, 80, 84, 90, 102, 104, 107, 109, 111, 115, 118–120, 127, 130, 135–138, 140, 141, 146, 169, 170–176, 223, 231, 269, 292, 359, 409, 415–417, 420, 423, 428, 430, 432, 434, 460, 469, 473, 478–480, 486, 489, 491, 496, 511, 516, 534, 535, 544, 545, 552, пр. 9
Липский К. Я. 183, 195, 460, пр. 148
Лисаневич С. Д. 495, пр. 361
Литул 317
Лобанов-Ростовский М. Б. 222, 233, 239, 250, 260, 296, 320, 507, пр. 166
Ломновский Н. П. 406, пр. 296
Лонгинов А. Н. 175, 222, 433, 436, 479, 480, пр. 145

М. 393
Магомед–Анджикул-Махмуд-оглы 95
Магомед- Аман 43
Маевский А. С. 12, 108—110, 287, 352, 391, 466, 511, 537, 541, пр. 96
Мажаров С. С. 331, 391, пр. 238
Майдель Е. И. 359, пр. 254
Маклиг 502
Мамуд (Мамут) 259, 260, 316, 494
Мария Александровна 222, 459, 533, пр. 159
Меликов Л. И. 51, 223, 255, 257, 277, 343, 463, 487, 494, 495, 503, пр. 25
Меллер-Закомельский П. П. 14, 134, 167, 189, 223, 311, 350, 378, 419, 431, 434, 468, 478, пр. 111
Мельников П. 292, 302, 469, пр. 221
Мерклин, фон А.-В. Е. 27, 29, 41, 42, 162, 443, пр. 134
Мещерский А. В. 400, пр. 293
Мильковский Е. П. 52, 136, 181, 222, пр. 53
Милютин Д.А. 29, 43
Минквиц Ю. Ф. 222, 250, 276, 486, пр. 162
Минка-Али 72
Мисостов Аслан-бек 71
о. Михаил (Смольянский) 348
Михаил Николаевич, вел. кн. 28
Муравьев Н.Н. 26, 51, пр. 24
Могильцев 433
Мусса Андисский 502, 507
Муртуз-Али 222
Мусака-Магамед 78
Муса-паша Кундухов 4

Надир-шах 54, 258, пр. 65
Наполеон Бонапарт 50, 334, 377
Натер Н. И. 331, 332, пр. 240
Невинский 391
Неелов 506
Нейдгарт А. И. 4–6, 37, 49, 59, 220, 221, 228, 249, 292, 461, 462, 489–491, пр. 5
Нейман, фон (Эдлер фон Нейман) Д. О. 12, 108–110, 352, 391, 511, 512, пр. 95
Немцов А. Н. 110, 352, 391, пр. 97
Непокойчицкий А. А. 51, 222, 417, 419, 434, 439, пр. 31
Нестеров П. П. 29, 61, 65, пр. 75
Нечаев В. Н. 33–35, 226, 304, 314, пр. 190
Никитин 473
Николаев 289
Николаи А. П. 29, 33, 40, 51, 161, 222, 226, 250, 266, 296, 310, 315, 316, 486, 500, пр. 28
Николай I 3, 8, 22, 27, 42, 49, 209, 459
Новицкий 162, пр. 136
Новощенков 493
Норденстам И. И. 326, пр. 229
Норов В.Н. 33, 34, 49, 52
Нурали 72
Нуцал 233
Нуцал, хан 57

Ольховский 155, 223, 375, пр. 124
Ольшевский 474, пр. 345

Орбелиани Г. Д. 51, пр. 26
Орбелиани Д. Ф. 143, 149, 487, 493, пр. 355
Орбелиани И. Д. 51, 108, 111, 133, 223, 277, 469, 473, 487, 511, 541, пр. 34
Орбелиани 100, 133, 488

Павел I 49
Паскевич И. Ф. 52, 81, 222, пр. 43
Паскевич Ф. И. 52, 81, 155, 245, 459, 486, 542, 505, пр. 44
Пассек Д. В. 10, 11, 15, 17–22, 23, 30–32, 39, 41, 50, 90, 92, 93, 98, 101, 102, 136, 141, 148, 152, 154, 157, 161, 221, 222, 226, 251, 252, 254, 258–266, 270, 341, 345, 367, 372, 375, 376, 404, 410, 411, 413, 426, 429, 443–445, 447–449, 462–464, 473, 474, 492–495, 497, 498, 501, 503, 513, 515, 532, 536–538, 540, 541, 551, пр. 15
Пассьет П. А. 129, 162, 234, 236, 237, 255, 257, 306, 307, 449, 531, пр. 107
Перепелицын 380, пр. 266
Пети де Обюссон Ф. А. (О.) 419, пр. 310
Петр I 49, 80
Познанский Ф. Г. 144, 146, 222, 292, 293, 366, 425, 472, пр. 116
Попов 542
Постельс К. Ф. 122, 138, пр. 102
Потемкин 428
Преображенский В. А. 189, пр. 151
Прушановский К. И. 222, 440, 501, пр. 152
Прушинский 330, 391
Прянишников 392
Пуркей 309

Ракуса Н. В. 201, пр. 155
Расин 498
Ржевуский А. 27
Ритц Э. И. 223, пр. 177
Розен Г. В. 24, 57, 245, пр. 70
Ронжевский И. А. 18, 68, 154, 155, 158, 161, 222, 308, 328, 330–332, 334, 336, 367, 370, 374–378, 391, 427, 428, 475, 536, 538, 541, пр. 79

Савич 223
Саиб-Абдулла 70, 72, 146
Самсонов А. П. 222, 459, 490, пр. 160
Святополк-Мирский Д. И. 51, 222, 339, пр. 27
Святополк-Мирский В. И. 339
Семен 240
Семенов С. Е. 136, 223, 421, 469, 493, 494, пр. 112
Семенов 357
Сенека 498
Сервирог А. Л. 161, 223, пр. 127
Синюхаев 223, пр. 180
Скворцов 357
Скиндер В. А. 127, пр. 106
Сколков И. Г. 52, 222, пр. 47
Скроцкий 162
Софокл 498
Сталь К. А. Ф. 384, 389, пр. 269
Стенбок-Фермор (Стейнбок, Штейнбок) М. И. 170, 223, 279, 311, 315, 382, 389, 431, 478, пр. 140
Степанов Ф. М. 136, 223, 421, пр. 113
Строганов А. С. 52, 222, 436, 437, пр. 42
Суаиб-мулла 183, 184
Суворов А. В. 17, 321, 405
Суслов А. А. 68, 398, пр. 80

Тарханов Р. Д. 490, пр. 358
Тепи 72
Тимахович В. 386, 391, пр. 276
Тиммерман Н. А. 160, 320, 339, 349, 370, 393, пр. 125
Торнау Ф. Ф. 245, пр. 201
Трубецкой П. П. 222, пр. 167
Туманов 329
Тюлентьев М. 326, 328, 354, 355, 365, 382, 389, 390
Тюлин И. 137

Ушаков С. М. 162, 379, пр. 264

Фавишевич О. 384, пр. 270
Федюшкин 401
Филипсон Г. И. 29, 42, 245, пр. 202
Флепс 327, 328, пр. 231
Фок Б. Б. 8, 15, 41, 84, 89, 107, 108, 110, 116–120, 124, 133, 138, 222, 363, 368, 376, 414, 422, 427, 446, 448, 469, 473, 474, 497, 498, 524, 528, 535, 537, 551, пр. 85
Форселес Э. Ф. 392, пр. 285
Фохт В. В. 160, 181, 182, пр. 126
Франк Е. У. 399, пр. 292
Фрейтаг Р. К. 5, 7, 20, 21, 50, 61, 65, 73, 122, 185, 187–195, 208, 221, 224, 233, 252, 286, 288, 319, 320, 331, 384–387, 396, 426, 430, 438–440, 452–454, 456–458, 476, 481–483, 485, 517–519, 546–548, 550, 551, пр. 12

Х. 256
Хаджи-Мурат 14, 58, 119, 121, 122, 204, 287, 402, пр. 72
Хасаев 233, 319
Ховен Р. Р. 195, пр. 153
Хомяков 357
Хрещатицкий П. С. 78, 167, 499, пр. 363

Чавчавадзе А. 32
Чапский 222, 444, 449
Чернецкий см. Чернявский
Чернышев А. И. 3, 7, 8, 42, 221, 233, 277, 298, 322, пр. 158
Чернявский 331, 391, пр. 239
Чиляев (Челяев) М. Е. 276, пр. 215
Чиляева М. М. 276

Цицианов П. Д. 8, 55, 229, 273, пр. 66
Цытовский В. А. (И.) 375, 393, пр. 262

Шабан-мулла 9, 95
Шамиль 3–10, 12, 15, 20–22, 24–44, 58, 60, 62, 63, 67, 68, 72, 75, 84, 89, 94, 101, 105, 108, 112, 114, 115, 118, 119, 121, 122, 125, 126, 135, 140, 141, 143, 146–148, 150, 162, 164, 166, 168, 178, 186–188, 207, 208, 221, 227, 228, 232, 239, 242, 243, 249, 259, 275, 277, 278, 293, 294, 300, 303, 304, 311, 322, 323, 355, 359, 361, 365, 367, 369, 384, 394, 402, 414, 419, 432, 424, 428, 432, 436, 439, 440, 447, 451, 457, 459, 462, 464–466, 468, 471–473, 482–484,488, 489, 491, 495, 504, 507, 508, 510–512, 517, 518, 520, 533, 534, 542, 544, 547, 550, пр. 3
Шварц Г. Е. 9, 38, 61, 65, 84, 94, 95, 203, 304, пр. 74
Швахгейм Е. К. 162, 316, пр. 133
Шепинг Э. Г. А. Ф. 20, 175, 222, 240, 269, 414–316, 379, 436, 480, 544, пр. 146
Шекспир У 498
Шиллер Ф. 309, 498
Шиманский 328
Шлиттер А. Ф. 35, 85, пр. 86
Шуаиб-мулла 402, 434
Шульгин И.П. 41

Щепкин 356
Щербинин М. П. 29, 43, 222, 250, 266, 276, 292, 317, 439, 482, 486, 499, 504, пр. 163

Эйзен фон Шварценберг К. К. 29, 513
Эльдар 550
Эммануэль Г. А. 326, пр. 230
Эристов А. 111, 223, пр. 93
Эристов Г. Р. 277, пр. 216
Эристов З. 171, 223, 312, 510, 511, пр. 141

Эристов Н. Д. 316, 510, пр. 226
Эристов 108, 466, 487
Эссен 236, 283, 285, 286

Юнгерсон К. К. 523, 524, 531, 532, пр. 386

Яшвиль В. В. 51, 222, 320, 382, 383, пр. 35

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абазульский овраг 91
Авария 57, 58, 227, 251, 252, 265
Аварское Койсу, река 63
Азал, Азалские высоты, хребет 108–112, 115, 116, 119, 120, 123, 159, 350, 351, 354, 355, 414, 418, 534
Аиды, аул 69
Айсунгур, ручей 77
Ак-Булат, деревня 76
Акимала, уроч. 94
Аксай 61, 79, 133, 137, 140–142, 144–147, 149, 151, 159, 160, 166, 168, 176–178, 183, 185, 186, 188, 189, 192, 304, 310, 328, 364–366, 368, 369, 377, 378, 384, 388, 404, 407, 421, 424, 425, 434–436, 439, 442, 446, 452, 454, 455, 457, 467, 468, 470, 471, 475–478, 481, 482
Аксайская долина 134, 137, 139–141, 151, 160, 161, 192
Аксайские высоты 145
Аксайский овраг 133, 144–146, 150, 166–168, 170, 178, 179, 185, 186, 188
Акташ (Ак-таш), река 80–82, 89, 102, 251, 280, 332, 392
Акташская долина 80
Акуша 67, 227
Алжир 406
Алмак 90
Алупка 273
Амир-Аджи-Юрт 60, 61, 73, 76, 77, 195, 327, 398, 460
Амстердам 223
Ананьев 494
Анапа 233, 240
Андалузия 398
Анди, аул 108, 109, 111–113, 116, 120, 210, 211, 232, 350, 351, 353, 414, 415, 417, 423, 464–468, 473, 476, 477, 504, 507–510, 512, 534
Андийка, река 355
Андийские ворота 105, 107, 114, 115, 119, 126, 127, 129–131, 162, 198-200, 206, 209, 270, 275, 276, 278, 338, 349, 350, 354, 355, 358, 414, 420, 445, 454, 464, 466, 503, 508
Андийские высоты 148, 150
Андийское Койсу 57, 61, 62, 63, 117, 118, 265, 275
Андия 49, 59, 60, 62, 95, 102–105, 107, 109–115, 117, 119–122, 124–126, 128–130, 133, 139, 142, 150, 154, 162–164, 193, 195–197, 199, 206, 210, 220, 232, 233, 259, 275–277, 280, 287, 289, 290, 294, 297, 322, 324, 349, 350, 354, 355, 357, 359, 361, 401, 404, 405, 414, 418, 421, 427, 444–446, 462, 500, 506–508, 522, 523, 527–530, 534
Андреевский аул (Андреева деревня, Эндерей) 80–82, 84, 234, 309, 486
Анкратлские общества 204
Ансальта 119, 120

Ансальта, аул 118
Ансальтинская долина 118
Анцух 204
Анчимеер, гора, хребет 91–93, 207, 209, 211, 254, 255, 257, 259, 261, 263, 264, 270, 273, 279, 291, 314, 342, 344, 411, 412, 443, 444, 462, 463, 492, 494–497, 501, 507, 534
Аргуанский овраг 102
Аргуань, сел. 92, 341–343
Аргуань-Дерильталя, ручей 102
Аргун, сел. 324
Аргун, река 71, 72, 535, 543, 544, 547, 548, 550
Аргунское ущелье 71
Армения 253, 267
Артлух (Артух), дер. 493, 499
Арубетский овраг, Арубетское ущелье 91, 98–101
Атаги Малый, аул 72
Аух 93, 125, 308
Ачхой 59, 403
Ахалцых 55, 274
Ахульго 62, 210, 211, 227, 324, 343, 463, 493, 534
Ахшпатой-Юрт 69, 70, 71

Баксан, река 240
Баку 55
Балканы 273
Балтугай, аул 84, 86
Балтугайская долина 84
Бамат-Юрт 332
Башеш-арзу-кварта, высоты, гора 188, 190
Бедти-мехке, высоты, сел 186–188, 190
Белгатой, аул 140, 142, 144, 159, 168, 169, 304, 366, 431
Белгатойские высоты 141, 142, 146, 148, 150, 151, 162, 168
Белоканы, укр. 94, 148
Белоруссия 365
Беной 169
Болгария 224
Боровичи 401
Ботлих, аул 118
Брагуны, аул 286
Бурная, креп. 324
Буртунай, урочище 461, 487, 489, 495–498
Буртунай, сел. 442, 463, 491, 492
Буртунай Старый 88, 89–91, 93, 442
Буртунайские (Бортунайские) высоты, 60, 93, 96, 207
Бурундук-кале, перевал 348
Буцуркальский перевал, хребет, гора Бурцукал 103, 104–107, 110–112, 116, 119, 121, 122, 126, 197–200, 506–508
Буцурский перевал, хребет 103, 104, 125, 200, 201, 359

Валерик, река 403
Ведено, аул 168, 406
Вена 241
Ветряная гора 414
Владикавказ 59, 61, 65, 73
Внезапная 51, 59, 60, 64, 72, 77–82, 195, 239, 326, 391, 392, 394, 396, 398, 399, 410, 486
Военно-Грузинская дорога 58, 59, 61, 207
Воздвиженская (Воздвиженское), креп. 59, 60, 62, 63, 69, 71, 72, 426, 457
Вознесенск 432

Гадор (Годор, Анди), ручей 108, 109, 114, 116, 120, 350, 351, 353, 414
Галюгаевская, станица 61
Ганджа 273
Ганджинское ханство 54
Гвалдари, аул 175, 177, 480
Геллен-Гойте, сел. 70
Гемсе, аул 77
Гергебиль 252, 323, 386, 399
Герзель-аул 60, 61, 78, 79, 134, 143, 162, 185, 192–194, 208, 219, 225,

298, 307, 308, 310, 314, 320, 321, 356, 377, 384, 387, 390, 394, 405, 423, 427, 429–431, 440, 441, 450, 452, 454, 455, 457, 458, 476–478, 482, 483, 484, 485, 515, 517, 518, 543, 551
Гертме, сел. 86, 88, 410, 442
Гехи, аул 72
Гимры 57, 245, 394
Гогатлинское укрепление, редут 123, 126, 128, 163, 196–198
Гогатль, аул 107, 108, 111–114, 116, 120, 122, 133, 156, 197, 199, 292, 293, 297, 350, 351, 353, 359, 414, 417, 419, 420, 465, 466, 504
Гогосали 508,
Гойта, река 69, 70
Горольгох, сел. 445,
Горячеводское, укреп. (Горячеводская, дер.) 71, 74, 75, 77
Гоцатль 148
Грозная 59, 60, 64, 65, 68, 69, 71-74, 81, 122, 147, 148, 286, 299, 300, 319, 331, 386, 398, 403, 408, 410, 423, 457, 458, 476
Грузия 53, 54, 55, 242, 258, 259, 288
Гудермес, река 77, 78
Гумбет 59, 60, 62, 90, 91, 97, 104, 105, 112, 121, 125, 151, 248, 254, 265, 275, 290, 297, 349, 410, 444, 464, 466, 468
Гумхи, аул 111, 112, 114

Дагестан 49, 50, 53, 56, 57, 63- 67, 79, 95, 220, 224, 227, 232, 242, 252, 253, 263, 264, 283, 284, 293, 294, 297, 300, 304, 305, 324, 403, 404, 406, 418, 443, 448–450, 465, 467, 484, 500, 501, 535, 536
Дагестан Нагорный 69, 444
Дагестан Северный 239, 460, 461
Дагестан Средний 61, 96, 100, 239
Дагестан Южный 50, 61, 96, 203, 259, 304
Дагестанская область, 255
Данух, дер. 493, 499
Дарго 49, 59–61, 114, 119, 122, 127–131, 133–142, 146–151, 154, 155, 159, 161, 162, 164, 166, 169, 185, 193, 196, 197, 206, 208–211, 219, 220, 226, 245, 294, 295, 298, 300, 303–305, 307, 310, 320-322, 324, 340, 356, 358–361, 364, 377, 401, 403–407, 409, 418, 419, 421–424, 427-429, 437, 441, 446, 447, 449–451, 454, 455, 459, 466–468, 470–473, 476, 477, 482–485, 495, 500, 507, 513–515, 520–522, 528–530, 532–535, 537, 541, 544
Дарьяльское ущелье 61
Дербент 55
Джагам-Берды, аул, овраг 185-191, 193
Джерги-Юрт 69
Джурмут, аул 86
Дидо (Цунта) 204, 265
Дон 242
Дрезден 260
Дунай 223, 273,297
Евгеньевское, укр. 64, 86, 93, 99, 100, 101, 107, 113, 130, 324–326, 340, 359, 490–492, 500,
Европа 274, 409
Египет 377
Екатериноград 61
Елизаветполь 245
Елизаветпольский округ 54
Енгель-Юрт 194

Закавказье 267
Закан-Юрт 73
Закаталы, креп. 65, 325
Зондак, аул 396
Зонокбак гора, хребет 92, 101–103, 202
Зубутское ущелье 333
Зунумеер (Холодная гора) 226, 261, 263, 265, 269, 338, 345, 347, 413, 444

Зура-Накенд, сел. 410
Зурама-Юрт (Зуракамент) 84, 86, 87
Зыряны, укр., 251, 324

Ибрагим-дада 88, 89, 99, 339, 492
Имеретия 55, 230, 237, 242, 253
Инд 258
Индия 53, 414
Инчхе, аул 87
Иора, река 211
Исса-Юрт 176, 436, 451
Исти-су 77
Ичкен, хребет, 263, 264
Ичкеринский лес 60, 122, 133, 148, 150, 151, 467, 514, 534, 535, 541
Ичкерия 60, 97, 114, 120, 122, 124, 128, 150, 170, 197, 220, 233, 295, 297, 299, 301, 304, 305, 322, 324, 361, 403, 419, 421, 442, 446, 448, 449, 467, 484, 547

Кабарда 71, 242, 253, 323, 445
Кавказские горы 55, 59, 206
Кавказский хребет 56, 534
Казах-Кичу 73
Казбек, гора 61
Казбекский хребет 62
Кази-Кумык 495, 506
Казикумыкское Койсу 63
Казикумыкское ханство 56
Кази-Юрт 332, 333
Казиюртовское, укр. 64
Капучу 204
Капуя 238
Карабахское ханство 55
Кара-Койсу 63, 86, 95, 96, 203, 204
Каратау, возв. 87
Карачай 264
Кариатские горы, 488
Карс 271, 282, 349
Карчуч-энь, овраг 175
Каспийское море 55, 56, 58, 61, 62, 63, 88, 207, 268, 300, 461
Катааульское урочище 175, 176
Кахетия 253
Качкалыковский хребет 78, 79, 288, 299, 467
Кекикальское ущелье, Кекикальский овраг 90, 91
Кетечь-корт, высота 378, 405–407, 451
Кечи-корт, урочище 170
Киев 518
Кизляр 61, 69, 233, 300, 460
Китай 253
Койсу, река 239, 241, 248, 510
Койсубулинские горы 264
Кок, гора 95
Костек, аул 332
Коцу, долина 262
Кошкельды, ручей 78, 79
Краон 50, 236
Крым 411
Крюкова гора 341
Куба 55
Кубань 224, 253
Кубань, река 55, 56
Кумыкская плоскость 63, 64, 67, 239, 249, 253, 355, 377, 378, 442, 461, 467, 476
Кумыкское, укр. 60
Кумых 65
Кура, река 55
Куринское, укр. 59, 60, 64, 68, 77–79
Кутаиси 50, 222
Кырк (Кирке, Кирки), перевал, укрепленный этап, 90–93, 96, 97–99, 114, 125, 126, 130, 162, 195, 196–198, 203, 251, 256, 262, 263, 270, 276, 338, 341, 342, 344, 410, 411, 462–464, 466, 477, 490, 492, 493, 496, 497, 499–502, 507, 508
Кыркинский (Киркинский) овраг, долина 492, 493, 494, 496
Кюрюк-Дара 51
Кяхта 297

Лезгистан 297

Маалраский хребет 94, 95

Маиортуп 59, 60, 122, 142, 169, 300, 308, 310, 423, 431, 476, 478, 508–510
Малка, река 55, 56
Малороссия 365
Мекка 56
Мехельта, аул 121, 125, 506
Мехельтинская долина 103, 104, 106, 107, 121, 125, 200, 201
Миатлы, сел. 241, 410
Мингрелия 55, 230, 242
Мискит (Мискат), аул 188, 191, 387, 440, 456, 457, 518
Мичикале, Мичикальское ущелье, урочище 89–92, 98–101, 105, 121, 122, 124, 125, 162, 196, 200, 202, 203, 207, 251, 259, 260, 262, 264, 265, 268, 269, 280, 282, 283, 285, 290, 341, 359, 410, 412–414, 416, 444, 445, 462–464, 467, 493, 495, 497, 498, 500, 501, 508
Мишкиталь 492
Могилев 433
Моздок 61,326, 327
Москва 229, 400, 539
Мятлинская долина 488
Мятлинская переправа 61, 86
Мятлинское укрепление 461

Надежинская 59
Нарзан 62, 73
Наурская, станица 300
Нефтянка, река 74, 76
Нижний Новгород 393
Новый Юрт 75

Одесса 230
Ойсунгур, аул 234
Оренбургская губерния 326
Осетия 242, 253, 273
Отюзтау, гора 97
Париж 225, 226
Пензенская губерния 326
Персия 53, 54, 55, 56, 57, 223, 395, 396
Петербург 49, 50, 59, 132, 220, 221, 225, 228, 229, 231, 233, 240, 248, 273, 294, 298, 308, 321, 380, 393, 394, 395, 534
Петровское, укр. 64
Польша 393
Праводы 224
Прейсиш-Эйлау 356
Пятигорск 331
Радзивилов 441
Речельский перевал, хребет, гора Речель114–118, 120, 354, 419, 421
Рикуани, аул 106, 119, 354, 508
Россия 409, 419, 473

Салатавские высоты 91
Салатау (Салатавия)59, 60, 61, 86, 125, 239, 248, 251, 355, 410, 442, 443
Салты, аул 183, 222, 323, 399
Сардары, сел. 507
Севастополь 196, 541
Сибирь 252
Сиух (Сивух), аул 104, 504, 506
Скерневицы, сел. 241
Соук-Булак, гора, хребет 90, 91, 97, 345, 347, 445, 462, 492—496, 498, 499
Ставрополь 326, 391, 399, 401
Старый Юрт 73
Стирия 488
Сулак 57, 61, 62, 63, 84, 85, 86, 95, 117, 162, 203, 239, 332, 333, 336—338, 355, 461, 487, 488, 513
Султан-Ага-Юрт 86
Сунжа 61, 62, 68, 69, 71, 73, 75, 76, 77, 233, 286, 403

Таганрог 325, 326,
Танди, аул 118
Тапсадаг, высота 116, 117
Татлы, ручей 87
Таш-Кичу (Ташкичу) 77, 78, 81, 233, 277, 324, 327, 328, 378, 398, 460, 486

Телава 53
Темир-аул 84
Темир-Хан-Шура 64, 69, 78, 81, 100, 113–115, 127, 149, 195, 219, 227, 239, 252, 260, 337, 353, 358, 392, 410–412, 445, 450, 454, 460, 461, 464, 466, 467, 491, 500, 507, 513, 530, 536
Терек 55, 56, 61, 62, 64, 69, 71, 75, 76, 194, 233, 238, 299, 300, 327, 419, 458, 460, 467, 534
Теренгульский овраг 88, 89, 93, 249, 339, 340, 410, 442, 462, 491, 495
Терская область 324
Технуцал 62, 112, 117, 118, 207, 292, 350, 354, 418
Тилитль (Цилитль) 96, 104, 203, 232, 290, 504, 506
Тифлис 54, 230, 231, 259, 260, 473, 533
Турция 53, 55, 56, 57

Удачное, укреп. 92, 410, 413, 463
Умахан-Юрт 60, 62, 67, 68, 73–77, 286
Умаханюртовская переправа 72, 75
Урдали (Гурдали), сел. 170, 245, 311, 314, 394, 434, 435
Урдалийский овраг 172, 174
Урус-Мартан 70, 71

Финляндия 329
Франция 253

Ханак-литау, высота 92
Хан-кале, ущелье 69, 71, 72, 299, 403, 467
Харачаевское ущелье 406
Хасав-Юрт 392
Херы, урочище 91, 93, 97, 99
Хубар, урочище 248
Хубарские высоты 87, 88, 207, 248, 410, 442, 461, 488, 495
Хубар (Хубары), аул 87, 461
Хунзах 57, 252, 324

Царство Польское 440
Цонтери, аул 142, 144, 166, 169, 170, 208, 310, 360, 431, 451, 477, 478

Чагыр-Иркен, хребет, перевал, высота 102, 103
Чантаул 333
Чарбили 62, 115, 117, 118, 467
Чарбилийские высоты 133
Чах-Кери 60, 62, 69
Червленая, станица 68, 69, 73, 209, 238, 240, 300, 391, 398, 399, 459, 460
Черкесия 224
Черное море 55, 59, 230
Чеченские горы 72, 75, 77, 84, 192
Чечня 63, 64, 71, 73, 79, 184, 224, 232, 233, 245, 253, 264, 294, 297–299, 300, 301, 304, 323, 402, 403, 406, 448, 467, 484, 507, 515, 534
Чечня Большая 61, 73, 146, 245, 426, 478
Чечня Малая 72, 73
Чечня Нагорная 355
Чим-Чихтау, гора 89
Чинкай, аул 110
Чиркей (Черкей) 59, 248, 289, 297, 304, 335, 339, 442
Чир-Юрт 84, 86, 239, 333, 410, 461, 487
Чох 67, 86, 323

Шавдон, аул 77
Шали 75
Шамхальство Тарковское 57, 64, 249
Шаугал-Берды (Шаухал-Берды), аул, долина 178, 179, 180, 182–185, 187, 190, 191, 226, 315, 319, 320, 381, 384, 404, 438, 439, 452, 454, 455, 457, 481, 517, 547
Шварцвальд 297
Швейцария 365
Шекинское ханство 55
Шелкозаводская, станица 238
Ширванское ханство 55

Штутгарт 223
Шуаибское укрепление 78
Шуани, сел 170, 434, 436, 451, 480
Шуанийские высоты 170, 171, 172, 174
Шуанийский овраг 175
Шурагельское султанство 55
Шуша 55

Щедринская, станица 62, 195, 238, 300, 398

Эллерой (Аллерой), аул 176, 177, 383, 480
Эллеройская поляна 177, 178
Эривань 55, 273

Яман-су, река, 79, 80, 332
Ярык-су (Ярак-су), река 60, 80, 81, 332, 461
Я-эне, овраг 179-182, 184, 186

Содержание

Лисицына Г. Г. Вступительная статья. 3

КАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1845 ГОДУ. Рассказ очевидца
В. Н. Норова 49
1845 год 59
Весенние события в 1845 году
на левом фланге Кавказской линии 65
Летняя экспедиция против горцев в 1845 году
на левом фланге Кавказской линии 69
Рекогносцировка 4, 5 и 6 мая 69
Удалая схватка грузинского разъезда с горцами 22 мая 74
Схватка с горцами казаков Кумыкского отряда 23 мая 76
Перестрелка с горцами на фуражировке 25 мая 77
Схватка с чеченцами донских казаков 26 мая 78
Дело 5 июня 91
Действия Лезгинского отряда 94
Действия Самурского отряда 95
Авангардное дело 14 июня 108
Авангардное кавалерийское дело на рекогносцировке 20 июня 116
Дело на фуражировке 20 июня 118
Дело 21 июня в колонне генерал-лейтенанта князя Бебутова 121
Стычка с горцами литовских егерей 28 июня 126
Стычки с горцами куринских егерей 1 июля 129
Дело 6 июля 135
Дело 7 июля 142
Дело 10 июля 152
Дело 11 июля 155
Дело 13 июля 168
Дело 14 июля 170
Дело 15 июля 176
Дело 16 июля 178
Бивуаки у Шаугал-Берды
(двое суток и $14^{1}/_{2}$ часов) 184
Дело 19 июля 189
Дела 13-го, 14 и 15 июля при отступлении эшелона
Гогатлинского и у Андийских ворот 198

ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФА КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА БЕНКЕНДОРФА О КАВКАЗСКОЙ ЛЕТНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1845 ГОДА.
(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845) 220
Предисловие парижского издателя (1858 г.) 226
Личные воспоминания графа К. К. Бенкендорфа 227
В. А. Гейман. 1845 ГОД. ВОСПОМИНАНИЯ 324
I. Производство в прапорщики. Прибытие в Ташкичу.
Движение к Евгеньевскому укреплению и сбор там отряда. 324
II. Выступление дагестанского отряда. Переход через Терентульский овраг. Соединение с чеченским отрядом. Переход через перевал Кырк. Холодная гора.
Занятие Андийских ворот. 338
III. Дело 14 июня на высотах Азал. Движение к Технуцалу.
Возвращение. Пребывание в Андии до 6 июля. 350
IV. Дело в лесу, 6 июля, и занятие Дарго. Дело 7 июля близ Цонтери.
Так называемое «сухарное дело», 10 и 11 июля. 360
V. Движение отряда от Дарго к Герзель-аулу.
Дела 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и 19 июля.
Прибытие в Герзель-аул и дневка там. 377
VI. Переезд раненых в кр. Внезапную. Пребывание в госпитале.
Штабс-квартирная жизнь. Полковой бал. Переезд в Ставрополь.
На пути бал в ст. Червленой. 391
VII. Несколько слов о походе 1845 года в Андию и Дарго. 401
VIII. Посещение Дарго через 28 лет. 406
Н. И. Дельвиг. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В ДАРГО 409
Н. И. Горчаков. ЭКСПЕДИЦИЯ В ДАРГО (1845 г.)
(Из дневника офицера Куринского полка) 442
А. П. Николаи. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ.
Даргинский поход. 1845 459
Э. С. Андреевский. ДАРГИНСКИЙ ПОХОД 1845 г. 486
Э. фон Шварценберг. О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА КАВКАЗЕ
В 1844 и 1845 гг. (Из воспоминаний офицера) 513
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АВГУСТА-ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН МЕРКЛИНА О ДАРГИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1845 г. 520
Н. П. Беклемишев. ПОХОД ГРАФА ВОРОНЦОВА В ДАРГО И «СУХАРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ» В 1845 г. (Из записок участника). 533

Комментарии 552
Именной указатель 598
Географический указатель 605

«Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. — 616 с.

ISBN 5-7439-0090-6

«Даргинская трагедия. 1845 год» — первая книга из многотомной серии воспоминаний участников Кавказской войны XIX века. В серии будут опубликованы все известные историкам воспоминания, как публиковавшиеся в прошлом веке, так и еще хранящиеся в архивах. Тома будут снабжены вступительными статьями и подробным комментарием. Серия представит читателю полную картину 60 летней истории завоевания Кавказа, со всеми уникальными особенностями этого процесса. Издание даст важнейший материал для размышлений о прошлом, настоящем и будущем.

Первый том посвящен походу отряда графа Воронцова на резиденцию Шамиля, аул Дарго, проходившему в тяжелейших условиях, со страшными потерями и доказавшему бесперспективность тактики карательных экспедиций.

ББК 84. Р7

ДАРГИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. 1845 год

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Корректор *Н. В. Виноградова*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*
Менеджер издания *В. В. Рогушина*

Издательская лицензия ЛР № 02412 от 20 июля 2000 г.

Оригинал-макет изготовлен 25.10.2001
Подписано к печати 3.12.2001. Формат 60×88 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 38,5. Уч. изд. л. 40,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 4.

Издательство журнала «Звезда»
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 20.

Отдел реализации (812) 273-76-92

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, В.О. Средний пр., 86.
тел. (812) 322-68-43

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Даргинская трагедия

1845 год

Первая книга многотомной серии «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» рассказывает об одном из самых кровопролитных эпизодов войны – походе наместника Кавказа князя М. С. Воронцова на столицу Шамиля аул Дарго. Сильный экспедиционный отряд после захвата Дарго попал в ловушку, и только чудом его остатки сумели пробиться к основным силам, Даргинская трагедия стала страшным уроком для Петербурга и кавказского командования, определившим принципиальные изменения тактики и стратегии войны. Воспоминания поражают своей откровенностью и эмоциональностью.

